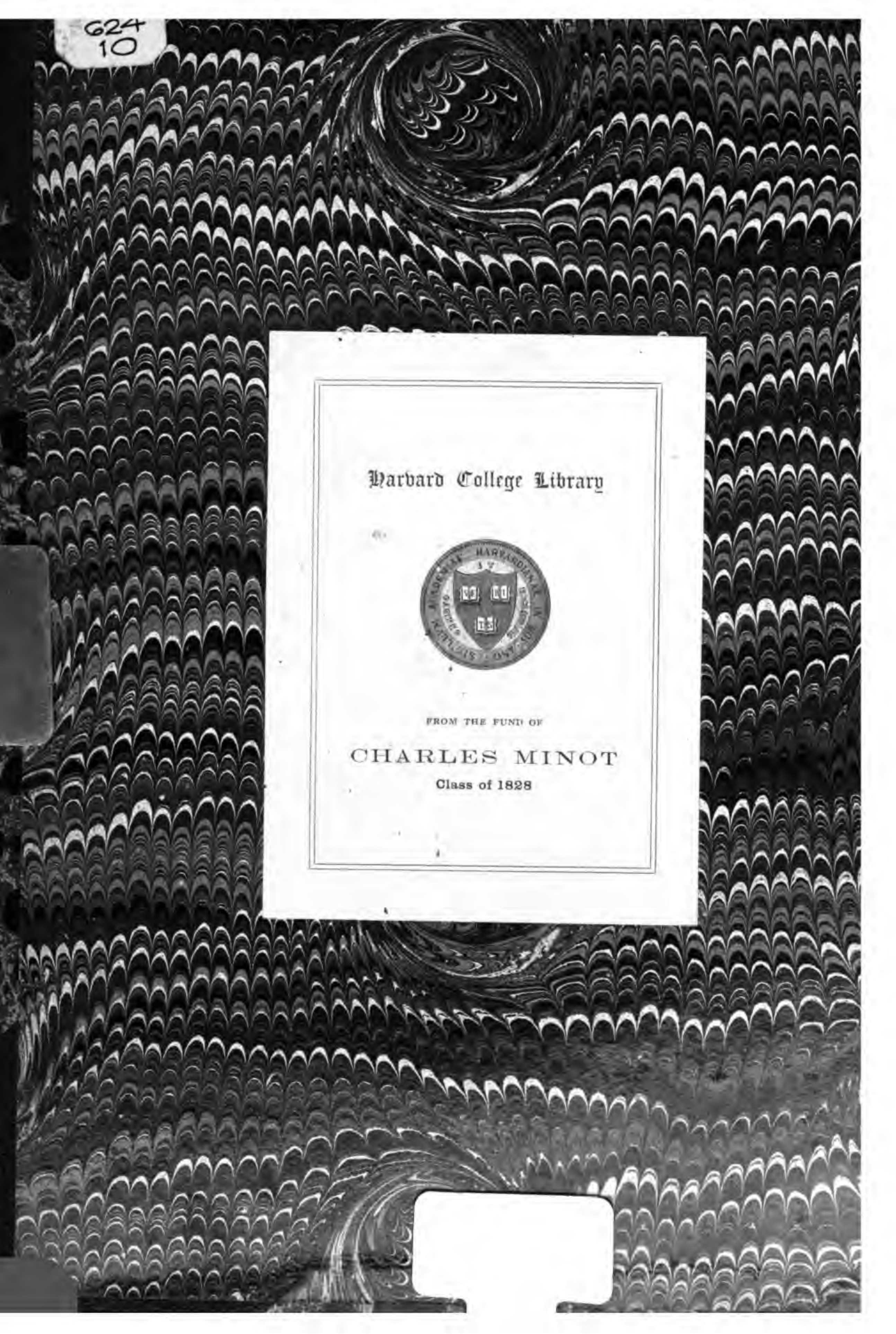

624
10

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1905

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1905

Архивъ князя А. И. Чернышева.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ,

ВСЕПОДДАННѢЙШІЕ ДОКЛАДЫ И ПЕРЕПИСКА

КНЯЗЯ

Александра Ивановича Чернышева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

Часть II.

Часть III.

Письма Высочайшихъ Особъ къ князю и княгинѣ Чернышевымъ.

Всеподданнѣйшія письма, записки и доклады князя Чернышева.

Письма князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго графу (впослѣдствіи князю) Чернышеву.

Часть I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ 1801 до 1809 года.

Знакомство съ императоромъ Александромъ. — Вступленіе въ службу. — Аустерлицкое сраженіе. — Походъ 1806 и 1807 годовъ. — Первая поѣздка въ Парижъ. — Поѣздка въ Баіонну. — Пребываніе при Наполеонѣ въ походѣ 1809 года. — Поѣздка въ Шёнбрунъ.

Въ теченіе того достопамятнаго пятнадцатилѣтія, когда Наполеонъ силился преобладать надъ Европою, а Александръ упорствовалъ въ сохраненіи правъ, освященныхъ вѣками, являлись въ каждомъ государствѣ мужи брани и совѣта, двигатели эпохи. Одни отличались на войнѣ, другіе—въ сношеніяхъ съ иностранными державами, третьи — на стезѣ гражданской дѣятельности. Но немногимъ суждено было ознаменовать себя на всѣхъ трехъ, одно отъ другого различныхъ поприщахъ, немногимъ было дано успѣшно совершать военные подвиги, вести переговоры, рѣшавшіе участь царствъ, руководствовать потомъ важными отраслями внутренняго управленія. Къ малому числу такихъ государственныхъ мужей принадлежитъ князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ. Давно покрытыя европейскою славою дѣянія его слились въ общности громадныхъ происшествій; но его жизнь такъ тѣсно соединена съ событіями нашего вѣка, что ея изображеніе необходимо для поясненія ихъ. Не представя подробнаго отчета о служеніи тѣхъ, кто въ высокомъ кругу дѣйствовали при Александрѣ и Наполеонѣ, кто были довѣрителями ихъ сокровенныхъ мыслей, самая исторія останется во многихъ мѣстахъ темна и погибнутъ для будущихъ поколѣній обстоятельства столько же любопытныя, сколько и важныя, имѣвшія прямое, непосредствен-

ное вліяніе на дѣла. Съ сею цѣлью предпринимаемъ изложить жизнеописаніе князя Александра Чернышева, какъ дополненіе къ повѣсти о томъ громкомъ времени, которое изумляло современниковъ и потомству будетъ казаться баснословнымъ.

Александръ Ивановичъ Чернышевъ родился въ 1786 году; рано лишился онъ родителя, заслуженнаго, израненаго на войнахъ генералъ-поручика, и съ двумя сестрами остался на попеченіи нѣжной матери. Она старалась дать ему самое отличное образованіе и, подъ личнымъ надзоромъ своимъ, поручила его воспитаніе извѣстному аббату Перрену. Еще воспитаніе не было совершенно кончено, когда нечаянный случай вызвалъ Чернышева изъ родительскаго дома на поприще свѣта. Первымъ рѣшителемъ его жребія былъ императоръ Александръ. Слѣдующій случай познакомилъ его съ Чернышевымъ.

Во время коронаціи его величества въ 1801 году, былъ въ Москвѣ балъ у князя Куракина, впослѣдствіи посла при Наполеонѣ. Ангелъ красоты и благости, двадцатичетырехлѣтній императоръ Александръ танцовалъ «экоссезъ», танецъ, въ которомъ мужчины становились съ одной стороны, а дамы — съ другой. Мѣсто подлѣ императора занималъ молодой человѣкъ, едва выходившій изъ отроческихъ лѣтъ, въ губернскомъ мундирѣ. Государь завелъ съ нимъ разговоръ, который длился болѣе часа, пока танцовали экоссезъ. Молодой человѣкъ, коротко знакомый съ Москвою, называлъ государю имена присутствовавшихъ на балѣ, ловко и непринужденно отвѣчалъ на всѣ его вопросы. Этотъ юноша былъ Чернышевъ.

На другой день пріѣхалъ къ его матери облагодѣтельствованный нѣкогда ея супругомъ Иванъ Варфоломѣевичъ Ламбъ, президентъ военной коллегіи или военный министръ. Разсказавъ ему о вниманіи, оказанномъ наканунѣ государемъ сыну ея, она просила Ламба опредѣлить его офицеромъ въ гвардію. Ламбъ доложилъ о томъ государю и получилъ въ отвѣтъ, что его величество не можетъ отступить отъ своихъ правилъ и пожаловать гвардейскимъ офицеромъ не служившаго юнкеромъ, но вмѣсто того предлагаетъ Чернышеву званіе камеръ-юнкера, тогда очень лестное, потому что съ нимъ сопрягался чинъ статскаго совѣтника. Чернышевъ не только не обрадовался такой особенной милости государя, но рѣшительно объявилъ, что камеръ-юнкеромъ быть не хочетъ, желая посвятить себя военной службѣ. Когда Ламбъ доложилъ о томъ императору, его величество сказалъ, что велитъ опредѣлить Чернышева камеръ-пажомъ, какъ средство скорѣе получить офицерскій чинъ. Предложеніе было принято съ восхищеніемъ. Чернышевъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ

послѣдовало преобразованіе Пажескаго корпуса. По новому положенію, Чернышеву предстояло одно изъ двухъ: тотчасъ опредѣлиться въ гвардію корнетомъ или прапорщикомъ, или войти въ корпусъ и по окончаніи курса наукъ быть выпущеннымъ поручикомъ гвардіи. Онъ предпочелъ первое, и въ 1802 году поступилъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Черезъ два года онъ былъ произведенъ въ поручики и въ семъ чинѣ, находясь шефскимъ адъютантомъ у генерала Уварова, совершилъ съ гвардіею первый походъ въ 1805 году. Гвардія пришла на театръ войны, когда Наполеонъ уже полонилъ австрійскую армію подъ Ульмомъ, занялъ Вѣну и вступилъ въ Моравію.

Уваровъ командовалъ Драгунскою дивизіею, и съ нею Чернышевъ былъ первый разъ въ огнѣ, въ авангардномъ дѣлѣ подъ Вишау. Вскорѣ произошло Аустерлицкое сраженіе. Въ началѣ боя Чернышевъ участвовалъ въ двухъ удачныхъ кавалерійскихъ атакахъ, и въ третьей, которая была отбита. Съ донесеніемъ о сихъ дѣйствіяхъ былъ онъ посланъ къ императору въ два часа пополудни. Онъ засталъ государя въ центрѣ, подъ ядрами и пулями. Выслушавъ донесеніе, императоръ оставилъ Чернышева при себѣ, потому что никого изъ адъютантовъ не находилось при его величествѣ, и отправлялъ его съ разными повелѣніями къ сражающимся войскамъ. По окончаніи битвы императоръ поѣхалъ въ селеніе Годіежицъ и нетерпѣливо ждалъ Кутузова, желая условиться съ нимъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Не видя главнокомандующаго, императоръ сказалъ Чернышеву: «Сослужи мнѣ послѣднюю службу и отыщи Кутузова». Порученіе трудное въ темнотѣ и при общемъ отступленіи арміи. Выѣхавъ изъ Годіежица, Чернышевъ увидѣлъ передъ собою три дороги, ведущія въ разныя стороны. Удача должна была рѣшить выборъ пути. Чернышевъ поѣхалъ среднею дорогою и версты черезъ двѣ встрѣтилъ Кутузова, крайне обрадованнаго появленіемъ его, потому что самъ отыскивалъ государя. Чернышевъ провелъ его къ императору и получилъ благодарность за расторопное исполненіе порученія. Нарочно упоминаемъ о семъ обстоятельствѣ, желая показать, какъ съ перваго шага службы Чернышеву благопріятствовало счастіе, которое, чему впослѣдствіи увидимъ много примѣровъ, никогда не оставляло его на войнѣ. За Аустерлицкое сраженіе Чернышевъ былъ награжденъ Владимірскимъ крестомъ четвертой степени съ бантомъ, отличіе особенное, потому что тогда этотъ крестъ давался только гвардейскимъ полковникамъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, государь началъ оказывать Чернышеву самое лестное вниманіе и лично представилъ его обѣимъ императрицамъ.

Въ 1806 году Чернышевъ былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры.

Въ началѣ слѣдующаго 1807 года Чернышевъ, состоя по прежнему адъютантомъ при генералъ-адъютантѣ Уваровѣ, отправился за границу къ дѣйствующимъ войскамъ, такъ какъ генералу Уварову назначенъ былъ особый отрядъ изъ армейскихъ, составлявшій правый флангъ арміи. Февраля 19-го онъ былъ въ дѣлѣ подъ Лаунау, мая 24-го подъ Шарникомъ и на другой день при Акендорфѣ и Деппенѣ, за что награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Когда Беннигсенъ повелъ армію къ укрѣпленной позиціи, при Гейльсбергѣ, Чернышевъ участвовалъ въ арріергардномъ дѣлѣ подъ Вольсдорфомъ 26-го мая, а чрезъ три дня въ Гейльсбергскомъ сраженіи. Іюня 2-го произошла Фридландская битва. Здѣсь Чернышевъ ознаменовалъ себя прекраснымъ подвигомъ. Среди гибельнаго отступленія нашей арміи по горѣвшимъ мостамъ на рѣкѣ Аллѣ, онъ отыскалъ бродъ, и по немъ перешла и спаслась значительная часть войскъ. Наградою за подвигъ былъ Георгіевскій крестъ.

Фридландское сраженіе заключило упорную войну, въ которой Чернышевъ имѣлъ случай пріобрѣсть столь много свѣдѣній и опытности, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ увидимъ ниже, былъ уже въ состояніи разговаривать съ самимъ Наполеономъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Въ половинѣ іюня увидѣлъ онъ впервые Наполеона, при встрѣчѣ его съ императоромъ Александромъ на Нѣманѣ, и потомъ, видавъ его ежедневно въ Тильзитѣ, привыкъ смотрѣть на завоевателя безъ робости, которую тотъ внушалъ своимъ взоромъ во многихъ современникахъ.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, Чернышевъ возвратился въ Петербургъ и провелъ тамъ зиму. Императоръ Александръ удостоивалъ его при каждомъ случаѣ привѣтливымъ словомъ, или милостивымъ взглядомъ, или улыбкою. Кто имѣлъ счастіе знавать Александра, тотъ, конечно, сохранилъ въ сердцѣ своемъ память, какъ неподражаемъ, обворожителенъ бывалъ онъ, когда кого-либо счастливилъ своимъ вниманіемъ! Въ то время снаряжали посольство графа Толстаго въ Парижъ, и стараясь придать ему возможный блескъ, назначили, кромѣ дипломатическихъ чиновниковъ, состоять при послѣ трехъ офицеровъ: кавалергардскаго—Чернышева, лейбъ-гусарскаго—Нарышкина и пѣхотнаго—Бенкендорфа. Предположеніе это, однакожь, отмѣнили, причемъ государь сказалъ Чернышеву: «Не жалѣй о Парижѣ; я дамъ тебѣ случай увидѣть его». Случай представился скоро.

Въ февралѣ 1808 года, на придворномъ балѣ, императоръ, разговаривая съ Чернышевымъ о присутствующихъ, вдругъ спросилъ его:

«Не разстроитъ ли твои забавы, если я дамъ тебѣ порученіе, которое удалитъ тебя на время изъ Петербурга?» Чернышевъ принялъ сперва слова сіи за шутку; но императоръ, принявъ важный видъ, продолжалъ: «Говорю не шутя». Разумѣется, отвѣтомъ было изъявленіе совершенной готовности исполнить высочайшую волю. «Приходи ко мнѣ завтра», сказалъ государь. Явившись на слѣдующее утро во дворецъ, Чернышевъ былъ позванъ въ кабинетъ государевъ. Его величество сказалъ ему: «Поѣзжай въ Парижъ и отдай нашему послу графу Толстому это письмо, въ которомъ заключается другое—къ Наполеону».

По прибытіи въ Парижъ, Чернышевъ вручилъ письмо графу Толстому. Тогда во всей силѣ существовалъ заключенный въ Тильзитѣ союзъ между Россіею и Франціею, и Наполеонъ всѣми возможными средствами старался отличать русскихъ передъ другими иностранцами. На нихъ сыпались его ласки и привѣтствія, на нихъ преимущественно истощалъ онъ свои пріемы, исполненные любезности, истиннаго очарованія! Графъ Толстой увѣдомилъ оберъ-церемоніймейстера графа Сегюра—нѣкогда посла при императрицѣ Екатеринѣ—о пріѣздѣ Чернышева и просилъ назначить день, когда можетъ онъ имѣть честь представить его Наполеону. Надобно знать, что представленія пріѣзжавшихъ въ Парижъ иностранцевъ бывали только одинъ разъ каждыя двѣ недѣли, а потому графъ Толстой полагалъ, что Чернышева, какъ и всѣхъ другихъ, пригласятъ въ Тюльерійскій дворецъ въ общій для иностранцевъ пріемный день. На этотъ разъ вышло другое. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отправленія своего письма къ Сегюру, графъ Толстой получилъ отъ него отвѣтъ, съ извѣщеніемъ, что Наполеонъ приметъ его на другой день.

Въ назначенный Сегюромъ часъ, графъ Толстой поѣхалъ съ Чернышевымъ въ Тюльери. Сперва ввели въ кабинетъ Наполеоновъ нашего посла, а по прошествіи нѣсколькихъ минутъ позвали туда Чернышева. Здѣсь онъ предсталъ впервые предъ завоевателемъ. Наполеонъ началъ разспросами объ его службѣ и, узнавъ, что онъ участвовалъ въ послѣднихъ войнахъ противъ французовъ, заговорилъ о походѣ 1807 года, и именно о дѣлѣ при Лаунау. Ни мало не смущаясь, Чернышевъ отвѣчалъ на вопросы, объяснялъ подробности различныхъ движеній нашей арміи, дѣлалъ возраженія Наполеону, даже замѣчанія на нѣкоторыя дѣйствія. Наполеону до такой степени понравились сужденія и чистосердіе молодого офицера, что онъ продлилъ разговоръ съ нимъ болѣе часа.

Графъ Толстой былъ изумленъ непринужденнымъ обращеніемъ Чернышева съ Наполеономъ и особенно рѣшимостью говорить съ ве-

ликимъ полководцемъ о военномъ дѣлѣ. Выходя изъ кабинета, графъ Толстой спросилъ его: «Въ полномъ ли ты находишься разумѣ?» Послѣ аудіенціи, не имѣя никакихъ обязанностей служебныхъ, Чернышевъ надѣялся провести нѣсколько пріятныхъ недѣль въ шумномъ и роскошномъ Парижѣ, но недолго насладился его прелестями. Черезъ десять дней графъ Толстой отправилъ его въ Петербургъ съ письмомъ Наполеона къ государю. Въ заключеніе письма своего Наполеонъ говорилъ, что ему пріятно было познакомиться съ Чернышевымъ, и просилъ императора прислать его въ Парижъ, когда его величеству угодно будетъ отправлять туда кого-либо съ порученіями.

Вскорѣ послѣ возвращенія Чернышева въ Петербургъ, императоръ послалъ его въ апрѣлѣ опять съ письмомъ къ Наполеону, находившемуся въ Баіоннѣ. Письмо заключало въ себѣ извѣщеніе о вступленіи русскихъ войскъ въ Финляндію и запретительныхъ мѣрахъ, принятыхъ въ Россіи противъ англійской торговли. Чернышевъ остановился въ Парижѣ только на сутки и продолжалъ путь въ Баіонну, гдѣ прожилъ четыре дня въ занимаемомъ Наполеономъ зàмкѣ Маракѣ. Наполеонъ до такой степени былъ къ нему милостивъ, что приглашалъ его къ своему обѣду—честь, оказываемая имъ весьма немногимъ избраннымъ. При всемъ чрезвычайномъ вниманіи къ нему Наполеона, французскіе шпіоны наблюдали за нимъ неусыпно. Чтобы слѣдить удобнѣе за каждымъ шагомъ Чернышева, начальникъ тайной полиціи Савари пригласилъ его жить съ нимъ вмѣстѣ, подъ предлогомъ, что зàмокъ Маракъ очень тѣсенъ и въ немъ лишняго помѣщенія нѣтъ. На пятый день Наполеонъ отправилъ Чернышева въ Петербургъ съ письмомъ къ императору, извѣщая его величество о намѣреніи своемъ возвести брата своего Іосифа на испанскій престолъ. Въ этомъ письмѣ, доселѣ едва ли кому извѣстномъ, замѣчательно слѣдующее выраженіе: «Je ne m'apprоргіе pas l'Espagne, elle ne fait que changer de souverain».

Проѣзжая черезъ Бордо, гдѣ жители сильно негодовали на Наполеона за прекращеніе торговли и континентальную систему, Чернышевъ успѣлъ вывѣдать настоящее положеніе дѣлъ въ Испаніи, сохраняемое французскимъ правительствомъ въ величайшей тайнѣ. Онъ узналъ о движеніяхъ и количествѣ войскъ Наполеона, находившихся по ту сторону Пиреней, о шедшихъ къ нимъ подкрѣпленіяхъ, о началѣ неудачъ французовъ, о готовности единодушнаго возстанія испанцевъ, и такъ спѣшилъ донести императору о сихъ важныхъ обстоятельствахъ, что на семнадцатый день поспѣлъ въ Петербургъ. Вся поѣздка его въ

Баіонну и обратно, почти отъ одного конца Европы до другого, совершена въ 34 дня. Государь былъ отмѣнно доволенъ быстрымъ исполненіемъ порученія и, разспрашивая Чернышева о подробностяхъ пребыванія его при Наполеонѣ, спросилъ, вѣроятно желая вывѣдать, догадался ли онъ объ истинныхъ видахъ Наполеона, касательно Испаніи, о чемъ еще никто кромѣ государя не могъ знать: «Кого, по твоему мнѣнію, оставитъ Наполеонъ королемъ испанскимъ: Карла IV, или сына его?» Чернышевъ отвѣчалъ: «Думаю, что онъ ни тому ни другому не отдастъ Испаніи, но возьметъ ее себѣ».

Отпуская Чернышева, императоръ сказалъ ему: «Съ этой минуты почитай себя флигель-адъютантомъ, но въ приказѣ я не велю еще отдавать о твоемъ назначеніи: мнѣ надобно сперва отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ просьбъ». Осчастливленный словами государя, Чернышевъ ждалъ однакожъ долго приказа. Зависть, вездѣ и всегда неразлучная съ тѣми, кого начинаютъ отличать монархи, возстала на Чернышева. Взвели разныя клеветы на мнимую его нескромность, касательно возлагаемыхъ на него порученій къ Наполеону. Слухи сіи были доведены нарочно до свѣдѣнія императора. Его величество повѣрилъ имъ и долго обходился съ Чернышевымъ холодно. Наконецъ, почти черезъ годъ, въ маѣ 1809 года императоръ велѣлъ позвать къ себѣ Чернышева въ семь часовъ утра и сказалъ ему: «Поѣзжай къ Наполеону и отдай ему это письмо. Сколько не старался я предупредить войну его съ Австріею, но, къ крайнему сожалѣнію, не успѣлъ въ моихъ настояніяхъ. Полагаю, что военныя дѣйствія теперь уже начались. Не знаю, гдѣ находится Наполеонъ, во Франціи, или при одной изъ своихъ армій въ Италіи, или въ нѣмецкой землѣ. Дорогою ты освѣдомишься о мѣстѣ его пребыванія. Передъ отъѣздомъ побывай у графа Румянцева. Ты любишь военное ремесло, и я доставляю тебѣ прекрасный случай усовершенствоваться въ немъ, потому что ты весь походъ будешь состоять при Наполеонѣ; я отдаю тебя въ его полное распоряженіе». Откланявшись императору, Чернышевъ поѣхалъ къ графу Румянцеву и спросилъ его: въ чемъ должна заключаться обязанность его при Наполеонѣ? Графъ Румянцевъ не снабдилъ его никакимъ особеннымъ наставленіемъ, только сказалъ, что надобно поскорѣе доставить Наполеону государево письмо и потомъ находиться при немъ.

Въ тотъ же день Чернышевъ отправился изъ Петербурга. Въ Кенигсбергѣ узналъ онъ, что военныя дѣйствія уже открылись между французами и австрійцами. Въ Берлинѣ получилъ онъ подробнѣйшія о томъ извѣстія, а въ Лейпцигѣ сказали ему, что нельзя проѣхать

къ Наполеону на Дунай прямою дорогой, потому что на ней можно встрѣтить австрійцевъ, съ которыми произошелъ у насъ тогда разрывъ. Чернышевъ поспѣшилъ изъ Лейпцига во Франкфуртъ-на-Майнѣ и оттуда обратился вслѣдъ за французскою арміей, былъ свидѣтелемъ всѣхъ неистовствъ, совершаемыхъ французами въ тылу корпусовъ и явился къ Наполеону въ Сантъ-Пельтенѣ. Неописанна была радость Наполеона при видѣ Чернышева, потому что привезенное имъ письмо отъ императора Александра заключало въ себѣ увѣреніе его величества въ непремѣнномъ намѣреніи исполнить Эрфуртскій договоръ и послать корпусъ противъ австрійцевъ, а данное русскому офицеру повелѣніе состоять въ походѣ при Наполеонѣ было въ глазахъ Европы вожделѣннымъ для Наполеона доказательствомъ въ неразрывности союза его съ Россіею.

Потому Наполеонъ принялъ Чернышева чрезвычайно милостиво, приказалъ отводить ему всегда квартиру подлѣ себя и давать ему собственныхъ своихъ лошадей. Легко послѣ сего вообразить, какими ласками осыпали Чернышева всѣ приближенные Наполеона? Немедленно напечатанъ былъ бюллетень, и въ немъ сказано: «Къ его величеству прибылъ адъютантъ россійскаго императора, полковникъ графъ Чернышевъ». Сими преувеличенными званіями Наполеонъ хотѣлъ придать въ глазахъ Европы и французской арміи наибольшій блескъ пріѣзду Чернышева, какъ очевидному свидѣтельству дружбы Россіи съ Франціею. Прочитавъ бюллетень, Чернышевъ изъявилъ любимцу Наполеонову Дюроку удивленіе, что ему приписываютъ званія, какихъ онъ не имѣлъ, что онъ не адъютантъ императора, не полковникъ и не графъ. Дюрокъ доложилъ о томъ Наполеону и по его приказанію отвѣчалъ Чернышеву, чтобы онъ не обращалъ вниманія на выраженія бюллетеня.

Въ тотъ же день Наполеонъ отправился изъ Сантъ-Пельтена, сопровождаемый Чернышевымъ. Дорогою безпрестанно разговаривалъ съ нимъ и, ѣдучи очень скоро, ввечеру прибылъ къ Вѣнѣ, гдѣ самъ устраивалъ батареи, изъ которыхъ въ ту же ночь полетѣло 3.000 бомбъ. Вѣна сдалась. Не останавливаясь, Наполеонъ совершилъ свою знаменитую переправу черезъ Дунай и вскорѣ произошло Аспернское сраженіе. Когда оно кончилось Наполеонъ поручилъ маршалу Массенѣ остававшіяся на лѣвой сторонѣ войска, а самъ отправился назадъ, чтобы переѣхать скорѣе на правый берегъ Дуная. На лодкѣ, которая везла туда Наполеона, находились маршалъ Бертье, генералы: Савари и Дюрокъ и Чернышевъ. Переночевавъ въ селеніи Эберсдорфѣ, Наполеонъ позвалъ къ себѣ Чернышева на другой день и сказалъ: «Черезъ часъ я отправляю курьера

въ Петербургъ. Напишите письмо къ императору Александру, разскажите ему объ Асперискомъ сраженіи и отдайте письмо Шампаньи».

Приказаніе Наполеона крайне смутило Чернышева. Онъ никогда не писывалъ къ императору Александру, да и какъ писать, когда онъ былъ въ несомнѣнной увѣренности, что прежде отправленія въ Петербургъ письмо его будетъ непремѣнно вскрыто и прочтено Наполеономъ и его министромъ? Однакожъ надлежало повиноваться. У Чернышева не было ни бумаги, ни перьевъ, ни даже собственной печати, которую онъ оставилъ въ своей коляскѣ, позади арміи. Онъ пошелъ къ Шампаньи, который уже зналъ о данномъ ему Наполеономъ повелѣніи. Коль скоро Чернышевъ вошелъ въ его комнату, Шампаньи сказалъ ему: «Мой курьеръ въ Петербургъ готовъ, и для отсылки ожидаю только вашего письма. Вотъ столъ, бумага и все, что надобно. Вамъ покойнѣе писать здѣсь, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, среди шума главной квартиры».

Такимъ образомъ надлежало двадцатитрехлѣтнему юношѣ, дотолѣ неискусившемуся въ перепискѣ дипломатической, доносить императору о важнѣйшемъ событіи своего времени: пораженіи французской арміи, и составлять донесеніе передъ глазами министра иностранныхъ дѣлъ Наполеона, который чрезъ часъ долженъ былъ имѣть въ рукахъ своихъ составляемое донесеніе. Скрѣпя сердце, Чернышевъ началъ письмо къ государю изложеніемъ всего случившагося со времени прибытія своего въ Сантъ-Пельтенъ, говорилъ, что, находясь безотлучно при императорѣ Наполеонѣ, почитаетъ себя самымъ счастливымъ изъ военныхъ, пользуясь ежедневно наставленіями величайшаго изъ полководцевъ. Описавъ милости, какими постоянно осыпалъ его Наполеонъ, Чернышевъ изобразилъ Асперіское сраженіе и подробности уничтоженія мостовъ на Дунаѣ. Самое трудное состояло въ томъ, какъ увѣдомить государя о невыгодномъ положеніи французской арміи послѣ разрушенія мостовъ. Для того прибѣгнулъ онъ къ чрезвычайно искусному обороту и сказалъ въ заключеніи письма: «Если бы въ то время австрійцами командовалъ Наполеонъ, то совершенная гибель французовъ была неизбѣжна».

Окончивъ письмо, заключавшее въ себѣ восемь страницъ, Чернышевъ запечаталъ печатью Шампаньи и вручилъ его сему министру, который между тѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Послѣ исполненія воли Наполеона, Чернышевъ былъ въ трепетномъ ожиданіи, какъ примутъ письмо его и Наполеонъ и императоръ Александръ. Далекъ былъ онъ отъ мысли, что оно содѣлается одною изъ главныхъ причинъ довѣренности, которой удостоилъ его Александръ, въ первый разъ увидѣвшій

изъ этого донесенія, что офицеръ, употребляемый имъ для посылокъ къ Наполеону, не только велъ себя какъ ловкій и расторопный молодой человѣкъ, но еще умѣлъ превосходно изображать дѣла на бумагѣ— способность, которой до тѣхъ поръ императоръ не имѣлъ случая знать въ Чернышевѣ.

На другой день Наполеонъ пригласилъ Чернышева на завтракъ и обошелся съ нимъ отмѣнно милостиво. Это крайне обрадовало Чернышева. Привѣтливость Наполеона служила явнымъ доказательствомъ, что письмо Чернышева, которое Наполеонъ между тѣмъ прочиталъ, было составлено въ смыслѣ для него пріятномъ. Оставалось ожидать: какое дѣйствіе произведетъ оно въ Петербургѣ. Прошелъ еще день. Наполеонъ призвалъ къ себѣ Чернышева и сказалъ ему: «Поѣзжайте въ Вѣну и постарайтесь узнать образъ мыслей жителей. Я немного вѣрю донесеніямъ о томъ моихъ генераловъ и полиціи. Вы, какъ русскій, можете лучше французовъ собрать свѣдѣнія о расположеніи умовъ въ Вѣнѣ».

Странно было порученіе, но надлежало его исполнить. Проведя нѣсколько часовъ въ Вѣнѣ, Чернышевъ возвратился къ Наполеону, разсказалъ ему, что въ столицѣ ничего не знаютъ объ истинномъ положеніи воюющихъ армій, и при видѣ разорванныхъ мостовъ на Дунаѣ, послѣ чего французская армія должна была отступить на правый берегъ, говорили: лучшій генералъ въ австрійской арміи есть генералъ Дунай». Это выраженіе заставило Наполеона расхохотаться и такъ ему понравилось, что онъ велѣлъ помѣстить его въ бюллетень, напечатанный на другой день. Тѣмъ пріятнѣе было Наполеону острое слово, что по тогдашнему бездѣйствію, въ продолженіе коего французы строили мосты на Дунаѣ. Наполеонъ не зналъ, чѣмъ наполнять бюллетени.

Во время приготовленій къ переправѣ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, главная квартира Наполеона была въ Шёнбрунѣ. Чернышевъ жилъ въ зàмкѣ, надъ его комнатами. Наполеонъ ежедневно дѣлалъ обозрѣнія, и всегда приглашалъ съ собою Чернышева. Когда Наполеонъ выѣзжалъ на рекогносцировки въ экипажѣ, въ первой каретѣ сидѣлъ онъ съ маршаломъ Бертье, а во второй Чернышевъ съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ. Но когда верхомъ на лошади Наполеонъ осматривалъ войска и работы на Дунаѣ, Чернышевъ находился всегда возлѣ его. Въ такихъ случаяхъ, каждый разъ Наполеонъ обращался къ Чернышеву и говорилъ ему о своихъ распоряженіяхъ и дальнѣйшихъ видахъ противъ эрцъ-герцога Карла. Какъ всѣ великіе умы, Наполеонъ не оскорблялся возраженіями и выслушивалъ ихъ не только терпѣливо, но даже съ удовольствіемъ, разумѣется, когда мнѣнія бывали дѣльныя. Ободренный рас-

положеніемъ къ нему Наполеона, часто позволялъ себѣ Чернышевъ во время поѣздокъ съ нимъ представлять ему откровенно свои сужденія, даже опроверженія. Съ одобрительною лаской вступалъ Наполеонъ въ состязаніе съ кавалергардскимъ штабсъ-ротмистромъ, объяснялъ ему причины своихъ приказаній и предположеній, слѣдствія, какія должны произойти изъ его предначертаній. Слушая великаго полководца, Чернышевъ почерпалъ изъ его разговоровъ опытность и знаніе, которыя пригодились ему потомъ въ походахъ и сраженіяхъ Отечественной войны.

Въ началѣ іюня мосты на Дунаѣ были построены, Наполеонъ перешелъ на правый берегъ и одержалъ побѣду подъ Ваграмомъ, гдѣ Чернышевъ ни на минуту не отлучался отъ него. На другой день послѣ сраженія, Наполеонъ пожаловалъ ему орденъ золотого креста Почетнаго легіона и сказалъ ему: «Мнѣ пріятно сообщить вамъ радостное для васъ извѣстіе. Ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга. Коленкуръ увѣдомляетъ, что императоръ Александръ назначилъ васъ адъютантомъ своимъ и отправилъ къ вамъ фельдъегеря, который привезетъ вамъ оффиціальное о томъ извѣстіе». Такимъ образомъ Наполеонъ былъ первый, поздравившій Чернышева флигель-адъютантомъ, званіе, въ которое государь пожаловалъ его, прочитавъ письмо его изъ Эберсдорфа объ Асперискомъ сраженіи. Тѣмъ не ограничилъ Александръ милости свои къ Чернышеву. Тогда же велѣлъ онъ канцлеру графу Румянцеву ѣхать къ матери его и изъяснить ей, сколь много его величество доволенъ сыномъ ея. Въ тотъ же день Наполеонъ отправилъ въ Петербургъ Чернышева, который дорогою встрѣтилъ фельдъегеря, везшаго ему приказъ о пожалованіи его флигель-адъютантомъ 6-го іюня.

Черезъ шесть недѣль, въ началѣ августа 1809 года, когда послѣ Ваграмскаго сраженія начались переговоры между австрійцами и французами, императоръ Александръ послалъ Чернышева въ главныя квартиры императоровъ Франца и Наполеона, съ письмами, имѣвшими цѣлью ускорить заключеніе мира. Исполненіе важнаго порученія требовало на каждомъ шагу великой осмотрительности. Надлежало увѣрить въ нашей дружбѣ Австрію, по наружности непріятельницу Россіи, и не возбудить подозрѣній Наполеона, нашего союзника.

Августа 10-го Чернышевъ отправился изъ Петербурга, и вечеромъ 20-го пріѣхалъ къ Наполеону въ Шёнбрунъ. Въ семь часовъ слѣдующаго утра Наполеонъ призвалъ его къ себѣ и разговаривалъ съ нимъ болѣе получаса, разспрашивая о здоровьѣ императора Александра, особенно объ ушибѣ ноги его величества, присовокупя, что онъ крайне безпокоился, узнавъ о семъ приключеніи. Потомъ увѣрялъ онъ въ дружбѣ и предан-

ности къ государю, сказалъ Чернышеву, что видитъ съ удовольствіемъ возвращеніе его, пригласилъ его идти съ нимъ на разводъ и послѣ на завтракъ, гдѣ находились вице-король Италійскій, маршалы: Бертье, Массена, Даву и Удино. Черезъ часъ Чернышевъ отправился изъ Шёнбруна въ лежащій близъ Коморна замокъ Дотисъ, мѣстопребываніе императора Франца.

Перемѣняя лошадей въ Альтенбургѣ, гдѣ вели переговоры о мирѣ, Чернышевъ пошелъ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, который осыпалъ его учтивостями, упросилъ его взять на дорогу разныя кушанья, и сколько Чернышевъ не отговаривался, далъ конвой сопровождать его до австрійской передовой цѣпи. Въ Альтенбургѣ Чернышевъ хотѣлъ также посѣтить австрійскаго полномочнаго графа Метерниха, но, тщательно избѣгая подозрѣній французовъ, нарочно спросилъ Шампаньи: совѣтуетъ ли онъ ему увидѣться съ графомъ Метернихомъ? Принявъ вопросъ знакомъ совершенной съ нашей стороны искренности, Шампаньи старался отклонить отъ посѣщенія. Чернышевъ отказался отъ своего намѣренія, не желая идти наперекоръ Наполеонову министру, и притомъ соображая, что во всякомъ случаѣ не могъ бы онъ провести довольно времени съ графомъ Метернихомъ, чтобы узнать настоящее положеніе переговоровъ на конгрессѣ.

Августа 23-го Чернышевъ пріѣхалъ въ Дотисъ. Его появленіе произвело въ австрійской главной квартирѣ величайшее впечатлѣніе. Радость была написана на всѣхъ лицахъ, при видѣ перваго русскаго и особенно адъютанта императора Александра, пріѣхавшаго къ австрійцамъ со времени объявленія ими войны Наполеону. Императоръ Францъ тотчасъ позвалъ къ себѣ Чернышева и сказалъ ему: «Я никогда не признавалъ и не буду признавать непріятеля въ императорѣ Александрѣ. Слишкомъ убѣжденъ я въ томъ, что его выгодамъ противно допустить до паденія Австрію, единственную преграду между Россіею и Франціею. Знаю, что вы были въ послѣднемъ походѣ при императорѣ Наполеонѣ, а потому вамъ извѣстно, что въ моей арміи дѣлали много ошибокъ, но вы были въ то же время свидѣтелемъ храбрости моихъ войскъ и великихъ потерь непріятеля». Въ заключеніе императоръ Францъ сказалъ Чернышеву: «Такъ какъ вамъ надобно сегодня же возвратиться въ Шёнбрунъ, то я пошлю отвѣтъ императору Александру къ командующему въ Галиціи вашими войсками князю Голицыну», и присовокупилъ: «жалѣю, что не могу пригласить васъ къ моему столу. Императрица получила извѣстіе о смерти своего брата, занемогла и я долженъ обѣдать съ нею. Пріѣзжайте ко мнѣ вечеромъ проститься».

На отпускной аудіенціи императоръ Францъ сказалъ Чернышеву: «я готовъ заключить миръ съ Наполеономъ и сдѣлаю нѣкоторыя пожертвованія, жалѣя моихъ подданныхъ, которымъ каждый день пребыванія французской арміи въ Австріи стоитъ милліоны; но предлагаемыя Наполеономъ условія такъ для меня унизительны, что не могу принять ихъ, не обезчестивъ себя. Если онъ не смягчитъ требованій, буду продолжать войну. Попробую еще разъ написать къ Наполеону. Онъ не предвидитъ для себя опасности, доводя народы до отчаянія! Странно, что примѣры Испаніи и Тироля не могутъ образумить его! Скажите императору Александру, что я всегда былъ увѣренъ въ дружбѣ его, и ни минуты не сомнѣвался въ ней. Всѣ мои желанія состоятъ въ томъ, чтобы сохранить нѣсколько силъ и тѣмъ имѣть возможность быть когда нибудь полезнымъ Россіи».

Въ теченіе дня, проведеннаго Чернышевымъ въ Дотисѣ, имѣлъ онъ продолжительные разговоры съ двумя самыми важными тамъ лицами, княземъ Іоанномъ Лихтенштейномъ и графомъ Бубною. Первый принялъ вмѣсто эрцъ-герцога Карла начальство надъ арміею, второй былъ самою довѣренною особою императора Франца, который посылалъ его часто къ Наполеону. Отъ обоихъ Чернышевъ узналъ подробности тяжкихъ требованій Наполеона, отвѣты Австріи, ея дальнѣйшія намѣренія, словомъ ознакомился съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ.

Къ вечеру августа 24-го Чернышевъ возвратился въ Шёнбрунъ. На слѣдующее утро пошелъ онъ на разводъ. Французскіе генералы, пламенно желавшіе мира, осыпали его вопросами о томъ, что происходитъ въ Дотисѣ, что хотятъ дѣлать австрійцы? На разводѣ Наполеонъ сдѣлалъ Чернышеву нѣсколько привѣтствій и по окончаніи позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ. «Въ какомъ расположеніи», спросилъ онъ его, «нашли вы императора Франца? что думаетъ онъ о мирѣ»?

«Онъ готовъ заключить миръ,—отвѣчалъ Чернышевъ,—если ваше величество будете снисходительны въ требованіяхъ».

«Зачѣмъ же онъ такъ долго не рѣшается?—возразилъ Наполеонъ.— Что за прокламацію написалъ онъ къ своей арміи, на другой день послѣ съѣзда нашихъ полномочныхъ? Это похоже болѣе на объявленіе войны, нежели на желаніе мириться». Вынувъ изъ кармана переводъ австрійской прокламаціи, Наполеонъ читалъ ее громко, дѣлая на каждую статью поясненія. «Австрія, — продолжалъ онъ, — должна видѣть свои выгоды въ скоромъ мирѣ; ежедневныя издержки ея на содержаніе моей арміи ужасны. Я требую отъ нея уступки нѣсколькихъ областей, желая дать ей маленькій урокъ, показать всему свѣту, что я не разбитъ, и

чтобы не думали, будто мнѣ не останется другого способа выйти изъ Вѣны, какъ помирясь съ австрійцами. Мнѣ все равно будетъ ли у Баваріи 50.000 жителей болѣе или менѣе. Хочу мира для блага человѣчества. Кровь и все кровь! Развѣ мы мало пролили ее? Притомъ мнѣ все это надоѣло; тороплюсь возвратиться скорѣе въ Парижъ. Знаете-ли, что удерживаетъ императора Франца подписать миръ? Высадка англичанъ въ Зеландіи на островъ Вальхернъ, котораго губернатору велю отрубить голову. Императоръ Францъ можетъ быть увѣренъ, что эта высадка не имѣетъ никакого вліянія на здѣшнія дѣла. Я написалъ въ Парижъ, что не пойду на помощь Франціи, не пошлю отсюда ни одного человѣка. Пусть сами защищаются, какъ умѣютъ. Во Франціи собрали уже три корпуса національной гвардіи, всего 100.000 человѣкъ; я поручилъ ихъ маршаламъ: Бернадоту, Монсею и Бессіеру. Вы отправляете курьера въ Петербургъ, подождите отсылать его, пока не переговорю съ графомъ Бубною; онъ долженъ быть здѣсь сегодня».

Графъ Бубна пріѣхалъ въ Шёнбрунъ 28-го августа, имѣлъ продолжительныя аудіенціи у Наполеона и сообщилъ Чернышеву, что Наполеонъ смягчаетъ условія. Донося канцлеру графу Румянцеву для доклада государю о положеніи дѣлъ въ Дотисѣ и Шёнбрунѣ, Чернышевъ представилъ также списокъ о состояніи австрійской и французской армій, планъ оборонительной войны, начертанный Наполеономъ, на случай, если бы переговоры о мирѣ не довели до желаемаго конца. Планъ сей, донынѣ никому неизвѣстный, былъ избранъ Наполеономъ потому, что австрійцы превосходили его числомъ вдвое, и состоялъ въ слѣдующемъ: Наполеонъ укрѣплялъ Пресбургъ, Раабъ, все теченіе Дуная между островомъ Лобау и Нусдорфомъ. На семъ пространствѣ строилъ онъ цѣпь укрѣпленій, мосты на судахъ и сваяхъ при Спицѣ и Нусдорфѣ, прикрывая ихъ мостовыми укрѣпленіями. Также укрѣплялъ онъ позиціи близъ Цнайма и Брюнна, Пассау и Линдау въ Баваріи.

Видя столь грозное оборонительное положеніе своего противника и заключая, что продолженіе войны нанесетъ безчисленныя тягости жителямъ, австрійское правительство явило болѣе податливости къ миру. Между тѣмъ графъ Бубна ѣздилъ безпрестанно съ порученіями отъ императора Франца къ Наполеону и обратно. Чернышевъ доносилъ государю о ходѣ переговоровъ и продолженіи къ нему особеннаго расположенія Наполеона. Неоднократно Наполеонъ призывалъ его къ себѣ и разговаривалъ съ нимъ наединѣ. Однажды онъ спросилъ его: «какой части Австрійской Галиціи желаетъ Россія»? На отвѣтъ Чернышева, что ему неизвѣстны на этотъ счетъ намѣренія императора Александра,

Наполеонъ сказалъ: «кажется, тамъ есть жители, исповѣдующіе греческую вѣру? Я хочу дать Россіи Лембергъ и еще нѣчто. Я нѣсколько разъ просилъ императора Александра прислать сюда графа Румянцева; переговоры съ австрійцами кончились бы скорѣе, но его задержалъ Фридрихсгамскій конгрессъ». Въ сентябрѣ подписали Шёнбрунскій миръ и Наполеонъ отправилъ Чернышева въ Петербургъ.

Такъ прошелъ 1809 годъ, въ который Чернышевъ ѣздилъ къ Наполеону четыре раза.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дѣйствія въ Парижѣ и Стокгольмѣ 1810 года.

Пріѣздъ въ Парижъ. — Охлажденіе Наполеона къ русскимъ. — Донесеніе о замыслахъ Наполеона противъ Россіи. — Разговоръ съ маршаломъ Бернадотомъ. — Разговоръ съ Наполеономъ на балѣ въ Фонтенебло. — Аудіенція у Наполеона 23-го октября. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Отправленіе изъ Петербурга въ Швецію. — Инструкція императора Александра. — Пребываніе въ Стокгольмѣ. — Разговоръ съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ. — Возвращеніе изъ Стокгольма въ Парижъ. — Аудіенція у Наполеона 23-го декабря. — Донесеніе о враждѣ Наполеона, состояніи Франціи и необходимости кончить Турецкую войну.

Съ 1810 года началось для Чернышева новое поприще, потому что онъ назначенъ былъ состоять постоянно при Наполеонѣ, къ которому императоръ Александръ отправилъ его въ январѣ 1810 г. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ незадолго до женитьбы Наполеона на Маріи Луизѣ и присутствовалъ на всѣхъ торжествахъ бракосочетанія. На плачевномъ балѣ князя Шванценберга, когда внезапно загорѣлась танцовальная зала и погибло много людей, Чернышевъ спасъ жизнь супругамъ маршала Нея, Дюрока и сенатора Богарне, родственника императрицы Жозефины.

Бракъ съ эрцгерцогинею былъ первою причиною охлажденія Наполеона къ Россіи. Русскихъ перестали отличать при дворѣ, не оказывали имъ особеннаго прежняго расположенія; исключили ихъ изъ общества сестеръ Наполеона и его родственниковъ. Только на Чернышевѣ не отразилась перемѣна; на него одного не имѣла вліянія запавшая въ душу Наполеона злоба къ русскимъ. Наполеонъ осыпалъ его ласками при всѣхъ случаяхъ, даже приглашалъ его обѣдать въ Сенъ-Клу, честь, которой удостоивались рѣдкіе иностранцы. Талейранъ, Бер-

тье, министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, Дюрокъ, Савари, всѣ приближенные къ Наполеону наперерывъ звали его на обѣды. У любимой сестры Наполеона, принцессы Боргезе, и у королевы неаполитанской бывалъ онъ въ самомъ тѣсномъ домашнемъ кругу. Здѣсь узнавалъ онъ всѣ подробности новаго тюльерійскаго двора, разговоры, мысли, обращеніе Наполеона съ молодою супругой. Тѣмъ легче вывѣдывалъ онъ всѣ тайны, что сестры Наполеона были раздражены противъ новой императрицы. Оскорбленное самолюбіе подвигало ихъ часто на чрезвычайно занимательныя откровенности.

Прелести самаго отборнаго общества не мѣшали Чернышеву наблюдать внимательно поступки Наполеона и его политику. Пространными донесеніями, иногда листахъ на 20-ти, увѣдомлялъ онъ государя обо всемъ касавшемся Наполеона, писалъ о путешествіяхъ его, о сохраняемыхъ въ большой тайнѣ извѣстіяхъ, о войнѣ въ Испаніи и Португаліи, посылаемыхъ туда подкрѣпленіяхъ, о проживавшихъ въ Парижѣ полякахъ, общемъ мнѣніи въ Парижѣ и во Франціи. Успѣвъ завести тайныя связи въ военномъ министерствѣ, онъ присылалъ въ Петербургъ ежемѣсячно самое подробное росписаніе войскъ Наполеоновыхъ и союзниковъ его, съ означеніемъ мѣстъ расположенія ихъ. Въ то время Чернышевъ угадалъ тщетность питаемыхъ всею Европою надеждъ, будто женитьба Наполеона на Маріи Луизѣ укротитъ его воинственный, безпокойный духъ, и будто онъ станетъ жить въ покоѣ. Чернышевъ доносилъ, что «послѣ брака, прежняя страсть Наполеона: разрушать и созидать осталась неисцѣлима, и начинались развертываться замыслы его противъ Россіи». Здѣсь одна изъ самыхъ огромныхъ услугъ, оказанныхъ Чернышевымъ императору Александру. Не взирая на обворожительныя ласки Наполеона, которымъ немногіе могли противостоять, не взирая на скрытность Наполеона, Чернышевъ—тогда 25-тилѣтній юноша—первый извѣстилъ императора Александра объ угрожавшей Россіи опасности, и съ тѣхъ поръ еще зорче слѣдилъ за вооруженіями и дѣйствіями завоевателя.

Въ августѣ 1810 года случилось происшествіе, въ которомъ Чернышевъ явилъ государю новую великую услугу. Внезапная смерть постигла наслѣдника шведскаго престола, принца Аугустенбургскаго. Стокгольмская чернь бунтовала, убила графа Ферзена, почитаемаго виновникомъ кончины принца; вся Швеція была въ тревожномъ положеніи, и Европа нетерпѣливо ожидала узнать: кто поступитъ на мѣсто умершаго принца? Внезапно и противъ всякаго вѣроятія шведскіе государственные чины избрали наслѣдникомъ французскаго маршала Бернадота.

Единогласно и вездѣ приняли сіе избраніе дѣйствіемъ Наполеоновой политики и его видовъ противъ Россіи. Правдоподобно было, что, соглашаясь на избраніе чиновъ, Наполеонъ желалъ имѣть на шведскомъ престолѣ подручникомъ одного изъ лучшихъ своихъ генераловъ, дабы при войнѣ съ нами шведы помогали ему, дѣйствуя на Петербургъ. То была догадка, но сначала никто не сомнѣвался въ ней.

Легко вообразить, сколь важнымъ являлось для императора Александра удостовѣриться въ подлинномъ образѣ мыслей новаго наслѣдника шведскаго престола. Чернышевъ предупредилъ желаніе императора. За годъ предъ тѣмъ снискалъ онъ особенное къ себѣ расположеніе маршала Бернадота, пользовался часто откровенною его бесѣдою, и когда послѣдовало избраніе Бернадота, нашелъ случай узнать отъ него самого намѣренія его. «Вы знаете, любезный другъ», сказалъ онъ Чернышеву, «все, что со мною случилось. Выборъ меня въ наслѣдные принцы такъ меня удивилъ, какъ будто бы черепица упала на мою голову. Сначала я хотѣлъ отказаться отъ предложенной мнѣ чести, но потомъ я разсудилъ иначе: если, подумалъ я, шведы полагаютъ во мнѣ довольно дарованій и твердости управлять храбрымъ народомъ, то я поступлю малодушно, не соглашаясь на желаніе ихъ. Прибавлю откровенно, что самолюбіе и отмѣнно-милостивое поведеніе со мною въ этомъ случаѣ императора Наполеона много способствовали къ моему рѣшенію. Знаю всю отвѣтственность, предстоящую мнѣ, когда буду королемъ. Знаю также, что шведы люди добрые и съ хорошими качествами, немного безпокойные; но я прошелъ всю французскую революцію, пріобрѣлъ опытность, и надѣюсь предохранить шведовъ отъ заблужденій. Съ тою же откровенностію скажу вамъ, что буду хорошимъ сосѣдомъ вашимъ. Если военный, съ нѣкоторыми средствами, обнажитъ шпагу, съ твердою волею завоеваній, то можетъ рано или поздно достигнуть своей цѣли, но я не почитаю благо народа въ бо́льшемъ или меньшемъ пространствѣ земли. Единственнымъ предметомъ моихъ попеченій будетъ улучшеніе всѣхъ отраслей управленія, морской и сухопутной силы, чтобы покровительствовать торговлѣ и обезопасить государство. Я не ослѣпленъ моимъ положеніемъ и предвижу всѣ опасности, какія меня ожидаютъ. Таковы, любезный другъ, мои правила; они неизмѣнны. Притомъ я французъ, люблю мое отечество и многимъ обязанъ императору Наполеону».

Окончивъ разговоръ, наслѣдный принцъ просилъ Чернышева принять въ знакъ дружбы послѣдній оставшійся у него экземпляръ отчета, поданнаго имъ консуламъ французской республики, за время

управленія его военнымъ министерствомъ. Онъ также приглашалъ Чернышева посѣщать его въ Парижѣ до отъѣзда его въ Швецію, хотя онъ въ то время почти никого къ себѣ не принималъ, избѣгая подозрительнаго ума Наполеона. Въ заключеніе онъ просилъ Чернышева посѣтить его въ Стокгольмѣ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ сего разговора, 21-го октября, во время пребыванія Наполеона въ Фонтенебло, министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи сказалъ Чернышеву, что Наполеонъ желаетъ переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ и приглашаетъ его провести вмѣстѣ съ дворомъ нѣсколько дней въ Фонтенебло. На другой день былъ балъ. Наполеонъ подозвалъ къ себѣ Чернышева, сталъ съ нимъ у окна и началъ такъ:

«Я хочу послать васъ съ письмомъ къ императору Александру, но въ письмѣ нельзя развить всѣхъ своихъ мыслей и потому поручаю вамъ передать мои слова императору. Зная васъ, увѣренъ, что вы все перескажете въ настоящемъ видѣ. Я вами очень доволенъ, о чемъ также пишу императору. Прошу васъ поспѣшить возвращеніемъ въ Парижъ; вы изъ числа тѣхъ, кого мнѣ пріятно видѣть вокругъ себя. Есть ли у васъ вѣрныя извѣстія о турецкой войнѣ? Думаю, что теперь вы уже взяли Рущукъ. Сдача его должна быть непремѣннымъ слѣдствіемъ Батинскаго сраженія. Полагаю, что вы заключите миръ мѣсяца черезъ три. Турки останутся довольны тѣмъ, что могли нѣсколько времени противиться вамъ, и, потерявъ надежду на помощь другихъ державъ, будутъ принуждены уступить вамъ Молдавію и Валахію. Ваша вина, если въ этой войнѣ турки оказали болѣе твердости и сопротивленія. Переходъ вашъ черезъ Дунай испугалъ и воспламенилъ ихъ. Не понимаю, зачѣмъ ходили вы за Дунай? Если хотѣли взять Константинополь, то это сопряжено съ большими затрудненіями, какъ со стороны турковъ, такъ и другихъ державъ. Для того надобно быть главнокомандующему съ обширными военными и политическими способностями. Не почитаю графа Каменскаго великимъ политикомъ. Онъ хорошій генералъ; одобряю всѣ дѣйствія его, кромѣ Рущукскаго приступа. Эта неудача могла имѣть гибельныя послѣдствія. Къ счастію, Батинское сраженіе все исправило. Турки и мои лазутчики, кажется, преувеличили вашу потерю подъ Рущукомъ; я полагалъ ее всегда отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ. По моему мнѣнію, вамъ слѣдовало бы имѣть четыре дивизіи на лѣвомъ берегу Дуная, чтобы опрокидывать турковъ каждый разъ, когда они покушались бы переходить на вашу сторону, но вамъ незачѣмъ было вступать въ Бол-

гарію. При такомъ образѣ войны, то есть оставаясь на лѣвомъ берегу Дуная, турки, видя безполезность своихъ покушеній для возвращенія себѣ Молдавіи и Валахіи и зная о добромъ согласіи главныхъ европейскихъ государствъ, поневолѣ заключили бы миръ на желаемыхъ вами условіяхъ. Воюя такъ, вы не произвели бы въ туркахъ воспламененія и потеряли бы меньше людей и денегъ. Вмѣсто того, все идя впередъ, вы удалялись отъ вашихъ складовъ, дѣлали утраты, подвергались опасностямъ. Вѣдь и нестройныя толпы могутъ побѣждать. Примѣръ видите въ испанцахъ. Часто мѣшаютъ они моимъ движеніямъ и разстраиваютъ мои планы. Ваши дѣйствія за Дунаемъ много тревожили Австрію. Она объяснялась со мной о томъ и спрашивала: въ чемъ заключались тайныя статьи Эрфуртскаго договора? Я успокоилъ Австрію, отвѣчая, что вы желаете только Молдавіи и Валахіи, что я ничего болѣе не обѣщалъ вамъ».

Чернышевъ отвѣчалъ, что императоръ Александръ, усиливая дѣйствія противъ турковъ, имѣетъ въ виду принудить ихъ скорѣе къ миру. «Мнѣ кажется», присовокупилъ онъ, «и ваше величество поступаете также, когда желаете достигнуть цѣли и всегда успѣшно».

«Вы правы», сказалъ Наполеонъ. «Я дѣлалъ все, что могъ, склоняя турковъ на миръ и на требуемыя вами уступки. Напрасно обвиняютъ меня, что я поступалъ неоткровенно. Отъ того, что графъ Румянцевъ вѣритъ такимъ слухамъ, полагая, будто я хочу ободрять турковъ и продолжить эту войну, произошло между нами нѣкоторое охлажденіе. Я слишкомъ силенъ, чтобы прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ. Такая политика свойственна слабымъ государствамъ, напримѣръ Пруссіи. Увѣряю васъ, что если бы я не хотѣлъ присоединенія Финляндіи, Молдавіи и Валахіи къ Россіи, то объявилъ бы мою волю торжественно и поддержалъ бы ее всѣми моими силами. Русскіе храбры и дерутся хорошо, но это не помѣшало бы мнѣ начать съ вами новую войну. Взявъ Молдавію и Валахію, вы будете опасны для Австріи и поселите въ ней недовѣріе къ вамъ. Но это дѣло ваше, не мое. Мнѣ до того нѣтъ нужды (mon eau ne va pas jusque là). Этотъ вопросъ касается Австріи, а не Франціи. Если императоръ Александръ продолжитъ слѣдовать принятымъ имъ правиламъ, царствованіе его будетъ самое славное и блистательное, какого Россія никогда не видывала. Финляндіею и границею по Дунаю вы довершите судьбы Россіи (Vous accomplirez le roman de la Russie). Притомъ есть надежда на общій миръ, и мы скоро заключимъ его, если рѣшимся на мѣры твердыя, истребляя всякую контрабанду и обманы торговые. Англичане начинаютъ

терпѣть стѣсненіе въ дѣлахъ. Отъ императора Александра зависитъ довести ихъ до крайности, запретивъ входить въ русскія гавани 600 англійскимъ кораблямъ, которые теперь на Балтійскомъ морѣ. Лондонъ встревоженъ отъ вашей конфискаціи 50-ти тенерифскихъ кораблей и отъ строгихъ мѣръ, принятыхъ мною во Франціи, Голландіи, Италіи и нѣмецкой землѣ. Исполненіе континентальной системы Пруссіею также много вредитъ англичанамъ. За четыре мѣсяца въ Англіи громко требовали продолженія войны, а теперь всѣ желаютъ мира».

Потомъ Наполеонъ увѣрялъ сильными выраженіями въ дружбѣ и привязанности своей къ императору Александру. «Россія», сказалъ онъ, «по географическому положенію своему есть другъ Франціи; оставаясь въ пріязни съ нею, она расширяетъ свои границы и можетъ способствовать къ скорому заключенію общаго мира, независимо отъ прихотей Англіи, которая близка къ паденію. Если Россія измѣнитъ свою настоящую политику, война со мною неизбѣжна; но эта война будетъ вредна и побѣдителю и побѣжденному. Вашъ курсъ падаетъ, но тому причиною не война съ англичанами, а всегдашнее дурное управленіе вашихъ финансовъ и огромное количество бумажныхъ денегъ. Курсъ вашъ немного поднимется, если вы даже помиритесь сейчасъ съ англичанами. Лучшее къ тому средство: принятое императоромъ Александромъ намѣреніе продавать государственныя имущества и уменьшать число ассигнацій. Эта мѣра гораздо рѣшительнѣе той, какую избрали австрійцы. Курсъ возвысится, когда вы помиритесь съ турками. Войны съ Портою и Швеціею не прибыльны, онѣ стоятъ вамъ много денегъ».

Здѣсь Наполеонъ сталъ подробно разспрашивать Чернышева о службѣ и прежнихъ походахъ графа Каменскаго, и потомъ спросилъ: «Много ли ваши генералы грабятъ въ Турціи?»

«Такія злоупотребленія,—отвѣчалъ Чернышевъ,—неизвѣстны въ нашихъ арміяхъ, особенно, что относится до генераловъ и офицеровъ. Послѣдніе походы въ Финляндію и Турцію служатъ примѣромъ подчиненности и порядка въ войскѣ».

Наполеонъ засмѣялся и сказалъ: «Вы нехорошо поступаете, говоря со мною нечистосердечно. Знаю, что вы не такіе грабители, какъ мы, но не отвѣчаю за вашихъ авангардныхъ начальниковъ и казачьихъ полковниковъ». Въ ту минуту императрица Марія-Луиза кончила игру свою и Наполеонъ прекратилъ разговоръ съ Чернышевымъ, осыпавъ его въ заключеніе лестными выраженіями.

Черезъ два дня потомъ, 23-го октября, Наполеонъ позвалъ Чернышева въ свой кабинетъ и сказалъ ему: «Увѣрьте императора Але-

ксандра, что привязанность моя къ нему и чувства мои къ Россіи неизмѣнны, не смотря на всѣ слухи о скоромъ разрывѣ нашемъ. Эти слухи такъ же неосновательны, какъ извѣстіе о пріѣздѣ императора австрійскаго въ Фонтенебло, какъ намѣреніе мое посадить на испанскій престолъ эрцгерцога Карла или астурійскаго принца. Хороша была бы моя политика отдать Испанію чужимъ, послѣ трехъ лѣтъ кровопролитной войны. Особенно въ нѣмецкой землѣ распространяютъ такія нелѣпости. Нѣсколько разъ опровергалъ я ихъ въ Монитерѣ, но не въ моей власти уничтожить ихъ; самое лучшее — не обращать на нихъ вниманія. Къ несчастію, однакожь, должно признаться, что съ нѣкотораго времени существуетъ холодность между нами; наши отношенія не такія дружескія и откровенныя, какими они быть должны. Причиною тому предложенная конвенція о Польшѣ. Вы хотѣли заставить меня подписать актъ, противный моей чести. Я могу обѣщать не содѣйствовать возстановленію Польши, но, не читая въ будущемъ, мнѣ нельзя предвидѣть, что случится впредь, ниже ручаться, что никогда Польша не будетъ возстановлена. Не обезчестивъ себя, не могу объявить себя непріятелемъ народа, давшаго мнѣ столько доказательствъ дружбы и преданности. Впрочемъ, съ удовольствіемъ слышу, что и у васъ перестали придавать важность этой конвенціи, которая и сама по себѣ ни къ чему бы не служила. Говоря откровенно, жалѣю, что я присоединилъ Галицію къ варшавскому герцогству. Это охладило ко мнѣ императора Александра и притомъ совершилось противъ моей политики, но обстоятельства принудили меня на то. Если бы въ походѣ 1809 г. вы дѣйствовали сильно и взяли Галицію, я не былъ бы принужденъ присоединить ее къ герцогству, что сдѣлалъ, желая спасти многихъ помѣщиковъ, которые въ Галиціи объявили себя въ мою пользу. Будь я тогда на вашемъ мѣстѣ, ничего не опасаясь отъ турковъ, я обратилъ бы 100.000 русскихъ съ Дуная въ Венгрію и предписалъ бы миръ и Франціи и Австріи. Не говорю вамъ въ видѣ упрека. Вы сами были при мнѣ въ послѣдней войнѣ съ австрійцами и не слыхали никогда моихъ жалобъ. Императоръ Александръ могъ и совсѣмъ не участвовать въ этой войнѣ и даже объявить себя противъ меня, что крайне затруднило бы меня. Говорю только для объясненія происшествій. Тогда Австрія предлагала уступить мнѣ всю Галицію въ замѣнъ Иллиріи, но я не принялъ предложенія, опасаясь навлечь на себя подозрѣніе Россіи.

«Что касается выбора Бернадота въ наслѣдники Швеціи, скажите императору Александру, что я тутъ не имѣлъ никакого участія. Въ

письмѣ своемъ, король шведскій извѣщалъ меня о назначеніи наслѣдникомъ принца аугустенбургскаго, и потомъ я крайне удивился, когда Бернадотъ сказалъ мнѣ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ. Сначала я не хотѣлъ согласиться на избраніе его; оно во многомъ не нравилось мнѣ. Вскорѣ получилъ я второе и убѣдительное письмо короля. Онъ увѣдомлялъ, что весь народъ шведскій единогласно желаетъ Бернадота, и я склонился на его просьбу. Увѣрьте императора, что если бы князь Куракинъ формальною нотою потребовалъ отъ меня не утверждать избранія Бернадота, то я исполнилъ бы его требованіе. Можетъ быть, Бернадотъ уѣхалъ бы тайно, но во всякомъ случаѣ для меня выгоднѣе, чтобы Швеція исполняла вѣрно континентальную систему и оставалась такъ, какъ она есть, нежели видѣть на ея престолѣ французскаго маршала, который даже не родня мнѣ. Отъ его избранія закружатся головы всѣхъ моихъ маршаловъ: они вообразятъ себѣ, что имѣютъ права на престолы. Всѣ желанія Франціи, касательно сѣвера, заключаются въ томъ, чтобы Швеція была соединена съ Даніей. Вообще лучше дѣла обработывать въ Парижѣ, нежели въ Петербургѣ. Пришлите князю Куракину полную мочь. Парижъ центръ Европы, сюда всѣ извѣстія доходятъ скоро, а въ Петербургъ поздно».

Касаясь отправляемаго съ Чернышевымъ къ императору Александру письма объ усиленіи строгости противъ торговли съ англичанами, Наполеонъ сказалъ: «отъ императора Александра зависитъ заставить Англію просить мира. Принятыя мною противъ нея мѣры такъ дѣйствительны, что вся надежда англичанъ обращена только на Балтійское море, гдѣ у нихъ 600 кораблей. Потому необходимо для пользы твердой земли и ускоренія всеобщаго мира, чтобы Россія заперла имъ свои гавани, и что было бы еще рѣшительнѣе, впустила ихъ въ гавани и потомъ конфисковала въ пользу правительства. Вы получите отъ того милліоны. Поступки Пруссіи относительно англійской торговли очень хороши, съ тѣхъ поръ, какъ Гарденбергъ управляетъ дѣлами. Онъ не любитъ меня, но, имѣя умъ здравый, понимаетъ положеніе Пруссіи, заставляя ее идти по моей системѣ. Тогда только получимъ желаемые плоды отъ континентальной системы, когда будемъ приводить въ исполненіе мѣры самымъ строгимъ образомъ, не допуская изъятій.

«Я ничѣмъ не могу упрекать себя въ отношеніи къ Россіи. Увѣряю васъ, что между мною и Австріею нѣтъ никакого тайнаго договора. Австрія обманываетъ, утверждая противное. Скорѣе Франція одна объявитъ войну Россіи, нежели соединенно съ Австріею. Послѣдній изъ сихъ случаевъ невозможенъ. Къ тому же я немного полагаюсь

на союзы, — намекая сими словами на походъ 1809 г. — Со времени Тильзитскаго мира, я сообщалъ императору Александру всѣ заключаемые мною съ иностранными державами договоры. Я извѣстилъ его также о переговорахъ съ англичанами въ Морле (Morlaix), гдѣ я хотѣлъ размѣнять плѣнныхъ. Англичане настоящіе дикари. Съ ними невозможно объясняться ни о чемъ, даже о размѣнѣ плѣнныхъ. Я предлагалъ имъ выдать трехъ союзниковъ, то есть англичанина, испанца и португальца, за двухъ французовъ. Они твердятъ одно: будемъ размѣнивать англичанъ на французовъ, на что я не могу согласиться. У меня въ плѣну 18.000 англичанъ, а у нихъ 56.000 французовъ.

«Радуясь присоединенію Финляндіи, Молдавіи и Валахіи къ Россіи, я почитаю эти области русскими. Напрасно обвиняли меня, будто я хочу заключить союзъ съ турками. Въ законодательномъ собраніи объявилъ я торжественно противное мнѣніе, въ слѣдующемъ засѣданіи собранія повторю сказанное мною. Политика моя неизмѣнна. Только два случая могутъ разстроить меня съ императоромъ Александромъ. Во-первыхъ, если онъ заключитъ отдѣльный миръ съ Англіею; во-вторыхъ, если, вопреки Эрфуртскому договору, онъ возьметъ у турокъ области за Дунаемъ. Въ сихъ случаяхъ объявлю вамъ войну. Существованіе Турціи слишкомъ важно для равновѣсія Европы; я не потерплю ея раздробленія. Напрасно также винять меня въ желаніи продолжать вашу войну съ турками. Я слишкомъ силенъ, чтобы хитрить. Объясню вамъ, въ чемъ состоитъ политика моя. Помышляя единственно о благѣ Франціи, я говорю самъ себѣ: если громадная Россія увеличится еще Молдавіею и Валахіею, которыя доставятъ ей безчисленныя средства, то съ другой стороны я выигрываю тѣмъ, что Австрія будетъ вашею непріятельницею. Признаюсь, что я согласился утвердить за вами Княжества также изъ ненависти моей къ Австріи.

«Графъ Румянцевъ мало меня уважаетъ и сильно ошибается, не поступая со мною откровенно. Предлагая Портѣ миръ посредствомъ прусскаго посланника въ Петербургѣ и тайно отъ меня, поступилъ онъ вопреки здравой политики. Тѣмъ удаляетъ онъ миръ вашъ съ турками и перепугалъ Пруссію на счетъ положенія, въ какомъ очутилась бы она, когда послѣдовалъ бы разрывъ между вами и мною. Сама Пруссія извѣстила меня о сихъ переговорахъ, боясь оскорбить меня своимъ молчаніемъ. Употребляя Пруссію для сношеній вашихъ съ турками, вы заставляете Порту полагать, что между императоромъ Александромъ и мною произошло охлажденіе и скоро вспыхнетъ война. Это побудитъ турковъ продолжать борьбу съ вами. Приличнѣе было бы возложить пере-

говоры на меня, вашего лучшаго друга и союзника. Тѣмъ доказали бы мы туркамъ неразрывность нашихъ связей и принудили бы ихъ самихъ предложить миръ.

«Политика и выгоды мои побуждаютъ меня желать мира съ Россіею. Во всѣхъ случаяхъ обращался я къ ней первой. Такъ, просилъ я у императора Александра руки великой княжны. Вдовствующая императрица не соглашалась на мою просьбу; отвѣтомъ Коленкуру такъ долго медлили, что я обратился къ Австріи, не зная, захочетъ ли императоръ Александръ говорить съ своею матерью, какъ монархъ. Австрійцы въ нѣсколько часовъ объявили согласіе. Графъ Румянцевъ ошибается, полагая, что я одновременно велъ переговоры съ обоими дворами. Я неспособенъ на такіе поступки. Жалѣю, что я не могъ жениться на великой княжнѣ, хотя, впрочемъ, теперь не о чемъ тужить. Моя жена нравится мнѣ; вы знаете и видѣли ее. Но какъ у монарховъ первое дѣло—политика, то, признаюсь, союзъ съ вами былъ бы мнѣ пріятнѣе. Я имѣлъ случай воспользоваться выгоднымъ впечатлѣніемъ (de profiter du premier engouement), произведеннымъ въ Австріи моею женитьбою и безпокойствами въ Вѣнѣ на счетъ вашихъ успѣховъ за Дунаемъ и видовъ на Турцію, чтобы побудить ее объявить вамъ войну и воевать противъ васъ вмѣстѣ со мною, но я не сдѣлалъ того, зная, что, не взирая на родственную связь Австріи съ Франціею, австрійцы ненавидятъ меня. Иначе быть не можетъ; я у нихъ отнялъ много областей и нанесъ имъ слишкомъ много вреда. Россія и Франція не отнимали ничего другъ у друга; намъ должно жить въ мирѣ и любви.

«Во всей Европѣ императоръ Александръ первый и одинъ постигъ меня, а потому надѣюсь, что онъ согласится на мою просьбу, касательно торговли англичанъ. Откажитесь отъ всѣхъ половинныхъ мѣръ; онѣ безполезно протянутся годъ или два, и безъ сомнѣнія кончатся ссорою. Напротивъ, скоро заключимъ общій миръ, если императоръ Александръ останется твердъ, не будетъ внимать жалобамъ и крикамъ купцовъ, которые повсюду въ душѣ англичане. Необходимо также, чтобы Россія заставила Швецію выполнить всѣ ея обязательства на счетъ торговли. До сихъ поръ я недоволенъ Швеціею. Въ ея гаваняхъ англичане запасаются водою и дровами. Надѣюсь, что ея поступки будутъ впредь благоразумнѣе; теперь она почти въ безначаліи. Если Бернадотъ не сдержитъ даннаго имъ мнѣ при своемъ отъѣздѣ обѣщанія, если въ будущую весну шведы не запрутъ гаваней англичанамъ и не встрѣтятъ ихъ пушками, я возьму Померанію и приглашу императора Але-

ксандра соединиться со мною против Швеціи. Она смѣется надо мною, думая, будто я не могу достать до нея.

«На меня до такой степени клевещутъ, что говорятъ, будто я держу 60.000 французовъ въ Варшавскомъ герцогствѣ, и они вмѣстѣ съ 40.000 поляковъ составляютъ 100.000 человѣкъ, назначенныхъ возвесть Мюрата на польскій престолъ. Въ Польшѣ нѣтъ ни одн го француза: не понимаю повода къ такимъ вздорнымъ вѣстямъ».

«Можетъ быть, — сказалъ Чернышевъ,—произошли сіи слухи отъ движенія корпуса Даву изъ Южной Германіи къ Ганноверу и Гамбургу, тѣмъ болѣе, что умноженіе войскъ въ Сѣверной Германіи означаетъ приготовленія противъ Россіи».

«Корпусъ Даву, — прервалъ Наполеонъ,—состоитъ изъ 60-ти баталіоновъ. Съ такими силами нельзя испугать Россію. Даву назначенъ только наблюдать Везеръ и Эльбу и стращать Пруссію, если она не согласится на мои требованія. Россія то же подала поводъ къ слухамъ о войнѣ, укрѣпляя Ригу».

Чернышевъ отвѣчалъ, что мы укрѣпляемъ Ригу противъ покушеній англичанъ.

«Вы ошибаетесь,—сказалъ Наполеонъ.—У васъ укрѣпляютъ лѣвый берегъ Двины. Я ничего не могу возразить противъ того. Всякое государство вольно укрѣплять свои границы. Поляки также укрѣпляютъ Прагу».

«Именно это обстоятельство, — отвѣчалъ Чернышевъ, — есть главная причина слуховъ о войнѣ».

«Будьте спокойны съ этой стороны,—сказалъ Наполеонъ:—я не пойду ни въ польскіе льды, ни въ украинскія степи. На то могъ бы рѣшиться Александръ Македонскій, но не я. У меня лежитъ на сердцѣ война морская; желаю одного—имѣть большую морскую силу. Пусть императоръ Александръ, не опасаясь ничего, обратитъ больше войскъ противъ турковъ и не набираетъ рекрутовъ; у меня то же не будетъ въ нынѣшнемъ году рекрутскаго набора».

Тѣмъ кончилась аудіенція Чернышева въ Фонтенебло. Въ заключеніе Наполеонъ просилъ его скорѣе пріѣхать опять въ Парижъ.

По возвращеніи Чернышева въ Петербургъ, императоръ Александръ долго разспрашивалъ его о всѣхъ подробностяхъ пребыванія его въ Парижѣ, о Наполеонѣ и его дворѣ, тогдашнемъ средоточіи европейской политики. Изъявивъ Чернышеву свою признательность, государь произвелъ его ноября 10-го въ полковники и приказалъ ему быть готовымъ возвратиться къ Наполеону. Притомъ онъ возложилъ на него другое, чрез-

вычайной важности порученіе: ѣхать изъ Петербурга сперва въ Стокгольмъ, а оттуда уже продолжать путь въ Парижъ. Причина отправленія Чернышева въ Стокгольмъ была слѣдующая: хотя при избраніи своемъ въ преемники шведскаго престола, Бернадотъ говорилъ тайно Чернышеву въ Парижѣ о намѣреніи своемъ сохранить дружество съ Россіею, хотя по пріѣздѣ своемъ въ Стокгольмъ, подтвердилъ онъ письменно императору Александру о миролюбіи своемъ, однакожь императоръ желалъ еще болѣе и *несомнѣнно* увѣриться въ настоящихъ его чувствованіяхъ. Изо всѣхъ русскихъ, одинъ только Чернышевъ былъ коротко знакомъ въ Парижѣ съ маршаломъ Бернадотомъ, который, оказывая ему особенную довѣренность, не скрывалъ отъ него даже неудовольствій своихъ на Наполеона. Подробно извѣщенный о сихъ сокровенныхъ связяхъ, императоръ Александръ не могъ колебаться въ выборѣ: на кого возложить порученіе имѣть самыя положительныя свѣдѣнія о видахъ Бернадота, и приказалъ Чернышеву, на пути въ Парижъ, провести нѣсколько дней въ Стокгольмѣ.

Въ данной Чернышеву отъ канцлера графа Румянцева инструкціи, утвержденной подписью государя, было ему приказано сообщить принцу: 1) что послѣ Фридрихсгамскаго мира и присоединенія Финляндіи къ Россіи всѣ прежнія отношенія наши къ Швеціи измѣнились, причины вѣковыхъ раздоровъ исчезли, насталъ новый порядокъ вещей и пришло время, когда обѣимъ сѣвернымъ державамъ нѣтъ другихъ выгодъ, какъ сохранить взаимно миръ; 2) что императоръ Александръ торжественно объявляетъ намѣреніе жить съ Швеціею въ согласіи и не вмѣшиваться во внутреннія дѣла ея, приглашаетъ наслѣднаго принца не скрывать ничего отъ государя и дѣйствовать въ отношеніи къ нему съ величайшею откровенностію.

Въ половинѣ ноября Чернышевъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Швецію чрезъ Або и Аландскіе острова. На Ботническомъ заливѣ застигла его страшная буря. То выходилъ онъ на острова и пробирался пѣшкомъ по тонкому льду, то при малѣйшей возможности садился въ лодку, пока, наконецъ, былъ брошенъ ураганомъ на крайній Аландскаго архипелага островъ Сигнальскеръ. Здѣсь, въ ожиданіи попутнаго вѣтра, онъ жилъ три дня съ половиною, въ единственной рыбачьей хижинѣ, находящейся на Сигнальскерѣ. На четвертыя сутки, пользуясь полоскою благопріятнаго вѣтра, онъ отправился на шведскій берегъ, и ночью съ 1-го на 2-е декабря пріѣхалъ въ Стокгольмъ. Въ тотъ же день наслѣдный принцъ велѣлъ ему изъявить чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ, Энгестрёма, радость свою о прибытіи его

въ Стокгольмъ, о желаніи видѣться съ нимъ и узнать отъ него настоящее къ себѣ расположеніе императора Александра. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ изъявилъ крайнее сожалѣніе о невозможности нарушить этикетъ и принять его прежде представленія его къ королю.

Представленіе послѣдовало на другой день. Король изъявилъ Чернышеву искреннее желаніе свое еще болѣе сблизиться съ Россіею и въ теченіе получаса повторялъ о своемъ намѣреніи добраго сосѣдняго согласія. Отъ короля Чернышевъ отправился къ наслѣдному принцу. Завидя его, принцъ пошелъ къ нему на встрѣчу и нѣсколько разъ обнялъ его. Въ пятидневное пребываніе свое въ Стокгольмѣ, Чернышевъ имѣлъ три продолжительныя свиданія наединѣ съ принцемъ, который до такой степени ласкалъ его, что даже испросилъ у короля позволеніе пригласить его къ себѣ вдвоемъ обѣдать, вопреки конституціи, воспрещающей наслѣдникамъ шведскаго престола звать къ себѣ обѣдать иностранцевъ. Въ сихъ довѣренныхъ бесѣдахъ, объяснивъ миролюбивые виды императора Александра, Чернышевъ получилъ самыя положительныя и повторенныя увѣренія принца въ томъ, что всѣ его желанія, вся цѣль его политики будутъ устремлены на то, чтобы снискать благорасположеніе и покровительство императора Александра. «Доложите его величеству,—сказалъ принцъ,—что я ручаюсь честнымъ словомъ сохранять въ величайшей тайнѣ наши взаимныя сношенія, ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаю ничего неугоднаго ему. Пусть войска русскія удалятся куда хотятъ, въ Константинополь, Варшаву или Вѣну, Швеція не тронется безъ воли Россіи, никогда не обнажитъ меча. Дамъ вамъ въ томъ подписку, если недовольно моего честнаго слова. Что касается Финляндіи, потеря ея тяжка во мнѣніи шведскаго народа, но я увѣренъ, что еслибъ по стеченію какихъ-либо обстоятельствъ и могъ я завоевать ее обратно, то область сія будетъ бременемъ для Швеціи. Положимъ, я сохраню ее при моей жизни, но въ Финляндіи оставлю сыну моему причину къ нескончаемымъ войнамъ съ Россіею и великихъ для него несчастій, даже лишенія престола. Здравый разсудокъ говоритъ, что борьба Россіи съ Швеціею, сорокъ милліоновъ съ двумя съ половиною неравна! Настоящая граница у Торнео и на Ботническомъ заливѣ прекращаетъ навѣки наши споры. Съ пріѣзда моего сюда, хладнокровно обсудилъ я положеніе дѣлъ, отрекся отъ Франціи и прошу императора Александра видѣть въ Швеціи свой вѣрный передовой ведетъ».

Излагая намѣренія свои объ отношеніяхъ къ Россіи, наслѣдный принцъ жаловался Чернышеву на Наполеона и на дерзкія требованія его отъ Швеціи касательно объявленія ею войны Англіи и строгаго

исполненія континентальной системы. Принцъ былъ крайне раздраженъ поступками Наполеона и сказалъ Чернышеву: «Скорѣе погибну съ оружіемъ въ рукахъ, нежели унижу государство, избравшее меня управлять имъ. Да и что можетъ Наполеонъ сдѣлать Швеціи, если мы обезпечены со стороны Россіи? Онъ найдетъ здѣсь вторую Испанію».

Прощаясь, принцъ повторялъ много разъ Чернышеву всю искренность своихъ чувствъ къ Россіи, глубокую преданность императору и въ то же время просилъ его *оказать великую услугу Швеціи*, объяснивъ подробно Наполеону бѣдственное положеніе ея, происходившее отъ разрыва съ Англіею, не имѣя средствъ вести войну съ нею и обходиться безъ ея торговли. Притомъ онъ поручилъ Чернышеву доставить отъ него письмо Наполеону и сестрѣ его, принцессѣ Боргезе, съ которою принцъ былъ очень друженъ и изливалъ ей свои душевныя горести. Французскій министръ въ Стокгольмѣ, баронъ Алкье, имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Чернышевымъ и просилъ его сообщить Наполеону многія замѣчанія о политикѣ Швеціи.

Отправляясь изъ Стокгольма, Чернышевъ представилъ императору Александру собственноручное донесеніе на шестнадцати листахъ о положеніи Швеціи, разговорахъ съ королемъ, наслѣднымъ принцемъ, министрами, дипломатическимъ корпусомъ. Изо всего имъ видѣннаго и слышаннаго въ Стокгольмѣ онъ выводилъ заключеніе, что, сообщивъ наслѣдному принцу о миролюбивыхъ видахъ императора Александра, онъ получилъ во взаимность самые чистосердечные отвѣты, въ искренности коихъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, а также дано ему честное слово «всѣ сношенія съ Россіею хранить въ глубокой тайнѣ».

Послѣ объясненій принца съ Чернышевымъ, началась довѣренная переписка между его высочествомъ и императоромъ Александромъ, которая продолжалась много лѣтъ. Такимъ образомъ, Чернышевъ положилъ основаніе самой тѣсной дружбѣ между Россіею и Швеціею, дружбѣ, коей благотворныхъ для насъ послѣдствій въ Отечественную войну исчислить невозможно. Императоръ Александръ былъ до такой степени доволенъ донесеніемъ Чернышева, что поставлялъ оное въ число образцовыхъ. Похвала тѣмъ лестнѣйшая, что самъ императоръ владѣлъ перомъ отмѣнно искусно.

Декабря 7-го Чернышевъ выѣхалъ изъ Стокгольма. Въ Гельгингборгѣ встрѣтилъ онъ супругу шведскаго наслѣднаго принца на ея пути изъ Франціи въ Стокгольмъ. Она просила Чернышева отвезти письмо къ ея сестрѣ, супругѣ Іосифа Наполеона, тогдашняго короля испанскаго. Получивъ письмо, Чернышевъ переправился черезъ Бельтъ въ виду англійской

эскадры, намъ непріязненной, и не останавливаясь въ Копенгагенѣ, продолжалъ путь въ Парижъ, куда пріѣхалъ поутру 23-го декабря.

Въ тотъ же день отправился онъ въ Тюльерійскій дворецъ. Наполеонъ былъ въ государственномъ совѣтѣ. Засѣданіе продолжалось отъ второго до пятаго съ половиною часа. Немедленно по возвращеніи изъ совѣта въ кабинетъ, Наполеонъ велѣлъ позвать къ себѣ Чернышева и разговаривалъ съ нимъ полтора часа. Послѣ отвѣтовъ на обычные вопросы о здоровьи императора Александра, Чернышевъ вручилъ Наполеону собственноручное письмо государево и сказалъ, что его величество былъ очень доволенъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ Наполеонъ поручилъ Чернышеву при отъѣздѣ его изъ Парижа, въ октябрѣ мѣсяцѣ, довести до свѣдѣнія его величества. Наполеонъ отвѣчалъ: «Во всякое время императоръ Александръ можетъ быть увѣренъ въ моихъ желаніяхъ возможнаго блага ему и Россіи». Потомъ вдругъ началъ предлагать множество вопросовъ о внутреннихъ дѣлахъ Швеціи и ея наслѣдномъ принцѣ. Отвѣчая, Чернышевъ вручилъ Наполеону письмо наслѣднаго принца и, согласно просьбѣ его, изобразилъ тяжкое положеніе Швеціи, въ какое вовлечена она была политическою системой Франціи. Выслушавъ внимательно Чернышева, Наполеонъ возразилъ: «Я предсказывалъ наслѣдному принцу непріятности, которыя ожидаютъ его въ Швеціи, если онъ не успѣетъ уничтожить конституціи. Не стоитъ царствовать, когда руки связаны, когда надобно быть рабомъ безпокойнаго народа. Свобода книгопечатанія совершенно противна монаршей власти, особенно въ Швеціи и у народовъ, гдѣ умы въ броженіи и люди сами не знаютъ, чего они хотятъ. Надѣется ли наслѣдный принцъ управлять умнѣе короля, когда этотъ умретъ?»

Въ отвѣтѣ своемъ Чернышевъ со всею подробностію изложилъ Наполеону торговое и политическое состояніе Швеціи, а также замѣчанія, сообщенныя ему французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ, барономъ Алкье. «Соглашаюсь,—возразилъ Наполеонъ,—что Швеція въ жалкомъ положеніи, но и она должна терпѣть, потому что теперь всѣ страдаютъ», и вдругъ тихимъ голосомъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ присовокупилъ: «Если англичане еще нѣсколько времени подержатся, то не знаю, что станется и что дѣлать». Возвыся голосъ, онъ разспрашивалъ Чернышева о Стокгольмскомъ дворѣ, объ окружающихъ наслѣднаго принца, умѣетъ ли онъ вести себя по царски, каковъ дворецъ, много ли король тратитъ денегъ?

Удовлетворивъ любопытству Наполеона, Чернышевъ сказалъ ему о желаніи императора Александра еще тѣснѣе соединиться съ Франціею и о повелѣніи его величества увѣрить Наполеона, что государь твердо со-

блюдаетъ континентальную систему, чему доказательствомъ служитъ множество конфискованныхъ у насъ кораблей. Наполеонъ отвѣчалъ безъ гнѣва и хладнокровно: «Изъ полученныхъ мною отъ моего посла въ Петербургѣ депешей и изъ сообщеній князя Куракина моему министру иностранныхъ дѣлъ, вижу, что императоръ Александръ смотритъ неодинаково со мною на мои предложенія. Я писалъ императору о единственномъ средствѣ разрушить англичанъ, но такъ какъ императоръ почитаетъ это средство вреднымъ для Россіи, что можетъ быть правда, то я болѣе не настаивалъ. Я искренно желаю сохранить миръ съ Россіею, и ручаюсь за него, если вы сами его не нарушите. Мнѣ нѣтъ никакой выгоды воевать. Вѣроятно, русскимъ болѣе хочется идти въ Парижъ, нежели мнѣ въ Петербургъ. Миръ съ турками скорѣе исправитъ ваши финансы, чѣмъ миръ съ Англіею, и я думаю, что вы скоро помиритесь съ Портою. Напрасно ваша армія перешла на лѣвый берегъ Дуная, оставя зимовать на правомъ берегу только три дивизіи. Тѣмъ турки возгордились и стали доступнѣе внушеніямъ англичанъ, австрійцевъ, шведовъ и поляковъ, которые не перестаютъ распространять слухи о близкомъ разрывѣ Россіи съ Францією, въ чемъ они видятъ для себя пользу. Войну съ турками вамъ не тяжело вести, развѣ только въ отношеніи финансовъ, особенно если вы ограничитесь защитою лѣваго берега Дуная, на что не надо много войскъ. Разстройство вашихъ финансовъ происходитъ отъ того, что императоръ Александръ всегда поступаетъ честно, какъ рыцарь, платя до копѣйки за всѣ военныя издержки. Я человѣкъ разсчетливый (je suis homme de calcul), поступаю иначе, и тогда только нуждаюсь въ деньгахъ, когда мои генералы командуютъ арміями. Они за все платятъ, но когда я самъ командую, нахожу средства изворачиваться на счетъ непріятеля. Дѣла бы пошли иначе, если бы императоръ Александръ согласился въ Тильзитѣ съ моимъ мнѣніемъ. Я предлагалъ ему раздѣлить свѣтъ пополамъ между нами. Тогда было бы у васъ много денегъ и войска».

Наполеонъ замолчалъ. Чернышевъ сказалъ ему, что проѣздомъ чрезъ Копенгагенъ узналъ онъ о присоединеніи Ганзейскихъ городовъ къ Франціи и о повелѣнномъ во Франціи наборѣ рекрутъ въ наступающій 1811 годъ, хотя при отъѣздѣ его изъ Парижа въ Петербургъ Наполеонъ поручилъ ему доложить государю, что набора не будетъ. Слегка упомянувъ о присоединеніи Гамбурга, Бремена и Любека, Наполеонъ отвѣчалъ: «Въ самомъ дѣлѣ я не хотѣлъ набирать рекрутовъ, но потерявъ много людей въ Испаніи долженъ былъ набрать ихъ столько и не болѣе, чтобы пополнить убыль въ Испаніи. Увѣряю васъ, что не желаю воевать съ вами. Движеніе корпуса Даву въ нѣмецкой землѣ не имѣетъ другой

цѣли, кромѣ занятія Ганзейскихъ городовъ. Обѣщаю вамъ не усиливать Даву, къ тому же, въ его корпусѣ много отпускныхъ».

Наполеонъ заговорилъ о тяжкой болѣзни англійскаго короля Георга III и близкой смерти его. «Георгъ,—сказалъ онъ,—питалъ ко мнѣ непримиримую ненависть, и она мѣшала миру моему съ Англіею; послѣ его кончины надѣюсь скорѣе сблизиться съ англичанами». Потомъ Наполеонъ очень хвалилъ графа Каменскаго, отзывался выгодно о генералъ-адъютантѣ Уваровѣ и хотѣлъ знать всѣ подробности пребыванія въ Петербургѣ посла своего Коленкура: великолѣпны ли балы его, каково содержитъ онъ домъ свой, за кѣмъ волочится, и какъ принятъ онъ петербургскою публикой? Въ заключеніе Наполеонъ поздравилъ Чернышева съ чиномъ полковника, наговорилъ ему много лестнаго и сказалъ, что очень радъ видѣть его опять въ Парижѣ.

Личина, подъ которою Наполеонъ скрывалъ свои замыслы противъ Россіи, не обманула Чернышева. Онъ проникъ душу завоевателя. Донося императору о каждомъ словѣ, сказанномъ на этой долгой аудіенціи Наполеономъ, Чернышевъ писалъ: «Рѣчи Наполеона миролюбивы, но поступки его враждебны намъ. Насильственныя завладѣнія многими землями, крутыя мѣры для умноженія арміи, предположеніе его учредить 300 тысячъ національной гвардіи, ужасаютъ Европу. Онъ утвердилъ власть свою на берегахъ Средиземнаго моря и касается Балтики. Сіе послѣднее обстоятельство обнаруживаетъ безпредѣльность честолюбія его. Въ краткое время отсутствія моего изъ Парижа, нашелъ я здѣсь великую перемѣну: у всѣхъ лица смущенныя и длинныя, сердца сжаты горестію и страхомъ—всѣ ждутъ въ глубокомъ молчаніи конца своимъ бѣдствіямъ. Причины такого положенія многочисленны. Во-первыхъ, неудачи въ Испаніи и Португаліи, куда безпрестанно посылаютъ свѣжія войска и деньги. Дѣламъ на Пиренейскомъ полуостровѣ никто не предвидитъ конца. Во-вторыхъ, денегъ въ оборотѣ мало; купцы и промышленники объявляютъ себя поминутно банкротами. Торговля остановилась. Чиновники различныхъ управленій поступаютъ произвольно и несправедливо. Тиранство Наполеона, лишая всѣхъ довѣренности къ нему, исполняетъ убѣжденіемъ, что онъ дѣйствуетъ только изъ личныхъ выгодъ своихъ и непомѣрнаго честолюбія. Негодованіе повсемѣстно и гласно, но оно не можетъ перемѣнить положенія дѣлъ, потому что внушаемый Наполеономъ страхъ и силы его прикрываютъ поступки его и даютъ ему средство дѣйствовать самоуправно».

«Въ Россіи видитъ Европа единственное самобытное государство, не подпавшее общему рабству, подъ коимъ стонутъ всѣ другія земли, и

единственную преграду разрушительнымъ замысламъ Наполеона, для котораго нѣтъ ничего священнаго, котораго не удерживаетъ никакое уваженіе. Россія можетъ оправдать возлагаемыя на нее надежды и успѣшно выйти изъ какихъ-либо нечаянныхъ обстоятельствъ, только тогда, когда не будетъ занята другою войной, и сосредоточитъ всѣ свои силы. Потому каждый вѣрноподданный вашего величества долженъ искренно желать скорѣйшаго окончанія Турецкой войны и заключенія мира съ Портою, на какихъ бы ни было условіяхъ. Всякое съ сей стороны пожертвованіе слишкомъ вознаградится могущественнымъ положеніемъ, въ какое Россія будетъ тогда приведена. Въ мирное время ваше величество будете имѣть сильный перевѣсъ въ дѣлахъ, а при разрывѣ съ Франціею получите возможность предупредить Наполеона и нанесть ему сильный ударъ, вторгнувшись внезапно въ Варшавское герцогство, объявя себя королемъ польскимъ и обратя потомъ противъ самого Наполеона заготовляемыя имъ въ Польшѣ противъ насъ средства. Для полнаго успѣха въ такомъ предпріятіи нужно только условиться съ Австріею и Швеціею, обѣщая первой изъ нихъ Галицію, второй—давно желаемую Норвегію. Поляки стонутъ подъ тяжкимъ игомъ Наполеона и переносятъ деспотизмъ его только въ надеждѣ возвратить свою независимость. Если ваше величество рѣшитесь осуществить надежды ихъ, то, безъ сомнѣнія, поляки обратятся къ вамъ, зная по опыту, что управленіе Наполеона не уважаетъ ни законами, ни собственностью, между тѣмъ какъ ваше величество, свято соблюдая права вашихъ подданныхъ, будете для Польши ручательствомъ ея благосостоянія. Занятіемъ Варшавскаго герцогства мы упрочимъ за нами западныя губерніи, лишимъ непріятеля огромныхъ военныхъ средствъ, напримѣръ: 20.000 человѣкъ легкой конницы, образуемой тамъ Наполеономъ. Такая потеря будетъ для него жестока, потому что, нуждаясь въ легкой конницѣ, онъ надѣется противопоставить намъ эти 20.000. Взоры всей Европы обращены на ваше величество!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дѣйствія въ 1811 году.

Полученіе въ Парижѣ русскаго тарифа.—Отъѣздъ изъ Парижа въ Петербургъ.—Возвращеніе.—Разговоры въ Берлинѣ съ королемъ прусскимъ. — Четырехчасная аудіенція у Наполеона 29-го марта.—Свиданіе съ Дюрокомъ. — Разговоръ съ Наполеономъ на охотѣ.—Донесеніе о томъ, какимъ образомъ Россіи вести войну.—Сношенія съ генераломъ Жомини.—Предложеніе формировать въ Россіи германскій легіонъ.

Наступилъ 1811 годъ, эпоха громадныхъ вооруженій завоевателя.

Въ январѣ и началѣ февраля Наполеонъ удвоилъ ласковое свое обращеніе съ Чернышевымъ, отличалъ его предъ всѣми бывшими въ Парижѣ дипломатами и иностранцами, при каждомъ случаѣ говаривалъ съ нимъ долго, тѣмъ болѣе, что посолъ нашъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, былъ болѣнъ и не выѣзжалъ со двора. Вдругъ видъ дѣлъ измѣнился. Февраля 15-го получили въ Парижѣ изданный въ Петербургѣ новый тарифъ, распалившій гнѣвъ Наполеона до такой степени, что онъ не скрылъ своего негодованія на Россію. Въ первой бывшей тогда аудіенціи дипломатическаго корпуса, 20-го февраля, Наполеонъ не почтилъ Чернышева ни словомъ, но нарочно много говорилъ съ тѣми, кои были возлѣ него, и съ поляками. Уходя изъ пріемной залы, онъ сказалъ Бертье и Дюроку: «Господинъ Чернышевъ становился впередъ, чтобы я имѣлъ честь разговаривать съ нимъ, но я не сдѣлалъ ему угоднаго и занимался съ поляками». Въ тотъ же вечеръ слова сіи были переданы Чернышеву. Нѣсколько дней спустя, на балѣ у министра полиціи Савари, гдѣ были только русскихъ: князь Куракинъ и Чернышевъ, Наполеонъ поступилъ такъ же, какъ и на аудіенціи.

Наполеонъ почиталъ тарифъ дѣломъ столь великой важности, что хотѣлъ выразить всѣ свои мысли объ немъ императору Александру и порученіе сіе возложилъ онъ на Чернышева. Въ исходѣ февраля позвалъ онъ его къ себѣ, отдалъ ему письмо къ государю, говорилъ, что Россія хочетъ покинуть союзъ съ нимъ и соединиться съ Англіею. Онъ долго излагалъ ему пространно, для доклада императору, все содержавшееся въ семъ письмѣ, которое слово отъ слова напечатано въ исторіи Отечественной войны. Исполнивъ порученіе Наполеона, Чернышевъ былъ отправленъ обратно въ Парижъ изъ Петербурга 15-го марта, съ письмомъ императора Александра, которое равномѣрно напечатано въ вышеупомянутой исторіи. Во время отпускной аудіенціи государь удостоилъ его

самымъ пространнымъ разговоромъ, дабы имѣлъ онъ возможность основательно опровергать несправедливыя притязанія на насъ Наполеона и поддержать въ Парижѣ достоинство Россіи.

23-го марта Чернышевъ пріѣхалъ въ Берлинъ и имѣлъ продолжительное свиданіе съ прусскимъ королемъ, находившимся въ самомъ отчаянномъ состояніи, предвидя скорый разрывъ Россіи съ Наполеономъ. Король изобразилъ Чернышеву бѣдствія Пруссіи, говорилъ, что она, первая жертва войны, конечно, будетъ уничтожена Наполеономъ. Стараясь успокоить его, Чернышевъ отвѣчалъ, что императоръ Александръ не оставитъ Пруссіи безъ помощи и двинется на ея освобожденіе. «Все будетъ поздно», возразилъ король; «судьба поставила мою столицу на аванпостахъ королевства: ее можно обойти со всѣхъ сторонъ. Въ жизни случаются тяжкія и жестокія обстоятельства, которыя отнимаютъ у человѣка всякое средство избѣгать ихъ. Въ такомъ положеніи нахожусь я. Убѣждайте императора Александра соединиться съ Австріею. Тѣмъ однимъ могу я спастись и развяжутся мнѣ руки». Донося государю о свиданіи съ королемъ, Чернышевъ писалъ, что изъ всего слышаннаго имъ, заключаетъ онъ, что въ предстоявшей войнѣ Пруссія будетъ слѣдовать примѣру Австріи. Событія оправдали предположеніе. Притомъ онъ доносилъ государю, что для выгодъ Россіи надобно рѣшительно воспретить Пруссіи избирать Австрію образцомъ своихъ поступковъ и не дозволять ей оставаться нейтральною.

Изъ Берлина Чернышевъ продолжалъ путь въ Парижъ и пріѣхалъ туда 29-го марта, съ такою скоростью, что Наполеонъ, разсчитывая часы его пріѣзда, ожидалъ его не ранѣе слѣдующихъ сутокъ. Тотчасъ отправился онъ въ Тюльерійскій дворецъ и былъ принятъ Наполеономъ съ весьма веселымъ лицомъ. «Говорите», такъ началъ Наполеонъ, «что вы привезли—миръ или войну»?

Вручая ему государево письмо, Чернышевъ отвѣчалъ: «Императоръ велѣлъ мнѣ особенно увѣрить ваше величество самымъ положительнымъ образомъ о желаніи его сохранить миръ и дружбу съ Франціею, прекратить дружелюбно возникшія недоразумѣнія и изъявить вамъ сожалѣніе, что отношенія между двумя имперіями не такъ тѣсны, какъ были они прежде. Его величеству было также пріятно назначеніе генерала Лористона посломъ въ Россію и приказано отдавать ему тѣ же почести, какъ герцогу Виченскому, который оставилъ у насъ самую лестную память».

«Не я первый»,—сказалъ Наполеонъ,—«встревожилъ Европу, ваши вооруженія испугали ее».

«Въ бытность мою въ Петербургѣ», отвѣчалъ Чернышевъ, «я имѣлъ счастіе долго разговаривать съ императоромъ Александромъ, узналъ его чувствованія къ Франціи и смѣю увѣрить, что различныя распоряженія его сдѣланы не съ цѣлью разрушить союзъ съ Франціею и сблизить ея съ Англіею, какъ ваше величество передъ отъѣздомъ моимъ полагали и что могло бы подать поводъ къ разрыву. Россія не могла смотрѣть спокойно какъ во время мира въ Варшавскомъ герцогствѣ производятся вооруженія, строятся крѣпости, какъ ваше величество, занимая на нашихъ границахъ въ герцогствѣ и въ Пруссіи рядъ укрѣпленій, имѣете средство, по первому приказанію соединить болѣе 70.000 саксонцевъ и поляковъ, которые составятъ только авангардъ вашихъ армій, умноженныхъ конскрипціею нынѣшняго года. Послѣ того весьма естественно, что императоръ Александръ, не приступая ни къ какимъ чрезвычайнымъ средствамъ, приказалъ для безопасности своихъ границъ собрать только число войскъ, равное авангарду вашего величества. Слѣдственно, всякая враждебная мѣра чужда императору. Онъ желаетъ не пріобрѣтеній, но мира и спокойствія, необходимыхъ для Европы».

«Всѣ ваши слова»,—возразилъ Наполеонъ,—«доказываютъ мнѣ несправедливость донесеній посланниковъ. Дипломаты всегда вводятъ насъ въ обманъ. Откуда взяли вы, что въ герцогствѣ 70.000 человѣкъ? Тамъ только 40.000, остальные поляки въ Испаніи. Согласенъ съ вами, что при чрезвычайномъ случаѣ могу присоединить къ нимъ отъ 25 до 30.000,— именно число, предполагаемое Чернышевымъ.—«Крѣпости въ герцогствѣ не важны; въ теченіе года онѣ стоили мнѣ только 30.000 франковъ. Одинъ Данцигъ надеженъ, всѣ другія крѣпости можно взять печеными яблоками. Во всякомъ случаѣ, вы не имѣете права жаловаться, что поляки укрѣпляются. Они хотятъ обезопасить себя отъ внезапнаго нападенія. Помня, какъ Прага помогла имъ противъ австрійцевъ въ 1809 году, они стараются охранять свое существованіе. Поляки начали строить крѣпости тотчасъ послѣ Тильзитскаго мира, а Россія, держава сильная, которой нечего бояться, только за 6 или 8 мѣсяцевъ стала сооружать укрѣпленія. Приступите послѣ Тильзита къ постройкѣ ихъ, я не сказалъ бы ничего. Но не въ томъ дѣло. Вашъ тарифъ виною всей тревоги въ Европѣ. Съ изданія его я сказалъ: вотъ огромная планета, которая беретъ ложное направленіе. Не понимаю ея движенія, но догадываюсь, что она оставляетъ насъ. Возьмемъ всѣ мѣры осторожности и благоразумія! Итакъ, съ этой эпохи начались мои вооруженія, въ единственномъ предположеніи, что вы желаете соединиться съ Англіею».

«Осмѣливаюсь повторить вашему величеству», сказалъ Чернышевъ,

«что нашъ тарифъ просто мѣра управленія. Онъ обнародованъ послѣ вашего декрета о конскрипціи, гораздо сильнѣйшей, нежели въ прежніе годы. Франція не можетъ ничѣмъ упрекнуть императора Александра, но онъ, имѣя много справедливыхъ жалобъ на Францію, рѣшился остаться вѣренъ ея дружбѣ, надѣясь кончить мирно возникшіе споры. До сихъ поръ императоръ не помышляетъ сближаться съ Англіею, никого не посылаетъ къ ней и не принимаетъ отъ нея».

«Если слова ваши справедливы», возразилъ Наполеонъ, «то я ничего не понимаю въ вашихъ поступкахъ. Почему подозрѣваете вы меня и заставляете себя подозрѣвать, въ такое время, когда обѣимъ имперіямъ надобно идти и дѣйствовать вмѣстѣ дружно? Я твердо увѣренъ, что война съ Россіею мнѣ будетъ неудачна. Потому страстно желаю кончить дѣла съ вами полюбовно. Правда, декретъ о конскрипціи состоялся прежде вашего тарифа, но я издалъ его по привычкѣ требовать рекрутовъ отъ сената каждогодно, и, конечно, набралъ бы я не болѣе 20.000, чтобъ послать ихъ въ Испанію. Посмотримъ, заключаетъ ли письмо императора Александра средства къ примиренію».

Наполеонъ началъ читать письмо государя и, остановясь на томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о вооруженіяхъ въ Варшавскомъ герцогствѣ и великомъ числѣ войскъ польскихъ, несоразмѣрномъ съ населеніемъ, сказалъ: «Это несправедливо. Въ герцогствѣ отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ жителей, слѣдственно по всѣмъ принятымъ правиламъ можетъ оно содержать 40.000 человѣкъ. Не понимаю, почему хотятъ непремѣнно увѣрить всѣхъ, будто я желаю возстановить Польшу? Она не принесетъ мнѣ никакой пользы; я не возстановилъ ее, когда имѣлъ къ тому удобный случай, и теперь вовсе о томъ не думаю. Торжественно объявляю и клянусь въ томъ всѣмъ, что есть свято». Продолжая читать письмо, Наполеонъ опять остановился тамъ, гдѣ государь писалъ, что если завоеваніе Финляндіи, Молдавіи и Валахіи было слѣдствіемъ союза съ Франціею, то главная причина покоренія сихъ областей заключалась въ успѣхѣ нашего оружія, и что въ то же время Франція сдѣлала много пріобрѣтеній. Наполеонъ вскричалъ: «Съ тѣхъ поръ я ничего не присоединялъ къ себѣ отъ Италіи. Голландія была завоевана народнымъ конвентомъ».

«Голландія была сперва республикою», сказалъ Чернышевъ», «и послѣ сдѣлалась королевствомъ. Она находилась въ союзѣ съ Франціею, но не зависѣла отъ нея, теперь же обратилась она въ провинцію Франціи».

Чернышевъ хотѣлъ далѣе опровергать Наполеона, но тотъ прервалъ его, громко читая письмо императора Александра. Не нарушивъ уваженія къ сану Наполеона, нельзя было болѣе спорить, и Чернышевъ

рѣшился молчать. Дойдя въ письмѣ до тарифа, Наполеонъ сказалъ: «Я надѣялся, что меня не почитаютъ до такой степени сумасшедшимъ, что будто я хочу вмѣшиваться во внутреннее управленіе Россіи, будто полагаю себя въ правѣ не допускать ее издавать постановленія, какія ей угодно. Протестую не противъ содержанія тарифа, но противъ образа или формы изданія его. Имѣю право жаловаться на то, какъ первый другъ и искренній союзникъ Россіи, тѣмъ болѣе, что вы отвергли мое предложеніе вносить таможенныя пошлины не деньгами, но произведеніями обѣихъ имперій. Не изъ денежныхъ разсчетовъ почитаю вашъ тарифъ важнымъ для меня, потому что вся торговля между Россіею и Франціею простирается только до 12-ти милліоновъ, но важенъ онъ тѣмъ, что произвелъ невыгодное вліяніе на всю Европу и на мои отношенія съ вами. Прекрасный союзъ! Вы конфискуете мои произведенія, а я ваши! Это настоящее военное положеніе. Но тутъ есть еще вещь ужасная, которой мнѣ невозможно перенести, и которая вооружила противъ себя всѣхъ купцовъ во Франціи, то есть, ваше намѣреніе сожигать всѣ приходящіе къ вамъ французскіе товары. Такое постановленіе почитаю величайшею для себя обидою».

«Мѣра сія», отвѣчалъ Чернышевъ, «исполняется не публично. Она основана на старинномъ законѣ, который существовалъ во все царствованіе императрицы Екатерины II. Этотъ законъ изданъ не противъ одной какой либо державы, но единственно для наказанія тѣхъ, кто поступитъ противъ существующихъ постановленій».

«Позвольте сказать вамъ, милостивый государь», возразилъ съ жаромъ Наполеонъ: «при императрицѣ Екатеринѣ Россія предписывала законы всей Европѣ и не была почитаема въ числѣ образованныхъ государствъ. Сдѣлавшись теперь державою европейскою, она должна соблюдать приличія. Я жду англійскіе товары, потому что между мною и Англіею война на жизнь и смерть, потому что хочу посягать на ея честь и сдѣлать ей болѣе вреда нравственнаго, нежели подорвать ея промышленность, милостивый государь! За обиду не умѣю я отвѣчать иначе, какъ обидою. Я приказалъ во всѣхъ моихъ гаваняхъ жечь лѣсъ, пѣньку, *поташъ и желѣзо!* все, что привезутъ изъ Россіи. Прекрасный союзъ! Умилительная дружба»!

На слова государева письма о присвоеніи Наполеономъ Ольденбурга, онъ замѣтилъ: «Я не предупредилъ о томъ императора, полагая, что онъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ участіе только по родству съ герцогомъ ольденбургскимъ. Изъ уваженія къ императору, я предлагалъ герцогу разныя вознагражденія, а взялъ я владѣнія по той при-

чинѣ, что, находясь между Франціею и Англіею, *они были бы предметомъ вѣчнаго спора съ Россіею.* Я не коснулся бы ихъ, еслибъ они были на берегахъ Средиземнаго моря или посреди Германіи. Впрочемъ, когда хотите обратить маленькое дѣло въ большое, то всѣ умствованія мои будутъ излишни».

Окончивъ чтеніе письма, Наполеонъ сказалъ: «Кто угрожаетъ вашему существованію? Кто хочетъ нападать на васъ? Не до такой еще степени забылъ я мои выгоды, чтобы безъ причины начать войну съ сильною, огромною державой, и имѣющею войско храброе, которое будетъ сражаться за свое отечество. Теперешнее письмо императора Александра не похоже на прежнія. Онъ не хочетъ понять моего письма, и отдать справедливость чистосердечному предложенію моему скорѣе объясниться для общихъ нашихъ выгодъ. Онъ забылъ Тильзитъ и Эрфуртъ, внимаетъ убѣжденіямъ Англіи и лживымъ донесеніямъ своихъ посланниковъ. Вы говорите, что онъ искренно желаетъ мира, но какой вызовъ на войну можетъ быть сильнѣе даннаго имъ приказанія пяти дивизіямъ идти изъ Турціи къ польской границѣ? Что сказали бы вы, если бы я послалъ теперь войска мои изъ Испаніи въ сѣверную Германію? Не произвело бы это на васъ того самаго дѣйствія и не имѣли-ль бы вы права почитать это объявленіемъ войны? Смѣю сказать болѣе: вы тутъ сдѣлали большую ошибку. Объясню вамъ мысль мою, не какъ императоръ Наполеонъ, но какъ бы говорилъ я, бывъ усерднымъ слугою вашего государя и настоящимъ русскимъ. Если вы непремѣнно рѣшились разорвать нашъ союзъ и помириться съ англичанами, то для васъ выгоднѣе отказаться совсѣмъ отъ Молдавіи и Валахіи. Изъ того извлекли-бъ вы слѣдующую пользу: вы заключили бы тотчасъ миръ съ турками и были обезпечены на югѣ, потому что турки не мѣшаются въ чужія дѣла; обрадованные сохраненіемъ Княжествъ, они, конечно, не тронутся. Помирясь съ Портою, вы могли имѣть въ распоряженіи для войны со мною всѣ войска, дѣйствующія на Дунаѣ, и, что для васъ очень важно, вы поставили бы себя на самую дружескую ногу съ Австріею. Что выходитъ теперь? Если я не могу полагаться на Австрію, то и вамъ нельзя считать на нее, съ тѣхъ поръ, какъ ей извѣстны ваши виды на Турцію. Теперь я въ состояніи употребить противъ васъ всю мою италійскую армію, чего я не могъ сдѣлать прежде, не обнажая Италіи. Если же Россія желаетъ союза съ Франціею, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ слѣдовать ея политикѣ, то двинувъ часть молдавской арміи къ Польшѣ, вы теряете всѣ выгоды вашего положенія отъ какого-то мнимаго испуга.

Я вамъ говорилъ предъ вашимъ отъѣздомъ, и вы могли увѣриться въ томъ лично, что если бы я и хотѣлъ объявить войну Россіи, то не могу сдѣлать того ранѣе октября. До тѣхъ поръ имѣете вы возможность предписать туркамъ миръ или подвинуть ваши войска къ Польшѣ, если моя армія пойдетъ впередъ. Настоящее же ваше положеніе противно обоимъ симъ случаямъ.

«Жалѣю императора Александра, не какъ императоръ французовъ, но какъ человѣкъ, искренно ему преданный, который никогда не встрѣчалъ никого, кто подобно Александру соединялъ бы въ такой степени, какъ онъ, доброту души съ самымъ очаровательнымъ обращеніемъ. Двинувъ войска изъ Валахіи, онъ поставилъ себя въ ложное положеніе. Съ одной стороны, вы въ войнѣ съ Англіею и Портою, потому что слѣдуете политической системѣ Франціи, съ другой стороны, не рѣшаясь мириться съ турками, вы продолжаете грозить имъ и тѣмъ вооружите противъ себя Австрію; выводя войска изъ Валахіи, вы озабочиваете Францію, ибо всѣ ваши поступки вселяютъ во мнѣ недовѣріе къ вамъ. Такимъ образомъ, вы поставили себя въ невыгодныя отношенія со всѣми. Пруссію повергаете вы въ бездну золъ. Гарденбергъ спрашивалъ моего посланника въ Берлинѣ о причинахъ движенія войскъ на усиленіе данцигскаго гарнизона. Ему отвѣчали, что умножаютъ гарнизонъ для отпора англичанъ. Гарденбергъ возразилъ, что эти войска могутъ также быть назначены противъ Россіи, и спросилъ, что дѣлать Пруссіи въ такомъ бѣдственномъ для нея случаѣ? Принять ли ей сторону Россіи или Франціи, или дозволено будетъ ей оставаться нейтральною? Есть еще невыгодное для васъ слѣдствіе. Вашими поступками вынуждаете вы Порту обратиться къ Франціи. Я уже старался сблизиться съ турками, приказавъ моему посланнику въ Константинополѣ уговорить султана написать ко мнѣ письмо, чего онъ не дѣлалъ со вступленія своего на престолъ, и отправить ко мнѣ посла, котораго, велѣлъ я сказать султану, приму хорошо.

«Думаю, императоръ Александръ заблуждается на счетъ моихъ средствъ, полагая меня теперь слабымъ. Я могу воевать съ нимъ, не взявъ ни одного человѣка изъ Испаніи. Я не хочу болѣе имѣть тамъ короля; вся Испанія должна принадлежать мнѣ. Желаю мира; онъ мнѣ полезенъ; но, если, по несчастію, настоящее положеніе продлится и мы не приведемъ дѣлъ въ ясность, даю вамъ честное слово не нападать на васъ прежде четырехъ лѣтъ, развѣ вы сами объявите мнѣ войну. Ожидать значитъ для меня выигрывать. Мой разсчетъ конченъ. Въ тюльерійскихъ погребахъ лежитъ 600 милліоновъ; они достаточны для

войны съ вами. Употребляя изъ нихъ въ нынѣшнемъ году 100 милліоновъ, у меня будетъ въ октябрѣ свободныхъ (disponibles) 300.000 французскихъ войскъ, кромѣ войска Рейнскаго союза. Въ слѣдующемъ году издержу 50 милліоновъ и у меня будетъ 600.000 человѣкъ, а по прошествіи четырехъ лѣтъ войско мое составитъ отъ 800 до 900.000. Можетъ ли Россія выставить противъ меня такое число? Если хотите, я поведу васъ въ кладовыя, гдѣ лежатъ мои деньги, пересчитайте ихъ. Въ октябрѣ покажу вамъ всѣ мои войска, которыя двину изъ Испаніи, Неаполя, Илиріи, Голландіи и внутренности Франціи. Я умножу корпусъ Даву до 100.000 и по столько же поставлю въ лагеряхъ при Утрехтѣ и Ліонѣ. У меня всего 144 полка. Изъ нихъ 70 въ Испаніи, остальными могу распоряжаться по произволу. Ко всѣмъ велѣлъ я прибавить по шестому баталіону. Каждый изъ 16 кирасирскихъ полковъ умножаю до 1.000 человѣкъ. Конскрипція нынѣшняго года дастъ мнѣ 120.000 человѣкъ. Къ нимъ присоединятся 40.000 бѣглыхъ, за которыми я послалъ 15 подвижныхъ колоннъ. Моя французская, итальянская и голландская гвардія также очень многочисленна. Вы знаете ее. Соединивъ всѣ мои войска, составится армія огромная, исполинская съ 800 орудій. Не взирая на мои силы, желаю мира, потому что даже въ случаѣ войны съ вами не вижу для себя прибыли. Война не вознаградитъ мои издержки, употребленныя на вооруженія. Никто, кромѣ меня, не умѣетъ двигать такими массами, но моя жизнь слишкомъ дорога для моихъ дѣтей и народовъ. Не стоитъ подвергать ее опасности для столь маловажныхъ предметовъ, какъ теперешній споръ нашъ».

Чернышевъ отвѣчалъ: «Императору Александру извѣстны силы и воинскія дарованія вашего величества. Все, что сдѣлалъ онъ доселѣ, внушаемо было ему осторожностію. Онъ двинулъ изъ Турціи часть арміи, извѣстясь о вооруженіяхъ во Франціи, о которыхъ ваше величество изволили говорить мнѣ сейчасъ сами. Миролюбіе императора Александра такъ извѣстно, что онъ охотно выслушаетъ все, могущее возстановить прежнее доброе согласіе между двумя имперіями. Тѣмъ болѣе склоненъ онъ на объясненія съ вашимъ величествомъ, что выводомъ изъ Валахіи пяти дивизій, онъ ослабилъ свои средства кончить турецкую войну».

«Но письмо императора,—возразилъ Наполеонъ, — не заключаетъ въ себѣ способовъ къ сближенію нашему. Я люблю беречь деньги и ждалъ васъ нетерпѣливо, полагая, что съ пріѣздомъ вашимъ прекратятся недоразумѣнія и можно будетъ сохранить огромныя суммы, ко-

торыя вы и я употребляемъ на взаимныя вооруженія. Но, любезный другъ, не взирая на скорость вашей ѣзды, не взирая на письмо, которое вы мнѣ привезли, и ваше ко мнѣ посольство, вижу, что все это заключается въ нѣсколькихъ обращенныхъ на меня упрекахъ. Дѣла наши въ такомъ же положеніи, какъ были при вашемъ отправленіи».

«Письмо, которое я имѣлъ честь вручить вашему величеству,—отвѣчалъ Чернышевъ,—и посылка меня сюда имѣли цѣлію объяснить дѣла и доказать вашему величеству, сколь невѣрны были доставленныя вамъ извѣстія о причинахъ, побудившихъ императора Александра принять мѣры осторожности, чтобы не быть взятымъ врасплохъ, и какъ ложны, даже смѣшны сужденія о его поступкахъ относительно Франціи. Приказавъ мнѣ увѣрить ваше величество въ своемъ желаніи сохранить миръ, императоръ велѣлъ мнѣ также довести до свѣдѣнія вашего величества справедливыя жалобы свои на поступки Франціи противъ него, перваго союзника вашего».

«Это прекрасно,—прервалъ Наполеонъ,—но я не понимаю, чего хочетъ Россія». Здѣсь Наполеонъ взялъ Чернышева за ухо, знакъ самой великой ласки его, и продолжалъ: «Поговоримъ теперь откровенно, какъ солдаты, безъ дипломатическихъ вычуръ: чего же вы хотите?»

Объяснивъ желаніе императора Александра о прекращеніи вооруженій во Франціи и начатіи переговоровъ о спорныхъ статьяхъ: Польшѣ, Ольденбургѣ и торговлѣ, Чернышевъ сказалъ Наполеону, имѣя на то порученіе отъ канцлера графа Румянцева: «Если ваше величество позволите, доложу о собственныхъ словахъ графа Румянцева, слышанныхъ мною отъ него въ послѣднюю поѣздку мою въ Петербургъ. Онъ говорилъ мнѣ: «Если бы можно было положить дѣло объ Ольденбургѣ и Варшавскомъ герцогствѣ въ одинъ мѣшокъ, порядочно потрясти его и послѣ высыпать, то союзъ между Россіею и Франціею утвердится крѣпко, будетъ тѣснѣе и искреннѣе прежняго, вопреки англичанамъ и даже нѣмцамъ».

Едва Чернышевъ кончилъ, Наполеонъ началъ ходить взадъ и впередъ въ большомъ волненіи и воскликнулъ съ жаромъ: «Нѣтъ, милостивый государь, къ счастью, мы еще не доведены до такой крайности. Отдать Варшавское герцогство за Ольденбургъ было бы верхъ безумія. Какое дѣйствіе произведетъ на поляковъ уступка хоть фута земли ихъ, въ такое время, когда Россія мнѣ угрожаетъ? Отвсюду повторяютъ мнѣ ежедневно о вашемъ намѣреніи вторгнуться въ Варшавское герцогство. Мы еще не всѣ умерли. Я не вѣтрогонъ, знаю ваши огромныя средства и вашу прекрасную храбрую армію. Много давалъ

я сраженій, и мнѣ извѣстно, отъ какихъ бездѣлицъ зависитъ участь ихъ. Въ войнѣ съ вами, вѣроятія успѣха будутъ равны между нами, но если Богъ побѣды склонится на мою сторону, то я заставлю Россію раскаяваться: она можетъ лишиться не только польскихъ губерній, но и Крыма».

«Можетъ быть я ошибся,—отвѣчалъ Чернышевъ,—доложивъ вашему величеству о сказанныхъ мнѣ графомъ Румянцевымъ словахъ; можетъ быть я нехорошо понялъ мысль его».

Оставя гнѣвный видъ, Наполеонъ сказалъ съ кротостію: «Теперь отгадываю. Вы хотите Данцига вмѣсто Ольденбурга. За годъ, даже за полгода, я отдалъ бы вамъ его, но теперь не довѣряю вамъ; вы мнѣ угрожаете. Могу ли уступить Данцигъ, гдѣ въ случаѣ войны съ Россіею, будутъ мои главные склады на Вислѣ. Тогда долженъ я буду перевезти ихъ на Одеръ».

«Мнѣ кажется, — отвѣчалъ Чернышевъ,—Данцигомъ лучше вознаградить герцога Ольденбургскаго, нежели Эрфуртомъ. Впрочемъ, мнѣ неизвѣстны на этотъ счетъ мысли императора Александра».

Принявъ видъ совершеннаго добродушія и простоты, Наполеонъ спросилъ: «Скажите по совѣсти, полагаютъ ли императоръ и графъ Румянцевъ, что я имѣю намѣреніе возстановить Польшу?»

«Не знаю,—возразилъ Чернышевъ,—что думаетъ о томъ императоръ, но все случившееся въ Варшавскомъ герцогствѣ съ 1809 года должно безпокоить его».

Взявъ опять Чернышева за ухо, Наполеонъ сказалъ: «Непремѣнно хочу знать ваше собственное о томъ мнѣніе. Не правда ли: вы полагаете, что для возстановленія Польши я жду только окончанія дѣлъ моихъ въ Испаніи?»

«Я слишкомъ молодъ и неопытенъ,—отвѣчалъ Чернышевъ,—чтобы имѣть собственное мнѣніе. Притомъ, мой долгъ есть смотрѣть на дѣла съ точки зрѣнія императора Александра».

Наполеонъ настаивалъ, крѣпко, даже больно жалъ ухо Чернышеву, и говорилъ смѣясь, что не пуститъ ухо доколь Чернышевъ не удовлетворитъ его. Наскучивъ шуткою и чувствуя боль въ ухѣ, Чернышевъ сказалъ: «Если вашему величеству непремѣнно угодно слышать мое мнѣніе, вотъ оно: не знаю, полезно ли вамъ или вредно возстановлять Польшу, но если вы найдете въ томъ вашу выгоду, то не сомнѣваюсь, что въ глубинѣ души вы думаете воскресить Польшу, когда не будете заняты другою войною».

«Не понимаю причинъ», отвѣчалъ Наполеонъ, «почему предпола-

гаютъ во мнѣ такое намѣреніе? Это даже съ вашей стороны не ловко (gauche): безпрестанно твердя мнѣ о Польшѣ, вы можете поселить во мнѣ желаніе возстановить ее. Всякій русскій, кто вѣритъ, будто я хочу возвратить независимость Польши, съ чѣмъ сопряжено отторженіе отъ Россіи 6-ти милліоновъ жителей и нѣсколько прекрасныхъ губерній, долженъ смотрѣть на меня, какъ на величайшаго бича и врага Россіи, и слѣдственно желать со мною войны на смерть. Сами посудите: могу ли я желать такой войны?»

«Не я началъ говорить объ этомъ дѣлѣ», отвѣчалъ Чернышевъ, «ваше величество меня къ тому принудили».

«Который вамъ годъ»? спросилъ Наполеонъ.

«25-ть лѣтъ», было отвѣтствовано.

«Это я люблю», сказалъ Наполеонъ, продолжайте, вы очень рано начали ваше поприще (vous commencez bien jeune votre noviciat). Я знаю всѣ подробности вашего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, знаю также, что по пріѣздѣ вашемъ изъ Парижа у васъ спросили, что привезли вы: опіумъ, медъ или ядъ? Говорятъ, будто въ Гатчинѣ вы были очень скрытны (vous étiez bien boutonné).

«Не могу постигнуть», отвѣчалъ Чернышевъ, «откуда дошли эти вѣсти до вашего величества; я былъ въ Гатчинѣ такъ же мало скрытенъ, какъ и вездѣ. Впрочемъ, что касается до службы, то отчетомъ я обязанъ одному императору Александру».

Помолчавъ, Наполеонъ торопливо спросилъ: «Бога ради, скажите, чего хотятъ у васъ: мира или войны?»

«Письмо императора Александра», сказалъ Чернышевъ, «и всѣ слова его, переданныя вашему величеству, доказываютъ, сколь много желаетъ онъ мира, и что не онъ будетъ причиною, если, къ несчастію, война возгорится».

«Однакожь», прервалъ Наполеонъ, «еще недавно императоръ Александръ сказалъ шведскому посланнику въ Петербургѣ, что въ случаѣ войны нечего ему бояться за тылъ русской арміи, между тѣмъ какъ позади меня будетъ вся Германія, гдѣ умы въ броженіи. Такія выраженія не показываютъ миролюбивыхъ намѣреній.

«Донесенія о подобныхъ рѣчахъ», отвѣчалъ Чернышевъ, «бываютъ обыкновенно ложны, и то, что вы изволите передавать мнѣ о шведскомъ посланникѣ, конечно несправедливо».

«Хотите ли знать», сказалъ Наполеонъ, «всѣ мои мысли? Вотъ онѣ: слышу, что императоръ Александръ желаетъ мира, Наполеонъ желаетъ того же, равно какъ графъ Румянцевъ и Шампаньи, но при-

томъ всѣ мы опасаемся, что война будетъ. Полагая справедливымъ все слышанное мною отъ васъ о миролюбіи императора Александра, надобно какъ можно скорѣе найти способъ объясниться и кончить недоразумѣнія. Я возобновляю предложеніе отдать Эрфуртъ Ольденбургскому герцогу и что нибудь прибавить ему для уравненія вознагражденій. Что касается Польши, то мнѣ выгоднѣе, чтобы герцогство Варшавское оставалось въ настоящемъ его положеніи, нежели чтобы оно сдѣлалось сильною державой, съ которою пришлось бы мнѣ вести переговоры. Если хотите, я готовъ подписать даже прежнюю конвенцію о Польшѣ. Скажите, чѣмъ желаете обезпечить себя съ ея стороны и я сдѣлаю все, лишь бы не было противное моей чести. Но прежде всего требую, чтобъ у васъ перестали сожигать французскія произведенія, и тогда предложу прекратить наши взаимныя вооруженія. Не приказывалъ ли вамъ императоръ Александръ требовать отъ меня еще чего, или еще о чемъ нибудь переговорить со мною?»

Получивъ отъ Чернышева въ отвѣтъ, что онъ доложилъ обо всемъ что ему было приказано, Наполеонъ продолжалъ: «Представленное на бумагѣ всегда сильнѣе сказаннаго на словахъ, и потому донесите письменно императору о нашемъ сегодняшнемъ длинномъ разговорѣ. Донесите ему также, что привезенное вами письмо и ваша настоящая ко мнѣ посылка не измѣнили вида дѣлъ и не дозволяютъ мнѣ остановить вооруженія. Я буду продолжать ихъ попрежнему, но желая дать вамъ залогъ моей искренности, стану увѣдомлять князя Куракина о вооруженіяхъ моихъ внѣ Франціи, какъ было сдѣлано о данцигскомъ гарнизонѣ. Старайтесь убѣдить императора о присылкѣ полномочія князю Куракину или кому другому, чтобы поспѣшнѣе кончить настоящее непріятное положеніе между двумя имперіями и тѣмъ избавить ихъ отъ огромныхъ и обременительныхъ издержекъ. Запомните твердо все, что отъ меня слышали, передайте императору мои слова въ прямомъ видѣ, а не какъ внушенныя хвастовствомъ, и просите о скоромъ отвѣтѣ».—Сказавъ Чернышеву разныя обязательныя для него привѣтствія, Наполеонъ отпустилъ его.

Такова была аудіенція, продолжавшаяся четыре часа съ половиною, гдѣ Чернышевъ долженъ былъ разсуждать съ глаза на глазъ съ исполиномъ вѣка о дѣлахъ, рѣшавшихъ участь Европы. Собственноручное донесеніе объ ней представилъ онъ государю на 23-хъ листахъ, работая большею частію по ночамъ, потому что днемъ надлежало ему бывать при дворѣ, сопровождать Наполеона на охоту, дѣлать множество посѣщеній, поддерживать связи съ дипломатами. Черезъ нѣ-

сколько дней послѣ аудіенціи, любимецъ и самая довѣренная особа при Наполеонѣ, оберъ-гофъ-маршалъ Дюрокъ, пригласилъ Чернышева обѣдать. Послѣ стола, когда они остались вдвоемъ, Дюрокъ сказалъ Чернышеву, что Наполеонъ приказалъ ему продолжать съ нимъ переговоры, и спросить: не имѣетъ ли онъ еще какихъ предложеній? Дюрокъ повторилъ слово въ слово все сказанное Наполеономъ на четырехъ съ половиною частной аудіенціи. Повторяя Дюроку сдѣланные Наполеону отвѣты, Чернышевъ присовокупилъ: «Отправляя меня въ прошломъ октябрѣ изъ Фонтенебло, императоръ Наполеонъ не изъявлялъ жалобъ на Россію, требовалъ отъ нея новыхъ пожертвованій и доказательствъ ея дружбы, относительно мѣръ противъ англичанъ и понужденія шведовъ объявить войну Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы успокоить наше правительство, онъ поручилъ мнѣ увѣрить положительно императора Александра, что въ нынѣшнемъ году конскрипціи не будетъ. Я исполнилъ его приказанія, но возвращаясь изъ Петербурга чрезъ Швецію и Данію, узналъ въ Копенгагенѣ о повелѣніи набрать конскрипцію, о присоединеніи къ Франціи Ганзейскихъ городовъ и достоянія нашего императорскаго дома Ольденбурга: сами посудите о вліяніи, произведенномъ сими мѣрами на императора Александра, и могли ль онѣ не поселить въ немъ недовѣрія, особенно когда видѣлъ усиленіе вооруженій въ Варшавскомъ герцогствѣ и Германіи? Тогда только императоръ Александръ почелъ нужнымъ взять нѣкоторыя предосторожности въ пограничныхъ губерніяхъ и умножить стоявшій тамъ корпусъ 5-ью дивизіями молдавской арміи и нѣсколькими полками изъ Финляндіи, которая и продовольствовать ихъ не могла. Спустя шесть недѣль послѣ возвращенія моего въ Парижъ, изданъ былъ нашъ тарифъ, только съ цѣлью возвысить курсъ. Императоръ Наполеонъ винитъ насъ за тарифъ, утверждая, что онъ уничтожаетъ торговлю Франціи, полезенъ одной Англіи, и называя его первою причиной вооруженій, начатыхъ прежде изданія тарифа».

Принужденный согласиться съ основательностію доводовъ Чернышева, Дюрокъ возразилъ ему только на статью объ Ольденбургѣ, полагая, что Наполеонъ, покровитель Рейнскаго союза, имѣлъ право присоединить къ Франціи герцогство, вознаградивъ Ольденбургъ Эрфуртомъ. Пространно и съ историческими доказательствами убѣдивъ Дюрока въ правахъ нашего императорскаго дома на Ольденбургъ и въ несправедливости его присвоенія Наполеономъ, Чернышевъ присовокупилъ: «Эрфуртъ не есть достаточное вознагражденіе; тамъ только 41.000 жителей и 14 квадратныхъ миль, а въ Ольденбургѣ 170.000 жителей и 100 квадратныхъ миль». Удивленный такою несоразмѣрностію, чего онъ прежде не зналъ, Дюрокъ убѣждалъ Чернышева сказать: что угодно императору Александру въ замѣнъ

Ольденбурга?—Чернышевъ отвѣчалъ: «Послѣ насильственнаго поступка Наполеонова съ герцогствомъ, достоинство императора Александра не позволяетъ ему поступить въ семъ дѣлѣ иначе, какъ предоставляя самому Наполеону предложить достаточное вознагражденіе». Дюрокъ отвѣчалъ, что онъ доведетъ слова Чернышева до свѣдѣнія Наполеона, и просилъ начать скорѣе переговоры, дабы тѣмъ кончить споры и вооруженія. Чернышевъ со своей стороны сказалъ Дюроку, чтобы онъ узналъ, что именно Наполеонъ намѣренъ сдѣлать въ нашу пользу.

Здѣсь прекратилось совѣщаніе, которымъ Дюрокъ, благонамѣренный, истинно преданный Наполеону, остался очень доволенъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что имѣетъ еще порученіе, лично до Чернышева относящееся. Оно состояло въ томъ, что Наполеонъ, прочитавъ въ газетахъ (Journal des Débats) неприличную выходку противъ Чернышева, сдѣлалъ за то выговоръ министру полиціи, отрѣшилъ цензора отъ должности и наказалъ издателя журнала. Чернышевъ отвѣчалъ, что онъ остается доволенъ симъ удовлетвореніемъ, не почитаетъ себя лично обиженнымъ статьею, но имѣя честь быть адъютантомъ императора Александра, находилъ ее дерзкою, особенно послѣ всѣхъ миролюбивыхъ увѣреній Наполеона.

Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ пригласилъ Чернышева завтракать и сопровождать его на охоту. Здѣсь, осыпая его учтивостями, Наполеонъ сказалъ: «У меня сегодня особеннаго рода удовольствіе: мнѣ приготовили двѣ лошади, подаренныя мнѣ императоромъ Александромъ. Что сдѣлалъ императоръ съ лошадьми, которыхъ я отправилъ къ нему?»—«Онѣ посланы на конскіе заводы», отвѣчалъ Чернышевъ».—«Мнѣ пріятнѣе было бы», возразилъ Наполеонъ, «еслибы оставилъ ихъ императоръ у себя: ѣздя на нихъ, онъ вспоминалъ бы меня».

Проѣхавъ нѣсколько верстъ на охотѣ, Наполеонъ остановился и сказалъ Чернышеву: «Васъ ужасно боятся въ Варшавскомъ герцогствѣ. По просьбѣ поляковъ, я позволилъ имъ перевезть артиллерію изъ пограничныхъ мѣстъ во внутрь земли. Вы сильно умножаете войска въ Волыни и Подоліи; тамъ у васъ 150.000 человѣкъ; туда идетъ еще дивизія изъ молдавской арміи; на Дунаѣ остается не болѣе 28.000. Большія державы не должны дѣйствовать изподтишка (par surprise). Конечно, вы легко можете занять Варшавское герцогство, но послѣ надобно будетъ рѣшать его участь сраженіями».—Чернышевъ отвѣчалъ: «Ваше величество невѣрно извѣщены о числѣ нашихъ войскъ, взятыхъ изъ молдавской арміи; смѣю повторить, что у насъ ничего не дѣлается съ намѣреніемъ враждебнымъ».—«Зачѣмъ императоръ Але-

ксандръ не тотчасъ объяснился», спросилъ Наполеонъ. «Зачѣмъ началъ онъ вооружаться? Я очень доволенъ его послѣднимъ письмомъ» (слова сіи совершенно противорѣчили сказанному на аудіенціи); «но предшествовавшее письмо заключало въ себѣ одни комплименты. Теперь онъ собралъ 200.000 человѣкъ. И я соберу столько же. Этотъ новый способъ договариваться убыточенъ». Потомъ Наполеонъ повторилъ большую часть изъ говореннаго на аудіенціи и присовокупилъ: «Однакожь признаюсь: имѣю теперь надежду скоро кончить дѣла съ вами переговорами. До сихъ поръ всѣ получаемыя мною тайныя донесенія утверждаютъ, что не могли открыть никакихъ сношеній между вами и англичанами. Просите императора Александра извѣстить меня скорѣе о его рѣшеніи».

«Лучшее средство къ примиренію», отвѣчалъ Чернышевъ, «состоитъ въ томъ, если вашему величеству угодно будетъ сообщить мнѣ тотчасъ ваши предложенія».—«Не знаю, какое именно вознагражденіе было бы для васъ приличнѣе», сказалъ Наполеонъ. «Вамъ первымъ слѣдуетъ требовать и предлагать».—На другой день Дюрокъ пріѣхалъ къ Чернышеву и отъ имени Наполеона повторилъ ему тѣ же самыя слова.

Между тѣмъ Наполеонъ, его родственники и приближенные истощались въ ласкахъ къ Чернышеву, единогласно увѣряя въ желаніи жить съ Россіею дружно. Не поддаваясь обольщеніямъ, частными донесеніями императору Александру, государственному канцлеру и военному министру, Чернышевъ не переставалъ убѣждать ихъ, что Наполеонъ ищетъ одного—выиграть время, пока поправятся дѣла французовъ въ Испаніи, гдѣ они приняли невыгодный оборотъ. Въ теченіе 1811 года самымъ подробнымъ образомъ продолжалъ онъ доносить о повсемѣстныхъ вооруженіяхъ Наполеона, состояніи и передвиженіи армій его, о духѣ военныхъ, имѣя ежедневно случаи разговаривать съ ними, о внутреннемъ положеніи Франціи, сношеніяхъ Наполеона съ иностранными при немъ посланниками, стараніяхъ его склонить на свою сторону Австрію и Турцію. По мѣрѣ какъ протекалъ 1811 годъ и усиливались громадныя вооруженія завоевателя, Чернышевъ самыми убѣдительными выраженіями повторялъ неоднократно: «Прошло для насъ время успѣть переговорами. Никакія снисхожденія съ нашей стороны не поколеблютъ намѣреній Наполеона раздробить Россію. Онъ не можетъ терпѣть въ Европѣ равнаго себѣ, ищетъ нашей гибели. Спѣшите миромъ съ турками во что бы ни стало. Война неизбѣжна, готовьте войска, заключите тайный союзъ съ Англіею, спасайте Россію; отъ ея жребія зависитъ участь вселенной!»

Со всѣмъ жаромъ и краснорѣчіемъ излагая важность обстоятельствъ, Чернышевъ указываетъ также на образъ веденія войны. Послушаемъ собственныя его слова: «Первое правило въ политикѣ и на войнѣ,—писалъ онъ:—дѣлать то, чего не хочетъ противникъ—ниспровергать его предположенія. Желанія и выгоды Наполеона заключаются въ скорѣйшемъ окончаніи замышляемой имъ войны противъ Россіи, но ему опасно удаляться на долгое время изъ Франціи и, двинувшись на сѣверъ, онъ также предвидитъ затрудненія въ укомплектованіи арміи. Напротивъ, намъ должно тянуть сколько можно войною, умножать арміи и приготовить затрудненія непріятелю. Мы можемъ уничтожить военные планы Наполеона, принудивъ его отказаться отъ быстрыхъ дѣйствій, истомить его въ продовольствіи и ожиданіи подкрѣпленій. Таково единственное средство восторжествовать надъ угнетателемъ міра и спасти Европу. Но для достиженія сей высокой цѣли нужна твердая воля и немедленное составленіе резервовъ. Особенно необходимо кончить дѣла съ турками, которыхъ Наполеонъ ободряетъ и возбуждаетъ къ войнѣ съ нами. Соединимся съ Англіею и пожертвуемъ всѣмъ для великой цѣли! Уступимъ Молдавію и Валахію. Въ такомъ пожертвованіи Европа увидитъ дѣйствіе добровольное, внушенное намъ желаніемъ сосредоточить всѣ наши силы для поборенія общаго врага. Отъ того зависитъ цѣлость Россіи. Одолѣвъ Наполеона, кто помѣшаетъ императору Александру идти въ Царьградъ и предписать тамъ миръ? Доколѣ Наполеонъ не побѣжденъ, всѣ постороннія уваженія должны быть устранены. Помирясь съ турками, наши сношенія съ Австріею сдѣлаются дружественнѣе, и мы возможемъ даже двинуться къ Вислѣ, занять тамъ крѣпкія позиціи, устроить мостовыя укрѣпленія, посылать легкую конницу къ Одеру, уничтожая запасы непріятельскіе, приготовляя Наполеону тысячу затрудненій».

Стараясь такимъ образомъ во все продолженіе 1811 года убѣждать наше правительство въ неизбѣжности войны и въ принятіи возможныхъ мѣръ для обороны государства, Чернышевъ изыскивалъ за границею средства содѣйствовать успѣху предстоявшей грозной войны. Для того вошелъ онъ въ тайныя сношенія съ лучшимъ военнымъ писателемъ того времени, находившимся во французской службѣ полковникомъ Жомини, о которомъ Наполеонъ сказалъ, что онъ первый угадалъ его образъ войны, и такъ доволенъ былъ сочиненіями Жомини, что опредѣлилъ его въ свой штабъ и во всѣхъ войнахъ имѣлъ его при себѣ. Наполеонъ почиталъ творенія Жомини столь важными, что сдѣлалъ выговоръ министру полиціи за позволеніе печатать ихъ, говоря: «Прочитавъ его книгу, мои непріятели могутъ узнать всю тайну моихъ по-

бѣдъ». Чернышевъ склонилъ Жомини вступить въ русскую службу. Условія объ отъѣздѣ его въ Петербургъ были уже кончены Чернышевымъ и утверждены государемъ; но непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали исполненію. Оно приведено въ дѣйствіе во время перемирія 1813 года. Слѣдственно Чернышеву обязана Россія за переходъ къ намъ Жомини, который оказалъ намъ великія услуги своими совѣтами въ походахъ въ Германіи и во Франціи.

Въ то же время Чернышевъ представлялъ императору о выгодахъ для предстоявшей войны составить нѣмецкій легіонъ. Порабощеніе нѣмецкой земли Наполеономъ достигло тогда высшей степени. Торговля и промышленность были подавлены. Безнравственность и корыстолюбіе французскихъ чиновниковъ, посылаемыхъ управлять присвоенными Наполеономъ на правомъ берегу Рейна землями, превосходили мѣру терпѣнія нѣмцевъ. Налагаемыя на нихъ подати и конскрипція приводили жителей въ отчаяніе. Ропотъ былъ повсемѣстный, особенно негодовало дворянство. Изстари существовало въ Германіи обыкновеніе, что младшіе сыновья дворянскихъ семействъ вступали въ службу Пруссіи, особенно Австріи. Учредивъ Рейнскій союзъ, Наполеонъ запретилъ имъ сіе право на будущее время и вызывалъ ихъ изъ Пруссіи и Австріи. Никто не послушался вызова его. Раздраженные противъ Наполеона за порабощеніе Германіи, многіе изъ сихъ молодыхъ людей отправлялись въ Испанію и вступали въ ея службу, единственно съ цѣлію отмстить Наполеону. Сверхъ того, въ Пруссіи и Австріи, по случаю уменьшенія войскъ, находилось множество сверхкомплектныхъ и противъ Наполеона распаленныхъ офицеровъ.

Желая воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ и извлечь возможную пользу для Россіи, Чернышевъ представлялъ императору Александру собрать сихъ недовольныхъ на нашихъ границахъ и, дабы не возбудить подозрѣній и жалобъ на насъ Наполеона, поступить слѣдующимъ образомъ: 1) Для облегченія курляндскимъ, лифляндскимъ и эстляндскимъ дворянамъ вступать въ военную службу, отъ чего удерживало ихъ часто незнаніе русскаго языка, составить три полка пѣхоты, каждый въ два баталіона, два пятиэскадронные конные полка и три роты артиллеріи. 2) Принимать въ нихъ исключительно уроженцевъ прибалтійскихъ губерній. 3) Для основанія сего войска отправить въ оное офицеровъ и солдатъ, нѣмцевъ изо всей арміи. 4) Для команды и вообще службы употреблять нѣмецкій языкъ. 5) Чтобы оставить возможность вступать въ сіе войско австрійцамъ, пруссакамъ и природнымъ германцамъ, имѣть для нихъ вакансіи, такимъ образомъ,

что если въ полку надобно 50 офицеровъ, то 20 вакансій занять нашими прибалтійскими дворянами, а 30 оставить для тѣхъ, которые перейдутъ къ намъ изъ Германіи.

Чернышевъ предлагалъ поставить сіи кадры на прусской и австрійской границахъ, гдѣ пока не откроется война, комплектовать ихъ дезертирами, а по объявленію войны пополнять плѣнными и волонтерами, составить изъ нихъ отдѣльный корпусъ, перевезти его на корабляхъ въ Германію, гдѣ, судя по всеобщему ропоту на Наполеона, корпусъ навѣрное чрезвычайно умножится и будетъ дѣйствовать въ тылу Наполеона съ великимъ успѣхомъ. Для того Чернышевъ полагалъ необходимымъ, при посаженіи войска на суда въ нашихъ гаваняхъ, отпустить съ ними большое количество оружія и по крайней мѣрѣ 2.000 запасныхъ лошадей, назначая ихъ и оружіе для волонтеровъ, которые въ Германіи присоединятся къ корпусу.

Не довольствуясь изложеніемъ мыслей своихъ на бумагѣ въ донесеніи къ государю, Чернышевъ вступилъ въ Парижѣ въ тайныя связи съ двумя отличными офицерами австрійскими, генераломъ графомъ Вальмоденомъ и полковникомъ Тетенборномъ. Они обѣщали перейти въ предложенный Чернышевымъ легіонъ и привести съ собою много австрійскихъ офицеровъ, даже украшенныхъ орденомъ Маріи Терезіи. Тетенборнъ вызвался пригласить артиллерійскихъ офицеровъ сколько потребно для 36 орудій. Чернышевъ просилъ государя назначить графа Вальмодена начальникомъ корпуса, поручивъ конницу Тетенборну. Предложеніе Чернышева было принято съ нѣкоторыми измѣненіями, и по объявленіи войны Наполеону начали формировать въ Ревелѣ россійско-нѣмецкій легіонъ, начальство надъ коимъ возложено впослѣдствіи на графа Вальмодена.

Заключая здѣсь описаніе дѣйствій Чернышева въ 1811 году, присовокупимъ, что императоръ Александръ съ каждымъ отправляемымъ изъ Петербурга въ Парижъ курьеромъ изъявлялъ особенное ему благоволеніе. Посылая одно изъ донесеній его къ канцлеру графу Румянцеву, государь написалъ собственноручно карандашомъ: «Зачѣмъ не имѣю я побольше министровъ и посланниковъ, подобныхъ этому молодому человѣку».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пребываніе въ Парижѣ 1812 года и Отечественная война.

Послѣдній разговоръ съ Наполеономъ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Прибытіе въ Вильну. — Предложеніе придвинуть армію князя Багратіона къ Волковиску. — Выборъ мѣста укрѣпленному лагерю близъ Москвы.—Общій операціонный планъ.—Отъѣздъ изъ Петербурга въ Красную Пахру —Свиданіе съ княземъ Кутузовымъ.—Донесеніе императору объ образѣ мыслей народа. — Пріѣздъ въ главную квартиру Тормасова и Чичагова.—Порученіе отъ Чичагова ѣхать къ Бресту.—Дѣло подъ Брестомъ.—Дѣйствіе въ Варшавскомъ герцогствѣ.—Уничтоженіе переправъ кн. Шварценберга у Зельве и мостовъ.—Движеніе въ тылу непріятелей изъ Слонима въ Чашники.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Роковой 1812 годъ засталъ Чернышева въ Парижѣ, походившемъ на воинскій станъ. Мысли и разговоры всѣхъ устремлены были на предпринимаемую Наполеономъ войну, которая должна была рѣшить участь политической жизни Европы. Вооруженія Наполеона были кончены. Открытію похода препятствовала зима. Готовый ринуться на Россію, сдѣлать послѣдній шагъ къ утвержденію своего міровладычества, Наполеонъ по временамъ колебался въ виду огромнаго предпріятія, какъ будто предчувствуя справедливость сказаннаго за годъ имъ Чернышеву, что война въ Россіи не представляетъ ему ничего, кромѣ пораженій. Въ одну изъ такихъ минутъ внутренней борьбы завоевателя съ самимъ собою, 13-го февраля, министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ де-Бассано извѣстилъ Чернышева, что Наполеонъ, получивъ наканунѣ поздно вечеромъ курьера отъ своего посла въ Петербургѣ, Лористона, требуетъ къ себѣ какъ можно поспѣшнѣе Чернышева. Герцогъ де-Бассано предложилъ ему тотчасъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ во дворецъ Элизе Бурбонъ, гдѣ жилъ Наполеонъ. Когда они пріѣхали, Наполеонъ велѣлъ позвать къ себѣ въ кабинетъ герцога де-Бассано, пробылъ съ нимъ наединѣ четверть часа и потомъ пригласилъ въ кабинетъ Чернышева. Наполеонъ приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ не уходить и въ присутствіи его началъ разговоръ съ Чернышевымъ слѣдующими словами:

«Отвезите отъ меня письмо къ императору Александру. Оно кратко: монархи не должны писать другъ другу много, когда содержаніе письма непріятное. Потому передайте императору мои слова: они имѣютъ цѣлью разувѣрить его въ заблужденіи касательно приписываемыхъ мнѣ намѣреній на счетъ Польши. Мнѣ прискорбно, что графъ Румянцевъ

сказалъ недавно Лористону, что онъ почитаетъ варшавскія интриги и мое намѣреніе воскресить Польшу главною причиной тревоги, въ которой Европа находится полтора года. Повторяю и торжественно объявляю: такое намѣреніе мнѣ чуждо. Статьи, подавшія поводъ къ спорамъ, касаются не другихъ земель, но единственно Франціи (ce sont des questions françaises). Долгомъ поставляю увѣдомить императора Александра, что ежели онъ приписываетъ настоящее положеніе дѣлъ только Польшѣ, то есть еще средство объясниться, не взирая, что наши арміи почти въ виду одна другой, въ чемъ надобно обвинять непостижимый отказъ вашего правительства войти въ переговоры о дѣлахъ, въ существѣ своемъ маловажныхъ. Приступивъ въ самомъ началѣ откровенно къ объясненіямъ, мы давно устранили бы недоразумѣнія.

«Хотите ли возстановить прежнюю дружбу? Возвратитесь къ исполненію Тильзитскаго мира, рѣшительно закройте ваши гавани англичанамъ и запретите привозъ колоніальныхъ товаровъ. Дурная шутка утверждать, что вы допускаете къ себѣ только американцевъ, когда я могу показать вамъ счетъ, сколько изъ Петербурга заказано товаровъ на лондонской биржѣ, и когда вся Европа знаетъ, что подъ именемъ американцевъ англичане ходятъ въ Ригу и другія гавани Балтійскаго моря. Готовясь къ разрыву съ Англіею, Сѣверо-Американскіе штаты не позволили бы такому множеству кораблей своихъ ходить въ Россію. Великое число допускаемыхъ къ вамъ англійскихъ кораблей принесли безчисленную пользу Англіи и совсѣмъ уничтожили континентальную систему, наводнивъ Европу колоніальными товарами черезъ Броды, которые сдѣлались складомъ всемірной торговли, какъ нѣкогда Амстердамъ. Изъ Бродовъ товары идутъ сухимъ путемъ чрезъ Австрію въ Пруссію, а оттуда проникаютъ во Францію и подвластныя ей земли. Не могу долѣе терпѣть такого порядка вещей и отказаться совершенно отъ моего плана, надъ которымъ я столько лѣтъ трудился, стараясь довести англичанъ до крайности, запирая имъ твердую землю. Нанесенный имъ вредъ безчисленъ, и я совсѣмъ уничтожилъ бы торговлю ихъ, если бы Россія продолжала выполнять строго свои обязательства. Переносить долѣе такіе поступки Россіи, значило бы для меня то же, что открыть англичанамъ Гавръ и другія французскія гавани. Я твердъ въ принятой мною системѣ, не отступлю отъ нея и объявлялъ вамъ нѣсколько разъ, что буду воевать съ вами, когда узнаю, что вы не хотите исполнять Берлинскій и Миланскій декреты, къ чему Россія обязалась Тильзитскимъ миромъ. Если наступающею весною вы столько же будете облегчать англійскую торговлю, какъ теперь, то для меня

все равно: заключите ли вы союзъ съ нею или нѣтъ. Вы ошибаетесь, полагая возможнымъ торговать съ Англіею и вмѣстѣ быть въ союзѣ со мною, надѣясь, что я закрою глаза на ваши сношенія съ нею. Великое государство, какъ Россія, не должно въ одно время быть въ войнѣ съ Англіею и способствовать торговлѣ ея. Такое двусмысленное поведеніе можетъ позволять себѣ бѣдное государство, напримѣръ Швеція. Въ Тильзитѣ я просилъ императора Александра только объ одномъ: объявить войну Англіи. Когда онъ согласился на мою просьбу, я поспѣшилъ отвѣчать ему, что съ той минуты всеобщій миръ заключенъ и все остальное уладится легко.

«Всегда почиталъ я обнародованіе вашего тарифа знакомъ перемѣны въ политикѣ Россіи. Ясно видны въ немъ намѣренія вредить Франціи и оскорбить лично меня. Таково мнѣніе всѣхъ французовъ о тарифѣ, и я изъявилъ вамъ мое неудовольствіе, не сказавъ вамъ ни слова на первой дипломатической аудіенціи, бывшей прошлаго года, послѣ полученія извѣстія о тарифѣ. Я былъ глубоко пораженъ, увидя какъ мало уважалъ меня императоръ Александръ и до какой степени онъ пренебрегалъ мною».

Чернышевъ отвѣчалъ: «Послѣ всѣхъ неоднократныхъ объясненій нашего правительства и послѣ того, что ваше величество изволили говорить мнѣ сами, я полагалъ дѣло о тарифѣ конченнымъ и думалъ, что вы убѣждены, что тарифъ есть обыкновенная мѣра управленія, предпринятая только для достиженія возможности сохранять континентальную систему».

«Повторяю, возразилъ Наполеонъ,—не содержаніе тарифа, но его форма крайне обидна для меня. Вы могли достигнуть цѣли и не оскорбить меня, снесясь со мною предварительно о способахъ соединить выгоды ваши съ уваженіемъ къ вашему союзнику. Я не знаю кто писалъ тарифъ; но сочинитель, конечно, дышетъ противъ меня злобою и ненавистью и приверженъ къ Англіи. Какъ можно было вамъ запретить ввозъ шелку и вина въ бутылкахъ? Это просто враждебная мѣра противъ меня.

«Императоръ Александръ отказывается отъ своихъ обязательствъ, не сохраняетъ ко мнѣ чувствованій, изъявленныхъ въ Эрфуртѣ и Тильзитѣ. Протестъ по ольденбургскому дѣлу есть манифестъ, настоящее объявленіе войны, которое вы разослали ко всѣмъ дворамъ, какъ будто призывая меня на судъ. Но я неподсудимъ Европѣ. Протестомъ императоръ Александръ вызвалъ меня, бросилъ мнѣ перчатку. Я не поднялъ ее, желая оставаться въ мирѣ съ Россіею и не отвѣчалъ, потому

что не могу отвѣчать какъ объявленіемъ войны. Я извѣстилъ иностранные дворы, что буду отвѣчать на протестъ, когда найду совмѣстнымъ съ моею политикой, представляя себѣ или отвѣчать достойнымъ меня образомъ, или не упоминать объ этомъ дѣлѣ, если вы согласитесь на сдѣлку, которая уничтожитъ невыгодное впечатлѣніе, произведенное протестомъ. Если вы продолжите ваше молчаніе и не перемѣните вашего поведенія, то я рѣшился объявить, что ольденбургскій герцогъ, не пославъ ко мнѣ войскъ своихъ въ послѣднюю австрійскую войну и слѣдственно нарушивъ обязанности члена Рейнскаго союза, лишенъ правъ на свои владѣнія, на которыя не признаю также правъ вашего двора. Только изъ уваженія къ императору Александру не издалъ я до сихъ поръ такого объявленія и продолжаю убѣждать ваше правительство скорѣй окончить это дѣло. Всѣ старанія мои прервать молчаніе императора Александра о вознагражденіи ольденбургскаго герцога остаются тщетными. Поступая со мною такъ оскорбительно, развѣ императоръ думаетъ, что онъ уже разбилъ меня, развѣ въ глазахъ его мы стали до такой степени презрительны, что онъ не хочетъ удостоить насъ отвѣтомъ и вступленіемъ въ переговоры. Если изъ гордости не желаете договариваться въ Парижѣ, назначьте любой городъ въ Германіи, пришлите туда уполномоченнаго. Полтора года добиваюсь я, чтобъ вы снабдили князя Куракина полною мочью. Вы не исполняете моей просьбы. Если не имѣете довѣренности къ князю Куракину, зачѣмъ не ѣдетъ гр. Нессельроде? Съ удовольствіемъ услышалъ я объ его назначеніи въ Парижъ, надѣясь, что мы рѣшительно примемся за окончаніе споровъ. Но вотъ проходитъ четыре мѣсяца со времени его назначенія, а онъ все не ѣдетъ! Зачѣмъ, присылая васъ сюда въ прошломъ году, императоръ Александръ не далъ вамъ полной мочи, не взирая на то, что вы здѣсь только для сношеній военныхъ (pour des renseignemens militaires)? Ходъ дѣлъ вамъ извѣстенъ, вы показали много ума и дѣла были тогда очень просты; мы кончили бы ихъ въ часъ.

«Политика моя откровенная; я такъ мало скрываю мои мысли, что мнѣ все равно, кто будетъ уполномоченный, хотя бы самъ графъ Марковъ. Только прервите молчаніе и начните переговоры. Что относится до моихъ вооруженій, они не происходятъ отъ предполагаемыхъ вами во мнѣ враждебныхъ видовъ. Если во мнѣ поселятъ недовѣріе и принудятъ меня готовиться къ войнѣ, то вооружаюсь не на шутку. Вы, который бывали здѣсь, часто и долго у насъ живали, вы знаете лучше другихъ разницу между моими вооруженіями нынѣшняго года и про-

шедшаго. Тогда никто не вѣрилъ возможности войны, но теперь все измѣнилось. Я отъ васъ ничего не скрывалъ и все объявилъ вашему послу публично во дворцѣ 3-го (15-го) августа. Развѣ я говорилъ такимъ образомъ кн. Куракину безъ цѣли и намѣренія? Совсѣмъ нѣтъ. Я надѣялся, что слова мои подвигнутъ васъ на что нибудь и прекратятъ вашу нерѣшимость. Все было безполезно, и я принужденъ былъ продолжать вооруженія, однакожь иначе, нежели въ прежніе годы. Въ 1805-мъ я спѣшилъ войною, желая разбить австрійцевъ прежде нежели вы придете на помощь ихъ. Также поступилъ я въ 1806 году, противъ пруссаковъ. Теперь не тороплюсь вооруженіями по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, не желая войны, я все надѣялся кончить споры переговорами, а во-вторыхъ, чѣмъ болѣе медлю, тѣмъ дѣлаюсь сильнѣе. Вы хотѣли договариваться, имѣя армію готовую къ бою. Вы собрали 400 т. человѣкъ, упираясь правымъ крыломъ къ Ригѣ, а лѣвымъ къ Каменецъ-Подольскому. Въ таковомъ положеніи дѣлъ не могъ я оставить вамъ на жертву варшавскаго герцогства, и поневолѣ подвинулъ войска на встрѣчу вамъ, въ Пруссію. Вы найдете корпусъ Даву на маршѣ въ Штетинъ; другіе корпуса послѣдуютъ скоро за нимъ, я хочу имѣть мои авангарды на Вислѣ, а главныя силы на Одерѣ. Можетъ быть, получу скоро отвѣтъ изъ Петербурга и тогда не велю арміи переходить за Одеръ; если отвѣта не будетъ, двинусь къ Вислѣ. Во всякомъ случаѣ, я имѣю право идти до Данцига».

«Именно это мнимое право», отвѣчалъ Чернышевъ: «двигать арміи вашего величества къ Данцигу, справедливо озабочиваетъ насъ. Безъ того не собрали бы мы значительныхъ силъ, готовя ихъ на всякій непредвидимый случай. Сборъ нашихъ войскъ есть только мѣра осторожности; доказательствомъ служитъ то, что императоръ Александръ не объявилъ войны вашему величеству за полтора года, за годъ, даже за шесть мѣсяцевъ, когда вооруженія ваши не были кончены. Возвращеніе вашихъ войскъ въ Пруссію оправдываетъ нѣкоторымъ образомъ наши прежнія подозрѣнія и произведетъ большое впечатлѣніе въ Петербургѣ».

«А кто виноватъ?—спросилъ Наполеонъ,—вы говорите, что не хотѣли войны; зачѣмъ же отказываетесь договариваться? Зачѣмъ продолжаете вооружаться? Прежде вы считали побѣдою выходъ моихъ войскъ изъ Пруссіи, а теперь вы сами принуждаете меня возвращать ихъ въ Пруссію. Положительно увѣряю васъ, что не начну войны въ нынѣшнемъ году, развѣ вы вступите въ Варшавское герцогство, или во владѣнія короля прусскаго, котораго почитаю моимъ союзникомъ.

Чѣмъ долѣе продолжится такое положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе возрастутъ мои силы. У меня есть въ запасѣ еще 300 милліоновъ, а вы прибѣгаете уже къ новымъ налогамъ.

«Недавно императоръ Александръ говорилъ Лористону объ отправленіи въ Германію моихъ экипажей и верховыхъ лошадей, заключая изъ того, что я хочу скоро начать войну. Онъ ошибается. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ вооружаться противъ васъ, долженъ я былъ отложить намѣреніе ѣхать въ Испанію, откуда хотѣлъ я идти въ Португалію. Всѣ приготовленія были къ тому сдѣланы, часть моихъ лошадей и экипажей находились тамъ уже полтора года, и я собирался ѣхать за Пиренеи, какъ вдругъ ваши вооруженія разстроили мои планы. Предвидя, что присутствіе мое будетъ нужно на сѣверѣ, я велѣлъ отправить туда лошадей моихъ изъ Испаніи, избѣгая непріятности ѣздить на лошадяхъ, мнѣ незнакомыхъ, какъ случилось со мною въ 1809 году.

«Что касается Испаніи, я увѣренъ, что вашъ дворъ смотритъ съ ложной точки зрѣнія на тамошнія дѣла, полагая, что они истощаютъ мои силы и не дозволяютъ мнѣ поставить много войскъ противъ васъ. Отъ этого ложнаго убѣжденія вы сдѣлались несговорчивы и подвинули ваши арміи слишкомъ впередъ, не помышляя о послѣдствіяхъ, какія произойдутъ отъ того. Сколько ни поставлю противъ Россіи войскъ, у меня ихъ останется довольно для покоренія Испаніи. Теперь недостаетъ въ Испаніи главнаго двигателя. Каждый изъ начальниковъ пяти или шести находящихся тамъ армій думаетъ имѣть право дѣйствовать независимо отъ другихъ, по своему усмотрѣнію. Только мое присутствіе можетъ помочь всему, но меня остановили ваши поступки, которые происходятъ отъ заблужденія на счетъ моихъ силъ. Вы, зная лучше другого мои арміи, скажите, что̀ вы думаете о нихъ? Любопытно услышать: не способствовали ли вы къ заблужденію вашего правительства?»

«У насъ знаютъ примѣрно, — отвѣчалъ Чернышевъ: — количество войскъ, какое ваше величество можете выставить противъ Россіи; у насъ увѣрены, что вамъ не нужно ослаблять себя въ Испаніи, чтобы двинуть противъ насъ армію, по крайней мѣрѣ равносильную нашей. Война въ Испаніи совсѣмъ не входитъ въ разсчетъ нашего правительства».

«Если вы не твердо рѣшились воевать,—сказалъ Наполеонъ,—и желаете избѣгнуть войны, то еще можно прекратить споры на слѣдующихъ условіяхъ:

«1) Исполнить Тильзитскій договоръ и принять противъ англичанъ мѣры, кромѣ нѣкоторыхъ облегченій для вывоза за границу товаровъ на обмѣнъ, то есть, условиться объ исключительныхъ дозволеніяхъ.

«2) Заключить торговый договоръ, который сохранялъ бы сущность тарифа, устраняя все обидное въ немъ для Франціи.

«3) Договориться объ Ольденбургѣ, уничтожа вашъ протестъ, или объявя, что императоръ Александръ ничего не хочетъ для герцога ольденбургскаго, или принимаетъ вознагражденіе, лишь бы не состояло оно въ Данцигѣ и какой либо части варшавскаго герцогства.

«Приступивъ къ дѣлу съ доброю волею, легко условиться намъ на эти три статьи. Съ тѣхъ поръ, какъ споримъ объ Ольденбургѣ, я постоянно вызывалъ васъ объявить ваше мнѣніе о вознагражденіи; съ тѣмъ же посылалъ я васъ въ Петербургъ. Вмѣсто отвѣта, сообразнаго съ моими чувствованіями, вы мнѣ привезли отъ императора Александра письмо, гдѣ онъ требуетъ удовлетворенія за Ольденбургъ, какъ будто бы монархи могутъ давать удовлетворенія другъ другу иначе, какъ войною».

«Позвольте доложить вашему величеству,—сказалъ Чернышевъ,— что императоръ Александръ не употреблялъ слова «удовлетвореніе» въ томъ смыслѣ, какъ вы изволите предполагать. Если бы онъ разумѣлъ его такъ, то, конечно, объявилъ бы самъ войну».

«Повторяю торжественно—прервалъ Наполеонъ,—что возстановленіе Польши никогда не входило въ мою голову, ни въ мои планы. Если, къ несчастію, дойдетъ до разрыва, я употреблю, можетъ быть, Польшу, какъ военное средство. Обязываюсь доказать математически, что съ Тильзитскаго мира не имѣлъ я никогда намѣренія воевать съ Россіею. Свидѣтельствомъ тому первоначальная ничтожность данцигскаго гарнизона и выводъ войскъ изъ трехъ Прусскихъ крѣпостей, гдѣ я оставилъ едва 5.000 человѣкъ. Я почиталъ себя такъ безопаснымъ съ вашей стороны, что вывезъ изъ Германіи парки, понтоны, осадную артиллерію. Если бы я тогда помышлялъ когда нибудь поссориться съ Россіею, то, конечно, сберегъ бы много денегъ, не перевозя во Францію всѣхъ этихъ вещей, которыя долженъ посылать теперь отсюда въ Германію. Признаюсь, за два года я не воображалъ о возможности разрыва между Россіею и Франціею, по крайней мѣрѣ при м ей жизни. Такъ какъ императоръ Александръ молодъ, да и я буду жить долго, то я полагалъ ручательство спокойствія Европы во взаимныхъ нашихъ чувствованіяхъ. Мои чувства къ императору неизмѣнны, увѣрьте его въ томъ и скажите, что если судьбѣ угодно, чтобъ двѣ величайшія

державы на землѣ воевали за ребяческія игрушки (pour des pécadilles de demoiselles), то я буду вести войну, какъ рыцарь, безъ ненависти, безъ ожесточенія, и, если обстоятельства позволятъ, предложу ему завтракать на аванпостахъ. Теперешнія слова мои замѣчу въ записной книжкѣ, для очистки моей совѣсти. Объяснивъ вамъ настоящій образъ мыслей моихъ, отправляю васъ къ императору Александру, въ видѣ моего уполномоченнаго, и надѣюсь, что еще успѣемъ объясниться и не прольемъ кровиста тысячъ храбрыхъ, за то что не могли мы согласиться въ цвѣтѣ ленточки. За годъ и меньше, можно было кончить все; теперь легче объясниться, нежели чрезъ три мѣсяца. Итакъ, если у васъ не желаютъ разрыва со мной, спѣшите присылкою полномочнаго. Чѣмъ болѣе будете медлить, тѣмъ болѣе усилятся мои вооруженія. Напротивъ, если у васъ рѣшено вести войну, то все у васъ дѣлаемое, всѣ поступки ваши въ порядкѣ, но уже выборъ минуты, когда начнется война, будетъ зависѣть не отъ политики, но отъ военныхъ соображеній».

Сказавъ нѣсколько привѣтствій Чернышеву, Наполеонъ отправилъ его, продержавъ его въ своемъ кабинетѣ два часа. Во все это время Наполеонъ говорилъ съ большимъ хладнокровіемъ, не выходилъ изъ себя, что прежде случалось часто, старался умѣрять себя и произносилъ слова свои, какъ затверженную наизусть роль. То было послѣднее свиданіе Чернышева съ Наполеономъ.

По прибытіи въ Петербургъ, въ исходѣ февраля, Чернышевъ представилъ императору письменно разговоръ свой съ Наполеономъ. Вслѣдствіе объявленныхъ Чернышеву Наполеономъ условій, посланы были къ нему предложенія вступить въ переговоры съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно очистилъ Пруссію и Померанію. Неуспѣхъ переговоровъ и происшедшія отъ того слѣдствія подробно изложены въ исторіи Отечественной войны.

Отправивъ отвѣтъ къ Наполеону, императоръ Александръ поѣхалъ въ мартѣ въ Вильну. Чернышевъ въ званіи флигель-адъютанта сопровождалъ его величество и былъ назначенъ помощникомъ императорскаго дежурнаго генерала.

Готовыя встрѣтить Наполеона, арміи наши были расположены на пространствѣ слишкомъ великомъ: первая—Барклая-де-Толли, стояла по Нѣману отъ Юрбурга до Гродно; вторая—кн. Багратіона, отъ Волковиска до Луцка. Въ Вильнѣ, занимаясь составленіемъ предположеній къ отпору Наполеона, разсуждали о движеніяхъ, какія надобно будетъ производить при вторженіи его, но не обращали вниманія на чрезмѣрно растянутое

положеніе армій, являвшее непріятелю возможность разрѣзать ихъ, а намъ чрезвычайное затрудненіе сосредоточить наши силы. Чернышевъ былъ первый пораженъ симъ великимъ неудобствомъ. Находившись при Наполеонѣ въ походѣ 1809 года, проведя нѣсколько лѣтъ въ обществѣ завоевателя и знаменитыхъ его генераловъ, слыша ежедневно сужденія ихъ о военномъ дѣлѣ, неослабно слѣдя за всѣми дѣйствіями въ Испаніи и Португаліи, Чернышевъ усвоилъ себѣ великія начала военнаго искусства, служившія основаніемъ побѣдъ Наполеона. Сверхъ того, живя въ Парижѣ, онъ вникалъ въ творенія Жомини и другихъ военныхъ писателей. Обогащенный такою военною опытностію, онъ видѣлъ ясно опасности, предстоящія намъ отъ разобщенія армій на пространствѣ отъ Юрбурга до Луцка, и представилъ о томъ императору Александру письменное мнѣніе. Оцѣнивъ справедливость его замѣчаній, императоръ приказалъ немедленно князю Багратіону двинуться вправо, ближе къ первой арміи, и сосредоточить свои войска у Волковиска. Здѣсь первая великая услуга Чернышева въ Отечественную войну.

Вскорѣ затѣмъ Наполеонъ перешелъ Нѣманъ и быстрымъ движеніемъ къ Вильнѣ отрѣзалъ обѣ русскія арміи одну отъ другой: первая—Барклая-де-Толли, обратилась къ Дриссѣ, вторая—князя Багратіона, принуждена была идти на Вилейку, чтобы оттуда прорваться къ Двинѣ на соединеніе съ первою. По прибытіи императора Александра въ Дриссу, узнали, что князь Багратіонъ, тщетно покушавшись на прорывъ въ Вилейкѣ и потомъ у Минска, долженъ былъ идти къ Бобруйску. Отъ того соединеніе армій казалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ; многіе даже отчаивались въ возможности исполнить его, а между тѣмъ становилось каждый день очевиднѣе, что силы Наполеона несравненно превышали числомъ русскія войска. Среди такой страшной грозы, висѣвшей надъ Россіею, Чернышевъ представилъ императору письменное мнѣніе, излагая необходимость дать арміямъ другое направленіе, нежели то, какому онѣ дотолѣ слѣдовали и немедленно прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ. Его мнѣніе было слѣдующаго содержанія:

«Насталъ часъ дѣйствовать съ величайшею твердостію! Ни одинъ истинный россіянинъ не долженъ щадить никакого пожертвованія, чтобы избавить отечество отъ ужаснаго ига, которымъ угрожаетъ намъ притѣснитель Европы. Возбудивъ теперь общій духъ, обратясь теперь къ пламеннымъ чувствамъ русскаго народа, отверзнутся передъ нами великія средства, заключающіяся въ Россіи. Если ваше величество изобразите съ истиною и съ жаромъ настоящее затруднительное положе-

ніе государства, если призовете на помощь всю преданность народа, увидите вокругъ себя безчисленное ополченіе.

«Принявъ за постоянное, единственное для насъ спасительное правило тянуть войною и удерживать Бонапарта сколь можно долѣе въ удаленіи отъ Франціи, гибельно терять драгоцѣнныя минуты, въ которыя можемъ составить новыя войска, прежде нежели орды завоевателя проникнутъ въ глубь Россіи. Опасно возлагать спасеніе государства только на обѣ наши арміи. Уже при самомъ открытіи похода онѣ разрознены, оставлены на собственныя ихъ силы и не могутъ согласовать движенія взаимно одна съ другою. Конечно, храбрость нашихъ солдатъ и убѣжденіе начальниковъ, что отъ настоящей войны зависитъ честь ихъ и бытіе, ручаются въ самомъ мужественномъ сопротивленіи и въ подвигахъ блистательныхъ. Но избранный непріятелемъ путь дѣйствій, движеніе главныхъ силъ его между нашими арміями, отчего онъ по произволу можетъ обратиться на любую изъ нихъ, ставятъ Бонапарта въ возможность не только воспрепятствовать долго соединенію Барклая съ Багратіономъ и принудить ихъ къ отступленію, но даже отнять у нихъ средства заслонить внутреннія губерніи Россіи.

«Какой огромной опасности подвергаемся мы, оставляя во власти непріятеля важную дорогу изъ Минска въ Смоленскъ и Москву, и вовсе не имѣя на ней войскъ до самой древней столицы? Можемъ ли исчислить пагубное вліяніе, долженствующее произойти отъ такого положенія дѣлъ на мирныхъ жителей Смоленской и Калужской губерній, когда они, не зная здѣшнихъ обстоятельствъ, почитая себя въ безопасности позади нашихъ армій, вдругъ и неожиданно подвергнутся нашествію отрядовъ непріятельскихъ?

«Разсмотримъ средства отвратить подобное бѣдствіе. Опытъ доказываетъ, что сохраненіе армій, слѣдственно неприкосновенность государствъ, зависитъ отъ сильныхъ резервовъ. Если правило сіе справедливо во время борьбы двухъ державъ, то оно становится еще очевиднѣе, когда надобно бороться съ завоевателемъ, котораго существованіе основано только на мнѣніи, и который не можетъ на долгое время удалиться отъ Франціи, а потому принужденъ кончить войну скоро, однимъ стремительнымъ ударомъ. Слѣдовательно, первый напоръ его будетъ чрезвычайный, а какое ни нашелъ бы онъ здѣсь сопротивленіе, но онъ столько же потеряетъ людей, какъ и мы. Послѣ первой такой кровавой встрѣчи, выгоды останутся на сторонѣ того, кто ближе къ своимъ источникамъ пособій, которыя должны быть приготовлены заблаговременно. Къ счастію, у насъ уже положено основаніе, начало

пособій повелѣніемъ составить большую резервную армію и 12 новыхъ пѣхотныхъ полковъ. Къ тому можно присовокупить московскій гарнизонный полкъ, часть находящейся въ Петербургѣ 25 дивизіи, четвертые рекрутскіе баталіоны, которые на маршѣ къ Калугѣ, и новый рекрутскій наборъ. Всѣ сіи средства были бы удовлетворительны во времена обыкновенныя, но не теперь. Въ настоящихъ обстоятельствахъ гибельна медленность набора рекрутъ, неизбѣжная въ обширномъ государствѣ. Одинъ только голосъ обожаемаго монарха можетъ возбудить общее воспламененіе и довести насъ до желаемой цѣли. Призывъ къ народу, сдѣланный вашимъ величествомъ въ древней столицѣ вашей, будетъ достаточенъ для составленія первой резервной арміи изъ 100.000 человѣкъ. Рекрутъ въ нее слѣдуетъ назначать изъ губерній: Смоленской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской и Московской. Въ шесть недѣль рекруты поспѣютъ къ резервной арміи, а между тѣмъ Москва снабдитъ ихъ вооруженіемъ и аммуниціею.

«Главныя средства наши заключаются въ общей любви къ отечеству. Обратимся къ богатымъ помѣщикамъ, живущимъ въ Москвѣ. Нѣкоторые изъ нихъ въ состояніи поставить изъ своихъ крестьянъ цѣлые полки. Пригласимъ въ службу молодыхъ людей, вышедшихъ въ отставку отъ лѣни или непріятностей. Сверхъ того, надобно: 1) приготовить для дѣйствующихъ армій мѣста опоры, или лагери и занять ихъ на первый случай новоформируемыми войсками, которыя тамъ могутъ обучаться; 2) сильно дѣйствовать на непріятеля нравственно, показывая ему въ нашихъ резервахъ возобновляющіяся безпрестанно силы наши; 3) избрать и укрѣпить позиціи, куда свести новыя войска, и гдѣ приготовить ихъ для войны.

«Изъ опыта видимъ, что мало находится мѣстъ, гдѣ удобно устроить лагерь болѣе чѣмъ для 15 или 20 тысячъ. Потому предлагаю послать немедленно инженерныхъ офицеровъ, для отысканія и устройства пути укрѣпленныхъ лагерей: 1-й—между Ржевомъ и Сычевкою, 2-й—близъ Вязьмы, 3-й—у Дорогобужа, 4-й—при Гжатскѣ и 5-й—между Медынью и Юхновымъ. Лагери сіи составятъ двойную цѣпь и прикроютъ внутрь государства и Москву; а между тѣмъ солдаты будутъ получать въ нихъ обученіе.

«Единственное препятствіе къ скорому формированію войскъ предвидится въ недостаткѣ генераловъ и штабъ-офицеровъ. Но это неудобство можно отвратить тѣмъ средствомъ, о которомъ уже нѣсколько разъ имѣлъ я честь представлять вашему величеству. Наши пѣхотные

полки, состоя въ военное время изъ двухъ баталіоновъ, скоро слабѣютъ, такъ сказать, таютъ въ трудномъ походѣ и до такой степени уменьшаются, что послѣ нѣсколькихъ сраженій остается у полкового командира не болѣе трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ. Столь малое число людей недостаточно для того, чтобы находиться подъ командою полковниковъ. Во Франціи убѣдились въ невыгодахъ имѣть полки малочисленные, и потому составили ихъ изъ пяти дѣйствующихъ баталіоновъ и шестого резервнаго. Отъ того облегчились способы управлять полками, надзирать за подчиненными и за отправленіемъ службы.

«Слѣдуя сему правилу и соединяя два полка въ одинъ четырехъ-баталіонный пѣхотный, а конные приведя въ восьми-эскадронный составъ, останется въ распоряженіи вашего величества половинное число всѣхъ полковыхъ командировъ, для употребленія ихъ при новыхъ войскахъ, которые послѣ того будутъ предводимы офицерами опытными и надежными. Конечно, эти полковники съ сожалѣніемъ выйдутъ изъ дѣйствующей арміи, но вашему величеству легко утѣшить ихъ, сказавъ имъ съ свойственною вамъ очаровательною благостію, что война должна длиться долго и потому будутъ они еще имѣть много случаевъ отличиться, а между тѣмъ окажутъ они отечеству не менѣе услуги какъ бы находясь при прежнихъ полкахъ своихъ.

«Пока укрѣпляютъ новые лагери и образуютъ резервы, дѣйствующія арміи будутъ продолжать свои движенія, стараясь загладить великую, сдѣланную нами при началѣ похода, ошибку оставленіемъ минской дороги, чѣмъ мы обнаружили сердце государства. Пусть между тѣмъ арміи всѣми силами поспѣшаютъ скорѣе соединиться, что еще возможно исполнить, дѣйствуя смѣло и быстро. Для того первая армія, заготовя въ Дриссѣ десятидневное продовольствіе, должна скрыть отъ непріятеля одинъ или два марша, двинуться усиленнымъ переходомъ вверхъ по Двинѣ и перейти ее у Бѣшенковичей, если непріятель не занялъ еще большимъ числомъ войскъ Лепеля и Сенно, или переправиться на лѣвый берегъ Двины въ Витебскѣ. Чтобы облегчить сіи дѣйствія, которыя надобно совершить съ возможною поспѣшностію, и чтобы не истратить продовольствія, надобно сейчасъ послать офицера и нѣсколько отрядовъ въ Полоцкъ и далѣе, забрать тамъ и въ окрестностяхъ весь хлѣбъ, перепечь его въ сухари и раздавать ихъ арміи, когда она будетъ проходить мимо Полоцка.

«Такъ какъ движеніе первой арміи можетъ быть полезно тогда только, когда оно будетъ согласно съ движеніями князя Багратіона, который теперь, вѣроятно, въ Бобруйскѣ, то необходимо велѣть ему слѣ-

довать прямо на Могилевъ, чрезъ Столбцы и Дашковку. Когда первая армія придетъ въ Бѣшенковичи или въ Витебскъ, а вторая—въ Могилевъ, главное дѣло будетъ состоять въ достиженіи Бабиновичей или Орши. Занятіе нами сихъ мѣстъ упрочитъ соединеніе обѣихъ армій и дастъ намъ самый короткій и выгодный операціонный путь. Всѣ прежнія ошибки загладятся, если успѣемъ совершить предлагаемыя здѣсь движенія. Тогда, упираясь здѣсь однимъ крыломъ къ Двинѣ, а другимъ къ Днѣпру, и имѣя основаніемъ дѣйствій цѣпь укрѣпленныхъ лагерей, занятыхъ резервными войсками, наши арміи возмогутъ сразиться съ непріятелемъ. Во всякомъ случаѣ намъ тогда можно будетъ или начать наступательныя дѣйствія или, тревожа непріятеля летучими войсками, принудить его составлять малые отряды и раздроблять свою армію, отчего она будетъ неминуемо слабѣть, приходить въ изнуреніе и разстройство».

Прочитавъ сіе мнѣніе, императоръ Александръ обнялъ и цѣловалъ Чернышева. Признавая всю основательность изложенныхъ имъ доводовъ, императоръ приказалъ составить манифестъ о призваніи всей Россіи къ оружію, послалъ князю Багратіону повелѣніе спѣшить изъ Бобруйска въ Могилевъ, и на другой день отправился въ Москву, дабы лично возвѣстить среди древней столицы объ опасности отечества и необходимости чрезвычайныхъ мѣръ. Также, отдавая полную справедливость выгодамъ предложенныхъ Чернышевымъ укрѣпленныхъ лагерей, императоръ приказалъ ему и полковнику Мишо тотчасъ ѣхать изъ Дриссы и избрать въ окрестностяхъ Москвы мѣста для сихъ лагерей.

Таковы были дѣйствія Чернышева подъ Дриссою. Усугубивъ къ нему довѣренность императора Александра, они не должны умереть въ памяти благодарной Россіи. Исполняя монаршую волю, Чернышевъ и Мишо отправились изъ Дриссы и объѣхали пространство между Клиномъ, Воскресенскомъ и Звенигородомъ. Нигдѣ не находили они позиціи, соотвѣтствующей цѣли. Всѣхъ менѣе неудобною показалась имъ позиція въ трехъ верстахъ отъ Клина, подлѣ Петербургской дороги, на рѣкѣ Сестрѣ, у селенія Мадьяна, но и та покрыта была кустарникомъ. Чернышевъ и Мишо хотѣли ѣхать въ Серпуховъ, но, узнавъ о прибытіи императора въ Москву, отправились туда лично доложить его величеству о своемъ обозрѣніи. Государь усмотрѣлъ изъ ихъ донесеній, что для укрѣпленій избраннаго ими при Мадьянѣ мѣста потребно не менѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, а какъ въ теченіе сего времени, судя по быстрому стремленію Наполеона внутрь Россіи, театръ войны могъ быть перенесенъ къ самой Москвѣ, то его величество отмѣнилъ свое

прежнее намѣреніе устраивать лагери въ ея окрестностяхъ. Онъ отправилъ Мишо на берега Волги отыскивать лагерныя мѣста для прикрытія Нижняго-Новгорода и Казани, а Чернышева оставилъ при себѣ.

Возвратясь изъ Москвы въ Петербургъ 22-го іюля, императоръ Александръ занялся составленіемъ общаго операціоннаго плана для всѣхъ армій, дѣйствовавшихъ дотолѣ на огромномъ пространствѣ безъ взаимной между собою связи. Императоръ особенно употреблялъ Чернышева при сочиненіи плана, имѣвшаго цѣлію воспользоваться вторженіемъ Наполеона въ Москву, то есть отдаленіемъ его главной арміи отъ нашихъ границъ, чтобы разбить боковые корпуса его на Двинѣ и Волыни, сосредоточить большія силы на Березинѣ, запереть Наполеону возвращеніе изъ Россіи, и искоренить до послѣдняго непріятеля. Августа 30-го государь послалъ планъ сей къ князю Кутузову съ Чернышевымъ, приказавъ ему объяснить подробно фельдмаршалу всѣ изложенныя въ немъ предположенія. Въ случаѣ согласія на нихъ князя Кутузова, Чернышевъ долженъ былъ ѣхать на Волынь, отозвать Тормасова въ главную армію, на мѣсто раненаго подъ Бородинымъ князя Багратіона, вручить Чичагову повелѣніе о принятіи арміи Тормасова подъ свое начальство, отдать ему операціонный планъ и условиться о приведеніи его въ дѣйствіе. Такимъ образомъ Чернышевъ дѣлался проводникомъ мыслей императора Александра въ исполненіи самыхъ важныхъ предначертаній, которыя послужили основаніемъ дѣйствій во второй половинѣ Отечественной войны.

Чернышевъ выѣхалъ изъ Петербурга 2-го сентября, три дня послѣ полученія государемъ донесенія о Бородинскомъ сраженіи. Полагая, по словамъ князя Кутузова, что Наполеонъ отбитъ, и не зная объ отступленіи нашей арміи отъ Бородина, Чернышевъ былъ увѣренъ найти главную квартиру впереди Москвы, и потому ѣхалъ прямо на сію столицу. Въ Твери нашелъ онъ все въ величайшей тревогѣ, по случаю близости театра войны, но не могъ узнать, гдѣ именно князь Кутузовъ. Онъ продолжалъ путь столбовою дорогой, но ѣхалъ съ большою осторожностію, избѣгая встрѣчи непріятельскихъ отрядовъ. Миновавъ Клинъ, увидѣлъ онъ страшное зарево московскаго пожара. Бѣгущіе жители извѣстили его о плачевной участи древней столицы и приближеніи французскихъ разъѣздовъ къ Клину. Чернышевъ повернулъ налѣво, проселочными дорогами, по собственнымъ своимъ соображеніямъ, потому что ни въ одномъ селеніи и городѣ не могъ онъ ни отъ кого получить положительныхъ свѣдѣній объ арміи нашей. Онъ отправился на Дмитровъ, Троицу, Киржачъ, Покровъ, Коломну, Каширу и Серпуховъ. Между

тѣмъ императоръ Александръ, получивъ донесеніе о паденіи Москвы, крайне озаботился о Чернышевѣ, который везъ съ собою бумаги, долженствовавшія рѣшить участь войны, и послалъ фельдъегеря отыскивать его. Но Чернышевъ былъ въ безопасности. Въ Серпуховѣ узналъ онъ наконецъ, что армія стоитъ на старой Калужской дорогѣ у Красной Пахры, куда онъ пріѣхалъ, 8-го сентября, съ великимъ трудомъ, не находя нигдѣ почтовыхъ лошадей, и опасностями отъ шатавшихся повсюду шаекъ французскихъ мародеровъ.

Вручивъ князю Кутузову высочайшій рескриптъ, Чернышевъ просилъ о позволеніи прочесть ему операціонный планъ. Выслушавъ, Кутузовъ отвѣчалъ: «Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ императора; познаю пользу и выгоды, могущія послѣдовать отъ исполненія плана, но, къ сожалѣнію, послалъ я третьяго дня предписаніе Чичагову, не совсѣмъ сходное съ предположеніемъ государя. Я приказывалъ адмиралу, оставя армію Тормасова для прикрытія Волыни, слѣдовать съ молдавскою арміей черезъ Мозырь и Рогачевъ на Могилевъ, чтобы сблизиться со мною и угрожать тылъ непріятелей».

Чернышевъ возразилъ князю Кутузову: «По предположенію вашей свѣтлости нельзя отрѣзать князя Шварценберга и Ренье отъ главной арміи Наполеона и отъ Минской губерніи и предупредить ихъ въ занятіи важныхъ пунктовъ: Минска, Несвижа, Борисова и вообще большой Смоленской дороги, составляющей главную и почти единственную черту сообщеній непріятеля съ внѣшними землями. Армія Тормасова, дѣйствуя совершенно отдѣльно, не можетъ нанести рѣшительный ударъ князю Шварценбергу и Ренье и принудить ихъ къ совершенному бездѣйствію. По нынѣшнему расположенію Тормасова, онъ даже не въ состояніи помѣшать австрійцамъ и саксонцамъ стремиться къ Минску и далѣе, для соединенія съ корпусами Макдональда, Удино и Виктора, и сосредоточить большія силы въ центральной позиціи у Вильны, Несвижа, Минска, Борисова. Ставъ въ сей позиціи, непріятелю будетъ удобно отражать съ успѣхомъ наши арміи, которыя, дѣйствуя безъ всякой связи, найдутся въ невозможности отрѣзать сообщенія Наполеоновой главной арміи и лишить ее всякихъ подкрѣпленій. Польза, какую ваша свѣтлость надѣетесь получить отъ одной молдавской арміи, притягивая ее къ новой операціонной линіи вашей, гораздо будетъ дѣйствительнѣе и поспѣшнѣе, если обратить ее совершенно въ тылъ непріятеля по мѣстамъ, назначеннымъ отъ государя, тѣмъ болѣе, что движеніе Эртелева корпуса для соединенія съ молдавскою арміей будетъ угрожать и удерживать непріятеля въ Могилевѣ и окрестностяхъ».

Съ осторожностью и должнымъ уваженіемъ къ князю Кутузову излагая выгоды нашей новой операціонной линіи, особенно если дѣйствія наши будутъ быстры, Чернышевъ сказалъ ему, что императоръ Александръ предоставляетъ на его волю утвердить планъ или оставить безъ исполненій. Кутузовъ отвѣчалъ: «Вижу справедливость вашихъ сужденій и неоспоримую пользу предлагаемаго плана, но хочу посовѣтоваться съ Беннигсеномъ. Сдѣлайте для него по-французски выписку изъ привезенныхъ вами бумагъ». Въ ту же ночь переводъ былъ готовъ. Прочитавъ его, Беннигсенъ согласился съ начертаннымъ планомъ, послѣ чего князь Кутузовъ рѣшился привесть его въ исполненіе безъ всякой перемѣны, и сказалъ Чернышеву: «Поѣзжайте въ молдавскую армію. Надѣюсь, что по важности порученія вы ускорите поѣздкою и пріѣдете къ Чичагову тремя или четырьмя днями позже отправленнаго отъ меня къ нему за два дня курьера. Думаю, что до вашего прибытія Чичаговъ еще не успѣетъ сдѣлать никакого движенія. Скажите ему, чтобы онъ не очень стѣснялся выставленными на планѣ числами».

Желая сохранить въ непроницаемой тайнѣ возложенное на него порученіе, Чернышевъ переписалъ собственноручно всѣ относившіяся до плана бумаги и приложенія, которыя Кутузову надлежало утвердить своею подписью.

Въ заключеніе донесенія своего къ государю о свиданіи съ княземъ Кутузовымъ, Чернышевъ писалъ: «Паденіе Москвы произвело вездѣ и на всѣхъ большое впечатлѣніе, но такъ какъ почти все изъ нея вывезено, то овладѣніе ею не до такой степени улучшило бѣдственное положеніе Наполеона, чтобъ онъ могъ держаться долго и отнять у насъ надежду уничтожить его, если не сдѣлаютъ здѣсь важныхъ ошибокъ до соединенія силъ нашихъ въ тылу Наполеона. Правда, наша большая армія потерпѣла важную потерю въ людяхъ, но она, если не превосходитъ, то вѣрно въ равныхъ регулярныхъ силахъ съ непріятелемъ. Недостаетъ только: дѣятельности, отваги и порядка. Всѣ благомыслящіе люди всякаго состоянія, даже поселяне, съ коими я встрѣчался, страшатся одного: чтобы нынѣшнее положеніе дѣлъ не произвело наклонности къ миру, который, несомнѣнно, основанъ будетъ на безчестіи Россіи. Зная совершенно мнѣніе вашего величества на сей счетъ, я старался успокоивать жителей, утверждая, что образъ мыслей, твердое намѣреніе и характеръ вашего величества должны служить залогомъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества объ употребленіи еще болѣе усилій къ уничтоженію коварнаго врага, теперь уже ослабѣвшаго, и который столь далеко зашелъ внутрь Россіи».

Проведя два дня въ Красной Пахрѣ, Чернышевъ отправился въ главную квартиру двухъ нашихъ армій на Волыни и настигъ ихъ 17-го сентября у Любомля, на дорогѣ изъ Владиміра къ Бресту. Онъ вручилъ Тормасову высочайшій рескриптъ о назначеніи его главнокомандующимъ второю арміей, а Чичагову, на котораго государь возлагалъ предводительство соединенныхъ армій, молдавской и 3-й обсерваціонной, отдалъ всѣ бумаги, касавшіяся общаго операціоннаго плана. Здѣсь встрѣтилось недоразумѣніе въ разсужденіи сдачи Тормасовымъ войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. Въ высочайшемъ рескриптѣ, опредѣлявшемъ его на мѣсто князя Багратіона, чѣмъ Тормасовъ крайне оскорбился, не было упомянуто, кому именно сдать ему 3-ю армію. Чернышевъ прекратилъ колебаніе его, убѣдивъ его поручить команду старшему по немъ, генералу Маркову, съ тѣмъ, чтобы уже Марковъ поступилъ подъ начальство Чичагова. Притомъ Чернышевъ успѣлъ утѣшить Тормасова, говоря, что императоръ назначилъ его въ главную армію, потому что князь Кутузовъ, по преклонности лѣтъ и слабости здоровья, не можетъ быстро переѣзжать съ одного мѣста на другое, и государь желаетъ видѣть въ Тормасовѣ достойнаго помощника престарѣлому фельдмаршалу.

Пріѣздъ Чернышева на Волынь имѣлъ также самыя благодѣтельныя слѣдствія на наши арміи. Находясь въ великомъ удаленіи отъ главнаго театра войны, онѣ не знали что тамъ происходило, были въ крайнемъ уныніи отъ занятія непріятелемъ Москвы, истомленныя опасеніемъ, что, вѣроятно, скоро заключатъ миръ и миръ безславный! Чернышевъ одушевилъ войска радостными надеждами, объяснивъ подробно опасное положеніе Наполеона, далеко зашедшаго въ Россію, повсемѣстное воспламененіе народа, твердую рѣшимость государя не мириться, неистощимую дѣятельность его въ составленіи резервовъ, превосходное движеніе князя Кутузова на старую Калужскую дорогу, выгоды новаго операціоннаго пути его. Генералы и офицеры жадно слушали Чернышева, какъ довѣренное лицо императора и недавняго свидѣтеля того, что происходило на главномъ театрѣ войны. Не довольствуясь успокоить войска словами, Чернышевъ составилъ описаніе тогдашнихъ обстоятельствъ, которое было распространено на Волыни, въ Подоліи и также отправлено въ Австрію.

Оставшись главнокомандующимъ двухъ армій, Чичаговъ, находясь въ Любомлѣ, получилъ донесеніе отъ графа Ланжерона, что князь Шварценбергъ перешелъ на правую сторону Буга и съ главными силами потянулся къ Слониму, оставивъ Ренье съ саксонцами передъ

Брестомъ. Заключая изъ сего извѣстія, что непріятель у Бреста слабъ, Чичаговъ, не выступая самъ изъ Любомля, приказалъ находившемуся подъ Брестомъ графу Ланжерону съ корпусами его и Эссена атаковать непріятеля. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи исполненія своего приказанія, Чичаговъ послалъ Чернышева къ Бресту и приказалъ, если онъ найдетъ, что атака еще не произведена, отозвать графа Ланжерона отъ командованія, въ силу даннаго Чернышеву тайнаго повелѣнія, и поручить начальство старшему по немъ генералу Эссену. По дорогѣ къ Бресту, Чернышевъ нашелъ генерала Эссена стоящаго отдѣльно съ цѣлою пѣхотною дивизіей на правомъ берегу Буга, въ 5 верстахъ отъ Бреста. Изъ разговоровъ съ нимъ Чернышевъ не могъ ничего узнать положительнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о силахъ непріятеля, ни объ его расположеніи. Отправясь далѣе къ графу Ланжерону, онъ нашелъ его въ совершенной готовности атаковать на другой день непріятеля, лишь только окончена будетъ Ламбертомъ и Чаплицемъ постройка мостовъ чрезъ Муховецъ; но, однакоже, въ полной увѣренности, что передъ нимъ находится только отрядъ саксонцевъ, подъ начальствомъ Ренье. Въ такомъ положеніи, Чернышевъ принялъ на себя отвѣтственность не предъявлять Ланжерону повелѣнія, отрѣшающаго его отъ командованія и донесъ о томъ Чичагову. Чернышевъ убѣдилъ генерала Ланжерона присоединить къ себѣ дивизію генерала Эссена, дабы не ослабить свою пѣхоту на половину до рѣшительнаго дѣйствія, а для диверсіи послать кавалерійскій отрядъ съ артиллеріею на Тересполь.

Въ продолженіе ночи, такъ какъ посланные отъ Ланжерона не доносили объ окончаніи работъ на Муховцѣ, Чернышевъ самъ отправился на мѣсто и къ крайнему своему удивленію узналъ отъ Ламберта и Чаплица, что доставленныя ими прежде свѣдѣнія о непріятелѣ ошибочны, и что Шварценбергъ со всею своею арміей стоитъ передъ Брестомъ; на Слонимъ же направилъ онъ только небольшую часть своей кавалеріи. Тогда Чернышевъ поспѣшилъ къ Ланжерону и объяснилъ ему, что уже нечего и помышлять атаковать непріятеля, втрое насъ сильнѣйшаго, но, напротивъ того, надобно стараться оставлять его въ заблужденіи на счетъ слабости нашихъ силъ; Чичагову же донесъ въ то же время обо всемъ подробно и объяснилъ, что армія Шварценберга занимаетъ весьма невыгодную позицію, имѣя позади себя рѣку, и что если Чичаговъ успѣетъ прибыть къ Бресту со всѣми силами и застанетъ Шварценберга еще въ той же позиціи, то неминуемо его разобьетъ, а что между тѣмъ онъ, Чернышевъ, будетъ ближе и ближе рекогносци-

ровать позицію непріятеля. Чичаговъ съ отличною быстротой сдѣлалъ переходъ въ 50 верстъ отъ Любомля къ Бресту; но для атаки счелъ нужнымъ дождаться прибытія корпусовъ: Воинова и Булатова. Три дня прошли въ ожиданіи ихъ и въ обозрѣніяхъ. Когда собрались войска, назначено было атаковать непріятеля съ фронта. Чичаговъ, какъ бы въ награду Чернышева за его благоразумную распорядительность, поручилъ ему 4 баталіона, 4 эскадрона, 2 полка казаковъ и 8 орудій, съ приказаніемъ перейти черезъ Бугъ ночью и, когда раздадутся пушечные выстрѣлы, означающіе общую атаку, овладѣть Тересполемъ, сжечь и истребить тамъ плотины, а въ случаѣ отступленія непріятелей, преслѣдовать ихъ, нанося имъ возможный вредъ. Переправясь чрезъ Бугъ въ бродъ, въ 5 верстахъ отъ Тересполя, Чернышевъ скрылъ отрядъ свой въ лѣсу и за кустами и ждалъ условленныхъ выстрѣловъ. Безмолвіе ничѣмъ не прерывалось. Не слыша канонады, онъ велѣлъ казакамъ подойти какъ можно ближе къ Тересполю и узнать о происходящемъ тамъ. Вскорѣ казаки возвратились, донося, что въ Тересполѣ никого нѣтъ. Въ удостовѣреніе привели они нѣсколько австрійцевъ, которые показали, что князь Шварценбергъ, пользуясь глубокимъ туманомъ, отступилъ ночью чрезъ рѣку Лѣсну по дорогѣ къ Бѣлостоку. Чернышевъ занялъ Тересполь, вошелъ въ Брестъ и соединился съ Чичаговымъ.

Въ тотъ же день Чичаговъ поручилъ Чернышеву особливый отрядъ, назначая его распространить страхъ въ варшавскомъ герцогствѣ и въ самой Варшавѣ, вразумить поляковъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, объяснить имъ благотворительные на ихъ счетъ виды императора Александра, уничтожить заготовленные тамъ непріятелями запасы, особенно на военной дорогѣ изъ Люблина въ Варшаву и Брестъ. Притомъ приказано было Чернышеву: не удаляться отъ арміи на долгое время и не подвергать себя опасностямъ. Ввѣренный ему отрядъ состоялъ изъ полка казаковъ, трехъ эскадроновъ Чугуевскихъ улановъ и 4 конныхъ орудій.

Приступая къ исполненію порученія, Чернышевъ поставилъ себѣ первою цѣлію занять Мендержицъ, гдѣ сходятся военныя дороги изъ Варшавы и Люблина, что являло ему возможность угрожать и встревожить любой изъ сихъ городовъ, привести непріятелей въ недоумѣніе касательно будущихъ его замысловъ и овладѣть запасами непріятельскими. Согласно сему предположенію, Чернышевъ выступилъ изъ Бреста въ Бялу, объявилъ себя покровителемъ жителей и евреевъ, и въ намѣреніи наказать подъявшаго оружіе противъ Россіи князя

Радзивила, взялъ съ его имѣнія денежную дань въ 700 талеровъ, заклепалъ и потопилъ 15 принадлежавшихъ ему орудій. Изъ Бялы пошелъ онъ 1-го октября на Мендержицъ, полонилъ дорогою 40 непріятелей, взялъ съ города 2.200 червонцевъ, но пощадилъ находившійся тамъ замокъ, принадлежавшій князю Чарторійскому, тогда не враждебному Россіи. Узнавъ въ Мендержицѣ, что 2.000 австрійцевъ шли чрезъ Луковъ и Сѣдлецъ на подкрѣпленіе князя Шварценберга, Чернышевъ послалъ полковника Луковкина догонять ихъ и идти чрезъ Сѣдлецъ къ Венгрову и Соколову до Дрогочина, съ цѣлію атаковать съ тыла сіи 2.000 австрійцевъ и наблюдать за движеніями князя Шварценберга. Въ подкрѣпленіе Луковкина Чернышевъ пошелъ съ остальною частію своего отряда.

Октября 2-го, Чернышевъ вступилъ въ Сѣдлецъ, губернскій городъ воеводства. При сближеніи туда нашихъ, префектъ бѣжалъ и увезъ съ собою казну и архивы. Чернышевъ взялъ съ города 1.100 червонцевъ контрибуціи. Между тѣмъ Луковкинъ, преслѣдуя непріятелей, полонилъ 120 австрійцевъ и саксонцевъ и освободилъ 9 русскихъ, въ томъ числѣ офицера, взятыхъ въ плѣнъ подъ Городечною. Встревоженный появленіемъ Чернышева въ тылу своемъ и не зная силы отряда его, князь Шварценбергъ переправился со всею арміей за Бугъ у Дрогочина и послалъ войска противъ нашего отряда. Оставя въ наблюденіи за княземъ Шварценбергомъ 30 казаковъ, Чернышевъ немедленно обратился къ Люблину и для устрашенія Варшавы отрядилъ разъѣзды чрезъ Сточекъ и Гарволинъ къ самой Вислѣ. Дорогою онъ истребилъ непріятельскіе магазины въ Луковѣ, откуда отправилъ 4.000 четвертей хлѣба въ Брестъ для продовольствія арміи. При сожженіи магазиновъ, произошелъ въ Луковѣ пожаръ. Русскіе тушили огонь. Чернышевъ велѣлъ оцѣнить убытки пожара и роздалъ деньги погорѣвшимъ. Такимъ образомъ, адъютантъ императора Александра исторгалъ изъ огня имущество поляковъ въ то время, когда братья, родные, отцы тѣхъ же самыхъ поляковъ терзали внутренность Россіи и попирали ногами святыню ея. Черту сію должно сохранить въ потомствѣ, она живописуетъ вѣкъ Александра!

Продолжая быстро движеніе къ Люблину, Чернышевъ занялъ 4-го октября Коцкъ. Найденные здѣсь запасы хлѣба, соли и вина, роздалъ онъ жителямъ, ибо мѣстечко принадлежало русскому статскому совѣтнику Анштету. Въ Коцкѣ Чернышевъ получилъ донесенія, единогласно подтверждавшія, что князь Шварценбергъ идетъ на Сѣдлецъ, куда уже вступилъ его авангардъ, и что противъ него выступили

отряды изъ Люблина, Тарногоры и Замостья. При невозможности держаться противъ столь превосходныхъ силъ и получивъ отъ адмирала Чичагова повелѣніе возвратиться, Чернышевъ предпринялъ обратный походъ. Октября 7-го онъ перешелъ чрезъ Бугъ у Влодавы, привелъ съ собою 200 плѣнныхъ, взятыхъ въ восьмидневномъ поискѣ, во время котораго прошелъ онъ до 500 верстъ, сжегъ нѣсколько магазиновъ, ускользнулъ отъ преслѣдовавшихъ его войскъ, принудилъ князя Шварценберга оставить позицію при Дрогочинѣ, обратясь на защиту Варшавы, перехватилъ нѣсколько почтъ съ важными бумагами и встревожилъ все варшавское герцогство. Въ награду отряду за перетерпѣнныя имъ трудности и усильные марши въ дождливое время и грязными дорогами Чернышевъ роздалъ войску всю взятую имъ въ Польшѣ денежную контрибуцію.

Появленіе Чернышева въ варшавскомъ герцогствѣ потрясло на весь походъ вліяніе Наполеона на край сей. Находившійся въ Варшавѣ французскій посолъ де-Прадтъ пишетъ въ сочиненіи о своемъ посольствѣ въ Польшѣ слѣдующее: «Когда мы узнали о приближеніи Чернышева къ Вислѣ, произошло чрезвычайное смятеніе въ Варшавѣ. Всѣ готовились къ отъѣзду. Комендантъ принялъ мѣры къ защитѣ города и насильно отбиралъ лошадей у жителей. Онъ издавалъ печатныя объявленія, называлъ отрядъ Чернышева шайкою татаръ и, призывая къ общему вооруженію, говорилъ: «Великій Наполеонъ смотритъ на васъ съ московскихъ колоколенъ!» Риторическая фигура безграмотнаго коменданта о Наполеонѣ, стоявшемъ на обгорѣлыхъ колокольняхъ, не принесла пользы. Поляки перестали довѣрять французамъ, своимъ мнимымъ избавителямъ. «Едва отворены были заставы, — продолжаетъ посолъ Наполеоновъ,—все лучшее общество удалилось изъ Варшавы и болѣе не возвращалось».

Чрезъ недѣлю послѣ прибытія Чернышева изъ варшавскаго герцогства въ Брестъ, 15-го октября, адмиралъ Чичаговъ предпринялъ съ арміей движеніе къ Березинѣ, оставя Сакена скрывать отъ князя Шварценберга маршъ Молдавской арміи. Движеніе совершилось благополучно до Слонима, но здѣсь получено извѣстіе, что князь Шварценбергъ, выигравъ у Сакена два марша, внезапно появился между Волковискомъ и Зельве, угрожалъ прервать сообщенія между Молдавскою арміей и Сакеномъ, даже атаковать главную квартиру Чичагова, при которой находился только одинъ корпусъ и захватить наши обозы, тянувшіеся изъ Пружанъ въ Слонимъ. По симъ причинамъ непремѣнно надобно было остановить австрійцевъ. Того требовала и самая участь

похода, дабы Молдавской арміи можно было продолжать начатый ею маршъ, и встрѣтить на Березинѣ Наполеона, отступавшаго отъ Москвы.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи, адмиралъ Чичаговъ приказалъ Чернышеву взять казачій полкъ, идти къ Деречину и Зельве, занять сіи мѣста, по которымъ непріятель долженъ былъ слѣдовать, и наблюдать за его движеніями. Прибывъ 27-го октября въ Деречинъ, Чернышевъ узналъ, что корпусъ австрійскаго генерала Мора шелъ изъ Гродно къ мостамъ на Нѣманѣ и устраивалъ уже тамъ переправу для соединенія своего съ княземъ Шварценбергомъ. Чернышевъ послалъ къ мостамъ партію, которая, пройдя рысью болѣе 40 верстъ, разогнала рабочихъ и сожгла заготовленный для переправы лѣсъ. Въ то же время разъѣзды донесли ему, что австрійцы заняли Волковискъ и тянутся къ Зельвѣ. Онъ соединилъ всѣ свои разъѣзды и пошелъ навстрѣчу непріятеля, имѣя въ предметѣ истребить три моста, находившіеся на Зельвѣ и четвертый въ Ивашковичахъ. Впереди мѣстечка Зельве Чернышевъ встрѣтилъ нѣсколько эскадроновъ австрійцевъ. Они сильно напали на казаковъ, торопясь захватить мосты еще въ цѣлости, но, когда непріятели находились только въ верстѣ отъ рѣки, все уже было нашими истреблено. Такимъ образомъ, Чернышевъ остановилъ на нѣкоторое время князя Шварценберга, чѣмъ воспользовались Чичаговъ для продолженія марша къ Минску, а Сакенъ для нападеній на тылъ австрійцевъ и саксонцевъ.

Въ слѣдующій день Чернышевъ получилъ новое и опять чрезвычайной важности назначеніе. Имѣвъ повелѣніе дѣйствовать совокупно съ графомъ Витгенштейномъ, Чичагову необходимо было войти съ нимъ въ сношенія. До тѣхъ поръ, раздѣленный отъ графа Витгенштейна огромнымъ пространствомъ, занятымъ непріятелями, не могъ онъ имѣть съ нимъ прямой переписки; она ходила дальними окружными дорогами, изъ Литвы черезъ Тарутино, на Владиміръ, Тверь и Полоцкъ. Отъ того всѣ извѣстія, получаемыя Чичаговымъ отъ графа Витгенштейна, привозимы были несвоевременно. Гдѣ графъ Витгенштейнъ? Будетъ ли онъ въ состояніи соединиться съ Молдавскою арміей? Рѣшеніе сихъ вопросовъ столько же нужно было знать Чичагову, какъ и графу Витгенштейну имѣть точныя свѣдѣнія о Молдавской арміи. Чернышевъ вызвался отыскать мѣстопребываніе графа Витгенштейна, извѣстить его о маршѣ и предположеніяхъ Чичагова. Согласясь на вызовъ, Чичаговъ далъ Чернышеву казачій полкъ и отправилъ его на отважное предпріятіе, въ которомъ надлежало идти на перерѣзъ всѣхъ путей, находившихся во власти непріятелей.

Вездѣ находились команды ихъ и депо. Жители, враждебно къ намъ расположенные, готовы были извѣщать комендантовъ и этапныхъ начальниковъ о движеніяхъ Чернышева. Величайшая быстрота была необходимымъ условіемъ успѣха.

Чернышевъ переправился вплавь чрезъ Нѣманъ у Колодезной и пошелъ на Каменъ и Ивенецъ. Его внезапное появленіе въ краю, гдѣ вовсе не помышляли о близости русскихъ войскъ, подало ему возможность застать врасплохъ много непріятельскихъ командъ, магазиновъ и госпиталей, но важность порученія и отдаленность отъ армій не дозволяли ему обременять себя плѣнными. Онъ ограничивался истребленіемъ оружія и запасовъ, собраніемъ свѣдѣній объ арміи Наполеоновой и корпусахъ его. Ночною порой перешелъ онъ близъ Родошкевичей столбовую дорогу изъ Вильны въ Минскъ, по которой днемъ слѣдовали сильныя непріятельскія колонны, и остановился въ четырехъ верстахъ отъ нея скрытно, сторожа, не удастся ли поймать кого на дорогѣ. Съ сею цѣлью поставилъ онъ казаковъ въ засадѣ. Счастье, неразлучное съ Чернышевымъ на войнѣ, благопріятствовало ему и здѣсь. Какъ нарочно для него, проѣзжали въ ту ночь четыре кабинетные курьера Наполеонова и французскіе жандармы везли изъ-подъ Москвы плѣнныхъ: генерала Винценгероде, адъютанта его Нарышкина, генералъ-маіора Свѣчина и двухъ русскихъ офицеровъ. Всѣ они были схвачены казаками. Найденныя на курьерахъ бумаги заключали въ себѣ важныя тайны. Удивленіе Винценгероде, когда его привели къ Чернышеву, было неописанное. Онъ долго не хотѣлъ вѣрить своему избавленію, не постигая, какъ очутились казаки наши между Вильною и Минскомъ. Послѣ удачной ловитвы, Чернышевъ продолжалъ маршъ и, пройдя въ четверо сутокъ до 400 верстъ, явился въ Чашникахъ къ графу Витгенштейну, который такимъ образомъ въ первый разъ еще съ самаго начала войны получилъ прямо изъ Молдавской арміи свѣдѣнія о ея дѣйствіяхъ и дальнѣйшихъ видахъ Чичагова. Извѣщая о семъ подвигѣ наслѣднаго шведскаго принца, императоръ Александръ писалъ ему собственноручно: «Чернышевъ сдѣлалъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ маршей, о какихъ повѣствуетъ военная исторія».

Изъ Чашниковъ Чернышевъ отправился въ началѣ ноября въ Петербургъ, успѣвъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ быть въ главныхъ квартирахъ князя Кутузова, Чичагова, графа Витгенштейна, сообщить имъ предположенія императора, переговорить съ ними о совокупныхъ дѣйствіяхъ ихъ и сверхъ того совершить нѣсколько блестящихъ дѣлъ. Легко вообразить, сколь пріятно было императору Александру увидѣть

Чернышева и услышать отъ него, какъ самовидца, все происходившее въ арміяхъ, нравственное и матеріальное состояніе войскъ, виды и намѣренія главнокомандующихъ, бытъ и духъ всего огромнаго пространства Россіи, служившаго театромъ войны. Въ награду за подвигъ императоръ пожаловалъ Чернышева генералъ-маіоромъ и генералъ-адъютантомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Походъ въ Германію 1813 года.

Сущность дѣйствій Чернышева. — Движеніе къ Вислѣ. — Покореніе Маріенвердера. — Переходъ черезъ Вислу.—Переговоры съ пруссаками.—Нападеніе на маршала Мортье.— Блокада Данцига.—Настоянія о быстромъ преслѣдованіи французовъ.—Письмо къ королю прусскому. — Рукописная карта Германіи. — Пораженіе кн. Гедроица. — Движенія къ Кюстрину. — Переходъ черезъ Одеръ. — Первые успѣхи за Одеромъ. — Вторженіе въ Берлинъ. — Дѣйствія вокругъ Берлина. — Вступленіе въ Берлинъ.— Преслѣдованіе французовъ до Треіенбрицена.—Рескриптъ короля прусскаго. — Поѣздка въ Калишъ.— Переходъ чрезъ Эльбу. — Люнебургское сраженіе. — Возвращеніе за Эльбу. — Письмо князя Кутузова.—Рескриптъ короля прусскаго.—Второй переходъ за Эльбу и дѣйствія противъ Даву.—Обратный походъ за Эльбу.—Третья переправа черезъ Эльбу. — Гальберштатское дѣло. — Покушеніе на Лейпцигъ. — Первыя дѣйствія послѣ перемирія. — Дѣло подъ Бельцигомъ. — Блокада Витенберга. — Четвертый переходъ чрезъ Эльбу. — Покореніе Касселя.—Уничтоженіе Вестфальскаго королевства.—Дѣйствія послѣ лейпцигскаго сраженія до Майна. — Ганауское сраженіе. — Прибытіе къ Рейну. — Порученіе къ наслѣдному шведскому принцу.

Когда въ 1812 году побѣда рѣшила споръ за существованіе Россіи, въ душѣ императора Александра уже созрѣла мысль: не полагать меча, доколѣ не будетъ уничтожено самовластіе Наполеона. Отстоявъ свое царство, онъ положилъ освободить Европу, и съ сею цѣлью пріѣхалъ въ Вильну 11-го декабря, сопровождаемый Чернышевымъ. Военныя дѣйствія были тогда остановлены княземъ Кутузовымъ. Сокрушивъ Наполеоновы арміи, фельдмаршалъ не хотѣлъ съ главными силами переходить за Нѣманъ и послалъ только авангарды преслѣдовать непріятеля до Вислы. Многіе генералы были согласны съ Кутузовымъ не выходить изъ предѣловъ Россіи, но императоръ велѣлъ немедленно привести арміи въ движеніе и, не взирая на изнуреніе войскъ и зиму, идти впередъ. Самымъ ревностнымъ поборникомъ мнѣнія Александра

явился Чернышевъ. Много лѣтъ проведя за границею и посвященный въ таинства дворовъ, онъ зналъ лучше, нежели кто либо изъ русскихъ генераловъ, тогдашнее положеніе дѣлъ въ Европѣ, всю жестокость ига Наполеонова, сокровенныя, но пламенныя желанія кабинетовъ и народовъ освободиться отъ тяготѣвшаго надъ ними ярма. Убѣжденіе въ сихъ великихъ истинахъ и въ необходимости быстрыхъ, рѣшительныхъ ударовъ противъ Наполеона наполняло всѣ помыслы Чернышева и составляетъ отличительное свойство, или, справедливѣе, сущность всѣхъ дѣйствій его въ заграничныхъ походахъ.

Вскорѣ послѣ прибытія своего въ Вильну императоръ Александръ отправилъ его въ Ковно, гдѣ находился корпусъ графа Платова, состоявшій изъ 24-хъ казачьихъ полковъ. Чернышевъ имѣлъ повелѣніе подвигнуть престарѣлаго атамана къ большей дѣятельности и обуздать казаковъ, которые начинали поступать съ Пруссіею, какъ съ землею непріятельскою. Графъ Платовъ поручилъ Чернышеву авангардъ свой, составленный изъ 12 донскихъ полковъ, и съ остальными 12-ю полками послѣдовалъ за нимъ. Съ перваго шага своего Чернышевъ ознаменовалъ себя быстротою необыкновенною, съ каковою, какъ увидимъ впослѣдствіи, онъ не переставалъ дѣйствовать три года, до 1815 года, когда Наполеонъ былъ уничтоженъ.

Въ нѣсколько дней усиленными маршами Чернышевъ перешелъ восточную Пруссію, направляясь къ Эльбингу, на нижнюю Вислу, куда отступили бѣжавшія изъ Россіи французскія войска и, сдѣлавъ послѣдній переходъ въ 12 миль, явился 30-го декабря у Маріенвердера. Причиною столь поспѣшнаго движенія было намѣреніе захватить вице-короля италійскаго, маршала Виктора и еще нѣсколько французскихъ генераловъ, которые, достигнувъ Маріенвердера, почитали себя тамъ, на берегахъ Вислы, совсѣмъ обезпеченными отъ преслѣдованія русскихъ, не дававшихъ имъ покоя отъ Малоярославца, гдѣ началось отступленіе Наполеона. Сыскавъ надежныхъ проводниковъ, во мракѣ зимней ночи Чернышевъ обложилъ Маріенвердеръ со всѣхъ сторонъ и ввелъ войско въ улицы; казаки вскакали во дворъ занимаемаго королемъ дома. Плѣнъ его и находившихся съ нимъ генераловъ былъ неизбѣженъ, если бы, по недоразумѣнію, два казачьихъ полка не упустили занять дороги, ведущей къ Вислѣ, отчего непріятели успѣли спастись бѣгствомъ, оставивъ въ добычу намъ 15 мѣдныхъ орудій съ ящиками, магазины и нѣсколько сотъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ генерала. Вообще отъ начала своихъ дѣйствій за Нѣманомъ до покоренія Маріенвердера Чернышевъ взялъ въ плѣнъ болѣе 2.000 человѣкъ.

На другой день, 1-го января 1813 года, Чернышевъ перешелъ чрезъ Вислу и занялъ городъ Нейенбургъ. Здѣсь онъ остановился на сутки для роздыха отряду и сношеній съ генераломъ Бюловымъ, начальникомъ прусскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Вислы, ибо, перейдя сію рѣку, надлежало о дальнѣйшемъ слѣдованіи нашемъ условиться съ пруссаками, тогда нашими непріятелями, состоявшими въ союзѣ съ Наполеономъ. Полный успѣхъ увѣнчалъ переговоры Чернышева. Разскажемъ обстоятельства дѣла. Постигая необходимость склонить на нашу сторону пруссаковъ, по крайней мѣрѣ уговорить ихъ, чтобы они на первое время не мѣшали нашимъ движеніямъ, Чернышевъ еще прежде своей переправы чрезъ Вислу, находясь въ Мюльгаузенѣ, вошелъ въ тайныя сношенія съ адъютантомъ Бюлова, Каленомъ. Переговоривъ съ нимъ, Чернышевъ отправилъ къ Бюлову капитана графа Пушкина, заключить съ пруссаками какое либо условіе для облегченія дѣйствій войскъ нашихъ въ предпринимаемой заграничной войнѣ. Слѣдствіемъ переговоровъ было—честное слово и клятва Бюлова: «не соединять корпуса его съ французами, находиться отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, не дозволять имъ занять Грауденцъ, не мѣшать движенію русскихъ войскъ; если понадобится намъ какой либо пунктъ, уступать намъ его безъ сопротивленія; находиться въ тайныхъ сношеніяхъ съ нами посредствомъ грауденцскаго коменданта, давать намъ извѣстія о состояніи непріятельскихъ войскъ, наконецъ пересылать наши письма къ прусскому двору». Обезпечивъ себя такимъ образомъ со стороны Бюлова, Чернышевъ отправилъ переговорщика въ Грауденцъ удостовѣриться въ истинномъ расположеніи тамошняго коменданта Краузенека, и получилъ самыя успокоительныя съ его стороны увѣренія.

Таковы были первыя дѣйствія Чернышева на лѣвомъ берегу Вислы. Давъ войску отдохнуть сутки въ Нейенбургѣ, онъ продолжалъ маршъ на мѣстечко Ошикъ (Oschieck). Здѣсь онъ узналъ, что маршалъ Мортье собиралъ въ Калишѣ остатки нѣкогда знаменитой Наполеоновой гвардіи. Чернышевъ предпринялъ атаковать его внезапно, ночью съ 5-го на 6-ое января. Для того раздѣлилъ онъ отрядъ на двѣ части; одна изъ нихъ, назначаемая ударить на главную квартиру Мортье, прошла въ сутки 10 миль. Обѣ колонны подходили къ непріятелямъ въ мракѣ, были уже близко отъ нихъ, какъ наткнулись на французскій патруль, который извѣстилъ Мортье объ угрожавшей ему опасности. Наполеонова гвардія и Мортье побѣжали въ безпорядкѣ, преслѣдуемые пушечными выстрѣлами и спѣшенными казаками, причемъ взято 200 человѣкъ плѣнныхъ. Непріятели обратились къ Позену, гдѣ вице-король собиралъ

убѣжавшія изъ Россіи войска. Чернышевъ пошелъ въ тылъ его, на Коницъ, и хотѣлъ двинуться чрезъ Ландсбергъ къ Одеру, занять на немъ переправы, въ убѣжденіи заставить вице-короля отступить отъ Позена и овладѣть множествомъ плѣнныхъ, которые по одиночкѣ и частями спѣшили къ Одеру.

Вдругъ разрушились всѣ намѣренія его. Государь, недовольный, что блокада Данцига, порученная графу Платову, содержится очень слабо, такъ что въ крѣпость могъ войти отрядъ въ двѣ тысячи и транспортъ провіанта, высочайше повелѣлъ Чернышеву остановиться съ своимъ отрядомъ и отправиться къ Данцигу для устройства блокады. Прибывъ подъ Данцигъ, Чернышевъ принялъ надлежащія мѣры къ совершенному обложенію крѣпости и провелъ три недѣли подъ Данцигомъ, распоряжаясь блокадою по неограниченной къ нему довѣренности Платова.

Видя собственными глазами ужасное разстройство, въ какомъ находились французы между Вислою и Одеромъ, возможность нанесть имъ величайшій вредъ, и заключая, что пруссаки только ждутъ появленія нашего на Одерѣ, чтобы отложиться отъ Наполеона, Чернышевъ, находясь у Данцига, не переставалъ просить императора и князя Кутузова о быстромъ преслѣдованіи непріятелей. Онъ предлагалъ государю составить три летучіе отряда изъ пѣхоты, легкой конницы и казаковъ, на слѣдующемъ основаніи: первому отряду идти чрезъ Драмбургъ на Старгардъ, встревожить Штетинъ и спуститься изъ Старгарда берлинскою дорогой чрезъ Пирицъ къ Кюстрину. Второму или центральному отряду идти чрезъ Тухель, Дейчь-Кроне и Ландсбергъ, откуда, судя по обстоятельствамъ, подкрѣпить первый отрядъ движеніемъ вправо, или обратиться къ Франкфурту. Третьему отряду слѣдовать отъ Торна къ Позену. Составъ каждаго изъ сихъ отрядовъ, долженствовавшихъ очистить отъ французовъ всю страну между Вислою и Одеромъ и встревожить Берлинъ, Чернышевъ полагалъ слѣдующій: 1.000 казаковъ, полкъ гусаровъ, эскадронъ драгуновъ, баталіонъ или два пѣхоты и 4 орудія. Третій отрядъ назначался сильнѣе, ибо долженъ былъ идти на Позенъ прямо на непріятеля. Донесеніе свое къ государю о сихъ отрядахъ Чернышевъ заключилъ такъ: «Нельзя довольно поспѣшно привесть въ исполненіе представляемыя здѣсь предположенія. Каждый день отсрочки ослабляетъ ужасъ, поселенный нами въ непріятелѣ, даетъ французамъ время укрѣпиться на Одерѣ и собравъ тамъ значительныя силы, угрожать берлинскому двору и нѣмецкой землѣ, отнять у нихъ

добрую волю присоединиться къ намъ и заставить ихъ поступать вопреки собственныхъ выгодъ ихъ».

Настоянія Чернышева были уважены, хотя и поздно, потому что вице-король успѣлъ между тѣмъ соединить до 7.000 человѣкъ, и множество французовъ перебралось чрезъ Одеръ, чего они не успѣли бы сдѣлать, если бы продолжалось неослабное за ними преслѣдованіе. Января 17-го графъ Платовъ поручилъ Чернышеву отрядъ; но только что назначенныя ему войска начали собираться, Платова отозвали въ главную квартиру государя. Преемникомъ его былъ графъ Витгенштейнъ. Онъ утвердилъ за Чернышевымъ отрядъ, но измѣнилъ составъ его, отчего произошло опять нѣсколько дней промедленія. Порученныя Чернышеву войска состояли въ 4-хъ слабыхъ эскадронахъ, 6-ти полкахъ казаковъ и 2-хъ конныхъ орудій. Въ то же время учреждены были, какъ предлагалъ Чернышевъ, еще два отряда: Тетенборна и Бенкендорфа; сверхъ того графу Воронцову велѣно было идти отъ Торна на Позенъ. На Чернышева возложили дѣйствовать въ тылъ сего города и къ Одеру.

Прежде нежели послѣдуемъ за нимъ въ сей походъ, упомянемъ о двухъ обстоятельствахъ, случившихся во время пребыванія Чернышева подъ Данцигомъ. Первое, что онъ, не имѣя ни отъ кого разрѣшенія, отправилъ къ прусскому королю письмо, убѣждая его величество уѣхать изъ Берлина въ Бреславль, избавиться такимъ образомъ отъ безпрерывнаго и тягостнаго надзора французскихъ генераловъ, находившихся въ Берлинѣ съ войсками, и по прибытіи въ Бреславль объявить войну Наполеону. Письмо было написано въ сильныхъ выраженіяхъ: «Le temps des ménagemens est passé», говорилъ Чернышевъ королю и убѣдилъ его отправиться въ Бреславль.

Другое обстоятельство, хотя не столь важное, но и его нельзя оставить въ молчаніи, а именно, что Чернышевъ досталъ и представилъ императору Александру огромную рукописную военную карту средней Европы, составленную по приказанію Наполеона лучшими французскими инженерами изъ всѣхъ матеріаловъ, какіе находилъ онъ въ завоеванныхъ имъ столицахъ. Карта стоила большихъ суммъ, и по увѣренію генерала Бакле-д'Альба, начальника топографическаго депо Наполеона, 12-ти-лѣтнихъ трудовъ. Она служила для собственнаго употребленія Наполеона, а когда была получена отъ Чернышева государемъ, то ни на одинъ день, во время заграничныхъ походовъ, не выходила изъ рукъ его величества. Въ кабинетѣ и на поляхъ сраженія взоры Александра были часто на нее устремлены. По этой при-

чинѣ, кромѣ своего внутренняго достоинства, карта сія должна храниться навсегда, какъ драгоцѣнный памятникъ.

Выступивъ изъ-подъ Данцига къ своему новому назначенію, въ тылъ вице-короля, стоявшаго въ Позенѣ, Чернышевъ пошелъ на Шнейдемюле. Здѣсь надобно было ему условиться вновь съ генераломъ Бюловымъ о своемъ движеніи. Посланный имъ въ прусскій корпусъ графъ Пушкинъ привезъ отвѣтъ, что не «только Бюловъ не будетъ мѣшать движеніямъ Чернышева, но даже отправляетъ офицера къ королю, испрашивая позволенія дѣйствовать заодно съ русскими». Совершенно обезпечивъ себя со стороны пруссаковъ, Чернышевъ продолжалъ маршъ изъ Шнейдемюле на Филенъ. Здѣсь узналъ онъ, что отрядъ польской конницы князя Гедроица стоялъ въ Цирке оплошно, почитая себя безопаснымъ, бывъ прикрытъ Вартою, на которой едва держался ледъ. Въ ту же ночь Чернышевъ выступилъ изъ Филена, перешелъ чрезъ Варту, нечаянно напалъ на поляковъ, разсѣялъ ихъ и полонилъ самого князя Гедроица съ сыномъ его, полковникомъ, болѣе 20 офицеровъ и 400 рядовыхъ. Изъ Цирке Чернышевъ обратился въ мѣстечко Пинне, лежащее на столбовой дорогѣ изъ Позена въ Ландсбергъ, слѣдственно, совершенно въ тылу вице-короля. Видя путь своихъ сообщеній прерваннымъ и угрожаемый съ фронта графомъ Воронцовымъ, вице-король началъ отступать изъ Позена къ Одеру.

Чернышевъ послалъ партію въ Пинне и Бетше, пресѣчь сообщенія между корпусомъ вице-короля и шедшимъ на соединеніе съ нимъ генераломъ Гренье, а самъ повернулъ на Бирнбаумъ. Вице-король отрядилъ противъ него часть войскъ въ Оберзички, а съ остальными шелъ большою дорогою на Франкфуртъ, предписавъ генералу Гренье занять всѣ переправы чрезъ Одеръ и стѣснять Чернышева со всѣхъ сторонъ. Въ исполненіе сего приказанія бригада Фрессине потянулась изъ Ландсберга въ Шверинъ, а остальная часть корпуса Гренье въ Бетше, гдѣ ожидала вице-короля и отряда, слѣдовавшаго по теченію Варты, изъ Оберзичекъ въ Цирке и Ландсбергъ. Видя себя отвсюду окруженнымъ непріятельскою пѣхотой, и имѣя для отступленія одинъ Дризенскій дефилей, Чернышевъ оставилъ бригаду полковника Быхалова прикрывать переходъ его чрезъ Варту и быстро двинулся въ Дризенъ.

На маршѣ онъ получикъ изъ Беренвальда предложеніе полковника Тетенборна: соединиться съ нимъ и дѣйствовать вмѣстѣ за Одеромъ, почему немедленно пошелъ по направленію къ Кюстрину, дабы въ его окрестностяхъ перейти чрезъ Одеръ. Оттепель и сильные дожди, лившіе два дня, дѣлали переправу почти невозможною. Ледъ совсѣмъ

отсталъ отъ береговъ, а въ срединѣ рѣки былъ чрезвычайно тонокъ. На спѣхъ устроили подмостки по обоимъ берегамъ и къ удивленію жителей, Чернышевъ перешелъ Одеръ, потерявъ только повозку и зарядный ящикъ, такъ сильно увязшіе въ льдинахъ, что въ скорости невозможно было вытащить ихъ. Въ тотъ же вечеръ, 5-го февраля, рѣка вскрылась и отрѣзала Чернышева отъ нашихъ армій.

Смѣлый, вовсе французами неожиданный переходъ чрезъ Одеръ, въ двухъ миляхъ отъ Кюстрина, въ срединѣ ихъ операціоннаго пути, не далъ имъ времени соединить разсѣянные по лѣвой сторонѣ рѣки отряды, а потому два изъ нихъ сдѣлались жертвою Чернышева. Уже на другой день послѣ переправы 6-го февраля, бригада полковникя Ефремова встрѣтила въ Циндорфѣ французскій легкоконный полкъ, разбила его совершенно, положила 107 человѣкъ и взяла 150 лошадей; находившійся при полку генералъ былъ тяжело раненъ и увезенъ въ Берлинъ. Въ слѣдующее утро, начальникъ авангарда Чернышева, полковникъ Быхаловъ, настигъ въ селеніи Тасдорфъ пѣхотный французскій полкъ и по упорной защитѣ въ церковный оградѣ, согласилъ его сдаться, обѣщавъ каждому сохраненіе своего имущества, за отобраніемъ оружія и припасовъ, причемъ полонены полковникъ, 5 штабъ и 9 оберъ-офицеровъ и 182 рядовыхъ. Посланная на франкфуртскую дорогу партія захватила трехъ французскихъ провіантскихъ чиновниковъ, ѣхавшихъ изъ Магдебурга заготовлять продовольствіе на Одерѣ. Таковы были начальные успѣхи переправы Чернышева за Одеръ, который онъ перешелъ первый изъ русскихъ генераловъ, подобно тому, какъ за мѣсяцъ первый явился на лѣвомъ берегу Вислы.

Двумя днями послѣ Чернышева перешелъ чрезъ Одеръ полковникъ Тетенборнъ. Въ Альтъ-Ландсбергѣ увидѣлся онъ съ Чернышевымъ, который предложилъ ему обоими отрядами сдѣлать покушеніе на Берлинъ, занятый корпусомъ маршала Ожеро. На другой день 8-го февраля, въ 4 часа утра, пошли они къ Берлину. Приближаясь къ нему, Чернышевъ послалъ полковника Власова съ двумя казачьими полками въ Шарлотенбургъ, гдѣ стояла большая часть французской артиллеріи. Атака Власова должна была служить сигналомъ отрядамъ вскакать въ Берлинъ.

Когда все было готово къ нападенію, нѣсколько преданныхъ намъ берлинскихъ жителей просили тайно Чернышева и Тетенборна помедлить однимъ днемъ и обѣщали тогда произвести въ городѣ возстаніе, къ чему, по ихъ увѣренію, они давно готовились, но не успѣли еще принять всѣхъ надлежащихъ мѣръ, не ожидая такъ скоро прибытія

русскихъ войскъ. Чернышевъ не хотѣлъ отстрочивать нападенія, не полагаясь много на содѣйствіе жителей, но Тетенборнъ былъ противнаго мнѣнія и не хотѣлъ идти впередъ. Во время возникшихъ о томъ преній, показались изъ Берлина 30 французскихъ всадниковъ и ѣхали по тому направленію, гдѣ стоялъ отрядъ Тетенборна. Сей послѣдній ударилъ на французовъ и вмѣстѣ съ ними вскакалъ въ Берлинъ. Чернышевъ пошелъ на его подкрѣпленіе, картечными выстрѣлами обратилъ назадъ вышедшую изъ Пренцлаускихъ воротъ непріятельскую конницу и послалъ бригаду Ефремова въ Гамбургскія ворота, а полки Грекова 18-го чрезъ Кенигсторъ. Какъ потокъ разлились казаки по Берлину. Часъ и три четверти наводняли они всѣ улицы и остановились только у рѣки, на которой деревянные мосты были изломаны, а каменный укрѣпленъ 6-ти пушечною батареей. Французскій гарнизонъ сбѣгался на сборныя мѣста, во всю прыть лошадей неслись изъ Шарлотенбурга орудія. Казаки нападали четыре раза на непріятельскія колонны и обращая ихъ вспять, останавливались у Александровской площади, встрѣтя тамъ каре съ 8-ю пушками. Жители хотя и желали намъ успѣха, но усердіе свое изъявляли только восклицаніями и привѣтствіями. Страхъ къ французамъ еще обуревалъ ихъ, и полиція даже стрѣляла въ толпы народа, которыя болѣе другихъ обнаруживали готовность пристать къ намъ.

Видя такое положеніе дѣлъ и невозможность удержаться съ конницею въ городѣ, защищеннымъ 8.000 пѣхоты и 40 пушками, Чернышевъ приказалъ отступать, сколь не трудно было собрать казаковъ, всюду гарцовавшихъ. Два донца были ранены на Липовой аллеѣ передъ окнами принцессы Оранской. Она скрыла ихъ въ своемъ домѣ и тайно содержала у себя двѣ недѣли, пока французы совершенно очистили Берлинъ. Когда Чернышевъ отступилъ; французы двинулись на него изъ города, но были остановлены артиллеріею. Во время происходившаго въ самомъ Берлинѣ сраженія, Власовъ овладѣлъ Шарлотенбургомъ и полонилъ 168-мь человѣкъ. Бой конницы въ срединѣ огромнаго города являетъ рѣдкое явленіе въ военной исторіи, и имѣлъ бы слѣдствіемъ покореніе Берлина, если бы жители воспламенены были истинными чувствами любви къ отечеству и ополчились на враговъ своихъ. Потеря обоихъ отрядовъ нашихъ простиралась до 150 человѣкъ.

Совершивъ отважное, справедливѣе дерзкое вторженіе въ Берлинъ, Чернышевъ и Тетенборнъ отступили къ Ораніенбургу и прикрылись рѣкою Гавелемъ. Давъ тамъ войску отдохнуть, они обратились на путь непріятельскихъ сообщеній изъ Берлина въ Магдебургъ. Партіи Черны-

шева истребили въ Потсдамѣ суда съ французскою аммуниціей, перехватили вестфальскаго посланника графа Линдена и повѣренныхъ въ дѣлахъ, французскаго Лефевра и испанскаго Уркихо. Потомъ Чернышевъ подошелъ къ Берлину, куда передовые казаки его приближались на 5 верстъ. Встревоженный появленіемъ донцовъ, маршалъ Ожеро завалилъ всѣ берлинскія ворота на правомъ берегу Шпрее, оставивъ свободно только ораніенбургскую заставу, откуда выходилъ, дѣлая частыя обозрѣнія. На послѣднемъ обозрѣніи, 19-го февраля, командовавшій авангардомъ Чернышева, маіоръ графъ Пушкинъ, оттѣснилъ французовъ до самой заставы и поставилъ у нея свои передовые посты. Онъ приказалъ казакамъ надѣть прусскія кокарды, что привлекло въ нашъ авангардъ множество берлинцевъ, отъ которыхъ Чернышевъ получилъ подробныя свѣдѣнія о происходившемъ въ Берлинѣ. Дѣла находились тамъ въ слѣдующемъ положеніи.

Маршалъ Ожеро былъ столь пораженъ вторженіемъ нашихъ войскъ въ Берлинъ и безпрестаннымъ появленіемъ ихъ въ окрестностяхъ столицы, что почиталъ отряды Чернышева и Тетенборна несравненно сильнѣе, нежели какъ они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ вывелъ гарнизонъ изъ домовъ, поставилъ его биваками на улицахъ и писалъ вице-королю, бывшему во Франкфуртѣ, что ему нельзя долѣе оставаться на Одерѣ. Основываясь на мнѣніи Ожеро, вице-король покинулъ защиту Одера и усиливъ сколько могъ гарнизоны крѣпостей, лежащихъ по сей рѣкѣ, пошелъ въ Берлинъ. Такимъ образомъ дѣйствія отрядовъ Чернышева и Тетенборна имѣли великое слѣдствіе: они заставили непріятеля покинуть защиту линіи Одера, и тѣмъ самымъ облегчить переправу чрезъ сію рѣку авангарду графа Витгенштейна.

Также узналъ Чернышевъ отъ жителей, что маршалъ Ожеро, сдавъ команду маршалу Сенъ-Сиру, уѣхалъ во Францію, и что Сенъ-Сиръ намѣревается выступить изъ Берлина 20-го февраля. Опасаясь, чтобы стоявшіе у заставъ казаки не напали на французскій арріергардъ при выходѣ его изъ Берлина, Сенъ-Сиръ заключилъ 19-го февраля съ прусскимъ начальникомъ города, графомъ Гольцомъ, условіе: «не впускать русскихъ въ Берлинъ прежде 10-ти часовъ слѣдующаго утра». Графъ Гольцъ извѣстилъ о семъ условіи Чернышева, который отвѣчалъ, что не почитаетъ договора обязательнымъ для себя, и тотчасъ, ночью съ 19-го на 20-е, послалъ лопатки и кирки въ свой авангардъ, приказавъ ему уничтожить сдѣланное французами передъ заставою укрѣпленіе, потомъ подошелъ къ ней, разбилъ ее ядрами, и въ 5 часовъ утра вошелъ въ Берлинъ. Въ то самое время французскій арріергардъ

выступалъ изъ Галльскихъ и Потсдамскихъ воротъ, причемъ Чернышевъ полонилъ нѣсколько сотъ французовъ, остававшихся въ улицахъ.

При появлении Чернышева въ Берлинѣ, ликованія народа потрясали воздухъ. Вездѣ возносились благословенія Александру! Жители, шесть лѣтъ страдавшіе въ тяжкой неволѣ, казалось забыли претерпѣнныя ими бѣдствія, и предавались только неограниченнымъ порывамъ радости, доходившей до изступленія. Чернышевъ немедленно отправился къ находившимся въ Берлинѣ членамъ королевской фамиліи: принцессѣ Оранской, принцамъ Генриху и Вильгельму. Ихъ высочества благодарили его со слезами на глазахъ, желая только, чтобы поспѣшнѣе прибылъ въ Берлинъ верховный виновникъ избавленія Пруссіи—Александръ. Портреты Чернышева тысячами являлись въ Берлинѣ во всѣхъ размѣрахъ, даже на тканяхъ женскихъ нарядовъ.

Не предаваясь упоенію побѣды, Чернышевъ нетерпѣливо ожидалъ прибытія другихъ отрядовъ нашихъ въ Берлинъ, и когда они пришли, немедленно выступилъ за непріятелемъ, за которымъ неослабно слѣдовала уже часть его отряда и не давала французамъ покоя. Чернышевъ вскорѣ настигъ французовъ, два дня тѣснилъ ихъ арріергардъ, а когда они заняли позицію при Кансдорфѣ, обошелъ ее частью своего отряда, между тѣмъ какъ другая часть стрѣляла по позиціи изъ 4-хъ орудій. Маршалъ Сенъ-Сиръ отступилъ, поспѣшая къ Витенбергу. Чернышевъ преслѣдовалъ его до Треіенбрицена, но здѣсь долженъ былъ остановиться по недостатку снарядовъ. Пополнивъ ихъ, онъ хотѣлъ идти за Эльбу, но какъ отрядъ его былъ слабъ, то онъ просилъ графа Витгенштейна усилить его конницею и прислать ему два баталіона пѣхоты для охраненія переправы его, послѣ чего онъ намѣренъ былъ вторгнуться въ Вестфалію, и для того вступилъ уже въ тайныя сношенія съ ея жителями. Тамъ ждали только его появленія для всеобщаго возстанія противъ Наполеона. Донося о своихъ предположеніяхъ и надеждахъ на покореніе Вестфаліи, Чернышевъ испрашивалъ у государя разрѣшенія: «до котораго мѣста простирать ему дѣйствія за Эльбою?»

Прочитавъ донесенія Чернышева, князь Кутузовъ не согласился на его предложенія, почитая переходъ за Эльбу преждевременнымъ. Тѣмъ были остановлены на сей разъ дѣйствія Чернышева. Государь наградилъ его орденомъ св. Георгія 3-го класса за покореніе Берлина и Аннинскою лентою за преслѣдованіе маршала Сенъ-Сира до Треіенбрицена. Король прусскій удостоилъ его слѣдующимъ рескриптомъ: «Съ великимъ удовольствіемъ узналъ я, что вы первые вступили въ Берлинъ. Я весьма уважаю дарованія и храбрость, приведшія васъ въ

*

мою столицу, какъ равно вниманіе ваше къ представленіямъ моихъ чиновниковъ, относительно общественнаго спокойствія и безопасности. Для меня весьма пріятно принести вамъ за то мою благодарность, и я изъявилъ-бы вамъ ее гораздо ранѣе, если-бы путешествіе мое въ Берлинъ и другія препятствія не остановили меня въ томъ противъ моего желанія. Будьте увѣрены, что я не премину пользоваться случаями свидѣтельствовать вамъ мое уваженіе».

Не получивъ разрѣшенія идти въ Вестфалію, Чернышевъ отправился въ Берлинъ къ графу Витгенштейну, который возложилъ на него важное порученіе: ѣхать въ Калишъ къ императору Александру и князю Кутузову съ предположеніями о предстоявшемъ походѣ. Чернышевъ былъ осыпанъ милостями государя. Объяснивъ операціонный планъ графа Витгенштейна, онъ настаивалъ также въ необходимости поспѣшнаго перехода за Эльбу. Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился къ графу Витгенштейну съ высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ княземъ Кутузовымъ: «выступить съ арміею изъ Берлина къ Дессау, и послать три летучіе отряда: Чернышева, Тетенборна и Дернберга за Эльбу, гдѣ имъ дѣйствовать въ лѣвое крыло собиравшихся въ Германіи Наполеоновыхъ войскъ и тѣмъ ослаблять его на средней Эльбѣ, куда вскорѣ должна была явиться главная россійско-прусская армія». Подробности предписанныхъ императоромъ дѣйствій для летучихъ отрядовъ заключались въ слѣдующемъ: Чернышеву и Дернбергу переходить чрезъ Эльбу у Гавельберга, а Тетенборну у Гамбурга, послѣ чего всѣмъ тремъ обратиться на Брауншвейхъ, Ганноверъ и Бременъ. Мѣры сіи были повелѣны въ предположеніи, что Наполеонъ сосредоточитъ свои силы въ средней Германіи у Лейпцига и Эрфурта, что въ сѣверной части нѣмецкой земли французскихъ войскъ останется немного, и слѣдственно нашимъ отрядамъ откроется свободное поприще. Заключеніе сіе не оправдалось на самомъ дѣлѣ по слѣдующей причинѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Калишъ, Чернышевъ, устремя всѣ свои помыслы на переходъ за Эльбу, приказалъ матеріалы для переправы готовить въ Плауенскомъ каналѣ, въ Гавельбергѣ и Ленценѣ. Узнавъ о сихъ приготовленіяхъ, командовавшій тогда французскою арміей въ Германіи, вице-король италійскій, вообразилъ, что они дѣлаютъ для переправы главной арміи нашей, и что она перейдетъ за Эльбу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Чернышевъ приказалъ собирать матеріалы. Потому потянулся онъ влѣво къ Магдебургу, со всѣми своими силами, состоявшими изъ корпусовъ Даву и Виктора. Такое положеніе дѣлъ, несходное съ предположеніями въ Калишѣ, гдѣ думали, что французы будутъ слабы на нижней Эльбѣ, ставило на-

чальниковъ летучихъ отрядовъ нашихъ въ большое затрудненіе и требовало съ ихъ стороны великой рѣшимости, но однакожь не поколебало ихъ.

По возвращеніи Чернышева, 14-го марта, къ своему отряду, который между тѣмъ былъ усиленъ и подвинулся къ Эльбѣ, узналъ онъ, что Дернбергъ уже перешелъ чрезъ сію рѣку противъ Вербенъ. Чернышевъ пошелъ тотчасъ на соединеніе съ нимъ и прибылъ 15-го марта къ Вербену, но въ тотъ самый день Дернбергъ, атакованный генераломъ Монбреномъ, братомъ убитаго подъ Бородинымъ, принужденъ былъ возвратиться за Эльбу у Зандкруга, на судахъ, посланныхъ къ нему Чернышевымъ, и которыя непріятельскій огонь не могъ остановить. Довольный своимъ успѣхомъ, Монбренъ отступилъ къ Апенбургу. Узнавъ о томъ, Чернышевъ условился съ Дернбергомъ идти опять за Эльбу, и 17-го марта переправился на лѣвый берегъ у Зандкруга и занялъ Ульценъ. За нимъ послѣдовалъ Дернбергъ чрезъ два дня, перешелъ чрезъ Эльбу у Ленцена и расположился въ Даннебергѣ. Даву стоялъ въ Стендалѣ. Прибывъ въ Ульценъ, Чернышевъ получилъ извѣстіе, что жители Люнебурга возстали противъ французовъ, объявили себя за правое дѣло союзниковъ, вооруженною рукой прогнали посланный усмирять ихъ французскій эскадронъ. Въ то же время донесли ему, что генералъ Моранъ идетъ съ 4.000 пѣхоты, 300 конницы и 12-ю орудіями покорить вновь Люнебургъ власти Наполеоновой, и что туда же съ одинаковою цѣлью выступилъ Даву изъ Стендаля, ведя съ собою 14.000 человѣкъ.

Желая спасти несчастныхъ люнебургцевъ, угрожаемыхъ страшною местію французовъ, Чернышевъ предложилъ Дернбергу спустить наши перевозныя суда изъ Ленцена къ Бойценбургу, а обоимъ отрядамъ идти тотчасъ къ Люнебургу и разбить Морана, прежде прибытія Даву. Мужественный Дернбергъ, вопреки представленія своихъ генераловъ, согласился на подвигъ трудный, но основанный на истинныхъ правилахъ военнаго искусства. Такъ поступили: Милорадовичъ подъ Обилешти и въ Отечественную войну графъ Витгенштейнъ подъ Клястицами, когда изъ сосредоточеннаго положенія они напали на разобщеннаго непріятеля, шедшаго по двумъ различнымъ дорогамъ.

Чернышевъ и Дернбергъ двинулись усиленными маршами къ Люнебургу, но сколько не спѣшили они, Моранъ предупредилъ ихъ занятіемъ сего города, нарядилъ военный судъ и приговорилъ 50 люнебургцовъ къ смерти. Извѣстіе о жребіи, ожидавшемъ злополучныя жертвы, побудило нашихъ генераловъ атаковать немедленно. Въ отрядахъ ихъ

было 700 человѣкъ пѣхоты, одинъ баталіонъ 2-го Егерскаго полка и баталіонъ пруссаковъ, 2.000 конницы и 10 орудій. Распоряженія къ нападенію заключались въ слѣдующемъ: два казачьи полка пошли на дорогу, откуда приближался Даву, и одинъ полкъ на дорогу къ Даннебергу, наблюдать: не появится-ли непріятель съ нашего тыла, и прикрывать перевозныя суда, шедшія къ Бойценбургу; полковнику барону Палену, съ двумя казачьими полками, переправиться чрезъ рѣку Ильменау, зайти къ противной сторонѣ города и произвесть сколь можно болѣе тревоги, стараясь привлечь на себя все вниманіе Морана. Въ ожиданіи, какое дѣйствіе послѣдуетъ отъ атаки барона Палена, Чернышевъ и Дернбергъ стали скрытно подлѣ города, въ кустахъ, откуда хотѣли броситься на Люнебургъ, коль скоро французы обратятся на Палена. Моранъ, обманутый появленіемъ казаковъ на лѣвомъ берегу Ильменау, выступилъ самъ противъ нихъ, пославъ въ то же время баталіонъ и двѣ пушки за ту заставу, гдѣ наши были въ засадѣ. Едва баталіонъ вышелъ изъ города, Чернышевъ велѣлъ его атаковать; непріятель былъ опрокинутъ, съ потерю 200 плѣнныхъ и обоихъ орудій. Минута для общей атаки казалась благопріятною и отряды вышли изъ засады. Чернышевъ напалъ на Альтенбрюкскія, Дернбергъ на Люнерторскія ворота, но тѣ и другія были завалены, а городская стѣна и ближніе домы заняты французскими стрѣлками. Услышавъ сильную пальбу позади себя, Моранъ оставилъ небольшую часть войскъ противъ барона Палена, силы котораго успѣлъ онъ между тѣмъ распознать, а съ прочими поспѣшилъ къ Люнебургу.

Два часа не могли одолѣть французовъ. Картечи 10-ти орудій, пули егерей и спѣшенныхъ казаковъ, не колебали непріятеля, огражденнаго крѣпкимъ мѣстоположеніемъ. Обѣ стороны сражались съ ожесточеніемъ. Русскія и французскія пушки сближались однѣ противъ другихъ на 40 шаговъ. Наконецъ, наши отбили ворота и ворвались въ улицы. Моранъ отступилъ изъ города. Тѣсня непріятеля по пятамъ, наши не замѣтили въ пылу преслѣдованія, что одинъ французскій баталіонъ повернулъ въ боковыя улицы и остался въ городѣ, когда русскіе и пруссаки выходили изъ него для преслѣдованія французовъ. Не успѣли еще всѣ союзныя войска выступить вслѣдъ за Мораномъ, какъ хвостъ ихъ былъ атакованъ въ самомъ городѣ оставшимся тамъ баталіономъ, который выбѣжалъ на площадь съ боковыхъ улицъ, гдѣ дотолѣ скрывался. Возникшій отъ сего нападенія ружейный огонь произвелъ кратковременную тревогу въ союзныхъ войскахъ, шедшихъ противъ Морана, а тотъ, съ своей стороны, пользуясь симъ случаемъ,

выстроилъ полки въ боевой порядокъ и двинулся впередъ, рѣшась обратно взять Люнебургъ. Суматоха въ улицахъ продолжалась, однако, не долго, потому что находившійся тамъ французскій баталіонъ былъ истребленъ, причемъ отбито двѣ пушки. Между тѣмъ Моранъ наступалъ въ колоннахъ съ барабаннымъ боемъ. Чернышевъ выдвинулъ противъ него всю артиллерію обоихъ отрядовъ и приказалъ казакамъ по данному знаку броситься съ разныхъ сторонъ на французовъ. Едва приказаніе было отдано, замѣтили въ непріятельскихъ рядахъ колебаніе, происшедшее отъ полученной Мораномъ смертельной раны. Казаки и регулярная конница атаковали отвсюду. Французы, лишившись начальника, бросили ружья. Трофеями были: городъ, 12 пушекъ, 4 знамя и весь обозъ; въ плѣнъ взяты: Моранъ, болѣе 80 офицеровъ и 2.500 нижнихъ чиновъ, остальные убиты; изъ всего отряда ни души не спаслось. Бой подъ Люнебургомъ былъ первымъ упорнымъ кровопролитнымъ боемъ русскихъ въ нѣмецкой землѣ за ея свободу и первымъ гдѣ русскіе и пруссаки сражались за одно, соревнуя другъ передъ другомъ въ храбрости. Потеря наша простиралась до 300 человѣкъ. Подъ Чернышевымъ ранена лошадь.

Одержавъ совершенную побѣду и спасши люнебургцовъ, Чернышевъ и Дернбергъ получили въ тотъ же вечеръ извѣстіе, что 6.000-ный авангардъ Даву вступилъ въ Даленбургъ, а самъ Даву съ 8.000 человѣкъ приближается къ Ульцену. Сими движеніями хотѣлъ онъ припереть наши отряды къ Эльбѣ или къ Везеру, въ чемъ, конечно, успѣлъ бы, превосходя насъ числомъ впятеро. Потому въ слѣдующее утро, 22-го марта, Чернышевъ и Дернбергъ, забравъ съ собою взятыя ими пушки, знамена, плѣнныхъ и 2.300 ружей, переправились за Эльбу. Чернышевъ оставилъ на лѣвомъ берегу ея два казачьи полка наблюдать за Даву, и писалъ ему, что за смерть каждаго люнебургскаго жителя будетъ онъ разстрѣливать плѣнныхъ у него французовъ. Угроза возымѣла желаемое дѣйствіе: ни одинъ житель не былъ казненъ. Кромѣ совершеннаго уничтоженія Морановой дивизіи, люнебургское сраженіе имѣло весьма важное вліяніе на общій ходъ войны: оно привлекло весь корпусъ Даву на низовья Эльбы и тѣмъ оттянуло его отъ средней Германіи, гдѣ Наполеонъ сосредоточивалъ свои главныя силы.

Донося государю о пораженіи Морана и испрашивая монаршихъ милостей своимъ подчиненнымъ, Чернышевъ писалъ въ заключеніе: «Позвольте возобновить вашему величеству просьбу, которою я уже нѣсколько разъ утруждалъ васъ: не награждать меня ничѣмъ.—Я осыпанъ вашими благодѣяніями и слишкомъ счастливымъ почитаю себя,

что могу посвятить жизнь мою тому, кого Провидѣніе назначило быть благодѣтелемъ и спасителемъ вселенной. О, если бы я могъ доказать вашему величеству всю мою преданность къ вашей священной особѣ, и изъяснить, какъ глубоко напечатлѣны въ моемъ сердцѣ ваши попеченія о моемъ образованіи: я, такъ сказать, созданъ вами!» По волѣ императора князь Кутузовъ отвѣчалъ Чернышеву: «Вы себя покрыли новою славой. Мы чувствуемъ въ полной мѣрѣ всю важность сей побѣды; сіе должно, безъ сомнѣнія, сдѣлать впечатлѣніе на вновь собирающіяся французскія войска. Прошу отъ меня принять чистосердечное поздравленіе. Пѣхоты, мы знаемъ, у васъ было немного, а непріятель въ довольныхъ силахъ и въ улицахъ заставлялъ васъ покупать всякій шагъ кровію. Его императорское величество приказалъ препроводить къ вамъ знаки брилліантовые ордена Св. Анны перваго класса». Въ то же время король прусскій удостоилъ Чернышева слѣдующимъ рескриптомъ: «Предводительствуя храбрыми вашими войсками, вы явили при Люнебургѣ новое доказательство блистательной храбрости, содѣлавшей васъ столь страшнымъ непріятелю, коего вы уже изгнали изъ моей столицы. Я препровождаю при семъ къ вамъ знаки моего ордена Краснаго Орла 1-го класса. Примите ихъ залогомъ моего почтенія и признательности».

Возвратясь за Эльбу, Чернышевъ пошелъ къ Делицу, гдѣ приготовилъ суда для новой переправы чрезъ Эльбу. Онъ хотѣлъ при первой возможности идти опять на лѣвый берегъ ея. Между тѣмъ Даву не настигнувъ Чернышева и Дернберга въ Люнебургѣ и узнавъ объ обратной переправѣ ихъ, расположилъ свой корпусъ въ Зальцведелѣ, Ульценѣ и Целле. Чрезъ нѣсколько дней, полагая лѣвый берегъ Эльбы обезпеченнымъ отъ новыхъ нападеній, онъ потянулся со всѣми силами къ Гифгорну, дабы сблизиться съ вице-королемъ италійскимъ, коего корпуса, расположенные отъ Магдебурга къ Дессау, составляли ядро Наполеоновыхъ силъ въ Германіи. Узнавъ о семъ движеніи маршала Даву и желая остановить его маршъ, Чернышевъ перешелъ за Эльбу и пригласилъ Дернберга идти туда же. Дернбергъ послѣдовалъ вызову, переправился въ Бойценбургѣ черезъ три дня послѣ Чернышева, и занялъ Люнебургъ. Чернышевъ былъ уже въ Ульценѣ, и выставилъ передовую казачью цѣпь на большомъ пространствѣ, желая тѣмъ ввести маршала Даву въ заблужденіе и заставить его думать, что за огромною цѣпью казаковъ находятся у насъ большія силы. Въ то же время послалъ онъ во фланги и тылъ Даву казачьи партіи, которыя ежедневно брали плѣнныхъ. Дернбергъ подвинулся изъ Люнебурга къ Целле.

Всѣ сіи распоряженія такъ сильно подѣйствовали на Даву, еще встревоженнаго недавнею побѣдой нашихъ генераловъ подъ Люнебургомъ, что онъ отказался отъ движенія, сближавшаго его къ вице-королю, вознамѣрился защищаться на берегахъ Аттера и прикрывать Брауншвейгъ и Ганноверъ. Силы его простирались до 18.000 человѣкъ съ 30 орудіями. Чрезъ нѣсколько дней соединился съ нимъ Себастіани съ 2.000 конницы, сформированными въ Ганноверѣ. Въ томъ числѣ было 500 доброконныхъ кирасировъ. Занявъ позицію на Аттерѣ, Даву производилъ 4-го, 5-го и 6-го апрѣля усиленныя обозрѣнія противъ авангарда Чернышева, стоявшаго въ Гроссъ-Эзингенѣ. Для обозрѣнія онъ употреблялъ каждый разъ отъ 3 до 4.000 пѣхоты и отъ 15 до 18 эскадроновъ. Распоряжая лично авангардомъ своимъ, Чернышевъ размѣщалъ по прежнему казаковъ на большое пространство. При видѣ ихъ, Даву обыкновенно останавливался и открывалъ безвредную для насъ канонаду. Весь успѣхъ трехъ-дневныхъ обозрѣній его ограничился занятіемъ селенія Гроссъ Эзингена, а между тѣмъ казаки успѣли отхватить у него офицера и 40 конныхъ егерей. 7-го апрѣля Даву двинулся впередъ со всѣмъ корпусомъ, но вскорѣ возвратился на свою позицію, когда появился въ его тылу посланный Чернышевымъ казачій полкъ, на сообщеніе непріятелей между Магдебургомъ, Брауншвейгомъ и Гальберштатомъ. Такимъ образомъ, въ теченіи 18 дней отряды Чернышева и Дернберга удерживали въ бездѣйствіи и безпрестанной тревогѣ 20.000 корпусъ маршала Даву, и сверхъ того вынуждали непріятелей имѣть гарнизоны въ Целле, Минденѣ, Ніенбургѣ и Бременѣ, изъ опасенія покушеній нашихъ на сіи города.

Предписанная императоромъ Александромъ цѣль летучихъ отрядовъ: «оттягивать непріятеля отъ средней Эльбы, озабочивая его на лѣвомъ его крылѣ», была вполнѣ достигнута, но вскорѣ присутствіе новаго начальника лишило ихъ возможности дальнѣйшихъ успѣховъ. Всѣ три дѣйствовавшіе на нижней Эльбѣ отряда: Чернышева, Дернберга и Тетенборна подчинили въ то время принятому изъ австрійской службы въ русскую, генералъ-лейтенанту графу Вальмодену, тому самому, котораго Чернышевъ предлагалъ въ 1811 году назначить начальникомъ нѣмецкаго легіона, долженствовавшаго, по совѣту его, формироваться на нашихъ границахъ, о чемъ подробно изложено въ 3-й главѣ настоящаго сочиненія. Графъ Вальмоденъ былъ офицеръ храбрый въ день сраженія, когда дѣйствовалъ подъ глазами и руководствомъ главнокомандующаго, но оставаясь самъ распорядителемъ, старшимъ начальникомъ, онъ не имѣлъ предпріимчивости духа, не зналъ искусства

пользоваться обстоятельствами. Подвергая каждый шагъ разсчету, онъ ничего не предоставлялъ случаю, удачѣ, не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія въ предводительствованіи нашими легкими войсками и не пріобрѣлъ славы, имѣя къ тому много средствъ.

Графъ Вальмоденъ перевелъ на правый берегъ Эльбы три ввѣренные ему отряда, и оставался тамъ въ бездѣйствіи, подъ предлогомъ формировать волонтерныя войска и защищать сѣверную Германію отъ нападеній Даву. Тщетно убѣждалъ его Чернышевъ къ движеніямъ наступательнымъ, объясняя удобность нанести въ тылу Наполеона рѣшительные удары. Долго оставался Вальмоденъ непреклоннымъ. Наконецъ, въ половинѣ мая, позволилъ онъ Чернышеву перейти черезъ Эльбу и сдѣлать нападеніе на Ганноверъ, гдѣ французскій генералъ Бруссье командовалъ резервною кавалеріей и артиллеріей, отправляя ихъ по мѣрѣ сформированія въ дѣйствующую армію. Болѣе 150 орудій стояло въ Ганноверѣ, куда для нихъ сводили людей и лошадей, а войскъ для прикрытія артиллеріи было немного, потому что по отдаленію Ганновера отъ театра войны, непріятели считали его мѣстомъ безопаснымъ отъ нападенія союзниковъ. Ночью, съ 16-го на 17-е мая, Чернышевъ переправился у Делица чрезъ Эльбу и уже былъ на третьемъ переходѣ за сею рѣкою, какъ получилъ отъ графа Вальмодена приказаніе возвратиться. Поводомъ къ тому было извѣстіе о выступленіи изъ Магдебурга тамошняго гарнизона на дорогу къ Берлину. Обезпокоенный симъ движеніемъ, которое, какъ потомъ оказалось, было произведено французами только для обозрѣнія, и полагая, что непріятель намѣренъ идти на Берлинъ, графъ Вальмоденъ хотѣлъ воспрепятствовать сему покушенію, началъ сосредоточивать свои силы и велѣлъ Чернышеву идти назадъ къ Бойценбургу.

Чернышевъ возвратился въ Делицъ, остановилъ у сего города отрядъ свой, послалъ партіи на лѣвый берегъ Эльбы, а самъ поѣхалъ къ графу Вальмодену въ Бойценбургъ и испросилъ у него разрѣшеніе идти вверхъ по Эльбѣ, располагая дѣйствовать въ тылъ Магдебургскаго гарнизона, если въ самомъ дѣлѣ пошелъ онъ на Берлинъ. Отправившись обратно въ Делицъ и прибывъ въ Феркландъ, Чернышевъ узналъ, что выступившие изъ Магдебурга французы возвратились въ крѣпость. Въ то же время его партіи, находившіяся на лѣвомъ берегу Эльбы, перехватили письмо, изъ коего онъ увидѣлъ, что 14 пушекъ, 80 зарядныхъ ящиковъ, 800 лошадей и обозъ съ артиллеріею и оружіемъ слѣдуютъ изъ Ганноверскаго депо въ Магдебургъ, подъ прикрытіемъ 2.000 человѣкъ пѣхоты и конницы, и съ 17-го на 18-ое мая будутъ

ночевать въ Гальберштатѣ. Чернышевъ немедленно переправился черезъ Эльбу у Феркланда и устремился на Гальберштатъ усиленнымъ маршемъ, пройдя 15 миль въ 30 часовъ. Въ 7-ми верстахъ отъ города было перехвачено новое донесеніе, изъ котораго узнали, что въ селеніи Гессенѣ, въ 3-хъ миляхъ отъ Гальберштата, по дорогѣ въ Брауншвейгъ, ночевалъ другой артиллерійскій паркъ, изъ 16-и орудій, прикрытый 4.000 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы, и въ то же утро долженствовалъ соединиться съ паркомъ, стоявшимъ при Гальберштатѣ для продолженія вмѣстѣ съ нимъ марша. Такое извѣстіе побудило Чернышева, не взирая на усталость людей, напасть немедленно. Мая 18-го, поутру въ 4 часа, приблизился Чернышевъ къ Гальберштату, гдѣ командовалъ вестфальскій генералъ Оксъ. Извѣщенный о появленіи казаковъ, Оксъ поѣхалъ обозрѣвать ихъ и принять мѣры къ оборонѣ. Паркъ и обозъ, построенные вагенбургомъ, стояли близъ города, между предмѣстіемъ, рѣкою и дорогою въ Гессенъ, обрытою рвами. Вокругъ размѣщены были орудія и пѣхота, по сторонамъ стояла конница. При появленіи русскихъ, пѣхота отступила къ парку.

Чернышевъ послалъ полкъ Сысоева къ Гессену, откуда долженъ былъ идти второй паркъ; полковнику Грекову 18-му съ его полкомъ и 2 эскадронами Рижскихъ драгуновъ приказано ворваться въ Гальберштатъ, поражать находившихся въ немъ непріятелей, потомъ нападать на паркъ изъ города, а полковнику Власову съ двумя казачьими полками атаковать батареи съ фронта. Грековъ овладѣлъ Гальберштатскими воротами и отрѣзалъ тамъ нѣсколько пѣхоты, но Власовъ былъ встрѣченъ и отбитъ ружейнымъ огнемъ и картечами. Тогда открыли пальбу изъ нашихъ двухъ орудій и взорвали 5 ящиковъ. Въ то же время командующій Сысоева полкомъ донесъ, что подкрѣпленіе второго парка уже приближается изъ Гессена и ускоряетъ шагъ, услышавъ канонаду при Гальберштатѣ. Медлить было нельзя: надлежало отступить, или атаковать почти неприступное артиллерійское каре. Чернышевъ избралъ послѣднее. По данному сигналу казаки, гусары и драгуны, составлявшіе отрядъ, бросились на батареи, выдержали картечный залпъ и начали рубить артиллеристовъ. Французская и вестфальская пѣхота отчаянно защищалась штыками, но мужественная оборона послужила только къ гибели ея, потому что наши, приведенные въ ожесточеніе упорствомъ обороны, изрубили большую часть пѣхоты, даже подъ повозками, откуда непріятели стрѣляли. «Никогда не могъ я себѣ представить», писалъ Чернышевъ въ донесеніи, «столь удивительной, примѣрной атаки. Рѣшительность войскъ при ударѣ на батарею и быстрота, съ какою достигли они до орудій,

превзошли всѣ мои ожиданія. Ни одинъ изъ 2.000 непріятелей не избѣжалъ смерти или плѣна»! Трофеями побѣды были всѣ 14 орудій, 80 зарядныхъ ящиковъ и болѣе 1.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ дивизіонный генералъ Оксъ, полковникъ и 15 офицеровъ. Взято много провіанта, аммуниціи и оружія. Едва кончилось дѣло, показался непріятель изъ Гессена. Чернышевъ выступилъ ему на встрѣчу и удерживалъ его 4 часа ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, а между тѣмъ отбитые трофеи отправляли назадъ, къ Эльбѣ. Обезпечивъ путь ихъ, Чернышевъ послѣдовалъ за ними и пошелъ черезъ Бернбургъ въ Роселау.

Дѣло подъ Гальберштатомъ имѣло чрезвычайно важныя слѣдствія на весь край, по которому проходили пути непріятельскаго сообщенія. Всѣ парки и тяжести, направленные съ Рейна на Магдебургъ и къ Наполеоновой арміи, получили приказаніе остановиться. Генералъ Бруссье отправилъ поспѣшно въ Минденъ находившійся въ Ганноверѣ артиллерійскій паркъ. Желая перевозъ исполнить тайно отъ разъѣздовъ Чернышева, наводнившихъ дороги въ Вейсенфельсъ, Цейцъ, Ганноверъ, Брауншвейгъ и Кассель, французы обвертывали пушечныя колеса соломою. До такой степени обуялъ ихъ страхъ.

Возвратясь изъ подъ Гальберштата къ Роселау, Чернышевъ согласилъ стоявшаго подъ Магдебургомъ графа Воронцова сдѣлать совокупное съ нимъ покушеніе на Лейпцигъ, гдѣ французскій генералъ Арриги, герцогъ Падуанскій, формировалъ 3-й кавалерійскій корпусъ, находились 3.000 человѣкъ пѣхоты, склады аммуничныхъ вещей, казна и госпитали. Графъ Воронцовъ согласился на предложеніе, послѣ чего условились: соединить оба отряда въ Деличѣ, такимъ образомъ, чтобы французы не могли догадаться о намѣреніи ихъ. Графъ Воронцовъ оставилъ у Магдебурга полковника Красовскаго съ 14-мъ Егерскимъ полкомъ и двумя баталіонами Прусскаго ополченія, приказавъ ему, для сокрытія его временнаго удаленія къ Лейпцигу, дѣлать ложныя приготовленія къ переправѣ чрезъ Эльбу. Съ прочими войсками, простиравшимися до 4.000 человѣкъ, выступилъ онъ, 24-го мая, къ Акену, перешелъ тамъ чрезъ Эльбу и 25-го прибылъ, форсированнымъ маршемъ, въ Деличъ. Пѣхоту везли отчасти на подводахъ. Быстро подоспѣлъ Чернышевъ въ Деличъ изъ Бернбурга, куда нарочно сдѣлалъ маршъ изъ Роселау, вводя непріятеля въ заблужденіе на счетъ настоящаго своего направленія. По соединеніи отрядовъ въ Деличѣ, положено: 1) Чернышеву обойти Лейпцигъ со стороны Таухи, захватить стоявшую тамъ конную французскую бригаду и потомъ занять дороги въ Торгау, Виттенбергъ и Дрезденъ, стараясь обратить исключительно на себя вни-

маніе Арриги; 2) графу Воронцову идти прямо къ Лейпцигу и, приблизясь, дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

26-го мая, рано поутру, Чернышевъ занялъ Тауху, близъ коего одна французская конная бригада только-что строилась къ ученью. Тотчасъ отправилъ онъ команды на всѣ пути непріятельскаго отступленія, а потомъ пошелъ въ атаку. Донцы ударили въ дротики и взяли въ плѣнъ 2-хъ полковниковъ, 12 офицеровъ и 400 рядовыхъ; остальныхъ гнали до Лейпцигскихъ предмѣстій. Встревоженные въ Лейпцигѣ французы кинулись къ ружью, на спѣхъ принимали мѣры обороны, а наши готовились къ приступу, когда вдругъ явились изъ города генералы: Ламотъ къ графу Воронцову, Пире къ Чернышеву, оба съ объявленіемъ о заключенномъ въ главныхъ арміяхъ Пойшвицкомъ перемиріи. Вскорѣ пріѣхалъ самъ Арриги и показалъ полученныя имъ отъ Наполеона подлинныя бумаги, свидѣтельствовавшія, что перемиріе дѣйствительно подписано. Наши отрядные генералы не имѣли еще извѣстій о томъ отъ своего начальства и различествовали въ мнѣніи: признать ли перемиріе, или продолжать дѣйствовать вооруженною рукой? Чернышевъ полагалъ не обращать вниманія на объявленія французскихъ генераловъ, утверждая, что такого рода извѣстія, получаемыя посредствомъ непріятелей, не могутъ быть для насъ обязательны, что надобно овладѣть Лейпцигомъ, самымъ важнымъ пунктомъ операціоннаго пути Наполеона, и не прекращать военныхъ дѣйствій, доколѣ не получатъ изъ нашей главной квартиры увѣдомленія о перемиріи. Напротивъ того, графъ Воронцовъ почиталъ объявленіе французскихъ генераловъ достаточнымъ для остановленія дѣйствій. Онъ былъ старшій, и слѣдовательно надлежало согласоваться съ его волею. Взявъ съ собою заложниками генерала Ламота и Пире, графъ Воронцовъ и Чернышевъ отступили къ Эльбѣ. Прибывъ въ Дессау, они получили повелѣніе о перемиріи и отпустили заложниковъ.

Донынѣ князь Воронцовъ не можетъ простить себѣ и сожалѣетъ, что онъ не согласился на мнѣніе Чернышева, признавая, что не долженъ былъ уважить перемиріе, не имѣя о томъ извѣщенія отъ своего начальства и слѣдуя только увѣренію непріятелей, что должно прекратить военныя дѣйствія. Тѣмъ лишились мы случая нанести Наполеону великій вредъ, овладѣвъ огромными складами, находившимися въ Лейпцигѣ и ставъ значительными силами на средоточіи сообщеній его. Кромѣ матеріальныхъ потерь, какія понесъ бы Наполеонъ, утративъ Лейпцигъ, завоеваніе сего города возъимѣло бы сильное впечатлѣніе на его могущество въ Германіи, особенно еслибъ Чернышеву удалось исполнить задуманное имъ другое предпріятіе. Онъ хотѣлъ, совершивъ ударъ на

Лейпцигъ, тотчасъ обратиться вправо и въ три усиленные марша поспѣть тайно къ находящемуся въ семи верстахъ отъ Касселя увеселительному замку Вильгельмсгеге, который тогда назывался Наполеонсгеге, гдѣ жилъ братъ Наполеоновъ, Вестфальскій король Іеронимъ. Чернышевъ завелъ уже тайныя сношенія въ Вестфаліи и увѣренъ былъ схватить Іеронима. Легко вообразить, какія огромныя слѣдствія произошли бы отъ полоненія короля, въ землѣ, какъ Вестфалія, гдѣ всѣ сословія были крайне ожесточены противъ французскаго владычества, и для общаго возстанія противъ тяготѣвшаго надъ ними иноплеменнаго ига ожидали только рѣшительнаго съ нашей стороны успѣха.

Пойшвицкое перемиріе положило конецъ предпріятіямъ Чернышева. По новому составленному тогда росписанію, поступилъ онъ въ сѣверную армію наслѣднаго шведскаго принца. Отрядъ его заключался въ слѣдующемъ:

Полки Изюмскій гусарскій, Финляндскій и Рижскій драгунскіе (1.955 человѣкъ).	1.955
5 Донскихъ полковъ	2.048
4 конныя орудія	58
Итого	4.061

Во время перемирія, отрядъ Чернышева стоялъ въ Мекленбургѣ. Пользуясь правомъ переписки съ императоромъ Александромъ, Чернышевъ убѣждалъ его величество принять непосредственное начальство надъ союзными арміями и также доносилъ государю о мнѣніяхъ своихъ касательно предстоявшаго похода. Между прочимъ онъ возставалъ противъ той статьи операціоннаго плана, принятаго въ Трахенбергѣ, которою назначалось оставить въ Силезіи стотысячную армію. Напитанный великими правилами Наполеона, имѣвшаго обыкновеніе сосредоточивать на одномъ пунктѣ громадныя силы, Чернышевъ совѣтовалъ расположить въ Силезіи не болѣе 35.000 человѣкъ, а остальные 65.000 перевесть оттуда въ Богемію и соединить ихъ съ главною арміей, назначаемою для рѣшительныхъ дѣйствій.

Передъ окончаніемъ перемирія, Сѣверная армія сосредоточилась близъ Берлина. Отрядъ Чернышева сталъ въ резервѣ у крѣпости Шпандау, а когда срокъ перемирія кончился, Чернышевъ былъ посланъ съ одними казаками своими, безъ регулярной конницы и пушекъ, къ сторонѣ Виттенберга, очистить тотъ край отъ французовъ и занять Цербстъ. Прибывъ въ мѣстечко Брюкъ, Чернышевъ узналъ, что часть войскъ генерала Домбровскаго вышла изъ крѣпости Виттенберга и располож-

лась лагеремъ при селеніи Босдорфъ. Онъ пошелъ на непріятеля чрезъ мѣстечко Нимекъ и открылъ его, стоящаго при Босдорфѣ, въ числѣ 4-хъ эскадроновъ уланъ и 600 человѣкъ пѣхоты съ 3-мя орудіями. Чернышевъ повелъ атаку съ двухъ сторонъ. Непріятели взошли въ селеніе, защищая себя ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, но вскорѣ принуждены были выйти изъ деревни отъ пожара, происшедшаго отъ ихъ собственной пушечной стрѣльбы, построились на лощинѣ въ каре, имѣя по угламъ орудія и кавалерію въ срединѣ. Всѣ усилія Чернышева истребить непріятеля неоднократными нападеніями оказались напрасны, потому что у него не было ни одной пушки. Наконецъ непріятель, стоя близъ густого лѣса, втянулся въ глубь его, чѣмъ дѣло кончилось. Потеря Чернышева простиралась до 50 казаковъ убитыми и ранеными; непріятель потерялъ одного отличнаго полковника и до 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ, что узнали мы изъ перехваченныхъ писемъ генерала Домбровскаго.

По прекращеніи дѣла при Босдорфѣ и тогда, какъ Чернышевъ находился только въ одной милѣ отъ Виттенберга, получилъ онъ приказаніе слѣдовать къ Белицу, потому что три непріятельскіе корпуса, подъ начальствомъ маршала Удино и генераловъ Ренье и Бертрана, собравшись около Люкау, устремились къ Берлину, въ намѣреніи истребить части арміи наслѣднаго шведскаго принца, не допустивъ ихъ соединиться. Узнавъ о томъ, принцъ собиралъ всѣ свои корпуса и предписалъ Чернышеву идти въ Белицъ и прикрывать правый флангъ арміи.

Чрезъ нѣсколько дней произошло Гроссъ-Беренское сраженіе. Разбитый Удино отступалъ черезъ Ютербокъ на Виттенбергъ. Чрезвычайно осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ, чему причины объяснены въ исторіи войны 1813 года, наслѣдный принцъ преслѣдовалъ непріятеля медленно, ограничиваясь тѣснить слабо его арріергардъ. Самый чувствительный вредъ нанесъ непріятелю Чернышевъ. Узнавъ объ отступленіи французовъ на Требинъ, Чернышевъ шелъ во флангѣ ихъ, опережалъ головы колоннъ, не допуская ихъ фуражировать и ночными набѣгами лишалъ покоя. Одинъ полкъ его, подъ командою полковника Круза, былъ уже между Даме и Герцбергомъ, на пути сообщенія Удино съ Наполеономъ, захватилъ тамъ 80 фуръ, 6 офицеровъ и 80 рядовыхъ. Чернышевъ намѣревался продолжать еще сильнѣе поиски надъ непріятелемъ, но получилъ приказаніе шведскаго принца спѣшить опять къ Бельцигу. Повелѣніе дано было по слѣдующему случаю.

Когда Наполеонъ отряжалъ Удино дѣйствовать противъ Сѣверной

арміи, онъ приказалъ маршалу Даву выступить изъ Гамбурга къ Берлину, а генералу Жирару идти изъ Магдебурга съ 10.000 корпусомъ, составляя связь между Даву и Удино и согласуя движенія свои съ дѣйствіями Удино. О маршѣ Жирара получилъ наслѣдный принцъ извѣстіе на другой день послѣ Гроссъ-Беренскаго сраженія и приказалъ: 1) прусскому генералу Гиршфельду, съ отрядомъ ополченія изъ 15-ти баталіоновъ, 12 эскадроновъ и 11 орудій, въ числѣ которыхъ 10 было русскихъ, идти на встрѣчу непріятелю чрезъ Потсдамъ и Бранденбургъ и 2) Чернышеву покинуть дѣйствія на сообщеніяхъ Удино и немедленно обратиться на Бельцигъ. Пока сіи мѣры приводились въ исполненіе, Жираръ, еще не зная о пораженіи, претерпѣнномъ маршаломъ Удино, шелъ изъ Магдебурга на Цизарь, откуда для соединенія съ Удино поворотилъ вправо на Бельцигъ. Увидя, что городъ сей занятъ Чернышевымъ, онъ остановилъ корпусъ въ Любницѣ и 15-го августа послалъ отрядъ атаковать Чернышева. Не имѣя при себѣ артиллеріи и регулярныхъ войскъ, Чернышевъ послѣ перестрѣлки оставилъ Бельцигъ и занялъ ближнее къ нему селеніе. Между тѣмъ генералъ Гиршфельдъ, выступая изъ Бранденбурга по Магдебургской дорогѣ, развѣдалъ, что французы пошли изъ Цизаря въ Любницъ и обратился вслѣдъ за ними. Приблизясь незамѣтно къ лагерю непріятельскому, онъ атаковалъ французовъ, не ожидавшихъ на себя нападенія со стороны Магдебургской дороги. Внезапность атаки и отсутствіе войскъ генерала Жирара, находившагося у Бельцига, противъ Чернышева, склонили сначала поверхность на сторону пруссаковъ, но вскорѣ, когда Жираръ, узнавъ о нападеніи пруссаковъ, возвратился къ корпусу, видъ дѣла перемѣнился. Гиршфельдъ былъ осаженъ назадъ и лишился надежды на побѣду; корпусъ его состоялъ изъ ополченія, которому трудно было удержаться противъ регулярныхъ войскъ Жирара. Главную силу Гиршфельда составляли 10-ть русскихъ орудій, дѣйствовавшихъ по обыкновенію съ блестящимъ успѣхомъ.

При началѣ нападенія пруссаковъ Чернышевъ, услышавъ канонаду, послалъ полковника Бенкендорфа съ полками Жирова и Иловайскаго 11-го въ тылъ праваго фланга французовъ; вслѣдъ за нимъ и самъ онъ поспѣшилъ на поле сраженія съ остальными двумя казачьими полками своего отряда. Пріѣхавъ къ Гиршфельду, онъ условился принять на себя дѣйствія противъ праваго крыла французовъ. Бенкендорфъ успѣлъ уже обскакать лѣвый флангъ ихъ сзади, и въ то время, когда изъ стоявшаго тамъ резерва шла противъ пруссаковъ пѣхотная колонна съ 3-мя орудіями и конницею, атаковалъ конницу,

разсѣялъ ее и отбилъ орудія. Опрокинутые всадники французскіе обратились на пѣхоту и произвели въ ней безпорядокъ. Полковникъ Власовъ воспользовался ея разстройствомъ, ударилъ на нее и взялъ въ плѣнъ 1.200 человѣкъ. Чернышевъ съ полкомъ Грекова 18-го атаковалъ кирасировъ, шедшихъ на прусскую батарею, смялъ ихъ и полонилъ 320 человѣкъ. Ободренные внезапными успѣхами, совершенно опрокинувшими правое крыло французовъ, пруссаки съ восклицаніями: «ура!» ударили съ фронта въ штыки. Непріятели начали отступать и частію побѣжали. Самъ Жираръ былъ раненъ и по невозможности возвратиться въ Магдебургъ, ибо дорога, туда ведущая, была отрѣзана союзными войсками, пошелъ къ Виттенбергу, живо преслѣдуемый до темной ночи. Въ дѣлѣ при Бельцигѣ и на отступленіи лишился онъ 3.500 плѣнныхъ и 8 орудій. Чернышевъ, рѣшитель побѣды, взялъ плѣнныхъ вдвое болѣе, нежели сколько у него въ отрядѣ состояло на лицо людей. Въ отрядѣ его было всего 1.200 человѣкъ, а полонено имъ 2.255.

Недовольный неуспѣхомъ Удино, особенно тѣмъ, что онъ отступилъ на Виттенбергъ, а не къ Лукау, отчего потерялъ прямое сообщеніе съ главною французскою арміей, которая стояла у Дрездена, Наполеонъ поручилъ маршалу Нею ввѣренную Удино армію. Первою цѣлью Нею поставилъ Наполеонъ передвиженіе арміи изъ Виттенберга въ Барутъ, на дорогу изъ Дрездена въ Берлинъ. Августа 24-го Ней выступилъ изъ Виттенберга. Чернышевъ стоялъ близъ сего города и донесъ немедленно наслѣдному принцу о маршѣ Нея, присовокупляя, что «Ней вѣроятно имѣетъ въ виду важные замыслы». Напротивъ, прусскій генералъ Бюловъ, находившійся также недалеко отъ Виттенберга, писалъ принцу: «кажется Ней безъ всякихъ дальнѣйшихъ видовъ просто идетъ въ Торгау». Получа сіи два противорѣчащія донесенія, наслѣдный принцъ согласился съ мнѣніемъ Чернышева и приготовился къ сраженію, приказавъ Чернышеву и графу Воронцову обложить и бомбардировать Виттенбергъ, не давая выйти оттуда на соединеніе съ Неемъ тѣмъ войскамъ, которыя еще находились въ крѣпости. Чернышевъ предлагалъ оставить передъ Виттенбергомъ небольшой отрядъ, а съ прочими силами испрашивалъ разрѣшенія дѣйствовать въ тылъ непріятелю; но принцъ на это не согласился.

25-го августа произошло Денневицкое сраженіе. Оно кончилось совершеннымъ пораженіемъ Нея, и послѣдствія его были бы несравненно еще значительнѣе, если бы предположеніе Чернышева было принято и онъ послѣ пораженія непріятеля очутился бы въ его тылу и на флангахъ.

До какой степени успѣхи были тамъ возможны, доказалъ Чернышевъ, отдѣливъ капитана Фабека съ 80-ю казаками на лѣвый берегъ Эльбы. Донцы переплыли рѣку въ Акенѣ, въ нѣсколько дней взяли въ плѣнъ одного полковника, 28 офицеровъ и до 500 рядовыхъ. Фабекъ вступилъ въ сообщеніе съ генераломъ Тильманомъ, посланнымъ изъ главной арміи, которому и сдалъ своихъ плѣнныхъ.

Наконецъ, убѣжденный этимъ примѣромъ, а еще болѣе настояніями Чернышева о пользѣ партизанскихъ дѣйствій, наслѣдный принцъ дозволилъ Чернышеву переправиться черезъ Эльбу. Чернышевъ совершилъ эту переправу съ своимъ отрядомъ вплавь, въ виду прусскихъ войскъ, рукоплескавшихъ удали нашей кавалеріи; но тотчасъ по переправѣ внезапно получилъ повелѣніе наслѣднаго принца остановиться, вслѣдствіе дошедшихъ до принца слуховъ о значительныхъ непріятельскихъ силахъ. Чернышевъ представилъ на благоусмотрѣніе принца, что онъ не можетъ оставаться въ такомъ положеніи, имѣя въ тылу своемъ большую рѣку, и что если уже ему нельзя двинуться впередъ, то лучше его отозвать за Эльбу. Вслѣдствіе даннаго на сіе приказанія, Чернышевъ совершилъ свою обратную переправу опять вплавь. Слухи о непріятелѣ оказались впослѣдствіи неосновательными и наслѣдный принцъ въ разговорѣ съ Чернышевымъ по сему предмету, какъ бы совѣстясь, что напрасно удержалъ его въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ, позволилъ ему дѣйствовать, въ теченіе 10 дней, совершенно по его произволу. Только и ждалъ этого Чернышевъ, чтобы привести въ исполненіе давно задуманный имъ планъ ударить на Кассель, столицу Наполеонова брата Іеронима.

Для приведенія этого въ исполненіе, Чернышевъ переправился чрезъ Эльбу у Акена съ 8 эскадронами регулярной конницы, 5 казачьими полками и 6 орудіями; всего было въ его отрядѣ до 2.300 человѣкъ. Изъ Акена шелъ онъ трудными дорогами на Бернбургъ, Эйслебенъ, Зондергаузенъ и Мюльгаузенъ. Подъ пушки впрягали обывательскихъ лошадей, артиллерійскихъ вели заводными, сохраняя ихъ на случай дѣла бодрыми.

Успѣхъ зависѣлъ отъ тайны и внезапности. Чернышевъ велѣлъ разсѣвать слухи, что его отрядъ составляетъ авангардъ сильнаго, слѣдующаго позади корпуса, и между прочимъ имѣетъ обязанностью заготовлять для него продовольствіе. На маршѣ, въ Росслѣ, онъ узналъ, что въ Гелигенштатѣ стоитъ генералъ Бастинеллеръ съ 2.000 пѣхоты и конницы, прикрывая дефилеи, ведущія въ Кассель. Онъ послалъ партіи тревожить аванпосты Бастинеллера, расположенные у Нордгаузена,

стараясь привлечь въ ту сторону вниманіе непріятеля и упредить его въ Касселѣ. Миновавъ Мюльгаузенъ, Чернышевъ устремился прямо на Кассель, сдѣлавъ переходъ въ 60 верстъ, и 16-го сентября, въ 5 часовъ утра, былъ въ виду столицы. Немедленно раздѣлилъ онъ отрядъ на три части: 1-я, полковника Бенкендорфа, получила приказаніе переплыть чрезъ Фульду при Нидерцанѣ и занять Франкфуртскую дорогу, для ложныхъ оттуда нападеній на городъ; 2-я, полковника Бедряги, казачьи полки Власова и Грекова и два эскадрона изюмскихъ гусаровъ, должна была атаковать непріятельскую пѣхоту, стоявшую съ 6 орудіями въ деревнѣ Бентгаузенѣ у самаго города; 3-я часть отряда состояла въ резервѣ, для отпора генерала Бастинеллера, который, получивъ извѣстіе о появленіи русскихъ близъ Касселя, спѣшилъ отъ Гелигенштата чрезъ Виценгаузенъ на помощь угрожаемой столицѣ. Распорядившись такимъ образомъ, Чернышевъ приказалъ начать дѣйствіе. Бедряга ударилъ на пѣхоту и палъ пронзенный двумя пулями. Ожесточенные смертью любимаго начальника, изюмцы и казаки смяли каре, схватили 6 орудій, полонили 500 человѣкъ и внеслись въ городъ. Двѣ пушки не отставали отъ атакующихъ, наши взяли въ улицахъ вывезенное непріятелемъ орудіе и достигли моста на Фульдѣ. Здѣсь кончился успѣхъ налета. Мостъ былъ заваленъ и непріятель стрѣлялъ по нашимъ изъ домовъ, куда успѣлъ засѣсть. Чернышевъ вывелъ войска изъ города, бросилъ въ него нѣсколько гранатъ и послалъ изъ резерва полкъ Власова противъ Бастинеллера, быстро подвигавшагося къ Касселю.

Вестфальскій король лежалъ въ постели, когда ему дали знать о появленіи Чернышева у столицы. Не довѣряя войску и зная нерасположеніе къ нему народа, онъ не помышлялъ о защитѣ, наскоро одѣлся и выѣхалъ изъ Касселя по Франкфуртской дорогѣ, въ сопровожденіи двухъ баталіоновъ гвардіи и 1.000 человѣкъ конницы. Король плакалъ съ досады. Въ самомъ дѣлѣ, переворотъ судьбы его былъ необычайный: за годъ передъ тѣмъ мечталъ онъ о престолѣ Польши; командуя двумя корпусами Наполеоновой арміи, онъ подходилъ уже къ Березинѣ, а теперь изгнанникъ изъ столицы, покидалъ престолъ и сопряженныя съ земнымъ величіемъ очарованія. За туманомъ Бенкендорфъ не вдругъ увидѣлъ бѣгство короля; но успѣлъ отхватить изъ его прикрытія 250 всадниковъ и 10 офицеровъ. Между тѣмъ въ городѣ происходило неописанное смятеніе. «Всѣ принадлежавшіе ко двору,—пишетъ одинъ очевидецъ, въ сочиненіи о вестфальскомъ королевствѣ,—семейства ихъ и чиновники наполняли улицы, спасались, кто куда могъ, дрались за

*

лошадей у почтоваго дома; временщики увозили съ собою награбленную добычу, другіе прятались въ погреба».

Наступилъ вечеръ. Получая подтверждаемыя донесенія о приближеніи Бастинеллера, Чернышевъ оставилъ часть отряда передъ Касселемъ, а съ другою обратился на непріятеля, заходившаго въ тылъ. Войска Бастинеллера разбѣжались. Увидя казаковъ и не слыша болѣе канонады у Касселя, они полагали, что городъ уже занятъ русскими. На преслѣдованіи казаки взяли двѣ пушки и полонили 20 кирасировъ. Управившись съ непріятелемъ, угрожавшимъ съ тыла, Чернышевъ снова обратился къ Касселю. Дорогою перебѣжало къ нему нѣсколько сотъ вестфальцевъ, даже изъ сопровождавшихъ короля. Изъ нихъ наскоро сформировали баталіонъ, а отбитыя въ теченіе сутокъ пушки привели въ возможность дѣйствовать, такъ что при отрядѣ находилось уже отбитыхъ 13 орудій. Въ канонеры назначили рижскихъ драгуновъ, употребляя ихъ въ такія должности, на которыя они могли быть способны и безъ знанія артиллерійскаго дѣла. Добрая воля и общее радѣніе дополняли недостатки въ свѣдѣніяхъ. Нашлись также артиллеристы въ числѣ плѣнныхъ; они радостно предложили служить подъ знаменами Александра.

Усиливъ такимъ образомъ отрядъ, Чернышевъ опять пришелъ къ Касселю, гдѣ между тѣмъ гарнизонъ умножился командами и депо, стоявшими въ ближнихъ селеніяхъ. Немедленно открыта по городу пальба. Она продолжалась два часа и произвела пожары; ядрами разбили Лейпцигскія ворота; причемъ вновь сформированною пѣхотой взято одно орудіе. Чернышевъ послалъ къ начальствовавшему въ Касселѣ французскому генералу Аликсу требовать сдачи города и артиллеріи, предоставляя гарнизону свободное отступленіе. Аликсъ отвѣчалъ, что сдастъ Кассель по прошествіи сутокъ, если ему дозволено будетъ увезть артиллерію и обѣщано оставить неприкосновенными учрежденныя королемъ власти и казенную собственность. Чернышевъ отказалъ, грозя приступомъ и Аликсъ подписалъ предложенную ему слѣдующую капитуляцію: 1) французскимъ войскамъ очистить Кассель въ тотъ же вечеръ, съ оружіемъ и военнымъ обозомъ, но не брать съ собою артиллеріи; 2) въ тотъ же вечеръ русскимъ занять Кассель; 3) одному казачьему полку сопровождать французскія войска двѣ мили отъ Касселя, дабы обезпечить ихъ отъ нападеній казаковъ, разсѣянныхъ по всѣмъ дорогамъ; 4) дать свободу дипломатическому корпусу и гражданскимъ чиновникамъ выѣхать изъ Касселя, куда пожелаютъ, снабдивъ ихъ паспортами; 5) почитать законною добычею русскихъ казенное

имущество и все, что сегодня не выступитъ изъ Касселя съ казачьимъ полкомъ; 6) статьи капитуляціи привесть въ исполненіе въ теченіе двухъ часовъ.

Послѣ утвержденія капитуляціи, наши заняли Кассель. Вступленіе туда Чернышева было самое торжественное, подобное въѣзду его въ Берлинъ. Кассельцы славили имя Александра и почитали прибытіе къ нимъ русскихъ залогомъ своего избавленія отъ французовъ, которые семь лѣтъ изнуряли край рекрутскими наборами и налогами, пренебрегали нравы, обычаи, законъ, даже языкъ нѣмцевъ. Восторгъ жителей превзошелъ всякую мѣру, когда Чернышевъ провозгласилъ уничтоженіе вестфальскаго королевства слѣдующимъ печатнымъ объявленіемъ:

«Жребій оружія вручилъ мнѣ вашу столицу. Именемъ моего всемилостивѣйшаго государя императора всероссійскаго и по повелѣнію главнокомандующаго Сѣверною арміей, наслѣднаго шведскаго принца, объявляю, что вестфальское королевство, составленное изъ областей, отнятыхъ силою у законныхъ монарховъ своихъ, перестаетъ съ сего часа существовать. Не поступлю съ нимъ, какъ съ завоеваннымъ государствомъ, но избавляю его отъ французскаго владычества.

«Вамъ извѣстны возвышенныя чувствованія императора Александра. Цѣль его: исторгнуть Германію отъ чужеземнаго ига и даровать миръ вселенной. Провидѣніе очевидно благословляетъ великое предпріятіе. Въ нѣсколько недѣль непріятель потерялъ 300 орудій и 100.000 плѣнныхъ. Баварія и Виртембергія оставили его, большая часть Германіи вооружилась противъ него.

«Тотъ изъ васъ, кто обратится къ сему великому союзу и докажетъ, что онъ достоинъ имени германца, будетъ принятъ нами радостно, какъ другъ и соратникъ. Императоръ всероссійскій приметъ его подъ свое покровительство, каковы бы ни были обстоятельства. Не думаю, что найдется кто-либо изъ васъ, желающій долѣе повиноваться правительству, которое въ часъ опасности покинуло васъ малодушно. Но если то случится сверхъ моего ожиданія, если кто предприметъ что-либо противъ общаго блага, будетъ мною строжайше наказанъ».

Такова слово отъ слова сія, единственная въ своемъ родѣ, прокламація, въ которой, чему не бывало примѣра, начальникъ коннаго двухтысячнаго отряда провозглашаетъ паденіе державы, населенной двумя милліонами жителей, гдѣ королемъ былъ братъ Наполеоновъ!

Чернышевъ нашелъ въ Касселѣ 22 орудія и болѣе 50 зарядныхъ ящиковъ, что составило съ отбитою имъ на полѣ сраженія подъ стѣнами Касселя артиллеріею 32 орудія. Дворца королевскаго онъ не тро-

нулъ, и взялъ изъ него только чернильницу Іеронима, хранящуюся донынѣ въ Эрмитажѣ. Изъ найденныхъ имъ 80.000 талеровъ казенныхъ денегъ, онъ отправилъ 60.000 къ своему корпусному начальнику Винценгероде, 12.000 роздалъ своему храброму отряду, а остальные употребилъ на уплату волонтеровъ, которые къ нему присоединились. Чернышевъ уничтожилъ въ Касселѣ рекрутскіе списки, забралъ дѣла въ министерствахъ полиціи, военномъ и иностранныхъ дѣлъ, чѣмъ разстроилъ управленіе королевства.

Желая распространить страхъ даже на главномъ пути сообщеній Наполеоновыхъ, Чернышевъ отправилъ тотчасъ по вступленіи своемъ въ Кассель капитана Фабека съ сотнею казаковъ къ Фульдѣ и Эйзенаху. Они перехватили двухъ курьеровъ, ѣхавшихъ изъ Франціи и двухъ изъ Неаполя. Найденныя на нихъ бумаги были великой важности: письма Маріи Луизы, неаполитанской королевы, Камбасереса, который управлялъ Франціею во время отсутствія Наполеонова, донесенія различныхъ министровъ. Бумаги сіи раскрывали истинное положеніе Франціи и Италіи, во внутреннемъ и военномъ отношеніяхъ. Также перехватили казаки донесеніе короля Іеронима Наполеону о потерѣ столицы своей. Чернышевъ присоединилъ это донесеніе къ тому, которое онъ самъ представилъ наслѣдному шведскому принцу о покореніи Касселя. Такимъ образомъ его величество былъ извѣщенъ о семъ событіи въ одно время отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ, отъ Іеронима и Чернышева.

Въ Касселѣ являлись къ Чернышеву депутаты отъ разныхъ сословій, испрашивая его разрѣшенія вооружиться противъ французовъ. Чернышевъ хотѣлъ сначала удовлетворить ихъ просьбы, составить вестфальскіе волонтерные легіоны, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія по недостатку въ ружьяхъ: ихъ найдено въ кассельскомъ арсеналѣ только 1.500. Если бы ружей было много, то Чернышевъ располагалъ остаться въ Касселѣ, вопреки повелѣній наслѣднаго принца, который приказывалъ ему какъ можно скорѣе возвратиться къ арміи. Тогда же увѣдомилъ его Винценгероде, что французы заняли Дессау и Бернбургъ, что корпусъ маршала Ожеро выступилъ изъ Вюрцбурга къ Эрфурту и 6.000-ный отрядъ идетъ изъ Франкфурта къ Эйзенаху. При такихъ обстоятельствахъ, оставаясь долѣе въ Касселѣ, Чернышевъ могъ лишиться всѣхъ плодовъ счастливаго своего предпріятія, будучи не въ состояніи защищать городъ одною конницей. Вотъ причины, побудившія Чернышева возвратиться изъ Касселя. Учредивъ тамъ временное правительство, онъ выступилъ на Гетингенъ и Зальцведель, откуда

отправилъ завоеванную артиллерію на правый берегъ Эльбы чрезъ Делицъ. Уходя изъ Касселя, онъ обязалъ болѣе 150 вестфальскихъ офицеровъ подписками или реверсами не служить противъ союзниковъ, и взялъ съ собою 51 офицера и 200 волонтеровъ, вызвавшихся добровольно служить подъ его начальствомъ.

Покореніе Касселя возымѣло великую историческую важность, имѣвъ слѣдствіемъ разрушеніе цѣлаго королевства. Оно произвело радостное волненіе не въ одной Вестфаліи, составленной изъ ганноверскихъ и гессенъ-кассельскихъ владѣній, но привело въ волненіе всѣ области между Везеромъ и Рейномъ. Ужасъ распространился въ учрежденныхъ тамъ французами властяхъ. Полагая себя подверженными ежеминутно нападеніямъ русскихъ, французскіе чиновники стали укладывать казенное и частное имущество, отсылали во Францію цѣнныя вещи, готовились къ возвращенію за Рейнъ, чѣмъ явно обнаруживали безнадежность на удержаніе Наполеономъ власти надъ Германіею.

Возвращаясь изъ Касселя, Чернышевъ остановился на два дня въ Зальцведелѣ для отдыха войскъ и испрашилъ у генерала Винценгероде разрѣшенія: «обратиться на Брауншвейгъ, обойти Гарцовыя горы и спуститься на главныя сообщенія Наполеона между Эрфуртомъ и Франкфуртомъ».

Въ ожиданіи отвѣта онъ выступилъ на Кеннернъ. Здѣсь получилъ онъ первое извѣстіе о Лейпцигскомъ сраженіи. Заключая по собраннымъ о пораженіи Наполеона свѣдѣніямъ, что французская армія непремѣнно должна отступить отъ Лейпцига, Чернышевъ тотчасъ пошелъ изъ Кеннерна чрезъ Эйслебенъ, и оттуда въ перерѣзъ большой Лейпцигской дороги, въ увѣренности нанести французамъ великій вредъ. Разсчетъ его былъ вѣренъ. Уже въ Артернѣ встрѣтилъ онъ отрядъ подполковника Храповицкаго, посланный изъ Сѣверной арміи для наблюденія за французами. Чернышевъ велѣлъ ему идти на Готу, а самъ, продолжая маршъ, столкнулся ночью у Бутельштета съ непріятельскою конницей подъ начальствомъ генераловъ Себастіани и Лефевра-Денуэтта. Нечаянность встрѣчи произошла отъ того, что нашъ офицеръ, посланный за партіею для занятія заставы, увидя французовъ, не донесъ Чернышеву объ нихъ и отступилъ по другому направленію. Не взирая на внезапную встрѣчу въ темнотѣ октябрской ночи, не позволявшей дѣлать никакихъ распоряженій, Чернышевъ взялъ въ плѣнъ 150 человѣкъ.

Желая быть на одной высотѣ съ Наполеономъ, Чернышевъ перешелъ изъ Бутельштета въ Лангензальцъ. Здѣсь присоединился къ нему подполковникъ Храповицкій, удачно исполнившій предписанный ему

поискъ на Готу. Неожиданно напалъ онъ на сей городъ, полонилъ въ немъ 10 офицеровъ, 800 рядовыхъ и французскаго посланника при Саксонскихъ дворахъ, барона Сентъ-Эньяна, впослѣдствіи отправленнаго союзными монархами изъ Франкфурта къ Наполеону съ предложеніями о мирѣ. Удостовѣрясь въ Лангензальцѣ, что Наполеонъ не принимаетъ сраженія подъ Эрфуртомъ и продолжаетъ отступать, Чернышевъ снова обратился на столбовую дорогу и вышелъ на нее у Фаха, между авангардомъ Наполеона и его главною арміей. Въ Фахѣ соединился онъ съ отрядомъ генералъ-маіора Иловайскаго 12-го, посланнаго императоромъ Александромъ съ поля Лейпцигскаго сраженія за непріятелемъ. Усилясь отрядомъ Иловайскаго, Чернышевъ напиралъ на тылъ французскаго авангарда и опережалъ армію Наполеона переходомъ. Составляя такимъ образомъ въ полномъ смыслѣ слова передовое войско Наполеоново, онъ уничтожалъ заготовленные для него запасы, дѣлалъ засѣки, ломалъ мосты. Въ Фульдѣ Чернышевъ выходилъ изъ однѣхъ воротъ, слѣдомъ за французскимъ авангардомъ, когда передовая колонна Наполеоновой арміи вступала въ другія городскія ворота. Легко вообразить, сколько въ сей и подобныхъ суматохахъ брали плѣнныхъ и обозовъ! Большая дорога съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе покрывалась усталыми и больными французами, бросаемыми обозами. Отъ безпрестанныхъ нападеній Чернышева, дѣйствовавшаго въ самой срединѣ непріятелей, разстроивался составъ арміи ихъ, число ея уменьшалось, и безпрестанно переходили къ намъ войска Рейнскаго союза.

Сильно тревожа непріятельскую армію, Чернышевъ не могъ остановить ея. Французы валили впередъ, стремясь одолѣть послѣднюю преграду въ Германіи—австрійско-баварскую армію графа Вреде, стоявшую у Ганау. Октября 17-го, передовыя французскія войска, позади коихъ шелъ Чернышевъ, атаковали баварскій авангардъ у Гельнгаузена. Во время дѣла, вдругъ въ тылу французовъ показался Чернышевъ и пошелъ на нихъ въ атаку. Его нападеніе привело непріятеля въ совершенное разстройство. Одни бросили оружіе, другіе хотѣли сопротивляться, но были смяты; причемъ Чернышевъ полонилъ болѣе 2.500, баварцами взято въ плѣнъ слишкомъ 1.500 человѣкъ.

Рѣшивъ Гельнгаузенское дѣло, Чернышевъ повелъ отряды свои къ Ганау и немедленно поѣхалъ къ Вреде донести ему о приближеніи самого Наполеона. Вреде не почелъ извѣстія его достовѣрнымъ, основываясь на письмѣ князя Шварценберга, который сообщалъ, что Наполеонъ вѣроятно обратился на Вецларъ. Въ опроверженіе Чернышевъ говорилъ, что изъ послѣдняго донесенія, полученнаго имъ отъ бывшихъ

въ окрестностяхъ Вецлара казачьихъ разъѣздовъ и писаннаго 18 часами позже увѣдомленія князя Шварценберга, видно, что близъ Вецлара непріятелей нѣтъ, а только шатаются французскіе бродяги и отсталые. Не взирая на неопровержимость такого доказательства, Вреде остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, полагая, что Наполеонъ отрядилъ къ Ганау только часть арміи, почему и рѣшился онъ ожидать ее въ избранной имъ позиціи, на правомъ берегу Кинцига, по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ Гельнгаузену. На оконечности лѣваго крыла на дорогѣ въ Фридбергъ, сталъ Чернышевъ съ 4.000 человѣкъ, то-есть отрядами своимъ, Иловайскаго 12-го и присоединившимся къ нему авангардомъ графа Платова, подъ начальствомъ Кайсарова. Наполеонъ былъ уже близко, готовясь открыть себѣ путь оружіемъ.

Октября 18-го, въ 8 часовъ утра, завязалось сраженіе. Наполеонъ прорвалъ центръ графа Вреде и опрокинулъ его армію. Стараясь возстановить дѣло, Вреде водилъ въ атаку эскадроны, которые въ общемъ смятеніи едва успѣвали выстраиваться. Болѣе нежели дѣйствіе ихъ, помогли ему атаки Чернышева. До 3-хъ часовъ пополудни онъ находился въ наблюденіи на Фридбергской дорогѣ, пока Наполеонъ не повелъ общаго нападенія. Когда французы вышли изъ лѣса, а конница ихъ обрушилась на центръ Вреде, Чернышевъ ударилъ во флангъ французовъ, пять разъ возобновлялъ атаки, былъ безсиленъ опрокинуть непріятелей, но удержалъ значительную часть ихъ отъ дальнѣйшаго натиска, когда Вреде, опрокинутый къ Ганау и Кинцигу, истощался въ усиліяхъ остановить французовъ. Такимъ образомъ, безъ содѣйствія Чернышева въ Ганаускомъ сраженіи, послѣдней битвѣ съ Наполеономъ на правомъ берегу Рейна, австрійско-баварская армія претерпѣла бы гораздо большее пораженіе. Вреде успѣлъ перевесть къ сумеркамъ армію за Кинцигъ, а Чернышевъ, отрѣзанный отъ него, обратился за Нидду. Очистивъ себѣ дорогу, Наполеонъ спѣшилъ въ Майнцъ, неослабно тѣснимый нашими отрядами съ тыла, до самаго Рейна, куда Чернышевъ пришелъ первый изъ всѣхъ союзныхъ генераловъ. Онъ остановился на берегахъ Рейна, хотя могъ переправиться чрезъ него, но безъ повелѣній государя не рѣшился на переправу. Успѣхи союзныхъ армій были столь огромны, что славы ихъ не могли умножить дѣйствія конныхъ отрядовъ по ту сторону Рейна, тѣмъ болѣе, что начальникамъ ихъ были неизвѣстны дальнѣйшія намѣренія союзныхъ монарховъ о внесеніи нашего оружія въ нѣдра Франціи.

Послѣ переправы Наполеона за Рейнъ, Чернышевъ, принадлежа къ корпусу Винценгероде, пошелъ на соединеніе съ нимъ къ Мюнстеру.

Расположа здѣсь отрядъ свой, онъ поѣхалъ въ Бременъ, главную квартиру наслѣднаго шведскаго принца, и былъ отправленъ имъ во Франкфуртъ доложить императору Александру о предположеніяхъ его о начинаемомъ имъ походѣ противъ датчанъ.

Во Франкфуртѣ занимались тогда приготовленіями идти за Рейнъ и переговорами о мирѣ, для чего союзные монархи послали въ Парижъ того самаго барона Сентъ-Эньяна, который былъ полоненъ въ Готѣ посланною туда Чернышевымъ партіею. Отвѣты Наполеона на наши предложенія были неудовлетворительны, а между тѣмъ всѣ извѣстія изъ Франціи гласили объ огромныхъ его вооруженіяхъ. Желая воспламенить народъ къ общему противъ насъ возстанію, французское правительство говорило въ печатныхъ провозглашеніяхъ о миролюбіи Наполеона и намѣреніи союзниковъ обезсилить Францію, отторгнуть отъ нея разныя области. Постоянный ревнитель мысли императора Александра—сокрушить Наполеона, Чернышевъ предложилъ его величеству, что одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ ослабить завоевателя и лишить его нравственнаго вліянія на его подданныхъ состояло въ обнародованіи союзными монархами манифеста, излагая въ немъ цѣль веденной ими войны. По мнѣнію Чернышева, слѣдовало торжественно объявить, что союзники воюютъ не съ Франціею, но противъ неограниченнаго властолюбія Наполеонова, что они желаютъ Франціи благоденствія и могущества, не помышляютъ посягать на ея цѣлость, но и сами, желая быть свободны, спокойны, видятъ неодолимую преграду своимъ намѣреніямъ въ Наполеонѣ и потому вооружились только противъ него одного. Словомъ, предметъ Чернышева былъ тотъ, чтобъ отдѣлить Францію отъ Наполеона.

Императоръ Александръ одобрилъ предложеніе. Составленный въ такомъ смыслѣ манифестъ былъ 19-го ноября напечатанъ во Франкфуртѣ отъ имени союзныхъ монарховъ и произвелъ впечатлѣніе чрезвычайное во Франціи, ибо она убѣдилась изъ него, что союзные дворы вовсе не помышляли объ ея раздробленіи и порабощеніи, но желали ей силы и могущества, съ непремѣннымъ только условіемъ обезопасить самихъ себя на будущее время отъ потрясеній и нарушеній народнаго права, какимъ были они подвержены въ теченіе двадцати лѣтъ. Самъ Наполеонъ былъ крайне встревоженъ, увидя, что манифестъ началъ отклонять отъ него общее мнѣніе французовъ и поспѣшилъ извѣстить о принятіи имъ мирныхъ предложеній нашихъ. Причины, почему миръ тогда не состоялся, объяснены въ исторіи войны 1813 года.

Въ то же время составляли во Франкфуртѣ общій операціонный планъ для дѣйствій союзныхъ армій во Франціи. Когда планъ былъ утвержденъ, императоръ послалъ съ нимъ Чернышева обратно къ шведскому наслѣдному принцу и велѣлъ убѣждать его высочество какъ можно скорѣе кончить войну съ Даніею и спѣшить къ Рейну.

Въ началѣ декабря Чернышевъ настигъ наслѣднаго принца въ Килѣ, во время переговоровъ его съ Копенгагенскимъ дворомъ, веденныхъ медленно по причинѣ несогласія воевавшихъ сторонъ въ условіяхъ мира и вмѣшательства въ переговоры одной иностранной державы. Представляя принцу, сколько всякое промедленіе его въ Голстиніи произведетъ непріятное для него впечатлѣніе въ глазахъ союзныхъ монарховъ и ослабитъ къ нему довѣріе не только союзниковъ, но даже благомыслящихъ людей во Франціи, Чернышевъ склонилъ его поспѣшнѣе подписать миръ. Тогда же онъ убѣдилъ его отправить изъ Голстиніи къ Рейну дивизіи графа Воронцова и графа Строганова, коихъ прибытіе во Францію, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, имѣло великое вліяніе на походъ. Успѣшнымъ исполненіемъ важнаго порученія у наслѣднаго шведскаго принца, Чернышевъ заключилъ длинную, отъ Нѣмана до Рейна непрерывавшуюся цѣпь достославныхъ подвиговъ своихъ въ войнѣ 1813 года.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Походъ во Францію 1814 года.

Переходъ черезъ Рейнъ. — Дѣло подъ Люттихомъ. — Покушеніе на Филипвиль. — Взятіе Авена.—Настояніе идти на Суассонъ.—Покореніе Суассона.—Важность овладѣнія сею крѣпостію.—Встрѣча съ французами у Фима.—Дѣйствія во время Краонскаго сраженія.—Бой съ маршаломъ Неемъ при Шиви.—Ночное нападеніе.—Дѣйствія во время Лаонскаго сраженія.—Дѣйствія при Бери-о-Бакѣ.—Взятіе Реймса и Шалона.—Порученіе наблюдать за Наполеономъ.—Дѣйствія вокругъ непріятельской арміи.—Маршъ на Вильневъ-Сюръ-Ваннъ.—Переходъ чрезъ Іоанну и Луэнъ.—Дѣло подъ Мальзербомъ.—Пребываніе въ Парижѣ.

Въ декабрѣ 1813 года Чернышевъ возвратился изъ Голстиніи отъ шведскаго наслѣднаго принца къ корпусу барона Винценгероде, расположенному у Дюссельдорфа. То было время, когда, по настоянію императора Александра, всѣ союзныя арміи долженствовали переправляться

чрезъ Рейнъ, главная въ Базелѣ, Силезская между Мангеймомъ и Кобленцомъ, Сѣверная на Нижнемъ Рейнѣ. Но въ Сѣверной арміи не было единоначалія. Главнокомандующій ея, наслѣдный шведскій принцъ, находился въ Килѣ, занятый переговорами съ датчанами, а три подвѣдомственные ему корпуса на Рейнѣ, герцога Веймарскаго, Бюлова и Винценгероде, лишенные присутствія главнаго предводителя и слѣдственно не направляемые одною волей, колебались въ своихъ движеніяхъ, особенно приступая къ великому предпріятію—вторженію во Францію. Между тѣмъ получили они подтвердительныя повелѣнія императора Александра ускорить свои дѣйствія. Винценгероде возложилъ приготовленія къ переправѣ черезъ Рейнъ на Чернышева, который командовалъ авангардомъ его. Приготовленія были кончены 31-го декабря 1813 года.

Доложивъ о томъ корпусному командиру, Чернышевъ испрашивалъ разрѣшенія его начать немедленно переправу, но получилъ въ отвѣтъ, что должно еще повременить, пока пройдетъ ледъ и устранены будутъ разнаго рода опасности, сопряженныя съ переправою. Тщетны были возраженія о возможности переплыть Рейнъ и необходимости поспѣшнѣе стать на одну высоту съ другими дѣйствующими арміями. Винценгероде рѣшительно отказалъ въ согласіи, отлагая исполненіе высочайшей воли до другого, болѣе благопріятнаго времени. Наконецъ онъ уступилъ настояніямъ Чернышева и велѣлъ ему переправляться, возлагая однакоже на его отвѣтственность въ случаѣ неудачи.

Чернышевъ посадилъ на лодки и плоты 700 егерей и казаковъ. подъ начальствомъ полковника Бенкендорфа. Въ 10-мъ часу утра они отчалили отъ берега, подъ покровительствомъ 36 орудій, поставленныхъ на берегу для дѣйствія по непріятелю, находившемуся на противоположной сторонѣ, гдѣ было два редута. Французы, болѣе изумленные отважностью переправы, совершавшейся среди дня, нежели взятые врасплохъ, оставили редуты, отступили на нѣкоторое разстояніе и тогда уже атаковали русскихъ, когда наши пристали къ берегу и заняли стоявшую на немъ деревню. На суда, которыя привезли полковника Бенкендорфа и возвратились на правый берегъ, вновь было посажено 700 человѣкъ и съ ними поѣхалъ Чернышевъ. Вступя на лѣвый берегъ Рейна, онъ опрокинулъ французовъ, занялъ мѣстечко Нейсе и въ тотъже день пошелъ къ Ахену, куда послѣдовали и остальныя войска отряда его, состоявшаго изъ 4-хъ баталіоновъ егерей, Волынскаго уланскаго полка, 2-хъ эскадроновъ гусаръ, 5 казачьихъ полковъ и роты легкой артиллеріи. Винценгероде простоялъ съ корпусомъ нѣсколько дней въ Дюссельдорфѣ, не давая никакихъ повелѣній своему авангарду, а по-

тому Чернышевъ оставался одинъ въ непріятельской землѣ, какъ начальникъ отдѣльнаго отряда. Наконецъ и Винценгероде началъ переправлять корпусъ на пространствѣ между Дюссельдорфомъ и Кельномъ и потомъ двинулся уступами за Чернышевымъ, который успѣлъ между тѣмъ 2-го января занять казаками Люттихъ.

Желая остановить столь быстрые успѣхи русскихъ, главнокомандующій французскими войсками въ Нидерландахъ, Мезонъ, отрядилъ генерала Кастекса съ 3.400 пѣхоты, 600 человѣкъ конницы и пятью орудіями, приказавъ ему вытѣснить Чернышева изъ Люттиха и удержать за собою переправу чрезъ Масъ. Полковникъ Бенкендорфъ, командовавшій казаками нашего авангарда, узнавъ о приближеніи непріятеля, пошелъ ему на встрѣчу, предварительно извѣстивъ о томъ Чернышева, находившагося тогда еще въ Ахенѣ съ регулярными войсками отряда. Почти у воротъ Люттиха завязалось упорное дѣло. Полки Жирова и Сысоева три часа выдерживали ружейный и картечный огонь. Услышавъ канонаду и не получая донесенія о причинѣ ея, ибо посланный къ нему адъютантъ еще не пріѣзжалъ, Чернышевъ велѣлъ всему отряду идти впередъ, а самъ съ двумя эскадронами гусаръ и 2-мя орудіями опередилъ войско и на рысяхъ пошелъ къ Люттиху. Туда же приказалъ онъ спѣшить полковнику князю Лопухину, незадолго передъ тѣмъ отряженному съ казачьимъ полкомъ правѣе, по дорогѣ къ Намюру. Въ непродолжительномъ времени Чернышевъ приспѣлъ къ мѣсту сраженія и открылъ огонь изъ орудій, а князь Лопухинъ показался во флангѣ французовъ. Атакованный съ разныхъ сторонъ, непріятель отступилъ къ Сенъ-Трону. Генералъ Кастексъ былъ раненъ. Послѣ сего удачнаго дѣла осталась за нами переправа черезъ Масъ, необходимая для дальнѣйшаго слѣдованія во Францію.

Изъ Люттиха Чернышевъ пошелъ къ Намюру и 17-го января занялъ сей городъ, гдѣ Винценгероде остановился на нѣсколько дней. Имѣя подъ ружьемъ 8.000 пѣхоты и 5.000 конницы, включая въ то число казаковъ, онъ полагалъ, что съ такимъ малолюднымъ корпусомъ слишкомъ отважно углубляться во Францію, въ страну, усѣянную крѣпостями. Поэтому онъ пригласилъ находившагося у Антверпена генерала Бюлова соединиться съ нимъ для наступательныхъ дѣйствій, предоставя наблюденіе за Антверпеномъ и арміею генерала Мезона герцогу Веймарскому и англичанамъ. Бюловъ не согласился слѣдовать приглашенію. Между тѣмъ Винценгероде, получивъ высочайшее повелѣніе дѣйствовать сколько можно быстрѣе, рѣшился продолжать наступленіе

съ однимъ своимъ корпусомъ, направилъ Чернышева изъ Намюра къ Лаону и пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Путь къ Лаону защищенъ пятью крѣпостями: Мобежемъ, Авеномъ. Филипвилемъ, Живе и Шарлемономъ. Надлежало предварительно овладѣть которою нибудь изъ нихъ, для прикрытія нашего пути сообщеній и обезпеченія его отъ набѣговъ французовъ, находившихся въ крѣпостяхъ между Самброю и Масомъ. Первоначально выборъ Чернышева палъ на Филипвиль, потому что его жители, по увѣренію лазутчиковъ, расположены были принять наши войска дружественно. Въ мрачную январскую ночь, Чернышевъ подошелъ къ Филипвилю, подвезъ батареи къ гласису, открылъ огонь и требовалъ сдачи, но получилъ отказъ. Не имѣя лѣстницъ для приступа, котораго за выпавшимъ во множествѣ снѣгомъ и невозможно было произвесть въ дѣйствіе, онъ оставилъ дальнѣйшее нападеніе и обратился къ Авену.

Движеніе къ Авену, произведенное между Бомономъ и Бинчемъ. останется памятно въ военной исторіи тѣмъ, что по проложенному Чернышевымъ пути Веллингтонъ и Блюхеръ шли къ Парижу послѣ побѣды при Ватерло. Причины, побудившія его идти на Авенъ, а не на другую какую-либо крѣпость, состояли въ томъ, что по полученнымъ извѣстіямъ укрѣпленія сего города, нѣкогда сооруженныя Вобаномъ, не содержались въ исправности и гарнизонъ былъ малочисленъ. Не взирая на то, надлежало поступить съ великою быстротой, для воспрепятствованія непріятелю усилить гарнизонъ войсками изъ близлежащихъ городовъ. Стараясь скрыть настоящую цѣль своего марша, Чернышевъ послалъ одинъ отрядъ къ Монсу, а самъ съ главными силами своими сдѣлалъ усиленный ночной переходъ, и рано поутру 28-го января явился предъ Авеномъ, послалъ требовать сдачи и разставилъ артиллерію на разстояніи ружейнаго выстрѣла, по высотамъ, господствующимъ надъ городомъ. Внезапность его прибытія и угрозы устрашили коменданта. Авенъ покорился безъ сопротивленія, 20 орудій и 200 человѣкъ, составлявшихъ гарнизонъ, и до 400 плѣнныхъ англичанъ и испанцевъ были взяты. Важность занятія Авена состояла въ томъ, что, опирая дѣйствія на сію крѣпость и обезпечивъ ею сообщенія наши, можно было безопасно двинуться въ старинные предѣлы Франціи. На другой день, послѣ слабаго сопротивленія національной гвардіи, Чернышевъ занялъ Лаонъ. Его движенія произвели великое впечатлѣніе во всемъ краѣ: ни Наполеонъ, ни французы не ожидали, что прежде покоренія Нидерландовъ, особенно Антверпена, союзники войдутъ во Францію съ Сѣверной стороны. Предписанные правительствомъ рекрутскіе наборы

были пріостановлены, національная гвардія разсѣялась по домамъ, а жители, успокоенные кроткимъ обращеніемъ русскихъ войскъ и устрашенные ихъ успѣхами, перестали помышлять о вооруженіи, къ чему возбуждали ихъ воззванія, безпрестанно присылаемыя изъ Парижа.

По вступленіи въ Лаонъ, Винценгероде недоумѣвалъ: въ которую сторону обратиться, чтобы поспѣшнѣе войти въ соединеніе съ дѣйствующими арміями? Его положеніе становилось особенно затруднительнымъ отъ того, что между жителями начали распространяться слухи о претерпѣнныхъ Силезскою арміей пораженіяхъ, о чемъ онъ еще не имѣлъ оффиціальныхъ извѣстій. Чернышевъ совѣтовалъ ему: «не колебаться въ выборѣ дальнѣйшихъ дѣйствій и не теряя ни минуты, идти на Суассонъ и взять его приступомъ». Овладѣніе сею крѣпостію было самымъ выгоднымъ средствомъ ударить во флангъ Наполеону и встревожить Парижъ, потому что Суассонъ, гдѣ сосредоточиваются многія столбовыя дороги, отстоя отъ Парижа въ 80-ти верстахъ, почитался оплотомъ столицы съ сѣверной стороны, и сверхъ того въ немъ, какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, назначено было формировать новыя войска.

Сначала предложеніе Чернышева показалось барону Винценгероде слишкомъ отважнымъ, ибо онъ зналъ, что Наполеонъ, по важности Суассона, ввѣрилъ защиту его одному изъ старинныхъ сослуживцевъ своихъ въ италійскихъ походахъ, генералу Руска, имѣвшему до 7.000 гарнизона, а потому нельзя было сомнѣваться въ упорнѣйшемъ сопротивленіи. Взвѣшивая съ одной стороны опасность предпріятія, а съ другой выгоды отъ удачнаго совершенія его, Винценгероде разрѣшилъ, наконецъ, Чернышеву идти на Суассонъ, однако, съ тѣмъ же самымъ условіемъ, какимъ онъ обязалъ его при переправѣ чрезъ Рейнъ, то есть, чтобы Чернышевъ принялъ на себя отвѣтственность въ неудачѣ приступа. Онъ присовокупилъ, что предоставляетъ ему исполнить это предпріятіе исключительно съ войсками, составлявшими его отрядъ, и на подкрѣпленіе ему назначилъ онъ только роту артиллеріи.

1-го февраля отрядъ Чернышева, въ числѣ 4.200 человѣкъ, выступилъ къ Суассону. Не доходя трехъ верстъ до крѣпости, бывшіе впереди съ казаками полковники графъ Сухтеленъ и Бенкендорфъ, встрѣтили человѣкъ тысячу національной гвардіи, подкрѣпленной регулярною пѣхотой. Французы разсыпались въ стрѣлкахъ на возвышеніяхъ по виноградникамъ, гдѣ могли нѣсколько времени держаться, но испуганные быстротою и крикомъ, сопровождающимъ атаки казаковъ, національная гвардія и пѣхота обратились въ бѣгство, даже не остановились въ лежавшемъ позади ихъ селеніи Круи, и искали спасенія

подъ стѣнами Суассона. Настигнутые казаками въ долинѣ, они потеряли плѣнными 28 офицеровъ и 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ; казаки расположились у самаго Суассона. Чернышевъ съ намѣреніемъ не вводилъ въ дѣло регулярныхъ войскъ, желая на другой день нечаянно подступить съ ними къ городу и не дать коменданту времени принять нужныхъ мѣръ къ оборонѣ.

Суассонъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Эна; на правомъ находится мостовое укрѣпленіе, обнесенное глубокимъ рвомъ и защищаемое съ противоположной стороны, соединясь съ нею каменнымъ мостомъ. Слѣдственно, для нападенія представлялись два различные способа: навесть мостъ выше или ниже города и дѣйствовать съ лѣваго берега рѣки, или же овладѣть предмостнымъ укрѣпленіемъ и оттуда ворваться въ городъ. Чернышевъ избралъ послѣдній способъ, болѣе затруднительный, но поспѣшнѣйшій для достиженія цѣли, ибо навести мостъ нельзя было скоро, а временемъ надлежало дорожить, потому что Наполеонъ, одержавъ поверхность надъ главною и силезскою арміями, могъ вскорѣ подкрѣпить гарнизонъ Суассона и сдѣлать наше покушеніе безполезнымъ.

Утро 2-го февраля прошло въ обозрѣніи и избраніи выгоднѣйшей точки для атаки. Для сего назначили городскія ворота, которыя надлежало разбить. Диспозиція заключалась въ слѣдующемъ: пѣхотѣ идти большою дорогой, а по сторонамъ ея казачьимъ полкамъ, примыкая флангами къ Эну; по сближеніи отряда къ Суассону всѣмъ войскамъ составить около него полукружіе. Предъ казачьими полками шло по шести орудій, за пѣхотою слѣдовала регулярная конница; двѣ роты егерей, подъ начальствомъ расторопнаго офицера генеральнаго штаба, отряжены были для занятія постоялаго двора, саженяхъ въ 30 отъ городскихъ вородъ, вправо отъ большой дороги. Казаками командовали на правомъ флангѣ Сухтеленъ, на лѣвомъ Бенкендорфъ. Во время приготовленій къ приступу, Чернышевъ посылалъ къ суассонскому коменданту своего адъютанта Шепинга требовать сдачи, поручивъ ему преувеличить силы наши, какъ въ подобныхъ случаяхъ водится. Комендантъ рѣшительно отказалъ въ сдачѣ и присовокупилъ, что не вдастся въ обманъ, зная малочисленность нашего отряда.

Въ 9 часовъ утра войска тронулись и со всѣхъ сторонъ полукружія начали подходить къ городу. Непріятели, давъ имъ приблизиться, сперва стрѣляли ядрами, потомъ картечью. Наша артиллерія, признанная первою въ Европѣ, прибывъ на назначенныя ей мѣста, открыла огонь, а двѣ роты егерей въ непродолжительномъ времени овладѣли

постоялымъ дворомъ и производили пальбу съ кровли и изъ оконъ. При сихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ мостовое укрѣпленіе, находившееся въ довольно разрушенномъ состояніи, было оставлено непріятелемъ. Чернышевъ повелъ пѣхоту на приступъ городскихъ воротъ, но былъ отбитъ; второе покушеніе кончилось также неудачею. Онъ началъ строить войска и готовиться на новый штурмъ, какъ замѣтилъ смятеніе, внезапно происшедшее на городскомъ валу. Не угадывая тому причины, но желая воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, онъ велѣлъ прибить къ городскимъ воротамъ двѣ петарды, которыя ихъ отчасти взорвали. Егеря бросились впередъ и довершили разрушеніе воротъ. Туда направили пѣхоту, а за нею конницу и казаковъ. Натискъ былъ столь быстръ, что русскіе, вломившись въ городъ, успѣли захватить въ улицахъ 3.600 плѣнныхъ, въ томъ числѣ трехъ генераловъ и взяли 14 орудій.

Таковы были трофеи приступа, продолжавшагося два часа. Наша потеря состояла изъ 204 убитыхъ и раненыхъ. Достойно примѣчанія, какъ отличительная черта войнъ, веденныхъ при Александрѣ, что побѣдители не предали Суассона грабежу, и покоривъ его, немедленно возстановили въ немъ порядокъ. Причиною смятенія, замѣченнаго между непріятелями во время дѣйствій, была смертельная рана, полученная комендантомъ, генераломъ Руска. Послѣ него не нашлось надежнаго офицера, могущаго замѣнить падшаго начальника и продолжать оборону. Это обстоятельство во многомъ облегчило атаку, и успѣхъ, ничему другому приписать нельзя, какъ счастью, постоянно сопутствовавшему Чернышеву во всѣхъ его воинскихъ предпріятіяхъ, чѣмъ онъ искусно умѣлъ пользоваться. Судьба благопріятствовала ему до такой степени, что большая часть сражавшихся противъ него генераловъ были ранены или взяты въ плѣнъ: подъ Циркомъ князь Гедройцъ полоненъ; подъ Люнебургомъ Моранъ умеръ отъ ранъ; подъ Гальберштатомъ Оксъ взятъ въ плѣнъ; у Люттиха Кастексъ раненъ, наконецъ, въ Суассонѣ Руска убитъ.

Такъ совершилось предпріятіе само-по-себѣ блистательное, но особенно важное по вліянію на походъ. Оно вновь озаботило Наполеона объ участи Парижа, гдѣ только что праздновали его побѣды надъ Блюхеромъ, обезпечило отступленіе корпусовъ Іорка и Сакена, и уменьшило невыгодное впечатлѣніе, недавними успѣхами Наполеона произведенное на союзниковъ. Если строгіе цѣнители найдутъ слишкомъ отважнымъ приступъ, совершенный среди дня, съ войскомъ малочисленнѣйшимъ въ сравненіи съ гарнизономъ, то отвѣтъ не затрудните-

ленъ. Надобно только мысленно перенестись въ ту эпоху славы, когда русскіе генералы до такой степени привыкли къ побѣдѣ, что пораженія не входили въ ихъ разсчетъ. Осчастливленные личнымъ, всесильнымъ вниманіемъ Александра, они устремляли всѣ помыслы на то, чтобы новыми подвигами содѣлаться еще болѣе достойными его августѣйшаго благоволенія. Какими же чувствованіями долженствовалъ быть исполненъ тотъ изъ нихъ, кого, какъ Чернышева, государь называлъ своимъ воспитанникомъ?

Послѣ покоренія Суассона, Винценгероде намѣревался идти къ Шато-Тьери на соединеніе съ Блюхеромъ, но еще не успѣлъ отдать приказаніе къ выступленію, когда услышалъ отъ плѣнныхъ о побѣдахъ Наполеона надъ Силезскою арміей, въ чемъ удостовѣрился также изъ бумагъ убитаго генерала Руска. У него нашли полученное имъ незадолго до приступа извѣстіе о нашихъ пораженіяхъ при Шампоберѣ, Монмиралѣ и Вошанѣ, и повелѣніе Наполеона послать отрядъ на встрѣчу отступавшихъ изъ Шато-Тьери корпусовъ Іорка и Сакена. Здѣсь открывается вся важность покоренія Суассона. Не возьми Чернышевъ этой крѣпости, то генералъ Руска, выступя изъ Суассона противъ Сакена и Іорка, поставлялъ ихъ въ самое затруднительное положеніе, ибо они были живо тѣснимы сзади маршалами Мармономъ и Мортье. За сей подвигъ Чернышевъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Извѣщая государя о покореніи Суассона, наслѣдный шведскій принцъ писалъ императору Александру изъ Кельна собственноручно: «Talent, bravoure, zèle, activité, rien ne m'étonne de la part du général Czernicheff».

По невозможности соединиться съ Блюхеромъ чрезъ Суассонъ, Винценгероде оставилъ взятый приступомъ городъ сей и обратился на Реймсъ, откуда вступилъ въ сношеніе съ Силезскою арміей, отступившею въ Шалонъ, послѣ кровавыхъ неудачъ своихъ при Шампоберѣ, Монмиралѣ и Вошанѣ. Винценгероде получилъ приказаніе ожидать въ Реймсѣ прибытія къ нему изъ Голстиніи дивизій графа Строганова и графа Воронцова, которыя, какъ изложено въ концѣ послѣдней главы, были отправлены во Францію наслѣднымъ шведскимъ принцемъ, единственно по настоянію Чернышева.

Между тѣмъ, желая отвлечь Наполеона отъ главной арміи, Блюхеръ испросилъ у императора Александра разрѣшенія двинуться на Парижъ. Вмѣстѣ съ согласіемъ его величества онъ получилъ также въ свое распоряженіе корпуса Бюлова и Винценгероде. Прибывъ къ Марнѣ, Блюхеръ хотѣлъ овладѣть городомъ Мо, но встрѣтилъ сильный отпоръ. Тогда же узналъ онъ, что Наполеонъ преслѣдуетъ его и пошелъ къ

Уши, по Суассонской дорогѣ, въ намѣреніи соединиться тамъ съ корпусами Бюлова и Винценгероде и принять сраженіе, но Бюловъ не могъ примкнуть къ Блюхеру, потому что Суассонъ, гдѣ находилась переправа чрезъ рѣку Энъ, былъ во власти французовъ. Суассонъ неожиданно сдался намъ на капитуляцію и Блюхеръ перешелъ на правый берегъ Эна.

Для наблюденія за движеніями Наполеона на лѣвомъ берегу Эна, Блюхеръ послалъ Чернышева, съ приказаніемъ идти къ Брену и Фиму, и въ случаѣ необходимости отступить къ Вальи, гдѣ, какъ сказано было въ повелѣніи Блюхера, находится мостъ. Поспѣшно проходила чрезъ Суассонъ Силезская армія и въ улицахъ сперлись ея корпуса, артиллерія и обозы. На встрѣчу имъ, въ тѣснотѣ, Чернышевъ не иначе какъ въ одинъ конь, и то съ величайшимъ затрудненіемъ, велъ шесть казачьихъ полковъ, составлявшихъ его отрядъ, а два пѣхотные полка своего отряда и регулярную кавалерію съ артиллеріею отправилъ онъ изъ Суассона прямо къ Вальи, съ тѣмъ, чтобы они присоединились къ нему послѣ, ибо былъ увѣренъ, что дѣйствительно тамъ существуетъ мостъ, о которомъ упоминалось въ данномъ ему повелѣніи. Когда половина отряда его пробралась сквозь Силезскую армію и вступила на лѣвый берегъ Эна, Чернышевъ велѣлъ полковнику Бенкендорфу идти впередъ, намѣреваясь слѣдовать за нимъ съ остальными тремя полками.

Въ Бренѣ Бенкендорфъ засталъ квартиргеровъ главной квартиры Наполеона, взялъ ихъ въ плѣнъ и пошелъ къ Фиму, но тамъ значительное число непріятельской конницы бросилось на него въ атаку. По многолюдству непріятеля нельзя было ему сопротивляться, и Бенкендорфъ, сильно преслѣдуемый, отступилъ. На половинѣ дороги встрѣтилъ онъ Чернышева, построившаго казаковъ развернутымъ, длиннымъ фронтомъ. При видѣ ихъ, французы прекратили преслѣдованіе, полагая, что за донцами стоятъ войска. Плѣнные единодушно показали, что Наполеонъ находится около Фима, а потому Чернышевъ, исполнивъ данное ему приказаніе, поспѣшно отступилъ черезъ Вальи, ибо ему невозможно было долѣе оставаться на лѣвомъ берегу Эна, въ виду всѣхъ силъ и главной квартиры Наполеона и отдѣленному рѣкою отъ Силезской арміи. Но сколь велико было его удивленіе, когда посланный къ Вальи донесъ, что тамъ моста нѣтъ! Наскоро положили доски, кое-какъ скрѣпили ихъ и Чернышевъ перевелъ по нимъ всѣ шесть казачьихъ полковъ и присоединился къ Силезской арміи, занявшей между тѣмъ

позицію, примыкая правымъ крыломъ къ Эну, а лѣвымъ—къ рѣкѣ Леттѣ.

Узнавъ, что Наполеонъ шелъ изъ Бери-о-Бака къ Корбени, по Лаонской дорогѣ, Блюхеръ послалъ часть войскъ занять Лаонъ, другою частію хотѣлъ удерживать Наполеона при Краонѣ, а барона Винценгероде съ 10.000 конницы и 60 орудіями отрядилъ боковыми дорогами на Фетье, въ правое крыло и тылъ Наполеона. Авангардомъ Винценгероде командовалъ Чернышевъ. На маршѣ нашъ конный корпусъ встрѣтилъ чрезвычайно дурныя дороги и былъ застигнутъ темною февральскою ночью. Винценгероде не рѣшился вести войско во мракѣ, по горамъ и узкимъ тропинкамъ, и остановился. Онъ не соглашался на представленія Чернышева, который испрашивалъ у него позволенія хотя съ авангардомъ продолжать начатое движеніе. Винценгероде разрѣшилъ ему идти не ранѣе пяти часовъ утра. Берега Летты были такъ круты, что орудія надлежало спускать на рукахъ; для переправы каждой пушки употребляли болѣе 10 минутъ. Въ 10 часовъ утра Чернышевъ одолѣлъ наконецъ мѣстныя препятствія, но опять получилъ приказаніе остановиться, пока весь корпусъ переправится, что продолжалось до 3-хъ часовъ пополудни. Спустя нѣсколько времени двинулись войска впередъ, но, по причинѣ всѣхъ описанныхъ здѣсь промедленій, Винценгероде не успѣлъ зайти въ тылъ и во флангъ французовъ, въ то время какъ они сражались подъ Краономъ; пришелъ туда одинъ Чернышевъ и полонилъ въ тылу Наполеона 600 человѣкъ.

Черезъ день потомъ Блюхеръ поручилъ Чернышеву арріергардъ арміи и приказалъ употребить всѣ средства удержать Наполеона и тѣмъ дать арміи возможность занять позицію при Лаонѣ. «Если вы не остановите непріятеля, — писалъ ему Блюхеръ, — то я буду принужденъ отступить къ Авену». Наполеонъ поручилъ начальство надъ авангардомъ храбрѣйшему изъ своихъ маршаловъ, Нею, приказавъ ему быстро преслѣдовать союзниковъ и непремѣнно сбить ихъ арріергардъ. Ней двинулся къ Этувелю, гдѣ Чернышевъ занялъ чрезвычайно крѣпкую позицію въ тѣснинѣ, имѣя по обѣимъ сторонамъ непроходимыя болота. Двѣ пѣхотныя бригады и 24 орудія защищали позицію. Французы не замедлили атаковать ее, но не были въ состояніи преодолѣть упорной защиты. Чернышевъ три раза опрокидывалъ Нея; съ наступленіемъ темноты французы прекратили нападеніе.

Когда дѣло кончилось, Чернышевъ оставилъ на позиціи Пензенскій и Саратовскій полки и шесть орудій, а 13-й и 14-й Егерскіе съ 18-ю пушками поставилъ во вторую линію при Шиви, разстояніемъ въ верстѣ

отъ первой. Видя невозможность вытѣснить Чернышева изъ занимаемой имъ позиціи и желая во что бы то ни стало приблизиться къ Лаону, Наполеонъ послѣдовалъ совѣту жителей, вызвавшихся провесть войска въ обходъ нашего арріергарда ночью, двумя малоизвѣстными тропинками. Для внезапнаго нападенія составили отрядъ изъ старой гвардіи, подъ начальствомъ адъютанта Наполеонова, Гурго. Ему велѣно было атаковать арріергардъ съ боку, а Нею въ то же время напасть на Чернышева съ фронта. Ночью съ 24-го на 25-е число, гвардейскій отрядъ, слѣдуя за проводниками, пробрался въ глубокомъ мракѣ во флангъ нашей второй линіи. Стоявшіе тамъ егеря, утомленные трехдневными сраженіями, спали, не помышляя о готовившемся на нихъ нападеніи. Вдругъ послышался выстрѣлъ, потомъ другой, третій, а за ними неумолкаемый огонь. Мгновенно въ лагерѣ встрепенулись и встали въ ружье, не постигая сперва причины тревоги. Среди общаго недоумѣнія, Чернышевъ проникъ намѣреніе французовъ; при первыхъ выстрѣлахъ онъ послалъ за полками, бывшими въ первой линіи, и по прибытіи ихъ успѣлъ въ порядкѣ медленно отступить со всѣмъ арріергардомъ и вошелъ въ Лаонскую позицію не прежде 10-го часа утра.

Во время происшедшаго въ тотъ же день генеральнаго сраженія подъ Лаономъ, Чернышевъ командовалъ первою линіей войскъ Винценгероде. Отбивъ нападенія Наполеона, Блюхеръ былъ увѣренъ, что французы отступятъ. Въ слѣдующій день рано поутру отрядилъ онъ корпуса для атаки непріятелей съ тыла, а Чернышеву приказалъ преслѣдовать ихъ съ фронта, и для того послалъ его въ селеніе Класси съ пѣхотною бригадой, назначивъ восемь баталіоновъ подкрѣпить его. Среди непроницаемаго мрака Чернышевъ вошелъ въ Класси; но едва прояснѣло, очутился онъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ французовъ, которые и не думали отступать, но только что поднимались съ лагеря. 24 орудія Чернышева открыли тотчасъ огонь по непріятелю, изумленному пальбою. Если бы Чернышевъ былъ сильнѣе, то нечаяннымъ нападеніемъ онъ могъ произвесть во французской арміи сильное разстройство, но, оглянувшись, онъ, къ удивленію, увидѣлъ, что восемь баталіоновъ, долженствовавшихъ подкрѣплять его, шли не къ нему, а возвращались къ занимаемой арміею позиціи. Движеніе сіе произошло отъ того, что Блюхеръ, увидя, что Наполеонъ не отступаетъ, отложилъ намѣреніе напирать на него съ фронта. Повелѣніе о сей перемѣнѣ не успѣло еще дойти въ Класси до Чернышева, а генералъ, бывшій у него въ резервѣ съ восемью баталіонами, не выждавъ отъ него, какъ отъ непосредственнаго своего начальника, приказанія къ отступленію, но услышавъ, что нападеніе

отмѣнено, самъ собою отошелъ назадъ. Послѣ его возвращенія къ арміи, Чернышевъ остался одинъ среди Наполеоновой арміи. Ему надлежало сколь можно поспѣшнѣе идти назадъ къ Лаону. Желая въ виду непріятельской арміи совершить движеніе безъ потери, онъ велѣлъ полковнику Сухтелену сдѣлать съ казаками ложную атаку и подъ ея прикрытіемъ отошелъ къ позиціи.

Простоявъ десять дней на полѣ выиграннаго имъ подъ Лаономъ сраженія, Блюхеръ выступилъ оттуда 7-го марта къ берегамъ Марны. Дорогою хотѣлъ онъ разбить маршала Мармона, стоявшаго въ наблюденіи за Силезскою арміей при Бери-о-Бакѣ, на лѣвомъ берегу Эна. Для исполненія своего намѣренія, Блюхеръ прошелъ прямо на Бери-о-Бакъ, а Чернышеву велѣлъ съ отрядомъ переправиться чрезъ Энъ выше и зайти въ тылъ Мармону, между тѣмъ какъ самъ хотѣлъ атаковать его съ фронта. Чернышевъ удачно совершилъ переправу и обходъ въ странѣ, гдѣ повсюду между жителями разлился пламень бунта и гудѣлъ набатъ, призывая ихъ къ оружію. Онъ атаковалъ Мармона и опрокинулъ передовыя войска его, въ ту минуту, когда Блюхеръ прибылъ въ Бери-о-Бакъ и готовился переходить чрезъ Энъ. Желая избавиться опасности, Мармонъ взорвалъ мостъ на Энѣ, чѣмъ удержалъ Блюхера на противоположной сторонѣ рѣки. Преслѣдуемый Чернышевымъ, онъ отступилъ къ Шато-Тьери.

Перейдя чрезъ Энъ, Блюхеръ поручилъ Чернышеву авангардъ Силезской арміи и продолжалъ движеніе къ Марнѣ. Чернышевъ занялъ Реймсъ, Шалонъ и подошелъ къ Витри въ то незабвенное утро, когда императоръ Александръ, рѣшась идти на Парижъ, прибылъ въ Витри съ береговъ Оба. Здѣсь впервые въ походѣ во Франціи, государь увидѣлъ Чернышева, благодарилъ его за подвиги и за примѣрный порядокъ, соблюдаемый въ его отрядѣ. Разговаривая съ императоромъ, Чернышевъ совѣтовалъ обратиться на Парижъ, еще не зная, что сіе намѣреніе было принято государемъ за часъ передъ тѣмъ.

Весь тотъ день употребленъ былъ императоромъ на распоряженія къ маршу на столицу Франціи. Дабы скрыть сіе движеніе отъ Наполеона, обратившагося на путь нашихъ сообщеній, отправленъ былъ за нимъ Винценгероде съ 8.000 конницы и 46 конныхъ орудій. Подъ его начальство поступилъ Чернышевъ, которому было поручено наблюдать пространство между Марною и Обомъ и лично государемъ приказано сторожить всѣ движенія Наполеона и доносить объ нихъ его величеству какъ можно чаще. Винценгероде пошелъ съ главными силами изъ Витри на Сенъ-Дизье, а Чернышевъ обратился съ отрядомъ къ Монтьерандеру.

Съ этой минуты до окончанія похода Чернышевъ дѣйствовалъ отдѣльно и не соединялся болѣе съ Винценгероде, который чрезъ нѣсколько дней потомъ былъ разбитъ и отброшенъ къ Бар-ле-дюку и Шалону.

Исполняя данное ему государемъ повелѣніе не выпускать Наполеона изъ виду, Чернышевъ старался предупреждать головы колоннъ его и обо всѣхъ движеніяхъ его доносилъ императору по нѣскольку ра́зъ въ день. Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидали въ главной квартирѣ его величества донесеній Чернышева. Они служили главнымъ основаніемъ для принятія мѣръ на случай приближенія къ намъ Наполеона потому, что послѣ пораженія Винценгероде при Сенъ-Дизье не оставалось подлѣ непріятельской арміи никого, кромѣ отряда Чернышева. Возложенное на него порученіе было трудности чрезвычайной. Надлежало, такъ сказать, извиваться вокругъ Наполеона, въ краю, гдѣ жители пылали противъ насъ ожесточеніемъ. Желая облегчить движенія своего отряда въ болотныхъ мѣстахъ между Марною и Обомъ, Чернышевъ отослалъ къ Винценгероде изъ бывшихъ у него 4-хъ орудій и 8-ми зарядныхъ ящиковъ 2 пушки и 6 ящиковъ, ибо дѣло состояло не въ ратованіи съ Наполеономъ, но въ добываніи вѣрныхъ объ немъ свѣдѣній.

Когда по прошествіи нѣсколькихъ дней Наполеонъ удостовѣрился въ движеніи союзныхъ армій на Парижъ и самъ обратился туда же чрезъ Труа, Чернышевъ пошелъ впереди его на Шаванжъ, Пужи и Пине, подобно тому, какъ въ предыдущемъ году, послѣ Лейпцигскаго сраженія, предупреждалъ его на пути къ Рейну. Далѣе Пине ему нельзя было составлять авангарда французовъ, по той причинѣ, что дорога ихъ шла на Сансъ, укрѣпленный и защищенный гарнизономъ. Продолжая маршъ на Сансъ, Чернышевъ очутился бы между симъ городомъ и всею французскою арміей, слѣдовавшею по пятамъ его. Такое движеніе было не только слишкомъ отважно, но даже безполезно, потому что Чернышевъ уже исполнилъ данное ему въ Витрѣ государемъ назначеніе: узнавать объ истинномъ направленіи, какое возьметъ Наполеонъ.

Несомнѣнно убѣдясь въ поспѣшномъ маршѣ Наполеона къ Парижу и донеся о томъ государю, Чернышевъ отступилъ съ большой дороги къ Арсису и Мери. Движеніе коннаго отряда его, котораго силы не были извѣстны французамъ, повело непріятелей къ заключенію, что союзная кавалерія переходитъ на правый берегъ Сены, и что слѣдственно они безпрепятственно могутъ продолжать путь къ Парижу. Пропустивъ мимо себя непріятельскую армію, Чернышевъ пошелъ на Вильневъ-сюръ-Ваннъ,

за ея арріергардомъ и сдѣлалъ на него нѣсколько удачныхъ нападеній. Но. не довольствуясь сими частными успѣхами, онъ обратился на Вильневъ-ле-Руа, стараясь обойти флангъ Наполеона и стать на новомъ сообщеніи его между Парижемъ и Орлеаномъ. Онъ перешелъ чрезъ Іонну и слѣдовалъ къ рѣкѣ Луэну. Не найдя на ней моста, онъ велѣлъ вынуть боевые снаряды изъ зарядныхъ ящиковъ и несть ихъ на рукахъ поверхъ воды, такъ высокой, что она заливала наши зарядные ящики. Совершивъ благополучно переправу, Чернышевъ пошелъ въ Мальзербъ. гдѣ встрѣтилъ транспортъ съ 22-мя пушками, везомыми въ Орлеанъ. подъ прикрытіемъ 700 человѣкъ пѣхоты и конницы. Немедленно распорядясь къ атакѣ, онъ разбилъ и полонилъ прикрытіе и взялъ орудія. Симъ подвигомъ заключился непрерывный рядъ успѣховъ, одержанныхъ русскими со времени начатія наступательныхъ дѣйствій подъ Тарутинымъ до водруженія нашихъ знаменъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Франціи. Чернышеву предоставлена была честь открыть военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Нѣмана и въ безпримѣрной войнѣ Александра съ Наполеономъ сдѣлать послѣдній выстрѣлъ недалеко отъ береговъ Лоары. Потомъ онъ сталъ въ Этампѣ и прервалъ сообщенія между Фонтенебло и Блуа, то-есть между Наполеономъ и тѣмъ городомъ, гдѣ находились Марія-Луиза, братья Наполеона и главные сановники его.

Въ Этампѣ получилъ онъ 24-го марта извѣстіе о торжественномъ вступленіи императора Александра въ Парижъ. «Не могу выразить вашему величеству,—писалъ онъ тогда государю,—всѣхъ чувствованій души моей при семъ извѣстіи. Вамъ открыто мое сердце! Не могу однакожъ утаить, что для моего счастія недоставало одного—быть свидѣтелемъ вашего торжества въ столицѣ, которую я видалъ при обстоятельствахъ совершенно различныхъ».

Вскорѣ послѣдовало отреченіе Наполеона и прекращены военныя дѣйствія. Чернышевъ отправился въ Парижъ. Императоръ Александръ хотѣлъ послать его въ Фонтенебло, сопутствовать Наполеону до острова Эльбы, но—благодушный, не мстительный!—перемѣнилъ свое намѣреніе, сказавъ: «Наполеону, въ несчастіи, непріятно будетъ видѣть при себѣ Чернышева, который находился при немъ, когда онъ былъ въ упоеніи славы и побѣдъ». Въ теченіе многихъ лѣтъ коротко знакомый со всѣми именитыми въ Парижѣ лицами, Чернышевъ постоянно сопровождалъ государя во время его посѣщеній у императрицъ Маріи-Луизы и Жозефины, королевы Гортензіи, маршаловъ, сановниковъ французскихъ и ни на шагъ не отлучался отъ его величества.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Походъ во Францію 1815 года.

Пребываніе на Вѣнскомъ конгрессѣ. — Письмо о Польшѣ. — Мнѣніе объ истинномъ назначеніи летучихъ отрядовъ. — Движенія за Сарою. — Переходъ чрезъ Масъ. — Покореніе Шалона. — Маршъ на Куломье и Бри. — Отъѣздъ въ Парижъ. — Свиданіе съ Гнезенау, Веллингтономъ и Кастельре. — Письмо къ императору Александру. — Общій обзоръ дѣйствій въ войнахъ отъ 1812 до 1815 года.

По заключеніи парижскаго мира, Чернышевъ сопровождалъ императора Александра въ Лондонъ и вмѣстѣ съ его величествомъ получилъ степень доктора въ Оксфордскомъ университетѣ.

Въ іюлѣ онъ возвратился изъ Лондона въ Петербургъ и черезъ мѣсяцъ отправился на Вѣнскій конгрессъ, гдѣ императоръ возлагалъ на него важныя и довѣренныя порученія. Они исполняемы были съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что во время многолѣтнихъ дипломатическихъ посылокъ Чернышева въ Парижъ, Вѣну, Берлинъ и Стокгольмъ познакомился онъ лично и коротко съ первенствующими монархами и съ знаменитѣйшими государственными мужами, собранными потомъ въ 1814-мъ году на Вѣнскомъ конгрессѣ. Императоръ австрійскій и король прусскій видали его при своихъ дворахъ съ самыми сокровенными порученіями, въ эпоху для нихъ бѣдственную. Князья Талейранъ, Меттернихъ, Гарденбергъ, Шварценбергъ, Вреде, Дальбергъ, вице-король италійскій тѣмъ охотнѣе вступали съ нимъ въ разныя объясненія, что уже за нѣсколько лѣтъ знали его облеченнымъ полною довѣренностію императора Александра, посвященнымъ въ тайны политики и давно находившись съ нимъ въ отношеніяхъ дружескихъ.

Исполняя съ обыкновеннымъ ему успѣхомъ порученія государевы, одинъ разъ только Чернышевъ навлекъ на себя неудовольствіе его, представивъ ему письменное мнѣніе противъ учрежденія конституціи въ царствѣ Польскомъ и противъ присоединенія сей земли къ Россіи, въ видѣ отдѣльнаго государства, а не просто губерніи. Чернышевъ излагалъ въ мнѣніи своемъ могущее произойти отъ того зло и убѣждалъ государя опредѣлить для Польши иной образъ управленія. Чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣдствія оправдали его предусмотрительность, но императоръ Александръ, внимая порывамъ своей высокой души, вѣрилъ въ добродѣтель и признательность новыхъ подданныхъ своихъ, не согласился съ доводами Чернышева и двѣ недѣли обра-

щался съ нимъ холодно. То былъ единственный случай, гдѣ въ теченіе своего многолѣтняго служенія при Александрѣ Чернышевъ навлекъ на себя мгновенное неудовольствіе монарха. Охлажденіе благодушнаго Александра было непродолжительно и вскорѣ возвратилъ онъ своему питомцу прежнее расположеніе.

Еще конгрессъ не приходилъ къ окончанію, когда въ мартѣ 1815 года высадка Наполеона съ острова Эльбы во Францію измѣнила видъ дѣлъ и нарушила всеобщій миръ, казавшійся надолго упроченнымъ. При первомъ извѣстіи объ отважномъ покушеніи Наполеона, императоръ Александръ объявилъ рѣшительное намѣреніе лишить его навсегда возможности вновь колебать общее спокойствіе и уничтожить Наполеона навсегда. Оцѣнивая великія заслуги, оказанныя Чернышевымъ въ минувшіе походы, онъ приказалъ ему составить предположеніе о дѣйствіяхъ легкой конницы въ предстоявшей войнѣ во Франціи. Поданное о томъ его величеству въ Вѣнѣ письменное мнѣніе Чернышева было слѣдующаго содержанія:

«По достовѣрнымъ извѣстіямъ силы Наполеона простираются нынѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, до 180.000 регулярныхъ войскъ; въ томъ числѣ находится отъ 22 до 25.000 конницы и 800 орудій. Въ теченіе іюня надѣется онъ умножить армію 80.000 человѣкъ, взятыми изъ 3-хъ и 4-хъ баталіоновъ и тѣхъ эскадроновъ, коихъ кадры и депо наполняются волонтерами и возвращающимися изъ отпусковъ и плѣна. Сверхъ того полагаетъ онъ, что въ августѣ конница его усилится 20.000 человѣкъ. Независимо отъ формированія четвертыхъ и пятыхъ баталіоновъ, къ чему по недостатку оружія и средствъ не можетъ онъ приступить прежде начатія военныхъ дѣйствій, занимаются во всей Франціи составленіемъ и вооруженіемъ гренадерскихъ и егерскихъ баталіоновъ національной гвардіи, пазначенныхъ защищать границы. Тысячи оружейниковъ денно и нощно выдѣлываютъ оружіе на заводахъ въ Версали, Шарлевиллѣ, Сентъ-Этіеннѣ и другихъ.

«Не взирая на возгласы «Монитера» объ успѣхѣ сихъ работъ, онѣ не могутъ быть намъ вредны, если мы станемъ только согласовать дѣйствія съ нашими рѣчами, особенно съ великодушными намѣреніями вашего величества и не вынудимъ противъ насъ на войну французскихъ поселянъ, подобно русскимъ и испанцамъ. Питая надежду весть народную войну, Наполеонъ долженъ будетъ занять линейными войсками пограничныя крѣпости: Страсбургъ, Гюнингенъ, Тіонвиль, Мобежъ, Валансіенъ и другія; сохраненіе сихъ крѣпостей необходимо для него и онъ не можетъ довѣрить оборону ихъ національной гвардіи.

От того значительно уменьшится его дѣйствующая армія, и онъ ищетъ свое спасеніе въ воспламененіи народа, слѣдственно мы можемъ быть увѣрены, что онъ будетъ всѣми средствами клеветать на союзниковъ и опорочивать намѣренія наши, приписывая намъ посягательства на честь и независимость Франціи. Къ сожалѣнію, разныя прокламаціи, обнародованныя нѣкоторыми чиновниками союзныхъ державъ, способствуютъ такой коварной политикѣ Наполеона, напримѣръ: провозглашеніе, изданное въ Дюссельдорфѣ Грунеромъ, гдѣ онъ угрожаетъ именемъ союзниковъ превратить въ пепелъ Парижъ, называя его новымъ Вавилономъ. Подобные хвастливые вызовы могутъ имѣть вредныя послѣдствія. Предводители союзныхъ армій должны убѣдиться въ истинѣ, что нѣсколько неблагоразумныхъ, неосторожно сказанныхъ словъ могутъ усилить непріятеля тысячами солдатъ. Надобно запретить начальникамъ корпусовъ, дивизій, отрядовъ и гражданскихъ управленій издавать прокламаціи, которыя должно обнародывать только въ главныхъ квартирахъ армій въ духѣ политики, признанной кабинетами.

«Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что самое надежное для насъ средство состоитъ въ ограниченіи, сколько можно, круга дѣйствій Наполеоновыхъ, приступая къ тому съ самаго начала войны, дабы лишить его большей части способовъ его, разрушить его вооруженія прежде, нежели они будутъ готовы и отрѣзать его отъ южныхъ и западныхъ областей Франціи, гдѣ жители всегда были менѣе расположены къ нему, чѣмъ въ другихъ частяхъ сего государства. Огромное развитіе силъ союзниковъ поставитъ ихъ легко въ возможность достигнуть военную и политическую цѣль. Особенно великое превосходство въ числѣ нашей легкой конницы доставитъ намъ рѣшительный перевѣсъ, не раздробляя притомъ нашихъ армій, которыя должно двинуть на главный театръ войны быстро, подобно рѣкѣ, поглощающей всякія препоны.

«Если наши легкія войска будутъ искусно предводимы, они окажутъ несравненно болѣе пользы, нежели въ прежніе походы. Легкая русская конница имѣетъ неоспоримыя надъ всѣми преимущества. Она будетъ всегда предметомъ ужаса и отчаянія для непріятеля. Одно имя казака наводитъ паническій страхъ на французовъ. Но дабы извлечь изъ безцѣннаго донскаго войска возможную пользу, не надобно употреблять его такъ неловко, какъ доселѣ. Начальство надъ казаками не должно быть ввѣряемо донскимъ генераламъ и полковникамъ. Не имѣя надлежащаго умственнаго образованія, они сражаются слабо, предаются грабежу и всякаго рода безпорядкамъ, если не руководствуетъ

ихъ и не надзираетъ за ними начальникъ строгій, обуздывающій и поощряющій ихъ. Не надобно также составлять небольшихъ отрядовъ изъ нѣсколькихъ сотъ конницы, которые, по благосклонности генераловъ, ввѣряются штабъ-офицерамъ и дѣйствуютъ большую часть похода на пунктахъ безполезныхъ для арміи, съ единственною цѣлію грабежа и обогащенія. Не принося арміи ни малѣйшей выгоды, они приводятъ въ отчаяніе жителей театра войны, воспламеняютъ ихъ ненавистью, гибельною для нашихъ армій. Предаваясь безпорядкамъ и не находясь ни подъ чьимъ надзоромъ, эти офицеры рѣдко вступаютъ въ бой съ непріятелемъ, довольствуются отправленіемъ къ начальникамъ лживыхъ донесеній, часто, къ сожалѣнію, смѣшиваемыхъ съ тѣми, которыя заслуживаютъ уваженія. Для устраненія такихъ злоупотребленій и извлеченія возможной пользы изъ нашихъ легкихъ войскъ, надобно, при самомъ вступленіи нашемъ во Францію, составить изъ нихъ отрядъ, помѣстивъ въ него три или четыре полка казаковъ, два полка регулярныхъ: конно-егерскій, да одинъ гусарскій или уланскій, и 6-ть конныхъ орудій. Начальникомъ опредѣлить генерала опытнаго, извѣстнаго безкорыстіемъ.

«Операціонная линія на сѣверѣ назначена для пруссаковъ и англичанъ, а потому ихъ обязанность будетъ отрѣзать Наполеонову армію отъ Парижа, Пикардіи, Нормандіи и Бретаніи. На австрійцевъ возложить пересѣченіе дорогъ изъ Ліона и южной Франціи. Слѣдовательно, назначеніе русскаго летучаго отряда, въ случаѣ, если наши арміи встрѣтятъ сильное сопротивленіе на Мозелѣ и Масѣ, будетъ быстрое движеніе между Парижемъ и непріятельскою арміей и дѣйствіе въ тылу ея. Если Наполеонъ соберетъ свои силы вокругъ Парижа, то отряду перейти чрезъ Іонну и Луенъ, овладѣть орлеанскою дорогой и лишить непріятеля всѣхъ средствъ, получаемыхъ имъ изъ Бордо и съ береговъ Лоары и Гаронны. Посылаемыя отряднымъ начальникомъ небольшія партіи для военныхъ предпріятій не должны отъ него отдѣляться на долгое время, слѣдовательно онѣ не будутъ имѣть невыгодъ теперешнихъ партій, отправляемыхъ въ маломъ числѣ и на дальнее разстояніе.

«Кромѣ доставленія арміи извѣстій, поимки курьеровъ, уничтоженія обозовъ, депо и оружейныхъ заводовъ, истинной цѣли нашего отряда, онъ можетъ содѣйствовать арміи въ день сраженія, проникнувъ въ тылъ непріятеля, ударивъ на его главную квартиру или резервы. Смѣлою и нечаянною атакой онъ приведетъ непріятеля въ смятеніе и можетъ способствовать побѣдѣ. Весьма ошибаются, полагая казаковъ неспособными для генеральныхъ сраженій. Я видалъ ихъ, твердо стоя-

щихъ подъ картечами, видалъ атаки ихъ на пѣхоту. Немногіе знаютъ тайну употреблять такимъ образомъ казаковъ, потому что доселѣ пренебрегали возбуждать духъ въ этомъ неоцѣненномъ войскѣ, внушать ему соревнованіе, одушевлять его личнымъ примѣромъ. Находящіеся въ арміи казаки должны участвовать въ сраженіи, дѣйствовать на флангъ и тылъ непріятеля, между тѣмъ какъ регулярная конница атакуетъ съ фронта. Ваше императорское величество явили сами примѣръ тому, приказавъ вашимъ конвойнымъ лейбъ-казакамъ атаковать подъ Лейпцигомъ въ минуту рѣшительную.

«Чрезвычайно блистательны будутъ слѣдствія, если изо всѣхъ союзныхъ армій, въ которыхъ состоитъ до 150.000 конницы, отрядить 15.000 человѣкъ съ тою цѣлію, какую назначаю для нашего отряда, тѣмъ болѣе, что правленіе Наполеона нетвердо, общее мнѣніе во Франціи угнетено силою и вооруженія производятся тамъ на большемъ пространствѣ земли. Осмѣливаюсь просить ваше величество быть увѣрену, что, излагая, по вашей волѣ, мысли мои объ употребленіи легкихъ войскъ, я не испрашиваю начальства надъ летучимъ отрядомъ. Есть даже причины, побуждающія меня не желать того, но я долгомъ поставилъ для блага вашей службы представить замѣчанія, почерпнутыя мною изъ опыта и размышленій. Имѣя счастіе быть вашимъ адъютантомъ, всѣ желанія мои ограничиваются состоять въ нынѣшнемъ походѣ при вашей особѣ и предъ очами вашими доказать преданность мою вашему величеству».

Чернышевъ представилъ мнѣніе сіе незадолго до отъѣзда императора Александра изъ Вѣны къ арміи, слѣдовавшей усиленными маршами изъ Царства Польскаго къ Рейну. Мая 13-го государь отправился изъ Вѣны. Чернышевъ сопровождалъ его и останавливался съ нимъ на нѣсколько дней въ Мюнхенѣ и Стутгардѣ. 22-го мая императоръ прибылъ въ главную квартиру австрійцевъ, Гейдельбергъ, гдѣ прожилъ двѣ недѣли для окончательнаго составленія операціоннаго плана и сожиданія русской арміи. Между тѣмъ его величество отправилъ Чернышева въ Ашафенбургъ къ фельдмаршалу графу Барклаю-де-Толли, приказавъ ему составить Чернышеву отрядъ для дѣйствій, согласно представленному его величеству въ Вѣнѣ предположенію. Желая дать скорѣе Чернышеву случай явиться на театрѣ войны, Барклай-де-Толли послалъ его съ тремя казачьими полками къ фельдмаршалу князю Вреде, шедшему съ Баварскимъ корпусомъ и 2-ю русскою гусарскою дивизіей графа Ламберта впереди главной арміи, составляя авангардъ ея. Чернышевъ настигъ князя Вреде 12-го іюня на маршѣ изъ Цвейбрика

въ Саргемюнде, получилъ отъ него въ подкрѣпленіе Маріупольскій гусарскій полкъ, два эскадрона баварцевъ и два конныя орудія. Тогда еще не были извѣстны огромныя послѣдствія Ватерлооскаго сраженія и думали, что Наполеонъ находится съ арміею на Бельгійской границѣ. Основываясь на семъ предположеніи, Чернышевъ условился съ княземъ Вреде прикрывать правое крыло баварцевъ, пресѣкать сообщенія французской арміи съ крѣпостями на Мозелѣ, Масѣ и въ Арденнахъ, препятствовать набору рекрутовъ и формированію волонтеровъ (corps francs) и открыть связь съ арміями Блюхера и Веллингтона.

Перейдя черезъ Сару, Чернышевъ направился на Безонвиль, отрядивъ впередъ партіи къ Люксембургу и на дорогу изъ Меца въ Тіонвиль. При самомъ началѣ его дѣйствій, графъ Ламбертъ, получивъ отъ французскихъ генераловъ извѣстіе объ отреченіи Наполеона отъ престола, заключилъ перемиріе и приглашалъ Чернышева остановить дальнѣйшія движенія. Чернышевъ не почелъ перемиріе графа Ламберта обязательнымъ для себя и продолжалъ идти впередъ. На другой день явился къ нему переговорщикъ отъ тіонвильскаго коменданта генерала Гуго, также съ предложеніемъ перемирія по случаю перемѣны правительства. Чернышевъ отказалъ его вызову, переправился чрезъ Мозель въ виду Мецскаго гарнизона, и наводнилъ партіями пространство между Мозелемъ и Масомъ.

Получая одно за другимъ подтвердительныя извѣстія о слѣдствіяхъ пораженія Наполеонова подъ Ватерлоо, отступленіи французовъ къ Парижу и преслѣдованіи ихъ англичанами и пруссаками, Чернышевъ почиталъ уже безполезнымъ дѣйствовать къ сѣверу, обратился на Парижскую дорогу и 17-го іюня перешелъ черезъ Масъ близъ Вердена. Въ быстро пройденномъ имъ пространствѣ отъ рѣки Сары до Вердена, жители принимали его вообще радушно, чему способствовало примѣрное поведеніе отряда его; только изрѣдка стрѣляли они въ казаковъ. Совершивъ переправу у Вердена, Чернышевъ намѣревался идти на Реймсъ, но узнавъ, что англо-пруссаки заняли Компьенъ и Санлисъ и двинулись на Мо, отмѣнилъ предположенный маршъ на Реймсъ и обратился кратчайшимъ путемъ на Парижъ къ Шалону, откуда, по увѣренію жителей, французскія войска выступили къ Парижу.

Отправивъ къ Шалону свой авангардъ, подъ командою полковника Ностица, онъ приказалъ партіи, шедшей на правомъ крылѣ его, изъ Сентъ-Менегу, переправиться чрезъ Марну ниже Шалона и занять дорогу между симъ городомъ и Эперне, для того, чтобы она преградила отступленіе непріятелю, который могъ быть въ Шалонѣ. За авангардомъ

Чернышевъ велъ весь отрядъ. Приближаясь къ Шалону, онъ услышалъ ружейные и пушечные выстрѣлы, но къ удивленію не получая донесеній отъ Ностица, поспѣшилъ къ Шалону. Здѣсь онъ узналъ отъ стоявшаго близъ города эскадрона Маріупольскихъ гусаровъ, что Ностицъ вошелъ съ казачьимъ полкомъ въ открытыя городскія ворота, послѣ чего французы заняли ихъ пѣхотою. При невозможности удержаться въ многолюдномъ городѣ съ одними казаками, Ностицъ проскакалъ по Шалону на Эпернейскую дорогу, куда за нѣсколько передъ тѣмъ времени двинулись французы изъ Шалона, узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, но встрѣченные отряженною заблаговременно Чернышевымъ на Эпернейскую дорогу партіею, возвратились въ городъ. Командовавшій тамъ генералъ Риго имѣлъ подъ своимъ начальствомъ пѣхотный полкъ, депо разныхъ командъ и шесть орудій. Онъ поставилъ войско къ защитѣ городскихъ воротъ, обороняемыхъ сверхъ того укрѣпленіями.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Чернышевъ подступилъ къ Шалону. Онъ спѣшилъ сотню казаковъ и одинъ легкоконный баварскій эскадронъ, вооруженный карабинами, открылъ огонь изъ 2-хъ орудій и подъ ихъ выстрѣлами велѣлъ прорубить ворота топорами. Приказаніе было исполнено подъ градомъ картечей и пуль; послѣ чего Маріупольскіе гусары, казаки и баварцы ворвались въ городъ. Къ французскимъ войскамъ присоединились вооруженные жители и болѣе 500 воспитанниковъ военнаго училища; но ихъ оборона была одолена кавалерійскими атаками и пушечными выстрѣлами. Во время боя Ностицъ возвратился съ казачьимъ полкомъ съ Эпернейской дороги въ Шалонъ. Множество французовъ положено было на мѣстѣ. Командовавшій въ городѣ генералъ Риго и болѣе 500 человѣкъ взяты въ плѣнъ, причемъ достались побѣдителю шесть орудій.

Спасшіяся изъ города французскія войска отступили къ Вертю, куда для наблюденія ихъ пошли казаки. Немедленно послѣ покоренія города водворенъ въ немъ совершенный порядокъ. Жители, сперва сражавшіеся противъ нась, увидя имущества и дома свои неприкосновенными, окружили Чернышева, радостно восклицая: «Да здравствуетъ Александръ, нашъ избавитель»! На ратушѣ подняли бѣлое знамя.

Такъ, одна конница овладѣла городомъ, защищеннымъ пѣхотою, укрѣпленіями и пушками. Подвигъ блистательный и тѣмъ незабвенный въ нашей военной исторіи, что былъ единственнымъ военнымъ дѣйствіемъ русскихъ войскъ въ походѣ 1815 года, а шесть взятыхъ въ Шалонѣ орудій составили единственные въ сей войнѣ трофеи.

Переночевавъ въ Шалонѣ, Чернышевъ выступилъ въ слѣдующее

утро на Монмираль и Куломье. Не взирая на усталость людей и чрезвычайные жары, онъ шелъ усиленными маршами, желая участвовать въ сраженіи, которое казалось неминуемымъ подъ стѣнами Парижа. Въ Куломье стояли французскія войска, подъ начальствомъ генерала Эрлона. Изумленный появленіемъ Чернышева, онъ такъ поспѣшно отступилъ, что бросилъ на дорогѣ пять орудій, изломалъ подъ ними лафеты и 60 фуръ. Посланная за нимъ казачья партія вошла въ Бри, почти единовременно съ арріергардомъ Эрлона, шедшимъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Въ Куломье Чернышевъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о перемиріи, заключенномъ Веллингтономъ и Блюхеромъ съ французами и о вступленіи англо-пруссаковъ въ Парижъ. Бывъ 13 дней въ безпрестанныхъ маршахъ, безъ дневокъ, Чернышевъ остановилъ отрядъ въ Бри, въ пяти лье отъ Парижа, прекратилъ дальнѣйшія дѣйствія, дабы, по случаю перемирія, не произошло какихъ нибудь непріятныхъ послѣдствій, и отправился въ Парижъ. Онъ хотѣлъ удостовѣриться тамъ лично въ положеніи дѣлъ и условиться съ Веллингтономъ и Блюхеромъ о движеніяхъ своего отряда.

Прибывъ въ Парижъ, Чернышевъ тотчасъ поѣхалъ въ Сенъ-Клу, главную квартиру Блюхера. Начальникъ штаба прусской арміи, Гнейзенау, объясняя Чернышеву происходившее въ Парижѣ, сказалъ: «Одинъ императоръ Александръ можетъ распутать дѣла. Безъ него никто не осмѣливается ни на что рѣшиться, и если онъ скоро не пріѣдетъ, мы надѣлаемъ много дурачествъ». Отъ Блюхера Чернышевъ поѣхалъ въ Нёльи къ герцогу Веллингтону, который подтвердилъ ему слова генерала Гнейзенау и просилъ его послать курьера къ императору и всѣми средствами убѣждать его величество прибытіемъ въ Парижъ положить конецъ запутанности дѣлъ. «До сихъ поръ,—сказалъ ему Веллингтонъ,—я поступалъ согласно даннымъ мнѣ первоначально союзными монархами наставленіямъ. Но теперь, когда я занялъ Парижъ, и Лудовикъ XVIII скоро сюда пріѣдетъ, а между тѣмъ умы парижанъ въ волненіи, только императоръ Александръ можетъ разрѣшить Гордіевъ узелъ и принять мѣры, сообразныя обстоятельствамъ». Лордъ Кастельре, первый министръ Англіи, говорилъ Чернышеву въ такомъ же смыслѣ. Возвратясь къ своему отряду въ Бри, Чернышевъ немедленно донесъ императору Александру о словахъ Гнейзенау, Веллингтона и Кастельре, сообщилъ собранныя имъ свѣдѣнія о тревожномъ состояніи Парижа, обуреваемаго и политическими переворотами и насильственными поступками пруссаковъ, писалъ, что Блюхеръ не щадитъ побѣжденныхъ, готовится взорвать чрезъ два дня Іенскій мостъ, и, на-

конецъ увѣдомлялъ, что безъ скораго прибытія государя въ Парижъ нельзя ручаться за самыя кровавыя явленія. Императоръ получилъ его донесеніе близъ Сенъ-Дизье, въ 200 верстахъ отъ Парижа и въ тотъ же день отправился въ Парижъ, гдѣ присутствіе его, обожаемаго и побѣдителями и побѣжденными, водворило тишину и спокойствіе.

Здѣсь заключалось боевое поприще Чернышева во время исполинской войны, предпринятой императоромъ Александромъ въ 1812 году и конченной въ 1815 заточеніемъ Наполеона на островъ св. Елены. Подробно изложивъ дѣйствія Чернышева въ сей четырехлѣтней войнѣ, мы видѣли его постоянно облеченнаго довѣріемъ Александра, самымъ ревностнымъ поборникомъ его великаго предпріятія положить конецъ игу Наполеона надъ Европою, видѣли его глубоко проникнутаго убѣжденіемъ: дѣйствовать неослабно, стремиться впередъ, наносить врагу сильные, рѣшительные удары. Первою заслугой его въ Отечественную войну было исполненное, по его предложенію, сосредоточеніе русскихъ войскъ изъ растянутаго положенія, въ какомъ находились наши арміи передъ самымъ открытіемъ похода. Потомъ является онъ проводникомъ мысли императора Александра, сообщая главнокомандующимъ армій, Кутузову, Тормасову и Чичагову, предположенія Александра: собрать на Березинѣ большія силы и запереть Наполеону возвращеніе изъ Россіи. Исполнивъ важное порученіе, на которомъ была основана вторая половина войны 1812 года, Чернышевъ вторгнулся въ Варшавское герцогство, привелъ Варшаву въ трепетъ, чѣмъ лишилъ французовъ нравственнаго вліянія на Польшу и принудилъ князя Шварценберга и Ренье отступить отъ Буга. Чрезъ нѣсколько дней потомъ остановилъ наступательное движеніе ихъ у Мостовъ и Зельве, давая Чичагову возможность спѣшить къ Березинѣ. Наконецъ, въ тылу непріятельскихъ войскъ онъ прошелъ четырехсотверстное пространство и первый открылъ сообщеніе между арміями Чичагова и графа Витгенштейна, подвигъ, о которомъ Александръ писалъ, что «онъ принадлежитъ къ самымъ смѣлымъ, о коихъ повѣствуетъ военная исторія».

Въ войнѣ 1813 года Чернышевъ первый изъ русскихъ генераловъ перешелъ чрезъ Вислу, Одеръ и Эльбу. Движеніями своими онъ принудилъ главнокомандующаго французскою арміей оставить Позенъ и отступить къ Одеру, вторженіемъ въ Берлинъ заставилъ его покинуть линію Одера, дѣйствіями за Эльбою постоянно удерживалъ въ сѣверной Германіи большія силы Наполеона, безъ чего онѣ присоединились бы къ французской арміи на главномъ театрѣ войны. Въ теченіе сихъ быстрыхъ движеній покорилъ онъ Маріенвердеръ, Берлинъ

и по упорномъ сраженіи взялъ Люнебургъ. Переходя нѣсколько разъ чрезъ Эльбу, онъ поразилъ непріятеля подъ Гальберштатомъ, остановилъ слѣдовавшіе къ Наполеону парки и артиллерію, и если бы вняли совѣту его, покоренъ былъ бы Лейпцигъ, средоточіе непріятельскихъ сообщеній. Послѣ перемирія онъ рѣшилъ дѣло подъ Бельцигомъ и, не упоминая о многихъ успѣшныхъ поискахъ, овладѣлъ Касселемъ, разрушилъ существованіе Вестфальскаго королевства, показавъ тѣмъ шаткость Наполеоновой власти въ Германіи. Во время отступленія завоевателя отъ Лейпцига, шелъ посреди французской арміи, не давалъ ей ни минуты покоя, спасъ отъ конечной гибели австрійско-баварскую армію подъ Ганау, и первый изъ русскихъ развилъ знамена Александра на Рейнѣ. Въ теченіе 1813 года взято имъ:

Въ Маріенвердерѣ	15	орудій.
Подъ Гальберштатомъ.	14	»
Въ Люнебургѣ	12	»
Подъ Бельцигомъ	8	»
Въ Касселѣ.	32	»
Итого . .	81	орудіе

и болѣе 20.000 плѣнныхъ.

Столь же неутомимымъ и предпріимчивымъ является Чернышевъ въ походѣ 1814 года. По его настоянію и подъ его руководствомъ совершилась переправа чрезъ Рейнъ у Дюссельдорфа. Вступя во Францію, онъ разбилъ генерала Кастекса подъ Лютихомъ, овладѣлъ крѣпостью Авеномъ, убѣдилъ генерала Винценгероде идти на Суассонъ, взялъ сію крѣпость приступомъ, чѣмъ спасъ отъ конечнаго пораженія два корпуса Блюхеровой арміи, отразилъ храбрѣйшаго изъ Наполеоновыхъ маршаловъ Нея, подъ Шиви, разбилъ маршала Мармона у Бери-о-Бака, взялъ Реймсъ и Шалонъ, сторожилъ всѣ движенія Наполеона, когда тотъ обратился на сообщенія союзниковъ, предупреждалъ и преслѣдовалъ Наполеона во время движенія его отъ Сенъ-Дизье къ Фонтенебло, перешелъ чрезъ Іонну и Луенъ, нанесъ послѣднее въ семъ походѣ пораженіе французамъ при Мальзербѣ и былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Орлеана, когда императоръ Александръ вступилъ въ Парижъ. Въ походѣ 1814 года взято Чернышевымъ:

Въ Авенѣ	20	орудій.
Въ Суассонѣ	14	»
Подъ Мальзербомъ.	22	»
Итого. .	56	орудій.

Наконецъ, въ походѣ 1815 года, когда русская армія не имѣла случая сразиться съ непріятелемъ, Чернышеву одному изъ русскихъ генераловъ предоставлена была завидная участь ознаменоваться военнымъ подвигомъ—покореніемъ Шалона и взятіемъ тамъ 6-ти орудій. Онъ первый изъ русскихъ вступилъ въ Парижъ, откуда войска наши были еще въ 200 верстахъ, и на основаніи его донесенія императоръ Александръ отправился изъ Сенъ-Дизье въ Парижъ, чѣмъ положилъ конецъ тревожному состоянію дѣлъ и предварено новое кровопролитіе.

Въ заграничныхъ походахъ взято Чернышевымъ:

Въ 1813 году	81	орудіе.
» 1814 »	56	»
» 1815 »	6	»
Итого .	143	орудія

и нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ. Это не похвалы, не преувеличеніе, но истина, историческіе факты, совершившіеся въ глазахъ и средоточіи Европы. Самая строгая критика умолкаетъ при воззрѣніи на такіе подвиги, а имя того, кто исполнилъ ихъ, исторія поставляетъ въ число именъ знаменитыхъ полководцевъ дивнаго вѣка Александра.

Часть II.

Въ первой части «Жизнеописанія князя Чернышева» изложили мы дѣйствія его съ 1801 до 1815 года, начало его военнаго поприща подъ Аустерлицомъ и въ восточной Пруссіи, довѣренныя порученія, съ коими посылаемъ онъ былъ императоромъ Александромъ въ Парижъ, Вѣну, Стокгольмъ и Берлинъ; самымъ подробнымъ образомъ, достойнымъ исторической важности предмета, изобразили сношенія его съ Наполеономъ, и наконецъ представили великое участіе, принятое имъ въ Отечественной войнѣ и заграничныхъ походахъ въ Германіи и во Франціи. Мы довели наше описаніе до половины 1815 года, когда съ отправленіемъ Наполеона на островъ св. Елены и вторичнымъ возвращеніемъ Бурбоновъ во Францію Александръ упрочилъ новый порядокъ вещей въ Европѣ. Приступаемъ ко второй части жизнеописанія, отъ 1815 до 1825 года, отъ водворенія всеобщаго спокойствія на твердой землѣ до кончины императора Александра.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1815 годъ.

Утвердивъ Людовика XVIII на престолѣ, императоръ Александръ отправился, сентября 13-го 1815 года, изъ Парижа въ Россію чрезъ Брюссель, Дижонъ, Швейцарію и Берлинъ. Чернышевъ долженъ былъ сопутствовать его величеству; но болѣзнь удержала его нѣсколько времени въ Парижѣ и онъ не могъ слѣдовать за монархомъ. По выздоровленіи онъ поѣхалъ изъ Парижа прямо въ Берлинъ, ожидая высочайшаго туда прибытія, которое послѣдовало 9-го октября. Давно не

представлялъ Берлинъ такого радостнаго волненія, какое происходило въ немъ въ то время: совершалось обрученіе великаго князя, нынѣ государя императора Николая Павловича, съ принцессою Шарлоттою, нынѣ императрицею Александрою Өеодоровною. Послѣ сего событія—залогъ вѣковаго благополучія Россіи—императоръ Александръ выѣхалъ 27-го октября изъ Берлина въ Варшаву, приказавъ Чернышеву отправиться въ Нидерланды и сопровождать наслѣднаго Оранскаго принца изъ Брюсселя въ Петербургъ, для сочетанія бракомъ съ великою княжною Анною Павловною. Поводомъ къ браку былъ Чернышевъ. Любопытныя обстоятельства, предшествовавшія сему первому родственному союзу Россіи съ Голландіею, заключаются въ слѣдующемъ:

Во время пребыванія императора въ Лондонѣ, въ 1814 году, Чернышевъ былъ однажды дежурнымъ при его величествѣ. Является къ нему молодой человѣкъ, примѣчательной наружности, во фракѣ, и спрашиваетъ: когда онъ можетъ имѣть честь представиться императору. «Его величества нѣтъ дома,—отвѣчалъ Чернышевъ,—а съ кѣмъ имѣю честь говорить?»—«Я принцъ Оранскій,— было отвѣтствовано;— позвольте спросить: кто вы?»—«Я генералъ-адъютантъ Чернышевъ». Знакомство между историческими лицами заключается скоро, основываясь на взаимной извѣстности подвиговъ и дѣйствій ихъ. Такъ случилось и здѣсь. При первомъ свиданіи, Оранскій принцъ и Чернышевъ обошлись между собою какъ соратники одного и того же великаго дѣла освобожденія Европы, какъ сражавшіеся подъ одними знаменами, но только въ разныхъ странахъ Европы. Вскорѣ послѣ отъѣзда принца, возвратился императоръ. Доложивъ ему о посѣщеніи, Чернышевъ получилъ приказаніе извѣстить принца о часѣ, когда государь приметъ его. Съ симъ отвѣтомъ Чернышевъ поѣхалъ самъ и провелъ долгое время съ принцемъ. Сходство образа мыслей и одинаковое воззрѣніе на тогдашнія военныя и политическія событія сдружили ихъ.

Принцъ Оранскій находился въ самомъ непріятномъ положеніи. Онъ былъ помолвленъ на наслѣдницѣ англійскаго престола, принцессѣ Шарлоттѣ. Дѣла были устроены такимъ образомъ, что, казалось, не являлось препятствій къ заключенію брака, котораго желалъ принцъ, регентъ англійскій и его министерство, видѣвшее въ семъ бракѣ приращеніе вліянія Великобританіи на дѣла твердой земли. Неохотно смотрѣла на женитьбу только мать принцессы Шарлотты и она успѣла согласить дочь на свое мнѣніе. Императоръ Александръ и великая княгиня Екатерина Павловна всячески старались не допустить разрыва, но тщетно: принцесса Шарлотта была непреклонна. Обстоятельства сіи

явно опровергаютъ единогласныя показанія иностранныхъ писателей, утверждающихъ, будто императоръ и великая княгиня способствовали къ разрыву предположеннаго брака.

Получивъ отъ принцессы Шарлотты рѣшительный отказъ, принцъ Оранскій пріѣхалъ къ Чернышеву и сказалъ: «Неприлично мнѣ послѣ отказа долѣе оставаться въ Лондонѣ; я долженъ наскоро уѣхать, но у меня есть дѣла въ Англіи. Прошу васъ о позволеніи прожить у васъ нѣсколько дней, незамѣтно отъ лондонской публики, а потомъ, подъ именемъ вашего адъютанта, ѣхать съ вами на твердую землю». Съ разрѣшенія государя, Чернышевъ исполнилъ желаніе принца и чрезъ три дня, посадивъ его въ свою коляску, отправился съ нимъ изъ Лондона въ Брюссель.

Дорогою говорили между прочимъ о неудачномъ сватовствѣ принца Оранскаго въ Англіи. «Сколько не смотрю я въ календари,—сказалъ онъ,—но не нахожу себѣ невѣсты. Есть одна—но она для меня запрещенный плодъ». Чернышевъ просилъ его объяснить такое загадочное выраженіе. Принцъ отвѣчалъ: «Запрещеннымъ плодомъ называю великую княжну Анну Павловну. Счастливымъ почелъ бы я себя, удостоясь получить ея руку, но полагаю это дѣломъ невозможнымъ, зная, что ея высочество помолвлена за герцога Беррійскаго».—«Мнѣ неизвѣстно,—отвѣчалъ Чернышевъ,—согласятся ли императоръ Александръ и императрица Марія Ѳеодоровна выдать за васъ великую княжну, но положительно увѣряю васъ, что ея рука не обѣщана герцогу Беррійскому». Услышавъ столь радостныя для него слова, принцъ продолжалъ говорить о счастьѣ своемъ сочетаться съ нею и просилъ Чернышева доложить о томъ императору Александру.

Между тѣмъ наши путешественники пріѣхали въ Брюссель, откуда принцъ Оранскій отправился въ Гагу, а Чернышевъ въ Петербургъ, послѣ чего началась между ними самая дружеская, откровенная переписка, имѣвшая главною цѣлію сватовство принца. Переписка была представляема императору Александру и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вскорѣ послѣдовало соизволеніе ихъ величествъ на просимый бракъ, но положено было хранить дѣло въ тайнѣ, до заключенія Вѣнскаго конгресса. Думали, что конгрессъ продолжится недолго. Вмѣсто скораго окончанія, онъ длился девять мѣсяцевъ, а потомъ, по случаю высадки Наполеона съ острова Эльбы во Францію, союзные монархи двинули войска къ Рейну и сами послѣдовали за ними. Во все продолженіе конгресса и похода нашего во Францію въ 1815 году, Чернышевъ переписывался съ Оранскимъ принцемъ. Избѣгая всякой огласки своихъ

сообщеній, принцъ подписывалъ довѣренныя письма свои вымышленнымъ именемъ: «Вебстера», на это же имя Чернышевъ отправлялъ ему свои отвѣты въ Брюссель и Гагу. Императора также не именовали въ письмахъ, называя его «Добрымъ ангеломъ». Излишне присовокуплять, что одинъ императоръ Александръ зналъ о существованіи переписки.

Въ такомъ положеніи было дѣло при вступленіи нашемъ въ Парижъ въ іюлѣ 1815 года. Получая въ теченіе года частыя завѣренія Чернышева о согласіи государя на бракъ съ великою княжною, принцъ Оранскій поспѣшилъ въ Парижъ, лично благодарить императора. Въ нетерпѣніи излить свою признательность, онъ рѣшился на поѣздку въ Парижъ, не взирая на боль отъ полученной имъ подъ Ватерлоо раны и даже не испрося позволенія у отца своего. Въ Парижѣ былъ онъ принятъ императоромъ и великими князьями Николаемъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, какъ будущій членъ царственнаго семейства. Чернышеву, какъ виновнику своего благополучія, повторилъ онъ обѣщаніе въ вѣчной, неизмѣнной дружбѣ.

Потомъ, какъ сказано выше, императоръ Александръ ѣздилъ въ Брюссель, гдѣ было условлено о путешествіи принца въ Петербургъ. По особенному его желанію, долженъ былъ сопровождать его Чернышевъ, который для сего предмета и былъ отправленъ императоромъ, въ исходѣ октября 1815 года, изъ Берлина въ Брюссель. Прибытіе его сюда явилось сущею необходимостію, по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Сватовство принца Оранскаго за великую княжну было противно англійскому министерству. Оно всячески старалось разстроить его, дабы предупредить союзъ Россіи съ Голландіею и не ослабить вліянія Англіи на сіе государство. Англичане успѣли склонить на свою сторону большую часть довѣренныхъ лицъ короля Нидерландскаго и поселить въ самомъ королѣ крайнее опасеніе касательно будущихъ отношеній его къ Англіи. Онъ и довѣренные его употребляли всѣ мѣры, стараясь откладывать поѣздку принца Оранскаго въ Петербургъ. Отсрочивая ее, они надѣялись, что, можетъ быть, время представитъ какой-нибудь благопріятный случай ихъ намѣреніямъ и бракъ не состоится.

Появленіе Чернышева въ Брюсселѣ въ такихъ обстоятельствахъ было крайне непріятно королю и его министрамъ, дѣйствовавшимъ въ смыслѣ англійской политики. Король неоднократно говорилъ Чернышеву, что рана принца Оранскаго не дозволяетъ ему скоро предпринять путешествіе въ Петербургъ, и наконецъ откровенно объяснилъ Черны-

шеву свои опасенія на счетъ Англіи. Съ должнымъ уваженіемъ возражая королю, Чернышевъ сказалъ ему, между прочимъ: «Выгоды Россіи были всегда нераздѣльны съ выгодами владѣній вашего величества. Между обоими государствами не происходило никогда ссоры. Кажется, они созданы для того, чтобы давать взаимно одно другому доказательства въ дружбѣ. Притомъ политическое положеніе Россіи и тѣсныя связи императора Александра съ европейскими дворами; являютъ намъ возможность употреблять самымъ существеннымъ образомъ всѣ средства въ пользу вашего величества».

Убѣжденный доводами Чернышева, а также настояніями Оранскаго принца, нетерпѣливо желавшаго ѣхать въ Петербургъ, король согласился наконецъ на отъѣздъ, причемъ пожаловалъ Чернышеву орденъ Вильгельма. Ноября 17-го принцъ отправился съ Чернышевымъ въ путь и дорогою говорилъ ему, что безъ его прибытія въ Брюссель, вѣроятно, не состоялось бы путешествіе его высочества въ Россію. Въ Берлинѣ королевская фамилія приняла ихъ самымъ дружескимъ образомъ. Принцъ Вильгельмъ и принцесса Шарлотта, тогда невѣста великаго князя Николая Павловича, давали Оранскому принцу небольшіе балы. Король особенно изъявлялъ Чернышеву свое благоволеніе, вспоминалъ съ нимъ прошедшее бурное время и нѣсколько разъ поручалъ ему увѣрить императора Александра въ своей къ нему преданности. Кто не жилъ въ тотъ вѣкъ, не посвященъ въ дѣло того времени, тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени императоръ Александръ и прусскій король были друзьями истинными.

Въ исходѣ ноября Оранскій принцъ отправился съ Чернышевымъ изъ Берлина. Въ Ригѣ ожидали ихъ собственныя государевы сани и двѣ шубы, присланныя императоромъ въ подарокъ принцу. Наканунѣ дня рожденія его величества, 11-го декабря, прибыли они въ Петербургъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1816 годъ.

Въ началѣ 1816 года была празднована свадьба принца Оранскаго, который прожилъ въ Петербургѣ до мая мѣсяца. Во все это время Чернышевъ находился при немъ. Вскорѣ послѣ его отъѣзда получено было извѣстіе о кончинѣ австрійской императрицы. Государь

велѣлъ Чернышеву отправиться въ Вѣну и изъявить императору Францу соболѣзнованіе о смерти супруги его. Но то былъ одинъ предлогъ посылки: настоящія причины отправленія заключались въ дѣлахъ политическихъ, важности особенной. Чернышеву поручено было успокоить вѣнскій дворъ, касательно опасенія, обнаруженнаго имъ на счетъ многочисленной, содержимой нами тогда арміи, удержать во всей силѣ дружескія отношенія, до той поры существовавшія между Россіею и Австріею и не допустить ихъ до охлажденія.

Для уразумѣнія сего обстоятельства надобно знать, что въ Вѣнѣ былъ русскимъ посланникомъ графъ Стакельбергъ, дипломатъ опытный, но упрямый и неуступчивый. Часто различествовалъ онъ въ мнѣніи съ княземъ Метернихомъ, душою австрійскаго кабинета, и не являлъ сему сановнику такой угодливости, какую оказывали ему посланники другихъ дворовъ. Нѣкоторые изъ нихъ почти не выходили изъ гостиной князя Метерниха, избѣгали противорѣчить ему, старались угадывать желанія его, даже показывали ему депеши, отправляемыя къ дворамъ ихъ. Иначе поступалъ графъ Стакельбергъ. Изъявляя князю Метерниху вниманіе, какъ первенствующему министру австрійской монархіи и облеченному неограниченною довѣренностію своего монарха, графъ Стакельбергъ сохранялъ достоинство представителя Россіи и независимость своихъ мнѣній. Отъ того произошла холодность въ сношеніяхъ его съ княземъ Метернихомъ. Дабы предупредить дальнѣйшія слѣдствія ея, императоръ Александръ отправилъ Чернышева въ Вѣну и писалъ императору Францу: «предоставляю Чернышева въ ваше распоряженіе». Такова была сущность данныхъ ему повелѣній, исполненіе коихъ возлагалось на его усмотрѣніе.

Чернышевъ пріѣхалъ въ Вѣну 7-го іюня. Узнавъ о его прибытіи, императоръ Францъ, находившійся въ Баденѣ, приказалъ отвести ему во дворцѣ комнаты, занимаемыя во время конгресса великою княгинею Маріею Павловной. Придворные экипажи, верховыя лошади, услуга, столъ, все было предложено ему самымъ обязательнымъ образомъ. Кому извѣстна строгая разборчивость вѣнскаго двора въ обращеніи съ иностранцами, тотъ увидитъ изъ сего гостепріимства, какъ высоко цѣнилъ онъ пріѣздъ Чернышева въ Вѣну. Послѣ перваго свиданія съ княземъ Метернихомъ, который осыпалъ его привѣтствіями, былъ онъ приглашенъ въ Баденъ. Удостоивъ его самаго милостиваго пріема, императоръ Францъ началъ рѣчь о дѣлахъ. Крайне замѣчательны слова его— живое изображеніе отношеній, въ какія императоръ Александръ поставилъ Австрію къ Россіи.

«Почитаю себя счастливымъ,—сказалъ Францъ,—видя утвержденіе связей моихъ съ Россіею, столь тѣсныхъ и дружескихъ, что насъ ничто не можетъ разстроить. Всего болѣе желаю увѣрить императора въ моей постоянной дружбѣ и какъ дорого цѣню ее. Только теперь пожинаемъ мы плоды личнаго знакомства нашего и уже никто не обманетъ насъ, касательно взаимнаго образа мыслей нашихъ. Ежедневно благодарю Бога, что дожилъ до того времени, когда монархи могутъ полагаться одинъ на другого и добросовѣстно говорить о миролюбивыхъ желаніяхъ своихъ. Я поспѣшилъ уничтожить безпокойства, которыя распространились по поводу вашей огромной арміи. Я поручился за чувствованія вашего монарха, какъ за мои собственныя. Въ такомъ же смыслѣ, по его желанію, велѣлъ я объясниться въ Константинополѣ, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что турки мнѣ вѣрятъ и слова мои, безъ сомнѣнія, предупредили разные съ ихъ стороны безразсудные поступки, которые могли вынудить императора Александра на строгія и его политикѣ противныя мѣры. Въ Сѣверной Германіи дѣла не хороши. Прусскій король мало обращаетъ на нихъ вниманія. Если вспыхнетъ тамъ революція, она будетъ ужаснѣе французской. Но и въ семъ случаѣ полагаюсь на императора Александра. Онъ обѣщалъ помогать мнѣ всѣми силами своими, а искренній союзъ между Россіею и Австріею уничтожитъ всѣ козни тѣхъ, кои желаютъ поколебать общее спокойствіе. Не взирая на ошибки французскаго правительства, кажется, во Франціи все скоро утихнетъ. Вообще дѣла въ Германіи и Франціи подаютъ мнѣ пріятную надежду на свиданіе съ императоромъ Александромъ въ Вѣнѣ. Здѣсь онъ лично удостовѣрится въ преданности, какую поселилъ онъ къ себѣ въ вѣнскихъ жителяхъ».

Продержавъ Чернышева болѣе часа, императоръ Францъ пригласилъ его обѣдать и отпуская сказалъ: «Очень радъ, что именно васъ сюда прислали. Уже съ 1809 года, когда вы были у меня въ первый разъ, зналъ я ваше доброе ко мнѣ расположеніе». За столомъ находилась только императорская фамилія и фельдмаршалъ князь Шварценбергъ. Императоръ Францъ посадилъ Чернышева подлѣ себя и почти во все время говорилъ съ нимъ однимъ.

На другой день, по возвращеніи изъ Бадена, Чернышевъ имѣлъ первое совѣщаніе о дѣлахъ съ княземъ Метернихомъ въ присутствіи графа Стакельберга, принявъ за правило, для успѣшнаго хода возложенныхъ на него порученій, поставлять графа въ извѣстность о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Оцѣнивая такую довѣренность, графъ Стакельбергъ также постоянно извѣщалъ Чернышева о своихъ дипломатическихъ сно-

шеніяхъ и показывалъ ему получаемыя имъ депеши. Князь Метернихъ началъ повтореніемъ Чернышеву того-же дружескаго расположенія Австріи къ Россіи, какое изъявилъ ему наканунѣ императоръ Францъ. Особенно распространялся онъ о своемъ неограниченномъ довѣріи къ возвышенному образу мыслей императора Александра. «Если я дѣлалъ представленія, — сказалъ онъ, — о вашей арміи, то единственно изъ желанія обратить ваше вниманіе на опасенія, могущія произойти отъ того въ другихъ державахъ, особливо въ Турціи».

Главнымъ основаніемъ опровержений и доводовъ Чернышева были слова, сказанныя ему при его отъѣздѣ изъ Петербурга императоромъ Александромъ, что, имѣя подъ ружьемъ много войскъ, у него въ виду одна неизмѣнная цѣль: могуществомъ своимъ не тревожить Европы, но сохранить и утвердить возстановленный послѣ Наполеонова паденія порядокъ вещей. Истину сію, основаніе политики императора Александра, Чернышевъ доказывалъ разными оборотами рѣчей и повидимому убѣдилъ въ ней князя Метерниха. Потомъ, въ семъ первомъ совѣщаніи говорено было о дѣлахъ другихъ государствъ и о политикѣ вообще, причемъ князь Метернихъ неоднократно повторялъ, что всѣ надежды на сохраненіе мира возлагаетъ онъ на чувствованія императора Александра. Не взирая на сіи увѣренія, видна была боязнь его могущества Россіи. Уничтожить это опасеніе, несомнѣнно убѣдить въ миролюбіи императора Александра, не оставить въ томъ даже тѣни подозрѣнія— такова была задача, рѣшеніе которой предпринялъ Чернышевъ и совершенно успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Онъ пробылъ въ Вѣнѣ восемь мѣсяцевъ. Во все это время императоръ Францъ оказывалъ ему знаки самаго лестнаго вниманія и въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при бракосочетаніи Неаполитанскаго принца Леопольда съ одною изъ австрійскихъ эрцъ-герцогинь, удостоилъ его пріема наравнѣ съ чрезвычайными послами. Находясь съ нимъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, князь Метернихъ истощался въ ласкахъ и, наконецъ, когда графъ Стакельбергъ изъявилъ желаніе оставить посольство въ Вѣнѣ и получить другое назначеніе, домогался, чтобы Чернышевъ былъ опредѣленъ на его мѣсто. Князь Метернихъ подсылалъ къ нему разныхъ преданныхъ своихъ людей убѣждать его согласиться на сіе предложеніе; послѣ чего князь Метернихъ съ разрѣшенія своего монарха хотѣлъ просить о томъ государя. Чернышеву говорили, что императоръ Францъ желаетъ сего назначенія, что оно скрѣпитъ самую дружбу Россіи съ Австріею. Главною цѣлію стараній князя Метерниха видѣть Чернышева русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ было

желаніе пріобрѣсть благосклонность къ себѣ императора Александра, которой онъ въ послѣдніе годы лишился по разнымъ обстоятельствамъ. Издавна зная довѣренность, оказываемую государемъ Чернышеву, онъ надѣялся достигнуть черезъ него своей цѣли удобнѣе, нежели посредствомъ графа Стакельберга, съ которымъ сношенія его становились часъ-отъ-часу холоднѣе и непріятнѣе. Чернышевъ отвѣчалъ, что весьма лестнымъ почитаетъ онъ расположеніе къ себѣ императора Франца, но не желаетъ получать мѣстъ по какому-либо стороннему внушенію, ожидая единственно отъ воли государя: гдѣ и въ какомъ званіи повелѣно ему будетъ служить. Отклонивъ рѣшительно предложеніе австрійцевъ и донося о томъ государю, Чернышевъ вновь старался уничтожить недоразумѣнія, возникшія между ними и графомъ Стакельбергомъ. Между тѣмъ окончивъ возложенныя на него порученія, онъ просилъ объ отправленіи своемъ въ Россію. Князь Метернихъ старался подъ разными предлогами удержать его долѣе въ Вѣнѣ, говоря, что государь предоставилъ его совершенно въ распоряженіе императора Франца. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ ноябрѣ 1816 года Чернышевъ получилъ высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію.

Во все пребываніе свое въ Вѣнѣ, онъ подробно доносилъ императору Александру и министерству иностранныхъ дѣлъ о ходѣ политическихъ дѣлъ, своихъ совѣщаніяхъ съ княземъ Метернихомъ, описывалъ состояніе финансовъ, арміи, пограничныхъ и поселенныхъ войскъ, дѣйствія австрійскаго правительства въ отношеніи къ славянскимъ народамъ, его старанія обратить къ уніи подданныхъ своихъ православнаго исповѣданія, словомъ: въ донесеніяхъ его излагаемы были всѣ предметы внѣшней и внутренней политики Австріи. Наградою за успѣшныя дѣйствія его въ Вѣнѣ былъ милостивый рескриптъ государя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1817 годъ.

Въ декабрѣ 1816 года Чернышевъ возвратился изъ Вѣны въ Петербургъ, но пробылъ тамъ недолго. Общее спокойствіе было угрожаемо французами, изгнанными изъ своего отечества за политическія мнѣнія, особенно за участіе, принятое ими въ содѣйствіи возвращенію Наполеона съ острова Эльбы. Разсѣянные по Европѣ и Америкѣ, изгнанники имѣли главный пріютъ въ Бельгіи. Тяготясь праздностію и

привыкши къ переворотамъ, среди которыхъ провели они всю жизнь, обратили они козни свои противъ Бурбоновъ, мечтали о низверженіи ихъ и старались убѣдить принца Оранскаго въ возможности занять престолъ Франціи. Принцъ извѣщалъ о сихъ проискахъ императора Александра. Возстановитель всеобщаго мира, Александръ не могъ смотрѣть равнодушно, какъ горсть выброшенныхъ изъ своего отечества политическихъ изувѣровъ готовилась ниспровергнуть зданіе, сооруженное имъ величайшими пожертвованіями, въ страшной четырехлѣтней борьбѣ съ Наполеономъ. Особенно было ему непріятно, когда онъ узналъ, что принцъ Оранскій далъ рекомендательное къ его величеству письмо генералу Карно, ревностному республиканцу и врагу Бурбоновъ, который намѣревался ѣхать въ Петербургъ, желая представить нашему двору необходимость перемѣны правительства во Франціи. Запретивъ своимъ посланникамъ выдавать паспорты на проѣздъ въ Россію генерала Карно, императоръ Александръ приказалъ Чернышеву отправиться въ Брюссель и уговорить принца Оранскаго, чтобы онъ не допускалъ къ себѣ французскихъ изгнанниковъ. Не довольствуясь словесными повелѣніями Чернышеву, онъ далъ ему письменное наставленіе, слѣдующаго содержанія:

«Вашей проницательности, вашему усердію поручаю дѣйствовать на возвышенную душу принца, довѣренность и уваженіе коего вы успѣли пріобрѣсть. Убѣдите его отвергнуть презрительно все, что можетъ произвести новыя потрясенія во Франціи. Гласъ совѣсти, желаніе мира, требуемаго страждующимъ человѣчествомъ, здравая политика, благородныя внушенія чести—такія побужденія не могутъ остаться безъ дѣйствія въ глазахъ принца, знаменитый родъ коего, жертва революціонныхъ переворотовъ, обязанъ нынѣшнимъ своимъ возвышеніемъ торжеству дѣла самаго святаго. Если бы сію великую истину надобно было подкрѣплять доказательствами, представьте опасныя слѣдствія, угрожающія Бельгіи при малѣйшемъ отступленіи отъ политической системы, которая одна удерживаетъ порывы революціи, основывая существованія всѣхъ государствъ на взаимномъ довѣріи, строгой справедливости, мудрыхъ законно-свободныхъ началахъ.

«Предположивъ даже новое потрясеніе во Франціи, развѣ союзныя державы будутъ имѣть право располагать престоломъ ея иначе, какъ въ пользу Бурбоновъ, признанныхъ торжественными договорами? Развѣ могутъ онѣ возвести на ихъ мѣсто Оранскаго принца? Если бы онъ и призванъ былъ на сей престолъ нѣкоторою частію французовъ, неужели его признаютъ Пруссія, Австрія, Англія и Россія?

«Если скипетръ Нидерландовъ и Франціи будетъ соединенъ въ однѣхъ рукахъ въ домѣ Оранскомъ, то дружба моя съ принцемъ, законно-свободныя мысли, существующія въ Нидерландскомъ королевствѣ и распространенныя мною въ Польскомъ царствѣ, поставятъ насъ въ непріязненное положеніе къ державамъ, которыя сохраненіемъ старинныхъ, вѣковыхъ обрядовъ въ управленіи, надѣются найти спокойствіе и къ тѣмъ, которыя неохотно согласятся низойти со степени возвышенія, гдѣ находятся онѣ нынѣ. И частными и общими выгодами ихъ вооружимъ мы противъ насъ Англію, Австрію, Пруссію, Испанію, Португалію, а посредствомъ сихъ державъ Италію, Германію, сѣверныя государства, можетъ быть и варваровъ востока.

«Борьба будетъ неравная, по несоразмѣрности силъ, а особенно по несправедливости дѣла, которое пришлось бы намъ защищать. На что̀ будемъ мы опираться? На революціонныхъ желаніяхъ французскаго народа? Но какъ на это рѣшиться, не опасаясь небеснаго правосудія, приговора исторіи, слезъ подданныхъ нашихъ? Можемъ ли мы въ такомъ беззаконномъ дѣлѣ надѣяться на соучастіе другихъ державъ, льстя частнымъ выгодамъ каждой изъ нихъ? Можемъ ли отважиться на то съ честью и успѣть въ нашихъ настояніяхъ, безъ угрызеній совѣсти, безъ опасенія слѣдствій, коихъ окончаніе Бонапартова поприща дало намъ столь назидательный урокъ?

«Скажутъ, можетъ быть, что отвергая надежды французскихъ изгнанниковъ и той части французовъ, за представителей коихъ они выдаютъ себя, что, удерживая Бурбоновъ на престолѣ вопреки общимъ желаніямъ, мы заставляемъ Францію стать подъ покровъ Англіи и Австріи, давая симъ двумъ державамъ рѣшительный перевѣсъ въ дѣлахъ Европы. Я не раздѣляю сихъ опасеній, доколѣ союзъ сильныхъ государствъ существуетъ и не составляетъ одной мечты. Но если бы противъ всякаго вѣроятія случилось такое преобладаніе Австріи и Англіи, я приглашу союзниковъ къ точному, буквальному исполненію договоровъ. Малѣйшее со стороны союзниковъ нарушеніе трактатовъ побудитъ насъ возвысить голосъ рѣшительный. Если нужно, я обращусь къ оружію, призвавъ благословеніе Всевышняго и опираясь на общее мнѣніе. Защищая дѣло правое, побѣда у насъ неотъемлема. Но не предрекая успѣха будемъ ожидать его спокойно отъ хода происшествій и высшей премудрости, ими управляющей. Убѣдите принца Оранскаго, чтобы онъ слѣдовалъ единственнымъ путемъ, который предписываютъ намъ справедливость, честь, взаимныя существенныя наши выгоды».

Таковы были наставленія, за собственноручнымъ подписаніемъ государя данныя Чернышеву въ апрѣлѣ 1817 года при его отправленіи въ Брюссель. Въ смыслѣ ихъ долженъ онъ былъ объясняться не только съ Оранскимъ принцемъ, но и съ лицами, имѣвшими вліяніе на дѣла въ Нидерландахъ. Сверхъ того, желая уничтожить надежду корифеевъ французской революціи, находившихся въ Брюсселѣ, и полагая, что они обратятся къ Чернышеву, императоръ приказалъ ему объявить имъ, что онъ всѣми силами будетъ противодѣйствовать намѣреніямъ ихъ.

Снабженный симъ наставленіемъ, которое составитъ нѣкогда прекрасную страницу въ исторіи Александра, Чернышевъ отправился въ Брюссель въ апрѣлѣ 1817 года. Его поѣздка имѣла самыя благопріятныя слѣдствія. Во-первыхъ, онъ успѣлъ прекратить неудовольствія, возникшія между королемъ и принцемъ Оранскимъ. Потомъ принцъ далъ ему честное слово прервать всякія сношенія съ французскими изгнанниками. Король нидерландскій, по настоянію Чернышева, обѣщалъ выслать изъ Бельгіи большую часть французовъ, и при первомъ собраніи генеральныхъ штатовъ предложить объ ограниченіи свободы книгопечатанія, злоупотребленіе коей достигло тогда въ Бельгіи до высшей степени. Чернышевъ сообщилъ также въ довѣренныхъ разговорахъ разнымъ сановникамъ въ Брюсселѣ образъ мыслей императора Александра, непремѣнную волю его: всѣми силами противодѣйствовать нарушенію общаго спокойствія. Свѣдавъ о томъ, французскіе изгнанники, сознавая свое безсиліе, лишились надежды на успѣхъ своихъ преступныхъ замысловъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Чернышевъ возвратился изъ Брюсселя въ Россію. Вскорѣ пришло извѣстіе, что возстановленное между нидерландскимъ королемъ и принцемъ Оранскимъ примиреніе вновь нарушилось. Императоръ Александръ былъ крайне огорченъ семейною распрею и по его соизволенію Чернышевъ писалъ принцу:

«Искреннѣйшая преданность къ особѣ вашей возлагаетъ на меня обязанность говорить со всею откровенностію о столь щекотливомъ дѣлѣ. Мнѣ извѣстно ваше положеніе, и я знаю, до чего могутъ дойти въ поступкахъ своихъ въ отношеніи къ вамъ. Но кто отвѣчаетъ за то, что враги ваши, враги вашей славы, раздражая васъ, возбуждая справедливое, можетъ быть, неудовольствіе ваше, имѣютъ только цѣлію поставить васъ въ ложное положеніе? Для чего же допускать имъ восторжествовать, дѣйствуя въ ихъ духѣ? Для чего вручать имъ оружіе, чтобы вредить вамъ во мнѣніи народа, которымъ вы будете нѣ-

когда повелѣвать, а также въ мнѣніи иностранныхъ кабинетовъ? Если бы на самые несправедливые противъ васъ поступки вы отвѣчали безупречною совѣстью и твердостію духа, въ доказательство, что никто не можетъ поколебать правилъ вашихъ, вы обезоружили бы вашихъ враговъ, вселили бы въ нихъ невольное къ вамъ почтеніе и поставили бы ихъ въ невозможность вредить вамъ. Между тѣмъ предавшись первому порыву вашей пылкости, допустя до непріятнаго разрыва, вы дали имъ пагубное наслажденіе видѣть сына въ раздорѣ съ отцомъ, подданнаго непослушнаго своему монарху, принца, покровительствующаго людямъ вреднымъ. Конечно большая часть сихъ обвиненій не основательна, но, повѣрьте, вамъ надобно будетъ много времени и трудовъ изгладить непріятныя впечатлѣнія, которыя они произведутъ. На колѣняхъ упрашиваю васъ обсудить сіи уваженія: они важности чрезвычайной и могутъ подѣйствовать на будущее ваше поприще. Упадая къ ногамъ вашимъ, испрашиваю прощенія за мои выраженія. Удостойте принять ихъ убѣдительнымъ доказательствомъ безграничной преданности, которую посвятилъ я вамъ до конца моей жизни». Письмо сіе бы отправлено въ Брюссель 7-го сентября 1817 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1818 годъ.

Въ началѣ 1818 года, Чернышевъ сопровождалъ императора Александра въ Варшаву. Здѣсь получено было въ мартѣ мѣсяцѣ извѣстіе о кончинѣ шведскаго короля Карла XIII. Его преемникомъ былъ наслѣдный принцъ нѣкогда маршалъ Бернадотъ. Вступивъ на престолъ, онъ изыскивалъ различные предлоги не платить Даніи долга, причитавшагося ей 6-ю статьею кильскаго договора, съ Норвегіи, которая трактатомъ симъ была присоединена къ Швеціи. Данія обратилась къ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, прося ихъ заступленія. Державы признали требованія ея справедливыми, относились о томъ къ стокгольмскому двору, но не получили удовлетворенія. Тогда Англія, Пруссія и Австрія положили совокупно обратиться къ новому королю шведскому съ твердыми настояніями объ уплатѣ денегъ и просили императора Александра дѣйствовать съ ними за одно. Руководствуясь въ

политикѣ кротостью, императоръ желалъ предупредить понудительныя средства и сперва употребить мѣры убѣжденія. Для того онъ велѣлъ Чернышеву ѣхать въ Стокгольмъ, поздравить короля со вступленіемъ на престолъ и уговорить его къ немедленному удовлетворенію Даніи, полагая, что Чернышевъ успѣшнѣе нежели кто другой проведетъ дѣло къ окончанію, потому что, какъ видѣли мы изъ первой части сего жизнеописанія, онъ издавна пользовался особеннымъ къ себѣ расположеніемъ короля шведскаго.

Поутру мая 6-го Чернышевъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ. Узнавъ о его прибытіи, король велѣлъ пригласить его въ тотъ же день къ обѣду и осыпалъ ласками своего прежняго подчиненнаго. Нѣсколько дней были при дворѣ балы и обѣды, но Чернышевъ не касался уплаты долга, желая, чтобы король самъ началъ о томъ рѣчь. Наконецъ, послѣ стола въ загородномъ дворцѣ Розендалѣ, король пригласилъ Чернышева и нашего посланника при Стокгольмскомъ дворѣ, генерала Сухтелена, въ особенную комнату, заговорилъ о бѣдности Норвегіи и непріятностяхъ спора своего съ Даніею. Видя наступленіе желанной минуты, Чернышевъ сказалъ королю:

«Возложивъ на меня лестное порученіе поздравить ваше величество со вступленіемъ на престолъ, императоръ Александръ полагалъ, что довѣренность и милости, которыми вы меня нѣкогда удостоивали, даютъ мнѣ болѣе другихъ повода представить вашему величеству всю осторожность и уваженіе къ вамъ, коими дворъ нашъ руководимъ былъ при сношеніяхъ своихъ съ союзными державами, когда онѣ хотѣли настаивать въ исполненіи Кильскаго договора. Движимый всегдашнею моею преданностію къ особѣ вашей, надѣюсь доказать вамъ, что, кончивъ непріятную ссору съ Даніею при самомъ принятіи вами правленія, вы предупредите общія настоянія союзныхъ дворовъ и тѣмъ явите имъ спасительное ручательство въ прямотѣ и справедливости первыхъ дѣйствій вашихъ на престолѣ. Тѣмъ вы скрѣпите связь дружбы и добраго сосѣдства съ сѣверными дворами, заставите молчать людей недоброжелательныхъ, не навлечете на себя упрека и пріобрѣтете новыя права на высокое общее уваженіе, которымъ столь справедливо изволите пользоваться».

Король возразилъ съ жаромъ: «Союзныя державы не имѣютъ права вмѣшиваться въ это дѣло. Искренно хочу кончить съ Даніею миролюбиво, и если въ томъ еще не успѣлъ, виною Копенгагенскій дворъ». При сихъ словахъ онъ началъ объяснять свои жалобы на Данію.

«Данія,—отвѣчалъ Чернышевъ,—заплатила за свои ошибки поте-

рею Норвегіи и слѣдствіями необдуманнаго похода принца Христіана. Что же касается до Кильскаго договора, онъ облеченъ Вѣнскимъ конгрессомъ въ полную силу».

«Странно,—воскликнулъ король,—видѣть въ васъ такого ревностнаго защитника Даніи. Мнѣ пишутъ изъ Лондона, изъ Вѣны и Берлина, что одинъ императоръ Александръ желаетъ уплаты норвежскаго долга, и никто, кромѣ его, о томъ не думаетъ».

«Не угодно ли показать мнѣ эти письма,—отвѣчалъ Чернышевъ,—смѣю увѣрить, что докажу, что императоръ Александръ присоединился къ мнѣнію союзниковъ въ семъ справедливомъ дѣлѣ послѣ убѣдительныхъ домогательствъ ихъ, и когда онъ увидѣлъ безуспѣшность дружескихъ и довѣренныхъ представленій. Не Данію защищаемъ мы, но настаиваемъ въ точномъ исполненіи договоровъ, въ такое время, когда всѣ государства вмѣняютъ себѣ въ священную обязанность соблюдать договоры. Ежели же могутъ обвинять насъ въ предпочтеніи одной державѣ предъ другою, то такой упрекъ справедливо падаетъ на насъ только развѣ за отношенія наши къ вашему величеству и къ Швеціи».

Тѣмъ кончилось первое совѣщаніе. Королю доложили, что обѣдъ готовъ.

Чрезъ нѣсколько дней Чернышевъ обѣдалъ у короля. Послѣ стола король позвалъ его въ кабинетъ и сказалъ: «Все, что вы мнѣ говорили въ Розендалѣ при Сухтеленѣ, не убѣдило меня. Не боясь смерти, не боюсь и общихъ дѣйствій союзниковъ. Вы думаете, что меня обольщаютъ народныя восклицанія, которыя раздаются при моемъ появленіи. Я не обманываюсь ими. Знаю, злоупотребленіе власти можетъ низвергнуть меня. Но что же выиграютъ отъ того другія правительства? Тѣмъ пріучатъ они чернь къ бунту. Рѣшительно отклоняю вмѣшательство союзныхъ дворовъ, но, желая сдѣлать угодное императору Александру, я готовъ поспѣшно кончить съ Даніею самымъ дружескимъ образомъ».

Увѣривъ короля въ чувствованіяхъ къ нему императора, Чернышевъ просилъ позволенія доложить свое мнѣніе его величеству, не какъ монарху, но какъ прежнему своему начальнику, подъ предводительствомъ коего онъ имѣлъ счастіе служить, и сказалъ: «Можно ли вашему величеству при началѣ царствованія идти противъ правилъ, признанныхъ законами отъ всѣхъ дворовъ и на которыхъ основано всеобщее спокойствіе? Не угодно ли вамъ сообразить всѣ выгоды, какія произойдутъ лично для васъ и для вашего государства, если вы добро-

вольно и немедленно кончите норвежское дѣло, не выходя изъ круга дружественныхъ сношеній съ державами».

«Повторяю, — возразилъ король, — державамъ тутъ вмѣшиваться нельзя; онѣ не имѣютъ на то права».

«Не раздѣляю мнѣнія вашего величества,—отвѣчалъ Чернышевъ,— державы имѣютъ полное право, потому что миръ Пруссіи и Англіи съ Даніею былъ однимъ изъ главныхъ условій Кильскаго договора. Пруссія основала свои отношенія къ Помераніи на исполненіи этого договора, признаннаго на Вѣнскомъ конгрессѣ всѣми державами».

«Во всемъ виноваты датчане,—прервалъ король,—они не отвѣчаютъ норвежскому консулу въ Копенгагенѣ, Гольсту».

«Это дѣло мнѣ извѣстно,—отвѣчалъ Чернышевъ.—Когда Гольстъ хотѣлъ начать переговоры, датчане спросили его: имѣетъ ли онъ полную мочь? Онъ объявилъ, что полномочій у него нѣтъ. Послѣ такого отзыва нельзя было вступать съ нимъ въ совѣщанія».

Король молчалъ.

«Убѣдительно прошу ваше величество,—продолжалъ Чернышевъ,— о приказаніи снабдить полною мочью вашихъ коммисаровъ. Тогда они тотчасъ начнутъ договариваться и вы удостовѣрите союзниковъ въ искреннемъ желаніи вашемъ привесть къ окончанію дѣла съ Даніею».

«Повѣрьте,—сказалъ король,—что и я того хочу, но не изъ угрозъ союзниковъ, а изъ желанія угодить императору Александру».

Король началъ разсчитывать изъ какихъ суммъ онъ заплатитъ долгъ. Стараясь уменьшить должную Даніи сумму, король говорилъ, что ее обязана внести не Швеція, а одна Норвегія, но земля сія до такой степени истощена въ своихъ способахъ, что она не въ состояніи заплатить долгъ. Чернышевъ возразилъ: «Короны Швеціи и Норвегіи соединены на одной главѣ; монархъ обоихъ государствъ сихъ подписалъ Кильскій договоръ и потому обязанъ исполнить его. Есть случаи, гдѣ обѣ державы должны помогать одна другой. Положимъ, что послѣдуетъ нападеніе на Швецію, тогда, конечно, вы употребите норвежцевъ для ея защиты. То же самое сдѣлаете вы, если Норвегія будетъ угрожаема. Удостойте, государь, взвѣсить всѣ мои доводы. Ваше достоинство, ваши выгоды требуютъ скораго, мирнаго окончанія этого дѣла. Вся справедливость на сторонѣ Даніи, и если бы она потребовала что-либо лишнее, до того не допустятъ союзныя державы, особенно императоръ Александръ».

«Вы правы,—сказалъ наконецъ король,—но, знаете ли, до сихъ поръ я ничего не получалъ съ Норвегіи; напротивъ, трачу на нее

*

деньги. Если бы я могъ это предвидѣть, то не настаивалъ бы сильно на ея пріобрѣтеніе».

«Такъ случается всегда съ новыми владѣніями,—отвѣчалъ Чернышевъ.—Надобно сперва посѣять, а послѣ пожать плоды. Но кромѣ мѣстныхъ выгодъ, происходящихъ отъ соединенія двухъ государствъ, Швеція сберегаетъ суммы, какія употребляла прежде на содержаніе войскъ на норвежской границѣ. Ваша армія увеличилась 12.000 человѣкъ, не считая норвежской милиціи».

«Вы постигли выгоды соединенія Швеціи съ Норвегіею съ настоящей точки зрѣнія,—сказалъ король. Каждый день вразумляю я въ томъ шведовъ». Послѣ сихъ словъ король хотѣлъ отпустить Чернышева, но тотъ снова возобновилъ свою убѣдительную просьбу о немедленномъ отправленіи полномочій коммисарамъ, чтобы по возвращеніи въ Петербургъ могъ онъ донести государю объ успѣшномъ ходѣ дѣла, и прибавилъ, что намѣренъ выѣхать изъ Стокгольма чрезъ два дня, въ четвергъ. «Останьтесь до субботы,—сказалъ король,—наставленія будутъ отосланы коммисарамъ прежде, нежели доѣдете вы до Петербурга». На прощальной аудіенціи, послѣдовавшей чрезъ нѣсколько дней, король повторилъ обѣщаніе немедленно разсчитаться съ Даніей. Для бо̀льшаго своего удостовѣренія, Чернышевъ просилъ позволенія вновь исчислить источники, изъ которыхъ король намѣревался выплатить долгъ Даніи. Король подтверждалъ точность приведенныхъ суммъ и простился съ Чернышевымъ самымъ ласковымъ образомъ.

Донося императору Александру объ исполненіи порученія его, Чернышевъ писалъ въ заключеніе: «Одна изъ причинъ, почему въ Швеціи не исполняютъ святости договоровъ, не хотятъ понять настоящей политики вѣка вашего, состоитъ въ убѣжденіи, будто бы Скандинавскій полуостровъ можетъ обойтись безъ другихъ государствъ. Король увѣренъ, что союзныя державы, защищая права Даніи, не употребятъ противъ него силы».

Въ половинѣ мая Чернышевъ выѣхалъ изъ Стокгольма въ Москву, гдѣ находился дворъ и куда возвращался императоръ Александръ изъ путешествія, предпринятаго имъ изъ Варшавы въ Бессарабію, Крымъ и землю Донскихъ казаковъ. Москва, во всемъ блескѣ своего возрожденія изъ-подъ пепла, давно не являла такого великолѣпнаго зрѣлища, какъ въ то время, по случаю пребыванія въ ней императорской фамиліи и пріѣзда короля прусскаго. Проводивъ своего дорогого гостя, союзника неизмѣннаго въ эпоху злополучій и торжества, императоръ поѣхалъ въ Петербургъ, а въ августѣ отправился на Ахенскій конгрессъ, при-

казавъ Чернышеву ѣхать нѣсколькими днями раньше и ожидать его величество въ Берлинѣ.

Сентября 5-го императоръ Александръ прибылъ въ Берлинъ и проведя нѣсколько дней съ другомъ своимъ, королемъ прусскимъ, отправился въ Веймаръ, гдѣ три дня, почти отъ утра до вечера, дѣлилъ время съ великою княгинею Маріею Павловною. Чернышевъ находился тоже въ Веймарѣ. Очарованный, какъ и всѣ, великою княгинею, онъ сказалъ объ ней: «La Grande Duchesse Marie a la tête d'un homme, le corps d'une femme et le coeur d'un ange». Сентября 11-го императоръ отправился изъ Веймара, провелъ сутки во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, куда выѣзжала на его встрѣчу королева Виртембергская Екатерина Павловна, сентября 12-го завтракалъ у герцога Нассаускаго въ Биберихѣ и 14-го пріѣхалъ въ Ахенъ.

Конгрессъ продолжался мѣсяцъ. Подобно тому, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, государь удостоивалъ Чернышева разными довѣренными порученіями. Среди дипломатическихъ занятій и веселостей, Чернышевъ не переставалъ обращаться мысленно къ своему любимому предмету— войнѣ и представилъ императору обширный проектъ о кавалерійской службѣ. Во время Ахенскаго конгресса, Чернышевъ удостоился особенной чести со стороны англійскаго короля Георга IV, который присылалъ въ Ахенъ знаменитаго живописца Лауренца, для списанія портретовъ съ императора Александра и нѣкоторыхъ весьма немногихъ генераловъ нашихъ. Въ числѣ ихъ былъ Чернышевъ. Портретъ его, Лауренцемъ превосходно написанный, находится нынѣ въ одномъ изъ королевскихъ дворцовъ въ Англіи.

Изъ Ахена Чернышевъ сопровождалъ императора Александра въ Валансіенъ, на смотръ союзной арміи, которая, подъ начальствомъ герцога Веллингтона, находилась во Франціи съ 1815 года. Потомъ онъ ѣздилъ съ государемъ въ Брюссель, а оттуда находился въ обратномъ путешествіи его величества въ Россію, черезъ Стутгардъ и Вѣну.

Императоръ прожилъ въ Вѣнѣ десять дней. По утрамъ онъ обозрѣвалъ общественныя заведенія и смотрѣлъ войска, а вечера проводилъ въ кругу нѣкоторыхъ, съ Вѣнскаго конгресса знакомыхъ ему семействъ, съ коими находился въ столь тѣсныхъ и дружескихъ связяхъ, какія врядъ ли бывали между монархами и частными людьми. Изъ всѣхъ русскихъ, состоявшихъ при императорѣ, одинъ Чернышевъ ѣзжалъ съ нимъ на эти вечера, куда Александръ являлся въ черномъ фракѣ, съ орденомъ Маріи Терезіи, повѣшеннымъ въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ. Проведенные государемъ въ Вѣнѣ дни были настоящимъ для него

отдыхомъ и вмѣстѣ наслажденіемъ. «Вы, господа,—сказалъ онъ тогда Чернышеву,—не понимаете прелестей женской бесѣды и не довольствуетесь ею; вы хотите больше; vous autres, vous voulez pousser les choses à bout». Это собственныя слова государя, тогда же записанныя. Изъ Вѣны Чернышевъ поѣхалъ съ императоромъ въ Петербургъ, куда его величество прибылъ въ исходѣ декабря.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1819 годъ.

Еще во время своего пребыванія въ Ахенѣ, императоръ Александръ получилъ отъ войска Донскаго войсковаго атамана Денисова представленіе о необходимости учредить особую временную коммисію изъ 4-хъ членовъ, съ цѣлью начертать новое положеніе для войска, привесть въ извѣстность и размежевать земли, постановить правила для разныхъ частей хозяйственнаго управленія. По возвращеніи изъ Ахена, императоръ утвердилъ представленіе, приказавъ, чтобы къ четыремъ членамъ Донскаго войска назначить въ коммисію одного члена отъ военнаго министерства, Чернышева, а другаго отъ министерства юстиціи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Болгарскаго. «Выборъ мой», писалъ государь атаману, «палъ на моего генералъ-адъютанта Чернышева. Онъ извѣстенъ храбрымъ донскимъ казакамъ по воинскимъ его дарованіямъ. Подъ его начальствомъ они во многихъ случаяхъ торжествовали надъ непріятелемъ и по его представленіямъ награждались чинами и украшались знаками отличія. Любимый ими на поприщѣ воинской славы и взаимно къ нимъ душевно привязанный, онъ, конечно, заслужитъ и въ семъ мирномъ трудѣ ихъ уваженіе, тѣмъ болѣе, что ему извѣстны предположенія мои по разнымъ частямъ и устройство вообще арміи нашей, и онъ можетъ передать вамъ общія соображенія, кои съ пользою вы приложите къ войску донскому. По симъ причинамъ я его назначилъ для присутствія подъ вашимъ предсѣдательствомъ въ томъ комитетѣ, который вами учрежденъ будетъ и вмѣстѣ съ симъ отправляю его въ Черкаскъ».

Въ апрѣлѣ 1819 г., Чернышевъ пріѣхалъ на Донъ. Здѣсь предстояло ему совершенно новое поприще. До тѣхъ поръ 18-ти лѣтнюю службу провелъ онъ на войнѣ и въ дипломатическихъ порученіяхъ,

находясь при иностранныхъ дворахъ, а теперь, по довѣренности императора, долженъ былъ составлять, такъ сказать, около его преобразованіе края, гдѣ онъ никогда прежде не бывалъ, управляемаго особенными постановленіями, даже словесными преданіями, обветшалыми, старинными, многосложными, которыя требовали кореннаго исправленія. Тѣмъ труднѣе являлись новыя его обязанности, что самое назначеніе его, какъ сторонняго Дону лица, было крайне непріятно донскому начальству и оно даже рѣшилось довести до свѣдѣнія государя, что выгоднѣе было бы предоставить преобразованіе области ихъ однимъ донцамъ. Представленіе не имѣло успѣха.

Въ первомъ засѣданіи комитетъ началъ съ военной части, и по общей довѣренности членовъ, поручилъ Чернышеву составить проектъ о военномъ управленіи и правила для приведенія его въ дѣйствіе. Чтобы оцѣнить трудности, сопряженныя съ симъ дѣломъ, а равно въ преобразованіи Донскаго края, надобно изложить сперва положеніе, въ какомъ находилась тогда военная и гражданская часть на Дону.

Правила, установленныя на счетъ наряда на службу и порядка очередей, соблюдались весьма слабо и даже по произволу. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ собирали полки изъ ближайшихъ къ границѣ станицъ, обременяя ихъ, а прочія не участвовали въ такихъ нарядахъ. Выступавшіе съ Дона полки не всегда успѣвали во-время смѣнять находившихся на службѣ, а сіи, за позднею перемѣною, лишались способовъ возвращаться на Донъ во время подножнаго корма. Внутренняя служба не имѣла твердаго основанія; распредѣленіе людей происходило по произволу власти. Особенно весьма тягостный и неприличный военному званію нарядъ состоялъ въ посылкѣ малолѣтковъ для содержанія почтовыхъ станцій, въ теченіе года или двухъ, съ собственными двумя лошадьми, повозкою и санями. Отъ того, вмѣсто пріуготовленія себя на службу, они изнуряли своихъ лошадей и средства къ снаряженію на дѣйствительную службу, а ямская жизнь пріучала молодыхъ воиновъ къ безпорядочной жизни. Перепись дѣтей производили безъ вниманія и взыска за утаеніе ихъ отъ записки въ книги. Смѣна полковъ происходила чрезъ четыре года. Отлучаемые отъ домовъ, почти на пять лѣтъ, считая время переходовъ, люди разстраивались въ своемъ хозяйствѣ. Комплектованіе лейбъ-гвардіи Казачьяго полка и трехъ артиллерійскихъ ротъ, не имѣло опредѣленности на счетъ способныхъ людей, ни въ разсужденіи пособій со стороны войска. Отъ неравенства домашнихъ способовъ и небреженія мѣстной власти, обмундированіе и вооруженіе чиновъ, состоявшихъ на службѣ, было разнообразно и не-

достатачно. Войско не имѣло однокалиберныхъ ружей. На содержаніе артиллерійскихъ ротъ не существовало положеній. Для помѣщенія орудій не было удобныхъ зданій; артиллерійскія лошади раздавались на попеченіе станицѣ, гдѣ содержались небрежно, иногда пропадали. Временное увольненіе станицъ, чиновниковъ и казаковъ отъ службы, или такъ называемыя льготы, не имѣли яснаго постановленія. Начальство не осматривало благовременно военнаго положенія жителей; отъ того полки приходили на сборныя мѣста въ неисправномъ видѣ. Существовавшія прежде на Дону гимнастическія упражненія или военныя ристалища, свойственныя иррегулярнымъ войскамъ, были оставлены. Способъ спеціальныхъ смотровъ полкамъ, которые возвращались на Донъ, не доставлялъ возможности раскрывать случавшіяся злоупотребленія. Принятіе въ службу сыновей чиновниковъ, обучавшихся въ университетахъ и гимназіяхъ, не подчинялось правиламъ. Были чиновники и казаки, которые показывали себя дворянами, не представивъ тому доказательствъ и не несли службы. Производство въ чины зависѣло часто отъ прихотей власти. Отставки даваемы были безъ строгаго разбора, и служба лишалась опытныхъ офицеровъ и казаковъ. Къ исправленію офицеровъ, замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ, не было принимаемо мѣръ для обузданія ихъ, съ пользою для службы. Командируемыя на службу войска выступали въ походъ безъ лекарей, лекарствъ и ящиковъ для медикаментовъ. Отпускаемыя ежегодно казенныя суммы смѣшиваемы были съ общею массою войсковыхъ доходовъ и издержекъ. Штабъ и оберъ-офицеры, назначаемые на службу, не получали отъ войска вспоможенія. Назначаемыя для казаковъ деньги выдавались безъ всякой отчетности и вѣдома казаковъ какая сумма имъ причитывалась отъ казны, подъ предлогомъ измѣненія справочныхъ цѣнъ. Станичные конскіе табуны доведены были до ничтожества. Изъ денегъ, отпускаемыхъ на пенсіоны раненымъ вдовамъ и сиротамъ убитыхъ, оказывали пособія инымъ, неимѣющимъ на то права.

Такой же безпорядокъ существовалъ и въ мѣстномъ управленіи. Составъ войсковой канцеляріи вовсе не соотвѣтствовалъ обширному кругу ея занятій. Вмѣщая въ себѣ судную и камеральную, воинскую и исполнительную части, канцелярія вѣдала дѣла Совѣстнаго суда, общественнаго призрѣнія, опекунскія и духовныя, наборы рекрутовъ, отправленіе ихъ въ армію, карантины и кордоны по границѣ, пути сообщенія, общественныя и церковныя зданія, торговлю, промышленность, земскія повинности и часть судную. Такое множество разнородныхъ дѣлъ, докладываемыхъ въ одни и тѣ же часы засѣданій, на общее раз-

смотрѣніе членовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ особенное отдѣленіе, производило невыразимую запутанность. Подсудимые, безъ строгаго разбора и произвольно, судились одни законами военными, а другіе гражданскими. Прокуроръ канцеляріи не имѣлъ въ уѣздахъ помощниковъ, то есть стряпчихъ. Въ окружныхъ сыскныхъ начальствахъ или уѣздахъ, суды завѣдывали вмѣстѣ частями исполнительными и судными. Учрежденные при нихъ словесные суды не достигали своей цѣли. Полиція Новочеркаска не имѣла частныхъ домовъ и приличныхъ будокъ. Пожарная часть и тюрьмы были неисправны. Цѣны на жизненные припасы установлялись промышленниками произвольно. Слѣдствіями были пожары, побѣги арестантовъ, единоторжіе, высокія цѣны припасовъ, не смотря на избытокъ ихъ. Въ выборахъ къ должностямъ происходили злоупотребленія. Врачебныя средства ограничивались больницею въ Новочеркаскѣ и однимъ лекаремъ въ каждомъ округѣ. Для письменныхъ сношеній была только одна почтовая контора, отъ чего происходила остановка въ частной и казенной перепискѣ. Станичные атаманы распоряжались станичными доходами произвольно. Управленіе калмыками зависѣло отъ произвола пристава.

Счетоводство было такъ запущено, что комитетъ не могъ собрать свѣдѣній о приходѣ и расходѣ за послѣднія пять лѣтъ и долженъ былъ ограничиться поверхностными свѣдѣніями за два послѣдніе года. Доходы поступали несвоевременно, недоимки возрастали, дѣлались займы на издержки, не имѣвшія штатнаго назначенія и часто безполезныя; доходы съ оброчныхъ статей уменьшались. Остатки суммъ отъ прежнихъ годовъ нерѣдко пропадали. Суммы войсковой канцеляріи смѣшивались съ суммами станичными. Многіе расходы не были внесены въ счеты, у другихъ не показано время ихъ поступленія. Предварительныхъ смѣтъ строеніямъ казеннымъ и вызововъ на торги не дѣлали. Употребленіе разнородныхъ и разновременныхъ надобностей было записываемо въ одну статью и сливаемо въ одну сумму. Въ рыболовствѣ, важной отрасли Донской промышленности, было единоторжіе. Издержки на извлеченіе соли составляли 30 коп. ассигнаціями съ пуда, а она продавалась промышленниками по 1 р. 20 к. и болѣе. Вино продавали съ примѣсью воды. Въ торговое сословіе допускались иногда по корыстолюбивымъ видамъ люди, вовсе на то права не имѣющіе, дабы избавить ихъ отъ службы. Земскія повинности исправлялись безъ уравнительности. Мосты и перевозы были въ величайшемъ неустройствѣ. Хлѣбныхъ запасовъ, богоугодныхъ и человѣколюбивыхъ заведеній не существовало. Училищъ, по числу народонаселенія, было недостаточно и они помѣщались въ домахъ наемныхъ.

Оклады учительскіе были незначительны, дѣти бѣдныхъ и сироты не имѣли средствъ получать образованія. Въ духовное званіе поступали неприготовленные къ тому простые казаки; отъ ихъ невѣжества увеличивался расколъ. Самое желаніе быть въ духовномъ сословіи проистекало отъ старанія уклониться отъ службы.

Войсковая канцелярія не имѣла даже примѣрныхъ свѣдѣній о народонаселеніи, количествѣ и свойствѣ земель станичныхъ, помѣщичьихъ и другихъ. Станичные жители, настоящіе владѣтели Донской земли, были стѣсняемы чиновниками, поселявшими даже въ чертѣ станичныхъ юртовъ бѣглыхъ и покупаемыхъ ими крестьянъ. Чиновники захватили въ свое владѣніе почти всѣ лучшія пастбища, сѣнокосы, водопои, опустошали общественные лѣса, обстраивая изъ нихъ хутора, мельницы, поселки; отдавали многія земли въ кортому не только постороннимъ, но и самимъ казакамъ; скотъ свой пускали въ станичныя пастбища; не дозволяли казакамъ пользоваться водопоемъ у нихъ же отнятымъ, иначе какъ за особенную плату. Казаки прибѣгали съ жалобами къ войсковому и мѣстному начальствамъ; но сіи участники въ злѣ, не давали угнетеннымъ защиты. Не имѣя сѣна, нѣкоторыя станицы кормили скотъ незрѣлымъ хлѣбомъ, древесными листьями, платили тяжкій оброкъ помѣщикамъ за сѣно. Словомъ, чтобы видѣть до какой степени казаки были стѣснены въ земляхъ, скажемъ, что на ревизскую душу они имѣли въ нѣкоторыхъ станицахъ отъ 6-ти до 11-ти десятинъ, а чиновники отъ 100 до 300, а иные отъ 500 до 1000 десятинъ.

Таковы были бѣдствія, тяготѣвшія надъ Донскимъ краемъ. Главнѣйшее затрудненіе, при предстоявшихъ Чернышеву занятіяхъ, заключалось въ томъ, что онъ встрѣчалъ упорное противодѣйствіе въ войсковомъ начальствѣ, которое во всѣхъ описанныхъ выше безпорядкахъ само участвовало.

Устраняя всѣ сіи и множество другихъ, съ стародавнихъ лѣтъ, вкравшихся неустройствъ и злоупотребленій, Чернышевъ составилъ сперва проектъ преобразованія военной части, который обнималъ всѣ отрасли сего управланія, ясно и отчетливо опредѣляя: власть и образъ дѣйствій войсковаго атамана, учрежденіе несуществовавшихъ дотолѣ управленій начальника штаба и четырехъ окружныхъ дежурствъ, новый порядокъ военно-судной части, опредѣленіе комплекта войску, разнаго рода смотры, сроки службы, переписи малолѣтковъ, уравненіе нарядовъ, порядки очередей, производства, отставки, льготы, военно-медицинскую часть, мундиры, вооруженіе, конскіе приборы для всѣхъ чиновъ, внутреннюю службу, введеніе однокалиберныхъ ружей, комплектованіе

лейбъ-казачьяго полка и артиллерійскихъ ротъ, ремонты, казенное содержаніе казаковъ на службѣ, усиленіе станичныхъ табуновъ, пенсіоны, составленіе войсковаго капитала и особеннаго вспомогательнаго капитала идущимъ на службу, помощь бѣднымъ при выступленіи съ Дона, устройство военныхъ зданій и проч.

Въ три мѣсяца, къ исходу іюля, Чернышевъ привелъ къ окончанію сей огромный трудъ. Великимъ пособіемъ для него было то, что съ декабря 1812 до 1815 года, онъ постоянно имѣлъ подъ своимъ начальствомъ казаковъ. Въ теченіе сей трехлѣтней войны узналъ онъ коротко недостатки военнаго состава ихъ, и изъ разговоровъ съ опытнѣйшими изъ подчиненныхъ ему казачьихъ офицеровъ ознакомился съ домашнимъ бытомъ безцѣннаго Донскаго войска.

Составляя военный проектъ, Чернышевъ продолжалъ засѣдать въ комитетѣ, гдѣ занимались предположеніями объ устройствѣ гражданской, хозяйственной и поземельной частей. Въ августѣ онъ поѣхалъ въ Петербургъ, желая представить государю отчетъ дѣйствій комитета, а также сдѣланныя имъ, въ его трехмѣсячное пребываніе въ Черкаскѣ, соображенія по другимъ отраслямъ управленія Донскимъ краемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1820 годъ.

Проведя четыре мѣсяца въ Петербургѣ, Чернышевъ возвратился въ Новочеркаскъ наканунѣ 1820 года. При его отъѣздѣ были доставлены ему, по высочайшему повелѣнію, для разсмотрѣнія просьбы, представленныя государю тремя донскими слободами, объ освобожденіи ихъ отъ помѣщичьяго владѣнія, съ обращеніемъ въ казаки или казенные поселяне. Вникнувъ въ дѣло, Чернышевъ удостовѣрился въ неосновательности просьбъ, но между тѣмъ крестьяне уже оставили самовольно господскія работы и не повиновались мѣстному начальству. Чернышевъ вызвалъ въ Черкаскъ депутатовъ изъ сихъ селеній, объяснилъ имъ неосновательность домогательствъ и беззаконность поступковъ ихъ, бѣдственныя слѣдствія при дальнѣйшемъ упорствѣ. Убѣжденные доводами, они на колѣняхъ просили помилованія, обѣщая непрекословное повиновеніе властямъ, клялись, по возвращеніи въ домы прислать новыхъ депутатовъ, или что сами пріѣдутъ съ бумагами отъ

обществъ во свидѣтельство чистосердечнаго раскаянія. Слова ихъ были обманъ. Пріѣхавъ въ домы, они не только отказались отъ исполненія обѣщаній, но возбуждали къ неповиновенію сосѣднія селенія, дотолѣ спокойныя.

Все это происходило въ первые три мѣсяца 1820 года. Узнавъ о сихъ безпорядкахъ, императоръ Александръ особыми уполномочіями возложилъ на Чернышева, въ апрѣлѣ, усмирить крестьянъ, если нужно силою, стараясь предварительно испытать мѣры кротости. Примѣръ ненаказанности первыхъ трехъ взбунтовавшихся селеній, гдѣ было 4000 душъ и превратное толкованіе ложныхъ копій указа 1796 года, возбудили къ непослушанію помѣщикамъ въ Міусскомъ уѣздѣ 8000 душъ. Видя такое быстрое распространеніе бунта, опасаясь вліянія его, не только на донскія земли, но и на сосѣднія губерніи, Чернышевъ рѣшился употребить строгость, остановилъ у бунтовавшей слободы Орловой, назначенные въ походъ въ Грузію три донскіе полка и 19-го мая пріѣхалъ къ нимъ изъ Черкаска.

Осмотрѣвъ полки и расположивъ ихъ выгодно, Чернышевъ послалъ къ обывателямъ Орловской слободы печатныя увѣщанія, приказывая священникамъ читать ихъ на мірскихъ сходкахъ и въ церквахъ. Средство сіе не подѣйствовало. Тогда, чрезъ два дня, Чернышевъ занялъ слободы Орлову и Городищенскую, увѣщевая крестьянъ возвратиться къ обязанностямъ ихъ. Въ продолженіе пяти дней не могъ онъ склонить заблудшихся и вынужденъ былъ составить подъ своимъ предсѣдательствомъ комитетъ, для изслѣдованія поведенія главныхъ возмутителей и наказанія ихъ, послѣ чего 4000 душъ принесли раскаяніе и приняли въ томъ клятву.

Пока Чернышевъ возстановлялъ здѣсь порядокъ, взбунтовалось 30.000 душъ въ Міусскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Екатеринославскою губерніею. Для укрощенія такого бунта требовались силы значительныя. Чернышевъ писалъ войсковому атаману, чтобы къ тремъ бывшимъ подъ его начальствомъ полкамъ присоединилъ онъ Атаманскій, собранный тогда у Черкаска. Атаманъ не только отказалъ въ требованіи, но писалъ Чернышеву о необходимости отправить въ Грузію три полка его, и вмѣсто Атаманскаго предоставлялъ въ его распоряженіе только четыре сотни казаковъ. Видя, что атаманъ не понимаетъ всей важности обстоятельствъ, Чернышевъ отправилъ въ Грузію одинъ полкъ, два оставилъ при себѣ, а равно и Атаманскому велѣлъ быть готовымъ выступить съ нимъ въ походъ и предписалъ приготовить еще свѣжее войско. Прежде полученія сего повелѣнія, атаманъ, испуганный воз-

станіемъ Міусскаго уѣзда, отрядилъ туда Атаманскій полкъ, но появленіе его въ слободѣ Мартыновой, гнѣздѣ бунта, гдѣ было до 6000 вооруженныхъ мятежниковъ, принесло болѣе вреда, нежели пользы. Они вытѣснили атаманскихъ казаковъ изъ селенія, ранивъ у нихъ офицера и двухъ казаковъ. Такой же мятежъ кипѣлъ въ ближнемъ, къ Мартыновой, селѣ Дмитріевскомъ. Въ то время отрядъ Чернышева былъ на маршѣ къ Мартыновой, а онъ самъ находился въ Новочеркаскѣ, принимая мѣры усилить свои войска, для чего приказалъ шедшему изъ Таганрога въ Славянскъ Симбирскому пѣхотному полку остановиться въ Міусскомъ уѣздѣ. Тогда же вспыхнулъ мятежъ въ сосѣднихъ съ Донскимъ войскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи: Ростовскомъ, Бахмутскомъ и Славяносербскомъ. Въ Ростовскомъ даже разогнали команду изъ 100 человѣкъ внутренней стражи, посланную усмирять непокорныхъ.

Отрядивъ туда полковника Андріянова съ 1200 человѣкъ и двумя пушками, Чернышевъ прибылъ 8-го іюля изъ Новочеркаска къ Мартыновой, откуда крестьяне дѣлали вылазки противъ казачьихъ пикетовъ, отнимали у нихъ и уводили съ собою крестьянъ, приходившихъ изъ другихъ селеній и казаками останавливаемыхъ. Начинщики успѣли вселить недовѣріе къ печатнымъ воззваніямъ Чернышева, говоря, что они изданы не имъ, но помѣщиками, посягающими на ихъ свободу. Духъ буйства распространялся по окрестностямъ до такой степени, что многіе помѣщики, страшась за жизнь свою и семействъ своихъ, просили Чернышева отрядить къ нимъ команды.

Іюля 11-го Чернышевъ окружилъ Мартынову со всѣхъ сторонъ, три раза напрасно вызывалъ жителей, чтобы они вышли къ нему въ поле для выслушанія высочайшей воли. Не видя успѣха въ своемъ требованіи, онъ вошелъ въ слободу съ Симбирскимъ пѣхотнымъ полкомъ и двумя эскадронами лейбъ-казаковъ. Даже и послѣ сего бунтовщики не хотѣли повиноваться, говоря, что у нихъ есть указы о вольности. Чернышевъ велѣлъ взять подъ стражу главныхъ и ему извѣстныхъ зачинщиковъ и нарядилъ слѣдственную коммисію, а самъ пошелъ на другой день къ Дмитріевскому, гдѣ поступилъ такимъ же образомъ, то есть арестовалъ главныхъ бунтовщиковъ и предалъ ихъ суду на мѣстѣ.

Чрезъ нѣсколько дней, слѣдственныя коммисіи окончили судъ и зачинщики были наказаны. Ожесточеніе крестьянъ простиралось до того, что даже во время самаго наказанія, толпы, ободряемыя своимъ многолюдствомъ, криками возобновляли буйство. Увѣщаніями старался

Чернышевъ смягчить затвердѣлыя сердца и успѣлъ въ предпріятіи. Крестьяне пали на колѣни, изъявляя раскаяніе и утвердили его присягою.

Благотворнымъ слѣдствіемъ сихъ рѣшительныхъ мѣръ было, что всѣ сосѣдственныя слободы, одна за другою, принесли покорность. Чернышевъ простилъ ихъ, оставя подъ арестомъ зачинщиковъ, впредь до разсмотрѣнія коммисіи. Такимъ образомъ, въ двѣ недѣли усмирены селенія, заключавшія въ себѣ 35.000 душъ ревизскихъ. Слухъ о водвореніи спокойствія въ Міусскомъ уѣздѣ вскорѣ дошелъ до Екатеринославской губерніи. Изъ Ростовскаго уѣзда пришли къ Чернышеву депутаты съ засвидѣтельствованіемъ исправника, что непокорные обратились къ своимъ обязанностямъ, кромѣ одного селенія, Лакедемоновки. Чтобы раскаяніе сихъ крестьянъ было утверждено подписками и клятвенно, Чернышевъ отправилъ туда казачій полкъ, а самъ поѣхалъ въ Лакедемоновку, пославъ туда предварительно двѣ роты Симбирскаго полка. Личное присутствіе его и принятыя имъ такія же, какъ и въ донскихъ селеніяхъ, мѣры укротили возстаніе.

Между тѣмъ императоръ Александръ, получивъ донесенія о бунтѣ въ Славяносербскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ, рескриптомъ возложилъ на Чернышева усмирить ихъ. Но Чернышевъ предупредилъ высочайшую волю отправленіемъ въ тѣ уѣзды, какъ сказано выше, полковника Андріянова съ отрядомъ изъ 1200 казаковъ и двумя орудіями, велѣвъ соединиться съ нимъ стоявшему недалеко отъ Бахмута Маріупольскому гусарскому полку. Бунтъ въ сихъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи разливался съ такою же быстротой, какъ и на Дону, угрожая коснуться Старобѣльскому уѣзду Воронежской губерніи и Изюмскому Харьковской, гдѣ помѣщичьихъ крестьянъ много. Жители сихъ уѣздовъ уже съ безпокойнымъ любопытствомъ начинали смотрѣть на возмутившихся сосѣдей своихъ и при первой удачѣ или ненаказанности ихъ, готовы были послѣдовать примѣру ихъ.

Стараясь пресѣчь разлитіе заразы, Чернышевъ приказалъ Андріянову распорядиться такъ, чтобы бунтующія селенія совершенно отрѣзать отъ селеній спокойныхъ, особенно отъ границъ сосѣднихъ губерній, и усмиряя бунтовщиковъ, невольно сближать ихъ къ предѣламъ войска Донскаго. Такое направленіе отряда скорѣе могло захватить и уничтожить зло на мѣстѣ, остановя его распространеніе. Мѣры сіи имѣли полный успѣхъ: при появленіи Андріянова, селенія Бахмутскаго и Славяносербскаго уѣздовъ изъявили раскаяніе, чему особливо содѣйствовали дошедшія до нихъ извѣстія о быстромъ усмиреніи Міусскаго

уѣзда и наказаніи зачинщиковъ. Чернышевъ приказалъ главныхъ бунтовщиковъ Екатеринославской губерніи отправлять въ слѣдственную коммисію, учрежденную подъ его предсѣдательствомъ на Дону. Мѣра сія и скорое наказаніе были необходимы, потому что обыкновенный способъ судопроизводства продолжителенъ и могъ бы тянуться цѣлые годы. Въ теченіе шести недѣль Чернышевъ окончилъ всѣ слѣдственныя и судныя дѣла и привелъ приговоры въ исполненіе, не оставилъ мѣстному начальству ни малѣйшей заботы отыскивать виновныхъ, слѣдовать и судить ихъ. Такимъ образомъ, водворено было спокойствіе и уничтоженъ бунтъ, разлитіемъ своимъ угрожавшій сосѣднимъ губерніямъ.

Едва въ половинѣ іюля окончены были дѣла по усмиренію мятежа, Чернышевъ получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ Воронежъ, куда государь намѣревался скоро прибыть изъ Петербурга. Іюля 19-го Чернышевъ поѣхалъ изъ Черкаска и представился государю въ Воронежѣ, гдѣ за дѣйствія свои на Дону былъ пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1821 — 1822 годы.

Въ Воронежѣ Чернышевъ получилъ повелѣніе сопровождать императора Александра въ Варшаву и притомъ лестное приглашеніе ѣхать по одной дорогѣ съ его величествомъ, между тѣмъ какъ прочія особы свиты отправились другимъ путемъ. Останавливаясь каждый вечеръ для ночлеговъ, государь обыкновенно призывалъ къ себѣ Чернышева и проводилъ съ нимъ по нѣскольку часовъ. Изъ Варшавы, Чернышевъ сопровождалъ его величество на конгрессъ въ Тропау, вскорѣ перенесенный въ Лейбахъ. Здѣсь, кромѣ довѣренныхъ дипломатическихъ порученій, возлагаемыхъ на него государемъ, докладывалъ онъ его величеству по дѣламъ донскимъ, присылаемымъ къ нему изъ Новочеркаска.

Но въ дѣлахъ сихъ начала происходить остановка. Нѣкоторые изъ донскихъ чиновниковъ, уже въ началѣ учрежденія комитета съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на назначеніе Чернышева въ сочлены ихъ, воспользовались отсутствіемъ его и старались мѣшать составленію новыхъ предположеній, находя свои выгоды въ прежнемъ положеніи дѣлъ.

Видя противодѣйствіе своимъ благотворнымъ желаніямъ въ улучшеніи Донскаго края, императоръ приказалъ смѣнить войсковаго атамана, быть на мѣсто его другому, а Чернышева назначилъ предсѣдателемъ въ комитетѣ.

Въ семъ новомъ званіи, полный распорядитель занятій комитета, Чернышевъ поѣхалъ по окончаніи лейбахскаго конгресса чрезъ Петербургъ въ Черкаскъ, куда прибылъ въ началѣ 1821 года. Онъ провелъ на Дону остальные мѣсяцы сего года, посвящая время на составленіе полковничьей инструкціи, на дѣла гражданскія, хозяйственныя и поземельныя. Вникнувъ во всѣ подробности обстоятельствъ, собравъ всѣ, еще недостававшія ему свѣдѣнія, положивъ основныя черты проектовъ для разныхъ управленій, Чернышевъ, по волѣ государя, отправился въ исходѣ 1821 года въ Петербургъ, чтобы здѣсь привесть къ окончанію многосложный трудъ, для чего вызваны также были съ Дона атаманъ и нѣсколько чиновниковъ.

Между тѣмъ, по представленію Чернышева уже были приведены на Дону въ дѣйствіе слѣдующія статьи: 1) уничтоженъ гибельный винный откупъ и учреждена временная войсковая продажа вина, которая вскорѣ выплатила долгъ, бывшій на общихъ доходахъ до 150.000 рублей и составила другой значительный капиталъ. 2) Возстановленъ рыбный промыселъ и цѣна на пудъ рыбы понизилась отъ 40 до 5-ти рублей. 3) По службѣ казаки уравнены и обезпечены отъ казны постоянною ремонтною дачей; а въ домашней жизни облегчены снятіемъ съ нихъ почтовой повинности натурою. 4) Войсковые и станичные лѣса сохранены отъ истребленія. 5) Устроенъ каменный арсеналъ. 6) Опредѣлены стряпчіе въ уѣзды. 7) Офицеры генеральнаго штаба и вызванные изъ разныхъ губерній землемѣры производили подробную съемку земель и 8) Обращено вниманіе на добываніе каменнаго угля. Надобно знать, что его разработка до пріѣзда Чернышева на Донъ, нѣкогда производимая только въ имѣніи графа Платова, была совершенно покинута. Узнавъ о томъ, Чернышевъ отправилъ на мѣсто знающаго чиновника, который подробно донесъ ему о существованіи угля въ великомъ количествѣ. Чернышевъ просилъ министра финансовъ о принятіи нужныхъ мѣръ къ добыванію сего вещества, о чемъ въ Петербургѣ до тѣхъ поръ не имѣли свѣдѣній. Такимъ образомъ, къ числу событій, ознаменовавшихъ пребываніе Чернышева на Дону, принадлежитъ открытіе каменнаго угля, употребленіе котораго обѣщаетъ несмѣтныя выгоды не только на Дону, но и всей полуденной Россіи.

Весь 1822 годъ Чернышевъ посвятилъ почти исключительно за-

нятіямъ по донскому комитету, прерваннымъ только временно, поѣздкою на Веронскій конгрессъ, куда онъ сопровождалъ императора. Возвратясь изъ Вероны, онъ вскорѣ кончилъ огромное дѣло, возложенное на него въ 1819 году, и въ началѣ 1823 поднесъ императору докладъ объ устройствѣ Донскаго края, представляя при томъ: 1) Съемку земель войска Донскаго. 2) Статистическія табели по округамъ, въ настоящемъ ихъ состояніи и въ будущемъ предполагаемомъ распредѣленіи. 3) Проекты о распространеніи станичныхъ юртовъ, надѣлѣ землями чиновниковъ и войсковыхъ надобностей и 4) Историческое и статистическое описаніе Донскаго войска.

Докладъ дѣлился на двѣ части. Въ первой были подробно представлены всѣ прежнія неустройства, а вторая заключала въ себѣ предположенія устранить зло, введеніемъ новаго порядка вещей, для чего представлены были проекты образованія военнаго, гражданскаго, хозяйственнаго и поземельнаго. Слитыя прежде въ одно, перемѣшанныя между собою управленія, были по существу своему раздѣлены, каждому данъ наказъ, опредѣлены кругъ дѣйствій и степень власти, земли размежевали, промышленность освободили отъ стѣснявшихъ ея оковъ, судопроизводство поставлено на твердомъ основаніи, для счетоводства учреждены ясныя правила; полицейская, почтовая, медицинская, словомъ, всѣ части получили совершенно другой видъ. Не осталось отрасли, которая не была бы принаровлена къ потребностямъ и выгодамъ края.

При представленіи доклада, въ нарочно назначенный для того день, Чернышевъ въ сопровожденіи членовъ комитета, вызванныхъ изъ Новочеркаска, произнесъ предъ государемъ рѣчь, изъявляя нетерпѣніе Донского края получить отъ щедротъ монарха законъ, долженствующій упрочить ихъ благосостояніе. Императоръ отвѣчалъ самыми милостивыми выраженіями, обѣщалъ скорое разсмотрѣніе и утвержденіе подносимаго закона, удостоилъ наградъ членовъ Донского комитета, а Чернышеву пожаловалъ, при лестномъ рескриптѣ, алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго.

Проектъ новаго положенія обнималъ почти всѣ отрасли управленія. Потому для его разсмотрѣнія былъ составленъ, по высочайшему повелѣнію, особый комитетъ изъ пяти членовъ Государственнаго Совѣта, по одному изъ каждаго департамента. Для объясненій, въ которыхъ могла комитету встрѣтиться надобность, приказано приглашать туда Чернышева и члена прежняго Донского комитета Болгарскаго. Обширность труда требовала много времени для тщательнаго разсмотрѣнія

его. Сверхъ того, между членами комитета возникло разногласіе. По симъ причинамъ дѣло продлилось до 1825 года, послѣ чего императоръ Александръ приказалъ общее заключеніе четырехъ членовъ комитета, а равно и мнѣніе пятаго, который не соглашался съ ними, окончательно разсмотрѣть во время своего пребыванія въ Таганрогѣ. Чернышевъ, какъ увидимъ ниже, сопутствовавшій туда его величеству, докладывалъ императору дѣла Донскія и, по его указанію, дѣлалъ въ нихъ измѣненія. Окончанію труда воспрепятствовала внезапная кончина государя.

Послѣ восшествія на престолъ императора Николая Павловича, отъѣздъ его величества въ Москву для коронованія, возгорѣвшаяся за тѣмъ война съ Персіею, возникавшія несогласія съ Турціею и другія обстоятельства помѣшали немедленно заняться Донскимъ дѣломъ. Между тѣмъ войсковой атаманъ Иловайскій, предвидя, что изданіе новаго положенія послужитъ преградою прежнему своеволію, вздумалъ протестовать противъ предположеній комитета, тогда какъ во всѣхъ сужденіяхъ его и при подписаніи протоколовъ самъ участвовалъ. Его возраженія были разсмотрѣны. Государь призналъ совершенную неосновательность ихъ и приказалъ нѣкоторыя распоряженія привести тогда же въ исполненіе, не ожидая общаго утвержденія новаго положенія, какъ-то: отмѣну почтовой гоньбы, покупку приплодныхъ жеребцовъ и другія частныя мѣры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что проектъ положенія о войскѣ Донскомъ составленъ былъ еще въ 1823 году и что потомъ послѣдовало много новыхъ узаконеній, поручилъ Чернышеву вновь сообразить проектъ съ общими постановленіями, съ того времени изданными. Вслѣдствіе того Чернышевъ, не смотря на обширность своихъ обязанностей, ибо тогда уже былъ военнымъ министромъ, занялся симъ дѣломъ съ возможною дѣятельностію. Положеніе было пересмотрѣно во всѣхъ подробностяхъ, потомъ внесено въ Государственный Совѣтъ и высочайше утверждено 26-го мая 1835 года.

Такимъ образомъ довершенъ обширный трудъ—твердое основаніе благоденствія и устройства Донского края. Государь императоръ изъявилъ Чернышеву полную признательность въ слѣдующемъ рескриптѣ отъ 26-го февраля 1836 года:

«Графъ Александръ Ивановичъ!

Составленное комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ, и по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, утвержденное мною въ 26 день мая минувшаго года положеніе объ управленіи Донского войска,

нынѣ приведено въ дѣйствіе съ успѣхомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ важности предмета и совершенству предварительныхъ мѣръ, для сего принятыхъ. Довѣріе къ вамъ вселюбезнѣйшаго брата моего, блаженныя памяти императора Александра I, возложило на васъ совершеніе многосложнаго труда: благоустройства всего войска Донского, столь знаменитаго престолу и отечеству. Вы вполнѣ оправдали его довѣренность и ожиданія. Благоразумными, тщательнѣйшими изысканіями на мѣстѣ, вы привели въ точную извѣстность состояніе войска, познали его нужды и представили прямые и вѣрные способы къ водворенію въ немъ общественнаго и частнаго благоустройства. И среди многихъ другихъ порученій по службѣ и при обширныхъ обязанностяхъ настоящаго званія вашего, дѣло, порученное вамъ покойнымъ императоромъ Александромъ I, было постоянно предметомъ вашей особенной попечительности и вашему неусыпному рвенію, опытности и благонамѣреннымъ усиліямъ обязано столь успѣшнымъ окончаніемъ. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ пріемля сей новый подвигъ вашей, всегда примѣрно-полезной службы, я изъявляю вамъ за оный мою полную признательность и совершенное благоволеніе».

Тѣмъ не ограничились милости монарха. Желая сохранить навсегда въ памяти Чернышева воспоминаніе о краѣ, благоустройствомъ котораго онъ столько лѣтъ постоянно занимался, его величество, въ томъ же году, въ день Святой Пасхи, пожаловалъ ему генеральскій казачій мундиръ, и дабы еще болѣе придать цѣны наградѣ, поручилъ государю наслѣднику цесаревичу, какъ августѣйшему атаману всѣхъ иррегулярныхъ войскъ, отвезти наканунѣ праздника къ Чернышеву уже сшитый для него мундиръ, въ которомъ Чернышевъ и явился къ заутренѣ Свѣтлаго Воскресенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дворянство Донское, видя благодѣтельныя послѣдствія новаго положенія и признательное къ трудамъ Чернышева, прислало ему при особой депутаціи золотую саблю, осыпанную брилліантами, съ изображеніемъ главныхъ битвъ, гдѣ Донскіе казаки подъ предводительствомъ Чернышева участвовали въ Отечественную войну. Чернышевъ, въ письмѣ своемъ къ наказному атаману, благодарилъ Донское дворянство за такое лестное ихъ вниманіе. Письмо его объявлено было по войску слѣдующимъ приказомъ:

«Дворянство войска Донского, питая въ душѣ своей чувство истинной признательности и неограниченнаго уваженія къ государственнымъ заслугамъ и высокимъ доблестямъ господина военнаго министра, графа Александра Ивановича Чернышева, при отправленіи войсковой депу-

таціи въ С.-Петербургъ для принесенія его императорскому величеству всеподданнѣйшей благодарности, за всемилостивѣйше дарованное войску Донскому положеніе, почло приличнымъ испросить высочайшее соизволеніе и поднести его сіятельству, какъ знаменитому участнику въ составленіи положенія, золотую саблю, украшенную бриллiантами.

«Его сіятельство, пріемля съ живѣйшею признательностію этотъ знакъ усердія благороднаго сословія войска Донского, изволилъ почтить меня письмомъ, изъясняя чувствованія свои къ войску въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

«Сіи чувствованія знаменитаго участника и военной славы и внутренняго благоустройства войска Донского, спѣшу передать въ подлинныхъ словахъ во всеобщее извѣстіе благороднаго дворянства и всѣхъ донскихъ воиновъ, какъ новое доказательство того пламеннаго желанія блага войску, которое на военномъ поприщѣ сроднило его сіятельство съ донцами, на поприщѣ гражданскомъ облегчило намъ путь къ достиженію благой цѣли, указанной мудрою попечительностію монарха.

«Несомнѣнно увѣренный въ живѣйшемъ удовольствіи всѣхъ чиновъ Дона, къ вамъ теперь, оставшіеся въ живыхъ свидѣтели военной славы генерала Чернышева и всѣ подвизавшіеся въ незабвенную Отечественную войну, къ вамъ обращусь я въ особенности: ибо мечъ, поднесенный его сіятельству, носитъ на себѣ имена мѣстъ, орошенныхъ драгоцѣнною вашею кровію, принесенною въ жертву Отечеству. Я заранѣе предвижу восторгъ вашъ при семъ извѣстіи; вижу какъ оживляются въ вашей памяти дѣянія, дѣянія славныя, признанныя цѣлымъ свѣтомъ и внесенныя неизгладимыми чертами въ скрижаль исторіи; вижу и считаю себя сугубо счастливымъ, что я имѣлъ тогда высокую честь находиться въ рядахъ вашихъ, а нынѣ быть органомъ единодушнаго выраженія вашихъ ощущеній».

Спустя двадцать лѣтъ, въ 1842 году, возвращаясь съ Кавказа и проѣзжая Донскими землями, Чернышевъ лично удостовѣрился въ счастливыхъ послѣдствіяхъ преобразованія, введеннаго тамъ по его начертаніямъ. Вездѣ на пути своемъ видѣлъ онъ, что довольство заступило мѣсто бѣдности, законъ мѣсто самоуправства, всюду слышалъ благодареніе жителей за новое императоромъ Николаемъ Павловичемъ дарованное имъ бытіе. О пріемѣ сдѣланномъ Донцами князю Чернышеву будетъ объяснено ниже въ семъ описаніи, когда дойдетъ рѣчь о поѣздкѣ князя Чернышева на Кавказъ, по высочайше возложенному на него обзору того края.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1823 и 1824 годы.

Возложенное на Чернышева порученіе по Донскимъ дѣламъ было столь великой государственной важности, что мы желали представить дѣло въ совокупности, и потому не упомянули, что въ продолженіе занятій сихъ Чернышевъ былъ назначенъ начальникомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Поводомъ назначенія было слѣдующее: находясь на Лейбахскомъ конгрессѣ, императоръ Александръ получилъ извѣстіе о случившихся въ Семеновскомъ полку безпорядкахъ. Тотчасъ велѣлъ онъ позвать къ себѣ Чернышева, со слезами на глазахъ разсказалъ ему о происшествіи и далъ ему прочесть всѣ полученныя по сему случаю бумаги, въ томъ числѣ и письмо отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, писанное на 12 страницахъ; оно было исполнено чувства и глубокомыслія. Потомъ государь говорилъ Чернышеву о своемъ желаніи имѣть въ гвардіи болѣе генераловъ, его величеству лично и коротко извѣстныхъ, и предложилъ ему начальство надъ легкою кавалерійскою дивизіею, сказавъ: «Это назначеніе не должно отвлекать тебя отъ Донскихъ дѣлъ и отъ путешествій со мною, но необходимо заниматься фронтовою службой. Впрочемъ, это только ступень; я готовлю тебѣ большой кругъ дѣйствій».

Каждый разъ, когда Чернышевъ пріѣзжалъ изъ Черкаска или съ конгрессовъ въ Петербургъ, командовалъ онъ дивизіею, и съ 1823 года, до котораго довели мы наше описаніе, постоянно ею занимался и поставилъ ее въ блистательное состояніе. Государь бывалъ отмѣнно доволенъ его командованіемъ, какъ на ученьяхъ, такъ и на маневрахъ, на которыхъ онъ постоянно дѣйствовалъ противъ знаменитаго нынѣ фельдмаршала, тогда начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Паскевича.

Въ этомъ 1823 году, Чернышевъ женился на княжнѣ Елизаветѣ Александровнѣ Бѣлосельской. Едва узнавъ о помолвкѣ, императоръ прислалъ невѣстѣ фрейлинскій вензель и вскорѣ пожаловалъ во фрейлины сестру ея. Послѣ свадьбы онъ неоднократно посѣщалъ новобрачную. Однажды, проведя у ней вечеръ, съ неподражаемою своею благосклонностію, просилъ ея согласія увезти на нѣсколько недѣль мужа ея, потому что императоръ намѣревался ѣхать по разнымъ губерніямъ осматривать войска. Вечеръ заключился музыкою и пѣніемъ; о чемъ съ

намѣреніемъ упоминаемъ, для поясненія того, что будемъ разсказывать ниже.

Въ августѣ императоръ отправился въ путешествіе, сопровождаемый только двумя генералъ-адъютантами, Дибичемъ и Чернышевымъ. Въ полномъ увѣреніи на всегдашнія къ нему милости государя, Чернышевъ былъ крайне опечаленъ, видя что всю дорогу отъ Петербурга чрезъ Москву, Ярославль, Орелъ и Брестъ до Вознесенска, государь обходился съ нимъ очень холодно, не призывалъ его, какъ прежде, для разговоровъ, длившихся цѣлые часы, но обращалъ къ нему рѣчь только на полѣ, о войскѣ, маневрахъ, ученьяхъ и тому подобное.

Въ Вознесенскѣ его величество призвалъ къ себѣ Чернышева и сказалъ: «Я обѣщалъ женѣ твоей отправить тебя въ Петербургъ послѣ смотровъ. Они теперь кончились, поѣзжай. Прошу тебя отдать это письмо матушкѣ».

Нетерпѣливо желая знать причину перемѣны обращенія съ нимъ государя, Чернышевъ навелъ на то рѣчь. Сперва императоръ не изволилъ отвѣчать положительно, но наконецъ сказалъ: «Тебѣ причина извѣстна. Послѣдняя пѣсня твоей жены, когда я у васъ провелъ вечеръ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, кажется, была шутка надо мною?» Надобно знать, что въ послѣдніе годы своей жизни императоръ Александръ возымѣлъ къ себѣ какое-то недовѣріе. Лишнее слово, сказанное въ его присутствіи, либо улыбка, взглядъ, казались ему иногда выраженіемъ какого-то намека на его особу. Чернышевъ слушалъ государя, какъ громомъ пораженный, видя, что императоръ, имъ боготворимый, могъ усомниться въ его чувствованіяхъ. Всѣми возможными доводами старался онъ разувѣрить государя, почтительно представляя, что не только монарху, своему благодѣтелю, удостоившему его посѣщеніемъ, но даже простому гостю, человѣку частному, не отважился бы онъ, по правиламъ своимъ и по законамъ общежитія, сдѣлать непріятность. Онъ заклиналъ государя вѣрить его невинности и чувствамъ, какія питалъ онъ къ его величеству во всю свою жизнь.

Глубоко пало на душу Чернышева это обстоятельство. Печалился онъ за себя, что императоръ усомнился въ немъ, и огорчало его, что подозрѣнія такого рода и на другія, близкія къ государю лица тревожили его и нарушали его спокойствіе. Потому, по возвращеніи въ Петербургъ, написалъ онъ къ его величеству слѣдующее письмо:

«При отъѣздѣ моемъ изъ Вознесенска, я былъ слишкомъ разстроганъ и не въ состояніи излить предъ вашимъ величествомъ всѣ мои чувствованія. Позвольте говорить мнѣ теперь, со всею откровенностію

души чистой и вамъ преданной. Со вступленія моего въ свѣтъ, ваше величество были для меня вторымъ Провидѣніемъ. Вы удостоили образовать мое сердце и мой разумъ, давали мнѣ случаи узнать свѣтъ и принести хотя малую пользу. Послѣ, въ семейныхъ горестяхъ моихъ, ваше величество съ ангельскою добротой утѣшали и поддерживали меня совѣтами, словомъ: всѣмъ бытіемъ моимъ обязанъ я вамъ. И въ такое время, когда сердце мое проникнуто благодарностію за ваши благодѣянія, когда вы осчастливили жену мою посѣщеніемъ, подозрѣваете меня въ намѣреніи, самомъ низкомъ, предательскомъ, вопіющемъ! Можетъ быть виноватъ я въ какой либо неосторожности или неловкости, но никогда, государь, ни я, ни жена моя, не позволимъ себѣ подобнаго поступка, не только противъ нашего благодѣтеля, но даже въ отношеніи нашего врага.

«Посвятивъ вашему величеству всю мою жизнь, жертва, конечно, слабая за всѣ ваши благодѣянія, питая къ особѣ вашей сыновнюю преданность и благоговеніе, дерзаю раскрыть вамъ всѣ мои мысли. Не смотря на высокій санъ, куда Богу угодно было возвести васъ для благополучія свѣта, не взирая на всѣ ваши заботы и труды, вы сохранили душу любящую и чувствительную; вамъ пріятно было бы видѣть около себя друзей истинныхъ, друзей не вашего могущества, но вашей особы, вашей славы. И вы имѣете такихъ людей близъ себя. Кто болѣе васъ можетъ внушить подобныя чувствованія и возвысить въ ихъ собственныхъ глазахъ тѣхъ, кто вамъ преданъ! Неужели, государь, нѣсколько лицъ, которыя не оправдали вашихъ надеждъ и недовѣріе ваше къ самому себѣ должны лишить васъ наслажденій дружбы, которыя были-бы сладостнымъ вознагражденіемъ за славный, но тяжкій подвигъ, на васъ Небомъ возложенный!

«Призываю Бога въ свидѣтели, что даже весьма малое число вашихъ недоброжелателей и недовольныхъ, единодушно сознаются въ вашихъ высокихъ личныхъ качествахъ, удивляются вашему убѣдительному краснорѣчію и очаровательной прелести вашего разговора. Если я когда нибудь слышалъ пересуды, то они касались только дѣлъ правительственныхъ или политическихъ, да и пересуды происходили отъ того только, что эти люди не употреблялись въ дѣлахъ сихъ. Каждый разъ, когда я замѣчалъ малѣйшее основаніе жалобамъ, я доводилъ о томъ до вашего свѣдѣнія.

«Что касается до вашей особы, государь, то даже и недовольные превозносятъ васъ выше всего на свѣтѣ. Какъ же послѣ того не благоговѣть къ вашей особѣ намъ, для кого вы—ангелъ-хранитель? Умо-

ляю васъ, государь, не подозрѣвать людей, прежде нежели вы не разсмотрите всѣхъ дѣйствій ихъ жизни. Я знаю, что съ вашимъ сердцемъ они не потеряютъ своего положенія въ свѣтѣ, но чрезъ то ваше величество избавите себя отъ непріятности полагать возможнымъ, что есть люди неблагодарные, а преданныхъ вамъ людей освободите отъ жестокихъ мученій быть подозрѣваемыми.

«Государь, если бы я лежалъ на смертномъ одрѣ, я не могъ бы говорить иначе. Обращаю слова мои не къ монарху, но къ благодѣтелю, отцу, высшему существу: каждый милостивый взглядъ, каждое слово ваше всесильно дѣйствуютъ на жизнь мою. Въ молодости моей я былъ развлеченъ свѣтскими удовольствіями, но сердце мое осталось чисто и я имѣлъ всегда отвращеніе отъ людей, которые для остраго слова ничего не щадятъ. Теперь, въ мои лѣта, убѣдился я болѣе нежели когда либо въ правилахъ, предписанныхъ намъ святою вѣрою въ отношеніи къ ближнимъ и исполненіи нашихъ обязанностей. Самою святою обязанностію почитаю я доказывать вашему величеству мою преданность и благодарность. Тогда только буду счастливъ, когда узнаю, что вы убѣдитесь, что кромѣ моихъ вѣрноподданическихъ чувствъ, я готовъ лично для васъ принести въ жертву не только мою жизнь, но и жизнь тѣхъ, кто для меня дороже всего на свѣтѣ».

Письмо сіе есть также свидѣтельство степени откровенности, съ какою императоръ дозволялъ Чернышеву обращаться къ его величеству. Пріѣхавъ въ октябрѣ изъ Вознесенска въ Петербургъ, государь не только возвратилъ Чернышеву свои прежнія милости, но въ постигшемъ его несчастіи, когда чрезъ три мѣсяца потомъ, въ январѣ 1824 г., онъ лишился супруги, явилъ ему новые доводы своего благорасположенія. Пораженный смертію обожаемаго друга, онъ упалъ въ обморокъ. Опомнясь, онъ увидѣлъ предъ собою великаго князя Николая Павловича. Его высочество изволилъ пріѣзжать къ нему по порученію государя, изъявить прискорбіе его о тяжкой потерѣ, имъ понесенной, а также сказать ему, что императоръ былъ бы самъ у него, но нездоровъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, великій князь весьма часто удостоивалъ Чернышева своимъ посѣщеніемъ.

Желая облегчить грусть свою, Чернышевъ намѣренъ былъ уѣхать изъ Петербурга, но императоръ Александръ вызвался быть утѣшителемъ его, пригласилъ его жить въ Царское Село, гдѣ приказалъ отвести для него комнаты во дворцѣ, подлѣ церкви, дабы въ молитвѣ могъ онъ находить услажденіе. Была зима. Въ это время года императоръ обыкновенно проводилъ три дня въ недѣлю въ Царскомъ Селѣ.

Чернышевъ бывалъ съ нимъ неразлученъ и сопровождалъ его въ долгихъ уединенныхъ его прогулкахъ, которыя остались для Чернышева залогомъ счастливѣйшихъ воспоминаній, ибо онъ видѣлъ, какъ великій монархъ всячески старался уврачевать душу его, изгладить снѣдавшую его скорбь, то правилами святой вѣры, то разговорами о различныхъ предметахъ.

Такъ прошли зимніе мѣсяцы. Въ теченіе ихъ Чернышевъ явилъ новую великую услугу, представивъ императору случайно доставшуюся ему рукопись, подъ названіемъ «Союза благоденствія». Она заключала въ себѣ всѣ постановленія готовившагося тогда заговора и имена соучастниковъ, до тѣхъ поръ только отчасти извѣстныя его величеству. Прочитавъ рукопись, императоръ сказалъ съ какимъ-то грустнымъ равнодушіемъ: «Да будетъ воля Божія!» Чернышевъ говорилъ о необходимости принять мѣры строгія, задержать заговорщиковъ и въ началѣ истребить зло. Все было напрасно. Императоръ отвѣчалъ съ тѣмъ же христіанскимъ смиреніемъ: «Достаточно наблюдать за ними; положимся на Промыслъ всевышняго!» Такъ говорилъ благочестивый монархъ; а между тѣмъ съ небольшимъ годъ оставался для его безсмертнаго земнаго поприща и вскорѣ насталъ этотъ роковой 1825 годъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1825 годъ.

Въ началѣ 1825 года пріѣзжалъ въ Петербургъ Оранскій принцъ. По волѣ государя, Чернышевъ состоялъ при немъ и потомъ, въ апрѣлѣ, сопровождалъ его высочество въ Москву, гдѣ показывалъ ему достопамятности столицы. Обозрѣвъ Москву, они поѣхали въ Варшаву, останавливаясь въ Бородинѣ, Смоленскѣ, Красномъ, Борисовѣ, во всѣхъ мѣстахъ, ознаменованныхъ событіями 1812 года. Изъ Варшавы они возвратились въ Петербургъ. На прощаньи, императоръ Александръ и принцъ, соединенные самою тѣсною дружбой, заливались слезами, какъ будто предчувствуя, что уже не увидятся болѣе въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ отъѣзда принца, Чернышевъ былъ назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для изслѣдованія о подлогѣ, случившемся въ коммиссіи погашенія долговъ, касательно принадлежавшихъ Донскому войску суммъ, взятыхъ изъ коммиссіи по ложнымъ документамъ. Дѣло было важности особенной и по значительности суммы, простиравшейся до

400.000 рублей и по утонченному мошенничеству въ подлогѣ. Чернышеву поручено было докладывать государю о дѣйствіяхъ комитета.

Въ сентябрѣ, императоръ Александръ отправился въ Таганрогъ, въ намѣреніи провести тамъ зиму, для поправленія здоровья императрицы Елизаветы Алексѣевны. Онъ приказалъ Чернышеву ѣхать туда же и ожидать его величество въ Новочеркаскѣ, позволивъ ему остаться въ Петербургѣ на короткое время, потому что Чернышевъ былъ тогда сговоренъ на графинѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Зотовой, которой онъ обязанъ счастливѣйшими годами своей достославной жизни. Пять дней послѣ свадьбы онъ отправился съ молодою супругой въ Новочеркаскъ, куда вскорѣ прибылъ императоръ Александръ, встрѣченный Чернышевымъ за нѣсколько верстъ. Въ слѣдующее утро государь посѣтилъ новобрачную, съ которою еще не былъ знакомъ. Два дня императоръ провелъ въ Черкаскѣ, по нѣскольку часовъ занимался донскими дѣлами съ Чернышевымъ и велѣлъ ему отправиться въ Таганрогъ, гдѣ, неподражаемый обворожитель сердецъ, онъ лично давалъ приказанія на счетъ убранства комнатъ, назначенныхъ для супруги Чернышева, и потомъ нѣсколько разъ посѣщалъ ее.

Желая воспользоваться краткимъ остаткомъ осени, императоръ Александръ вознамѣрился посѣтить Крымъ. Наканунѣ отъѣзда, 20-го октября вечеромъ, Чернышевъ былъ у его величества съ докладами. Бушевалъ вихрь, крутя пыль въ воздухѣ, срывая кровли съ домовъ. Какъ будто предчувствуя гибельныя послѣдствія предпринимаемаго государемъ путешествія, Чернышевъ убѣждалъ его отложить поѣздку до весны, представлялъ позднее осеннее время и ненастье. «Конечно, лучше-бъ было ѣхать весною,—сказалъ государь,—и жалѣю, что рѣшился на путешествіе теперь, но всѣ распоряженія на дорогѣ сдѣланы, вездѣ меня ждутъ, лошади выставлены».—«Стоитъ послать фельдъегеря, онъ отмѣнитъ приготовленія»,—отвѣчалъ Чернышевъ, повторяя уговаривать государя остаться въ Таганрогѣ. Видя безполезность своихъ убѣжденій и зная доброту сердца Александра, Чернышевъ сказалъ: —«Ваше величество, сидя въ коляскѣ, не будете подвержены дождю и вѣтру, но каково же въ эту непогоду вашимъ людямъ на козлахъ?» Видно было, что императоръ пускался въ дорогу какъ будто нехотя, поневолѣ увлекаемый судьбою. Онъ грустно отвѣчалъ: «Дѣло рѣшено; я ѣду». Думалъ ли онъ, вымолвивъ эти слова, что произноситъ смертный для себя приговоръ?

Октября 21-го императоръ поѣхалъ въ Крымъ. Чернышевъ отправился въ Черкаскъ и, имѣя повелѣніе прибыть въ Таганрогъ 5-го

ноября, день назначенный для возвращенія государя, Чернышевъ опоздалъ сутками. Ноября 6-го, подъѣзжая къ Таганрогу, онъ задремалъ. Вскорѣ проснулся онъ, пробужденный страннымъ сномъ, гдѣ являлся ему Александръ въ какомъ-то необыкновенномъ видѣ, въ церкви, и сказалъ своей молодой супругѣ: «Быть бѣдѣ съ государемъ! Ему предстоитъ несчастіе». Вотъ новое доказательство бодрствованія духа, предвидѣнія великихъ событій. Это не предразсудокъ, но истина, непостижимая уму, но доказанная многими примѣрами.

Черезъ часъ Чернышевъ пріѣхалъ въ Таганрогъ, и едва вышелъ изъ коляски, былъ пораженъ извѣстіемъ, что императоръ возвратился изъ Крыма больной. На другой день государь принималъ Чернышева и сказалъ ему: «Ты былъ правъ, совѣтуя мнѣ не ѣхать въ Крымъ. Видишь въ какомъ я положеніи». Еще недавно во всей красотѣ и силѣ, а теперь блѣдный, изнеможенный Александръ лежалъ, не могъ встать.

Съ каждымъ днемъ болѣзнь усиливалась. Небо не внимало мольбамъ всего русскаго царства. Рѣшеніе судьбы было неотразимо. Въ минуты, когда врачи позволяли, Чернышевъ входилъ къ изнемогавшему вѣнценосцу. Иногда государь привѣтствовалъ его нѣсколькими словами, сказанными слабымъ голосомъ; а когда трудно было ему говорить, устремлялъ на Чернышева глаза, съ умиленіемъ останавливалъ на немъ взоръ, будто желая напомнить ему, какъ юношу вызвалъ онъ его на бурное поприще, какъ приблизилъ къ себѣ, открывалъ ему различные пути къ славѣ, готовилъ ему высокія стези государственнаго дѣйствованія, о чемъ неоднократно говаривалъ ему прежде.

Чернышевъ проводилъ дни и ночи подлѣ спальной императора, въ комнатѣ, отдѣленной отъ нея перегородкою, гдѣ могъ слышать каждый вздохъ, каждый стонъ умиравшаго праведника. Одни изъ послѣднихъ словъ его, слышанныя Чернышевымъ, были обращены къ лейбъ-медику Вилліе, который говорилъ государю, что ежедневно получаетъ онъ записки отъ супруги Чернышева о здоровьѣ императора. «Поблагодари ее за участіе во мнѣ»,—сказалъ государь, и прибавилъ,—«какъ Чернышевъ ею счастливъ!»

Настало 19-е ноября, день, когда угасъ побѣдитель Наполеона, образецъ добродѣтелей монарха и христіанина. То было самое горестное время въ жизни Чернышева. Онъ боготворилъ Александра, который называлъ его своимъ воспитанникомъ, руководилъ его въ молодости, наставлялъ совѣтами, утѣшалъ въ семейныхъ горестяхъ, какъ монархъ, имѣлъ къ нему полное довѣріе, раскрывая ему сокровенныя тайны своей политики, какъ человѣкъ, привязанный къ нему чувствами сердца.

Что слова наши сущая истина, тому видимъ доказательства въ семъ жизнеописаніи, отъ начала его до сего періода.

Оплакавъ монарха, находившіеся въ Таганрогѣ генералъ-адъютанты: князь Волконскій, начальникъ главнаго штаба Дибичъ и Чернышевъ, составили и подписали актъ о кончинѣ государя, и отправили его въ Петербургъ, послѣ чего на Чернышева возложено было плачевное порученіе присутствовать въ теченіе семи часовъ при вскрытіи тѣла усопшаго монарха и вмѣстѣ съ врачами подписывать протоколъ о состояніи внутреннихъ частей покойнаго. Во время разсѣченія царственнаго трупа Чернышевъ три раза лишался чувствъ.

Между тѣмъ уже распространилась молва объ отреченіи отъ престола цесаревича Константина Павловича; но самые близкіе къ императору Александру, князь Волконскій, Дибичъ и Чернышевъ, не знали о томъ ничего положительнаго. Въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, они рѣшились дѣйствовать совокупно, совѣщаясь вмѣстѣ о всѣхъ дѣлахъ, составляя изъ себя родъ комитета, и положили, чтобы князь Волконскій спросилъ у императрицы Елизаветы Алексѣевны: не знаетъ ли она чего о наслѣдіи престола и къ кому относиться имъ о дѣлахъ государственныхъ? Императрица отвѣчала: «Мнѣ ничего навѣрное неизвѣстно; по слухамъ, знаю объ отреченіи Константина Павловича, но совѣтую обращаться къ нему, въ Варшаву». Исполняя волю ея величества, князь Волконскій, Дибичъ и Чернышевъ писали къ цесаревичу, именуя его императоромъ. Отвѣты каждому изъ нихъ были одинаковаго содержанія и не поясняли настоящаго положенія и дальнѣйшихъ намѣреній великаго князя. Вотъ что писалъ онъ Чернышеву: «Я получилъ письмо ваше, отъ 20-го сего ноября; весьма благодарю васъ за изъясненныя въ ономъ чувства ко мнѣ, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался, и прошу васъ, какъ стараго своего товарища, взаимно принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія».

Вскорѣ, въ числѣ бумагъ, привезенныхъ въ Таганрогъ, было найдено письмо на имя покойнаго императора отъ капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Майбороды. Онъ извѣщалъ подробно о составившемся на югѣ заговорѣ противъ государя, признавался, что самъ принадлежитъ къ заговору, каялся въ своемъ преступленіи и называлъ соучастниковъ. Въ заключеніе писалъ онъ о необходимости схватить злоумышленниковъ какъ можно скорѣе, потому что Вятскій полкъ, коего начальникомъ былъ Пестель, глава заговора, долженъ былъ чрезъ двѣ недѣли занять караулы въ Тульчинѣ, главной квартирѣ второй арміи, арестовать главнокомандующаго графа Витгенштейна и тѣмъ поднять знамя

бунта. Письмо Майбороды, ясное, опредѣлительное, не оставляло никакого сомнѣнія на счетъ козней и необходимости немедленно принять самыя сильныя мѣры. Для того надлежало кому нибудь, облеченному большею властію, отправиться во вторую армію. Князю Волконскому, находившемуся при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, нельзя было уѣхать изъ Таганрога, равно и Дибичу, какъ начальнику главнаго штаба. Потому просили они Чернышева исполнить это дѣло. Взявъ съ собою двухъ фельдъегерей, поѣхалъ онъ въ Тульчинъ, имѣя отъ Дибича предписаніе всѣмъ войскамъ, какія встрѣтитъ на пути, состоять въ его повелѣніяхъ, если онъ почтетъ нужнымъ распоряжаться ими.

Въ началѣ декабря, Чернышевъ отправился изъ Таганрога. Приближаясь къ мѣстамъ расположенія второй арміи, и имѣя квартирное росписаніе ея, онъ поѣхалъ къ селенію, занятому тѣмъ баталіономъ Вятскаго полка, въ которомъ служилъ Майборода. Остановясь въ корчмѣ, за нѣсколько верстъ до селенія, онъ послалъ фельдъегеря переодѣтымъ за Майбородою, и когда тотъ явился, Чернышевъ показалъ ему письмо его къ покойному императору, требовалъ отъ него раскрытія всей тайны заговора и получилъ самые удовлетворительные отвѣты.

Не довольствуясь однакожь односторонними показаніями, Чернышевъ хотѣлъ болѣе удостовѣриться въ настоящемъ положеніи дѣла. Услышавъ отъ Майбороды, что знаетъ о заговорѣ находившійся въ томъ же селеніи маіоръ Лореръ, Чернышевъ послалъ за нимъ также переодѣтаго фельдъегеря. Не прошло много времени, пріѣхалъ Лореръ. Послѣ нѣсколькихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, онъ подтвердилъ показанія Майбороды. Тогда, взявъ ихъ обоихъ съ собою, подъ надзоромъ фельдъегерей, Чернышевъ поѣхалъ прямо въ Тульчинъ и словесно доложилъ графу Витгенштейну о показаніяхъ на счетъ заговора, о чемъ графъ Витгенштейнъ ничего не зналъ, хотя нѣкоторые изъ главныхъ злоумышленниковъ жили въ его главной квартирѣ и почти ежедневно бывали у него. Онъ сначала увѣрялъ Чернышева, что заговора быть не можетъ и что это выдумка. Удостовѣрясь, наконецъ, очевидностію дѣла, онъ разрѣшилъ Чернышеву дѣйствовать въ арміи относительно заговорщиковъ его именемъ. Чернышевъ немедленно отправился въ Вятскій полкъ, лично арестовалъ командира полковника Пестеля и главныхъ соучастниковъ, взялъ всю переписку ихъ, уставы о заговорѣ и отправилъ преступниковъ въ Петербургъ, одного за другимъ чрезъ восемь часовъ. Вслѣдъ за ними поѣхалъ онъ самъ, поспѣшая повергнуть лично къ стопамъ новаго монарха Россіи жизнь, въ теченіе четверти вѣка посвященную служенію Александра.

Часть III.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новый періодъ государственной жизни князя Чернышева. — Слѣдственная коммиссія по заговору 14-го декабря. — Коронованіе государя императора въ Москвѣ. — Графское достоинство. — Дѣла по лѣсной части. — Назначеніе товарищемъ управляющаго главнымъ штабомъ его императорскаго величества. — Назначеніе управляющимъ военнымъ министерствомъ.

Кончина императора Александра, рановременностью своею грустно изумившая образованный міръ, составляетъ рѣзкій періодъ въ жизни князя Александра Ивановича Чернышева, прекративъ боевое и дипломатическое поприще его, съ краткими промежутками гражданскихъ занятій въ теченіе четверти вѣка, посвященное служенію благословеннаго монарха. Съ новымъ царствованіемъ начинается и для князя Александра Ивановича новый кругъ дѣятельности государственной, безпрерывно продолжаемой донынѣ, когда Россія возноситъ молитвы Богу за совершеніе перваго двадцатилѣтія державства императора Николая Павловича.

Участіе въ раскрытіи заговора, готоваго вспыхнуть во второй арміи, было первымъ изъ подвиговъ князя Чернышева въ царствованіе императора Николая. Опечатавъ бумаги заговорщиковъ и арестовавъ преступниковъ, отправилъ онъ изъ Тульчина въ Петербургъ главу заговора полковника Пестеля, соумышленника его, маіора Лорера, доносителя Майбороду и послѣдовалъ за ними въ столицу, гдѣ былъ милостиво принятъ новымъ монархомъ.

Скорбное было тогда время въ сѣверной столицѣ! При свѣжей памяти о потерѣ императора Александра, хладные останки коего медленно тянулись изъ Таганрога въ Петербургъ, привозили сюда ежедневно преступниковъ и подозрѣваемыхъ въ заговорѣ, всего до 450 человѣкъ.

Надъ ними учредили въ Петропавловской крѣпости слѣдственную коммиссію; въ числѣ членовъ ея находился князь Чернышевъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ членовъ, на которыхъ, по особенной довѣренности монарха, возложено было допрашиваніе злоумышленниковъ. Ежедневно по утрамъ отправлялся онъ въ крѣпость и допрашивалъ наединѣ каждаго изъ заключенныхъ въ ней, по участію или подозрѣнію въ заговорѣ и бунтѣ. Одни признавались откровенно въ своихъ дѣйствіяхъ, другіе запирались, скрывая умыслы свои разнорѣчивыми показаніями. Нелегкаго труда стоило князю Чернышеву узнать допросами и личными ставками истину происшествія, до тѣхъ поръ неслыханнаго въ Россіи. Потомъ каждодневно въ шесть часовъ вечера собиралась въ крѣпости слѣдственная коммиссія и производила передопросы подсудимыхъ, поутру спрошенныхъ Чернышевымъ. Такимъ образомъ, на немъ лежала едва ли не самая трудная обязанность изъ всѣхъ членовъ коммиссіи, по дѣламъ коей надлежало также ему часто докладывать государю императору.

Въ концѣ іюня 1826 года заключились дѣйствія слѣдственной коммиссіи и 25-го того же мѣсяца, пожалована была князю Чернышеву табакерка съ бриллiантами и портретомъ монарха. Около того же времени поразилъ Россію новый ударъ—кончина императрицы Елизаветы Алексѣевны. Примѣръ добродѣтелей на престолѣ, супруга благословеннаго до конца жизни своей особенно благоволила къ князю Чернышеву, нерѣдко удостоивала его довѣренностію своею, принимая участіе въ его семейныхъ радостяхъ и печаляхъ.

Послѣ погребенія императора Александра и императрицы Елизаветы Алексѣевны, дворъ отправился для священнаго коронованія изъ Петербурга въ Москву, гдѣ уже находились часть гвардіи и армейскихъ войскъ. Князю Чернышеву было поручено командовать тамъ всею конницею. Она состояла изъ первыхъ дивизіоновъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и первой уланской дивизіи. Начальникомъ сего отборнаго отряда, который можно было назвать цвѣтомъ русской конницы, являлся Чернышевъ на маневрахъ и смотрахъ, производимыхъ въ окрестностяхъ первопрестольной столицы, въ присутствіи монарха и представителей европейскихъ державъ, присланныхъ въ Москву, по случаю коронаціи. Сколько разъ переносился князь Чернышевъ въ прошедшее, когда на маневрахъ привѣтствовали его, то посолъ Карла X маршалъ Мармонъ, дружный съ княземъ Чернышевымъ со времени ваграмской битвы, то бывшій также въ Москвѣ шведскій фельдмаршалъ графъ Стедингъ, свидѣтель милостей, коими осыпалъ князя Чернышева

Карлъ XIV въ походѣ 1813 года и при стокгольмскомъ дворѣ! Но вѣчнымъ памятникомъ коронованія императора Николая Павловича останется въ родѣ Чернышевыхъ графское достоинство, пожалованное тогда Александру Ивановичу, «въ воздаяніе», какъ сказано въ именномъ указѣ правительствующему сенату, «отличныхъ заслугъ, оказанныхъ престолу и отечеству, неутомимаго усердія въ исполненіи высочайше возлагаемыхъ на него важныхъ порученій и во изъявленіе монаршаго благоволенія къ неусыпнымъ трудамъ, понесеннымъ имъ при открытіи злоумышленниковъ и произведеніи о нихъ изслѣдованія».

По окончаніи великолѣпныхъ празднествъ, бывшихъ во время коронованія и по возвращеніи высочайшаго двора изъ Москвы въ Петербургъ, въ декабрѣ 1826 года, князю Чернышеву повелѣно было присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Онъ ежедневно засѣдалъ въ первомъ департаментѣ. Тогда же назначили его членомъ комитета, по дѣлу весьма запутанному для розысканія множества злоупотребленій, вкравшихся въ лѣсную часть.

Чрезъ два мѣсяца потомъ, 3-го февраля 1827 года, по случаю возгорѣвшейся войны между Россіею и Персіею, отправленъ былъ въ Тифлисъ начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества Дибичъ — впослѣдствіи фельдмаршалъ. Мѣсто Дибича, подъ названіемъ управляющаго главнымъ штабомъ, заступилъ временно графъ Петръ Александровичъ Толстой. Товарищемъ его опредѣленъ князь Чернышевъ, ровно за двадцать лѣтъ прежде, въ 1807 году, являвшійся въ Парижѣ штабсъ-ротмистромъ къ тому же графу Толстому, тогда послу Александра при Наполеонѣ. Важнѣйшія дѣла по главному штабу возлегли на князя Чернышева, который и докладывалъ ихъ императору въ присутствіи графа Толстого—обстоятельство это сблизило его съ монархомъ, за годъ передъ тѣмъ вступившимъ на престолъ. Дотолѣ императоръ Николай Павловичъ цѣнилъ въ князѣ Чернышевѣ доблестнаго воина, искуснаго дипломата, отличеннаго довѣренностію державнаго своего предшественника, а теперь увидѣлъ въ немъ лицо, одаренное свойствами для высшаго государственнаго управленія. Не замедлили явиться доказательства тому.

По возвращеніи Дибича изъ Тифлиса въ Петербургъ, 26-го августа, князь Чернышевъ былъ назначенъ товарищемъ его, какъ начальника главнаго штаба и вмѣстѣ управляющимъ военнымъ министерствомъ, съ предоставленіемъ ему личнаго доклада государю императору, котораго съ учрежденіемъ главнаго штаба прежніе военные министры не имѣли. Чрезъ три недѣли послѣ сего назначенія, сентября 12-го, князю Чер-

нышеву повелѣно присутствовать въ комитетѣ министровъ, а чрезъ шесть недѣль, октября 2-го, въ день крещенія великаго князя Константина Николаевича, произведенъ онъ за отличіе въ генералы-отъ-кавалеріи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Персидская война. — Приготовленія къ войнѣ съ турками. — Назначеніе князя Чернышева членомъ государственнаго совѣта и временно управляющимъ главнымъ штабомъ императора. — Исчисленіе вооруженныхъ силъ Россіи. — Распредѣленіе ихъ. — Военныя дѣйствія противъ турковъ. — Награда князю Чернышеву за содѣйствіе успѣхамъ на войнѣ.

Въ описываемую здѣсь эпоху, въ исходѣ 1827 года, Россія находилась въ мирѣ со всѣми державами, кромѣ Персіи, противъ которой вела счастливую войну. Покореніе крѣпостей Абасъ-Абада, Сардаръ-Абада и Эривани, занятіе Тавриза, наконецъ убѣжденіе персіанъ въ невозможности устоять противъ русскихъ войскъ въ открытомъ полѣ, заставили непріятелей просить перемирія, по заключеніи котораго начались въ Дехъ-Карганѣ переговоры о мирѣ. Они не имѣли однакожь успѣха по тайнымъ проискамъ Оттоманской порты. Сія держава не исполняла Аккерманскаго договора, заключеннаго ею съ Россіею, отвергнула постановленія Лондонскаго трактата, по силѣ коего Россія, Австрія и Франція желали положить конецъ кровопролитію между греками и турками, всячески удерживала Персію отъ мира съ нами, и наконецъ гати-шерифомъ отъ 7-го декабря 1827 года призвала магометанскіе народы къ возстанію противъ Россіи.

Такое положеніе дѣлъ рѣшило императора Николая Павловича вооружиться противъ турковъ. Онъ повелѣлъ приготовить достаточныя силы для дѣйствій въ Европейской Турціи, не ослабляя арміи, дѣйствовавшей въ Персіи, чтобы принудивъ персіанъ къ скорѣйшему заключенію мира, перенесть потомъ войну въ Азіятскую Турцію. Также не надлежало обнажать западной границы Россіи, дабы при вмѣшательствѣ какой либо державы въ дѣла наши съ турками, можно было объясниться съ нею голосомъ, достойнымъ величія Россіи.

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, князь Чернышевъ провелъ первые два мѣсяца 1828 года въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Вскорѣ всѣ заботы касательно приготовленій возлегли на одномъ князѣ Чернышевѣ, потому что въ мартѣ Дибичъ былъ посланъ въ армію, соби-

равшуюся на берегахъ Прута и Дуная. Въ апрѣлѣ отправился туда императоръ Николай Павловичъ. Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, апрѣля 11-го, назначилъ онъ князя Чернышева членомъ государственнаго совѣта и приказалъ ему оставаться въ Петербургѣ, соединяя подъ своимъ начальствомъ главный штабъ и военное министерство. Такимъ образомъ, въ 1828 году князь Чернышевъ впервые является средоточіемъ военнаго управленія Россіи и завѣдывающимъ всѣми хозяйственными частями войскъ отъ Бѣлаго моря до Аракса и Дуная, отъ Нѣмана и Буга до границъ Китая. Чтобы постигнуть обширность возложеннаго на него бремени надобно представить обзоръ тогдашняго количества вооруженныхъ силъ Россіи. Онѣ заключались въ слѣдующемъ:

I. Двѣ арміи.

Въ первой находились корпуса: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й пѣхотные и 2-й, 4-й и 5-й резервные кавалерійскіе. Изъ нихъ 4-й и 5-й пѣхотные корпуса были въ кадрахъ, образуя особыя сводныя дивизіи. Во второй арміи находились 6-й и 7-й пѣхотные корпуса.

II. Отдѣльные корпуса

Гвардейскій, Гренадерскій, Кавказскій, Финляндскій, Оренбургскій и Сибирскій.

III. Войска подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича.

1) Русскій гвардейскій отрядъ въ Варшавѣ и 2) Литовскій корпусъ. Также подъ начальствомъ цесаревича была армія Царства Польскаго; но она не входитъ въ наше исчисленіе; бывъ на особенныхъ правахъ, она не зависѣла отъ управленія князя Чернышева.

IV. Корпусъ Внутренней стражи, раздѣлявшійся на 12 округовъ.

Всего въ войскахъ регулярныхъ:

Баталіоновъ	593
Эскадроновъ	588

артиллерійскихъ ротъ:

пѣшихъ	162
конныхъ	30

По штатамъ полагалось въ нихъ 831.091 человѣкъ, но на лицо было 694.707 человѣкъ.

V. *Иррегулярныя войска*, находившіяся на внутренней службѣ, состояли изъ казачьихъ 46 полковъ, 3-хъ эскадроновъ и сотни и 2-хъ конно-артиллерійскихъ ротъ.

Сообразно политическимъ отношеніямъ Россіи, войска были распредѣлены къ началу 1828 года слѣдующимъ образомъ:

1) Для дѣйствій противъ Персіи, подъ начальствомъ Паскевича, Кавказскій корпусъ и 20-я пѣхотная дивизія. Они стояли въ персидскихъ областяхъ, покоренныхъ въ 1827 году, въ Грузіи, на Кавказѣ и въ Черноморіи.

2) Для дѣйствій противъ турковъ, на берегахъ Дуная и Прута, вторая армія графа Витгенштейна, часть гвардейскаго корпуса, 3-й пѣхотный корпусъ, 4-й резервный кавалерійскій, съ присоединеніемъ къ нему 1-го конно-піонернаго эскадрона, 10-я пѣхотная дивизія, 2-я піонерная бригада, Бугская уланская дивизія и впослѣдствіи 2-й пѣхотный корпусъ. Войска сіи приводились въ военное состояніе на мѣстахъ своего расположенія.

3) Первая армія, фельдмаршала Сакена, на Западной границѣ и частью во внутреннихъ губерніяхъ.

4) Войска цесаревича, въ Царствѣ Польскомъ и въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши.

5) Корпуса: Финляндскій, Оренбургскій, Сибирскій и Внутренней стражи въ мѣстахъ постояннаго ихъ пребыванія.

Военныя дѣйствія открылись въ 1828 году наступательнымъ движеніемъ Паскевича противъ персіанъ, когда они начали уклоняться отъ исполненія статей Дехъ-Карганскаго перемирія. Рѣшимость Паскевича мечомъ завоевать миръ увѣнчалась успѣхомъ. Устрашенные наступленіемъ его, персіане спѣшили возобновить мирные переговоры, и 10-го февраля подписанъ былъ въ Туркманчаѣ миръ, поставлявшій прочную границу Россіи по Араксу. Персія уступила Россіи богатыя области, Нахичеванскую и Эриванскую, и заплатила ей денежную дань. Тогда высочайше повелѣно было Паскевичу приготовиться ко вторженію въ Азіятскія области Турціи.

*

Во время сихъ приготовленій, 25-го апрѣля, начались военныя дѣйствія второй арміи переправою чрезъ Прутъ. Въ одинъ мѣсяцъ она заняла Молдавію и Валахію. Мая 27-го, въ присутствіи императора Николая Павловича, 3-й пѣхотный корпусъ перешелъ чрезъ Дунай при Сатуновѣ, одолѣвъ трудныя мѣстныя препятствія. Одна за другою покорялись россійскому оружію турецкія крѣпости: Исакча, Браиловъ, Мачинъ, Гирсово, Кюстенджи и Тульча. Обезпечивъ тылъ свой, императоръ выступилъ къ Шумлѣ и обложилъ ее, послѣ чего отправился къ Варнѣ и присутствовалъ при ея осадѣ и покореніи, послѣдовавшемъ сентября 29-го. Овладѣніе сею важною крѣпостью утвердило русское оружіе у подошвы Балканскихъ горъ.

Въ Азіятской Турціи предшествовало открытію военныхъ дѣйствій покореніе Анапы, исполненное эскадрою Черноморскаго флота, на которую посаженъ былъ десантъ. Пока сіе совершалось, назначенные для вторженія въ Азіятскую Турцію 15 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 6 казачьихъ полковъ и $6^1/_2$ ротъ артиллеріи собирались при Гумрахъ. Съ ними, іюня 14-го, Паскевичъ перешелъ чрезъ рѣку Арпачай, покорилъ нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ и взялъ приступомъ крѣпости Карсъ и Ахалцыхъ.

Успѣхи русскихъ на обоихъ театрахъ войны были слѣдствіемъ какъ искусныхъ военныхъ дѣйствій со стороны предводителей, такъ и мудраго управленія военными средствами государства. Въ какой степени князь Чернышевъ участвовалъ въ этомъ управленіи, свидѣтельствуетъ слѣдующій рескриптъ, данный на его имя 6-го декабря: «Графъ Александръ Ивановичъ! Управляя военнымъ министерствомъ къ совершенному нашему удовольствію, оправдали вы въ полной мѣрѣ довѣренность нашу. Неутомимая дѣятельность и усердіе, которыми полезная служба ваша постоянно отличалась, не измѣнились и на новомъ обширномъ поприщѣ, предлежавшемъ вамъ въ совершенномъ снабженіи арміи многочисленными ея потребностями, въ прочномъ обезпечиваніи оной на будущее время и въ самомъ улучшеніи внутренняго устройства военнаго министерства. Во изъявленіе справедливой и совершенной признательности нашей всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго князя Владиміра первой степени».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Назначеніе князя Чернышева въ управляющіе главнымъ штабомъ государя.—Уменьшеніе военной смѣты.—Приготовленія къ походу 1829 года.—Военныя дѣйствія.—Адріанопольскій миръ.—Награда князю Чернышеву.—Возвращеніе части войскъ изъ Турціи въ Россію.—Высочайшій смотръ при Коднѣ.—Благодарственный рескриптъ князю Чернышеву.—Орденъ Бѣлаго Орла.—Сибирскій комитетъ.—Возвращеніе арміи изъ Турціи.—Бунты во Франціи и Бельгіи.—Польскій мятежъ.—Перстень съ портретомъ императора.—Орденъ Св. Андрея Первозваннаго.

Начало слѣдующаго 1829 года было ознаменовано новымъ доводомъ монаршей довѣренности къ князю Чернышеву. Разскажемъ обстоятельства.

Въ январѣ 1829 г. графъ Витгенштейнъ просилъ уволить его отъ званія главнокомандующаго арміею противъ турковъ. На изъявленное императоромъ графу Витгенштейну желаніе, чтобы онъ продолжалъ предводительствовать войскомъ, защитникъ Петрова града извинялся преклонностію своихъ лѣтъ. Въ такомъ же смыслѣ отвѣчалъ фельдмаршалъ князь Сакенъ, когда ему было предложено заступить мѣсто графа Витгенштейна. Уважая маститую старость доблестныхъ фельдмаршаловъ, императоръ назначилъ Дибича главнокомандующимъ арміею, а управленіе главнымъ штабомъ своимъ поручилъ князю Чернышеву, съ сохраненіемъ званія управляющаго военнымъ министерствомъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего назначенія, князь Чернышевъ явилъ великую государственную услугу, до невѣроятности сокративъ составленную для похода 1829 года военную смѣту расходовъ. Военная смѣта интендантства 2-й арміи, представленная графомъ Дибичемъ, простиралась до 105 милліоновъ рублей; по надлежащей же повѣркѣ и соображенію оказалось достаточнымъ назначить 44 милліона, изъ коихъ остались неотпущенными изъ государственнаго казначейства до двухъ милліоновъ рублей.

Между тѣмъ, исполняя предначертанія императора Николая, князь Чернышевъ усиливалъ ввѣренную Дибичу армію всѣми способами, необходимыми для обезпеченія успѣховъ второго похода противъ турковъ. Дѣйствія его совершались столь быстро, что предначертанія монарха были приведены въ исполненіе въ первые три мѣсяца 1829 года. Съ появленіемъ весны, апрѣля 30-го, Дибичъ перешелъ за Дунай и осадилъ Силистрію. Во время осады узналъ онъ о движеніи верховнаго визиря изъ Шумлы къ Праводамъ, выступилъ на его сообщенія; мая 30-го разбилъ турковъ подъ Кулевчею и обложилъ Шумлу; а между

тѣмъ сдалась Силистрія. Оставивъ подъ Шумлою наблюдательный корпусъ, Дибичъ перешелъ чрезъ Балканы, разогналъ встрѣченныхъ имъ на пути турковъ и 8-го августа занялъ Адріанополь. Столь же успѣшно дѣйствовалъ Паскевичъ: іюня 19-го побѣдилъ онъ эрзерумскаго сераскира; въ слѣдующій день разсѣялъ войска Гагки-паши и 26-го вступилъ въ Эрзерумъ, столицу турецкой Арменіи и Анатоліи.

Появленіе русскихъ знаменъ у вратъ Царяграда и у источниковъ Евфрата поколебали султана. Онъ просилъ мира и сентября 2-го былъ подписанъ Адріанопольскій миръ—одна изъ безсмертныхъ страницъ царствованія Николая. Турки обязались открыть Дарданеллы и Босфоръ торговлѣ всѣхъ народовъ, уступали Россіи Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Ахцуръ и Ахалкалаки, обѣщали свято хранить прежніе договоры съ Россіею, взносили денежную дань за убытки Россіи въ войнѣ съ ними. Права и преимущества Сербіи, Молдавіи и Валахіи были утверждены и даровано политическое бытіе Греціи.

Въ продолженіе сей войны императоръ пожаловалъ іюля 8-го князю Чернышеву аренду на 12 лѣтъ, приносящую 8.000 рублей серебромъ ежегоднаго дохода, а по заключеніи Адріанопольскаго мира 300.000 рублей ассигнаціями, во вниманіе, какъ сказано въ именномъ указѣ, къ отличному усердію и неутомимымъ трудамъ его, и за благоразумное содѣйствіе мѣрами, отъ него зависѣвшими, успѣхамъ арміи въ войнѣ противъ турковъ.

Послѣ Адріанопольскаго мира предстоялъ князю Чернышеву великій трудъ, въ приведеніи въ устройство дѣйствовавшей за Дунаемъ арміи, когда одна часть ея должна была идти обратно въ Россію, а другая расположиться въ турецкихъ владѣніяхъ, до исполненія Диваномъ статей мирнаго договора. Трудъ князя Чернышева заключался въ поданіи средствъ исцѣлить бѣдствія, постигшія сію побѣдоносную армію. До какой степени гибельный климатъ, гдѣ знойные дни смѣняются холодными ночами, изнурилъ ее лихорадками, кровавыми поносами, моровою язвою, тому служитъ доказательствомъ число ея больныхъ. На примѣръ: въ началѣ іюля было въ госпиталяхъ 56.117 и при полкахъ 6.337, а всего 62.454 больныхъ. Врачи, госпитальные смотрителя и чиновники умирали не десятками, но сотнями. Рушилась отчетность въ числѣ больныхъ и умершихъ, въ оружіи и аммуниціи ихъ. Предупреждая чумную заразу, топили аммуничныя вещи, бросили въ море и рѣки болѣе ста тысячъ ружей. Въ какой мѣрѣ и сколь быстро былъ пополненъ недостатокъ въ людяхъ, приведены въ исправность обмундированіе и вооруженіе, укажетъ разсказъ слѣдующихъ происшествій.

Въ началѣ октября, послѣ ратификацій Адріанопольскаго договора въ Петербургѣ и Царѣградѣ, армія фельдмаршала Дибича расположилась на зимнихъ квартирахъ въ Румеліи, Булгаріи, Валахіи и Молдавіи. Только 2-й пѣхотный корпусъ, 8-я пѣхотная дивизія и 27-я конная артиллерійская бригада тронулись изъ за Балканъ въ Россію. Вьюга и мятели, застигавшія изнуренное войско наше въ Балканскихъ горахъ и Булгарскихъ степяхъ, крайне затрудняли маршъ. По выдержаніи карантина на Прутѣ, войска вступили весною въ отечественные предѣлы и направились на Волынь, гдѣ въ іюнѣ 1830 года предстали на высочайшій смотръ въ Коднѣ, близъ Житоміра. На смотру не было и слѣдовъ лишеніямъ всякаго рода, которымъ были они подвержены во время войны и на обратномъ своемъ слѣдованіи изъ Турціи въ Россію. Лично удостовѣрясь въ превосходномъ состояніи войскъ, государь императоръ почтилъ князя Чернышева слѣдующимъ рескриптомъ изъ Кодни, отъ 3-го іюня: «Графъ Александръ Ивановичъ! При осмотрѣ моемъ сего числа войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса, нынѣ возвратившихся изъ Турціи, я нашелъ ихъ не только удовольствованными уже всѣми слѣдующими имъ по сроку вещами въ наилучшемъ видѣ, но и снабженными всѣмъ тѣмъ, что послѣ столь труднаго и дальнаго похода въ отношеніи къ аммуниціи, обмундированію и вооруженію могло требоваться для приведенія ихъ въ отличное состояніе. Относя сіе къ особенной заботливости и попечительности вашей, вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ изъявить вамъ совершенную мою признательность».

Чрезъ двѣ недѣли послѣ сего рескрипта, іюня 17-го, императоръ пожаловалъ князю Чернышеву орденъ Бѣлаго Орла; а 9-го августа назначилъ его членомъ Сибирскаго комитета, въ коемъ князь постоянно присутствовалъ восемь лѣтъ, до 9-го января 1838 года, когда комитетъ сей былъ закрытъ. Между тѣмъ, въ январѣ, удостовѣрясь въ искренней готовности Дивана выполнить условія Адріанопольскаго мира, императоръ повелѣлъ возвратить армію обратно изъ Турціи въ Россію, оставивъ дивизіи 17-ю пѣхотную и 5-ю уланскую въ Силистріи и въ княжествахъ, до взноса турками положенной на нихъ денежной дани. Въ іюлѣ войска вступили въ Россію и расположились внутри имперіи.

Въ сіе время приступлено было къ преобразованію состава арміи. Вторая армія, то есть, возвратившаяся изъ Турціи, была упразднена и начала сливаться въ одно цѣлое съ первою. Внезапно среди сего дѣйствія и многихъ преобразованій, которыя князь Чернышевъ вводилъ въ военное управленіе, и о которыхъ будемъ говорить ниже, снова загудѣлъ въ Европѣ набатъ мятежей. Въ исходѣ іюля взбунтовалась па-

рижская чернь. Правительство Бурбоновъ не умѣло обуздать ее и пало жертвою слабости своей. Бельгія послѣдовала беззаконнымъ поступкамъ французовъ. Ея правительство, подобно Бурбонамъ, дѣйствовало нерѣшительно и Бельгія провозгласила независимость свою. Предвидя отъ сихъ переворотовъ возможность общей войны въ Европѣ, императоръ Николай приказалъ князю Чернышеву привесть въ военное положеніе и приблизить къ западнымъ границамъ Россіи корпуса: гвардейскій, гренадерскій, 1-й и 2-й пѣхотные, 1-й, 3-й и 5-й резервные кавалерійскіе, Литовскій и резервный цесаревича Константина Павловича. Польская армія также назначалась въ случаѣ войны дѣйствовать совокупно съ сими войсками, которыя въ самомъ скоромъ времени были поставлены на военную ногу.

Едва обширное дѣло сіе было исполнено, 17-го ноября 1830 года, вспыхнулъ въ Варшавѣ бунтъ. Во что бы ни стало надлежало утишить мятежъ, и новыя заботы представились князю Чернышеву по сему предмету, важности чрезвычайной. Спустя два мѣсяца, послѣ начала бунта, 24-го января 1831 года, армія, ввѣренная фельдмаршалу Дибичу, уже переходила русскую границу и вступала въ мятежное Польское царство. Вскорѣ обстоятельства войны потребовали для предположенной цѣли гораздо болѣе войскъ, нежели сначала для того опредѣляли. Одно усиленіе за другимъ было отправляемо изъ Россіи, а между тѣмъ армія. обхваченная холерою, часто теряла сообщенія съ Россіею, отъ злоумышленныхъ покушеній, возникавшихъ въ Самогитіи, на Волынѣ, въ Подоліи и Литвѣ, куда даже проникали польскіе мятежники. Столь невыгодное намъ положеніе дѣлъ требовало отъ князя Чернышева необыкновенныхъ усилій въ доставленіи дѣйствовавшимъ войскамъ денегъ, продовольствія, парковъ, аммуничныхъ вещей. Этого мало. Въ то же время надлежало князю Александру Ивановичу приводить въ военное положеніе часть 1-й арміи и формировать резервную армію, долженствовавшую усмирить мятежъ въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. До какой степени въ сіе, по многимъ отношеніямъ, скорбное для Россіи время, князь соотвѣтствовалъ высокому къ нему монаршему довѣрію, свидѣтельствуетъ слѣдующій ему данный, августа 22-го, рескриптъ: «Графъ Александръ Ивановичъ! Въ продолженіе четырехлѣтняго управленія вашего главнымъ моимъ штабомъ и военнымъ министерствомъ, я имѣлъ въ васъ самаго ревностнаго исполнителя моихъ предназначеній. и столько же неутомимаго, сколько опытнаго распорядителя въ дѣлахъ обширнаго военнаго хозяйства. Бремя трудовъ, по управленію обѣими сими государственными частями, обстоятельствами послѣдняго времени

до чрезвычайности увеличенное, несли вы всегда съ равнымъ усердіемъ и съ равною пользою для службы, преодолѣвая всѣ затрудненія и препятствія, обстоятельствами сими возрожденныя, безпрерывною попечительностію о благоустройствѣ всѣхъ отдѣльныхъ частей вашего управленія. Столь отличнымъ и всякой похвалы достойнымъ служеніемъ, вы пріобрѣли несомнѣнное право на живѣйшую мою признательность и благодарность, въ знакъ коей мнѣ пріятно препроводить къ вамъ при семъ алмазами украшенный перстень съ моимъ портретомъ».

Но уже наступало время, когда должна разсѣяться гроза, помрачавшая тогда небосклонъ Россіи. Заступившій мѣсто Дибича, умершаго 29-го мая, фельдмаршалъ Паскевичъ, исполняя предначертанный ему императоромъ Николаемъ планъ дѣйствій, перешелъ на лѣвый берегъ Вислы, и въ день, искони славный для русскаго оружія, августа 26-го, взялъ приступомъ Варшаву. Мятежники разсѣялись въ разныя стороны и были частію забираемы въ плѣнъ, частію выбрашиваемы въ границы Пруссіи и Австріи. Осенью 1831 года законный порядокъ водворился въ Польскомъ царствѣ. Щедро наградивъ непосредственныхъ участниковъ въ войнѣ, императоръ Николай, декабря 31-го, возложилъ на князя Чернышева высшій знакъ почестей своего государства орденъ Св. Андрея Первозваннаго, сопровождаемый слѣдующимъ рескриптомъ: «Графъ Александръ Ивановичъ! Долговременная служба ваша на поприщѣ военномъ и при исполненіи многихъ важнѣйшихъ порученій всегда сопровождалась отличною ревностію, благоразумною дѣятельностію и пламеннымъ усердіемъ къ пользамъ нашимъ и отечества. Болѣе трехъ лѣтъ начальствуя двумя обширнѣйшими частями высшаго военнаго управленія въ государствѣ, вы вполнѣ оправдали мои ожиданія. Вашею попечительностію, неусыпнымъ рвеніемъ и предусмотрительностію войска наши, среди двухлѣтней войны въ Турціи и нынѣ, при усмиреніи польскихъ мятежниковъ, съ примѣрнымъ успѣхомъ обезпечивались и снабжались всѣмъ, отъ военнаго министерства зависящимъ; расходы государственные по военному вѣдомству, не взирая на всѣ трудности военныхъ событій, ощутительно сокращены и во всемъ составѣ военнаго управленія, вамъ порученнаго, сдѣланы многія полезныя улучшенія. Въ справедливое воздаяніе столь отличной службы вашей и въ изъявленіе вамъ особеннаго благоволенія нашего и совершенной признательности, всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго».

Къ числу занятій князя Чернышева по военнымъ дѣйствіямъ, слѣдуетъ отнести снаряженіе вспомогательнаго отряда Портѣ Оттоман-

ской въ 1833 году. Турецкій султанъ велъ тогда несчастную войну противъ египетскаго паши. Разсѣявъ турковъ, паша устремился на Константинополь, куда дорога была ему совершенно открыта. Испуганный султанъ убѣдительнѣйше просилъ монарха Россіи отправить въ возможной скорости вспомогательныя войска для обороны столицы своей. Склоняясь на просьбу, императоръ приказалъ князю Чернышеву привести въ военное положеніе два отряда. Одинъ, дессантный въ 10.000 человѣкъ, назначался къ отплытію изъ Одессы къ Царьграду, другой, сухопутный, гораздо сильнѣе перваго, для слѣдованія туда же сухимъ путемъ изъ Силистріи. Распоряженія князя Чернышева касательно сбора и снаряженія войскъ были неимовѣрно быстры. 11-го февраля объявлено ему о томъ высочайшее повелѣніе; а съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ, 17-го марта, первое отдѣленіе уже плыло на судахъ къ мѣсту своего назначенія. Апрѣля 5-го послѣдовалъ туда второй дессантъ. Оба были изобильно снабжены всѣми потребностями на случай военныхъ дѣйствій. Кромѣ боевыхъ снарядовъ, отправили съ ними шанцевый и минный инструменты, 10.000 земляныхъ мѣшковъ, палатки, большіе палаточные наметы для 1.000 больныхъ, госпитальныя вещи на 1.000 человѣкъ, перевязочныя на 1.500 раненыхъ, врачебные припасы въ двухгодовой пропорціи, трехмѣсячное продовольствіе. По назначенію князя Чернышева, послѣдовали съ войскомъ инженеры, врачи, коммисаріатскіе и провіантскіе чиновники, топографы. Неожиданное, внезапное появленіе русскихъ войскъ, высаженныхъ въ Терапіи, на Азіятскомъ берегу, въ виду Царьграда, трепетавшаго за участь свою, изумило предводителя Египетской арміи и онъ покорился власти султана. Князь Чернышевъ объявилъ русскимъ войскамъ повелѣніе императора возвратиться изъ Терапіи. Іюля 8-го они уже были на Ѳеодосійскомъ рейдѣ. Такимъ образомъ, единственно поспѣшностію снаряженія и отправленія дессанта отражены бѣдствія, угрожавшія Константинополю отъ нашествія дикихъ африканцевъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ [1]).

Отдѣленіе I-е.

Принятіе мѣръ къ общему устройству военно-сухопутнаго управленія. — Преобразованіе сего управленія изданіемъ новаго учрежденія военнаго министерства. — Изданіе Свода военныхъ постановленій.—Составленіе нормальной смѣты.—Изданіе положенія о казенныхъ заготовленіяхъ. — Составленіе общаго экономическаго капитала.—Изданіе положенія объ отчетности.—Составленіе балансовыхъ отчетовъ.—Изданіе устава управленія арміями.

Въ трехъ предшествующихъ главахъ изложено участіе князя Чернышева въ войнахъ императора Николая въ 1828, 1829 и 1831 годахъ. Въ сихъ войнахъ является онъ не на поляхъ битвы, какъ въ царствованіе благословеннаго Александра, когда съ отдѣльными отрядами то приступомъ покорялъ города, то предшествуя арміямъ или далеко опережая ихъ, былъ страхомъ враговъ и вмѣстѣ покровителемъ мирныхъ жителей на огромномъ театрѣ войны, на пространствѣ отъ береговъ Нѣмана до предмѣстій Парижа. Нѣтъ! Другіе подвиги совершалъ онъ при императорѣ Николаѣ, внѣ полей битвъ, въ тиши кабинета, приготовляя для дѣйствовавшихъ армій средства побѣдъ и одновременно слѣдя зорко за исправнымъ состояніемъ всего касавшагося сухопутныхъ силъ государства.

Окончивъ обзоръ дѣйствій князя Чернышева, относящихся до войнъ, приступаемъ къ изображенію дѣйствій его по устройству военнаго управленія, ввѣреннаго ему, какъ было сказано выше, съ 26-го августа 1827 года. Въ этомъ описаніи мы ограничимся періодомъ времени, составляющимъ первое двадцатипятилѣтіе благополучнаго царствованія императора Николая Павловича.

Князь Чернышевъ, прозорливымъ его умомъ, не могъ не замѣтить тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены были съ порядкомъ управленія, тогда существовавшимъ. Чтобы оцѣнить вполнѣ всю важность предпринятыхъ и совершенныхъ княземъ Чернышевымъ преобразованій, слѣдуетъ бросить хотя краткій историческій взглядъ на устройство нашего военно-сухопутнаго управленія.

Государь Петръ I, великій преобразователь Россіи, предначерталъ

---

[1]) Главы I, II и III сей части принадлежатъ къ описанію, составленному генералъ-лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ.

всему государственному управленію порядокъ коллегіальный. На семъ основаніи и часть военная была поручена особой коллегіи, составленной изъ первыхъ военныхъ чиновъ въ государствѣ. Въ ней сосредоточивались всѣ предметы военнаго управленія въ высшемъ отношеніи. Этотъ порядокъ существовалъ до 1802 года.

Высочайшимъ манифестомъ 10-го сентября 1802 года о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ по министерствамъ учреждено званіе *министра военныхъ сухопутныхъ силъ*, но коллегія оставлена въ своемъ видѣ. Военный министръ былъ вмѣстѣ и вице-президентъ коллегіи. При министрѣ учрежденъ былъ особый департаментъ, въ которомъ производились всѣ первоначальныя соображенія по дѣламъ военнаго управленія, но самыя распоряженія приводились въ дѣйствіе посредствомъ военной коллегіи.

Въ 1812 году 27-го января военное министерство получило новое образованіе. Изъ 7-ми экспедицій, въ военной коллегіи бывшихъ. учреждены департаменты, коимъ внутреннее устройство и формы дѣлопроизводства предписаны тѣ же, какія опредѣлены общимъ учрежденіемъ министерствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ удостоилось высочайшаго утвержденія и учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи въ военное время, но Наказъ военному министру, по найденнымъ въ проектѣ недостаткамъ, не былъ утвержденъ и не изданъ.

Вновь устроенное министерство сохранило свое существованіе до 1816 года.

По окончаніи Отечественной войны, признано удобнымъ управленіе военною частію и въ мирное время устроить на правилахъ, предписанныхъ въ учрежденіи для управленія большой дѣйствующей арміи, и высочайше утвержденнымъ 12-го декабря 1815 года положеніемъ учрежденъ главный штабъ его императорскаго величества.

Существенныя черты сего положенія заключались въ томъ, что всѣ дѣла военнаго управленія раздѣлены на двѣ главныя части: *строевую* и *хозяйственную*. Первая ввѣрена начальнику главнаго штаба, а послѣдняя—военному министру. Изъ прежняго военнаго министерства отдѣлены въ составъ главнаго штаба департаменты: инспекторскій и аудиторіатскій, военно-ученый комитетъ и военно-топографическое депо. Начальникъ главнаго штаба имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и званіе управляющаго генеральнымъ штабомъ. Въ завѣдываніи военнаго министра состояли департаменты: артиллерійскій, инженерный, провіантскій, коммисаріатскій и медицинскій.

Представленія по всѣмъ вообще военнымъ дѣламъ дѣлались госу-

дарю императору начальникомъ главнаго штаба его величества, которому подчиненъ былъ и военный министръ. Инспекторы артиллеріи и инженернаго корпуса представляли о дѣлахъ хозяйственныхъ—военному министру, а о прочихъ—начальнику главнаго штаба.

Такое раздробленіе частей одного и того же управленія, въ особенности же отдѣленіе дѣлъ по строевой части отъ дѣлъ хозяйственныхъ, требующихъ при всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ предпріятіяхъ совокупнаго соображенія, имѣло весьма много неудобствъ, увеличивало переписку и крайне затрудняло дѣйствія высшаго военнаго начальства. Неудобство это было нѣсколько отстранено при открытіи войны противъ турокъ въ 1828 году высочайшею волею, коею въ лицѣ князя Чернышева соединены оба званія: начальника главнаго штаба и управляющаго военнымъ министерствомъ; но основныя начала военнаго управленія оставались прежнія.

И между тѣмъ, какъ всѣ прочія части государственнаго управленія твердою волею и неусыпнымъ вниманіемъ всеавгустѣйшаго монарха направлялись къ порядку и устройству; между тѣмъ, какъ совершались безсмертные труды по своду гражданскихъ законовъ, принимались мѣры противу безпорядковъ и злоупотребленій, открывалось для военнаго вѣдомства особенное поприще дѣятельности. Войны въ Персіи, Турціи и Польшѣ, въ продолженіе пяти лѣтъ, потребовали чрезвычайныхъ усилій и отвлекли вниманіе отъ внутренняго устройства управленія.

Немедленно по окончаніи послѣдней войны, князь Чернышевъ представилъ государю императору историческое обозрѣніе порядка военнаго управленія и повергъ на высочайшее благоусмотрѣніе свои мысли объ основаніяхъ, на коихъ онъ предполагалъ бы произвести необходимое преобразованіе. Его величество, по прочтеніи доклада князя Чернышева, изволилъ вполнѣ одобрить всѣ его предположенія и собственноручно начерталъ главныя основанія устройства военно-сухопутнаго управленія. Высочайшая воля приведена въ исполненіе въ составленномъ княземъ Чернышевымъ проектѣ, который удостоился высочайшаго утвержденія 1-го мая 1832 года, подъ названіемъ: *Проектъ образованія военнаго министерства.*

На основаніи сего образованія, высшее управленіе военно-сухопутными силами Имперіи соединено въ одинъ составъ подъ наименованіемъ: *военнаго министерства.* Государь императоръ ввѣрилъ его князю Чернышеву.

Главныя черты новаго проекта заключались въ слѣдующемъ:

частью строевою и распорядительною министръ управляетъ самъ, а частью хозяйственною—съ военнымъ совѣтомъ. Такимъ образомъ въ непосредственномъ распоряженіи военнаго министра состоятъ: департаменты: генеральнаго штаба, инспекторскій и медицинскій, военно-ученый комитетъ, дѣла по военно-учебнымъ заведеніямъ и военныя поселенія (собственно по части строевой и личнаго состава), присоединенныя къ составу новаго военнаго министерства. Въ совокупномъ управленіи министра и военнаго совѣта находятся: департаменты: артиллерійскій, инженерный, провіантскій и коммисаріатскій, также хозяйственная часть департамента военныхъ поселеній.

Сверхъ того, по части военно-судной въ высшемъ ея отношеніи. образовано особое установленіе подъ наименованіемъ: генералъ-аудиторіата.

Въ военномъ совѣтѣ министръ имѣетъ права предсѣдателя, къ генералъ-аудиторіату—онъ имѣетъ права, которыя предоставлены министру юстиціи къ Правительствующему Сенату.

Существовавшія прежде три канцеляріи: начальника главнаго штаба, военнаго министра и совѣта его—упразднены и замѣнены одною общею канцеляріею военнаго министерства.

Этотъ новый порядокъ соединилъ въ себѣ всѣ выгоды личнаго и коллегіальнаго управленія. Доставляя части исполнительной единство, силу и быстроту личнаго или министерскаго управленія, онъ обезпечиваетъ правильность распоряженій казенными капиталами и вѣрность законодательныхъ мѣръ—дѣйствіями сословія совѣщательнаго, составленнаго изъ мужей, стяжавшихъ необходимую опытность долговременною службой, по той самой части, благоустройство которой ввѣрено ихъ попеченію.

Но изданіемъ этого образованія дѣло далеко было еще не кончено. Самое названіе онаго проектомъ уже доказывало, что только были даны основанія, на коихъ должно было устроиться военное управленіе; оставалось еще подробно опредѣлить кругъ дѣйствій для каждаго мѣста, пересмотрѣть и издать штаты, а самое главное—начертать Наказъ министерству. Князь Чернышевъ со всею дѣятельностію приступилъ къ довершенію этого обширнаго дѣла. Изъ канцеляріи и изъ департаментовъ выбраны были лучшіе и опытнѣйшіе чиновники для обработки отдѣльныхъ частей, которыя должны были соединиться въ одно стройное цѣлое подъ непосредственнымъ руководствомъ и указаніемъ князя Чернышева. Столь обширный трудъ не могъ быть совершенъ въ короткое время, по множеству и разнородности необходимыхъ

соображеній, по важности вопросовъ, которые слѣдовало разрѣшить, какъ новыя законоположенія. Между тѣмъ князь Чернышевъ призналъ полезнымъ приступить къ преобразованію отдѣльныхъ частей, дабы тѣмъ облегчить главную работу и ускорить окончаніе оной.

Съ сею цѣлію изданы были положенія о преобразованіи каждаго изъ департаментовъ:

Въ 1832 году—коммисаріатскаго, въ 1833 г.—аудиторіатскаго, въ 1834 г.—инспекторскаго, въ 1835 г.—провіантскаго, военныхъ поселеній, артиллерійскаго и инженернаго.

Изданіе всѣхъ этихъ положеній имѣло еще другую важнѣйшую цѣль, и именно: измѣненіе штатовъ и увеличеніе прежнихъ окладовъ жалованья. Здѣсь необходимо нѣсколько распространиться объ этомъ предметѣ, который имѣлъ вліяніе не только на успѣшнѣйшее теченіе дѣлъ, но даже на нравственность чиновниковъ, семейный ихъ бытъ и благосостояніе. Дѣйствія князя Чернышева въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что онъ первый изъ всѣхъ министровъ показалъ примѣръ отеческой своей заботливости о своихъ подчиненныхъ. Увеличеніе окладовъ жалованья по прочимъ вѣдомствамъ сдѣлано впослѣдствіи и, можно смѣло сказать—по примѣру, поданному княземъ Александромъ Ивановичемъ.

Князь Чернышевъ, проведшій все свое служебное поприще въ высокой практической опытности, постигалъ, что какъ законы не будутъ хороши, но они мало принесутъ пользы, если не будутъ ввѣрены исполнителямъ честнымъ и добросовѣстнымъ. Поэтому, одною изъ главнѣйшихъ его заботъ при самомъ вступленіи въ управленіе военною частію, была о личномъ составѣ чиновниковъ. Неоднократно и словесно и письменно представлялъ онъ милостивому и справедливому воззрѣнію государя императора, что части военнаго управленія подвергаются чрезвычайнымъ затрудненіямъ не только въ дѣлопроизводствѣ, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ своихъ, собственно отъ крайней скудости окладовъ, и встрѣчается почти совершенная невозможность наполнять штатныя мѣста чиновниками опытными и благонадежными. Князь Чернышевъ признавалъ, что главнѣйшее средство къ пріобрѣтенію на службу людей достойныхъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить имъ такое содержаніе, которое могло бы облегчить честнымъ образомъ безбѣдное состояніе чиновниковъ. Онъ также полагалъ необходимымъ доставить лицамъ, помѣщаемымъ къ значительнымъ должностямъ, нѣкоторыя противу тогдашняго положенія преимущества, соотвѣтственно важности должностей на нихъ возлагаемыхъ и довѣрію, коего они по званію

своему должны быть удостоиваемы. Къ этой-то цѣли князь Чернышевъ постоянно стремился со всею настойчивостію государственнаго мужа, со всею теплотою души благодѣтельнаго начальника.

Но не однимъ только увеличеніемъ окладовъ жалованья дѣйствовалъ князь Чернышевъ къ привлеченію къ себѣ чиновниковъ способныхъ и достойныхъ. Руководимый врожденнымъ ему чувствомъ высокой справедливости, онъ постигалъ сколь сильно дѣйствуетъ на каждаго человѣка поощреніе благороднаго честолюбія. Князь Чернышевъ былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ министровъ, который наиболѣе доставилъ наградъ своимъ подчиненнымъ. Не только при обыкновенныхъ годовыхъ представленіяхъ, князь Чернышевъ всегда самъ лично ходатайствовалъ предъ монархомъ за своихъ чиновниковъ, но можно утвердительно сказать, что не было ни одной важной заслуги, ни одного усерднаго подвига или труда, который остался бы безъ достойной награды. Набирая себѣ, такъ сказать, *новое поколѣніе* чиновниковъ, князь Чернышевъ хотѣлъ даже положить рѣзкую черту между временемъ прошедшимъ и будущностію имъ предстоящею, на которую онъ имъ указывалъ. Въ сихъ видахъ, а также и для вящшаго привлеченія на службу въ военное вѣдомство достойныхъ чиновниковъ, князь Чернышевъ исходатайствовалъ у государя императора всему военному министерству новую форму мундировъ, о чемъ высочайше утверждено положеніе въ 4-й день марта 1834 года.

Въ началѣ 1836 года обширныя работы по составленію новаго учрежденія военнаго министерства, приведены къ окончанію и трудъ сей удостоился высочайшаго утвержденія въ 29-й день марта того года.

Новое *учрежденіе военнаго министерства* состоитъ изъ двухъ частей: *образованія*, опредѣляющаго составъ и предметы занятій каждой части и *Наказа*, указывающаго обязанности, права, отношенія и отвѣтственность всѣхъ мѣстъ и лицъ.

Новымъ учрежденіемъ преобразовано самое управленіе департаментами. Прежде оно сосредоточивалось въ лицѣ директора. Управленіе это было полезно для тѣхъ департаментовъ, которыхъ занятія заключаются въ части исполнительной; но въ департаментахъ, распоряженію коихъ ввѣрены значительные капиталы, все управленіе, оставаясь въ обязанности одного директора, не могло имѣть надлежащей твердости и правильности. По симъ причинамъ, управленіе хозяйственными департаментами устроено на томъ же основаніи, какъ образовано высшее управленіе министерствомъ и для сего учреждено въ каждомъ департаментѣ особое общее присутствіе, подъ предсѣдательствомъ директора,

съ тѣмъ, чтобы общее присутствіе завѣдывало частію хозяйственною и законодательною, а директоръ—исключительно частію исполнительною.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ изданъ новый штатъ министерства и опредѣленъ въ подробности порядокъ дѣлопроизводства по всѣмъ частямъ военнаго управленія.

Новыми штатами число чиновниковъ опредѣлено дѣйствительною въ нихъ потребностію, а оклады ихъ содержанія значительно увеличены. Самая прибавка жалованья разсчитана такъ, чтобы значительнѣйшимъ увеличеніемъ воспользовались чиновники, занимающіе штатныя мѣста низшаго разряда; нѣсколько меньшимъ чиновники средняго, и еще меньшимъ—чины высшаго разряда. Оклады жалованья уравнены по всѣмъ департаментамъ и назначены въ такомъ размѣрѣ, чтобы могли обезпечивать служащихъ чиновниковъ въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, сообразно съ званіемъ каждаго.

Такимъ образомъ, управленіе это получило окончательное устройство. Сосредоточеніемъ въ одномъ мѣстѣ и лицѣ завѣдыванія всѣми предметами военнаго управленія, дана оному надлежащая быстрота и правильность; опредѣленъ въ подробности порядокъ дѣйствій и цѣль, къ которой оно должно стремиться; новый штатъ далъ возможность наполнить министерство соотвѣтствующими видамъ правительства чиновниками, а правила дѣлопроизводства сократили переписку и установили единообразный и правильный ходъ въ отправленіи дѣлъ по всему управленію вообще.

Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ частномъ обстоятельствѣ, которое выказываетъ черту характера князя Чернышева. Князь былъ выше мелкаго самолюбія, которое себя считаетъ безошибочнымъ; напротивъ того, помышляя единственно о пользѣ управленія, ввѣреннаго ему довѣріемъ монарха, князь желалъ знать о новомъ учрежденіи военнаго министерства—мнѣніе человѣка, который, въ то же время, подобно ему, трудился на другомъ поприщѣ—по устройству управленія гражданскаго. Это былъ графъ Сперанскій. Князь Чернышевъ послалъ ему для прочтенія проектъ составленнаго учрежденія и просилъ сообщить ему его замѣчанія. Вотъ что графъ Михаилъ Михаиловичъ отвѣчалъ князю Чернышеву въ собственноручномъ письмѣ: «Огромное зданіе, въ которомъ всѣ части стоятъ въ такомъ порядкѣ, что многочисленность ихъ и разнообразіе не вредятъ единству—есть трудъ по истинѣ достойный вѣка государева и образованнаго вашего управленія. Отсюда, какъ съ верхней точки главный начальникъ можетъ обозрѣть всю ввѣренную ему часть и никакія подробности его не собьютъ, когда

онъ разъ твердою ногою на сей высотѣ станетъ». Таково-то было о трудѣ князя Чернышева мнѣніе графа Сперанскаго, имя котораго навсегда останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего отечественнаго законодательства.

Справедливый монархъ, ежедневный свидѣтель трудовъ и заботъ князя Чернышева, удостоилъ въ это время его службу всемилостивѣйшихъ наградъ.

Въ 1833 году назначенъ онъ шефомъ С.-Петербургскаго уланскаго полка.

Въ 1834 году, въ 22-й день апрѣля, пожалованы ему алмазные знаки ордена святого апостола Андрея Первозваннаго при слѣдующей высочайшей грамотѣ:

«Долговременная, намъ и отечеству полезная служба ваша, ознаменовалась новымъ опытомъ той отличной ревности, коею она всегда сопровождалась. Оправдавъ всѣ ожиданія наши при прежнемъ четырехлѣтнемъ управленіи главнымъ нашимъ штабомъ и военнымъ министерствомъ, вы со времени назначенія васъ въ настоящее званіе, совершили съ полнымъ успѣхомъ преобразованіе военнаго управленія, по началамъ, нами предначертаннымъ, съ свойственнымъ вамъ рвеніемъ и быстротою привели въ точное исполненіе распоряженія наши по переформированію войскъ и по снаряженію вспомогательныхъ отрядовъ Портѣ Оттоманской и во всѣхъ дѣйствіяхъ вашихъ явили примѣрную попечительность къ доведенію ввѣренныхъ вамъ частей до наилучшаго устройства. Въ изъявленіе вамъ совершенной признательности и особеннаго благоволенія за столь отличную службу вашу, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемые у сего алмазные знаки ордена святого апостола Андрея Первозваннаго».

Въ 1835 году всемилостивѣйше пожалована князю Чернышеву аренда на 50 лѣтъ въ 8 т. рублей серебромъ годового дохода.

Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ присовокупить еще, что работы по составленію новаго учрежденія военнаго министерства совершены среди множества другихъ обширныхъ и важныхъ занятій. Такъ напримѣръ: въ 1833 году послѣдовало общее переформированіе всего состава арміи. Основанія, на коихъ это переформированіе произведено, и успѣхъ, коимъ оно сопровождалось, будутъ объяснены при описаніи состоянія инспекторской части.

Равнымъ образомъ и всѣ прочія новыя положенія, изданныя въ теченіе этого времени, войдутъ въ изложеніе о состояніи каждой части; здѣсь же мы объяснимъ только тѣ мѣры, которыя относятся къ

общему устройству всего управленія и потомъ укажемъ какое вліяніе и какія послѣдствія онѣ имѣли на каждую часть отдѣльно.

Непосредственно за изданіемъ новаго учрежденія военнаго министерства, слѣдуетъ назвать по важности труда составленіе *Свода военныхъ постановленій.* Совершеніе и этого дѣла должно приписать единственно неусыпной попечительности князя Чернышева.

Между многими мѣрами, принятыми въ благополучное царствованіе государя императора Николая Павловича, для усовершенствованія отечественнаго законодательства вообще, первое мѣсто занимаетъ составленіе систематическаго свода существующихъ законовъ. Если всѣ усилія предшественниковъ императора Николая, къ изданію полнаго свода гражданскихъ законовъ, оставались, въ теченіе болѣе столѣтія, безуспѣшны по тѣмъ огромнымъ затрудненіямъ, которыя встрѣчало исполненіе столь обширнаго труда, то такія же затрудненія сопровождали составленіе Свода военныхъ законовъ, почти столь же многочисленныхъ какъ и гражданскіе. Первая коммиссія для сего учреждена была въ 1730 году. Какъ эта коммиссія, такъ и существовавшія въ послѣдующія царствованія, не имѣя яснаго и опредѣленнаго плана для ихъ дѣйствій, не достигли своей цѣли. Наконецъ, когда твердою и мудрою волею государя императора, его величеству угодно было возложить на графа Сперанскаго собраніе законовъ и изданіе полнаго свода и всѣ работы по сему предмету сосредоточить во II отдѣленіи собственной канцеляріи,—то къ числу занятій сего отдѣленія отнесено было и составленіе Свода военныхъ постановленій. Работа эта окончена во II отдѣленіи въ 1835 году, и тогда послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы произвесть ревизію оной въ военномъ министерствѣ. Въ новомъ сводѣ оказались чрезвычайные недостатки, которые требовали измѣненія и исправленія. Князь Чернышевъ, имѣя въ виду, что департаменты министерства, при обширномъ текущемъ дѣлопроизводствѣ, не могутъ съ должнымъ успѣхомъ заниматься этимъ огромнымъ трудомъ, учредилъ особый комитетъ изъ опытнѣйшихъ чиновниковъ канцеляріи и департаментовъ министерства. При самомъ первоначальномъ обозрѣніи свода, комитетъ нашелъ, что хотя планъ онаго въ главныхъ раздѣленіяхъ правиленъ, но въ развитіи подробностей требовалъ неизбѣжныхъ измѣненій и дополненій, ибо съ одной стороны въ немъ много было повтореній, а съ другой—не помѣщено нѣкоторыхъ военныхъ распоряженій, принятыхъ къ непремѣнному руководству.

Таковые недостатки побудили князя Чернышева поручить комитету передѣлать весь сводъ вообще. Комитетъ приступилъ къ этимъ

занятіямъ въ концѣ 1836 года. Новый планъ имъ составленный сообщенъ былъ дѣйствительному тайному совѣтнику Сперанскому и одобренъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ началѣ 1838 года, сводъ былъ оконченъ и приступлено къ напечатанію онаго.

Такимъ образомъ въ полтора года—окончена была эта важная работа, собственными средствами министерства. Чтобы показать обширность сихъ занятій, слѣдуетъ объяснить, что кромѣ передѣлки общаго плана, начертаннаго во II отдѣленіи собственной канцеляріи, сводъ пополненъ многочисленными постановленіями, не бывшими вовсе въ виду при первоначальномъ его составленіи; въ немъ помѣщены всѣ вообще узаконенія, изданныя по 1838 годъ; кромѣ того включены въ сводъ постановленія по поселенной части, также не бывшія вовсе въ прежнемъ сводѣ; устранены, по возможности, безчисленныя повторенія, а статьи одинаковаго содержанія сведены вмѣстѣ, предметы расположены въ порядкѣ болѣе систематическомъ и вообще не было почти ни одной статьи, не подвергшейся дополненію или совершенному измѣненію.

Благодарность монарха выразилась въ слѣдующемъ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ, данномъ на имя князя Чернышева въ 17-й день апрѣля 1838 года: «Въ числѣ многихъ важныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ послѣднія десять лѣтъ, по устройству частей военнаго управленія, особеннаго заслуживаетъ вниманія составленіе полнаго Свода военныхъ узаконеній. Огромный трудъ сей, совокупною постоянною попечительностію вашею и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сперанскаго, окончательно совершенъ съ полнымъ успѣхомъ. Среди многочисленныхъ заботъ огромнаго и труднаго управленія, вамъ ввѣреннаго, исполнивъ съ отличнымъ успѣхомъ всѣ распоряженія военнаго времени и всѣ предначертанія мои по преобразованію частей военнаго управленія, вы постоянно обращали дѣятельное вниманіе и на важное дѣло составленія Свода военныхъ законовъ и сею попечительностію, хорошимъ выборомъ чиновъ и неослабнымъ надзоромъ, непосредственно содѣйствовали скорому и столь удовлетворительному его окончанію. Пріемля съ живѣйшею признательностію сей новый опытъ вашей примѣрно-полезной службы, я за особенное удовольствіе поставляю изъявить вамъ мое полное и совершенное благоволеніе».

На основаніи высочайшаго указа 25-го іюня 1839 года, новый Сводъ военныхъ постановленій воспріялъ дѣйствующую силу закона съ 1-го января 1840 года.

Но если изданіемъ учрежденія военнаго министерства положены

были прочныя начала военному управленію въ высшемъ отношеніи, а Сводомъ военныхъ постановленій облегчены способы къ успѣшному и правильному теченію дѣлъ, то не менѣе того оставалось еще усовершенствовать и самый образъ дѣйствій, для достиженія желаемаго благоустройства военно-сухопутной части.

Въ сихъ видахъ, князь Чернышевъ постоянно обращалъ самую бдительную заботливость на два главнѣйшіе предмета, отъ которыхъ преимущественно зависитъ успѣхъ дѣйствій военнаго хозяйства и именно: сокращеніе ежегодныхъ расходовъ и пріобрѣтеніе всего потребнаго для сего вѣдомства способами выгодными для казны и наиболѣе сообразными съ общею государственною пользой.

Въ первомъ отношеніи, заслуживаетъ особеннаго вниманія—составленіе *нормальной смѣты* на 1836 годъ, а въ послѣднемъ—*изданіе положенія о казенныхъ заготовленіяхъ военнаго министерства.*

Приведеніе государственныхъ расходовъ въ должную соразмѣрность съ доходами было всегда однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ попеченій правительства. Постоянное возрастаніе смѣты военнаго министерства, необходимое послѣдствіе увеличенія состава войскъ, уже побуждало въ Бозѣ почивающаго императора Александра I принимать особенныя мѣры къ сокращенію расходовъ по военной части. Съ сею цѣлію учрежденъ былъ въ 1818 году особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генерала отъ инфантеріи князя Лобанова-Ростовскаго; въ 1822 г. разсмотрѣніе и сокращеніе смѣты поручено было лично графу Аракчееву, а въ 1823 году государю императору благоугодно было утвердить предположенную комитетомъ финансовъ мѣру, чтобы каждому министерству опредѣлить извѣстную сумму съ тѣмъ, дабы они, не выходя изъ нормальнаго назначенія, сокращали бы ее, по собственному усмотрѣнію, исключая нѣкоторые расходы, разсрочивая другіе, даже уменьшая штаты, если признаютъ возможнымъ.

Но всѣ эти мѣры не имѣли желаемаго успѣха. Главные предметы дѣлавшихся сокращеній заключались не въ отмѣнѣ расходовъ, но въ отсрочкѣ ихъ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, въ обращеніи запасовъ на довольствіе войскъ и въ приведеніи нѣкоторыхъ частей изъ дѣйствующаго состава въ кадренный.

Очевидно, что подобныя, можно сказать, насильственныя сокращенія должны были произвесть неблагопріятныя послѣдствія на все военное хозяйство и даже на состояніе промышленности въ государствѣ. Получая на свои обороты сумму, далеко не равняющуюся дѣйствительной потребности, военное министерство старалось удовлетворить только

самые необходимые расходы; объ устройствѣ же частей нельзя было и помышлять; запасы годъ отъ году болѣе истощались; заводы и фабрики уменьшили дѣятельность, а скудость штатовъ, удаливъ изъ военнаго министерства людей способныхъ и надежныхъ, затруднила ходъ дѣлъ и разстроила движенiе отчетности. По заготовленiю вещей и продуктовъ, допущены самыя ложныя спекуляцiи; онѣ развратили нравственность чиновниковъ и подорвали промышленность въ самомъ основанiи. Общему благосостоянiю нанесенъ былъ весьма чувствительный вредъ, ибо, вслѣдствiе стѣснительной системы казенныхъ заготовленiй цѣны произведенiй сельской промышленности и сельскаго хозяйства упали до чрезвычайности. Министръ финансовъ, признавая таковое пониженiе цѣнъ вреднымъ для общей государственной пользы, ибо отъ дешевизны цѣнъ какъ на произведенiя, такъ и на работы начинали усиливаться недоимки, настаивалъ о непремѣнномъ сокращенiи смѣтъ, но не въ одномъ только отношенiи пониженiя цѣнъ. Вслѣдствiе сего, въ разное время были сокращены издержки на строенiя, возведенiе коихъ разсрочено на продолжительное время.

Въ такомъ-то положенiи находилась эта часть, когда князь Чернышевъ принялъ управленiе военнымъ вѣдомствомъ. Военныя обстоятельства съ 1827 года по 1832 годъ имѣли весьма сильное влiянiе на смѣты министерства. Война оживила промышленность, цѣны на хлѣбъ и всѣ продукты начали возвышаться. Не было уже возможности отлагать болѣе выполненiе расходовъ существенно необходимыхъ; истощенные запасы требовали пополненiя; крѣпости и военныя зданiя— поддержки и распространенiя, заводы и фабрики—усиленной дѣятельности. Въ это же время составъ войскъ усиленъ приведенiемъ частей, бывшихъ въ кадрахъ, въ комплектный составъ.

Князь Чернышевъ, удовлетворивъ многочисленнымъ потребностямъ трехъ войнъ, нашелъ уже средство положить основанiе къ надежному устройству хозяйственныхъ частей военнаго управленiя. Лучшимъ доказательствомъ важныхъ успѣховъ въ семъ отношенiи можетъ служить быстрота, съ какою войска были снаряжены въ 1830 году для дѣйствiй въ Царствѣ Польскомъ и въ 1833 году вспомогательный отрядъ Портѣ Оттоманской. Снаряженiе войскъ къ войнѣ персидской и турецкой, по разстройству частей, потребовало и много времени и много труда. Въ 1830 и 1833 годахъ, когда хозяйственная часть приняла совсѣмъ другой видъ, приготовленiя къ войнѣ произведены были съ быстротою почти неимовѣрною. 25-го ноября 1830 года получено въ Петербургѣ первое извѣстiе о польскомъ мятежѣ, а 21-го января

1831 года огромная армія, въ числѣ свыше 200.000 человѣкъ, обезпеченная всѣми потребностями, начала вступать въ предѣлы царства. Первое повелѣніе о снаряженіи вспомогательнаго отряда Портѣ Оттоманской дано 11-го февраля 1833 года, а 24-го марта знамена наши развѣвались уже на берегахъ Босфора. Не было бы возможности достигнуть такой быстроты въ снаряженіяхъ, если бы министерство не имѣло достаточныхъ запасовъ и если бы хозяйственная часть оставалась въ прежнемъ разстроенномъ состояніи. Столь же убѣдительнымъ доказательствомъ внутренняго благоустройства можетъ служить быстрота, съ какою произведено общее переформированіе войскъ и чрезвычайно скорая сдача частей при семъ переформированіи.

Заботливостію князя Чернышева, смѣты военнаго министерства, за исключеніемъ превышенія на провіантъ, прибавки на жалованье офицерамъ и увеличенія штатнаго числа войскъ, не только не превышали прежняго ихъ размѣра, но значительно сократились. Однако же за всѣмъ тѣмъ общіе результаты смѣтъ военнаго и другихъ вѣдомствъ не соотвѣтствовали способамъ государственнаго казначейства. Посему комитетъ финансовъ положилъ: для приведенія въ равновѣсіе государственнаго баланса доходовъ и расходовъ обратиться къ мѣрѣ, уже употребленной въ 1823 году, и именно: издать *нормальную смѣту* для каждаго вѣдомства.

Князь Чернышевъ, приступивъ къ разсмотрѣнію предстоящихъ министерству расходовъ, основалъ возможныя сокращенія не на отмѣнѣ расходовъ, кои потребовалось бы удовлетворить впослѣдствіи, но на хозяйственныхъ сбереженіяхъ, которыя могли произойти отъ употребленія выгоднѣйшихъ способовъ заготовленій, введенія надлежащаго порядка и должной отчетности. Теперь представилась ему возможность утвердить постояннымъ закономъ тѣ распоряженія, которыя онъ предпринималъ къ устройству военнаго хозяйства, и въ пользѣ которыхъ убѣдилъ его опытъ предшествовавшихъ лѣтъ. До какой степени былъ вѣренъ взглядъ князя Чернышева въ предпринятомъ имъ коренномъ преобразованіи всей системы военнаго управленія и какими полезными послѣдствіями, оправдались всѣ совершенныя имъ преобразованія, покажетъ отдѣльное описаніе хозяйственныхъ частей министерства.

Составленіе нормальной смѣты въ 1836 году заслуживаетъ особеннаго вниманія тѣмъ, что она раскрыла настоящее положеніе всего военнаго хозяйства и повела къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ онаго.

Предположенія князя Чернышева по измѣненію прежней системы

заготовленія вещей и продуктовъ удостоились въ главныхъ ихъ началахъ высочайшаго одобренія и вслѣдствіе того приступлено было къ начертанію подробныхъ о томъ правилъ.

Между тѣмъ приведена въ исполненіе одна изъ мѣръ усовершенствованій, предполагавшихся при составленіи нормальной смѣты, заключающейся въ учрежденіи *вспомогательнаго капитала* для дѣйствій министерства. До того времени всѣ остатки смѣтныхъ суммъ и даже нѣкоторые экономическіе капиталы представлялись къ зачету при составленіи смѣтъ. Отъ этого происходило, что при малѣйшемъ измѣненіи обстоятельствъ, требующемъ новаго расхода, министерство приходило въ крайнее затрудненіе и часто было въ необходимости удовлетворить экстренный расходъ, нетерпящій отлагательства и по смѣтѣ неназначенный, съ явнымъ ущербомъ для статей расходовъ постоянныхъ, смѣтою опредѣленныхъ. Въ отвращеніе этихъ неудобствъ, князь Чернышевъ признавалъ необходимымъ постановить правиломъ, чтобы къ зачету представлялись только одни остатки отъ штатныхъ суммъ, остатковъ же отъ суммъ хозяйственныхъ къ зачету не представлять, но образовать изъ нихъ *общій экономическій капиталъ* въ непосредственномъ вѣдѣніи военнаго совѣта.

Государь императоръ, вполнѣ раздѣляя основательность видовъ князя Чернышева, соизволилъ, въ 17-й день декабря 1836 года, высочайше утвердить *положеніе объ общемъ экономическомъ капиталѣ военнаго министерства.* По важнымъ и полезнымъ послѣдствіямъ этого учрежденія необходимо хотя въ краткихъ словахъ объяснить, что этотъ капиталъ раздѣленъ на два разряда, изъ коихъ первый въ числѣ 80% назначенъ: а) на подкрѣпленіе смѣтныхъ суммъ по хозяйственнымъ статьямъ, въ случаѣ внезапнаго возвышенія цѣнъ; б) на разныя усовершенствованія по хозяйственной части и в) на улучшеніе содержанія нижнихъ чиновъ.

Второй разрядъ, въ числѣ 20%, подъ названіемъ *наградного капитала,* употребляется на выдачу наградъ и пособій тѣмъ лицамъ, дѣйствіями коихъ доставляется казнѣ существенная польза по разнымъ хозяйственнымъ предпріятіямъ.

Князь Чернышевъ изыскалъ средства соединеніемъ капиталовъ, обращавшихся въ министерствѣ подъ разными наименованіями и остатковъ по хозяйственнымъ суммамъ—положить основаніе сему капиталу въ 2.543.037 рублей серебромъ.

Чрезвычайная польза, принесенная министерству этою мѣрою, оправдалась впослѣдствіи на самомъ опытѣ. Капиталъ этотъ доставилъ

возможность покрывать почти ежегодно весьма значительные сверхсмѣтные расходы, безъ отягощенія государственнаго казначейства. Министерство получило средство свободно дѣйствовать во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, успѣхъ коихъ зависитъ главнѣйше отъ скорости и совершенной тайны.

Для указанія пользы этого учрежденія достаточно сказать, что съ 1836 по 1851 годъ обращено на этотъ капиталъ расходовъ слишкомъ на 20.000.000 рублей серебромъ, которые безъ того должны бы отнестись на государственное казначейство.

Наконецъ и положеніе о казенныхъ заготовленіяхъ военнаго министерства удостоено высочайшаго утвержденія 27-го апрѣля 1838 года. Чтобы судить сколько требовалось при этомъ важныхъ и разнородныхъ соображеній, достаточно сказать, что заготовленія военнаго вѣдомства касаются всѣхъ отраслей государственной промышленности. Земледѣлецъ и фабрикантъ, ремесленникъ и художникъ, всѣ находятъ для своихъ произведеній сбытъ болѣе или менѣе важный, въ обширныхъ складахъ военнаго управленія.

При начертаніи новаго положенія о казенныхъ заготовленіяхъ военнаго министерства, князь Чернышевъ имѣлъ въ виду сохранить два главныхъ условія: вѣрное обезпеченіе потребностей войскъ и пріобрѣтеніе сихъ потребностей способами, сколь возможно болѣе выгодными для частной промышленности.

Нельзя предписать для всѣхъ заготовленій одинъ способъ. Это поставило бы иногда казну въ самое стѣснительное положеніе и могло бы способствовать корыстолюбивымъ замысламъ. Качество заготовляемаго предмета, степень нужды въ немъ, также время и мѣсто заготовленія, должны измѣнять болѣе или менѣе способы заготовленія.

Въ новомъ положеніи предназначено пять главныхъ способовъ: 1) подряды съ торговъ; 2) хозяйственное заготовленіе посредствомъ чиновниковъ на коммерческомъ правѣ; 3) хозяйственное заготовленіе чиновниками на коммисіонерскомъ правѣ; 4) наличныя покупки и 5) отпускъ войскамъ деньгами.

Заготовленіе подрядомъ съ узаконенныхъ торговъ предпочитается всѣмъ прочимъ способамъ, которые употребляются, по соображеніямъ начальства, только при совершенномъ неуспѣхѣ торговъ и въ особыхъ случаяхъ подробно въ положеніи изложенныхъ. Подряды употреблялись и прежде въ военномъ вѣдомствѣ, но прежнія правила подрядовъ были такъ неудобны, что торги почти никогда не имѣли успѣха и заготовленіе всегда переходило или въ руки купцовъ-монополистовъ, или

предоставлялось чиновникамъ - коммисіонерамъ. Новымъ положеніемъ устранены всѣ прежнія неудобства. Съ одной стороны предупреждены возможныя стачки между торгующимися, во вредъ казны; а съ другой — отклоненъ всякій произволъ въ дѣйствіяхъ лицъ, производящихъ торги; постановлены мѣры къ надежному обезпеченію казны, какъ въ исправности поставки, такъ и въ выданныхъ подрядчику задаткахъ: раздробительностію поставокъ и многими существенными облегченіями въ представленіи залоговъ доставлена возможность къ участію въ торгахъ большему числу лицъ, и, наконецъ, самые подрядчики ограждены въ своевременномъ полученіи денегъ. Въ прежнее время одна мысль о казенномъ взысканіи устраняла всякаго отъ желанія вступить въ казенные подряды. Бывали примѣры, что подрядчики дѣлались неисправными, вслѣдствіе умышленнаго или безпечнаго дѣйствія мѣстныхъ чиновниковъ, отъ коихъ зависитъ пріемъ вещей или выдача денегъ. Тогда приступали къ заготовленіямъ на счетъ подрядчика и не слишкомъ заботились о цѣнахъ, потомъ начинались разсчеты, которые обыкновенно длились до того, что иногда насчитывали взысканіе въ нѣсколько разъ выше всей суммы подряда. Казна при семъ ничего не выигрывала, ибо подобныя взысканія, превышая и сумму залоговъ и массу всего имѣнія подрядчика, никогда не пополнялись; въ частныхъ же людяхъ это возбудило большое недовѣріе къ казеннымъ предпріятіямъ и удалило отъ нихъ всѣхъ значительныхъ капиталистовъ. По симъ уваженіямъ, князь Чернышевъ постановилъ правиломъ, чтобы подрядчикъ, въ случаѣ неисправности, платилъ только одну опредѣленную въ контрактѣ неустойку, по образцу частныхъ сдѣлокъ. Этою мѣрою устранено было всякое опасеніе со стороны торговцевъ. Всякій могъ уже разсчитывать свой рискъ при неудачѣ. Этимъ средствомъ привлечено значительное число новыхъ торговцевъ, уже не страшившихся вступать въ обязательство съ казною, и тѣмъ самымъ возбуждено полезное для казны состязательство. Наконецъ, подрядная система, представляющая возможность получать предметы потребностей преимущественно изъ первыхъ рукъ, отъ самыхъ производителей, открыла частной торговлѣ и промышленности обширное поприще дѣятельности.

Окончательное устройство хозяйственной части князь Чернышевъ довершилъ изданіемъ *Положенія объ отчетности военнаго министерства.* По существу обязанностей военнаго управленія, разнообразію и многочисленности предметовъ, входящихъ въ довольствіе войскъ, отчетность эта чрезвычайно обширна и многосложна. До 1825 года

этой отчетности, можно прямо сказать—не существовало; разобщенное состояніе управленія, скудость средствъ, разстройство частей, неудобство принятыхъ формъ—не дозволяли и помышлять объ отчетности. Князь Чернышевъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры къ надлежащему устройству этой части и, по его представленію, высочайше учрежденъ былъ особый комитетъ изъ чиновниковъ военнаго министерства и государственнаго контроля. Положеніе этимъ комитетомъ составленное удостоилось высочайшаго утвержденія 17-го сентября 1843 года и воспріяло дѣйствіе съ 1-го января 1845 года. Положеніе это чисто практическое и объемлетъ движеніе денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ отъ перваго исчисленія по смѣтамъ до употребленія въ дѣйствительный расходъ по всѣмъ переходамъ и оборотамъ суммъ. Основанія, для начертанія сего положенія принятыя, доставили возможность постановить для ревизіи опредѣленные сроки и производить оную съ такимъ разсчетомъ времени, что нынѣ мѣста военнаго вѣдомства, имѣющія въ распоряженіи своемъ суммы, преимущественно штатами опредѣленныя, представляютъ отчеты свои государственному контролю въ теченіе перваго года за отчетнымъ; мѣста же хозяйственнаго управленія военнаго министерства, снабжающія мѣста потребностями по продовольствію, обмундированію и вооруженію—въ теченіе втораго года за отчетнымъ.

Руководствуясь общими началами, всѣ мѣста военнаго министерства въ настоящее время совершаютъ главнѣйшія работы свои по счетной части на одинаковыхъ основаніяхъ и по однѣмъ и тѣмъ же формамъ, такъ что весь кругъ ихъ занятій, начиная съ составленія смѣты, упрощеннаго, сколько возможно, и оканчивая балансовымъ отчетомъ, представляющимъ вѣрное изображеніе состоянія всѣхъ частей министерства, составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, въ которомъ всѣ отдѣльныя части тѣсно связываются одна съ другою.

Къ составленію *балансовыхъ отчетовъ*, показывающихъ въ подробности состояніе каждаго изъ хозяйственныхъ департаментовъ, князь Чернышевъ изыскалъ возможность приступить еще въ 1837 году. Изысканіе мѣръ къ устройству хозяйственныхъ частей неминуемо повело къ раскрытію настоящаго ихъ положенія. Приведя въ ясность состояніе капиталовъ денежныхъ и вещественныхъ, князь Чернышевъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1838 года, представилъ государю императору первый балансовый отчетъ, за что удостоенъ слѣдующимъ высочайшимъ рескриптомъ, въ 18-й день іюля того года послѣдовавшимъ:

«Разсмотрѣвъ представленный мнѣ при особомъ докладѣ вашемъ балансовый отчетъ о состояніи денежныхъ и вещественныхъ капита-

ловъ четырехъ хозяйственныхъ департаментовъ военнаго министерства за 1837 годъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ вновь удостовѣрился, въ сколь удовлетворительномъ положеніи оные нынѣ находятся и какъ собственные денежные способы военнаго министерства постепенно возрастая, способствуютъ къ значительному облегченію оборотовъ и самаго министерства и казны государственной. Видя въ столь быстрыхъ успѣхахъ плоды неусыпной и попечительной дѣятельности, постоянно вами на хозяйственное состояніе министерства обращаемой, и тѣхъ благоразумныхъ мѣръ и распоряженій, которыя по сей важной части подъ непосредственнымъ руководствомъ вашимъ предприняты и столь отмѣннымъ образомъ выполняются, мнѣ весьма пріятно, за принесенную симъ государству пользу, повторительно изъявить вамъ искреннюю и совершенную признательность мою, которую поручаю вамъ объявить также отъ имени моего, членамъ военнаго совѣта и прочимъ сотрудникамъ вашимъ по управленію хозяйственною частію военнаго министерства».

Съ тѣхъ поръ государю императору ежегодно представляются подобные отчеты.

Балансы эти, не говоря уже о томъ, что цифры ихъ, опредѣляя съ точностію всѣ хозяйственныя средства министерства, даютъ возможность дѣйствовать съ надлежащею увѣренностію при исполненіи высочайшихъ предначертаній по устройству разныхъ частей управленія, заслуживаютъ вниманія еще и въ томъ особенно отношеніи, что неопровержимо доказываютъ благоустройство отчетности: ибо составленіе подробныхъ балансовъ возможно только тамъ, гдѣ счетоводство достигаетъ уже замѣчательной степени совершенства.

Наконецъ, къ общему устройству военно-сухопутнаго управленія изданъ *уставъ объ управленіи арміями въ мирное и военное время.* До 1836 года, основаніемъ для управленія арміями служило учрежденіе о большой дѣйствующей арміи, высочайше утвержденное 27-го января 1812 года. Это коренное положеніе со времени изданія подверглось важнымъ измѣненіямъ. Опыты войнъ: персидской, турецкой и противъ польскихъ мятежниковъ указали необходимость сдѣлать въ немъ существенныя измѣненія. Князь Чернышевъ представлялъ государю императору, что главные недостатки сего положенія состояли въ слѣдующемъ:

1) Оно касалось одного военнаго времени; между тѣмъ военное состояніе арміи есть состояніе случайное и законы для управленія арміею въ мирномъ положеніи столь же необходимы, какъ и въ военномъ; 2) въ учрежденіи 1812 года образованіе частей управленія арміи

слито съ Наказомъ. Отъ этого не вполнѣ развиты обязанности многихъ чиновъ управленія, и 3) многія правила и въ особенности формулы отчетности, по измѣнившимся обстоятельствамъ, оказывались неудобными.

Государь императоръ, раздѣляя мнѣніе князя Чернышева объ этихъ неудобствахъ, высочайше повелѣлъ заняться тщательнымъ пересмотромъ учрежденія 1812 года, сообразить оное съ послѣдовавшими послѣ того постановленіями, и начертать полный уставъ, согласный въ главныхъ основаніяхъ съ учрежденіемъ 1812 года, но въ частности примѣненный къ дѣйствительнымъ потребностямъ арміи.

Уставъ этотъ, составленный по указаніямъ его величества и подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ князя Чернышева, удостоенъ высочайшаго утвержденія 5-го декабря 1846 года. Удовлетворительность правилъ и прочность началъ, принятыхъ при составленіи этого устава, оправдались на опытѣ черезъ три года самымъ блистательнымъ образомъ во время военныхъ дѣйствій въ 1849 году противъ венгерскихъ мятежниковъ: не было ни одного недоразумѣнія, не встрѣтилось ни одного неудобства въ исполненіи.

Заключая этимъ изложеніе *общихъ* мѣръ, княземъ Чернышевымъ по устройству военно-сухопутнаго управленія предпринятыхъ, перейдемъ къ описанію его дѣйствій по каждой части сего управленія *отдѣльно*.

Отдѣленіе 2-е.

Часть генеральнаго штаба.

Генеральный штабъ въ Россіи былъ учрежденъ государынею Екатериною II. Императоръ Павелъ назвалъ его свитою его величества по квартирмейстерской части, а императоръ Александръ учредилъ при ней корпусъ топографовъ. Часть эта не имѣла опредѣлительнаго штата, но офицеры назначались въ войска, смотря по надобности. Съ самаго начала своего управленія князь Чернышевъ обратилъ особенное вниманіе на эту важную часть, и чтобы дать ей прочное и постоянное устройство, въ 1832 году изданъ былъ штатъ квартирмейстерской части, которой присвоено прежнее названіе генеральнаго штаба.

Князь Чернышевъ изыскивалъ всѣ средства для пополненія генеральнаго штаба офицерами образованными и для этого рода службы соотвѣтствующими. Прежде въ генеральный штабъ поступали изъ училища колоновожатыхъ и изъ офицерской школы, находившейся при

штабѣ бывшей 2-й арміи. Съ упраздненіемъ этихъ заведеній допущено было принимать въ генеральный штабъ прямо изъ войскъ по выдержаніи установленнаго экзамена. Но способъ этотъ оказывался неудовлетворительнымъ по трудности самаго экзамена, для выдержанія котораго необходимо предварительное спеціальное приготовленіе. Въ сихъ видахъ учреждена, по представленію князя Чернышева, въ 1832 году *военная академія*, для обученія офицеровъ, отъ 40 до 50, высшимъ военнымъ наукамъ. Въ это заведеніе имѣютъ право поступать офицеры всякаго рода оружія по прослуженіи во фронтѣ трехъ лѣтъ. Курсъ раздѣленъ на теоретическій и практическій, такъ что, съ окончаніемъ воспитанія, офицеры пріобрѣтаютъ всѣ возможныя и необходимыя для службы генеральнаго штаба познанія. Для большаго поощренія поступать въ военную академію, князь Чернышевъ исходатайствовалъ воспитанникамъ академіи многія и весьма значительныя права и преимущества. Съ особенною любовію князь слѣдилъ за этимъ заведеніемъ, присутствовалъ при экзаменахъ, предлагалъ самъ вопросы и всѣ кончившіе съ успѣхомъ и отличіемъ курсъ въ академіи навсегда оставались въ его памяти и пользовались постоянно его покровительствомъ. Военная академія, которая основаніемъ и процвѣтаніемъ своимъ обязана мысли и попечительности князя Чернышева, доставила генеральному штабу по 1852 годъ до 300 офицеровъ. Всѣ они отличаются примѣрною нравственностію и усердіемъ къ службѣ и многіе изъ нихъ на поляхъ битвы запечатлѣли кровію своею преданность къ престолу и отечеству.

Для окончательнаго образованія офицеровъ по выпускѣ изъ академіи, князь Чернышевъ сдѣлалъ весьма полезное распоряженіе, чтобы до перевода въ генеральный штабъ занимать ихъ инструментальными съемками, а по переводѣ—командировать къ войскамъ, гдѣ первый годъ употреблять преимущественно для глазомѣрныхъ съемокъ.

Съ равною же заботливостію принималъ князь Чернышевъ всѣ мѣры для усовершенствованія офицеровъ генеральнаго штаба въ высшемъ отношеніи ихъ служебныхъ обязанностей. По сему предмету два распоряженія заслуживаютъ особеннаго вниманія: введеніе практическихъ походовъ, которые должны были совершать офицеры генеральнаго штаба по окончаніи лѣтнихъ занятій войскъ, и вмѣненіе корпуснымъ оберъ-квартирмейстерамъ въ обязанность составлять записки по частямъ топографической и статистической о мѣстахъ, занимаемыхъ войсками.

Удовлетворительность этихъ записокъ подала князю Чернышеву

мысль составить подробное *военно-статистическое описаніе* всѣхъ губерній, въ видахъ удобнѣйшаго размѣщенія войскъ.

Къ этому обширному труду приступлено было въ 1836 году и въ теченіе десяти лѣтъ окончено было описаніе всѣхъ губерній и областей имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Трудъ этотъ, который можетъ служить важнымъ пособіемъ при составленіи общей статистики имперіи, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ совершенъ собственными средствами министерства. Всѣ свѣдѣнія, доставленныя офицерами генеральнаго штаба, отличаются полнотою, ясностію и критическимъ взглядомъ людей образованныхъ.

Въ то же время распоряженіями князя Чернышева разобрано и приведено въ порядокъ множество матеріаловъ, относящихся до военной исторіи, статистики и топографіи Россіи. Для сего командированы были офицеры генеральнаго штаба, которые пересмотрѣли московскіе архивы: государственный, иностранныхъ дѣлъ, пушкарскій, вотчинный, писцовый, межевой и разрядный, также архивы въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Чернышевъ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о передачѣ въ генеральный штабъ изъ археологической комиссіи, состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, всѣхъ матеріаловъ, относящихся до военной части.

Съ равною же дѣятельностію князь Чернышевъ заботился о собраніи свѣдѣній о способахъ и силахъ иностранныхъ державъ. Для сего были посылаемы офицеры генеральнаго штаба въ разныя европейскія государства, дабы слѣдить за современнымъ положеніемъ военной части и за всѣми усовершенствованіями по всѣмъ отраслямъ военнаго искусства. Также были посылаемы офицеры генеральнаго штаба въ Китай, къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, въ Анатолію, Сербію, Сирію, Молдавію, Валахію и Азіятскую Турцію. Командированными офицерами составлены подробныя и весьма замѣчательныя описанія посѣщенныхъ ими странъ и сняты дорожные маршруты.

Заслуги, русской военной литературѣ оказанныя, довершены были учрежденіемъ въ 1835 году военно-цензурнаго комитета, который, слѣдя постоянно за направленіемъ военныхъ сочиненій и вѣрностію ихъ изложенія, поставилъ эту часть на равную степень съ военною литературою образованнѣйшихъ государствъ Европы.

Къ числу средствъ, служащихъ для распространенія полезныхъ свѣдѣній между офицерами генеральнаго штаба, слѣдуетъ отнести устройство библіотеки и начатое съ 1835 года изданіе записокъ военно-топографическаго депо.

Наконецъ довершеніемъ всѣхъ заслугъ князя Чернышева по управленію генеральнымъ штабомъ служить устройство топографической части.

Начало большимъ тригонометрическимъ съемкамъ положено было въ 1797 году и съ того времени, въ теченіе 29-ти лѣтъ по 1826 г., снято было 1.586.000 квадратныхъ верстъ. Къ съемкамъ приступлено было только въ Остзейскихъ, С.-Петербургской и Виленской губерніяхъ. Князь Чернышевъ немедленно обратилъ самое бдительное вниманіе на эту часть, какъ одну изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшую для движеній войскъ. Съ того времени геодезическія работы получили возможно обширное развитіе и тригонометрическія измѣренія покрыли сѣтью треугольниковъ огромное пространство 34-хъ губерній: отъ береговъ Торнео до устьевъ Дуная, отъ западной границы до Волги, въ Крыму и на Кавказѣ. Въ управленіе князя Чернышева снято инструментально и глазомѣрно слишкомъ 6 м. квадратныхъ верстъ; слѣдовательно: *болѣе чѣмъ втрое* противъ работъ, совершенныхъ въ равный періодъ времени въ предшествовавшія управленія. Въ подобномъ размѣрѣ не дѣйствовалъ ни одинъ генеральный штабъ, ни одно топографическое депо въ Европѣ. Къ сему слѣдуетъ присовокупить, что въ числѣ многихъ пунктовъ, опредѣленныхъ астрономически и тригонометрически, опредѣлено также паденіе главныхъ рѣкъ въ Россіи и уровни морей: Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго и измѣреніе длины дуги меридіана въ Россіи около 20½ градусовъ. Такое градусное измѣреніе есть наибольшее изъ всѣхъ доселѣ совершенныхъ въ Европѣ, для точнѣйшаго опредѣленія фигуры и величины земли.

При столь обширномъ развитіи топографическихъ работъ, князь Чернышевъ постоянно наблюдалъ за сохраненіемъ важнаго условія, и именно: за сокращеніемъ издержекъ казны на съемки. Къ этому служили: постепенное усовершенствованіе самой системы съемокъ и строгій контроль произведенныхъ работъ. Съ каждымъ годомъ, работъ производилось болѣе и болѣе противъ предыдущихъ лѣтъ, и наконецъ князь Чернышевъ успѣлъ достигнуть, что съемки дѣлались *вдвое скорѣе* и обходились *вдвое дешевле* противъ прежняго.

Занятія военно-топографическаго депо по составленію картъ и плановъ также весьма замѣчательны. Съ 1827 года исправлены и передѣланы прежнія и составлено весьма много новыхъ. Изъ сихъ послѣднихъ важнѣйшія суть слѣдующія карты: военно-дорожная Европейской Россіи, спеціальная западной части Россіи, квартирная и маршрутная Европейской Россіи, дорожная Кавказскаго края, генеральная Финляндіи, семитопографическая Лифляндіи, семитопографическія: С.-Петербургской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Новгородской и Тавриче-

ской губерній, окрестностей: Константинополя и Дарданельскаго пролива; Валахіи, Булгаріи, Румеліи, части Азіятской Турціи и театра войны въ Европейской Турціи и въ Азіи въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ. Въ 1845 году приступлено къ составленію по новѣйшимъ свѣдѣніямъ подробной военно-топографической карты Россіи. Планы сняты почти всѣхъ главнѣйшихъ городовъ Имперіи и Царства Польскаго и важнѣйшихъ сраженій въ Отечественную войну.

Для производства столь обширныхъ работъ потребовалось необходимо приготовленіе соразмѣрныхъ и соотвѣтственныхъ матеріальныхъ способовъ. Для сего князь Чернышевъ изыскалъ средства завести безъ новыхъ расходовъ для казны классы для преподаванія топографамъ наукъ и обученія рисованію; а при С.-Петербургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, по собственному указанію государя императора, учреждено гравировальное и словорѣзное отдѣленіе. Этимъ кантонистамъ и вообще всѣмъ граверамъ и словорѣзамъ, высочайше утвержденнымъ положеніемъ 9-го іюля 1846 года даны особыя права и преимущества, которыя послужили сильнымъ поощреніемъ къ усугубленію ихъ стараній и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили имъ средства къ полученію выгоднаго вознагражденія за ихъ труды. Этими полезными мѣрами военно-топографическая часть поставлена въ совершенную независимость отъ иностранныхъ и вольнонаемныхъ художниковъ, которые прежде всегда употреблялись для гравированія плановъ и картъ.

Съ отдѣлкою для военно-топографическаго депо двухъ особыхъ домовъ, изъ коихъ одинъ, принадлежавшій императорскому вольно-экономическому обществу, купленъ на собственныя средства министерства, матеріальная часть депо приведена въ окончательное устройство. Драгоцѣнные матеріалы, накопившіеся въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, получили надлежащее и безопасное размѣщеніе и представляютъ полное удобство ими пользоваться; равно и самыя чертежныя и гравировальныя заведенія получили помѣщеніе, совершенно для ихъ рода занятій приспособленное.

Отдѣленіе 3-е.

Часть инспекторская.

Императоръ Николай I, вступивъ на престолъ, нашелъ русскія войска почти въ томъ же положеніи, въ какомъ они находились въ 1815 году при окончаніи борьбы Александра съ Наполеономъ. Были

тѣ же уставы, раздѣленіе частей, одежда, вооруженіе. Существовавшее казалось превосходнымъ, напоминая собою недавнюю громкую славу, стяжанную на безчисленныхъ поляхъ сраженій. Между тѣмъ съ 1815 до 1825 года прошло десять лѣтъ. Вѣкъ шагнулъ впередъ; родились новыя понятія, новыя потребности. Необходимость измѣнить во многомъ прежнее становилась очевидна; но возникшія войны съ Персіею и Турціею и вспыхнувшій мятежъ въ Царствѣ Польскомъ пріостановили на нѣкоторое время необходимыя преобразованія.

Князь Чернышевъ, изучившій военное искусство въ высокой школѣ Наполеона, передавалъ государю императору свои мысли, что составъ полковъ нашихъ слишкомъ слабъ для военныхъ дѣйствій и неудобенъ въ видахъ хозяйственныхъ.

Его величество вполнѣ раздѣлялъ мысли князя Чернышева и немедленно, по окончаніи войны противъ польскихъ мятежниковъ, изволилъ предположить дать нашимъ полкамъ усиленный составъ.

Въ продолженіе 1832 года обработаны всѣ подробности сего важнаго предположенія. Дѣло это требовало обширныхъ соображеній. Тогда же учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ князя Чернышева, комитетъ для начертанія способовъ къ приведенію новыхъ предположеній въ исполненіе безъ всякаго отягощенія и разстройства войскъ. По началамъ, симъ комитетомъ указаннымъ, составлены особыми комитетами положенія о способахъ и порядкѣ переформированія войскъ каждаго оружія и удостоены высочайшаго утвержденія:

Для армейской пѣхоты 28-го января 1833 года.

Для армейской кавалеріи 21-го марта 1833 года.

Для гвардейской и полевой артиллеріи 28-го декабря 1833 года.

Главнымъ послѣдствіемъ общаго переформированія войскъ было усиленіе ихъ числительности и уменьшеніе числа частей, что доставило возможность, безъ новыхъ издержекъ казны, увеличить содержаніе многимъ воинскимъ начальникамъ. Отъ этого переформированія послѣдовали слѣдующія измѣненія:

а) Въ числительности войскъ:

Генераловъ уменьшилось	89
Штабъ и оберъ-офицеровъ уменьшилось .	340
Нижнихъ чиновъ прибавилось	48.002

б) Въ составѣ частей:

Въ пѣхотѣ:

Дивизій уменьшено		5
Бригадъ »		39
Полковъ »		79
Баталіоновъ:	дѣйствующихъ увеличено	20
	резервныхъ уменьшено	7

Въ кавалеріи:

Корпусовъ уменьшено		1
Дивизій »		3
Бригадъ »		6
Полковъ »		12
Эскадроновъ:	дѣйствующихъ увеличено	48
	резервныхъ уменьшено	52

Въ артиллеріи:

Дивизій конно-артиллерійскихъ составлено			3
Бригадъ уменьшено:	пѣшихъ		5
	конныхъ		9
Батарей:	Въ гвардіи, пѣшихъ, увеличено		3
	Въ арміи:		
	пѣшихъ:	дѣйствующихъ увеличено	10
		резервныхъ уменьшено	3
	конныхъ:	дѣйствующихъ уменьшено	6
		резервныхъ увеличено	9

Переформированіе армейской пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, по опредѣлительности и ясности правилъ, начертанныхъ въ положеніяхъ, произведено съ отличнымъ успѣхомъ, такъ что не только не встрѣтилось затрудненія въ исполненіи требовавшихся распоряженій, но и не было даже вопросовъ, которые бы замедляли или останавливали ходъ переформированія. Заслуживаетъ замѣчанія, что двадцать полковъ окончили свое переформированіе въ 15 дней, 49 полковъ—въ 10 дней и 16 полковъ—въ 5 дней.

Совершившееся столь успѣшно переформированіе войскъ и приведеніе ихъ въ новый составъ указывали на неотложность мѣры, кото

рую князь Чернышевъ признавалъ совершенно необходимою для успѣшнаго теченія дѣлъ и именно: объ установленіи вѣрной, ясной и необременительной отчетности какъ о числительности людей, такъ и о состояніи войскъ по всѣмъ частямъ военнаго хозяйства. До князя Чернышева всѣ мѣры, предпринятыя правительствомъ въ семъ отношеніи, исполнялись слабо, отчего происходили неправильныя командировки, несвоевременныя увольненія, преувеличенныя требованія денегъ и вещей, чрезвычайныя затрудненія при всякихъ снаряженіяхъ войскъ. Князь Чернышевъ занялся искорененіемъ зла и устройствомъ строжайшей отчетности, составляющей основаніе всѣхъ распоряженій по военному управленію. Безъ нея нельзя ни своевременно комплектовать войска, ни устраивать правильно продовольствіе и снаряженіе, ни дѣйствовать рѣшительно и быстро при военныхъ снаряженіяхъ, большихъ сборахъ, переформированіяхъ и тому подобныхъ случаяхъ. Для сего въ 1832 году учрежденъ былъ особый комитетъ, который начерталъ *Положеніе о сокращеніи переписки въ войскахъ*. Первая часть сего положенія удостоилась высочайшаго утвержденія 15-го августа 1833 года, а вторая—3-го ноября 1834 года. Положеніемъ симъ облегченъ порядокъ сношеній войскъ съ высшимъ начальствомъ, отмѣнены многія изъ прежнихъ формъ, признанныя ненужными или затруднительными, новыя формы періодической отчетности въ людяхъ даны легкія и удобныя, опредѣленъ порядокъ и срокъ представленія ихъ министерству. Симъ средствомъ войска освободились отъ напрасной и обременительной переписки, и министерство поставлено въ возможность слѣдить за личнымъ составомъ войскъ и внутреннимъ ихъ состояніемъ. Въ инспекторскомъ департаментѣ строго и постоянно производится повѣрка срочныхъ донесеній, представляемыхъ войсками и это наблюденіе служитъ усовершенствованіемъ самаго письмоводства въ войскахъ. Достойно замѣчанія, что послѣ введенія новыхъ правилъ изъ 26.000 срочныхъ донесеній, поступающихъ въ инспекторскій департаментъ, не болѣе какъ 1/60 часть оказывается съ нѣкоторыми отступленіями отъ установленной формы. Въ настоящее время отчетность въ войскахъ доведена до такого совершенства, что департаментъ можетъ во всякое время представить самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи малѣйшей части войскъ.

Для наглядной, такъ сказать, повѣрки войскъ существуютъ *инспекторскіе смотры*. И эту часть, обезпечивающую вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннее и наружное благосостояніе войскъ, князь Чернышевъ улуч-

шилъ изданіемъ многихъ пояснительныхъ и дополнителбныхъ правилъ къ прежде существовавшимъ.

Но при самомъ отличномъ состояніи войскъ одно изъ важнѣйшихъ условій заключается въ ихъ укомплектованіи, которое соразмѣряется отъ числительности войскъ. Не отъ военнаго министра зависитъ уменьшить или увеличить войско, число коего опредѣляется политическимъ значеніемъ имперіи и отношеніями къ иностраннымъ державамъ. Къ улучшенію способовъ укомплектованія князь Чернышевъ сдѣлалъ все, что только могло отъ него зависѣть изданіемъ ясныхъ и положительныхъ правилъ о рекрутскихъ наборахъ и возможнымъ облегченіемъ сословій, несущихъ рекрутскую повинность.

Для сего въ 1831 году изданъ *рекрутскій уставъ*, которымъ опредѣлены подробно сословія рекрутской повинности подлежащія; причемъ отъ оной освобождены мѣщане, служившіе по выборамъ въ классныхъ должностяхъ и почетные граждане бывшей польской шляхты западныхъ губерній; облегчена сдача рекрутъ въ отношеніи тѣлосложенія, ограниченъ произволъ военныхъ пріемщиковъ въ браковкѣ рекрутъ и сокращены до крайней возможности денежныя издержки при сдачѣ. Наконецъ, для бóльшаго облегченія сословій, обязанныхъ сею повинностію, въ 1834 году, высочайшимъ манифестомъ 1-го августа, отмѣнены въ мирное время общіе наборы въ имперіи и установлены частные, производящіеся послѣдовательно въ двухъ полосахъ Россіи приблизительно равнымъ народонаселеніемъ. Независимо отъ сего указаны весьма важныя мѣры къ сбереженію здоровья рекрутъ, какъ во время слѣдованія съ мѣстъ пріема, такъ и при первоначальномъ фронтовомъ ихъ образованіи. Изъ распоряженій по сему предмету главнѣйшія суть слѣдующія:

а) Прежнее обмундированіе рекрутъ по образцамъ полковъ замѣнено рекрутскою одеждой, болѣе имъ свойственною и для нихъ удобнѣйшею.

б) Рекрутъ повелѣно довольствовать пищею отъ обывателей за установленную плату, съ производствомъ во время пути по три винныхъ порціи въ недѣлю.

в) При составленіи маршрутовъ наблюдается, чтобы рекруты имѣли чрезъ каждые два дня растахъ и на разстояніи болѣе 600 верстъ—по нѣсколько дней отдыха.

г) Для сокращенія перехода рекрутъ къ войскамъ, постановлено правиломъ распредѣлять рекрутъ изъ губерній, ближайшихъ къ располо-

женію дѣйствующихъ войскъ—въ эти войска, а изъ прочихъ мѣстъ—въ резервы.

д) Рекрутъ, выбираемыхъ въ гвардію, разрѣшено отправлять на обывательскихъ подводахъ съ платою прогоновъ отъ казны; для прочихъ рекрутъ нанимать извощичьи подводы, въ томъ случаѣ, когда чрезъ это сокращаются издержки, необходимыя на довольствіе рекрутъ и на прочіе расходы при слѣдованіи ихъ пѣшкомъ. Рекруты, слѣдующіе въ С.-Петербургъ по Московскому тракту, доставляются по желѣзной дорогѣ, по мѣрѣ открытія оной.

е) Для рекрутъ, назначаемыхъ собственно въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, дабы въ началѣ службы сохранить ихъ отъ дальнаго и труднаго похода на Кавказъ и постепенно пріучить къ тамошнему климату, учреждены особые резервы: при Таврическомъ гарнизонномъ баталіонѣ въ Симферополѣ и Ѳеодосіи—для рекрутъ, назначаемыхъ въ войска Черноморской береговой линіи, и въ Таганрогѣ и окрестностяхъ—для приготовленія рекрутъ въ прочія регулярныя войска Кавказскаго корпуса.

ж) Рекрутъ приказано вводить во фронтъ не ранѣе, какъ послѣ шестимѣсячнаго предварительнаго образованія; причемъ указана и самая постепенность ихъ обученія.

з) Отмѣнено установленное съ давняго времени бритье лбовъ рекрутамъ.

Принятіе всѣхъ этихъ мѣръ имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія, и именно: уменьшеніе между рекрутами смертности и побѣговъ и, въ особенности, унынія и боязни этой необходимой повинности.

Комплектное состояніе войскъ тѣсно соединено съ увольненіемъ нижнихъ чиновъ въ безсрочные отпуски, установленные съ 1834 года. Князь Чернышевъ былъ въ этомъ дѣлѣ точнымъ исполнителемъ высочайшихъ указаній. Государь императоръ, желая положить прочное основаніе резервной арміи, съ возможно меньшими расходами для государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить безпорочно-служащимъ нижнимъ чинамъ возможность, не ослабляя силы войска, возвращаться на родину въ лѣтахъ еще не преклонныхъ и быть полезными для отечества и въ нѣдрахъ своихъ семействъ, 30-го августа 1834 года, въ день открытія памятника императору Александру I, всемилостивѣйше изволилъ установить для нихъ безсрочный отпускъ, до истеченія полнаго срока службы: въ гвардіи 22-хъ лѣтъ, въ арміи—25-ти лѣтъ.

Высочайше утвержденнымъ въ этотъ день положеніемъ и дополнительными правилами, впослѣдствіи изданными, опредѣлены составъ

и размѣръ запасныхъ войскъ и порядокъ увольненія чиновъ въ безсрочный отпускъ.

Кромѣ существенной пользы безсрочныхъ отпусковъ къ облегченію службы нижнихъ чиновъ и сокращенію издержекъ казны на содержаніе войскъ, мѣра эта, указанная мыслію его величества и постоянно по высочайшимъ непосредственнымъ повелѣніямъ исполнявшаяся, оправдалась на опытѣ самыми удовлетворительными послѣдствіями, доставивъ возможность, при возникшихъ въ 1848 и 1849 годахъ въ Западной Европѣ безпорядкахъ поставить, можно сказать, мгновенно 150-титысячную западную армію въ полной силѣ и совершенномъ устройствѣ. Сформированіе этой арміи, произведенное съ необыкновенною быстротой, останется навсегда въ военныхъ лѣтописяхъ рѣдкимъ примѣромъ военнаго благоустройства.

Отдѣленіе 4-е.

Часть провіантская.

По установленнымъ правиламъ управленіе этою частію раздѣлено между провіантскимъ департаментомъ, завѣдывающимъ непосредственно внутреннимъ провіантскимъ управленіемъ, интендантствами и полевыми управленіями отдѣльныхъ корпусовъ.

При вступленіи князя Чернышева въ управленіе военнымъ министерствомъ часть провіантская завѣдывалась на основаніи положенія, изданнаго въ 1816 году.

Время, опытъ и обстоятельства указывали на необходимость измѣнить существовавшія положенія, дополнить и усовершенствовать изданныя до того времени правила. Число войскъ, довольствуемыхъ распоряженіемъ провіантскаго департамента увеличилось отъ присоединенія нѣкоторыхъ губерній къ внутреннему вѣдомству по случаю упраздненія бывшей 1-ой арміи. Кругъ дѣйствій департамента значительно распространился; обороты суммъ сдѣлались обширнѣе; частыя передвиженія войскъ требовали мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ. Недостатокъ личныхъ способовъ и неопредѣлительность правилъ сдѣлались ощутительными.

Первымъ шагомъ къ устраненію сихъ затрудненій, было изданіе въ 1835 году новаго штата для провіантскаго департамента, которымъ число чиновъ опредѣлено сообразно съ дѣйствительною необходимостью; оклады содержанія значительно увеличены, и тѣмъ самымъ дана воз-

можность привлечь на службу чиновниковъ опытныхъ, свѣдущихъ и благонадежныхъ.

Наконецъ, съ изданіемъ въ 1836 году учрежденія военнаго министерства, провіантскій департаментъ получилъ твердое устройство; составъ его и кругъ дѣйствій опредѣлены съ точностію, а даннымъ въ то же время Наказомъ начертаны положительныя основанія правильному составленію годовыхъ смѣтъ и распредѣленію суммъ; указаны правила по заготовленію продовольственныхъ припасовъ и обращено особенное вниманіе на составленіе запасовъ. Прочія части провіантскаго управленія, какъ-то: храненіе продуктовъ, порядокъ довольствія и отчетность получили также полныя и ясныя руководства. Подвѣдомственныя провіантскому департаменту коммиссіи и коммисіонерства, измѣнявшіяся по временамъ въ своемъ составѣ и округахъ, отъ передвиженія войскъ и другихъ обстоятельствъ, и неимѣвшія однообразныхъ штатовъ и положительныхъ правилъ для своихъ дѣйствій, также требовали совершеннаго преобразованія. Въ 6-й день декабря 1836 года утверждено новое для нихъ положеніе: округа ихъ разграничены сообразно съ мѣстными обстоятельствами, числомъ довольствуемыхъ войскъ и количествомъ заготовляемыхъ продуктовъ; опредѣлены права, обязанности, отношенія и отвѣтственность лицъ, составляющихъ коммиссіи и установленъ новый порядокъ дѣлопроизводства, вездѣ единообразный, соотвѣтствующій цѣли преобразованія и способствующій успѣшному ходу дѣлъ.

Замѣчательно, что по всѣмъ вновь изданнымъ штатамъ по провіантскому вѣдомству, число чиновъ увеличено только *на одну четвертую* часть, а содержаніе ихъ увеличено *болѣе* чѣмъ *вдвое*, но несмотря на это изъ государственнаго казначейства потребовалась та же сумма, которая отпускалась и прежде; новую же прибавку князь Чернышевъ нашелъ возможнымъ обратить на собственныя средства министерства.

Главнѣйшее усовершенствованіе провіантской части состояло въ коренномъ измѣненіи системы провіантскихъ заготовленій. Въ 1-мъ отдѣленіи сей главы объяснены подробно неудобства употребляемыхъ до того времени способовъ пріобрѣтенія продуктовъ и мѣръ къ устраненію сихъ неудобствъ, постановленныя высочайше утвержденнымъ 27-го апрѣля 1838 года положеніемъ о казенныхъ заготовленіяхъ военнаго вѣдомства.

Польза и выгода новой системы оправдалась на опытѣ самыми удовлетворительными послѣдствіями. Промышленники, избѣгавшіе до того

времени участія въ торгахъ, по вліянію, которое имѣли провіантскіе коммисіонеры и привлеченные къ подрядамъ значительными облегченіями, ясностію и опредѣлительностію условій—стали почти повсюду предлагать свои вызовы. Соревнованіе многочисленнаго класса хлѣбныхъ торговцевъ, ограждая казну отъ монополій, представило возможность не только пріобрѣтать продукты, но даже и сдѣлать огромныя сбереженія противу смѣтныхъ суммъ.

Къ мѣрамъ, изысканнымъ княземъ Чернышевымъ въ видахъ не однѣхъ только выгодъ военнаго министерства, но общей государственной пользы, слѣдуетъ отнести слѣдующія распоряженія: покупка хлѣба прямо отъ дворянъ и пополненіе накопившихся податныхъ недоимокъ поставкою мѣстными жителями провіанта въ войска и команды. Князь Чернышевъ, предпочитая всегда способъ подрядный, какъ выгоднѣйшій для казны, старался привлекать къ торгамъ дворянство, для пріобрѣтенія продуктовъ изъ рукъ первыхъ производителей земледѣльческой промышленности. Но старанія эти оставались нѣкоторое время безуспѣшны. Дворяне неохотно являлись на торги и хотя принимали въ нихъ участіе, но не одинъ подрядъ не оставался за ними. Препятствіемъ къ этому было: неопытность нашихъ дворянъ въ дѣлахъ коммерческихъ, какое-то опасеніе, переходившее отъ преданій прежнихъ лѣтъ—имѣть дѣло съ казною и самое главное недостаточность свободныхъ залоговъ, потому что почти всѣ наши дворянскія недвижимыя имѣнія заложены въ кредитныхъ установленіяхъ. Князь Чернышевъ начерталъ облегчительныя правила для дворянскихъ поставокъ, которыя разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ и уд стоились высочайшаго утвержденія въ 25-й день мая 1846 года. Главныя основанія этихъ правилъ заключаются въ томъ, что дворяне допускаются къ поставкѣ провіанта отдѣльно и компаніями изъ нѣсколькихъ лицъ съ обезпеченіемъ сихъ поставокъ свободными и заложенными вь кредитныхъ установленіяхъ имѣніями ихъ, по положеніямъ составленнымъ соучастниками подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства и съ утвержденія губернскаго предводителя. Мѣры эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ что въ первый годъ послѣ введенія этихъ правилъ, дворянами разобрана была $^1/_8$ часть всего годового заподряда. Съ тѣхъ поръ они постоянно участвуютъ въ провіантскихъ поставкахъ. Но главнѣйшую причину успѣха сей системы надобно отнести къ тому довѣрію, которое князь Чернышевъ умѣлъ внушить всѣмъ сословіямъ къ его управленію. Неослабно слѣдя за ходомъ хозяйственныхъ операцій, князь Чернышевъ разсылалъ всюду довѣренныхъ ему лицъ для наблюденія

на мѣстѣ за дѣйствіями казенныхъ пріемщиковъ, за непритѣсненіемъ подрядчиковъ при сдачѣ хлѣба и за немедленнымъ ихъ удовлетвореніемъ слѣдующими деньгами. Для этого также князь Чернышевъ особенно заботился, чтобы всюду заблаговременно имѣлись достаточныя денежныя суммы. Всѣми этими распоряженіями успѣлъ привлечь на торговое поприще первое государственное сословіе. Казна получила весьма значительныя выгоды отъ столь полезнаго соперничества и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣра эта послужила самымъ дѣйствительнымъ поощреніемъ земледѣльческой промышленности и разлило между многочисленнымъ классомъ сельскихъ хозяевъ тѣ денежныя выгоды, которыя прежде скоплялись въ рукахъ нѣсколькихъ оптовыхъ торговцевъ. Распоряженіе о пополненіи податныхъ недоимокъ въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ и поставкою мѣстными жителями провіанта прямо въ войска также заслуживаетъ особеннаго вниманія своими полезными послѣдствіями. Этимъ способомъ сельскіе обыватели, затруднявшіеся въ продажѣ своихъ продуктовъ, по причинѣ низкихъ цѣнъ, при хлѣбномъ изобиліи, нашли обильный источникъ къ сбыту, а съ другой стороны пополнилась значительная часть казенныхъ недоимокъ, взысканіе коихъ не могло быть безъ затрудненія.

Озабочиваясь возможно выгоднымъ заготовленіемъ продуктовъ, князь Чернышевъ обратилъ особенное вниманіе, что только составленіе *неприкосновенныхъ запасовъ* можетъ вывести министерство изъ затрудненія въ неурожайные годы и поставить его въ независимость отъ произвола подрядчиковъ при внезапномъ возвышеніи цѣнъ. Успѣвъ съ 1836 года составить уже значительные запасы единственно посредствомъ сбереженій и устройства провіантскаго хозяйства, князь Чернышевъ поставленъ былъ въ необходимость въ 1840 году, для воспособленія государственному казначейству, обратить изъ неприкосновеннаго запаса 220.000 четвертей муки съ соразмѣрною пропорціею крупъ, для текущаго довольствія войскъ и отпустить 60.000 на продовольствіе жителей Москвы.

Съ того времени, не смотря на затруднительныя обстоятельства, князь Чернышевъ съ постоянною неусыпною заботливостію употреблялъ всѣ средства къ пополненію запаса. Въ особенности въ 1842 и 1843 годахъ, не смотря на ограниченіе провіантской смѣты, сокращенной въ эти два года на 7.000.000 рублей серебромъ, князь Чернышевъ не преминулъ воспользоваться выгодностію тогдашнихъ цѣнъ и успѣлъ собственными средствами министерства, безъ всякаго пособія со сто-

роны государственнаго казначейства, заготовить въ теченіе трехъ лѣтъ болѣе 300.000 четвертей муки.

Устройство провіантскихъ запасовъ, служа надежнѣйшимъ обезпеченіемъ къ исправному довольствію войскъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельнымъ источникомъ къ вспособленію другимъ вѣдомствамъ въ общей государственной нуждѣ. Такимъ образомъ, въ неурожайные годы отпущено разнымъ вѣдомствамъ заимообразно изъ запасовъ военнаго вѣдомства до 200.000 четвертей муки и болѣе 50.000 четвертей овса.

Въ заключеніе описанія провіантской части остается изложить распоряженія на счетъ довольствія войскъ винными и мясными порціями и солью, производство коихъ относится до провіантскаго управленія.

Государь императоръ въ неусыпной отеческой попечительности о благосостояніи войскъ, всегда признавалъ улучшеніе содержанія нижнихъ чиновъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ предметовъ въ видахъ общаго благоустройства войскъ. Нѣкоторыя предположенія къ достиженію сей благонамѣренной цѣли, не могли быть во всѣхъ частяхъ выполнены. На государственное казначейство не было возможности обратить столь огромнаго расхода, собственныя же средства военнаго министерства были крайне истощены. Наконецъ, при успѣшномъ дѣйствіи провіантскаго управленія, огромныя сбереженія, послѣдовавшія отъ измѣненія правилъ заготовленія продуктовъ, поставили капиталы военнаго министерства въ столь удовлетворительное положеніе, что въ 1836 году представилась возможность привести въ исполненіе указанныя его величествомъ мѣры къ улучшенію довольствія войскъ.

Съ 1836 года высочайшими указами въ разное время послѣдовавшими до 1852 года, порціонное довольствіе увеличено въ *девять* разъ противъ прежняго. Сверхъ того всемилостивѣйшее повелѣно отпускать нижнимъ чинамъ въ годъ по полупуду соли на человѣка, чего прежде войска вовсе не получали.

Такимъ образомъ приведена въ исполненіе благотворная мысль государя императора, служащая къ подкрѣпленію здоровья солдатъ и существеннымъ улучшеніемъ ихъ содержанія.

Отдѣленіе 5-е.

Часть коммисаріатская.

Второй предметъ военнаго хозяйства: снабженіе войскъ одеждою, аммуниціею и жалованьемъ, составляетъ кругъ дѣйствій коммисаріата и подвѣдомственныхъ ему мѣстъ. Князь Чернышевъ нашелъ въ 1827 году сію отрасль управленія въ самомъ безпорядочномъ состояніи и совершенномъ разстройствѣ. Личный составъ коммисаріата отнюдь не соотвѣтствовалъ потребностямъ службы; заготовленіе вещей находилось въ рукахъ одного монополиста; вещи ставились дурного качества и не въ назначенные сроки; слѣдствіемъ чего было несвоевременное довольствіе войскъ и значительныя браковки; счеты, накопившіеся за прежнее время и возросшіе до огромной суммы 65-ти милліоновъ рублей серебромъ, при неимѣніи положительныхъ правилъ въ отчетности, затрудняли ходъ дѣлъ текущихъ; наконецъ, для удовлетворенія самыхъ неотложныхъ потребностей, необходимо было прибѣгать къ переборамъ по смѣтнымъ суммамъ. Такое положеніе коммисаріата не могло не обратить на себя заботливаго вниманія правительства и въ 1827 году положено начало усовершенствованіямъ по коммисаріатской части. Первою весьма важною къ тому мѣрою была передача старыхъ счетовъ въ государственный контроль, что весьма облегчило дѣйствія коммисаріата; но возникшія войны съ Персіею и Турціею и мятежъ въ Царствѣ Польскомъ не дали возможности продолжать эти улучшенія и коммисаріатъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ оставался въ прежнемъ положеніи.

Съ окончаніемъ упомянутыхъ войнъ дѣла въ коммисаріатѣ увеличились до чрезмѣрности; разсчеты съ интендантствами, разборъ дѣлъ по продовольствію госпитателей, по перевозкѣ тяжестей и по другимъ предметамъ требовали неимовѣрныхъ усилій и трудовъ, а средства департамента были весьма недостаточны и не соотвѣтствовали военнымъ силамъ имперіи. При весьма ограниченныхъ окладахъ жалованья, департаментъ не имѣлъ возможности пріобрѣтать полезныхъ и благонадежныхъ чиновниковъ; производство дѣлъ въ коммиссіяхъ, не смотря на всѣ понужденія, было медленно; вообще разстройство всего управленія было очевидно.

По окончаніи Польской кампаніи немедленно было приступлено къ преобразованію коммисаріатской части, и въ 1832 году изданъ временной штатъ и положеніе о новомъ составѣ коммисаріатскаго департамента. Изданіе этого штата, коимъ увеличено число чиновниковъ и

содержаніе имъ возвышено болѣе чѣмъ втрое противъ прежняго, особенно замѣчательно тѣмъ, что это было первымъ шагомъ къ приведенію въ исполненіе благодѣтельной и постоянной заботливости князя Чернышева о возможномъ улучшеніи быта служащихъ чиновниковъ. Штатъ этотъ послужилъ впослѣдствіи основаніемъ къ увеличенію окладовъ не только прочихъ чиновъ военно-сухопутнаго вѣдомства, но и во всѣхъ другихъ частяхъ государственнаго управленія.

Еще прежде введенія новаго положенія о казенныхъ заготовленіяхъ, князь Чернышевъ принялъ многія предварительныя мѣры къ искорененію существовавшихъ злоупотребленій по коммисаріатской части и указалъ новыя основанія дѣйствіямъ этой части. Онъ возложилъ заготовленіе вещей, до тѣхъ поръ сосредоточенное въ одной Москвѣ, на коммисіи, и приказалъ производить заготовленія посредствомъ узаконенныхъ торговъ, къ коимъ вызываются частные поставщики. Тѣмъ устранено прежнее единоторжество, вредное казнѣ и промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уничтожилъ, такъ называвшіяся провозныя цѣны, которыя служили средствомъ скрывать отъ правительства истинную издержку на вещи и вмѣсто нихъ установилъ для каждой коммиссіи положительныя цѣны. Для успѣха въ торгахъ и правильности поставокъ воспретилъ браковку вещей за такими пороками, которые не препятствовали имъ выслужить опредѣленный срокъ и быть употребленными по назначенію. Въ установленіи образцовъ устранилъ излишество, воспретивъ требовать отъ вещи достоинства, несоразмѣрнаго существенной ея надобности. Невѣроятное уменьшеніе брака было слѣдствіемъ сего распоряженія. До 1827 года въ коммисаріатѣ оказывалось ежегодно бракованныхъ вещей слишкомъ на 200.000 рублей серебромъ, а впослѣдствіи же не болѣе какъ на сумму отъ 8.000 до 10.000 рублей.

Со введеніемъ новаго положенія, высочайше утвержденнаго 27-го апрѣля 1838 года о казенныхъ заготовленіяхъ военнаго министерства, измѣнился совершенно и прежній ходъ коммисаріатскихъ поставокъ. Облегчительными условіями, при надлежащемъ однако же обезпеченіи казны отъ убытковъ, устранены затрудненія, встрѣчавшіяся прежде при самомъ производствѣ подрядовъ, а главное доставлена возможность лицамъ, вступающимъ въ подряды, исполнять ихъ съ точностію, безъ опасенія подвергнуться разоренію. Прежде постановлено было, въ обезпеченіе подряда принимать въ залогъ рубль за рубль, до половины подрядной суммы. При неисправности подрядчика, заготовлялись вещи на его счетъ, со взысканіемъ передачи противъ его цѣнъ и сверхъ того штрафъ, по $1/2$ копѣйки съ рубля на мѣсяцъ, со всей суммы под-

ряда. Новыми правилами отмѣнена покупка вещей на счетъ подрядчика и штрафныя деньги, а опредѣлена только неустойка въ случаѣ неисправности его.

Всѣ эти улучшенія имѣли самыя выгодныя послѣдствія на коммисаріатскія заготовленія и доставили значительныя сбереженія, которыя давали денежные обороты коммисаріата, въ столь удовлетворительное состояніе, что въ 1836 году представилась возможность привести въ исполненіе волю монарха: производить штабъ и оберъ-офицерамъ, не получающимъ столовыхъ денегъ, первымъ по два, а послѣднимъ по одному рублю, въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ объяснено въ предшествовавшей статьѣ, нижнимъ чинамъ отпускаются винныя и мясныя порціи. Расходъ сей отнесенъ на суммы, сберегаемыя коммисаріатомъ отъ увольненія офицеровъ въ продолжительные отпуски, а недостающая затѣмъ сумма выдается изъ экономическаго капитала военнаго министерства, составленнаго заботливостію князя же Чернышева и средствами, имъ изысканными.

Въ предыдущемъ отдѣленіи сей главы о дѣйствіяхъ по провіантской части подробно изложена милость, высочайше дарованная его императорскимъ величествомъ войскамъ всемилостивѣйшимъ увеличеніемъ порціоннаго довольствія нижнихъ чиновъ. Здѣсь слѣдуетъ объяснить мѣру столь же благодѣтельную, указанную его величествомъ къ улучшенію быта офицеровъ значительнымъ увеличеніемъ ихъ содержанія.

Прежде генералы, штабъ и оберъ-офицеры военно-сухопутнаго вѣдомства получали жалованье по табели, высочайше утвержденной въ 1816 году.

Указами 1-го января 1835 и 6-го декабря 1838 годовъ увеличено жалованье военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ слишкомъ на 2.000.000 рублей серебромъ.

При семъ слѣдуетъ объяснить, что въ младшихъ офицерскихъ чинахъ, въ коихъ недостаточность жалованья была наиболѣе ощутительна, оклады увеличены почти *вдвое*.

Устроивъ исправное снабженіе войскъ предметами коммисаріатскаго довольствія, князь Чернышевъ обратилъ вниманіе, что надежнѣйшимъ средствомъ къ обезпеченію этого снабженія служитъ составленіе вещевыхъ запасовъ, которые могли бы съ одной стороны доставить возможность удовлетворять экстренныя потребности, а съ другой поставить министерство въ независимость отъ излишнихъ требованій подрядчиковъ и необходимыхъ въ такихъ случаяхъ передачъ при возвышеніи цѣнъ на предметы заготовленія.

Къ исполненію этой благодѣтельной мѣры приступлено немедленно по окончаніи Турецкой кампаніи. Первоначальное устройство запасовъ коммисаріатскихъ вещей предпринято было княземъ Чернышевымъ собственно въ высшихъ видахъ благоразумнаго военнаго хозяйства, но впослѣдствіи времени, съ учрежденіемъ въ 1834 году безсрочныхъ отпусковъ, открылась въ нихъ дѣйствительная потребность для обмундированія безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, какъ при ежегодныхъ ихъ сборахъ для практическихъ занятій, такъ и на случай общаго ихъ призыва на дѣйствительную службу. Государю императору благоугодно было составить для нихъ особый запасъ, названный *неприкосновеннымъ*, и уже это одно слово показываетъ всю важность его назначенія. При неусыпномъ и постоянномъ попеченіи о приведеніи этихъ запасовъ въ размѣръ, его величествомъ указанный, князь Чернышевъ издалъ положеніе, удостоившееся высочайшаго утвержденія въ 12-й день мая 1843 года, коимъ въ подробности опредѣляются порядокъ храненія вещей въ запасахъ, наблюденіе и отвѣтственность за ихъ цѣлостію, мѣста складовъ и порядокъ снабженія ими войскъ. Удобность этихъ правилъ и вѣрность принятыхъ княземъ Чернышевымъ мѣръ оправдались самымъ блестящимъ образомъ на опытѣ при сформированіи въ 1848 году запасной арміи, когда, по случаю возникшихъ на западѣ Европы безпокойствъ, государь изволилъ призвать на службу всѣхъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Высочайшее повелѣніе о сборѣ сихъ чиновъ послѣдовало въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года. Услышавъ съ восторгомъ призывъ монарха, безсрочно-отпускные стекались со всѣхъ сторонъ и въ апрѣлѣ стали въ ряды войска; но прежде нежели они успѣли собраться, уже на всѣ пункты сборовъ доставлено было слѣдовавшее имъ снаряженіе, такъ что сформированіе арміи слишкомъ въ 150.000 произведено съ неимовѣрною быстротой и не встрѣтило нигдѣ и ни въ чемъ ни малѣйшаго затрудненія. Объ этомъ доносили письменно генералъ и флигель-адъютанты, которые, по принятому государемъ императоромъ обыкновенію, посланы были его величествомъ на мѣста, для ближайшаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ его повелѣній.

Къ сему слѣдуетъ присовокупить, что только одна треть всей суммы, требовавшейся на заготовленіе огромнаго количества неприкосновенныхъ запасовъ, отпущена изъ государственнаго казначейства; всѣ же прочія вещи заготовлены собственными средствами министерства.

И все это плоды трудовъ и заботъ князя Чернышева. Русскій монархъ достойнымъ образомъ оцѣнилъ эти заслуги князя Чернышева и

въ 25-й день іюня 1848 года пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами, для ношенія въ петлицѣ, при слѣдующемъ высочайшемъ рескриптѣ:

«Князь Александръ Ивановичъ! Долговременное служеніе ваше престолу и отечеству ознаменовано примѣрными государственными заслугами. Незабвенной памяти императоръ Александръ I, съ самаго вступленія вашего на служебное поприще, обратилъ на васъ вниманіе, и облеченные его довѣріемъ, вы постоянно были призываемы къ исполненію важныхъ порученій и благихъ его предначертаній. Подвиги въ Отечественную войну и предпринятое вскорѣ затѣмъ, подъ вашимъ главнымъ руководствомъ, устройство войска Донского останутся навсегда памятниками отличнаго вашего служенія въ царствованіе въ Бозѣ почивающаго брата нашего. Въ справедливомъ сознаніи высокихъ заслугъ вашихъ, я ввѣрилъ вамъ военное министерство. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе двадцати одного года, неусыпною дѣятельностію, неутомимыми трудами и заботами поставили вы всѣ части сего обширнаго и многосложнаго управленія на степень примѣрнаго порядка и благоустройства. Я долженъ отдать полную справедливость, что полезными преобразованіями по всѣмъ отраслямъ военно-сухопутнаго вѣдомства, усовершенствованіемъ хозяйства и учрежденіемъ строгой отчетности приготовлены вами всѣ способы къ успѣшному исполненію указанной мною мѣры объ учрежденіи особой военной силы, необременительной для государства въ мирное время и готовой по первому призыву стать въ ряды моего воинства. Нынѣ, согласно моимъ видамъ и желаніямъ, мысль сія осуществилась сформированіемъ въ самое короткое время западной арміи изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. При семъ случаѣ, я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что снабженіе всѣхъ запасныхъ войскъ, а равно и дѣйствующей арміи, приведенной въ военное положеніе, произведено съ необыкновенною быстротою и совершенною исправностію изъ наличныхъ запасовъ, составленныхъ вашею благоразумною заботливостію и распорядительностію. Во изъявленіе всегдашняго моего благоволенія и душевной признательности за столь достохвальное и истинно полезное служеніе ваше, всемилостивѣйше жалую вамъ портретъ мой, алмазами украшенный, для ношенія въ петлицѣ, который при семъ препровождая, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный».

Отдѣленіе 6-е.

Часть медицинская.

Попеченіе о здоровьѣ воинства, посвящающаго жизнь служенію монарха, постоянно было дѣломъ князя Чернышева, но дѣломъ, при совершеніи коего, въ началѣ своего управленія, встрѣчалъ онъ сильное затрудненіе, поставляемое самою природою. Русскія войска гибли тысячами въ походахъ, веденныхъ тогда въ вредоносныхъ климатахъ и отъ заразительныхъ болѣзней, которыя постигли ихъ на войнѣ и въ мирномъ расположеніи.

Чума свирѣпствовала съ 1828 по 1830 годъ въ арміи, дѣйствовавшей противъ турковъ, и въ Кавказскомъ корпусѣ; въ 1832 и 1833 годахъ она вспыхнула въ русскомъ отрядѣ, содержавшемъ гарнизонъ въ Силистріи. Всего были ея жертвою 23.098 человѣкъ. Холера обнаружилась въ 1828 году въ Кавказскомъ и Оренбургскомъ корпусахъ; въ 1830 и 1831 годахъ она обхватила всѣ войска, расположенныя въ Европейской Россіи, и армію въ Польшѣ. Хотя не въ такой мѣрѣ, но гибельны были войскамъ горячки, перемежающіяся лихорадки, поносы, цынга и воспаленіе глазъ.

Первымъ условіемъ, если не къ совершенному устраненію, то по крайней мѣрѣ къ облегченію и предупрежденію болѣзней, было—увеличеніе числа врачей. Ограниченность содержанія, получаемаго военными медиками, весьма затрудняла правительство въ пополненіи штатныхъ мѣстъ опытными медиками, потому что знающій врачъ находилъ болѣе для себя выгоднымъ вольную практику, чѣмъ служеніе при войскахъ, гдѣ все его время должно быть посвящено исполненію служебныхъ обязанностей. По необходимости надобно было прибѣгать къ вызову иностранныхъ медиковъ, которымъ предоставлялись особенныя права и выгоды; но какъ врачи эти не вполнѣ соотвѣтствовали служеніямъ правительства, то князь Чернышевъ призналъ, что и въ этомъ случаѣ вѣрнѣйшій способъ къ привлеченію и къ удержанію опытныхъ врачей на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ заключается въ улучшеніи ихъ содержанія и въ доставленіи преимуществъ, которыя бы уравнивали ихъ бытъ съ прочими медиками.

Прежде военно-медицинскіе чиновники получали содержаніе по чинамъ, скудное, едва могущее удовлетворять главнымъ потребностямъ жизни. По ходатайству князя Чернышева высочайше утверждено въ 1843 году новое положеніе о военно-медицинскихъ чиновникахъ, коимъ всемилостивѣйше дарованы имъ права и преимущества и увеличено ихъ

содержаніе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна высочайшая милость, чтобы по истеченіи каждыхъ пяти лѣтъ жалованье чиновника увеличивать одною четвертью, такъ что прослужившій 20 лѣтъ получаетъ двойной окладъ жалованья; по прослуженіи 30-ти лѣтъ этотъ окладъ обращается въ пенсію, которая производится и на службѣ. Такимъ образомъ, медицинскій чиновникъ можетъ получать четверное содержаніе, его должности присвоенное. Прежде самый меньшій окладъ былъ—171 руб. серебромъ; нынѣ онъ составляетъ—250 рублей. Почти въ такомъ же размѣрѣ увеличены и высшіе оклады.

Благодѣтельныя мѣры принесли самыя полезныя послѣдствія, такъ что хотя штатное число медиковъ увеличено болѣе чѣмъ на 850 чиновъ противъ прежняго, но не только войска и госпитали снабжены вполнѣ медиками, но сверхъ того военно-медицинское вѣдомство посильно содѣйствовало гражданскому командированіемъ своихъ медиковъ при свирѣпствовавшихъ въ государствѣ эпидеміяхъ.

Въ самомъ управленіи военно-медицинскою частію сдѣланы княземъ Чернышевымъ существенныя преобразованія.

Прежде оно было сосредоточено въ медицинскомъ департаментѣ, директоромъ коего былъ главный инспекторъ медицинской части по арміи. Порядокъ этотъ оказался на опытѣ неудобнымъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ должности директора, требовавшей непремѣннаго присутствія въ С.-Петербургѣ, и должности главнаго инспектора, сопряженной съ разъѣздами, крайне затрудняло ходъ управленія. Съ изданіемъ въ 1836 году новаго учрежденія военнаго министерства, важное неудобство это устранено и должность главнаго инспектора совершенно отдѣлена отъ должности директора департамента. Въ департаментѣ сосредоточены всѣ распоряженія по военно-медицинской части, а главному инспектору поручены надзоръ за успѣхомъ врачеванія и часть ученая.

Независимо отъ сего, учрежденъ медицинскій военно-ученый комитетъ, для разсмотрѣнія предметовъ, требующихъ окончательнаго заключенія собственно въ ученомъ, или медико-полицейскомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ.

Къ мѣрамъ по усовершенствованію медицинскаго довольствія относится пересмотръ медицинскихъ каталоговъ прежняго времени, по коимъ снабжались госпитали и лазареты лекарствами. Каталоги эти пересмотрѣны, усовершенствованы, и въ 1841 году высочайше утверждены новые каталоги: одни—для войскъ и госпиталей, внутри Имперіи находящихся, и другіе—для войскъ и госпиталей Кавказскаго корпуса.

Но особенное вниманіе заслуживаетъ улучшеніе прежнихъ хирур-

гическихъ инструментовъ, которые ни отдѣлкою своею, ни составомъ наборовъ не соотвѣтствовали нынѣшнему состоянію хирургіи. Образцы усовершенствованныхъ хирургическихъ наборовъ высочайше утверждены въ 1844 году и ими во время управленія князя Чернышева снабжены почти всѣ войска.

Можно себѣ представить какой заботливости требовалось для своевременнаго и исправнаго снабженія войскъ медикаментами при тѣхъ несчастныхъ эпидеміяхъ, которыя почти постоянно свирѣпствовали въ разныхъ краяхъ Имперіи, и при расположеніи значительной части нашихъ войскъ въ зловредномъ климатѣ. Сверхъ того военныя дѣйствія требовали еще особенныхъ распоряженій по заготовленію запасовъ лекарствъ. Таковыхъ запасовъ заготовлено было: въ Персидскую войну—на 150.000 человѣкъ, въ Турецкую—на 450.000, въ войну противъ польскихъ мятежниковъ—на 200.000 и въ походъ противъ мятежныхъ венгровъ—на 412.000 человѣкъ.

Обращая всегда особенное вниманіе на сбереженіе издержекъ казны, князь Чернышевъ нашелъ возможнымъ доставить казнѣ и по медицинской части значительныя выгоды.

Въ видахъ сохраненія выгодъ казны сдѣлано было распоряженіе о ежегодномъ сборѣ хозяйственнымъ образомъ дикорастущихъ лекарственныхъ растеній и заведеніе при нѣкоторыхъ госпиталяхъ и войскахъ ботаническихъ садовъ и огородовъ. Этою мѣрою собрано до 1852 года лекарственныхъ растеній—на 391.180 руб. сер., составляющихъ чистую прибыль казны, потому что медикаменты не были требуемы по каталогамъ.

Принимая самыя дѣятельныя мѣры въ случаѣ появленія въ войскахъ эпидемическихъ или заразительныхъ болѣзней, князь Чернышевъ обратилъ вниманіе, что къ уменьшенію обыкновенной смертности въ войскахъ служитъ главнѣйше: предупрежденіе болѣзней въ войскахъ мѣрами медико-полицейскими, наблюденіе за успѣшнымъ пользованіемъ больныхъ и снабженіе госпиталей свѣдущими медиками. Съ сею цѣлію князь Чернышевъ строго наблюдалъ, чтобы госпитали исправно и своевременно осматривались лицами, на коихъ такой осмотръ возложенъ закономъ и сверхъ того нарочно командированными медиками. Такимъ постепеннымъ и неослабнымъ надзоромъ госпитали поставлены на ту степень устройства, что могутъ считаться едва ли не образцовыми.

Въ заключеніе всего вышеизложеннаго слѣдуетъ присовокупить, что Императорская С.-Петербургская медико-хирургическая академія, служащая главнѣйшимъ источникомъ къ снабженію военнаго вѣдом-

ства медиками—усовершенствована въ отношеніи содержанія учащихся и системы преподаванія; учебныя пособія значительно увеличены и улучшены. Мѣрами поощреній князь Чернышевъ успѣлъ доставить сему заведенію такихъ преподавателей, которые, сами занимая почетное мѣсто въ ученомъ свѣтѣ, успѣли образовать достойныхъ себѣ учениковъ.

Отдѣленіе 7-е.

Часть артиллерійская.

При вступленіи князя Чернышева въ управленіе военно-сухопутнымъ вѣдомствомъ, русская артиллерія шесть лѣтъ уже находилась подъ завѣдываніемъ незабвеннаго ея генералъ-фельдцейхмейстера его императорскаго высочества блаженныя памяти государя великаго князя Михаила Павловича. Всѣ мѣры улучшеній и преобразованій, которыя его высочество, съ самаго начала своего управленія, признавалъ нужными и полезными, получили полное развитіе въ управленіе князя Чернышева военнымъ министерствомъ. Въ существовавшихъ прежде правилахъ завѣдыванія артиллерійскою частію, встрѣчались весьма значительныя затрудненія отъ неопредѣлительности отношеній лицъ, коимъ ввѣрено было артиллерійское вѣдомство, отъ недостаточнаго разграниченія ихъ власти и обязанностей. Всѣ эти неудобства устранены изданіемъ въ 1838 году положенія объ управленіи генералъ-фельдцейхмейстера. Этими узаконеніями военному министерству подчинена часть хозяйственная во всѣхъ ея видахъ и отношеніяхъ, а генералъ-фельдцейхмейстеру—личный составъ и часть искусственная. Артиллерійскій департаментъ получилъ совершенное преобразованіе; всѣ предметы вѣдѣнію его подлежащіе, распредѣлены ясно и положительно и изданъ новый штатъ, коимъ число чиновниковъ уменьшено, сообразно дѣйствительной въ нихъ потребности, съ улучшеніемъ содержанія прочихъ. Противъ прежняго штата, убавлено только 22 чиновника, но содержаніе увеличено на 44.582 рубля серебромъ. Артиллерійскіе округи также переобразованы: сверхъ прежнихъ 11-ти округовъ, учрежденъ западный округъ въ Царствѣ Польскомъ, старо-финляндскій и ново-финляндскій округи—соединены въ одинъ финляндскій и существовавшее въ Москвѣ съ 1787 года артиллерійское депо упразднено, съ замѣною онаго учрежденіемъ московскаго артиллерійскаго округа.

Ни одна часть военно-сухопутнаго управленія не подвергалась

большимъ преобразованіямъ, какъ артиллерійское вѣдомство. Почти всѣ новыя заграничныя изобрѣтенія по усовершенствованію вооруженія войскъ въ артиллеріи были у насъ испытываемы, примѣняемы къ нашимъ войскамъ и постепенно вводимы, съ необходимыми измѣненіями и улучшеніями, такъ что состояніе артиллерійской части за все это время можно назвать *переходнымъ*.

Существенный недостатокъ по хозяйственной части артиллерійскаго управленія заключался прежде въ томъ, что департаментъ не имѣлъ точныхъ правилъ для постоянныхъ и ежегодныхъ занятій заводовъ и арсеналовъ и для учета ихъ дѣйствій. Недостатокъ этотъ былъ причиною, что при всемъ избыткѣ въ Россіи перваго матеріала, необходимаго на дѣло оружія, снабженіе арміи оружіемъ, при усиленномъ экстренномъ требованіи, подвергалось затрудненіямъ; сверхъ того и самыя заведенія артиллерійскаго вѣдомства находились въ весьма разстроенномъ состояніи.

Всѣ три оружейные завода: Сестрорѣцкій, Тульскій и Ижевскій, были въ крайнемъ запущеніи, въ особенности первые два.

Въ Сестрорѣцкомъ всѣ безъ исключенія строенія требовали важныхъ поправокъ и перестроекъ, а водопроводныя русла, колеса, приводимыя въ движеніе водою, и большую часть машинъ нужно было замѣнить новыми.

Тульскій заводъ имѣлъ столь ветхія деревянныя фабрики, что въ нихъ почти нельзя было производить работъ. Сверхъ того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1827 года, на семъ заводѣ прорвалась плотина, а въ 1834 году сгорѣла значительная часть заводскихъ строеній.

На Ижевскомъ заводѣ былъ недостатокъ въ машинахъ хорошаго устройства.

Въ управленіе князя Чернышева заводы получили важныя улучшенія по частямъ хозяйственной и технической.

Эти улучшенія были тѣмъ болѣе необходимы, что передѣлка оружія по новымъ образцамъ, которые введены въ нашихъ войскахъ, требовали и усиленной дѣятельности оружейныхъ заводовъ. Такимъ образомъ въ 1828 году утверждены были образцы оружія, съ укороченными стволами и съ удлиненными штыками. Передѣлка оружія по симъ образцамъ производилась съ 1833 по 1839 годъ. Наконецъ, съ 1843 года началась передѣлка кремневаго оружія въ ударное и снабженіе онымъ войскъ, а съ 1845 года введено заготовленіе на заводахъ новаго оружія ударной системы, причемъ обращено самое строгое вниманіе на точную и единообразную отдѣлку онаго.

Самая выдѣлка оружія получила значительное усовершенствованіе. Успѣхи въ этомъ отношеніи доказываются тѣмъ, что взятыя въ 1832 году, безъ выбора, изъ приготовленныхъ на нашихъ заводахъ ружья оказались лучшими противъ присланныхъ тогда изъ Бельгіи и Франціи 13-ти образцовъ, по которымъ предлагали тамошніе фабриканты дѣлать ружья для нашихъ войскъ.

Со введеніемъ системы ударнаго оружія открылась потребность въ капсюляхъ. Въ 1844 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при Охтенскомъ пороховомъ заводѣ капсюльнаго заведенія, въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно могло сдѣлать 100.000 въ день или 24.000.000 въ годъ. Къ началу 1845 года построены зданія, необходимыя для сего заведенія и установлены въ нихъ машины, а съ 5-го марта того же года начаты работы. Въ концѣ 1845 года, по случаю увеличившейся потребности капсюлей, высочайше повелѣно было: Охтенское заведеніе привесть въ такое состояніе, чтобы оно могло дѣлать 40.000.000 капсюлей въ годъ, и въ такомъ же размѣрѣ устроить другое заведеніе при Шостенскомъ пороховомъ заводѣ. Все это исполнено къ началу 1848 года и оба заведенія начали дѣйствовать съ февраля мѣсяца того года.

Изъ числа трехъ пороховыхъ заводовъ, одинъ Казанскій находился въ довольно исправномъ состояніи; Охтенскій заводъ до того былъ разстроенъ, что въ немъ вовсе нельзя было дѣлать пороха, а въ Шостенскомъ—въ вододѣйствующихъ фабрикахъ остановились работы, за недостаткомъ воды.

При такомъ положеніи заводовъ, они, за всѣми усиліями, не могли въ 1827 году сдѣлать пороха болѣе 39.600 пудовъ. Распоряженіями князя Чернышева по устройству новыхъ гидравлическихъ сооруженій, усовершенствованію машинъ и увеличенію зданій, заводы доведены до того, что могутъ приготовлять пороха *втрое* противъ прежняго.

Изъ четырехъ мѣстныхъ арсеналовъ, въ лучшемъ положеніи находился С.-Петербургскій; Брянскій же и Кіевскій нуждались въ пособіяхъ по части механической. Казанскій арсеналъ, послѣ пожара въ 1815 году, не имѣлъ вовсе мастерскихъ и не комплектуясь мастеровыми, постепенно уменьшался въ составѣ своемъ, а въ 1848 году— уничтожены другимъ пожаромъ принадлежавшія ему деревянныя хранилища.

Изъ числа мѣръ, принятыхъ къ улучшенію мѣстныхъ арсеналовъ и издѣлій приготовляемыхъ арсеналами, главнѣйшія заключались: въ постройкѣ новыхъ зданій для производства работъ, храненія матеріа-

ловъ и готовыхъ издѣлій, въ устройствѣ новыхъ усовершенствованныхъ машинъ и механизмовъ, въ изданіи правилъ о заготовленіи и употребленіи матеріаловъ на постройку артиллеріи, въ комплектованіи арсеналовъ искусными мастерами, выпускаемыми изъ технической арсенальной школы и въ усовершенствованіи литья орудій.

Изъ числа вновь возведенныхъ зданій, особеннаго вниманія заслуживаетъ постройка С.-Петербургскаго арсенала на Выборгской сторонѣ. Арсеналъ этотъ, снабженный всѣми возможными пособіями новѣйшаго устройства, занимаетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ мѣстъ между подобными заведеніями въ Европѣ.

Въ Кіевскомъ и Брянскомъ арсеналахъ сдѣланы также многія улучшенія въ механизмахъ и значительныя постройки и сверхъ того для перваго изъ нихъ устроены, въ видѣ оборонительной казармы, новыя мастерскія.

Занятія лабораторныхъ ротъ, приготовляющихъ боевые заряды, патроны и другіе огнестрѣльные припасы, требовали особенной дѣятельности, во время военныхъ обстоятельствъ, съ 1828 по 1832 годъ и въ 1849 году; равно при переформированіяхъ мѣстныхъ и подвижныхъ парковъ въ 1848 году.

Для производства лабораторныхъ работъ хотя прежде и были необходимыя строенія, но многія изъ нихъ, по ветхости, требовали замѣны новыми или капитальнаго исправленія.

Новыя лабораторіи построены: въ 1826 году—въ Бобруйскѣ, въ 1846 году—въ Москвѣ и Севастополѣ, съ 1846 по 1848 годъ — въ Александрополѣ, съ 1847 по 1851 годъ—въ С.-Петербургѣ.

Но предметомъ особенной и постоянной заботливости князя Чернышева было составленіе *запасовъ* къ обезпеченію успѣшнаго снабженія войскъ какъ въ мирное, такъ въ военное время, предметами артиллерійскаго довольствія.

До князя Чернышева, особаго запаса ружей вовсе не было; текущій или расходный запасъ, разсѣянный по арсеналамъ, былъ крайне незначителенъ и состоялъ большею частію изъ негодныхъ ружей. Скудность запасовъ происходила сколько отъ разстроеннаго состоянія заводовъ, столько и отъ того, что для сокращенія государственныхъ расходовъ выдѣлывалось съ 1823 года на всѣхъ заводахъ половинное количество оружія противу опредѣленнаго штатами.

Въ 1850 году опредѣленъ размѣръ запаса для огнестрѣльнаго оружія.

Для приведенія въ устройство запасовъ артиллеріи, изданы въ

1835 и 1848 годахъ о полевой и осадной артиллеріи положенія, которыхъ прежде не существовало.

Нижеслѣдующее краткое изложеніе покажетъ, какъ многочисленны, обширны и разнородны были распоряженія князя Чернышева по снабженію войскъ предметами артиллерійскаго довольствія.

Главнѣйшія изъ распоряженій по вооруженію войскъ, заключались въ слѣдующемъ:

а) Ручнымъ оружіемъ.

Пополнено утраченное и перемѣнено поврежденное оружіе въ войскахъ, участвовавшихъ въ войнахъ: съ Персіею, Турціею, противъ польскихъ мятежниковъ и противъ венгровъ.

Съ 1833 по 1840 годъ постепенно перемѣнены длинноствольныя ружья короткоствольными образца 1828 года.

Съ 1843 года началось снабженіе новымъ и передѣлочнымъ ударнымъ оружіемъ.

Съ 1847 года введены въ употребленіе штуцера Гартунга, передѣлываемые изъ драгунскихъ ружей.

б) Артиллеріею полевою.

Съ 1828 по 1830 годъ замѣнены въ батарейныхъ батареяхъ всей артиллеріи 12-ти-фунтовыя пушки меньшей пропорціи—пушками того же калибра средней пропорціи; а въ конно-легкихъ батареяхъ 1/4-пудовые конные единороги, того же калибра единорогами пѣшими, которые нѣсколько длиннѣе и тяжелѣе первыхъ.

Съ 1840 по 1843 годъ, по случаю введенія въ употребленіе картечныхъ гранатъ и назначенія сажать прислугу на лафеты, передѣланы лафеты во всѣхъ батареяхъ.

Въ 1843 году высочайше утверждены дополнительныя правила о введеніи въ артиллеріи орудій, уравненныхъ по положенію 1838 года калибровъ, и, на основаніи сихъ дополнительныхъ правилъ, 12-ти-фунтовыя пушки разсверлены до калибра, опредѣленнаго для новыхъ орудій.

Съ 1846 года начато снабженіе батарей артиллеріею новой конструкціи.

в) Горною артиллеріею.

Съ 1842 года началось снабженіе батарей Кавказскаго корпуса теперешнею горною артиллеріею, т. е. 10-ти-фунтовыми единорогами и мортирами, съ вьючными же зарядными ящиками.

Въ 1847 году изданы штатныя вѣдомости о предметахъ артиллерійскаго довольствія горныхъ батарей, которыя въ томъ же году укомплектованы всѣми недостававшими противу сихъ вѣдомостей вещами.

Въ вооруженіи крѣпостей сдѣланы также многочисленныя и весьма важныя усовершенствованія.

Орудія крѣпостной артиллеріи оставались безъ измѣненій съ 1815 по 1828 годъ, а съ этого времени слѣдуетъ постоянный рядъ улучшеній до 1838 года, когда уравненіемъ калибровъ во всей сухопутной артиллеріи и крѣпостная приведена въ возможный порядокъ. Подобно тому какъ въ полевой артиллеріи, для уравненія калибровъ разсверлены старыя 12-ти-фунтовыя пушки до калибра новыхъ орудій и въ крѣпостной разсверлены того же калибра пушки и каронады 12-ти и 24-хъ-фунтовыя.

Нынѣшніе лафеты и мортирные станки начали постепенно улучшаться съ 1833 года, а въ 1849 году, дабы отклонить скорую, отъ вліянія воздуха, порчу деревянныхъ лафетовъ, утверждена система желѣзныхъ лафетовъ для всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ и единороговъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенствованы снаряды, заряды и крѣпостныя артиллерійскія машины; существовавшія же о вооруженіи крѣпостей правила дополнены и пояснены.

Отдѣленіе 8-е.

Часть инженерная.

Начало успѣхамъ этой части положено еще въ то время, когда государь императоръ носилъ званіе генералъ-инспектора инженеровъ. Съ восшествіемъ на престолъ, его величеству благоугодно было возложить званіе это на его императорское высочество, блаженныя памяти великаго князя Михаила Павловича, но не менѣе того инженерная часть постоянно удостоивалась особеннаго вниманія государя императора. По непосредственнымъ высочайшимъ указаніямъ и подъ неослабнымъ наблюденіемъ его величества возникла стройная система укрѣпленій, ограждающая теперь прочнымъ образомъ внѣшнюю и внутреннюю безопасность имперіи.

И по завѣдыванію этою частью встрѣчались прежде тѣ же затрудненія, какъ по части артиллерійской, происходившія отъ неопредѣлительности отношеній лицъ, коимъ ввѣрено было инженерное вѣдомство, отъ недостаточнаго разграниченія ихъ власти и обязанностей. И

здѣсь неудобства эти устранены изданіемъ въ 1838 году положенія о генералъ-инспекторѣ по инженерной части, на основаніи коего военному министерству подчинена часть хозяйственная во всѣхъ ея видахъ и отношеніяхъ, а генералъ-инспектору личный составъ и часть искусственная. По инженерному департаменту, при изданіи въ 1836 году учрежденія военнаго министерства, сдѣлано новое распредѣленіе предметовъ его занятій и данъ новый штатъ, по коему прибавлено 34-ре чиновника; содержаніе же вообще увеличено на 37.220 рублей серебромъ. Сверхъ того, окружныя управленія, состоявшія до того времени изъ окружнаго командира, его помощника и одного адъютанта, увеличены числомъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ.

Подробное поименованіе инженерныхъ сооруженій не можетъ войти въ составъ сего описанія. Непонятно было бы оно тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые незнакомы съ инженернымъ искусствомъ. Самыя названія крѣпостныхъ частей и различнаго рода укрѣпленій остались бы для нихъ невразумительными. Поэтому необходимо ограничиться общимъ обзоромъ дѣйствій инженернаго вѣдомства, произведенныхъ на разныхъ концахъ Россіи въ управленіе князя Чернышева.

На Западной границѣ:

Вновь воздвигнуты: Александровская цитадель, Новогеоргіевскъ, Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ и Виленская цитадель.

Завоеваны и перестроены: Модлинъ и Замосцъ.

Перестроены изъ прежнихъ: Динабургъ, Кіевъ и Бобруйскъ.

Поддерживались исправленіями: Рига съ принадлежащею къ ней Динаминдскою крѣпостью и Хотинъ.

На Сѣверо-Западной границѣ:

Построена вновь Аландская крѣпость.

Перестроены: Кронштадтъ и Ревель.

Поддерживались исправленіями: С.-Петербургъ, Нарва, Выборгъ, Свеаборгъ и Гангеудъ.

На Южной границѣ:

Перестроены вновь: Севастополь и Измаилъ.

Поддерживались исправленіями: Бендеры, Килія и Кинбурнъ.

На Юго-Восточной границѣ:

Построены вновь: Александрополь, Шуша, Новые-Закаталы и Ленкорань.

Присоединены къ имперіи изъ завоеванныхъ: Эривань и Ахалцыхъ.

Содержались исправленіями: Баку, Дербентъ, Тифлисъ и Кизляръ.

На Восточной границѣ:

Поддерживались исправленіями: Оренбургская и Омская крѣпости.

Никогда ни въ одномъ государствѣ не производились одновременно инженерныя работы въ столь огромномъ размѣрѣ, и онѣ совершились съ возможнымъ ограниченіемъ расходовъ, что достигнуто единственно бдительнымъ надзоромъ князя Чернышева за оборотами инженернаго департамента, за правильностью торговъ и благонадежностію подрядовъ. Въ этомъ отношеніи имѣло существенное и самое полезное вліяніе введеніе при инженерныхъ работахъ оптовыхъ подрядовъ и хозяйственныхъ заготовленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены новыя, болѣе удобныя формы и строгія правила отчетности въ произведенныхъ работахъ.

Была еще другая причина быстраго и дешеваго сооруженія укрѣпленій—назначеніе войскъ на крѣпостныя работы. Распоряженіе это принадлежитъ къ числу достопримѣчательнѣйшихъ мѣръ, указанныхъ государемъ императоромъ во время управленія князя Чернышева военнымъ вѣдомствомъ. Оно равно полезно для войскъ, для успѣха государственныхъ предпріятій и для сбереженія расходовъ казны. Неизнурительная работа, укрѣпляя силы, пріучаетъ солдатъ къ удобнѣйшему перенесенію трудовъ военныхъ; между тѣмъ какъ получаемая ими заработная плата служитъ важнымъ пособіемъ къ улучшенію ихъ содержанія. Государственныя работы и сооруженія, необходимыя въ видахъ общаго устройства, производятся такими людьми, которые не принадлежатъ болѣе къ числу промышленнаго класса народа, чѣмъ сберегается большее число людей для другихъ работъ и промысловъ и, наконецъ, самые расходы значительно сокращаются. Нельзя сдѣлать точнаго расчисленія о денежныхъ выгодахъ, доставленныхъ казнѣ употребленіемъ войскъ къ государственнымъ работамъ, по неимѣнію вѣрныхъ свѣдѣній о цѣнности найма вольныхъ рабочихъ; но принимая, что урочный платежъ солдатамъ равняется половинѣ поденной платы вольнымъ рабочимъ, можно безошибочно заключить, что въ теченіе

двадцати пяти лѣтъ сбережено по тѣмъ вѣдомствамъ, гдѣ войска были употреблены къ работамъ, не менѣе 7.000.000 рублей серебромъ.

Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ присовокупить, что самыя постройки крѣпостныя произведены съ такою прочностію, красивостію и изяществомъ, что могутъ назваться по справедливости сооруженіями образцовыми. Достаточно указать на укрѣпленія: Севастопольскія, Кіевскія, Новогеоргіевскія, Кронштадтскія, Александровскую цитадель, которыя, при своей обширности, останутся памятниками искусства русскихъ инженеровъ въ царствованіе императора Николая.

Къ успѣшному дѣйствію инженерной части были приняты княземъ Чернышевымъ всѣ необходимыя мѣры доставленіемъ способовъ, какъ личныхъ, такъ и искусственныхъ.

Личные способы заключались въ содержаніи инженерныхъ чиновъ въ полномъ составѣ, штатомъ опредѣленномъ.

Къ главнѣйшимъ мѣрамъ для увеличенія личныхъ способовъ инженернаго вѣдомства, относится устройство военно-рабочихъ ротъ и усиленіе ихъ состава съ уменьшеніемъ числительности оныхъ. Роты эти принесли самую ощутительную пользу доставленіемъ искусныхъ мастеровъ по всѣмъ ремесламъ, нужнымъ для военно-строительной части и образованіемъ изъ нихъ коренного сословія мастеровыхъ.

Значительное число рабочихъ доставлено также инженерному корпусу учрежденіемъ арестантскихъ и исправительныхъ ротъ, имѣющихъ двоякую пользу: отстраненіе отъ гражданскаго общества вредныхъ людей и возможное имъ исправленіе посредствомъ трудовъ и военнаго надзора. Эти благодѣтельныя послѣдствія относятся въ особенности до срочныхъ арестантовъ, которые, по изученіи на службѣ мастерства, получаютъ способъ пропитанія собственными трудами.

Искусственные способы инженернаго вѣдомства заключались въ особенныхъ работахъ и опытахъ, производимыхъ въ крѣпостяхъ или при паркахъ, въ составленіи образцовъ или моделей для работъ, введеніи новыхъ способовъ или изобрѣтеній къ производству работъ и вообще въ усовершенствованіи частей: строительной, саперной, понтонной и парковой.

Къ числу особыхъ искусственныхъ работъ, по крѣпостямъ производимыхъ, преимущественно должно отнести устройство артезіанскихъ колодцевъ въ крѣпостяхъ: Рижской, Ревельской и Кіевской.

По части образцовыхъ работъ модельная мастерская изготовляла модели крѣпостей и образцовыя и техническія модели.

Собраніе образцовыхъ вещей изъ строительныхъ матеріаловъ, по

всѣмъ крѣпостямъ государства употребляемыхъ, изъ инструментовъ инженерныхъ войскъ и парковъ и мундировъ инженернаго вѣдомства, постепенно дополнялись новыми образцами по мѣрѣ перемѣнъ, въ тѣхъ предметахъ послѣдовавшихъ.

Отдѣленіе 9-е.

Часть военно-судная.

Въ управленіе князя Чернышева совершены весьма важныя и коренныя преобразованія по военно-судной части, послужившія къ лучшему ея устройству и къ приведенію оной въ должный систематическій порядокъ.

Между ними первое мѣсто занимаетъ установленіе новаго порядка высшей ревизіи военно-судныхъ дѣлъ учрежденіемъ въ 1832 году генералъ-аудиторіата, составленнаго изъ военныхъ чиновъ, долговременною службою и особыми заслугами стяжавшихъ полное право на довѣренность правительства. Объ этомъ уже упомянуто въ 1-мъ отдѣленіи этой главы. Здѣсь же слѣдуетъ присовокупить, что съ самаго учрежденія своего это военное судилище постоянно пользуется лестнымъ монаршимъ довѣріемъ государя императора. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что генералъ-аудиторіату нерѣдко поручается, по высочайшей волѣ, разсмотрѣніе многосложныхъ и особенно важныхъ дѣлъ: о высшихъ гражданскихъ чиновникахъ, о государственныхъ преступникахъ и о лицахъ разныхъ сословій, не принадлежащихъ военному вѣдомству.

Непосредственно за симъ слѣдуетъ введеніе *военно-судной статистики*. Она, указывая преступленія, наиболѣе обнаруживающіяся между военно-служащими, представляетъ правительству надежнѣйшій способъ къ точному познанію состоянія нравственности войскъ и къ принятію мѣръ противъ преступленій, чаще между ними открывающихся.

Прежде не только не существовало правильной военно-судной статистики, но даже нельзя было имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о родѣ и числѣ преступленій. Вся отчетность по военно-судной части ограничивалась одними свѣдѣніями о движеніи военно-судныхъ дѣлъ и о прибыли и убыли подсудимыхъ. Начало составленію военно-судной статистики сдѣлано было въ 1831 году, т. е. за два года до введенія судебной статистики по гражданскому вѣдомству.

Сверхъ сего, для удобнѣйшаго надзора за успѣшнымъ дѣлопроизводствомъ, составлено положеніе объ отчетности въ движеніи военно-судныхъ дѣлъ, которое удостоилось высочайшаго утвержденія въ 27 день мая 1838 года. Въ этомъ положеніи со всею подробностію опредѣлены: правила составленія повременныхъ донесеній, вѣдомостей и отчетовъ, формы ихъ, сроки представленія министерству, образъ повѣрки ихъ и порядокъ удостовѣренія предъ начальствомъ, что повѣрка эта *дѣйствительно производится.*

Но и за всѣми этими улучшеніями часть военно-судная не могла считаться совершенно устроенною при прежнемъ личномъ составѣ, который не соотвѣтствовалъ желаніямъ правительства. Причины тому заключались: съ одной стороны, въ трудности обязанностей аудитора, требующихъ долговременной опытности, познаній въ судопроизводствѣ, постоянныхъ трудовъ и отличной нравственности; а съ другой, въ ограниченности прежнихъ окладовъ жалованья, лишавшей возможности пріобрѣтать, для сего рода службы, чиновниковъ способныхъ и достойныхъ, вполнѣ постигающихъ всю важность своего назначенія.

Съ 1817 года, аудиторскія вакансіи замѣщались исключительно производствомъ въ аудиторы писарей военнаго вѣдомства и учителей баталіоновъ военныхъ кантонистовъ. Знакомые съ наружными обрядами судопроизводства, но безъ образованія, они оставались чужды разуму аконодательства. Правда, приговоры по военно-суднымъ дѣламъ, производившимся въ полкахъ, поступали на разсмотрѣніе высшихъ военныхъ судовъ; но сіи часто встрѣчали затрудненія при рѣшеніи дѣлъ, неосновательно разсмотрѣнныхъ въ полковыхъ судахъ. Обращая вниманіе на эту часть ввѣреннаго ему управленія, гдѣ произносятся приговоры о добромъ имени и о чести офицеровъ, князь Чернышевъ вознамѣрился наполнить должности военно-суднаго вѣдомства чинами способными и нравственными.

Къ достиженію благодѣтельныхъ видовъ правительства учреждено, въ 1832 году, по представленію князя Чернышева, аудиторское училище военнаго министерства. Въ заведеніе это поступаютъ дѣти дворянъ и лицъ другихъ свободныхъ состояній, также отличнѣйшіе по нравственности и дарованіямъ кантонисты. Образованіе въ этомъ училищѣ исключительно направлено къ существу обязанностей аудитора. Воспитанникамъ сего заведенія всемилостивѣйше предоставлены, какъ при самомъ поступленіи на службу, такъ и во все продолженіе оной особенныя преимущества.

Заведеніе это, совершенствуясь годъ отъ году, служитъ надежнѣй-

шимъ способомъ для снабженія войскъ отличными во всѣхъ отношеніяхъ производителями военно-судныхъ дѣлъ.

Независимо отъ сего, для усиленія средствъ комплектованія аудиторскихъ чиновниковъ, разрѣшенъ пріемъ, для пріуготовленія въ аудиторы студентовъ, окончившихъ полный курсъ наукъ по юридическому факультету, которымъ также при самомъ вступленіи ихъ на службу предоставлены особыя преимущества.

Наконецъ въ 1846 году высочайше повелѣно: нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскихъ званій производить въ аудиторы не иначе, какъ по выдержаніи ими спеціальнаго экзамена въ наукахъ, по особо составленной программѣ, чѣмъ положенъ рѣшительный предѣлъ поступленію въ аудиторы людей малообразованныхъ, которые въ прежнее время были принимаемы единственно по одной необходимости.

Другая столь же существенная мѣра къ улучшенію личнаго состава заключалась въ изданіи высочайше утвержденнаго 1-го апрѣля 1843 года положенія о чинахъ аудиторіатскаго вѣдомства: этимъ положеніемъ не только значительно усилены оклады жалованья всѣхъ вообще аудиторіатскихъ чиновъ, но и предоставлены имъ тѣ же права и преимущества, кои всемилостивѣйше дарованы военнымъ медикамъ и именно: чтобы по истеченіи каждыхъ пяти лѣтъ, жалованье чиновника увеличивать одною четвертью, такъ что прослужившій 20 лѣтъ получаетъ двойной окладъ жалованья. Прежде самый меньшій окладъ былъ 128 руб. сер.; нынѣ онъ составляетъ 190 руб. сер. Почти въ такомъ же размѣрѣ увеличены и высшіе оклады.

По части военно-суднаго законодательства послѣдовало весьма много важныхъ постановленій: одни изъ нихъ относились къ усовершенствованію прежнихъ военно-уголовныхъ законовъ, а другія къ учрежденію строгаго надзора со стороны начальства и въ назначеніи разныхъ поощреній какъ начальникамъ, коихъ части содержатся въ надлежащемъ порядкѣ въ отношеніи нравственности, такъ и нижнимъ чинамъ за безпорочную службу. Мѣры эти принесли самыя благодѣтельныя послѣдствія.

Отдѣленіе 10-е.

Часть вспомогательная.

Въ общемъ составѣ военно-сухопутнаго управленія существуютъ вспомогательныя ему части: военныя поселенія, иррегулярныя войска, военно-учебныя заведенія и воинскія зданія.

По каждой изъ этихъ частей приняты были княземъ Чернышевымъ дѣятельныя и весьма многочисленныя мѣры къ устройству оныхъ и именно:

По военнымъ поселеніямъ:

Военное поселеніе въ Россіи возникло въ 1811 году.

Благодѣтельная цѣль, предположенная императоромъ Александромъ Благословеннымъ, при учрежденіи военнаго поселенія, заключалась главнѣйше въ томъ, чтобъ сближеніемъ военнаго состоянія съ земледѣльческимъ отвратить по возможности рекрутскіе наборы, доставить войскамъ прочную осѣдлость, избѣгнуть содержанія въ сборѣ многочисленной арміи, въ особенности въ мирное время, и, наконецъ, уменьшить государственные расходы изысканіемъ способа продовольствованія войскъ собственными средствами военныхъ поселеній.

Опытъ многихъ лѣтъ доказалъ, что военные поселяне не могли удовлетворить вполнѣ повинностей, первоначально на нихъ возложенныхъ. Важныя неудобства, постепенно обнаруживавшіяся и возникшіе въ 1831 году безпорядки сдѣлали необходимымъ произвести коренное преобразованіе военныхъ поселеній пѣхоты и кавалеріи, которое положило главное основаніе нынѣшнему ихъ благосостоянію и сверхъ того дальнѣйшему развитію, и именно:

Поселенные пѣхотные баталіоны уничтожены, и округи военнаго поселенія наименованы округами пахатныхъ солдатъ. Они предназначены собственно для квартированія войскъ на правилахъ воинскаго постоя; пахатные же солдаты, вмѣсто обязанности продовольствовать войска отъ земли, обложены оброкомъ и обязаны отправленіемъ рекрутской повинности.

Дѣйствующая часть кавалерійскихъ полковъ отдѣлена отъ поселенной и вмѣсто общей обязанности нести службу, установлены правила рекрутскаго набора. На попеченіи поселенія оставлено попрежнему продовольствіе расположенной въ округахъ кавалеріи, и трудъ поселянъ ограниченъ трехдневнымъ отбываніемъ общественныхъ работъ.

Военныя поселенія съ самаго ихъ учрежденія состояли подъ управленіемъ особаго главнаго штаба его императорскаго величества, который завѣдывалъ также и баталіонами военныхъ кантонистовъ. Въ 1832 г. присоединены они къ общему составу военнаго министерства и ввѣрены главному завѣдыванію князя Чернышева; прежній главный штабъ его величества по военнымъ поселеніямъ переименованъ въ департаментъ, съ чѣмъ вмѣстѣ, сверхъ прежнихъ его обязанностей, отнесены къ его

завѣдыванію: войска иррегулярныя, всѣ военно-учебныя заведенія, часть строительная, довольствіе квартирными деньгами, отопленіе и освѣщеніе воинскихъ зданій. Съ 1832 года учреждены новыя военныя поселенія: въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, большею частію изъ имѣній, конфискованныхъ у польскихъ мятежниковъ, и на Кавказѣ, съ цѣлію: давъ заслуженнымъ воинамъ осѣдлость и умноживъ ими русское народонаселеніе въ земляхъ горскихъ народовъ, оградить безопасность нашихъ границъ и путей сообщенія отъ враждебныхъ набѣговъ, содѣйствовать распространенію въ томъ краѣ земледѣлія и торговли и положить прочное основаніе сближенію съ племенами, до сего времени намъ чуждыми.

Мѣры, которыя правительство постоянно принимало къ устройству военныхъ поселеній, отразились самыми благодѣтельными и полезными послѣдствіями на бытъ поселянъ и на всѣ отрасли ихъ сельскаго хозяйства.

Пространство обработываемыхъ земель значительно увеличилось не только отъ распространенія военныхъ поселеній, но и отъ приспособленія неудобныхъ участковъ къ хлѣбопашеству. Въ округахъ пахатныхъ солдатъ осушены во многихъ мѣстахъ болота, а въ округахъ кіевскаго и подольскаго поселенія расчищены подъ пашни и сѣнокосы мелкіе лѣсные участки.

Для уравнительнаго распредѣленія земель между военными поселянами, произведены съемки и межеваніе въ округахъ пахатныхъ солдатъ и кавалерійскаго поселенія и нарѣзано пахатной и сѣнокосной земли: въ первыхъ на каждую душу по $6^1/_2$ десятинъ, а въ послѣднихъ—соразмѣрное количество по особому разсчету. Этою важною мѣрой вполнѣ обезпечены бытъ и благосостояніе военныхъ поселянъ.

Вмѣстѣ съ надѣленіемъ поселянъ достаточнымъ количествомъ хозяйственныхъ угодій предоставлены были имъ и другіе способы къ поддержанію земледѣльческаго ихъ быта и именно: изъ мѣстныхъ средствъ учреждены особые капиталы, изъ коихъ они могутъ пользоваться займомъ и пособіями. Въ числѣ сихъ капиталовъ, нѣкоторые образованы и пополняются изъ доходовъ отъ хлѣба, какъ-то: *вспомогательный* округовъ пахатныхъ солдатъ, отъ передачи излишняго хлѣба въ провіантское вѣдомство и *заемный* округовъ кавалеріи, отъ продажи цѣннаго хлѣба. Для облегченія трудовъ военныхъ поселянъ, особенно во время полевыхъ работъ, сформировано 25 временныхъ рабочихъ ротъ и удвоены воловые парки.

Одно изъ главнѣйшихъ предметовъ сельскаго хозяйства, ското-

водство, доведено до удовлетворительнаго состоянія принятыми мѣрами для улучшенія породы поселянскаго скота.

Правильнаго лѣсоводства при учрежденіи военныхъ поселеній почти не существовало, и только послѣ 1826 года оно вводимо было постепенно. На сей конецъ высочайше утверждены и изданы положенія объ управленіи лѣсами въ округахъ военнаго поселенія и пахатныхъ солдатъ.

Съ 1829 года начались въ округахъ кавалеріи, крайне нуждавшихся въ лѣсѣ, ежегодные засѣвы лѣса, коего по настоящее время засѣяно болѣе 15.000 десятинъ.

Но важнѣйшее преобразованіе лѣсной части вѣдомства военныхъ поселеній послѣдовало въ 1846 году, съ учрежденіемъ лѣсной стражи, по примѣру заведенной въ лѣсномъ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ.

По иррегулярнымъ войскамъ.

Въ началѣ царствованія императора Николая существовало въ разныхъ мѣстахъ Россіи девять казачьихъ иррегулярныхъ войскъ: Донское, Черноморское, Кавказское линейное, Уральское, Сибирское линейное, Ставропольское-калмыцкое, Башкиро-мещерякское, Балаклавскій греческій пѣхотный баталіонъ и пограничные и городовые казаки въ Восточной Сибири.

При управленіи князя Чернышева, въ устройствѣ казачьихъ войскъ произошли многочисленныя измѣненія, весьма важныя по благотворному вліянію своему на улучшеніе быта казаковъ.

Изъ числа этихъ войскъ Ставропольское-калмыцкое, которое по своему положенію, почти внутри имперіи, не могло уже соотвѣтствовать видамъ государственнымъ, совершенно упразднено въ 1842 году и во всемъ его составѣ переведено на Оренбургскую линію, гдѣ оно окончательно слилось съ туземнымъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ.

Между тѣмъ на югѣ Россіи, подъ вліяніемъ обстоятельствъ послѣдней войны съ Турціею, возникли два новыя войска: Дунайское и Азовское, хотя малыя числительностію, но особенно полезныя для Россіи по мѣсту водворенія вблизи турецкой границы, гдѣ первое изъ нихъ образуетъ благонадежную кордонную стражу по лѣвому берегу Дуная, а послѣднее—снабжаетъ восточные берега Чернаго моря опытными и бдительными крейсерами.

Прежде казачьи войска не имѣли никакого правильнаго устрой-

ства, руководствуясь недостаточными отдѣльными постановленіями, издававшимися отъ времени до времени, или старинными обычаями казачества, или наконецъ предписаніями своихъ начальствъ.

Естественно, что при такомъ порядкѣ вещей развитіе внутреннихъ силъ войскъ затруднялось, и войска въ продолженіе долгаго своего существованія не могли сдѣлать большихъ успѣховъ на пути гражданскаго и военнаго быта. Въ благополучное царствованіе императора Николая Павловича настала для сихъ войскъ, можно сказать, новая эпоха. Его величество обратилъ особое попечительное вниманіе на ихъ положеніе, и дѣятельныя мѣры, исполнителемъ которыхъ былъ князь Чернышевъ, къ коренному преобразованію казаковъ быстро и систематически слѣдовали однѣ за другими. Важнѣйшая изъ нихъ—изданіе общихъ войсковыхъ положеній и штатовъ для всѣхъ почти казачьихъ войскъ и именно: Донского, съ полковою инструкціею, въ 1835 году. Положеніе это особенно замѣчательно тѣмъ, что оно послужило образцомъ при изданіи подобныхъ положеній и для прочихъ войскъ:

Оренбургскаго	въ	1840	году.
Черноморскаго	»	1842	»
Дунайскаго	»	1844	»
Кавказскаго линейнаго	»	1845	»
Астраханскаго	»	1845	»
Сибирскаго линейнаго	»	1846	»
Забайкальскаго казачьяго	»	1851	»

Во 2-й части сего описанія подробно изложены дѣйствія князя Чернышева по составленію положенія о войскѣ Донскомъ.

Законоположенія сіи, коснувшіяся всѣхъ предметовъ управленія военно-гражданственнаго быта казачьихъ войскъ, учредили по всѣмъ частямъ твердый порядокъ, возвели ихъ на удовлетворительную степень теперешняго ихъ благосостоянія, сохранивъ между тѣмъ неприкосновеннымъ древній воинственный духъ, знаменовавшій казачьи войска славными подвигами въ бояхъ, преданностію къ царю и отечеству, строгостію семейныхъ нравовъ и трудолюбіемъ и указали вѣрные пути къ дальнѣйшему укорененію въ нихъ этихъ доблестныхъ свойствъ.

Независимо отъ пользы внутренняго устройства войскъ нельзя не упомянуть о тѣхъ важныхъ послѣдствіяхъ, которыя достигнуты переселеніями казаковъ на Кавказѣ, а также въ Оренбургскомъ и Сибирскомъ краѣ.

Число Кавказскихъ линейныхъ казачьихъ полковъ отъ 9-ти возрасло до 18-ти и новыя поселенія, быстро передвинутыя къ самымъ отрогамъ Кавказскаго хребта, образовали новыя передовыя оборонительныя линіи на рѣкахъ Сунжѣ и Лабѣ, ограждающія внутреннюю безопасность края отъ набѣговъ непокорныхъ намъ горцевъ.

Въ Оренбургскомъ и Сибирскомъ краѣ успѣхи были не менѣе замѣчательны. Казачьи поселенія постепенно подвигались внутрь обширныхъ киргизскихъ степей, и нынѣ составилась уже почти сплошная цѣпь отдѣльныхъ населенныхъ и укрѣпленныхъ постовъ, начиная отъ береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей до горныхъ хребтовъ Тарбагатая и Семирѣкъ на китайской границѣ.

За всѣми принятыми правительствомъ мѣрами бытъ казаковъ въ отношеніи земледѣльческомъ и хозяйственномъ чувствительно улучшился, а торговля и промышленность получили значительное развитіе. Казакамъ, независимо отъ льготъ, дарованы права повсемѣстно свободной торговли и промысловъ: внутри войскъ безпошлинно, а внѣ войсковыхъ предѣловъ—съ значительными облегченіями. Это расширило кругъ торговыхъ сношеній войсковыхъ обывателей и усилило выгоды ихъ такъ, что торговые обороты казаковъ почти утроились.

Весьма важнымъ источникомъ народнаго богатства представляется добываніе въ землѣ войска Донского антрацита.

Дѣло это государственной важности обращало на себя особенное вниманіе князя Чернышева. Прозорливымъ окомъ онъ прозрѣлъ тѣ огромныя и неисчислимыя выгоды, которыя можетъ принести со временемъ развитіе каменноугольной промышленности для внутренней и внѣшней торговли нашей. Безлѣсныя губерніи получатъ хорошее и дешевое топливо; промышленность многихъ провинцій оживится; разработка каменнаго угля дастъ множеству рукъ выгодное и полезное занятіе; наконецъ она можетъ наиболѣе способствовать къ учрежденію у насъ желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ сблизить огромныя разстоянія столь отдаленныхъ одна отъ другой частей Имперіи.

Въ 1845 году князь Чернышевъ представилъ государю императору, что, не смотря на чрезвычайное обиліе каменнаго угля на всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Дономъ, промышленность эта, едва только возникшая и которая могла бы сдѣлаться однимъ изъ источниковъ народнаго богатства, клонилась уже къ упадку. Главнѣйшія тому причины, по мнѣнію князя Чернышева, заключались: въ неимѣніи ученыхъ руководителей для производства работъ; въ недостаткѣ капиталовъ, необходимыхъ для устройства правильной разработки и для от-

правленія угля въ мѣста, гдѣ на него можетъ быть значительнѣйшее требованіе; въ затруднительности къ перевозкѣ; въ новизнѣ этого способа отопленія и въ недостаткѣ требованія сего продукта для казеннаго вѣдомства.

Находя, что по положенію донскихъ промышленниковъ промыселъ этотъ могъ придти въ совершенный упадокъ, и признавая, что только мѣрами правительственными могутъ быть отвращены вышеизложенныя затрудненія, князь Чернышевъ повергалъ на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе свои предположенія, которыя и удостоились высочайшаго утвержденія, о мѣрахъ, могущихъ способствовать къ развитію этой новой и важной отрасли государственнаго хозяйства.

Мѣры сіи принесли вполнѣ полезныя послѣдствія. Онѣ заключаются главнѣйше: а) во введеніи отопленія антрацитомъ госпиталей и нѣкоторыхъ воинскихъ зданій въ 16-ти городахъ и крѣпостяхъ южной полосы Имперіи и употребленія сего топлива на пароходахъ Черноморской береговой линіи, и б) въ назначеніи трехъ офицеровъ, которые изъ горнаго вѣдомства переведены въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній, для надзора за донскими пріисками и развѣдыванія всей земли войска Донского въ геогностическомъ отношеніи. Офицеры сіи предварительно были отправлены за границу для осмотра тамошнихъ каменноугольныхъ копей.

Съ принятіемъ этихъ мѣръ, антрацитная промышленность начала съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе развиваться, такъ что въ 1851 г. добыто его на Грушевскомъ пріискѣ до 3.700.000 пудовъ, цѣнностію на 220.000 рублей серебромъ.

Непосредственное наблюденіе министерства за этимъ дѣломъ ознакомило съ разными мѣстными недостатками въ этой промышленности. Главный вредъ для пріисковъ происходилъ отъ того, что частные владѣльцы, по неимѣнію достаточныхъ капиталовъ для устройства большихъ шахтъ, въ которыхъ разработка должна бы производиться по всѣмъ правиламъ горнаго искусства, выбирали только верхніе пласты, оставляя нижніе безъ разработки.

Въ отвращеніе сего неудобства, князь Чернышевъ указалъ правила, которыя по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ удостоились въ 1851 году высочайшаго утвержденія: о порядкѣ добыванія въ землѣ войска Донского антрацита и о составленіи компаніи изъ частныхъ лицъ для развитія этой промышленности и для доставленія

жителямъ южнаго края имперіи и другихъ губерній дешевѣйшихъ способовъ къ пріобрѣтенію топлива.

Еще одинъ предметъ, весьма важный для быта казаковъ и ихъ нуждъ, составлялъ предметъ особенной заботливости князя Чернышева и именно: улучшеніе и распространеніе въ иррегулярныхъ войскахъ коннозаводства. Начальствуя во время своего военнаго поприща партизанскими отрядами, князь Чернышевъ зналъ изъ опыта, какъ нуженъ казаку добрый конь, всегдашній неизмѣнный другъ своего господина и часто спаситель его въ минуту опасности. Зная также, что казачья лошадь должна соединять въ себѣ особенныя качества, князь Чернышевъ старался, чтобы съ распространеніемъ въ войскахъ коннозаводства получались породистыя лошади, казачьей службѣ соотвѣтствующія. Съ сею цѣлію учреждены въ войскѣ Донскомъ конскіе заводы на основаніи высочайше утвержденнаго положенія, а въ войскахъ Оренбургскомъ, Уральскомъ и Башкиро-мещерякскомъ—сельскія конюшни.

Развитіе источниковъ торговли и отраслей промышленности не могли не имѣть непосредственнаго вліянія на увеличеніе войсковыхъ доходовъ. Сверхъ того введеніе правильнаго устройства по войсковому хозяйству и точное распредѣленіе собираемыхъ доходовъ при строгой отчетности въ расходованіи войсковыхъ суммъ, произвели самыя благопріятныя послѣдствія: прежнія хозяйственныя статьи усилились доходами и вновь возникли многія другія. Въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ войсковые доходы увеличились болѣе чѣмъ въ пятеро противъ прежняго.

По военно-учебнымъ заведеніямъ.

Военно-учебныя заведенія для дѣтей дворянскаго происхожденія состоятъ подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ главнаго начальника и совѣта. Главными начальниками были два родные царскіе брата, сначала его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ, а потомъ его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ; съ 1849 же года званіе это возложено на государя наслѣдника цесаревича. Изъ этого уже можно заключить, что отеческія заботы и постоянное желаніе государя императора, чтобы русское юношество получало русское воспитаніе вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Остается только сказать, что въ теченіе перваго двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая Павловича учреждено 10-ть новыхъ кадетскихъ корпусовъ и выпущено на службу до 16.000 воспитанниковъ.

Военно-учебныя заведенія для дѣтей нижнихъ чиновъ находятся

въ полномъ завѣдываніи военнаго министерства. Баталіоновъ военныхъ кантонистовъ 52 и въ нихъ воспитывается до 28.000 солдатскихъ дѣтей. Разбросанныя по всему пространству имперіи, заведенія эти требовали бдительнаго и неослабнаго надзора и въ этомъ отношеніи было весьма полезно учрежденіе особаго инспектора, который имѣетъ обязанность постоянно осматривать кантонистскіе баталіоны и лично удостовѣряться во всѣхъ подробностяхъ ихъ положенія. Старанія князя Чернышева всегда обращены были къ тому, что дѣти въ этихъ заведеніяхъ получали воспитаніе, сообразное ихъ происхожденію и тому роду службы, къ которому они по выпускѣ предназначаются. Къ замѣчательнѣйшимъ частнымъ распоряженіямъ относится переформированіе С.-Петербургскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, который приведенъ въ составъ четырехъ ранжированныхъ ротъ и одной неранжированной роты; изъ нихъ каждой присвоена особая цѣль, какъ-то: снабженіе прочихъ заведеній военныхъ кантонистовъ учителями, приготовленіе топографовъ, граверовъ и словорѣзовъ для военно-топографическаго депо, кондукторовъ для инженернаго корпуса и, наконецъ, музыкантовъ и мастеровыхъ для войскъ. Сверхъ того при семъ заведеніи учреждены особые классы для приготовленія писарей.

По части строительной.

Строительная часть по вѣдомству военныхъ поселеній подвергалась различнымъ измѣненіямъ. До 1831 года всѣ работы въ округахъ военныхъ поселеній и по баталіонамъ военныхъ кантонистовъ производились чинами корпусовъ инженернаго и путей сообщенія, а также офицерами артиллерійскаго вѣдомства.

Таковой порядокъ управленія работами сопряженъ былъ съ значительными неудобствами, а потому въ 1831 году признано было необходимымъ учредить особый корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній, какъ для отклоненія командировки чиновъ изъ другихъ вѣдомствъ, такъ и въ томъ вниманіи, что военныя поселенія, по числу заключающихся въ нихъ значительныхъ сооруженій, имѣли надобность въ постоянныхъ производителяхъ работъ.

Положеніе и штатъ сего корпуса высочайше утверждены въ 4-й день апрѣля 1831 года.

Въ отчетности о суммахъ, употребленныхъ для построекъ, корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній руководствовался до 1836 года тѣми правилами, кои были установлены для сего предмета по вѣдомству бывшаго экономическаго комитета военныхъ поселеній, но впослѣд-

ствіи, по признаннымъ неудобствамъ, отчетность департамента примѣнена къ правиламъ, существующимъ по инженерному вѣдомству.

Въ управленіе князя Чернышева, подъ вѣдѣніемъ департамента военныхъ поселеній возведено и перестроено болѣе 6.000 зданій и сооруженій различныхъ наименованій.

Отдѣленіе 11-е.

Общій взглядъ на настоящее состояніе военно-сухопутнаго управленія.

Изложивъ въ предыдущихъ отдѣленіяхъ, въ возможной подробности, сколько объемъ сего описанія позволяетъ, дѣйствія князя Чернышева по всѣмъ отраслямъ военно-сухопутнаго управленія, намъ остается еще бросить общій взглядъ на состояніе, до котораго онѣ доведены его заботами и трудами.

Для этого лучше всего привести подлинныя слова «Историческаго обозрѣнія», которое князь Чернышевъ представилъ государю императору 20-го ноября 1851 года при совершившемся 25-ти-лѣтіи царствованія его величества.

Въ началѣ этого обозрѣнія князь Чернышевъ говоритъ:

«Нынѣ свершилось двадцать пять лѣтъ со дня вступленія вашего императорскаго величества на прародительскій престолъ.

«Эта четверть вѣка обильна событіями особенно важными какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи: многія изъ нихъ доставили новую славу россійскому оружію и величіе имперіи, но нѣкоторыя были сопряжены съ чувствительными, естественными бѣдствіями. Хранимая всеблагимъ промысломъ и направленная твердою волею вашего величества, Россія вышла изъ тяжкихъ дней испытанія съ новыми развившимися силами и съ непоколебимою преданностію къ своему государю.

«Войска вашего величества явили себя во всѣхъ случаяхъ вѣрными своей вѣковой славѣ и надежнѣйшимъ оплотомъ законнаго порядка и спокойствія народовъ. Весьма значительное увеличеніе содержанія офицеровъ и назначеніе нижнимъ чинамъ довольствія въ *девять* разъ болѣе противъ прежняго останутся навсегда драгоцѣннѣйшимъ знакомъ монаршаго къ войску благоволенія и незабвеннымъ памятникомъ отеческихъ попеченій вашего величества объ улучшеніи быта воинскихъ чиновъ.

«Военно-сухопутное управленіе, не смотря на тревожныя обстоятельства отъ четырехъ войнъ и отъ пріятія необходимыхъ мѣръ по ходу политическихъ дѣлъ въ Европѣ, неослабно и неуклонно слѣдовало по пути усовершенствованій, непосредственно вашимъ величествомъ указанныхъ. Нѣтъ ни одной части сего обширнаго и многосложнаго управленія, которая не получила бы или полнаго преобразованія, или значительнаго измѣненія и существеннаго улучшенія. Все это ваше величество изволите усмотрѣть изъ представляемаго на всемилостивѣйшее воззрѣніе «Историческаго обозрѣнія», которое, не входя въ изложеніе частныхъ распоряженій, подробно въ годовыхъ отчетахъ излагавшихся, показываетъ только главные результаты всего совершившагося и сравнительное состояніе всѣхъ частей военно-сухопутнаго управленія къ концу 1825 года и въ настоящее время».

Пройдя подробно состояніе всѣхъ частей, князь Чернышевъ заключаетъ «историческое описаніе» слѣдующими словами:

«Дерзаю изобразить въ краткихъ чертахъ то, что ваше величество въ отеческихъ трудахъ о благѣ вашей Россіи совершили на пользу и устройство военныхъ силъ и управленія оными.

«Въ это 25-ти-лѣтіе великихъ предпріятій, тяжкихъ заботъ и незыблемой славы, ознаменовавшихъ царствованіе ваше—окончены четыре войны, и войско русское прославило себя новыми побѣдами, явило подвиги храбрости изумительной, мужества непоколебимаго, устройства примѣрнаго. Побѣдоносныя россійскія знамена развѣвались близъ стѣнъ древней Византіи и на славныхъ берегахъ Евфрата; могущественно взлетѣлъ двуглавый орелъ надъ стѣнами мятежной Варшавы и великодушно осѣнилъ защитными крилами еще недавняго своего врага Турцію. Вашею мудростію и твердостію спасена отъ погибели одна изъ древнѣйшихъ монархій и остановленъ разливъ пагубныхъ замысловъ мятежа противъ законныхъ правительствъ.

«Среди самыхъ войнъ, какъ и въ мирное время, внутреннее благоустройство арміи было постояннымъ предметомъ заботливости вашей. Вслѣдствіе сего составъ войскъ преобразованъ и самое размѣщеніе приспособлено къ хозяйственнымъ выгодамъ государства. Сверхъ того приготовлена 230-ти-тысячная запасная армія, со всѣми потребными для нея запасами обмундированія и вооруженія, большею частію собственными средствами министерства составленными. Правила для содержанія и формированія запасныхъ войскъ представляютъ возможность къ самому быстрому ихъ снаряженію, что и доказано было на опытѣ въ 1848 и 1849 годахъ.

«Благоустройство военныхъ силъ, основанное на вѣрномъ учетѣ людей, обезпечено установленными ясными и положительными правилами отчетности.

«Изданы новыя правила къ удобному и неотяготительному производству рекрутскихъ наборовъ, составляющихъ одну изъ главнѣйшихъ государственныхъ повинностей. Сдѣлано важное облегченіе для нижнихъ чиновъ, сокращеніемъ срока дѣйствительной службы, посредствомъ безсрочныхъ отпусковъ и участь заслуженныхъ отставныхъ воиновъ и ихъ семействъ вполнѣ обезпечена призрѣніемъ и пособіями отъ правительства.

«Содержаніе арміи назначеніемъ нижнимъ чинамъ новаго порціоннаго довольствія и увеличеніемъ окладовъ жалованья офицеровъ не только улучшено, но производится въ такомъ размѣрѣ, который могъ быть указанъ только по особенному монаршему благоволенію и отеческимъ вашего величества къ войску милостямъ.

«Обмундированіе войскъ приняло совершенно другой видъ. Вооруженіе ручнымъ оружіемъ и артиллеріею усовершенствовано во всѣхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе испытанныхъ новѣйшихъ изобрѣтеній по сей части. Составлены артиллерійскіе запасы, достаточные для удовлетворенія всѣхъ потребностей, и способы артиллерійскихъ заведеній усилены и несравненно улучшены.

«Инженерныя и строительныя работы произведены въ обширныхъ размѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доведены до желаемаго совершенства, какъ по прочности сооруженій, такъ и въ отношеніи изящной и отчетливой отдѣлки.

«Важная часть генеральнаго штаба сдѣлала самые блистательные успѣхи по образованію личнаго состава и ученымъ занятіямъ, въ особенности же по государственнымъ съемкамъ, покрывающимъ теперь большую часть внутреннихъ губерній и огромныя пространства въ Сибири и на Кавказѣ.

«Всѣ вообще хозяйственныя части получили совершенное преобразованіе усовершенствованіемъ системы заготовленій и установленіемъ строгой и правильной отчетности, что имѣло послѣдствіемъ ежегодныя сбереженія, доставившія возможность къ составленію значительныхъ денежныхъ капиталовъ и запасовъ провіантскихъ и коммисаріатскихъ, служащихъ не только къ обезпеченію всѣхъ потребностей министерства, но и къ воспособленію государственному казначейству.

«Изъ частей вспомогательныхъ, военнымъ поселеніямъ, дано устройство болѣе сообразное съ общими государственными видами; войска

иррегулярныя получили, можно сказать, новое бытіе, и благосостояніе ихъ обезпечено собственными денежными капиталами, которыхъ прежде почти вовсе не существовало, а военно-учебныя заведенія представляютъ прекрасный разсадникъ будущаго военнаго поколѣнія, которое возраститъ въ чувствахъ преданности и благодарности къ своему государю, за благодѣтельное воспитаніе подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ.

«Наконецъ, самое управленіе военно-сухопутными силами имперіи получило коренное измѣненіе и усовершенствованіе какъ въ высшемъ завѣдываніи, такъ и во всѣхъ своихъ отрасляхъ. Соединяя теперь прочность управленія коллегіальнаго съ быстротою распоряженій министерскихъ, оно осуществило высокую мысль, вашимъ великимъ предшественникомъ императоромъ Петромъ I указанную.

«И все это совершено по непосредственнымъ указаніямъ или по точнымъ разрѣшеніямъ вашего императорскаго величества. Всѣми успѣхами и теперешнимъ благоустройствомъ своимъ военно-сухопутное управленіе обязано вашему, всемилостивѣйшій государь, постоянному попеченію, которое служитъ надежнѣйшимъ ручательствомъ и будущаго его преуспѣянія».

Государь императоръ, принявъ съ особеннымъ благоволеніемъ «Историческое обозрѣніе», изволилъ написать на немъ резолюцію: «*Честь и слава трудамъ вашимъ, Моихъ здѣсь немного*» и собственноручно вручилъ этотъ экземпляръ князю Чернышеву съ тѣмъ, чтобы онъ сохранялся въ его потомствѣ. Слова и поступокъ незабвенные, служащіе новымъ доказательствомъ величія души императора Николая, который хотѣлъ всю честь и славу устройства военнаго управленія отнести единственно къ тому, кто былъ главнымъ исполнителемъ его воли.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Участіе въ дѣлахъ Кавказа.—Поѣздка на Кавказъ по высочайше возложенному порученію.—Подробный обзоръ Кавказскаго края.—Пребываніе въ Новочеркаскѣ при возвращеніи съ Кавказа.—Пріемъ, сдѣланный князю Чернышеву жителями войска Донского.—Возвращеніе въ С.-Петербургъ.—Представленіе государю императору всеподданнѣйшаго отчета по обзору Кавказскаго края.—Высочайшій благоволительный рескриптъ.

Въ государственной дѣятельности князя Александра Ивановича Чернышева особенное на себя обращаютъ вниманіе занятія его по дѣламъ, относящимся до управленія Кавказскаго и Закавказскаго края.

Въ 1840 году князь Чернышевъ высочайшимъ указомъ 14-го апрѣля назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для введенія за Кавказомъ новаго гражданскаго управленія.

Участіе князя Чернышева въ дѣлахъ Кавказа столь важно и обширно, что описаніе его дѣйствій по сему предмету можетъ составить отдѣльный эпизодъ въ его столь дѣятельной жизни. Но прежде подробнаго изложенія этихъ дѣйствій необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на мѣры, которыя принимало наше правительство какъ къ упроченію нашего владычества на Кавказѣ, такъ и къ самому устройству тамошняго края.

Русское владычество за Кавказомъ началось съ Грузіи. Она присоединена къ Россійской державѣ въ 1801 году, и въ то же время издано положеніе о внутреннемъ ея управленіи, примѣняясь къ общимъ основаніямъ губернскаго учрежденія въ Имперіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, необходимыми по особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ края. Впослѣдствіи присоединены: Имеретія, Мингрелія, ханства: Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Карабахское, Бакинское, Кубинское, Дербентское, Кура-Кази-Кумыкское, Аварское и Мехтулинское, княжества: Абхазское, Гурійское и Сванетское, шамхальство Тарковское, султанство Елисуйское и вольное общество Джарское. Всѣ эти владѣнія по мѣрѣ покоренія ихъ оружіемъ или по добровольномъ присоединеніи получали, на основаніи особыхъ высочайшихъ манифестовъ и указовъ, управленія болѣе или менѣе примѣненныя къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Порядокъ такого управленія, указанный первоначально самою необходимостью, не могъ не имѣть важныхъ неудобствъ и вводимъ былъ собственно въ видахъ мѣръ временныхъ. Правительство постоянно заботилось объ устройствѣ за Кавказомъ постояннаго управленія, сообразнаго общимъ государственнымъ учрежденіямъ и примѣненнаго къ мѣстнымъ потребностямъ края. Еще въ 1824 году объявлена была главноуправляющему Грузіею, генералу Ермолову, высочайшая воля заняться образованіемъ губерній въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи, но дѣло это при Ермоловѣ не было кончено.

Вспыхнувшая черезъ годъ по восшествіи на престолъ государя императора Николая Павловича война съ Персіею, а съ окончаніемъ оной возгорѣвшаяся война съ Турціею хотя и лишили возможности принять рѣшительныя мѣры къ устройству закавказскаго управленія, но не менѣе того государь императоръ желалъ удостовѣриться въ настоящемъ положеніи назначеніемъ двухъ сенаторскихъ ревизій.

Успѣхи побѣдоносназо русскаго оружія и блестящее окончаніе

Персидской и Турецкой войнъ доставили России за Кавказомъ область Армянскую и Ахалцихскій пашалыкъ, присоединенные къ Грузіи съ особымъ мѣстнымъ управленіемъ.

Немедленно съ окончаніемъ этихъ войнъ, главноуправлявшій Грузіею, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ Эриванскій, совокупно съ ревизовавшими тогда Закавказскій край сенаторами, покойными: графомъ Кутайсовымъ и Мечниковымъ, по особому высочайшему повелѣнію, вошли въ подробныя совѣщанія о неудобствахъ существовавшаго тогда управленія и мѣръ, необходимыхъ къ устройству онаго. Они нашли, что въ тогдашнемъ управленіи Закавказскаго края были слѣдующіе недостатки:

1) Чрезвычайное разнообразіе формъ мѣстнаго управленія и вредное устройство онаго.

2) Неопредѣлительность правъ и обязанностей всѣхъ начальствующихъ лицъ и происходящее отъ того: смѣшеніе власти, произволъ, безпорядки, запутанность въ дѣлахъ и злоупотребленіе власти.

3) Смѣшеніе законовъ русскихъ съ грузинскими и обычаями магометанъ и происходящій отъ того произволъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ.

4) Неустройство финансовой части.

Отъ сихъ причинъ, по объясненію фельдмаршала и сенаторовъ, во всѣхъ частяхъ края возникла медленность и запутанность въ ходѣ управленія. Кромѣ того народъ, видя въ существовавшемъ порядкѣ одни только временныя учрежденія, пріучился не вѣрить прочности оныхъ, мечталъ о возвращеніи своего прежняго правительства и не довѣрялъ самымъ благодѣтельнымъ мѣрамъ, къ пользѣ его принимаемымъ.

Для устраненія сихъ-то неудобствъ фельдмаршалъ и сенаторы предполагали ввести въ Закавказскомъ краѣ русское губернское управленіе, но съ нѣкоторыми измѣненіями, необходимыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ края и особому характеру жителей онаго. Измѣненія сіи состояли въ учрежденіи на мѣстѣ особаго высшаго правительства съ полною властію по дѣламъ управленія и суда; въ усиленіи состава и круга дѣйствій земской полиціи и въ особомъ образованіи волостного и сельскаго управленій. Сіи предположенія разсматривались сначала въ государственномъ совѣтѣ, а потомъ въ особомъ комитетѣ. При разсмотрѣніи этого дѣла полученъ былъ отзывъ главноуправлявшаго Грузіею покойнаго барона Розена, въ которомъ онъ положительно отвергалъ возможность ввести въ закавказскихъ областяхъ русское губернское управленіе, но считалъ полезнѣйшимъ оставить тамъ до времени, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ, управленіе военное. Вслѣд-

ствіе сихъ-то разнообразныхъ мнѣній объ управленіи Закавказскимъ краемъ, государь императоръ призналъ необходимымъ послать на мѣсто особую коммиссію, поручивъ ей, основываясь на вѣрныхъ, точными изысканіями повѣренныхъ данныхъ, составить подробный проектъ учрежденія объ управленіи Закавказскимъ краемъ. Предсѣдателемъ сей коммиссіи былъ назначенъ сенаторъ, тайный совѣтникъ баронъ Ганъ.

Коммиссія, послѣ подробныхъ мѣстныхъ изысканій и изслѣдованій, составила проектъ, въ которомъ полагала возможнымъ и удобнымъ ввести во всѣхъ областяхъ Закавказскаго края русское губернское учрежденіе, во всѣхъ его подробностяхъ. Предположеніе это, при разсмотрѣніи онаго въ особомъ комитетѣ, встрѣтило сильныя возраженія, но вслѣдствіе убѣжденій какъ предсѣдателя коммиссіи, такъ и главноуправлявшаго тогда краемъ, основанія, предположенныя коммиссіею, были приняты и составленное на сихъ основаніяхъ новое учрежденіе, по разсмотрѣніи сначала въ особомъ комитетѣ, а потомъ въ государственномъ совѣтѣ, удостоилось высочайшаго его императорскаго величества утвержденія 10-го апрѣля 1840 года.

Учрежденіе 10-го апрѣля 1840 года было поручено ввести въ Закавказскомъ краѣ главноуправлявшему краемъ генералу Головину, при содѣйствіи назначеннаго тогда же членомъ государственнаго совѣта сенатора, тайнаго совѣтника барона Гана. При первомъ приступѣ къ этому дѣлу они донесли, что новое учрежденіе принято народомъ съ восторгомъ, какъ залогъ его будущаго благоденствія, и что всѣ сословія закавказскихъ жителей, признательные къ высокой милости государя императора за дарованіе имъ новаго управленія, желаютъ прислать депутацію для изъявленія его императорскому величеству чувствъ вѣрноподданнической ихъ благодарности. Пріѣздъ депутаціи былъ разрѣшенъ; она была милостиво принята его величествомъ и всѣ депутаты удостоились особыхъ высочайшихъ наградъ.

Къ 1-му января 1841 года новое учрежденіе было введено во всемъ Закавказскомъ краѣ и дѣйствовало въ полной силѣ. Генералъ Головинъ и баронъ Ганъ, представляя его императорскому величеству окончательный отчетъ объ успѣхѣ этого дѣла, положительно удостовѣряли, что новое учрежденіе совершенно соотвѣтствуетъ нуждамъ и потребностямъ народа, что оно введено безъ всякихъ потрясеній и что народъ постигнулъ всѣ его выгоды.

Тайный совѣтникъ баронъ Ганъ, кончивъ это дѣло, выѣхалъ изъ Закавказскаго края и прибылъ въ С.-Петербургъ. Но едва новый порядокъ былъ предоставленъ собственному движенію, какъ начали дохо-

дить сильные противу онаго жалобы и слухи о неудобствахъ и недостаткахъ новаго учрежденія, о притѣсненіи жителей и ихъ неудовольствіяхъ. Начинались разныя безпокойства и волненіе умовъ въ Имеретіи, Осетиніи и другихъ частяхъ, но на нихъ не было обращено особаго вниманія. Въ іюлѣ 1841 года обнаружилось сильное возмущеніе въ Гуріи: оказалось, что причиною этого возмущенія были измѣненіе системы повинностей и частныя притѣсненія при взносѣ податей. Волненіе умовъ увеличивалось болѣе и болѣе. Наконецъ были получены письменные отзывы и отъ главноуправлявшаго Грузіею, генерала Головина, что новое учрежденіе и особыя мѣры, вмѣстѣ со введеніемъ онаго принятыя, сдѣлали чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе на народъ; что учрежденіе это имѣетъ многіе недостатки и неудобства и что наконецъ прежнія удостовѣренія въ достоинствѣ учрежденія онъ дѣлалъ потому только, что былъ увлекаемъ надеждами и обѣщаніями въ будущемъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ свѣдѣній и донесеній, государь императоръ изволилъ признать необходимымъ обстоятельно удостовѣриться въ настоящемъ положеніи дѣлъ за Кавказомъ. Съ этой цѣлію его величество возложилъ на князя Чернышева подробный обзоръ Кавказа, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ. Въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 3-го февраля 1842 года, на имя князя Чернышева данномъ, поручено ему лично удостовѣриться:

1) Дѣйствительно ли существуютъ тѣ недостатки, о коихъ свидѣтельствуютъ и мѣстныя свѣдѣнія вообще, и самъ главноуправляющій Закавказскимъ краемъ.

2) Не отъ недоразумѣнія ли, или недобросовѣстности исполнителей происходятъ эти недостатки.

3) Отъ чего произошла перемѣна въ умахъ и въ расположеніи къ новому порядку?

и 4) Уваживъ справедливыя жалобы, приготовить измѣненіе тѣхъ статей, которыя дѣйствительно сего требуютъ.

По военной части князю Чернышеву порученъ обзоръ края, какъ относительно мѣстности, состоянія линій и укрѣпленій, такъ и вообще военнаго нашего тамъ положенія.

Въ особомъ высочайшемъ рескриптѣ того же числа предоставлены князю Чернышеву самыя обширныя права и уполномочія для дѣйствій во время обзора и въ заключеніе сказано: «Предоставленіемъ вамъ сихъ правъ, замѣняя поѣздкой вашей собственное мое посѣщеніе, я убѣжденъ, что вы, вполнѣ постигая виды мои, оправдаете мои ожиданія

съ тѣмъ усердіемъ и прозорливостію, съ коими вы исполняли уже столько важныхъ порученій».

Эти слова русскаго монарха доказываютъ, какое онъ имѣлъ довѣріе къ князю Чернышеву и какую онъ пользу ожидалъ отъ его поѣздки на Кавказъ. И дѣйствительно, никто не могъ лучше исполнить этого порученія, какъ князь Чернышевъ, потому что никто лучше не зналъ края и его потребностей. Кавказскій край, по его особенному военному положенію, требовалъ безпрерывно принятія мѣръ къ усмиренію непокорныхъ или мятежныхъ горскихъ племенъ, оный населяющихъ. Черезъ князя Чернышева, какъ военнаго министра, передавались непосредственно всѣ высочайшія повелѣнія на счетъ покоренія и устройства сего края, а въ то время и всѣ донесенія по симъ предметамъ главноуправлявшихъ восходили черезъ него до государя императора. По этому князь Чернышевъ былъ поставленъ своимъ званіемъ въ возможность изучить всѣ частности того края и настоящее его положеніе; теперь ему оставалось только повѣрить собственными глазами то, что онъ уже зналъ по своей долговременной опытности и по участію его въ дѣлахъ того края.

Князь Александръ Ивановичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга по Бѣлорусскому тракту, раннею весною, 2-го апрѣля 1842 года. Дурное состояніе дорогъ не дозволяло иногда ѣхать болѣе четырехъ верстъ въ часъ. Поэтому не ранѣе 9-го апрѣля прибылъ онъ въ Кіевъ и провелъ сутки въ осмотрѣ возводимыхъ укрѣпленій и всѣхъ воинскихъ зданій. Изъ Кіева князь отправился въ Одессу, гдѣ, сѣвъ на пароходъ «Боецъ», отплылъ въ Севастополь. Здѣсь онъ осмотрѣлъ всѣ строенія, какъ сухопутнаго, такъ и морского вѣдомства, а равно и войска, находившіяся тогда въ сборѣ. Выѣхавъ изъ Севастополя въ Анапу, долженъ былъ по причинѣ жестокой бури зайти въ Керчь, по рѣшительному объявленію капитана парохода, что нѣтъ возможности идти далѣе. Не желая тратить времени на Керченскомъ рейдѣ, князь намѣревался сухимъ путемъ ѣхать на телѣжкѣ въ Анапу, чрезъ Джимитею, но ночью буря стихла и онъ поѣхалъ на пароходѣ же въ Анапу, куда прибылъ 18-го апрѣля.

На другой день 19-го апрѣля былъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, который князь Чернышевъ встрѣтилъ въ Анапѣ. Похристосовавшись со всѣми присутствовавшими и разговѣвшись по русскому обычаю, князь употребилъ только нѣсколько часовъ для кратковременнаго отдохновенія и потомъ немедленно занялся съ частными начальниками по разнымъ дѣламъ мѣстнаго управленія. Всѣ съ умиленіемъ

смотрѣли на князя Чернышева! Переносясь мыслями въ С.-Петербургъ, каждый вспоминалъ, что въ этотъ день князь блисталъ бы въ первомъ ряду многочисленныхъ царедворцевъ, а теперь, по преданности своей къ царю и желая исполнить его священную волю, трудится въ мазанкѣ анапскаго коменданта! Въ числѣ дѣлъ, занимавшихъ князя въ Анапѣ, слѣдуетъ упомянуть о перепискѣ его съ командовавшимъ тогда войсками на Кавказской линіи генералъ-адъютантомъ Граббе, которому, по высочайшей волѣ, ввѣрены одному и безъ всякаго посторонняго участія военныя дѣйствія въ Дагестанѣ, на тотъ годъ предположенныя. Въ оффиціальномъ донесеніи генералъ Граббе объяснялъ о неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ нашихъ въ южномъ Дагестанѣ и о возстаніи казикумыковъ, Кюринскаго общества и Самурскаго округа; въ другомъ же частномъ письмѣ изъявлялъ сомнѣніе на счетъ степени довѣрія къ нему высшаго начальства и испрашивалъ отъ князя Чернышева разрѣшеній для предстоящихъ ему дѣйствій. Трудно объяснить прямую цѣль этихъ донесеній; сердце человѣка видитъ вполнѣ только одинъ Небесный Сердцевѣдецъ! Но если по характеру людей дозволяется судить и объ ихъ поступкахъ, то нельзя не сдѣлать слѣдующаго вывода. Граббе зналъ, что князь Александръ Ивановичъ не будетъ лично участвовать въ экспедиціи; маршрутъ князя былъ присланъ на Кавказъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ и по этому маршруту было извѣстно, что онъ прибудетъ въ Тифлисъ въ началѣ мая и, пробывъ тамъ нѣсколько времени, отправится для обзора прикаспійскихъ областей въ то самое время, когда военныя дѣйствія должны были совершаться. Такимъ образомъ, если бы князь Чернышевъ взялъ на себя заочное распоряженіе экспедиціею, то въ случаѣ неудачи вся отвѣтственность предъ государемъ императоромъ неминуемо пала бы на него; въ случаѣ успѣха вся слава осталась бы при генералѣ Граббе, какъ личномъ распорядителѣ и исполнителѣ экспедиціи. Князь Чернышевъ, по свойственной ему проницательности, отвѣчалъ генералъ-адъютанту Граббе, что пріѣздъ его на Кавказъ имѣетъ особенную цѣль, и что высочайшая воля, коею предоставлено ему, генералу Граббе, въ неограниченное его распоряженіе исполненіе военныхъ дѣйствій остается во всей своей силѣ; и что съ своей стороны онъ сочтетъ себя счастливымъ всегда и во всемъ содѣйствовать ему въ чемъ только отъ него зависитъ и къ успѣшнѣйшему выполненію предположенныхъ военныхъ дѣйствій. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ потому, что князь Чернышевъ повстрѣчается еще на Кавказѣ съ генераломъ Граббе въ положеніи для сего послѣдняго самомъ бѣдственномъ и въ этомъ слу-

чаѣ увидимъ все величіе души князя и убѣдимся, что онъ стоитъ выше мелочныхъ разсчетовъ самолюбія.

Осмотрѣвъ въ Анапѣ укрѣпленіе и воинскія зданія князь Чернышевъ, желая вникнуть во всѣ подробности быта тамошнихъ жителей, посѣтилъ отстоящую въ шести верстахъ станицу Николаевскую. Это посѣщеніе было любопытно тѣмъ, что князь въ первый разъ увидѣлъ кавказское военное поселеніе. Это не то, что села и деревни нашей благословенной Россіи, гдѣ всякому жить привольно и свободно; на Кавказѣ, каждая станица мирныхъ жителей обнесена глубокимъ рвомъ, высокимъ полисадникомъ, замкнута крѣпкими воротами, и женщины, отправляющіяся за водой къ ближайшему ручью, всегда вооружены. Денно и нощно все насторожѣ отъ внезапнаго набѣга хищныхъ горцевъ. Такова жизнь на Кавказѣ!

Въ Анапѣ князь Чернышевъ принималъ старшинъ долины Сухо, изъявившихъ уже покорность, и депутатовъ долины Куматырь, просившихъ о принятіи ихъ въ наше подданство. Для поощренія первыхъ, князь Чернышевъ вручилъ именемъ государя императора подарокъ главнѣйшему изъ старшинъ, а послѣднимъ объяснилъ благотворные виды его императорскаго величества, съ тѣмъ, чтобы они передали слова своимъ единоплеменникамъ.

Изъ Анапы князь Александръ Ивановичъ отправился на пароходѣ для осмотра Черноморской береговой линіи и снова былъ застигнутъ сильною бурей на пути къ Новороссійску, гдѣ съ величайшимъ затрудненіемъ вышелъ на берегъ отъ сильнаго морского прибоя.

Отправившись на другой день далѣе, посѣтилъ укрѣпленія: Геленджикъ, Тенгинское, Вельяминовское, Головинское, Навагинское, Св. Духа, Гагры, Пицунду, Бомборы, Сухумъ-Кале и 25-го апрѣля вышелъ на берегъ въ Редутъ-Кале. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ князь Чернышевъ со всею подробностію осматривалъ систему укрѣпленій, воинскія зданія и гарнизоны, вникая въ малѣйшія подробности о мѣстной службѣ, потребностяхъ гарнизоновъ, о средствахъ къ улучшенію ихъ содержанія и облегченію гарнизонной службы, объ отношеніяхъ нашихъ къ сосѣдственнымъ племенамъ и т. п.

Въ укрѣпленіи Св. Духа князь принималъ Джигитскихъ князей и старшинъ и повторилъ имъ сколь государю императору пріятно добровольное обращеніе ихъ на единственный путь, коимъ они только и могутъ достигнуть спокойствія и благосостоянія.

Въ Бомборахъ князь Чернышевъ встрѣченъ былъ владѣтелемъ Абхазіи, княземъ Михаиломъ Шервашидзе, извѣстнымъ своею предан-

ностію Россіи. Тамъ явились и депутаты отъ убыховъ—народа намъ еще непокорнаго: они хотѣли слышать изъ устъ русскаго сардаря, чего они могутъ ожидать отъ русскаго правительства. Объясненія князя объ отеческихъ видахъ нашего государя произвели на нихъ сильное впечатлѣніе и они отправились въ свои дома, обѣщая передать своимъ единоплеменникамъ слышанное ими отъ князя.

Изъ Редутъ-Кале князь Александръ Ивановичъ отправился черезъ Кутаисъ, Ахалцыхъ, Александрополь, Эривань и осматривая во всей подробности эти мѣста, посѣтилъ на пути древній Эчміадзинскій монастырь и 8-го мая прибылъ въ Тифлисъ. Въ Мингреліи и Имеретіи при всякой встрѣчѣ тамошнихъ дворянъ и простолюдиновъ, князь много имъ говорилъ объ отеческихъ попеченіяхъ государя императора объ его закавказскихъ подданныхъ и о благодѣтельныхъ его видахъ; объяснялъ имъ подробно, что присылка его въ тамошній край, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ въ какой степени исполняется священная воля его величества въ отношеніи введенія новаго устройства и изыскать средства къ исправленію, если открылись въ немъ какія-либо неудобства—есть новое доказательство сколь много государь императоръ желаетъ, чтобы каждый, исполняя свято свою обязанность, всегда находилъ подъ сѣнію закона справедливую себѣ защиту. Слова князя Чернышева сильно дѣйствовали и всѣ кто его слышалъ изъявляли искреннія выраженія преданности и усердія къ престолу русскаго царя.

Въ Тифлисѣ народъ встрѣтилъ князя Чернышева многочисленными толпами, какъ посланнаго государемъ императоромъ для устройства ихъ благосостоянія.

На другой день по пріѣздѣ въ Тифлисъ князь въ присутствіи главноуправлявшаго принималъ всѣ чины и сословія, въ городѣ находившіеся; при семъ объяснялъ всѣмъ и каждому въ чемъ заключаются благодѣтельные виды государя императора въ пользу его закавказскихъ подданныхъ и сказалъ, что онъ готовъ выслушивать каждаго и принять всякое полезное предложеніе, клонящееся къ общему благу и сообразное съ намѣреніемъ правительства. Рѣчь эта произвела и здѣсь сильное впечатлѣніе.

По прибытіи въ Тифлисъ князь Чернышевъ немедленно занялся разсмотрѣніемъ дѣла о виновникахъ бывшаго въ предъидущемъ году въ Гуріи возмущенія. Изъ всѣхъ обстоятельствъ князь убѣдился, что это возмущеніе произошло не отъ злонамѣренныхъ и преступныхъ замысловъ, но главнѣйше отъ невѣжественности жителей, рѣшившихся

*

возстать вооруженною рукою противъ мѣстныхъ властей, дозволившихъ себѣ нѣкоторыя противозаконныя дѣйствія и притѣсненія жителей при сборѣ съ нихъ податей.

Князь Чернышевъ, пользуясь всемилостивѣйше дарованною ему властію, объявилъ отъ имени государя императора всѣмъ участвовавшимъ въ возмущеніи прощеніе чрезъ нарочно посланнаго флигель-адъютанта его величества графа Бенкендорфа. Милость эта принята была съ восторгомъ не только самими виновными, но и всѣми мѣстными жителями. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь приказалъ смѣнить чиновниковъ, подавшихъ своими поступками поводъ къ возстанію и предалъ ихъ всей строгости законовъ. Такимъ образомъ, князь Чернышевъ оставилъ по себѣ прочную память въ сердцахъ народа, благословляющаго его за ту безпристрастную справедливость, которая руководила его во всемъ этомъ дѣлѣ.

Въ Тифлисѣ князь пробылъ двѣ недѣли,. безпрерывно занимаясь дѣлами, относящимися до военнаго и гражданскаго управленій, осматривая разныя заведенія и войска, разбирая просьбы и жалобы, которыя до него доходили. Такимъ образомъ, дѣйствуя съ чрезвычайною осторожностію, подготовлялъ себѣ всѣ матеріалы для принятія тѣхъ мѣръ улучшенія, которыя намѣренъ былъ ввести послѣ окончанія полнаго обзора края.

Выѣхавъ изъ Тифлиса 22-го мая, князь объѣхалъ Телавскій уѣздъ, осмотрѣлъ урочища: *Царскіе Колодцы*, штабъ-квартиру Тифлисскаго Егерскаго полка и *Караагачъ*, штабъ-квартиру бывшаго Нижегородскаго, нынѣ наслѣднаго принца Виртембергскаго Драгунскаго полка, и 26-го мая прибылъ въ крѣпость Новые Закаталы. Здѣсь ожидали князя депутаты отъ нагорныхъ племенъ: Анкральскаго, Джурмутскаго, Кенодальскаго, Тебельскаго, Бугнадальскаго, Анцроскаго, Угнадальскаго, Ташлинскаго, Тонскаго, Анцускаго, Кадорскаго и Капучинскаго. Сверхъ того прибыли отъ Кейсерухскаго общества старшины, явившіеся для испрошенія прощенія за нарушеніе присяги и за участіе въ возмутительныхъ дѣйствіяхъ Шамиля въ Казакумыкскомъ ханствѣ.

Призвавъ сперва депутатовъ отъ обществъ, оставшихся покойными, онъ объявилъ имъ именемъ государя императора, что, исполняя священныя обязанности вѣрноподданныхъ, они во всякое время могутъ надѣяться на покровительство и защиту правительства, которое, не нарушая ни вѣры, ни обычаевъ ихъ, желаетъ устроить ихъ счастіе и благосостояніе. «Отъ васъ ничто не требуется», сказалъ имъ князь, «кромѣ спокойствія и отстраненія злонамѣренныхъ внушеній лжеучите-

лей, имѣющихъ преступную цѣль употребить васъ, какъ слѣпыя орудія къ удовлетворенію своей корысти и честолюбія. Можете ли вы колебаться между благою властію могущественнаго государя, коему Провидѣніе ввѣрило судьбу милліоновъ людей, и дерзкимъ своеволіемъ какого-нибудь Шамиля, возмущающаго народъ съ горстью негодяевъ? И на чемъ основано его ученіе, какъ не на превратномъ толкованіи Алкорана? Имѣетъ ли онъ другія средства къ вознагражденію своихъ послѣдователей, кромѣ хищничества и грабежа? Гдѣ войско его, дабы защитить васъ отъ справедливаго наказанія, если вы измѣните своему долгу? Между тѣмъ государь, коему вы присягнули, имѣетъ многочисленную армію, которой вы видите на Кавказѣ только самую малую часть. Но и этой части достаточно было, чтобы побѣдить персіянъ и турокъ. Неисчерпаемая милость русскаго царя всегда взыскивала достойныхъ и не оставитъ васъ, если вы заслужите своимъ поведеніемъ; но помните, что въ противномъ случаѣ отъ него зависитъ уничтожить въ одно мгновеніе ваши преступныя дѣйствія».

Депутаты отвѣчали единогласно, что готовы исполнять всѣ приказанія начальства и никогда не нарушать данной ими присяги. Объ этихъ похвальныхъ чувствахъ князь обѣщалъ имъ довести до высочайшаго свѣдѣнія его величества.

Обратившись затѣмъ къ кейсеруховцамъ, князь выставилъ имъ всю гнусность измѣны, за которую слѣдовало бы ихъ наказать примѣрнымъ образомъ. Они со слезами просили пощады, въ томъ вниманіи, что, бывъ вынуждены насиліемъ присоединиться къ шайкамъ мятежниковъ, они при первой возможности принесли повинную голову. Послѣ строгихъ упрековъ, князь объявилъ старшинамъ, что милосердіе законнаго ихъ государя неограниченное, какъ его могущество, даруетъ имъ на сей разъ прощеніе, но что подобное на будущее время преступленіе лишитъ ихъ навсегда права на всякое помилованіе. Въ порывѣ признательности, они бросились къ ногамъ князя. Дабы день сей оставался болѣе памятнымъ для горцевъ, князь назначилъ отъ имени его величества медали и деньги самымъ вліятельнымъ и благонамѣреннымъ депутатамъ отъ обществъ, не нарушившихъ присяги.

Выѣхавъ изъ Закаталъ, князь провелъ ночь лагеремъ на берегу Алазани.

Въ слѣдующій день князь былъ встрѣченъ на Акмолинскомъ посту почетными елисуйскими жителями. Самъ султанъ Даніель-Бекъ, измѣнившій намъ впослѣдствіи, находился съ милиціею при нашихъ войскахъ въ южномъ Дагестанѣ. Елисуйцы приняли съ восторгомъ отзывъ князя, что вѣрная и усердная служба ихъ извѣстна государю

императору. Въ знакъ всемилостивѣйшаго вниманія его величества, князь вручилъ подарки старшему брату султана и кадію, управлявшему его владѣніями.

Черезъ Нуху князь Александръ Ивановичъ прибылъ 27-го мая въ главный городъ Каспійской области Старую Шемаху. Проѣзжая Ширванскій уѣздъ и удостовѣрясь въ безпорядкахъ мѣстнаго управленія, въ беззаконныхъ и своевольныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ чиновниковъ и въ притѣсненіи жителей, князь, принимая въ Шемахѣ представлявшихся ему чиновъ, строго замѣтилъ найденные имъ безпорядки и сказалъ, что тѣ, которые дозволили себѣ дѣйствовать вопреки своихъ обязанностей и въ нарушеніе священной воли государя императора въ отношеніи благодѣтельныхъ видовъ его къ закавказскимъ подданнымъ, не избѣгнутъ справедливаго гнѣва его величества. По нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, здѣсь раскрывшимся, князь Чернышевъ назначилъ строжайшее изслѣдованіе, поручивъ оное довѣреннымъ изъ находившихся при немъ лицамъ; онъ имѣлъ полное право отдать виновныхъ немедленно подъ военный судъ, но, слѣдуя всегдашнимъ своимъ правиламъ, князь Чернышевъ желалъ показать примѣръ всѣмъ и каждому, что, устраняя свою личную волю, онъ предоставилъ все дѣйствію закона. Распоряженія эти имѣли весьма благодѣтельное вліяніе на жителей, которые приняли ихъ съ восторгомъ и какъ залогъ несомнѣннаго улучшенія ихъ будущаго состоянія.

Во время своего обзора Каспійской области князь Чернышевъ не только осматривалъ во всей подробности всѣ отрасли гражданскаго и военнаго управленія, но не оставилъ безъ вниманія и частныхъ учрежденій; такъ напримѣръ: въ Нухѣ онъ осмотрѣлъ заведенія общества поощренія шелководства въ Закавказскомъ краѣ и на мѣстѣ убѣдился въ разныхъ обстоятельствахъ, еще затрудняющихъ развитіе этой важной отрасли народнаго богатства.

Черезъ Нуху и Кубу князь Чернышевъ прибылъ въ Дербентъ. Здѣсь ожидали его депутаты отъ лезгинскихъ племенъ: Каракайтагскаго, Табасаранскаго, Акушинскаго и Цудахаринскаго. Въ числѣ депутатовъ находился и самъ кадій Акушинскій—Магомедъ, отличавшійся постоянною его вѣрностію къ Россіи и имѣвшій весьма полезное вліяніе въ горахъ, для удержанія народа въ покорности. Объяснивъ депутатамъ истинные благотворные виды нашего правительства, князь вручилъ главнѣйшимъ горцамъ подарки отъ имени его величества и въ томъ числѣ кадію Магомеду—драгоцѣнный бриллiантовый перстень.

Выѣхавъ изъ Дербента, князь Александръ Ивановичъ встрѣченъ

былъ шамхаломъ Тарковскимъ, и въ сопутствіи его продолжалъ путешествіе до укр. Низоваго. Оттуда, посѣтивъ Темиръ-Ханъ-Шуру и осмотрѣвъ во всей подробности какъ это укрѣпленіе, столь важное для спокойствія сѣвернаго Дагестана, такъ укрѣпленіе Евгеніевское, возведенное для удержанія въ покорности прежде столь мятежнаго аула Чиркея, князь прибылъ 5-го іюня въ крѣпость Внезапную.

На дорогѣ къ этой крѣпости князь получилъ письмо отъ генералъ-адъютанта Граббе, который доносилъ, что, выступивъ 30-го мая съ чеченскимъ отрядомъ изъ Герзель-аула, дабы проникнуть въ землю ичкеринцевъ, онъ, по встрѣченнымъ имъ непредвидимымъ препятствіямъ, долженъ былъ возвратиться 4-го іюня въ Герзель-аулъ. Отъ прибывшаго въ то же время адъютанта своего, графа Стакельберга, участвовавшаго въ экспедиціи, князь узналъ, что генералъ Граббе, выступивъ съ чеченскимъ отрядомъ, дабы проникнуть въ Ичкерію, выбралъ, по несчастію, самый трудный и опасный путь черезъ дремучіе вѣковые лѣса, гористую и безводную мѣстность. Горцы, засѣвшіе на густыхъ деревьяхъ или за огромными каменьями, стрѣляли по нашимъ солдатамъ какъ въ цѣль. Понеся значительную потерю въ теченіе двухдневнаго слѣдованія, Граббе убѣдился въ невозможности идти далѣе и предпринялъ обратное движеніе. Горцы съ яростію бросились на нашъ аррієргардъ и при этомъ гибельномъ отступленіи убито у насъ 500, ранено 1.300 человѣкъ; мы лишились одного орудія, почти всѣхъ транспортовъ и вьюковъ; однимъ словомъ, отрядъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ. Несчастныя эти событія побудили князя Чернышева на другой же день отправиться въ Герзель-аулъ, чтобы лично удостовѣриться въ настоящемъ положеніи отряда. За полверсты отъ крѣпости, на высокомъ курганѣ съ многочисленною свитою ожидалъ Граббе пріѣзда военнаго министра. Князь самъ поскакалъ на встрѣчу Граббе и, щадя въ немъ несчастіе побѣжденнаго, но храбраго военачальника, привѣтливо подалъ ему руку. Въ сопровожденіи генерала Граббе князь отправился въ лагерь, гдѣ войска были выведены во фронтъ. Князь Чернышевъ останавливался передъ каждымъ полкомъ, говорилъ имъ, что государь императоръ ими доволенъ, что отеческія попеченія его величества проявляются при каждомъ ихъ случаѣ, и послѣднія слова государя при отправленіи его на Кавказъ было повелѣніе изыскать средства къ улучшенію ихъ положенія и что такую милость и благоволеніе его величества они должны заслужить вѣрою и правдою. «Въ военномъ дѣлѣ», сказалъ имъ князь Александръ Ивановичъ: «не всегда бываютъ красные дни, но испытанные воины, особенно столь отличные какъ кав-

казскіе, обязаны въ дни тяжкіе показать еще болѣе твердости, нежели въ обыкновенное время, и помышлять единственно о томъ, чтобы не только поддержать, но даже и умножить достохвально уже пріобрѣтенную славу». Князь говорилъ съ нѣкоторыми оттѣнками, что прилично каждому полку какъ по прежней его службѣ, такъ и по степени храбрости и стойкости, оказанныхъ имъ въ послѣдней экспедиціи. Явное уныніе отражалось на лицахъ храбрыхъ кавказцевъ при встрѣчѣ князя; они, казалось, стыдились своей неудачи, дотолѣ никогда съ ними небывалой; слова князя, сказанныя прямо отъ души, простымъ языкомъ, понятнымъ солдату, ободрили ихъ и утѣшили; радость блеснула на ихъ смуглыхъ, отъ военныхъ трудовъ загорѣлыхъ лицахъ. Потомъ князь посѣтилъ и осмотрѣлъ всѣхъ раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, разспрашивая объ ихъ ранахъ, утѣшалъ ихъ милостивыми словами и лично удостовѣрился, что имъ оказаны всѣ нужныя медицинскія пособія. Раненые нижніе чины, за неимѣніемъ помѣщенія въ крѣпостномъ лазаретѣ, занятомъ офицерами, располагались весьма неудобно въ устроенныхъ наскоро легкихъ балаганахъ. Князь Чернышевъ, предвидя надобность въ перевозочныхъ способахъ, еще въ Внезапной озаботился объ отправленіи въ лагерь полковыхъ обозовъ и часть даже привелъ съ собою, что дало возможность въ тотъ же день отправить болѣе 300 раненыхъ въ кр. Внезапную. Раненымъ офицерамъ, которые во время экспедиціи лишились всѣхъ своихъ вьюковъ и вещей, князь Чернышевъ назначилъ отъ имени его величества денежное пособіе.

Окончивъ осмотръ личнаго состава отряда, князь принялъ къ себѣ генералъ-адъютанта Граббе и имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе. Не дозволивъ себѣ никакого упрека, князь предложилъ ему содѣйствіе во всемъ, что можетъ быть полезно и необходимо отряду для приведенія его въ наискорѣйшемъ времени въ надлежащее устройство и порядокъ. Послѣ этого объясненія князь провелъ большую часть ночи въ необходимыхъ распоряженіяхъ и на другой день рано выѣхалъ изъ Герзель-аула, оставивъ нашъ отрядъ оживленнымъ его посѣщеніемъ и одушевленнымъ на новые подвиги. Слѣдуя изъ Герзель-аула къ крѣпости Грозной, князь посѣтилъ богатыя казачьи станицы: Червленную и Щедринскую, гдѣ имѣлъ случай видѣть домашній бытъ и обычаи нашихъ лихихъ линейныхъ казаковъ, и, осмотрѣвъ Сунженскую линію, прибылъ въ Владикавказъ. Часть этого путешествія замѣчательна тѣмъ, что, слѣдуя по плоскости между рѣкою Сунжею и Чеченскими горами, князь своимъ зоркимъ военнымъ взглядомъ указалъ тѣ пункты и ущелья, которые должны быть заняты для препятствія горцамъ къ вы-

ходу изъ горъ. Указанія эти послужили къ основанію впослѣдствіи чеченской линіи, которая принесла весьма важныя и полезныя послѣдствія къ упроченію нашего владычества въ томъ краѣ. Изъ Владикавказа, на обратномъ пути въ Тифлисъ, князь осмотрѣлъ новую дорогу, предполагаемую чрезъ Гудашаурское и Гудомакарское ущелье, вмѣсто нынѣ существующей чрезъ Крестовую гору, подверженную снѣжнымъ обваламъ, прерывающимъ всякое сообщеніе на нѣсколько дней. Обзоръ этотъ князь совершилъ съ величайшею опасностію, слѣдуя верхомъ по узкимъ тропинкамъ, столь еще опаснымъ для проѣзда, что за двое сутокъ до того одинъ изъ князей Казбековъ оборвался съ кручи вышиною въ 8.000 футовъ и разбился въ дребезги.

15-го іюня князь возвратился въ Тифлисъ, гдѣ ожидали его обширныя занятія. Немедленно надобно было привести матеріальную часть чеченскаго отряда, находившуюся въ совершенномъ разстройствѣ послѣ ичкеринской экспедиціи, и наконецъ слѣдовало уже принять мѣры противъ безпорядковъ по гражданской части и къ отвращенію неудобствъ, происходившихъ отъ новаго учрежденія, въ коихъ князь Чернышевъ удостовѣрился во время теперяшняго своего обзора всего Закавказскаго края. Вникнувъ во всѣ подробности мѣстныхъ обстоятельствъ, князь убѣдился, что хотя новымъ учрежденіемъ отвращены частію прежніе: произволъ, разнообразіе и сбивчивость во всѣхъ степеняхъ управленія, но не менѣе того основанія онаго не соотвѣтствуютъ ни гражданскимъ отношеніямъ жителей, ни главной цѣли правительства, чтобы при механизмѣ сколь возможно простѣйшемъ, при письмоводствѣ сколь возможно меньшемъ, при расходахъ сколь возможно умѣренныхъ, доставить жителямъ всѣ тѣ выгоды, которыя требуются отъ благоустроеннаго гражданскаго управленія. Новое учрежденіе почти удвоило число чиновниковъ, размножило переписку и чрезвычайно увеличило расходы. Все это доказывало, что практическое дѣйствіе новаго учрежденія не удовлетворяло цѣли правительства; сверхъ того князь удостовѣрился, что оно возбудило почти общее неудовольствіе мѣстныхъ жителей. Грузинское дворянство роптало на то, что подвластные ему крестьяне, возбужденные розысками объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ, отказываются отъ повиновенія и ищутъ свободы. Многочисленное сословіе агаларовъ, отстраненное отъ управленія деревнями съ пожизненнымъ только вознагражденіемъ, жаловалось на то, что родственники и наслѣдники со смертію агаларовъ должны лишиться всѣхъ способовъ существованія; мѣра, противу агаларовъ принятая, возбудила не только волненіе между симъ сословіемъ, но чрезвычайные

безпорядки, грабежи и разбои во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ агалары имѣли вліяніе. Безпорядки сіи усиливались отъ того еще, что земская полиція, лишась въ агаларахъ своихъ помощниковъ, не могла дѣйствовать успѣшно, посредствомъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ, не знавшихъ ни языка, ни обычаевъ народа. Беки, составляющіе самую сильную и имѣющую большое вліяніе часть закавказскаго населенія ожидали той же участи, какъ и агалары, возмущеніе между беками было готово вспыхнуть повсюду: особенно карабахскіе беки, самые богатые и опасные по сосѣдству и сношеніямъ съ Персіею, были въ сильномъ волненіи, ожидая съ часу на часъ, что русское правительство отниметъ у нихъ имѣнія и лишитъ ихъ всѣхъ средствъ существованія. Городскіе жители жаловались на чрезвычайные съ нихъ поборы. Наконецъ, крестьяне и казенные и владѣльческіе, ожидая новыхъ налоговъ, преслѣдуемые за пользованіе лѣсами и угодьями, отчисленными въ казну, но существенно необходимыми для жителей, были тоже въ сильномъ безпокойствѣ и волненіи. Вольные джарцы жаловались на притѣсненія русскихъ чиновниковъ, на медленность суда, на стѣсненіе правъ собственности и угрожали возстаніемъ и присоединеніемъ къ Шамилю, волновавшему тогда южныя части Дагестана. Однимъ словомъ, во всѣхъ сословіяхъ народа слышались жалобы и угрозы. Волненіе въ народѣ успокоено было единственно принятыми княземъ Чернышевымъ на мѣстѣ мѣрами, личными увѣреніями его на счетъ благотворныхъ видовъ государя императора о закавказскихъ его подданныхъ и возродившеюся чрезъ то надеждою на лучшую будущность.

Главнѣйшія мѣры, которыя въ этомъ отношеніи были приняты на мѣстѣ княземъ Чернышевымъ, состояли въ томъ, чтобы успокоить владѣльцевъ, прекратить волненіе между крестьянами и дать мѣстному начальству болѣе средствъ къ успѣшнѣйшему управленію. Съ этою цѣлію князь, по высочайше дарованному ему уполномочію, приказалъ:

1) Бековъ оставить при управленіи имѣніями на прежнемъ основаніи, не приступая ни къ какимъ по сему предмету особымъ мѣрамъ и строго наблюдая, чтобы подвластные бекамъ крестьяне непремѣнно исполняли свои въ отношеніи ихъ обязанности.

2) Составить новое положеніе объ агаларахъ, опредѣливъ личныя ихъ права и способы надѣленія ихъ потомственною землею и другими средствами, сообразными съ ихъ положеніемъ и обстоятельствами края. Для начертанія сего положенія предписано учредить особый комитетъ; для успокоенія же народа объявлено, что просьбы ихъ приняты къ со-

ображенію и по собраніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, будутъ представлены на высочайшее государя императора воззрѣніе.

3) Наблюдать, чтобы помѣщичьи крестьяне не выходили изъ повиновенія и не дѣлать помѣщикамъ напрасныхъ притязаній.

4) Разрѣшить свободную рубку лѣса на прежнемъ основаніи.

5) Джаробѣлоканскій уѣздъ, по дикости нравовъ и низкой степени гражданственности его жителей, не приготовившихся еще къ принятію общихъ началъ гражданскаго управленія, переименовать въ округъ и ввѣрить управленію особаго штабъ-офицера; дѣла уголовныя туземцевъ разбирать военнымъ судомъ, а дѣла гражданскія шаріатомъ и судомъ третейскимъ.

6) По тѣмъ же причинамъ горскія племена, обитающія на южной покатости Кавказа: осетинъ, тушинъ, пшавовъ и хевсуръ отдѣлить отъ тѣхъ уѣздовъ, къ коимъ они причислены и образовать изъ нихъ особые округи, ввѣривъ начальству военныхъ штабъ-офицеровъ.

7) Расширить власть полицейскихъ управленій, предоставивъ окончательный разборъ всѣхъ тяжбъ и споровъ, а также дѣлъ о воровствѣ: участковымъ засѣдателямъ—до 30 руб., уѣзднымъ начальникамъ—до 100 р., а уѣзднымъ—до 200 руб. сер.

Кромѣ сего князь Чернышевъ предписалъ еще многія частныя мѣры относительно къ дѣлопроизводству, къ исполненію мѣстнымъ начальствомъ ихъ обязанностей, къ устройству городскихъ полицій, къ улучшенію учета и сбора городскихъ доходовъ и по разнымъ другимъ предметамъ гражданскаго управленія.

Все это совершено было въ теченіе двухъ недѣль, которыя князь Чернышевъ провелъ въ Тифлисѣ.

2-го іюля князь выѣхалъ въ обратный путь изъ Тифлиса, напутственный благословеніями и благодарностію всѣхъ жителей за его ежедневные и неимовѣрные труды, къ пользѣ и будущему благу ихъ края понесенные. Изъ Тифлиса князь прослѣдовалъ по нынѣ существующей военно-грузинской дорогѣ черезъ горы: Гутъ и Крестовую, чтобы сравнить ее съ мѣстностію вновь предположенной дороги, которую онъ осматривалъ прежде. Во время проѣзда черезъ Пятигорскъ осмотрѣлъ тамошніе знаменитые цѣлебные сѣрные источники и всѣ устроенныя тамъ для военныхъ чиновъ госпитальныя помѣщенія. 7-го іюля князь прибылъ въ Кисловодскъ. Въ эту пору года Кисловодскъ бываетъ почти пустъ: посѣтители начинаютъ собираться обыкновенно не ранѣе первыхъ чиселъ августа. Здѣсь, въ тиши уединенія, въ прохладѣ живительнаго воздуха Кисловодска, князь занялся составленіемъ,

для представленія государю императору своихъ отчетныхъ работъ по обзору, какъ гражданской, такъ и военной части; только краткія минуты посвящалъ князь необходимому отдохновенію въ тѣнистыхъ аллеяхъ сада, устроеннаго около цѣлебныхъ водъ Нарзана. Въ двѣ недѣли безпрерывныхъ занятій всѣ работы были окончены и князь Чернышевъ отправился для обзора Кубанской и тогда еще устраивающейся Лабинской линіи, принадлежащихъ къ правому флангу Кавказской линіи. Во время этой поѣздки князь принималъ въ Зассовскомъ укрѣпленіи депутатовъ отъ покорныхъ намъ 66-ти ауловъ ногайцевъ, бесленеевцевъ и абазинцевъ. При объявленномъ враждебными горцамъ намѣреніи увлечь ихъ въ горы, весьма важно было внушить покорнымъ обществамъ, что оставаясь вѣрными долгу, они сохранятъ неприкосновенно земли, коими теперь пользуются, но что въ противномъ случаѣ, лишившись навсегда этихъ земель, они подвергнутся рано или поздно строгому наказанію. Въ этомъ смыслѣ говорилъ князь депутатамъ; они увѣряли его въ преданности своей къ правительству, и хотя на искренность легкомысленныхъ и вѣроломныхъ этихъ племенъ нельзя вполнѣ положиться, но слова князя видимо произвели полезное вліяніе на депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь видимо строжайше подтвердилъ начальнику праваго фланга о тщательнѣйшемъ наблюденіи дабы пристава обращались съ мирными горцами справедливо и безкорыстно.

Въ Усть-Лабинской крѣпости ожидали князя старшины Хамышійскаго и Керкенейскаго племени, оставшихся намъ вѣрными, нѣкоторые шапсуги, переселившіеся подъ наше покровительство и другіе горцы, перешедшіе на жительство въ Черноморію. Князь благодарилъ ихъ за вѣрную службу Россіи и пожаловалъ именемъ государя императора золотую медаль съ надписью: «за усердіе» одному изъ керкенеевскихъ старшинъ, который отвергнулъ съ оружіемъ въ рукахъ всѣ предложенія мятежниковъ передаться къ нимъ.

26-го іюля князь прибылъ въ Ставрополь въ штабъ-квартиру командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи расположенными. Осмотрѣвъ здѣсь войска и главнѣйшія воинскія зданія, князь окончилъ тѣмъ высочайше возложенный на него обзоръ Кавказскаго и Закавказскаго края и предпринялъ обратный путь въ С.-Петербургъ.

Изложивъ всѣ подробности этой столь достопримѣчательной поѣздки, намъ остается еще бросить общій взглядъ на самый способъ выполненія князя Чернышева важнаго порученія на него особеннымъ

довѣріемъ государя возложеннаго. Можно сказать, что князь выполнилъ это порученіе съ тѣмъ неутомимымъ усердіемъ, высокою справедливостію, добросовѣстностію и слѣдовало бы прибавить, съ тѣмъ рѣдкимъ *тактомъ* (какъ говорятъ французы), которыми всегда отличалась его государственная и частная жизнь. Прибывъ въ край, главноуправляющій котораго заслужилъ справедливую немилость государя императора неосновательнымъ представленіемъ о пользѣ и удобоисполнимости новаго учрежденія, князь старался во всѣхъ общественныхъ случаяхъ оказывать главноуправлявшему и его семейству особенные знаки вниманія, чтобы не уронить въ глазахъ народа званіе начальника, избраннаго государемъ императоромъ для управленія обширнымъ и отдѣльнымъ краемъ. Въ семъ случаѣ князь постигалъ, что ослабленіе понятія въ народѣ о власти намѣстника царскаго не можетъ имѣть нигдѣ столь пагубныхъ послѣдствій, какъ въ краѣ еще коснѣющемъ въ азіятскомъ невѣжествѣ. Свѣтскою своею любезностію князь пріобрѣлъ себѣ сердца высшихъ сословій, доступностію и справедливостію любовь народную. Всегда и во всякое время, всѣхъ и каждаго имѣвшаго до него нужду принималъ князь къ себѣ, терпѣливо выслушивалъ жалобы и прошенія и ни одной просьбы не оставилъ безъ дальнѣйшаго законнаго хода. Князь умѣлъ съ глубокимъ благоразуміемъ отстранить опасную систему доносовъ, которую нѣкоторые начальники принимаютъ за способъ къ открытію истины. Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что къ князю не поступало *ни одного доноса*; злоупотребленія, которыя оказались, раскрыты были имъ изъ дѣлъ или изъ обстоятельствъ. Облеченный властію, которая никому дотолѣ не была довѣрена, князь никого не предалъ суду, никого не удалилъ отъ должности безъ самаго строгаго и законнаго изслѣдованія, произведеннаго черезъ лицъ, благонадежность которыхъ была ему вполнѣ извѣстна. Личные труды его были неимовѣрны: каждый день, каждый часъ его были посвящены только къ возможно успѣшнѣйшему выполненію даннаго ему порученія; всѣ мѣстныя обстоятельства въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, потребности жителей, дѣла общественныя и частныя—все обращало на себя его неутомимое вниманіе. Нельзя не удивляться и физической дѣятельности князя: большую часть своего объѣзда князь совершилъ верхомъ, переплывая на лихомъ конѣ бурные горные потоки, дѣлая дневные переѣзды при 30-ти градусахъ палящаго зноя. И послѣ такого перехода князь осматривалъ войска, казармы, госпитали, обходилъ укрѣпленія и наконецъ остальную часть дня посвящалъ письменнымъ замѣчаніямъ о всемъ имъ видѣнномъ. Князь дѣлалъ государю императору всегда

собственноручныя донесенія, на которыя его величество удостоилъ князя восемью собственноручными письмами. Мы не можемъ помѣстить здѣсь въ подлинникѣ эти письма, которыя составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ современныхъ событій и царствованія императора Николая: они важны, выказывая, какъ вѣренъ былъ заочный взглядъ государя, который всегда сходился съ мыслями князя Чернышева, на мѣстномъ обзорѣ основанными. Письма эти проникнуты высокою довѣренностію и искреннимъ расположеніемъ монарха къ князю Чернышеву.

Гласъ народа—гласъ Божій! Съ сколь явною радостію всѣ жители Кавказа встрѣтили князя Чернышева, съ столь же искренними благословеніями они провожали его, благодаря за всѣ его труды и заботы къ устройству будущаго благосостоянія ихъ края.

На возвратномъ пути въ С.-Петербургъ, князь слѣдовалъ черезъ землю Войска Донского и имѣлъ душевную отраду видѣть благіе плоды, принесенные новымъ положеніемъ всемилостивѣйше сему войску дарованнымъ, которое было составлено по основаніямъ имъ указаннымъ. Благосостояніе войска видимо возвысилось, и добрые донцы, чувствуя сколь много они обязаны князю, спѣшили теперь къ нему на встрѣчу, чтобы радушнымъ пріемомъ изъявить ему чувство ихъ глубокой признательности. На всѣхъ станціяхъ, станичные обыватели встрѣчали князя съ хлѣбомъ-солью, а въ Новочеркаскѣ данъ былъ отъ дворянства великолѣпный балъ. Не говоря о прежнихъ соратникахъ его въ Отечественную войну, въ Германіи и во Франціи, донцы спѣшили ему на встрѣчу, привѣтствовали и честили его. Сіе путешествіе по Дону было одною изъ счастливыхъ эпохъ его жизни, ибо признательность цѣлаго народонаселенія не есть ѳиміамъ лести. Прекрасно выразили донцы свои чувствованія въ слѣдующихъ стихахъ:

Ты ли мужъ, царемъ избранный,
Мужъ совѣта и герой,
Ты ли гость давно желанный,
Посѣтилъ нашъ край родной?
Ты ли, волею державной
Къ намъ ниспосланный, предсталъ
И звѣздою лучезарной
Благодатно возсіялъ?
Здраствуй! Снова ты съ донцами,
Словно прежняя пора,

Словно мы подъ знаменами
И кричимъ тебѣ: Ура!
Помнишь ли, какъ, витязь юный,
Ты съ дружиною донцовъ
Несъ нежданные перуны
Въ сердце вражескихъ полковъ?
А потомъ пора другая,
Данъ тебѣ другой удѣлъ:
Царь, заслуги уважая,
Наградить насъ восхотѣлъ.
И тогда, не ты ль отъ трона
Столько благъ намъ испросилъ?
И подъ сѣнію закона
Донъ счастливый опочилъ.
И теперь, опять для блага,
Тихій Донъ ты посѣтилъ;
Знай: въ немъ прежняя отвага,
Прежній духъ и прежній пылъ!
Разскажи царю-надеждѣ,
Что готовы мы служить,
Что за родину, какъ прежде,
Рады головы сложить!
А тебѣ, нашъ гость безцѣнный,
Правды мужъ, добра творецъ,
Мы сплели вѣнокъ нетлѣнный
Изъ признательныхъ сердецъ.

По прибытіи въ С.-Петербургъ князь представилъ государю императору подробные отчеты: одинъ—по военной, а другой—по гражданской части. Отчеты эти заключали въ себѣ подробное изложеніе настоящаго положенія всѣхъ частей, существующихъ недостатковъ и предположенія какъ къ устраненію сихъ недостатковъ, такъ и къ общему устройству края во всѣхъ отношеніяхъ. Почти всѣ изъ предположеній князя удостоились высочайшаго утвержденія. Здѣсь невозможно исчислить всѣхъ предметовъ представленій князя, но нельзя не указать на главнѣйшіе изъ нихъ, особенно замѣчательные по своимъ послѣдствіямъ. Такимъ образомъ князь изложилъ государю императору со всею откровенностію не только безполезность, но даже вредъ системы военныхъ дѣйствій, которой дотолѣ слѣдовали, какъ для утверж-

денія нашего владычества въ земляхъ непокорныхъ племенъ, такъ и для уничтоженія дерзкихъ замысловъ ихъ предводителей. Князь доказывалъ, что ежегодныя экспедиціи, предпринимаемыя нами въ нѣдра горъ, не принесли никакой существенной пользы, но только болѣе раздражили горцевъ и имѣли послѣдствіемъ съ одной стороны—соединеніе чеченскихъ и лезгинскихъ племенъ подъ властію Шамиля и возникшія по его же внушенію общія волненія между закубанцами, а съ другой—изнуреніе и разстройство войскъ нашихъ послѣ утомительныхъ походовъ. Князь предлагалъ для утвержденія нашего владычества въ томъ краѣ систему прочную, гибельнымъ случайностямъ неподверженную и основанную не на одной силѣ оружія, но также на употребленіи политическихъ средствъ къ разъединенію горскихъ племенъ. Непремѣнными условіями выполненія этой системы князь полагалъ постепенное овладѣніе плоскостями посредствомъ возведенія укрѣпленій у главныхъ выходовъ изъ горъ, отнюдь не вдаваясь въ нѣдра ихъ; проложеніе удобныхъ дорогъ на вновь занимаемыхъ нами пространствахъ и истребленіе лѣсовъ, въ коихъ мятежники мечтали найти себѣ неприступное убѣжище. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь указывалъ на необходимость обратить особенное вниманіе на устройство удобныхъ помѣщеній, въ коихъ войска дотолѣ крайне нуждались. Система эта удостоилась высочайшаго одобренія, но вспыхнувшее въ слѣдующемъ году общее возстаніе дагестанскихъ племенъ не дозволило привести ее въ исполненіе; только съ 1846 года могла она получить полное развитіе и съ тѣхъ поръ оправдалась самыми полезными послѣдствіями.

Сверхъ того, князь Чернышевъ представилъ на высочайшее благоусмотрѣніе составленную имъ новую подробную дислокацію Кавказскаго корпуса, примѣненную къ тогдашнему положенію дѣлъ нашихъ въ каждой части того края, предположеніе объ измѣненіи порціоннаго довольствія и новую форму обмундированія для тамошнихъ регулярныхъ войскъ, приспособленную къ кавказскому климату и потребностямъ службы.

Весьма замѣчательны основанія, принятыя княземъ для новаго порядка довольствія винными и мясными порціями. Князь обратилъ вниманіе, что войска, расположенныя въ мѣстахъ нездоровыхъ и гдѣ губительный климатъ имѣетъ особенное вліяніе, находящіяся въ безпрерывныхъ трудахъ и лишенныя удобствъ квартирнаго расположенія требуютъ по необходимости болѣе средствъ для поддержанія здоровья нижнихъ чиновъ, нежели войска, квартирующія въ мѣстахъ пользующихся климатомъ благорастворенным и остающіяся на постоянныхъ

квартирахъ. По этому правилу всѣ кавказскія войска въ отношеніи размѣра порціоннаго довольствія раздѣлены на пять категорій сообразно трудамъ войскъ, вліянію климата и удобствамъ квартирнаго расположенія. Государь императоръ, признавая несомнѣнную пользу этой мѣры. высочайше повелѣлъ немедленно привесть ее въ исполненіе, и можно утвердительно сказать, что со введеніемъ оной, болѣзненность и смертность между нижними чинами Кавказскаго корпуса значительно уменьшились.

Предположенія князя Чернышева къ устройству гражданской части были также весьма многочисленны и важны. Мѣры улучшеній князь предлагалъ принимать не вдругъ, но постепенно, и чтобы не подорвать довѣрія къ правительству—то вводить ихъ не какъ измѣненія, но какъ продолженія уже принятой системы гражданскаго устройства, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлять только общую цѣль и главныя основанія предполагаемой мѣры; развитіе же подробностей предоставлять главному мѣстному начальству. По прочтеніи представленія князя Чернышева, государю императору благоугодно было дать новое устройство высшему въ С.-Петербургѣ управленію дѣлами гражданскаго вѣдомства Закавказскаго края. Управленіе это, оставаясь попрежнему въ министерствахъ, сосредоточено въ высшемъ отношеніи въ Кавказскомъ комитетѣ и временномъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи. Кругъ дѣйствій сихъ установленій опредѣленъ указомъ 30-го августа 1842 года. Въ то же время князь Чернышевъ назначенъ предсѣдателемъ сего комитета.

Временному отдѣленію прежде всего было поручено заняться составленіемъ подробнаго наказа главному управленію края. Наказъ сей удостоился высочайшаго его величества утвержденія 12-го ноября 1842 г. Наказъ, ясно и положительно излагая главному управленію всѣ виды высшаго правительства, относительно дальнѣйшаго устройства Закавказскаго края, въ то же время указываетъ въ общихъ чертахъ и способы, необходимые для осуществленія сихъ видовъ, представляя впрочемъ подробное ихъ развитіе ближайшему усмотрѣнію и соображенію главнаго управленія. Симъ наказомъ увеличена власть главноуправляющаго. Ему подчинены всѣ безъ изъятія части управленія, дано полное право надзора и разрѣшенія всѣхъ случаевъ, не требующихъ новаго закона, предоставлено опредѣлять и увольнять всѣхъ чиновниковъ даже высшихъ и высылать изъ края вредныхъ лицъ. Для облегченія главноуправляющаго, завѣдываніе гражданскою частію, подъ его начальствомъ, поручено особому лицу, названному начальникомъ гражданскаго управленія и поставленному къ главноуправляющему въ тѣхъ отношеніяхъ,

въ коихъ находятся начальники штабовъ къ корпуснымъ командирамъ. Затѣмъ званіе тифлисскаго военнаго губернатора упразднено. Наконецъ составъ совѣта главнаго управленія ограниченъ пятью членами: тремя военными, коимъ поручено завѣдываніе частями: учебною, таможенною и почтовою и двумя гражданскими, занятыми исключительно обработкою новыхъ предположеній по гражданскому устройству края.

Государь императоръ, по многочисленности, важности и обширности работъ, относящихся до устройства Закавказскаго края, изволилъ признать необходимымъ опредѣлить порядокъ, въ какомъ работы сіи должны слѣдовать одна за другою. Вслѣдствіе сего составлена и по предварительномъ разсмотрѣніи въ главномъ управленіи удостоилась высочайшаго утвержденія подробная систематическая программа всѣмъ работамъ, порученнымъ главному управленію по устройству края. Въ ней всѣ работы раздѣлены на 8-мь главныхъ отдѣловъ и именно: 1) общее устройство управленія; 2) устройство полиціи; 3) опредѣленіе правъ состоянія; 4) подати, сборы и повинности; 5) устройство казеннаго управленія; 6) устройство суда; 7) торговля и промышленность и 8) разные предметы. Работы каждаго отдѣла раздѣлены на двѣ части или разряда: къ первому отнесены такіе предметы, обработка коихъ должна слѣдовать въ точности систематическому порядку; а ко второму работы, которыя могутъ быть разсматриваемы во всякое время безъ очереди, по мѣрѣ собранія нужныхъ къ разсмотрѣнію ихъ свѣдѣній.

За исполненіе порученія по обзору Кавказа князь удостоенъ высочайшимъ рескриптомъ, отъ 14-го августа 1842 года, слѣдующаго содержанія: «Князь Александръ Ивановичъ! Найдя необходимымъ поручить довѣренному лицу полный обзоръ Закавказскаго края, какъ по военной, такъ и по гражданской частямъ, выборъ мой палъ на васъ. Не смотря на всѣ трудности сего порученія, вы въ четыре мѣсяца исполнили его съ свойственнымъ вамъ рвеніемъ, точностію и нелицепріятною справедливостью. Отчетъ, вами представленный, раскрылъ мнѣ настоящее состояніе дѣлъ, на положительныхъ данныхъ, а не на мечтаніяхъ надменной самонадѣянности, преступной, когда стремится затмить истину въ глазахъ правительства. Симъ новымъ опытомъ всегдашней полезной службы вашей, вы пріобрѣли неоспоримое право на полную и искреннюю мою признательность, увѣрить же васъ въ томъ, равно какъ и въ постоянномъ къ вамъ благоволеніи моемъ, будетъ всегда для меня особымъ удовольствіемъ. Пребываю къ вамъ благосклонный».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Продолженіе управленія военнымъ министерствомъ.—Назначеніе предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ съ сохраненіемъ прежнихъ должностей.

Черезъ день по возвращеніи князя Чернышева въ С.-Петербургъ, данъ правительствующему сенату указъ о повелѣніи вступить князю Чернышеву въ управленіе по прежнему военнымъ министерствомъ.

Продолжая управлять этимъ министерствомъ на твердыхъ основаніяхъ, имъ установленныхъ, князь Чернышевъ удостоился съ 1842 г. слѣдующихъ всемилостивѣйшихъ наградъ;

Въ 1843 году высочайшимъ приказомъ 11-го апрѣля назначенъ шефомъ Кабардинскаго егерскаго полка.

Награда эта была очень пріятна князю Чернышеву, потому что Кабардинскій полкъ считается однимъ изъ храбрѣйшихъ въ Кавказскомъ корпусѣ.

Въ 1844 году, высочайшимъ приказомъ 26-го марта, повелѣно С.-Петербургскому уланскому и Кабардинскому егерскому полкамъ именоваться впредь: первому уланскимъ, а послѣднему егерскимъ генералъ-адъютанта князя Чернышева полками. При семъ князь получилъ отъ того же числа слѣдующій всемилостивѣйшій рескриптъ:

«Наблюдая неослабно за ходомъ военно-сухопутнаго управленія, я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что всѣ обязанности и распоряженія министерства, по личному составу, снабженію и довольствію войскъ, выполняются съ совершеннымъ успѣхомъ и сопровождаются самыми удовлетворительными послѣдствіями. Подъ вашимъ начальствомъ, военное министерство собственными средствами и безъ всякаго пособія со стороны государственнаго казначейства, но единственно благоразумнымъ хозяйствомъ и распорядительностію успѣло составить весьма значительные денежные и вещевые капиталы и продовольственные припасы; окончательное же устройство отчетности, утвержденной на прочныхъ и ясныхъ началахъ, вполнѣ обезпечиваетъ ихъ цѣлость и правильность употребленія. Такимъ образомъ, вашею неусыпною дѣятельностію, бдительнымъ надзоромъ и благонамѣренными усиліями, въ теченіе семнадцати лѣтъ, поставлены всѣ части сего обширнаго и многосложнаго управленія на ту высокую степень порядка, на которой я желалъ оныя видѣть. Отдавая всегда справедливость важнымъ государственнымъ заслугамъ вашимъ, я и нынѣ съ искреннимъ чувствомъ

*

возобновляю вамъ, за достохвальное служеніе ваше престолу и отечеству, мою полную и совершенную признательность, и въ ознаменованіе оной я вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ С.-Петербургскому уланскому и Кабардинскому егерскому полкамъ, коихъ вы состоите шефомъ, именоваться впредь полками имени вашего. Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный».

Въ 1848 году, въ 25-й день іюня, пожалованъ ему при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ портретъ государя императора, алмазами украшенный, для ношенія въ петлицѣ, по случаю отлично исправнаго снабженія сформированной изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ запасной арміи и дѣйствующей арміи, приведенной въ военное положеніе. Рескриптъ этотъ помѣщенъ выше въ IV главѣ на 224-й страницѣ сего описанія.

1848 годъ останется навсегда достопримѣчательнымъ въ лѣтописяхъ современныхъ событій. Преступные замыслы революціоннаго духа и мятежи, ниспровергшіе во Франціи престолъ Орлеанскаго дома, быстро разлились по Западной Европѣ и коснулись предѣловъ Австріи и Пруссіи. Россія не могла оставаться хладнокровною зрительницею бѣдствій въ сопредѣльныхъ ей государствахъ и пагубныхъ успѣховъ преступнаго мятежа противъ законныхъ правительствъ. Немедленно по полученіи извѣстія о происшедшей во Франціи революціи, государю императору благоугодно было повелѣть привесть дѣйствующую армію въ военное положеніе и призвать на службу безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, для составленія изъ нихъ запасной арміи. Съ какою быстротою и точностію исполнена высочайшая по сему предмету воля, изложено выше, въ главѣ IV сего описанія, гдѣ объяснено, что это могло быть совершено только при томъ удовлетворительномъ состояніи всѣхъ частей военно-сухопутнаго управленія, до коего онѣ были доведены попечительностію князя Чернышева.

Тягостно для всѣхъ людей благонамѣренныхъ, видящихъ только въ сохраненіи законнаго порядка единственный залогъ благоденствія народовъ, тянулся злополучный 1848 г. Съ каждымъ днемъ получались изъ Западной Европы извѣстія, угрожавшія новыми бѣдствіями и требовавшія самыхъ дѣятельныхъ съ нашей стороны мѣръ по военной части. Въ это самое время скончался въ Петербургѣ предсѣдательствовавшій въ государственномъ совѣтѣ генералъ-адъютантъ графъ Левашевъ. Выборъ монарха для занятія этой первой государственной должности палъ на князя Чернышева. Сознавая ту великую пользу, которую опытность и знаніе князя могли принести при готовившихся важныхъ событіяхъ, кои неминуемо должны были разразиться въ непродолжи-

тельномъ времени, государь императоръ рѣшился отступить отъ коренного правила, что предсѣдатель государственнаго совѣта не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и министромъ, и высочайшимъ указомъ, 3-го ноября 1848 года, князь Чернышевъ всемилостивѣйше назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ съ сохраненіемъ и прежнихъ должностей. Это назначеніе показало всей Россіи, до какой степени монархъ цѣнилъ достоинства князя Чернышева.

Высокая царская надежда не замедлила оправдаться на самомъ дѣлѣ. Постоянныя побѣды мятежныхъ венгровъ надъ австрійскими войсками, угрожая паденіемъ Габсбургскому дому, заставили обратиться императора австрійскаго Франца Іосифа съ просьбою къ нашему государю о помощи къ подавленію мятежа. Великая душа императора Николая не колебалась ни минуту: немедленно отдано было повелѣніе о снаряженіи войскъ къ походу.

Въ описаніе это не входитъ изложеніе военныхъ дѣйствій нашихъ войскъ противъ мятежныхъ венгровъ; славные подвиги русской арміи, подавившіе въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ преступный мятежъ, относятся къ событіямъ современной отечественной и европейской исторіи. Здѣсь только слѣдуетъ сказать, что заботливостью и дѣятельностію князя Чернышева снаряженіе русской арміи произведено съ быстротою неимовѣрною: 26-го апрѣля 1849 года русскій царь изрекъ Россіи отеческое слово о необходимости подъять мечъ къ успокоенію народовъ и къ возстановленію порядка въ сопредѣльномъ государствѣ, а 6-го іюня 150-ти-тысячная армія, въ присутствіи его величества, уже вступала въ предѣлы Венгріи и въ то же время, съ другой стороны, сильный отрядъ нашихъ войскъ мужественнымъ вступленіемъ въ Трансильванію открывалъ рядъ блистательныхъ побѣдъ, увѣнчавшихъ впослѣдствіи наше оружіе. Независимо отъ сего, сформированная въ предыдущемъ году 150-же-тысячная армія снабжена всѣми военными потребностями.

Сколь велики заслуги, княземъ Чернышевымъ въ этомъ случаѣ оказанныя, доказываетъ всемилостивѣйшая награда, пожалованная ему по окончаніи венгерской кампаніи. Государь императоръ, находясь въ то время въ Варшавѣ, чтобы ближе наблюдать за ходомъ событій, пожелалъ наградить всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ распоряженіяхъ по военной части. Для сего былъ избранъ день 22-го августа, который цѣлая Россія торжествуетъ какъ память священнаго коронованія его величества, и въ числѣ первыхъ наградъ всемилостивѣйше повелѣно: присвоить князю Черны-

шеву къ носимому имъ съ снисходящимъ потомствомъ княжескому достоинству титулъ свѣтлости, причемъ онъ удостоился получить высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«При благополучномъ окончаніи военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ для оказанія Австріи вооруженной помощи къ усмиренію мятежа въ Венгріи, я не могу при этомъ случаѣ не обратить справедливаго вниманія на тѣ великія услуги, которыя вами оказаны отечеству къ совершенію этого важнаго подвига. Неусыпными трудами вашими, неослабною дѣятельностію и благоразумною предусмотрительностію приготовлены всѣ способы и запасы, которые доставили возможность двинуть до 150.000 войска въ самый короткій срокъ, при полномъ обезпеченіи ихъ всѣми военными потребностями. Съ примѣрною исправностію войска снабжены всѣмъ имъ слѣдовавшимъ довольствіемъ отъ военнаго министерства. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое сформированіе резервовъ для дѣйствующихъ войскъ и отлично-успѣшное ихъ снаряженіе доставляютъ возможность нашей арміи предстать, тотчасъ послѣ войны, въ томъ же устройствѣ и блистательномъ видѣ, въ коемъ она отправилась въ походъ. И все это совершено вами при множествѣ другихъ важныхъ государственныхъ занятій, которыя особеннымъ моимъ довѣріемъ на васъ возложены. Въ справедливомъ сознаніи высокихъ заслугъ вашихъ и во изъявленіе моей сердечной благодарности и искренней признательности за столь многочисленныя доказательства достохвальнаго и долговременнаго служенія вашего престолу и отечеству, я повелѣлъ правительствующему сенату присвоить къ носимому вами княжескому достоинству титулъ свѣтлости. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный».

Императоръ австрійскій, также сознавая заслуги князя Чернышева въ содѣйствіи къ снаряженію нашихъ войскъ противъ мятежныхъ венгровъ, пожаловалъ ему первый свой гражданскій орденъ святаго Стефана 1-й степени.

Но венгерская кампанія, покрывшая русское оружіе новымъ блескомъ, послужившая къ возстановленію въ Европѣ спокойствія и утвержденію законныхъ правительствъ, стоила Россіи значительныхъ пожертвованій. Войска наши, съ самаго открытія военныхъ дѣйствій, подверглись вліянію губительнаго венгерскаго климата: отъ лихорадокъ и холеры значительно рѣдѣли ряды нашихъ войскъ. Бывшія сраженія, при многочисленности венгерской артиллеріи, произвели истощеніе артиллерійскихъ снарядовъ, поврежденіе орудій и потерю лошадей; большая часть аммуниціи при дѣйствіяхъ въ самое жаркое время, въ сыромъ

и болотистомъ краѣ, пришли въ негодность; наконецъ самое огнестрѣльное оружіе, остававшееся еще у нѣкоторой части войскъ прежней кремневой системы, требовало перемѣны и исправленія. Немедленно приняты были военнымъ министерствомъ самыя дѣятельныя мѣры къ пополненію всѣхъ недостатковъ, и заслуги князя Чернышева тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ замѣчательны, что запасы министерства, накопленные въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, были по необходимости истощены при снаряженіи войскъ къ походу. Въ самомъ непродолжительномъ времени всѣ слѣды военныхъ дѣйствій были совершенно изглажены и государь императоръ, при осмотрѣ войскъ слѣдующею весною, изволилъ найти ихъ въ томъ же блистательномъ видѣ и превосходномъ состояніи, въ коемъ они находились до войны. Признательность монарха къ князю Чернышеву выразилась въ слѣдующемъ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на его имя 23-го мая 1850 года:

«Осмотрѣвъ 2-й и 3-й пѣхотные корпуса въ первый разъ по возвращеніи ихъ изъ венгерскаго похода, я съ особеннымъ удовольствіемъ удостовѣрился, что войска сіи снабжены съ необыкновенною быстротою и исправностію всѣмъ довольствіемъ, необходимымъ послѣ военнаго времени. Это могло быть совершено только при отличномъ состояніи хозяйственной части военнаго министерства и мнѣ пріятно при семъ случаѣ вновь повторить, что военно-сухопутное управленіе обязано вамъ своимъ теперешнимъ примѣрнымъ устройствомъ. Вполнѣ цѣню, что при вашихъ многочисленныхъ государственныхъ занятіяхъ вы ничего не упустили изъ виду, что только могло служить къ исполненію моихъ желаній. Отъ всей души благодарю васъ за службу вашу мнѣ и Россіи. Сколь искренна моя признательность, столь же неизмѣнны пребудутъ и чувства моего сердечнаго къ вамъ благоволенія».

Въ 1850 же году супруга князя Чернышева княгиня Елисавета Николаевна пожалована кавалерственною дамою ордена Святыя Екатерины 1-й степени, и какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ государыни императрицы на имя ея свѣтлости данномъ: «во изъявленіе душевной нашей признательности къ супругу вашему за достохвальное служеніе престолу и отечеству».

Въ 1851 году, въ день Свѣтлой Пасхи, государю императору угодно было явить новый знакъ благоволенія къ семейству князя Чернышева назначеніемъ 15-ти-лѣтняго сына его князя Льва въ кавалергардскій ея величества полкъ съ производствомъ въ корнеты. Подобная высокая милость никому не была оказана кромѣ сына генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго.

Въ этотъ самый годъ кавалергардскій полкъ торжествовалъ совершившееся 1-го числа іюля двадцатипятилѣтіе со дня назначенія августѣйшимъ шефомъ онаго государыни императрицы Александры Ѳеодоровны. Его величество, въ воспоминаніе что князь Чернышевъ началъ свою службу въ кавалергардскомъ полку, высочайше повелѣлъ зачислить его по спискамъ сего полка и дозволить носить полковой мундиръ. Этотъ знакъ монаршаго вниманія получилъ еще выше цѣну, когда на другой день командующій гвардейскимъ корпусомъ, наслѣдникъ русскаго престола, въ сопровожденіи всего общества офицеровъ кавалергардскаго полка явился въ домъ князя Чернышева, чтобы поздравить съ царскою милостію. Послѣ привѣтствія князю, его императорское высочество, обратившись къ офицерамъ, сказалъ: что для каждаго изъ русскихъ князь Чернышевъ долженъ быть примѣромъ какъ слѣдуетъ служить царю и отечеству и доказательствомъ, что въ Россіи вѣрною службою всего можно достигнуть. Князь въ краткой, но сильной рѣчи благодарилъ его высочество и общество офицеровъ кавалергардскаго полка за сдѣланную ему симъ посѣщеніемъ честь.

Умилительно было видѣть, при торжествованіи тезоименитства государыни императрицы, въ кавалергардскихъ мундирахъ: князя Александра Ивановича и его малолѣтняго сына, въ особенности когда каждый, проходя въ памяти служебное поприще князя, вспоминалъ, что онъ, вступивъ въ службу въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, не имѣлъ ни покровителей, ни связей, ни богатства и теперь достигъ высшихъ государственныхъ должностей единственно своими трудами и личными заслугами, слѣдуя неуклонно всегда и во всякомъ случаѣ избранному имъ себѣ девизу служить: «*вѣрою и правдою*».

Доведя теперь наше описаніе до 1852 года—эпохи, въ которой должно совершиться 50-ти-лѣтіе его знаменитаго служенія при 25-тилѣтнемъ управленіи военно-сухопутнымъ вѣдомствомъ, намъ еще остается для полнаго изображенія его служебной дѣятельности указать на главнѣйшія дѣла, разсмотрѣнныя подъ его предсѣдательствомъ въ государственномъ совѣтѣ, въ комитетѣ министровъ и въ кавказскомъ комитетѣ. Дѣла эти суть слѣдующія:

а) По государственному совѣту:

Первое по своемъ назначеніи предсѣдателемъ засѣданіе общаго собранія государственнаго совѣта князь Чернышевъ открылъ рѣчью къ

членамъ совѣта: «при первомъ приступѣ», сказалъ князь, «позвольте мнѣ, милостивые государи, выразить передъ вами душевныя мои чувства и желанія. Государю императору благоугодно было почтить меня званіемъ предсѣдателя государственнаго совѣта. Чувствую всю важность этого высокаго призванія и смѣю надѣяться, что просвѣщенное содѣйствіе и долговременная опытность моихъ почтенныхъ сотоварищей облегчитъ исполненіе возлагаемыхъ на меня трудныхъ обязанностей. На поприщѣ столь для меня лестномъ, я вмѣню себѣ въ постоянный и непремѣнный долгъ стараться снискать благорасположеніе и полное довѣріе г.г. членовъ государственнаго совѣта: этого требуетъ самая польза службы всемилостивѣйшаго нашего государя».

Главнѣйшія дѣла, разсмотрѣнныя въ общемъ собраніи совѣта во время предсѣдательствованія князя Чернышева, суть слѣдующія:

О новомъ тарифѣ для имперіи и Царства Польскаго.

Объ измѣненіи правилъ кяхтинскаго торга.

О новомъ устройствѣ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ.

О введеніи въ 16-ти привилегированныхъ губерніяхъ акцизнаго съ питей сбора.

О новыхъ податяхъ съ частной золотопромышленности въ Сибири.

Объ измѣненіи разныхъ статей горнаго устава, до частной золотопромышленности относящихся.

О поясненіи и исправленіи узаконеній касательно дѣйствительности и законности браковъ и послѣдствій оныхъ.

О предупрежденіи ввоза изъ-за границы запрещенныхъ книгъ.

О вознагражденіи за причиненные противозаконными дѣяніями вредъ и убытки.

О новомъ устройствѣ земскихъ повинностей въ государствѣ.

О правилахъ полюбовнаго и понудительнаго межеванія земель.

О сокращеніи штатовъ по министерствамъ и главнымъ управленіямъ.

О сокращеніи переписки и упрощеніи формъ дѣлопроизводства по гражданскому вѣдомству.

О порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ.

Положеніе о преимуществахъ медицинскихъ чиновъ.

Положенія и штаты Камчатской, Забайкальской и Якутской областей, Кяхтинскаго градоначальства и Алтайскихъ горныхъ заводовъ.

Сверхъ того весьма много разсмотрѣно дѣлъ гражданскихъ и уго-

ловныхъ. Дѣла эти, производившіяся нерѣдко по нѣскольку десятковъ лѣтъ во всѣхъ инстанціяхъ и поступавшія въ государственный совѣтъ въ порядкѣ законодательномъ, требовали самаго тщательнаго разсмотрѣнія и часто, по запутанности и многосложности своей, возбуждали важные юридическіе вопросы. Здѣсь кстати сказать, что князь Чернышевъ допускалъ полную свободу каждому изъ членовъ высказывать свое мнѣніе, терпѣливо выслушивалъ каждаго, но съ твердостію и съ особенною ловкостію, не оскорбляя ничье самолюбіе, направлялъ пренія къ надлежащему разсужденію, коль скоро рѣчи уклонялись отъ предмета. Излагая свои собственныя мысли, для соглашенія различныхъ мнѣній, князь всегда успѣвалъ привесть на свою сторону большинство голосовъ. Въ дѣлахъ законодательныхъ направленіе князя Чернышева было *охранительное*: допуская нововведенія, пользу и необходимость которыхъ указывалъ опытъ и требовало современное положеніе дѣлъ, князь устранялъ съ благоразуміемъ государственнаго мужа и истиннаго патріота тѣ мѣры, которыя основаны на однихъ гадательныхъ предположеніяхъ о мнимыхъ будущихъ выгодахъ. Такимъ образомъ при разсужденіяхъ о введеніи новаго тарифа, когда нѣкоторые члены совѣта предполагали допустить ввозъ заграничнаго хлѣба съ весьма впрочемъ высокою пошлиною, князь воспротивился этой мѣрѣ и доказалъ, что ввозъ заграничнаго хлѣба можетъ быть полезенъ только при всеобщемъ неурожаѣ въ государствѣ, но что и прежде при подобныхъ бѣдствіяхъ, правительство всегда разрѣшало таковой ввозъ, какъ мѣру временную; установленіе же этой мѣры, какъ постояннаго закона, не принося при возвышенной пошлинѣ никакой пользы, можетъ только поселить опасенія и возбудить ропотъ въ многочисленномъ классѣ сельскихъ владѣльцевъ, которые въ государствѣ чисто земледѣльческомъ какъ Россія служатъ главною опорою государства, и въ сбытѣ хлѣбныхъ произведеній находятъ единственный источникъ своего благосостоянія. «Никогда», сказалъ въ заключеніе князь Чернышевъ: «у меня, какъ у русскаго, не подымется рука къ подписанію этого закона». Мнѣніе князя, увлекшее за собою большинство голосовъ, удостоилось высочайшаго утвержденія и такимъ образомъ твердостію и патріотизмомъ князя Чернышева отклонена мѣра, которая, безъ сомнѣнія, имѣла бы самое вредное вліяніе на нашу земледѣльческую промышленность. Въ другой разъ, при разсужденіяхъ объ установленіи пошлины для ввоза изъ-за границы иностраннаго желѣза и чугуна послѣдовали различныя мнѣнія между управляющимъ министерствомъ финансовъ, департаментомъ экономіи и нѣкоторыми членами совѣта.

Князь Чернышевъ, не противясь этой мѣрѣ, объяснилъ однако же совѣту, что самое это разногласіе доказываетъ, что дѣло это еще недостаточно разъяснено и что факты, на которые указываетъ каждая противная сторона, еще не приведены въ надлежащую положительность. «Неосторожно и неблагоразумно было бы», заключилъ князь Чернышевъ: «въ такомъ положеніи принять какую либо рѣшительную мѣру въ дѣлѣ, которое должно имѣть самое сильное и непосредственное вліяніе на отечественную промышленность, занимающую болѣе милліона человѣкъ въ государствѣ». Посему князь Чернышевъ полагалъ необходимымъ собрать по сему дѣлу болѣе положительныя и точныя данныя и потомъ вопросъ этотъ разрѣшить при пересмотрѣ общаго государственнаго тарифа, который постановлено пересматривать черезъ каждые четыре года. Мнѣніе это, привлекшее безспорное согласіе всѣхъ членовъ Совѣта, удостоилось также высочайшаго утвержденія.

б) По комитету министровъ:

На основаніи существующихъ постановленій, главнѣйшія занятія комитета министровъ состоятъ въ разсмотрѣніи дѣлъ и случаевъ, разрѣшеніе коихъ превышаетъ власть министра. Дѣла эти, относящіяся до текущаго дѣлопроизводства особыхъ министерствъ, не подлежатъ нашему описанію и потому мы ограничимся только указаніемъ, по хронологическому порядку, на дѣла, выходящія изъ обыкновеннаго разряда. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ, разсмотрѣнныя съ конца 1848 года:

О порядкѣ учрежденія и содержанія въ Москвѣ фабрикъ и заводовъ и правильнѣйшемъ надзорѣ за рабочими на оныхъ.

Объ упраздненіи Охотскаго порта и преобразованіи Камчатской области.

О порядкѣ введенія въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Остзейскихъ губерній дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ.

Условія на отдачу въ оброчное содержаніе акцизно-питейнаго откупа въ Великороссійскихъ губерніяхъ съ 1851 по 1855 годъ.

О подробномъ и систематическомъ изслѣдованіи всѣхъ вообще мѣсторожденій каменнаго угля въ Тульской губерніи.

О порядкѣ увольненія отъ службы и опредѣленія въ оную вновь чиновниковъ неблагонадежныхъ или неспособныхъ къ отправленію занимаемыхъ ими должностей.

Объ управленіи питейными сборами Восточной Сибири съ 1851 по 1855 годъ, на основаніи особаго проекта.

По предположеніямъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, о новомъ раздѣленіи, преобразованіи и устройствѣ управленія тѣмъ краемъ.

О мѣрахъ къ устройству быта мелкопомѣстныхъ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ.

Объ учрежденіи въ Москвѣ комитета для изысканія и указанія промышленникамъ лучшихъ способовъ къ разработкѣ, сбыту и употребленію добываемаго въ Московской губерніи торфа.

О разрѣшеніи, въ видѣ опыта на 5-ть лѣтъ, безпошлиннаго перевоза россійскихъ произведеній изъ Черноморскихъ въ Балтійскіе порты.

Объ усиленіи по случаю неурожая производства шоссейныхъ работъ въ Витебской, Могилевской и Смоленской губерніяхъ.

О дѣйствіяхъ частной золотопромышленности въ Сибири и о мѣрахъ къ поддержанію и развитію оной.

Объ улучшеніи быта заводскихъ мастеровыхъ и приписныхъ крестьянъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ.

О распоряженіяхъ къ отстраненію безпорядковъ и злоупотребленій въ волостныхъ правленіяхъ Западной Сибири.

Относительно содержанія Тобольской и Томской арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства.

Объ учрежденіи въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ дополнительныхъ курсовъ преподаванія, формъ производства дѣлъ и судебнаго порядка.

в) По Кавказскому комитету:

Не смотря на тревожное положеніе края, происшедшее отъ почти всеобщаго возстанія въ 1843 году дагестанскихъ племенъ и отъ послѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ 1843 и 1844 годахъ, совершены однако же въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ многія важныя законодательныя работы, разсмотрѣнныя въ Кавказскомъ комитетѣ, и именно:

О порядкѣ управленія кенгерлинцами.

Объ устройствѣ особой Дагестанской области.

О порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на недвижимыя имѣнія въ Закавказскомъ краѣ.

О порядкѣ производства дѣлъ по искамъ жителей Гуріи и Имеретіи, о владѣніи крѣпостными людьми и по отыскиванію сими послѣд-

ними свободы отъ лицъ, не имѣющихъ по русскимъ законамъ права владѣть ими.

Объ освобожденіи правителемъ Мингреліи тамошняго духовенства отъ крѣпостной зависимости.

По вопросу объ отмѣнѣ силы и дѣйствія законовъ царя Вахтанга въ Закавказскомъ краѣ.

О распространеніи на Грузино-Имеретинскую губернію порядка разсмотрѣнія дѣлъ слѣдственныхъ и уголовныхъ, существующаго въ Каспійской области.

О назначеніи духовной миссіи въ Абхазію.

О введеніи новой податной системы въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ.

О поясненіи обязанностей главнаго управленія Закавказскимъ краемъ при утвержденіи городскихъ бюджетовъ.

О преобразованіи Бѣлоканскаго и Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округовъ.

Объ устройствѣ магометанскаго духовенства въ Закавказскомъ краѣ.

О вознагражденіи владѣльцевъ въ Грузіи, Имеретіи и Гуріи за крестьянъ, отошедшихъ въ казенное вѣдомство.

Объ устройствѣ торговли на восточномъ берегу Чернаго моря.

О раздѣленіи Телавскаго уѣзда.

Въ 1845 году, по случаю назначенія въ Кавказскій край особаго намѣстника, государь императоръ изволилъ признать необходимымъ сдѣлать слѣдующія измѣненія въ порядкѣ высшаго въ С.-Петербургѣ управленія дѣлами этого края:

1) Предоставить Кавказскому комитету разсматривать всѣ вообще дѣла не одного Закавказскаго края, но и Кавказской области.

2) Временное отдѣленіе собственной его величества канцеляріи по дѣламъ Закавказскаго края—закрыть, и

3) При Кавказскомъ комитетѣ, подъ главнымъ начальствомъ предсѣдателя онаго, учредить особую канцелярію, поручивъ ей всѣ вообще обязанности, возложенныя на бывшее временное отдѣленіе.

Назначенному намѣстникомъ кавказскимъ генералъ-адъютанту князю Воронцову, данъ въ 30-й день января 1845 года, особый высочайшій рескриптъ о правахъ и отношеніяхъ его. Съ присвоеніемъ князю Воронцову весьма важныхъ правъ, съ расширеніемъ его власти и предоставленіемъ ему всевозможныхъ средствъ къ устройству мѣстнаго управленія—еще съ большею быстротою слѣдовали одно за другимъ законодательныя и административныя распоряженія, а съ тѣмъ

вмѣстѣ значительно увеличились и занятія Кавказскаго комитета. Изъ общаго числа дѣлъ, разсмотрѣнныхъ съ того времени, особаго вниманія, по обширности и важности ихъ, заслуживаютъ слѣдующія:

Объ устройствѣ соляной части за Кавказомъ.

О продажѣ хлѣбнаго вина въ Кавказской области и мѣстахъ, находящихся за Кавказскою линіею.

О каботажномъ плаваніи иностранныхъ судовъ по восточному берегу Чернаго моря.

Объ учрежденіи въ Новороссійскѣ порта, карантина и таможни.

О мѣновой торговлѣ съ горцами на Кавказской линіи.

О льготахъ и пособіяхъ магометанскимъ народамъ, кочующимъ въ Кавказской области.

Объ устройствѣ таможенной и карантинной частей за Кавказомъ и на Кавказѣ.

О торговлѣ Закавказскаго края. Дѣло это, по его чрезвычайной важности и многосложности, было разсматриваемо въ 4-хъ особыхъ засѣданіяхъ комитета, изъ коихъ послѣднее, окончательное, было въ высочайшемъ присутствіи государя императора. Въ это засѣданіе высочайше утверждены составленные комитетомъ проекты: указа о разныхъ облегченіяхъ по торговлѣ Закавказскаго края, новаго тарифа для этой торговли и правилъ транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Закавказскій край.

О заселеніи и гражданскомъ управленіи Сѣверовосточнаго берега Чернаго моря.

О новомъ раздѣленіи Закавказскаго края на четыре губерніи.

О поземельныхъ правахъ бековъ, меликовъ и агаларовъ.

О приведеніи въ извѣстность княжескихъ и дворянскихъ фамилій въ Грузіи, Имеретіи и Гуріи и о порядкѣ утвержденія ихъ въ этихъ званіяхъ.

Объ отчетности въ суммахъ по Закавказскому краю и Кавказской области.

Объ управленіи медицинскою частію гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ.

Объ устройствѣ въ Тифлисѣ торговой полиціи.

О порядкѣ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній грузинскихъ помѣщиковъ.

О преимуществахъ службы за Кавказомъ чиновниковъ изъ туземцевъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ и землевладѣльцевъ въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказскаго края.

Объ устройствѣ сословій маафовъ и нукеровъ.

О закрытіи портовъ въ Абхазіи.

Объ устройствѣ управленія Кавказскими минеральными водами.

Объ учрежденіи на Азовскомъ морѣ портоваго города Ейска.

Положеніе объ устройствѣ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Объ учрежденіи въ Закавказскомъ краѣ новой губерніи, названной «Эриванскою».

Положеніе о воспитаніи кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ на счетъ казны въ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

О правахъ имеретинскихъ помѣщиковъ и владѣтеля Мингреліи на отыскиваніе крестьянъ, переселившихся въ Грузію.

О вознагражденіи помѣщиковъ за крестьянъ ихъ, находящихся въ Закубанскомъ поселеніи.

Объ устройствѣ кордонной стражи въ Закавказскомъ карантинно-таможенномъ округѣ.

О преобразованіи управленія государственными имуществами за Кавказомъ.

Объ учрежденіи на Кавказѣ особаго отдѣленія русскаго географическаго общества.

Объ устройствѣ въ Закавказскомъ краѣ мусульманскихъ училищъ.

Объ учрежденіи при Екатеринодарской гимназіи благороднаго пенсіона.

Положеніе о Тифлисской магнитной и метеорологической обсерваторіи.

Объ устройствѣ почтовой части въ Черноморіи.

О переселеніи малороссійскихъ казаковъ въ Закавказскій край.

Объ устройствѣ постойной повинности въ г. Ставрополѣ.

О передачѣ въ казенное управленіе церковныхъ имѣній въ Грузіи.

О порядкѣ управленія ремесленниками изъ русскихъ и иностранцевъ въ Тифлисѣ.

Одно это простое исчисленіе дѣлъ достаточно показываетъ какъ многочисленны, обширны и разнообразны были занятія князя Чернышева по званію предсѣдателя Кавказскаго комитета. Государь импе-

раторъ, цѣня его труды, удостоилъ его въ 31-й день декабря 1846 года, слѣдующимъ высочайшимъ рескриптомъ:

«Князь Александръ Ивановичъ. Прочитавъ представленный мнѣ вами отчетъ о занятіяхъ Кавказскаго комитета въ теченіе 1846 года, я съ истиннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что при быстромъ движеніи дѣлъ по комитету приведены къ окончанію съ отличнымъ успѣхомъ и вполнѣ соотвѣтственно моимъ видамъ и желаніямъ, многія и весьма важныя предположенія, которыя послужатъ къ прочному устройству и несомнѣнной пользѣ Кавказскаго края. Относя сіе особенно къ вашей неусыпной дѣятельности и примѣрной заботливости по званію предсѣдателя комитета, я тѣмъ болѣе цѣню таковые труды ваши, что они совершены сверхъ обширныхъ и многосложныхъ обязанностей по ввѣренному вамъ управленію военнымъ министерствомъ и другихъ государственныхъ дѣлъ, особеннымъ моимъ довѣріемъ на васъ возложенныхъ. Видя въ этомъ доказательство постоянной готовности и пламеннаго неослабнаго рвенія къ исполненію всѣхъ моихъ порученій, я въ справедливомъ сознаніи высокихъ заслугъ вашихъ, съ душевнымъ удовольствіемъ возобновляю вамъ, за столь примѣрно-полезное и достохвальное служеніе ваше престолу, мою искреннюю и совершенную признательность. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный».

Но всѣ милости царскія не могли отклонить тѣхъ послѣдствій, которыя неминуемо должны были имѣть столь тяжкіе и продолжительные труды. При всей крѣпости физическихъ силъ, здоровье князя Александра Ивановича начало разстраиваться и въ маѣ мѣсяцѣ 1852 года, онъ вынужденъ былъ по совѣту докторовъ отправиться за границу для пользованія Киссингенскими минеральными водами. Возвратившись изъ заграничнаго отпуска, князь вступилъ 30-го іюля въ отправленіе своихъ должностей [1]).

[1]) Этимъ годомъ Михайловскій-Данилевскій заканчиваетъ біографію князя А. И. Чернышева.

Письма высочайшихъ особъ къ князю и княгинѣ Чернышевымъ.

1.

Императора Николая Павловича—графинѣ Чернышевой.

St-Pétersbourg, le 17 (29) Décembre 1835.

J'ai été bien agréablement surpris, Madame la Comtesse, en recevant votre lettre et vous suis infiniment reconnaissant pour les sentiments que vous voulez bien me témoigner. Si ma visite à Vienne a pu vous porter un instant de distraction, croyez aussi au plaisir véritable que j'ai eu de pouvoir m'assurer par moi-même de Votre rétablissement. J'espère que j'aurais bien rempli vos ordres près de votre mari, et que malgré tout son zèle infatigable pour le service, qui met quelquefois de graves obstacles à la réussite d'ambassades pareilles, je serais parvenu à remplir vos intentions.

Veuillez me continuer vos bontés, et me croire toujours, Madame la Comtesse,

Votre tout dévoué serviteur

Nicolas.

2.

Наслѣдника цесаревича Александра Николаевича—князю Чернышеву.

Sans-Souci, близъ Потсдама, 7-го (19-го) сентября 1838 г.

Письмо ваше, любезный графъ, получилъ я еще въ Веймарѣ, но до сихъ поръ не было времени отвѣчать вамъ и благодарить васъ, что вы вспомнили обо мнѣ. Теперь мы 3-й день какъ здѣсь въ семьѣ съ государемъ, императрицей и 3-мя сестрами; вы можете представить себѣ мое счастіе послѣ долгой разлуки быть опять съ своими. Признаюсь вамъ, я не могу еще привыкнуть къ мысли провести всю зиму

въ Италіи вдали отъ всего близкаго моему сердцу; 3-е мѣсто при вашихъ докладахъ будетъ уже пусто, но прошу васъ, любезный графъ, не забывайте того, который васъ искренно любитъ и уважаетъ.

Александръ.

Прошу васъ напомнить обо мнѣ графинѣ и поклониться П. А. Клейнмихелю.

3.

Наслѣдника цесаревича Александра Николаевича—князю Чернышеву.

Дармштатъ, 1-го (13-го) мая 1840 г.

Съ прошлымъ курьеромъ не успѣлъ я отвѣчать вамъ, любезный графъ, на письмо ваше отъ 14-го (26-го) апр. Планъ Петербурга я тогда же вручилъ Пр. Маріи, и она поручила мнѣ благодарить васъ ее именемъ, и я съ своей стороны благодарю васъ за ваши добрыя чувства ко мнѣ по случаю моей помолвки.

Теперешнія дѣла на Кавказѣ крайне непріятны и я вполнѣ понимаю сколько они должны огорчать государя; но можно надѣяться, что съ тѣми способами, которые теперь туда направляются, скоро возстановится порядокъ. Подробности и порядокъ десантовъ мнѣ вовсе неизвѣстны, и потому я буду просить васъ, любезный графъ, если это возможно, сообщить мнѣ сіи свѣдѣнія, разумѣется собственно для моего употребленія; quant à ma discrétion, j'espère que vous pouvez vous confier à moi.

Я также вовсе не знаю при комъ находится мой Паткуль.

Прошу васъ, любезный графъ, засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей.

Васъ искренно любящій
Александръ.

4.

Наслѣдника цесаревича Александра Николаевича—князю Чернышеву.

Tsarskoé-Sélo, ce 14 Septembre 1843.

Je vous suis bien obligé, mon cher Prince, pour l'envoi de la lettre du G. Adlerberg, elle nous a vivement intéressé. Remercions Dieu d'avoir déjoué les trames des scélérats—on frémit rien qu'en y pensant.

Je serais bien curieux d'apprendre les mesures que le gouvernement Prussien jugera à propos de prendre dans cette occasion; il faut espérer que cela leur ouvrira les yeux!

Veuillez agréer l'assurance de mon attachement sincère.

Alexandre.

5.

Наслѣдника цесаревича Александра Николаевича—князю Чернышеву.

St-Pétersbourg, ce 10 Juin 1844.

Ayant reçu ce matin votre aimable lettre, je me suis empressé de la soumettre à S. M. l'Empereur qui me charge, mon cher Prince, de vous témoigner toute sa reconnaissance pour les bons sentimens qu'elle contient et dont il n'a jamais douté. Vous trouvant dans ce moment à peu près dans la même position, vous devez comprendre tout ce que nous devons éprouver! Il ne nous reste qu'a prier Dieu!

Votre affectionné

Alexandre.

6.

Собственноручная записка наслѣдника цесаревича—князю Чернышеву.

Je n'ai malheuresement pas eu le temps de lire cette notice, aussi j'oserai vous prier, mon cher Prince, de m'en envoyer une copie par le prochain courrier.

A.

7.

Императора Александра Николаевича—княгинѣ Чернышевой.

St-Pétersbourg, le 8 (20) Mars 1856.

Chère Princesse,

Je ne puis laisser échapper l'occasion qui se présente pour Vous exprimer mes remerciments les plus sincères pour Votre aimable lettre.

Veuillez dire à notre cher Александръ Ивановичъ que je pense bien souvent à lui et que je ne cesse de faire des vœux pour son rétablissement et son heureux retour. J'espère qu'une seconde cure dans la bonne saison

pourra lui redonner des forces, de même que rétablir complètement la santé délicate de votre fils.

Ma femme me charge de mille amitiés pour vous, chère Princesse, et moi j'ose me recommander à votre bon souvenir.

Votre dévoué

Alexandre.

8.

Императора Александра Николаевича—княгинѣ Чернышевой.

Darmstadt, ce 19 Juin (1 Juillet) 1857.

C'est en débarquant à Kiel que j'appris la triste nouvelle de la mort de votre mari.

Ai-je besoin de vous dire, chère Princesse, toute la douleur que j'en ai éprouvé. Les sentiments que je portais à feu votre mari, vous étaient connus, aussi je me flatte que vous ne douterez pas de la part sincère que je prends au malheur qui vient de vous accabler et que ma femme partage en entier.

Que Dieu dans sa miséricorde vous donne les forces pour supporter cette terrible épreuve et vous conserve votre cher fils qui, j'espère, saura toujours se montrer digne du nom qu'il porte.

C'est en baisant vos mains que j'ose me recommander à votre ancienne amitié.

Votre tout dévoué

Alexandre.

9.

Императора Александра Николаевича—княгинѣ Чернышевой.

Tsarskoé-Sélo, ce 22 Août 1857.

Mille grâces, chère Princesse, pour le portrait de notre cher défunt, que je regretterai à jamais.

Vous ne pourriez pas me faire un plus grand plaisir. Je baise vos mains.

Votre dévoué

Alexandre.

10.

Императора Александра Николаевича—княгинѣ Чернышевой.

St-Pétersbourg, le 25 Décembre 1861 (6 Janvier 1862).

Chère Princesse,

La nouvelle du prochain mariage de votre fils avec M-lle Titow m'a fait éprouver un plaisir réel et je m'empresse de vous en adresser mes plus sincères et cordiales félicitations. J'accepte avec le même plaisir le titre de père d'honneur de votre fils et regrette seulement de ne pouvoir le bénir moi-même, dans ce grave et solennel moment de sa vie. Veuillez lui remettre de ma part l'image que je joins à ces lignes, comme témoignage de ma bénédiction et des vœux que je fais pour son bonheur.

Ma femme, qui connait M-lle Titow depuis longtemps, me charge de vous offrir ses compliments sur le choix de votre fils et se réjouit bien véritablement de la joie que vous devez en éprouver.

Recevez encore une fois, chère Princesse, l'expression de la part sincère que je prends à tout ce qui vous regarde et mes remerciments d'avoir bien voulu m'informer vous même d'un évènement qui vous rend heureuse.

Votre dévoué

Alexandre.

11.

Великаго князя Михаила Павловича—князю Чернышеву.

Moscou, le 12 (24) Mai 1826.

Mon cher général!

C'est avec un véritable plaisir que j'ai reçu votre lettre du 29 Avril (11 Mai), et vous prie de croire que je compte la peine que vous vous êtes donnée dans vos continuelles et pénibles occupations, comme une preuve de votre amitié. Les détails que vous me donnez sur les nouvelles découvertes faites par le comité, m'ont vivement intéressé. C'est bien sûr que nous ne pouvons assez remercier la Providence d'avoir si grandement veillé sur nous et d'avoir épargné à notre patrie d'avoir dans ses annales les horreurs projetées par cette infernale société. Le nouveau malheur auquel nous nous attendions, hélas, m'a fait accélérer mon voyage ici. J'attends tous les jours les couches de ma femme; si, avec l'aide de Dieu, elles seront heureuses, j'espère être prêt à la première sommation de me rendre à Pé-

tersbourg, pour peu que ma présence puisse y être de quelque utilité. Je compte là-dessus sur vous, mon cher général, le service de mon Maître étant pour moi mon premier devoir, et sûrement là, où il s'agit de lui prouver mon dévouement, je ne resterais pas en arrière.

Mille grâces pour la bonne nouvelle que vous m'avez donnée sur l'exercice du 3 bataillon du régiment de Semenofsky, la satisfaction de l'Empereur, étant le seul but où tous nos efforts doivent tendre. Vous pouvez croire si cette nouvelle m'a rendu heureux. J'ai été généralement extrêmement satisfait de tout ce que j'ai vu du détachement de la garde qui vient ici. Dans la cavalerie surtout des hussards et des chasseurs à cheval: aux premiers je donne la préférence pour l'ensemble à cheval, aux seconds pour leur tenue vraiment admirable et exemplaire, quant aux hommes et aux chevaux; enfin, pour ceci je puis les citer comme modèle. Quant aux dragons et aux lanciers, quoique tout y soit parfaitement en ordre, je dois dire franchement que je leur désirerais infiniment plus de tenue, de propreté et d'élégance. Surtout aux soldats des dragons et par préférence encore et particulièrement aux officiers des lanciers. Je dois dire la vérité, mon cher Tschernicheff, les officiers des chasseurs m'ont étonné sous ce rapport, car l'habillement peut être vieux et bien ajusté, mais ne jamais sortir de la décente propreté, je dirais qu'on doit à une troupe dans laquelle on sert. Les parades à pied et ordonnances à pied et à cheval formées par les Dragons, Lanciers, Hussards et Chasseurs ont été, pour les deux premiers, la parade médiocre, les ordonnances à pied passables, à cheval parfaitement bien; pour les deux seconds, la parade très bien, surtout les Hussards, les ordonnances à pied de même, à cheval à merveille. Quand aux cuirassiers, je ne les ai pas vus, ayant dû partir deux jours avant leur entrée à Wichni-Volotchok, mais d'après les rapports que j'ai reçus, tout s'est passé dans le meilleur ordre possible.

Je crois, mon cher général, ne point vous ennuyer en vous donnant tous ces détails, sachant tout l'intérêt que vous portez à votre troupe. C'est avec la plus vive impatience que j'attends le moment que vous les rejoindrez.

Ne m'en voulez pas, mon cher Tschernicheff, si je n'ai pas pu vous répondre plus tôt; j'ai eu assez à faire tout ce temps. En attendant, recevez encore toute ma reconnaissance pour la peine que vous avez bien voulu vous donner, de même que l'assurance de l'estime et de l'amitié sincère que je vous ai vouée.

Michel.

P. S. Vous savez d'après les réponses données par le l[t] Zaitseff et le lieutenant baron Zaltz des grenadiers de la garde que l'individu qui

à tiré sur feu le l[t] Sturler était un officier de marine, d'après son costume; ne serait-ce pas Nicolas Bestoujeff ou Tchijoff?

12.

Великаго князя Михаила Павловича - князю Чернышеву.

Pavlofsk, le 4 (16) Juin 1840.

Mon cher Comte!

J'ai reçu par votre entremise une lettre de S. M. l'Empereur dans laquelle se trouvent différents ordres de S. M., que je dois vous communiquer verbalement, ainsi qu'au Comte Essen. Je compte ce soir même, vers les 11 heures, aussitôt mon arrivée en ville, me rendre chez vous; je l'aurais fait plus de bonne heure, mais ayant aussi besoin d'aller à Tsarskoé-Sélo, en conséquence de la lettre de l'Empereur, il me sera impossible d'être à Pétersbourg avant l'heure indiquée plus haut.

Recevez, Monsieur le Comte, l'assurance de ma plus parfaite considération et de toute mon amitié.

Pourrais-je vous prier M. le Comte de faire avertir le Comte Essen de se trouver chez vous à la même heure que je viendrai.

Michel.

13.

Великаго князя Михаила Павловича—князю Чернышеву.

Павловскъ, 1-го (13-го) іюля 1840 г.
Въ 6 часовъ пополудни.

Графъ Александръ Ивановичъ!

Сейчасъ имѣлъ я честь получить почтенное письмо вашего сіятельства, съ препровожденіемъ Высочайшаго приказа, послѣдовавшаго въ Берлинѣ 26-го мая (7-го іюня) по случаю кончины его величества короля прусскаго.

Я совершенно согласенъ во всемъ съ мнѣніемъ вашимъ на счетъ приличія отказать имѣющій быть завтрашняго числа церковный парадъ, такъ и на счетъ предполагаемыхъ вашимъ сіятельствомъ распоряженій касательно траура. Для дальнѣйшихъ же по сему объясненій сего же дня вечеромъ въ 11 часовъ я возвращусь въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ и прямо пріѣду къ вамъ.

Примите, графъ, увѣреніе искренняго моего къ вамъ уваженія и всегдашней дружбы.

Михаилъ.

14.

Великой княгини Маріи Павловны—князю Чернышеву.

Weymar, 9 (21) Avril 1834.

Monsieur le Comte,

C'est avec une vive satisfaction que j'ai vu par la lettre que vous avez eu la bonté de m'adresser sous la date du 22 Mars (3 Avril), la nouvelle marque de bienveillance accordée par l'Empereur à la famille du colonel Gerngross, dont le père avait eu le bonheur de servir la patrie pendant l'époque mémorable des années 1812, 13 et 14, et que des circonstances défavorables ont depuis réduit à une grande gêne. L'admission de ses fils au Corps des Cadets d'Alexandre donne l'espoir qu'ils sauront un jour se rendre dignes d'un tel bienfait. Je suis infiniment sensible à tout l'empressement que vous avez mis à me donner la nouvelle de la réussite des vœux de cette famille estimable, et je vous prie d'en recevoir mes remerciments sincères, ainsi que l'expression des sentimens distingués, avec lesquels je suis,

Votre affectionnée,
Marie, G. D. de Russie et de Saxe.

15.

Великой княгини Маріи Павловны—князю Чернышеву.

Weymar, ce 19 (31) Janvier 1836.

Monsieur le Comte. C'est avec un véritable plaisir que j'ai appris par votre lettre du 30 Déc. 1835 (11 Janv. 1836) la décision favorable que l'Empereur a daigné prendre en accordant à la veuve du colonel de Schick la continuation de la pension dont elle jouissait par les bienfaits de feu l'Empereur depuis l'an 1823. L'interprétation indulgente donnée à la mesure générale de prudence prise par le conseil de l'Empire en faveur de l'intérêt que je puis avoir porté à la position d'une personne infortunée, m'inspire une vive reconnaissance pour les bontés de l'Empereur mon frère, auquel je vous prie, Monsieur le Comte, de l'exprimer en mon nom. Recevez

aussi mes remerciments sincères pour la part que vous avez prise à cette bonne œuvre et l'expression des sentimens distingués, avec lesquels je suis

Votre bien affectionnée,

Marie, Grande-Duchesse de Russie et de Saxe.

16.

Записка великой княгини Елены Павловны—князю Чернышеву.

Oranienbaum, 8 Sept. 1839.

Je viens d'expédier au Grand-Duc la lettre de l'Empereur, et vous rends mille grâces, Monsieur le Comte, pour les communications que vous me faites. Vous êtes près de moi l'interprète d'une volonté dont les émanations pleines de sollicitude toucheront vivement le Grand-Duc qui recevra avec émotion cette nouvelle preuve d'une bonté qui n'est subordonnée à aucun évènement.

Je n'ai pas besoin de vous dire que la lecture d'un bulletin aussi satisfaisant m'a rendue heureuse, aussi je vous remercie de l'avoir joint à votre lettre.

Hélène.

17.

Записка великой княгини Елены Павловны—князю Чернышеву.

Безъ числа и года.

Ma réponse vient bien tard; je n'en suis pas moins fort impatiente, monsieur le Comte, de parcourir les livres que vous m'annoncez. Veuillez me jes envoyer et recevoir mes remerciments pour l'exemplaire des médailles; l'en ai admiré l'exécution et j'ai applaudi au talent des artistes que vous y avez employés.

Hélène.

18.

Записка великой княгини Елены Павловны—князю Чернышеву.

Безъ числа и года.

Le feldjäger allant à la recherche du Grand-Duc, je vous demanderais, Monsieur le Comte, de le diriger sur Francfort, au ministre de Russie. Le

Grand-Duc doit quitter Kissingen ces jours-ci, et Mr. d'Oubril sera à même de lui indiquer l'endroit où il pourra s'acquitter le plus promptement de sa mission.

Je compte sur vos bons soins et vous prie d'en recevoir d'avance tous mes remerciments.

Hélène.

19.

Записка великой княжны Марiи Николаевны—князю Чернышеву.

Безъ числа и года.

Voici, cher Prince, deux suppliques d'une pauvre femme, qui s'est adressée dans le désespoir de son âme à ma mère et à moi; nous vous prions d'avoir la bonté de lire ces papiers et d'examiner cette affaire, dans l'espoir que quelque soulagement pourra être donné au malheur. Veuillez me faire savoir dès que vous aurez pris connaissance des papiers ci-joint, si nous pourrons donner de l'espoir à la malheureuse suppliante.

D'avance votre obligée
Marie.

20.

Наслѣднаго принца прусскаго Фридриха Вильгельма.

Berlin, le 6 Décembre 1834.

Monsieur le Comte, j'ai reçu avec le plus grand intérêt la description de la parade du 30 Août que par ordre de Sa Majesté l'Empereur vous venez de me transmettre. En lisant les détails de cette solennité auguste, je n'ai pu que vivement regretter d'avoir été empêché d'y assister.

Recevez, Monsieur le Comte, avec mes remerciments, l'assurance de ma considération très distinguée.

Frédéric Guillaume, Prince Royal de Prusse.

Всеподданнѣйшія письма, записки и доклады князя Чернышева.

1.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

6-го января 1827 г.

Журналъ донскаго комитета отъ 31-го минувшаго декабря подписанный вчера, имѣю счастіе представить вашему императорскому величеству.

Засѣданіе наше было весьма рѣшительно. Согласно наставленію вашего величества, я убѣдительно просилъ гг. членовъ и совѣщателей, вникнуть во всѣ подробности моей переписки съ атаманомъ, имъ упоминаемой, сообразить ее съ проектомъ положенія и имѣющимися при дѣлахъ документами и совершенно свободно и обстоятельно опредѣлить: заключаютъ-ли бумаги сіи то, о чемъ атаманъ доносилъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ своемъ отъ 10-го августа, на счетъ сей переписки.

Комитетъ посвятилъ болѣе трехъ часовъ на одно сіе занятіе, обращался къ каждой бумагѣ и къ каждому параграфу проекта къ оной относящемуся, и, наконецъ, какъ члены, такъ и совѣщатели заключили, что въ перепискѣ сей и похожаго нѣтъ на то, что ей приписывалъ атаманъ. Улики были столь убѣдительны и неоспоримы, что атаманъ не нашелся сдѣлать противъ оныхъ ни малѣйшаго возраженія, а по окончаніи всего просилъ только копіи съ моей бумаги, въ чемъ комитетъ и положилъ его удовлетворить.

Ваше императорское величество усмотрѣть изволите подробности сего любопытнаго засѣданія изъ журнала, который надѣюсь изготовить

къ будущему понедѣльнику и сверхъ того словесно доложить о нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Все содержаніе сей записки весьма основательно, и мнѣ ничего не приходится замѣтить. Желательно, чтобъ господа члены совершенно *свободно* и *обстоятельно* изъяснили свое мнѣніе на сей предметъ, который есть *самый рѣшительный* на счетъ *основательности* атамана.

2.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

18-го февраля 1827 г.

Директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба донесъ мнѣ, что передъ отъѣздомъ барона Ивана Ивановича, онъ приказывалъ заготовить, но не успѣлъ подписать бумагу военному министру съ изъявленіемъ Высочайшей вашего величества воли о производствѣ графу Петру Александровичу столовыхъ денегъ, которыя онъ получалъ по званію корпуснаго командира и коихъ отпускъ прекращенъ.

Такъ какъ изготовленную бумагу нельзя подать къ подписанію графа, то я испрашиваю на сіе повелѣніе вашего императорскаго величества.

Генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Объявите моимъ именемъ повелѣніе в. министру.

3.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Ce 2 Novembre, 1828.

Je m'empresse de soumettre à Votre Majesté Impériale mon projet de lettre au comte Diebitch. Outre ce que Votre Majesté a daigné m'ordonner d'y insérer, j'y ai ajouté aussi ce que le général Adlerberg m'a communiqué par Son ordre concernant les malades du 3-ème corps. J'attendrai ses ordres ultérieurs pour l'expédition du courrier.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Votre lettre est parfaitement conforme à ce que je désire, mon cher ami, je n'ai changé qu'un point qui est plus juste d'après les localités, ainsi que je l'ai marqué. Les Turcs ne peuvent pénétrer jusqu'à [1]) vu que ce sont des défilés impraticables pour de la cavalerie.

4.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Ce 4 Janvier, 1829.

Mr. Hitroff, remplissant les fonctions de contrôleur général vient de perdre sa mère; désirant que son fils qui se trouve à la pension du Lycée à Tsarskoyé-Sélo assiste à l'enterrement de sa grand'mère, qui aura lieu demain, il s'est adressé au général Demidoff pour le faire venir ici; mais celui-ci n'ose accorder cette demande sans la permission de Votre Majesté Impériale. Oserais-je Lui demander d'intimer son autorisation au général Demidoff pour accorder au jeune le congé de deux jours que ses parents implorent.

C-te A. Tschernicheff.

---

[1]) Слово не разобрано.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Très certainement.

5.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Ce 20 Août[1]).

Malgré que les papiers que le comte Nesselrode vient d'adresser à Votre Majesté l'ont déjà instruit des heureuses nouvelles que donne le C-te Woronzoff, je crois devoir Lui soumettre le billet que m'adresse le C-te Nesselrode et y joindre mes plus sincères félicitations! Puisse le C-te Diebitch remplir actuellement en tous points les instructions de Votre Majesté pour la gloire personnelle de Votre Majesté Impériale et l'intérêt de Son Empire. Jamais à aucune époque nous ne nous sommes trouvés dans une situation plus brillante et plus glorieuse pour nos intérêts les plus chers et les plus immédiats.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Merci, mon cher ami, pour la communication du billet de Nesselrode: voici la lettre de Woronzoff: fasse le Ciel que ces nouvelles soient de bonne augure; cependant je trouve celle de Schoumla apocryphe, car Andrault est parti depuis longtemps, nous le savons, et les deux nouvelles qu'il donne sont évidemment celles que nous avons reçues directement de Diebitsch; lui les aura comprises comme *il le désirait* et voilà l'explication que je me fais de ce qu'il débite.

6.

Письмо графа Воронцова—графу Чернышеву.

Odessa, le 12 Août, 1829.

J'allais répondre, cher comte, à votre lettre sur l'ami Alexis Orloff, quand on vint me dire, qu'il est arrivé à la barrière; je viens de lui envoyer

---

[1]) 1829.

des chevaux pour l'amener chez moi et vous en parlerai encòre avant de cacheter cette lettre.

Youssouf-Pacha m'a encore fait prier de vous recommander sa prière de la poste passée; il dit qu'il a d'autant plus besoin d'aller à Pétersbourg, qu'il voudrait aussi de là aller à Berlin, pour consulter le D-r Huffeland. Tâchez de procurer à ce brave Turc les moyens de voyager en Europe; nous y gagnerons de toutes les manières.

Je vous écris aujourd'hui officiellement par rapport à un héritage à Hambourg, qui revient à la mère de notre Procureur Impérial à Simféropol; ayez la bonté, chér comte, de faire donner des soins à cette affaire. Mr. Fabre mérite votre protection de toutes les manières, et je vous aurai une véritable obligation pour tout ce que vous voudrez bien faire pour lui.

Notre état sanitaire va bien; encore quelques jours, et nous sommes entièrement sûrs pour la ville. Mon principal soin est à présent de cerner et étouffer le mal aux environs, où il existe encore, quoique en très petite quantité et en tous cas, les soins dans ce moment sont si multipliés et si suivis dans tout le pays, que nous pouvons être à peu près sûrs, que s'il y a même encore quelque chose, on ne lui donnera pas le temps de s'étendre.

Quelques navires arrivés aujourd'hui de Bourgas prétendent, qu'on y savait déjà, l'occupation d'Adrianople, et Mr. Andrault, aide de camp de Diebitch, qui est dans la quarantaine, assure avoir appris que Krassowsky s'était emparé des hauteurs de Schoumla, et que le G. Visir avait envoyé demander à Diebitch qu'il nommât un lieu pour les négociations. Pahlen a mis à la voile hier avec un excellent vent, qui n'a pas discontinué depuis: j'espère, qu'il sera demain à Bourgas.

Je viens de voir Alexis Orloff qui vous écrira quelques mots lui-même. Notre bateau à vapeur étant à présent à Kherson pour nous remorquer ici du bois de construction, Orloff s'embarquera sur un lugger de guerre, qui est tout prêt à mettre à la voile, et que j'ai invité à se charger de notre négociateur. Les équipages iront avec un vaisseau marchand qui s'apprête aussi à partir demain; si par hazard le vent venait à changer, et que le bateau à vapeur arrivât sur ces entrefaites, il sera à son service et j'ai fait préparer d'avance le charbon nécessaire pour son voyage et notre machiniste en chef pour l'accompagner et être sûr que tout se fasse en ordre sur le pyroscaphe. Adieu, cher comte, Dieu veuille, que les négociations aillent bien et que le Sultan soit plus raisonnable, que ne le décrit Tatischeff dans la dernière lettre que j'ai reçue de lui.

Tout à vous Woronzoff.

7.

Записка графа Нессельроде—графу Чернышеву.

Ce 20 Août 1829.

Puisque vous ne voulez pas me donner des nouvelles de l'Armée, mon cher comte, je m'empresse de vous annoncer qu'Adrianople est occupée et que le général Krassofsky s'est emparé des hauteurs de Choumla. Voilà au moins ce que me mande Woronzoff dans une lettre que je viens d'envoyer à l'Empereur. Je ne doute pas que Sa Majesté ne vous ait communiqué les dépêches de Mr. de Tatistcheff, qui nous informe d'un changement complet dans les dispositions de la Porte. Cela sera bien autre chose encore, quand les Turcs sauront leur seconde capitale en notre pouvoir. Ainsi je m'attends plus que jamais à la prochaine conclusion d'une paix honorable et digne de notre excellent Empereur. Je vous remercie pour le renvoi de mes notes asiatiques et vous réitère toutes mes amitiés.

Neſselrode.

8.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Чернышева—императору Николаю I.

3 Décembre 1829.

La situation actuelle de l'Empire Ottoman présente un aspect si peu rassurant, que les intérêts les plus directs de la Russie lui imposent l'obligation de prévoir, dès aujourd'hui, le cas où la dynastie des Osmans viendrait à succomber dans une de ces crises toujours renaissantes qui ne cessent de la menacer.

La paix glorieuse que nos armes viennent de conquérir aux portes de Constantinople et qui, de l'aveu même des représentants Européens qui y séjournent, a sauvé Mahmoud et son Empire, peut à cet égard, devenir un motif d'appréhension de plus. Les conditions imposées, toutes magnanimes et généreuses qu'elles soient, peuvent être la source ou le prétexte de nouveaux désordres, de nouvelles rebellions.

L'on ne peut se dissimuler que la position du Sultan ne soit infiniment critique, supposant même, que ce Souverain marche de bonne foi dans la nouvelle voie qu'il s'est tracée, pourra-t-il rester fidèle aux engagements

consentis et se maintenir sur le Trône? S'il voulait y contrevenir, ou si l'esprit turbulent des grands vassaux de l'Empire Ottoman, renversait enfin cette monarchie colonisée en Europe au milieu des Chrétiens, la Russie ne doit-Elle pas être parfaitement préparée à des événements qui peuvent survenir spontanément.

Il serait superflu de répéter ce qui a été dit si souvent sur l'importance de la position géographique de Constantinople, du Bosphore et de ses débouchés dans les deux mers. Ces précieuses possessions, que l'on peut considérer à juste titre, comme la clef vitale du midi de la Russie, ne peuvent rester qu'entre les mains des Turcs, ou être à notre disposition. Personne ne voudra contester, que nous ne saurions jamais y tolérer l'établissement, même éventuel, d'aucune autre Puissance étrangère. Il s'en suit, que la Russie doit, non seulement fixer sur ce point une attention active et constante, mais avoir toujours sur pied des moyens d'action tellement préparés, qu'Elle puisse, au premier signal, s'y ménager l'initiative sur toute autre Puissance. Ce moment venu, Elle doitêtre la première à s'emparer des débouchés de la mer Noire et y développer une force réelle en accord avec son intérêt et son droit politique.

Le Traité d'Adrianople nous garantit pour plusieurs années, la faculté de franchir le Danube; indépendamment des frais, de la mortalité et d'une foule d'autres inconvénients, qu'entrainerait l'entretien prolongé d'une forte armée sur le Danube; des difficultés locales et tant d'obstacles à franchir, nous mettraient toujours en retard, si nos moyens d'agir, se bornaient à vouloir pénétrer jusqu'à Constantinople par la voie de terre. Quoiqu'une expérience récente ait prouvé, qu'il ne faut plus ranger ce moyen au nombre des entreprises imaginaires; malgré que nous ayons acquis une connaissance précieuse des localités et mérité l'estime des Peuples où nous avons combattu, la possibilité de franchir à notre gré la barrière du Danube et même celle des Balkans ne saurait être considérée que comme un moyen secondaire et comme tel indispensable; mais dans l'hypothèse précitée, cette manière d'agir entrainerait toujours une perte de temps irréparable, puisqu'elle ne saurait être exécutée, que par une armée nombreuse, sur une ligne d'opération longue et difficile. Lorsqu'il s'agit de matières aussi graves, il n'est point permis de s'abandonner à des chances incertaines!

Un moyen plus rapide et plus efficace, se trouverait en notre pouvoir si, indépendamment de l'attitude imposante que nous conserverons sur le Danube et le Pruth, nos moyens maritimes de la mer Noire, permettaient de transporter en Romélie, sans délai et au premier besoin, trois Divisions d'infanterie, du canon et quelques centaines de Cosaques (sans chevaux). En débarquant ce Corps d'armée,

20

fort de plus de 30.000 hommes, sur les points les plus rapprochés de Constantinople et le faisant soutenir par toute notre Flotte de la mer Noire; nous pourrions avoir la certitude d'arriver les premiers aux Dardanelles, de nous emparer de tous les points importants du Bosphore et d'avoir même la Capitale à notre discrétion. Les opérations ultérieures de ce Corps, le parti que l'on pourrait tirer des nombreuses populations Chrétiennes répandues dans ce vaste Empire, ainsi que l'action plus ou moins rapide de nos forces principales, qui se réuniraient pour lors sur le Danube, dépendraient de la situation morale et politique où se trouverait la Turquie d'Europe, à la suite d'un bouleversement, tel que celui qui motiverait une pareille mesure de notre part. Dans tous les cas, le but essentiel du plan proposé, serait de nous rendre dès le premier instant, maîtres des événements, en portant sur les points décisifs une force, contre laquelle aucune Puissance étrangère n'aurait ni le temps, ni la possibilité de rien entreprendre de sérieux.

Les conditions exigées pour cette opération importante peuvent, au premier abord, paraître assez compliquées pour en contester l'exécution; analysées de plus près, elles se réduisent à un petit nombre de mesures administratives, que je me hasarderai d'indiquer.

1) Les bataillons actifs de trois Divisions d'infanterie, cantonnées provisoirement une en Crimée et les deux autres dans les gouvernements de la nouvelle Russie, non loin des ports seraient scrupuleusement maintenus au complet et en état de marcher au premier ordre.

D'après le Tableau de l'armée, il me semble, que la 9-ème et la 10-ème Divisions pourraient à leur entrée en Russie, au lieu de se rendre aux cantonnements permanents qui leur ont été assignés, être dirigées provisoirement en nouvelle Russie, sous le prétexte spécieux, d'utiliser les approvisionnements préparés par le comte Woronzoff. La 20-ème Division à son retour en Crimée et avant sa réduction en cadre, pourrait compléter le nombre de Divisions exigé.

2) Les munitions, tentes et tout l'attirail de guerre pour ces trente mille hommes, seraient déposés dans les Ports d'Odessa, de Cherson, de Nicolaïeff, de Sébastopol et de Théodosie et entretenus avec soin. Tout cela peut, dès à présent, être fourni avec facilité, par l'excédant des objets préparés pour la guerre et qui vont devenir inutiles.

3) La guerre qui vient d'être terminée si heureusement, a mis en évidence la faiblesse de nos moyens de transports maritimes et les sacrifices ruineux que nous ont coûté ceux, que nous avons été dans le cas de faire. Les bâtiments de guerre armés, ont été reconnus peu propres au transport des troupes et d'un matériel volumineux. La marine marchande de la mer

Noire, bornée à un très petit nombre de bâtiments, la plus part étrangers, est loin d'avoir pu prendre encore sur cette mer, le développement si désirable pour la prospérité du Midi de la Russie; d'ailleurs la construction des bâtiments marchands employés durant les campagnes 1828 et 1829 ne s'est trouvé nullement appropriée au but voulu en cas de guerre.

Cet inconvénient et plus que tout la pénurie même des vaisseaux, réclament toute la sollicitude de Votre Majesté Impériale. Il me parait, qu'au moyen d'un sacrifice momentané de la part du Gouvernement, le résultat désiré pourrait être atteint d'une manière satisfaisante à tous égards. Ce moyen consisterait dans l'avance d'un capital, consacré uniquement à la construction d'un certain nombre de vaisseaux sur un modèle donné et dont le tracé puisse répondre, en même temps, à l'usage du commerce et à l'emploi qu'on voudrait faire de ces bâtiments, dans un moment où, la haute politique exigerait le transport subit d'un corps de troupes. L'on pourrait provisoirement borner cette mesure à la construction graduelle de 80 à 100 vaisseaux, au prix moyen de 25 à 30 m. roubles chacun. Ces bâtiments frétés par nos propres négociants, donneraient un développement immense au commerce, encourageraient l'industrie et l'agriculture, formeraient un nombre considérable de bons matelots et feraient indubitablement rentrer sous peu dans les caisses de l'Etat les sommes avancées. Je puis me tromper, mais il me semble que cette grande mesure pourrait atteindre un but politique, militaire et commercial de la plus haute importance!

Les idées, Sire, que j'ose Vous soumettre aujourd'hui, sur cet objet, ne sont qu'un premier jet; elles seront, peut-être jugées par Votre Majesté Impériale, dignes d'être discutées et recevoir tous les développements dont elles peuvent être susceptibles, dans le Comité qui avait déjà été appelé par sa haute confiance à délibérer sur toutes les hypothèses, que la situation présente de l'Empire Ottoman pourrait faire naître. Ce qui me fait hasarder d'énoncer ce désir, c'est que la part de l'administration militaire pour l'exécution de ce plan, serait la plus facile et qu'il est essentiel, qu'il soit combiné avec la marche politique de notre cabinet, ainsi qu'avec les ressources locales et économiques de l'Empire.

Comte A. Tschernicheff.

9.

Докладная записка графа Чернышева—императору Николаю I.

1-го сентября.

Поспѣшаю имѣть счастіе представить вашему величеству, сейчасъ мною полученное увѣдомленіе отъ генералъ-адъютанта Стрѣкалова о

новой побѣдѣ графа Паскевича при деревнѣ *Хартъ* одержанной. Главнокомандующій съ симъ извѣстіемъ послалъ Султана 1-го мусульманскаго полка, который уже прибылъ въ Тифлисъ; между тѣмъ г. Стрѣкаловъ доставилъ ко мнѣ печатное извѣщеніе о подробностяхъ сего дѣла у сего влагаемое [1]). Если ваше величество изволите мнѣ возвратить его, можно будетъ помѣстить сіе извѣстіе въ изготовляемую статью для напечатанія въ завтрашнихъ вѣдомостяхъ.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Слава Богу; печатать можно сейчасъ.

10.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

4-го сентября.

Имѣю счастіе представить къ высочайшему подписанію: 1) рескриптъ его высочеству цесаревичу о принятіи государынею императрицею главнаго начальства надъ Александровскимъ кадетскимъ корпусомъ; 2) рескриптъ его высочеству съ изъявленіемъ благоволенія, за успѣшное составленіе подвижнаго магазина для арміи по Подольской губерніи; 3) рескриптъ графу Витту по сему же предмету; 4) изготовленныя, по примѣру прошлаго года, грамоты дворянству шести губерній, участвовавшихъ въ составленіи подвижнаго магазина; 5) грамоту на пожалованіе знамя л.-гв. Финскому стрѣлковому баталіону; самое же знамя доставлено мною сего утра на Елагинъ островъ и 6) на разсмотрѣніе переводъ рѣчи, которую намѣренъ произнесть пасторъ сего баталіона, при освѣщеніи знамя.

Графъ А. Чернышевъ.

---

[1]) Печатнаго объявленія не оказалось.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Nous voilà donc maîtres aussi de Média! que Dieu soit béni et qu'il daigne faire que nous n'ayons plus besoin d'autres succès!

11.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Ce 23 Septembre.

D'après les ordres de Votre Majesté Impériale, je Lui avais soumis hier, un projet d'Oukase au Sénat, concernant la nomination du G[l] Kisseleff à la présidence des Divans de Moldavie et de Valachie en remplacement du G[l] Geltouchyn; Votre Majesté a daigné le signer! Avant de l'envoyer à qui de droit, il m'est venu un scrupule au sujet de sa promulgation, aujourd'hui que la conclusion de la Paix a déjà eu lieu. Je me suis consulté là-dessus avec le comte Nesselrode, qui a trouvé de son côté qu'un pareil acte direct de Votre Majesté, pourrait dans ce moment avoir des inconvénients. Pour y obvier, j'ai l'honneur de lui présenter un projet de rapport de ma part au maréchal comte Diebitch, qui atteindrait le même but, en évitant toute complication. Si vous daignez l'approuver, Sire, l'Oukase ne serait plus nécessaire.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Votre observation est juste, quoique je trouve que c'est jouer des mots; au surplus trop de précautions ne fait pas de mal en cas pareils.

12.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышова — императору Николаю I.

Ce 24 Septembre.

Je demande toute Votre indulgence, Sire, pour oser Vous importuner dans ce moment; mais je crois devoir soumettre à Votre Majesté Impériale

sans retard, un papier de Monseigneur le Grand Duc Michel que je viens de recevoir en date du 19 de ce mois d'Ouman. Son Altesse Impériale a fait Elle-même la proposition du retour des gardes à Pétersbourg et a envoyé ici un projet de marcheroute qui a été approuvé par Votre Majesté; aujourd'hui Son Altesse Impériale, expose tous les inconvénients de cette marche dans une pareille saison. Tout changement à cet égard, quelque fondées que soyent les raisons qu'allègue Monseigneur, entrainera la difficulté d'un changement dans les dispositions qui ont été prises relativement au placement des troupes de la 2 de armée destinées à rentrer en Russie et auxquelles les quartiers actuels de la garde ont déjà été indiqués au comte Diebitch.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Je ne vois pas de raisons suffisantes à changer une détermination prise d'après le propre avis de mon frère. Répondez lui dans ce sens, et de plus que sitôt que j'aurais le loisir de lui écrire, je le ferai. Tout va assez bien chez moi; mais ce n'est pas fini.

13.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Ce 23 Octobre.

L'importance de l'office que j'adresse au Général en Chef, en réponse à celui reçu de sa part hier soir, me fait prendre la liberté de le soumettre préalablement à la sanction de Votre Majesté Impériale, avant de l'expédier. Tous les autres ordres que vous m'avez donnés ce matin, Sire, sont déjà exécutés en grande partie ou le seront définitivement demain matin.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

C'est fort bien, à une petite correction près à faire, de penser au moyen à donner tant soit peu de complétement à la 4-e div. qui dans son

état actuel, est *imaginaire*; je me suis décidé à faire incorporer dedans le 2[d] bat. du 45 des chasseurs tel qu'il est, donnant les ordres pour sa marche immédiate; il devra marcher sans armes et ne portera avec lui que les sacs et les manteaux et les uniformes выслужившие сроки, mais avec forte injonction d'avoir les manteaux, наушники etc. en bon état.

Les comp. prises aux régiments Wibourg, Neichlot, Wilmanstrand et Petrofsky partiront avec armes et bagages, mais sans plaques sur les schakos; arrivée à la 7-me division, ces huit comp. seront réparties dans toute la division. Le 46 rég. de chasseurs dont un bat. est à Aland donnera son 1-er et 4-me de chasseurs pour reformer le 2[d] bat. du 45-ième.

14.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Чернышева—императору Николаю I.

Ce 12 Novembre.

L'extra-poste de Tiflis arrivée hier, a apporté différents rapports du Maréchal comte Paskévitch d'Erivan, en date du 17 Octobre de son camp près de *Horossan*, non loin d'Erseroum.

Les offices du Maréchal portent en résumé: 1) que par suite de la conclusion de la Paix, il a partagé l'administration des Paschaliks conquis, en trois cercles, qui existeront jusqu'à leur évacuation graduelle, il a confié celui d'Erseroum au Lieut. G[l] Pankratieff, celui de Kars au G[l] Berchman et celui de Bajazett au G[l] Réoutt, jusqu'à nouvel ordre, il laisse dans les pays conquis, toute la 20-ème Division, à l'exception du Régiment de Sébastopol et en outre le régiment d'infanterie de Kabardie et le 42-ème des chasseurs avec 28 pièces d'artillerie. 2) Toutes les autres troupes actives ont été partagées en différents échelons et se sont déjà mises en marche à partir du 5 Octobre pour se rendre en Géorgie. 3) Désirant ménager les subsistances, proprement en Géorgie, le maréchal a déjà ordonné à la Brigade de chasseurs de la 14-ème Division, avec son artillerie, de retourner immédiatement sur la ligne du Caucase, pour y joindre la 1-e brigade de cette même Division; la 2-e brigade, vu son éloignement et la saison avancée, ne pourra y être renvoyée qu'au printemps prochain. 4) Après avoir pris tous ces arrangements, le Maréchal, le jour même de la présente expédition, s'est mis en marche avec son État-Major, pour retourner à Tiflis. 5) Avant que la nouvelle de la conclusion de la Paix n'ait pu parvenir au G[l] Réoutt, il s'était emparé de la ville de *Mousch* le 5 Octobre; les Turcs,

dès l'approche de nos troupes, ont pris la fuite en abandonnant dans la Citadelle 4 pièces de canon; le G[l] Réoutt y a installé Ibrahim-Bey en qualité de Pascha; son prédécesseur a eu beaucoup de peine à s'enfuir dans les montagnes, avec le peu de monde qu'il a pu retenir près de lui. Le Maréchal ayant en vue que le Paschalik de Bajazett allait être restitué à la Porte et prenant en considération tout ce que les arméniens qui habitent cette contrée, ont à souffrir de la part des Curdes, a ordonné au G[l] Réoutt de prendre des informations sur le nombre des familles arméniennes qui manifesteraient le désir de venir s'établir en Géorgie, le prévenant qu'il y aurait place pour environ 4 m. familles,—il attend un rapport détaillé sur cet objet important. 6) Toutes les nouvelles sur la Peste, tant dans les Paschaliks conquis, qu'en Géorgie sont très satisfaisantes; la mortalité est très peu considérable et le nombre des malades diminue généralement. 7) Le Maréchal demande, si par suite de la Paix, il peut renvoyer à Pétersbourg, les officiers aux gardes qui se trouvent encore attachés à son corps.

Comte A. Tschernicheff.

15.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Чернышева—императору Николаю I.

Ce 14 Novembre.

Sa Majesté l'Empereur, a daigné m'adresser différentes questions, auxquelles je m'empresse de répondre.

1) Le Lieut. G[l] Savoïny est encore ici, parce qu'il lui a été intimé, qu'il ferait partie d'un Comité, destiné à bien définir les principes que l'on doit observer pour la réception et la remise d'un régiment tant de cavalerie que d'infanterie.—Le général comte Palhen 2[d] venant d'arriver, j'ose proposer de composer ce Comité ainsi qu'il suit: le comte Palhen, le G[l] Savoiny, un G[l] de brigade d'infanterie des colonies militaires au choix du comte Tolstoy, le G[l] Major Offenberg commandant de la garde à cheval et l'aide de camp G[l] Schipoff; il est essentiel de faire venir ici ce dernier sans retard, vu qu'il s'est déjà occupé de cette affaire et a fait de très bonnes observations sur cet objet important, qui ont fait naître l'idée de réunir ce comité; en attendant, je fais déjà préparer tous les papiers et réunir tous les renseignements nécessaires pour son ouverture.

2) Il y a déjà eu un ordre du jour dans les premiers jours d'Octobre pour faire passer la 2[d] Division de cuirassiers aux colonies militaires. La

4-e Division de Hussards se trouve encore établie dans ses anciens quartiers: le Maréchal comte Sacken ne m'a point informé jusqu'à ce moment du résultat de l'inspection des bâtiments appartenant aux haras de la Cour, j'ai écrit aussi au comte Wolkonsky pour avoir les plans et la description de ces mêmes bâtiments et n'en ai pas encore reçu de réponse.

3) Je soumets ci-joint une note sur les époques d'arrivée à Pétersbourg, des différents détachements de cavalerie destinés à la formation du régiment d'instruction.

4) D'après l'ordre qui m'a été transmis hier, la 4-ème Division de lanciers, doit prendre le № 5 et celle du Boug le № 4. Après cette mutation de № cette dernière Division reste-t-elle attachée au 3-me Corps de Cavalerie de réserve ou non? C'est dans la première de ces suppositions que je fais préparer un ordre du jour.

Le comte Woronzoff vient de me communiquer une copie de son office à l'aide de Camp. G[l] comte Palhen en date du 4 Novembre, concernant toutes les mesures de précautions à prendre durant la marche et les cantonnements du 2[d] Corps en Bessarabie; cet office contient aussi les arrangements pris pour la subsistance des troupes. Ces mesures en général m'ont paru aussi sages que bonnes; l'essentiel maintenant c'est de veiller à leur stricte exécution. Le comte Woronzoff a pris sur lui de continuer à la Troupe, durant son séjour en Bessarabie, les portions de viande et d'eau-de-vie sur le pied de guerre; il demande une confirmation suprême pour cette mesure.

Comte A. Tschernicheff.

16.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Ce 1 Décembre.

Je m'empresse de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale, une lettre particulière à Son adresse de la part du comte Diebitch Zabolkansky, ainsi que celle que le Maréchal m'a écrite en date du 17 Novembre. Le feldjäger qui les a apportées, a précédé le comte Bariatinsky aide de Camp du Général en Chef; porteur des clefs de Giourgewo. Le nombre d'offices que j'ai reçu est très petit et ce que j'en ai vu, jusqu'à ce moment n'offre rien d'intéressant.

Comte A. Tschernicheff.

17.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

4 Décembre.

Je prens la liberté de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale, par écrit, les idées dont j'ai déjà eu le bonheur de l'entretenir au sujet des mesures à prendre, pour le cas éventuel d'un bouleversement dans la Turquie d'Europe; peut-être mériteront-elles que Votre Majesté leur donne suite.

Afin de ménager le temps, que Votre Majesté daignera m'accorder demain matin, j'ose Lui envoyer plusieurs Oukases à signer, d'après des présentations confirmées; ils pourront tous porter la date du 6 Décembre.

Comte A. Tschernicheff.

18.

Всеподданнѣйшая докладная записка графа Чернышева — императору Николаю I.

10 Décembre.

Le G^{l} Adlerberg, en me transmettant par ordre de Votre Majesté, le rapport qu'Elle avait reçu aujourd'hui du comte Woronzoff, m'a prévenu, qu'en conséquence des détails satisfaisants qu'il contenait sur le passage du Danube par les troupes du 2^{d} corps, l'envoi ordonné des feldjägers aux comtes Palhen et Woronzoff devenait superflu. Comme celui qui devait porter mon office au comte Palhen était destiné à aller à la 2de armée et vu que j'ai des dépèches importantes à adresser au Maréchal comte Diebitch, je demande à Votre Majesté, la permission de l'expédier ce soir comme Elle me l'avait ordonné

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Cela va sans dire; je vous enverrai ma lettre ce soir. Je suis bien heureux des nouvelles que transmet Woronzoff.

19.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Ce 26 de Juin [1]).

Je prends la liberté de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale, la lettre que je viens de recevoir de la part du Comte Opperman et de demander Ses ordres, sur ce que j'ai à lui répondre?

Le Prince Royal de Suède m'a témoigné le désir de recevoir l'Etat-Major de Votre Majesté, demain matin un peu avant les deux heures et j'ai déjà fait les arrangements en conséquence. Je ne saurais jamais Vous exprimer, Sire, combien le Prince a été touché et ravi et de la faveur de Votre visite et de la bonté avec laquelle Vous avez daigné le traiter, il m'a répété vingt fois la prière de le porter à Votre connaissance et l'on voyait que cela venait du coeur.

Comte A. Tschernicheff.

20.

Письмо графа Оппермана—графу Чернышеву.

Ce 26 Juin 1830.

Monsieur le Comte.

Comme l'on me dit que Sa Majesté l'Empereur sera en ville aujourd'hui et demain je prends la liberté de prier Votre Excellence de me faire savoir, quand et où je pourrai me présenter pour remercier Sa Majesté, pour l'ordre de St. André? et veuillez en même temps recevoir mes remerciments pour la bienveillante et prompte communication faite à ce sujet à Son Altesse Impériale, mon inspecteur général.

Je saisis cette occasion pour réitérer l'assurance de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Monsieur le Comte de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur Comte Opperman.

---

[1]) 1830 г.

21.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

17-го августа 1830 г.

Согласно Высочайшей воли, сообщенной мнѣ генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ, я призывалъ къ себѣ флигель-адъютанта Кокошкина и объявилъ ему о намѣреніи вашего императорскаго величества отправить его немедленно въ Астрахань, по случаю свирѣпствующей тамъ болѣзни. Онъ изъявилъ на сіе совершенную готовность, только проситъ дозволенія выѣхать въ будущую середу, дабы успѣть исправиться особенно экипажемъ. Донося о семъ вашему величеству, поспѣшаю представить у сего проектъ инструкціи полковнику Кокошкину, и если оную утвердить изволите, то прочія бумаги по его отправленію тотчасъ будутъ изготовлены. Сверхъ сего, не угодно-ли будетъ позволить ему во вторникъ пріѣхать въ Царское Село откланяться.

При семъ имѣю счастіе представить сегодня полученный строевой рапортъ отъ генерала графа Палена 2-го, о состояніи 2-го пѣхотнаго корпуса и при ономъ объяснительную записку инспекторскаго департамента.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Г. Кокошкину заѣхать ко мнѣ проститься. Холера меня крайне безпокоитъ. Рапортъ втораго корпуса оставилъ у себя, но г. Палену велѣть вновь прислать другой съ выключкой изъ списковъ всѣхъ заграничныхъ больныхъ и командированныхъ. Такой же рапортъ требовать и отъ генерала, ведущаго 4-ю п. дивизію.

22.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Ce 18 Août 1830.

Je m'empresse de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale, une lettre que je viens de recevoir du maréchal Comte Paskévitch, de Piatygorsk

en date du 5 de ce mois. Elle est accompagnée d'une note sur l'état actuel des affaires au-delà du Caucase, qu'il me prie de porter à la connaissance de Votre Majesté.

Je prends la liberté de joindre ici la liste des Brigadiers d'infanterie par ancienneté de service, afin que Votre Majesté puisse fixer son choix pour la 3-me Division d'infanterie, en remplacement du général Skobeleff, auquel Elle a déjà accordé un congé illimité. Le maréchal Comte Diebitch propose le général Obroutcheff pour ce poste; j'ai marqué son ancienneté sur la liste des Brigadiers; les généraux Froloff et Kouprianoff qui commandent des Divisions, ont été avancés après lui. Peut-être ordonnerez-Vous, Sire, que cette nomination soit portée à l'ordre du jour du 22 de ce mois.

Je suis confus et désolé, Sire, d'être privé depuis si longtemps du bonheur de recevoir personnellement les ordres de Votre Majesté; je suis toujours en sentinelle et apprécie vivement la grâce qu'Elle a eue, de me permettre de rester en ville, jusqu'à la délivrance de ma femme.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Accouchez plus tard, mais accouchez heureusement. C'est ce dont je vous prie, en me mettant aux pieds de la comtesse.

Nous donnerons la 3-me division à Obroutcheff.

23.

Письмо графа Дибича Забалканскаго—графу Чернышеву.

Berlin, 23 Septembre (5 Octobre) 1830.

Mon cher ami.

Vous verrez par ma lettre à l'Empereur et le petit mémoire qui l'accompagne l'état peu satisfaisant des circonstances.

Vous verrez aussi que je propose des mesures de prévoyance exigées par la rapidité étonnante avec laquelle arrivent les affaires d'un côté, pendant qu'on ne s'y oppose nullement de l'autre. J'ai la persuasion que de pareilles mesures faites sans [1]) communiquées en secret aux alliés seront

[1]) Не разобрано.

du meilleur effet, et sont seules en état de monter l'énergie de ceux qui craignent à être engagés pendant longtemps dans une lutte inégale; crainte augmentée encore de beaucoup par les progrès de l'esprit révolutionnaire, qu'on n'a pas voulu arrêter par une mesure modérée mais sévère qu'on a au contraire cherché à encourager quelques fois pour se donner de la popularité; c'est cette conduite de quelques ministres et conseillers, qu'ils n'osent pas désavouer, qui donne surtout occasion à beaucoup d'irrésolution dans les cours d'Allemagne et qui perpétue par là les fautes et les dangers.

Je compte demander à Sa Majesté le Roi la permission de me retourner après les manoeuvres qui doivent avoir lieu demain, mais je crains que cela durera toujours encore plusieurs jours.

Ma picure a heureusement passé, mais il me reste une certaine faiblesse et un malaise qui me paraît prédire du rhumatisme quand la mauvaise saison viendra.

Adieu, mon cher ami, je suis depuis la première poste après mon arrivée c. à d. l'envoi de Xarge sans aucune nouvelle de Pétersbourg, je désespère d'en pouvoir recevoir encore.

Tout à Vous Diebitch Zabalkansky.

24.

Донесеніе графа Дибича Забалканскаго о революціи въ Брюсселѣ.

Berlin, ce 21 Septembre (3 Octobre) 1830.

Les nouvelles alarmantes reçues en dernier lieu de la Belgique, et l'état de trouble qui continue à se manifester sur plusieurs points de l'Allemagne pronostiquent d'une manière malheureusement trop positive que l'époque d'une intervention armée de la part des puissances de l'Europe ne saurait tarder sans un grave préjudice au repos général. Non seulement la nouvelle de l'occupation totale de Bruxelles par les troupes Hollandaises ne s'est par confirmée, mais au contraire des dépêches récentes de notre Ministre à La Haye mandent: que ces troupes après avoir été en possession pendant plusieurs jours de la Haute-Ville et avoir fait de vains efforts pour s'emparer de même de la partie Basse, ont fini par abandonner la capitale aux factieux et se sont repliées vers Mastricht. Un avantage aussi grave que la possession de la Capitale ne manquera pas de porter fruit au parti de la rébellion; sa force morale et numérique augmentera d'autant que va diminuer celle des troupes du Gouvernement. Celles-ci trop faibles ou conduites avec trop peu d'énergie

pour prendre une offensive efficace vont bientôt se voir réduites à se réfugier dans les forteresses, qui se trouvant elles-mêmes en grande partie mal approvisionnées ne pourront longtemps tenir. C'est alors que les machinations ourdies secrètement par la France apparaîtront probablement dans tout leur jour et que les vues ambitieuses de cettte Puissance pourront se manifester avec assurance par une occupation spontanée des forteresses, dont la possession assurera solidement sa domination sur le pays. Déjà la trame se laisse apercevoir sous quelques points: l'on assure que la majorité des moteurs des toubles de la Belgique sont des Français et qu'il s'en trouve plusieurs parmi les prisonniers qu'ont fait les troupes; l'on prétend même que le Général Valazé chargé par le nouveau Roi des Français d'une mission pour le Roi des Pays-Bas, s'est arrêté à Bruxelles et y a organisé et dirigé la défense contre les troupes du gouvernement près duquel il était envoyé. Une conduite aussi déhontée a besoin d'être plus positivement confirmée pour pouvoir être crue, mais dans l'état actuel des choses elle ne serait pas impossible. Il est grandement à désirer, que la Prusse et même l'Angleterre avisent sans délai aux moyens de prévenir toute tentative de la France sur la Belgique, en occupant de suite avec leurs troupes respectives les forteresses de ce pays; la Prusse—celles de la Sambre et de la Meuse, l'Angleterre—celle du littoral. Une pareille mesure, dont ces puissances puiseraient le droit dans la force même des traités, serait une précaution des plus utiles et qui, si elle ne parvenait à arrêter dans leur principe les vues d'agrandissement de la France, nous donnerait du moins pour un cas de guerre de nombreuses chances favorables. Tout retard au contraire deviendrait d'un grand préjudice et aggraverait infiniment les difficultés à surmonter. La Prusse dans tous les cas ne se déciderait à agir, même pour une simple occupation, qu'avec l'assurance de se voir soutenue promptement par nos troupes. C'est donc d'après cette considération, ainsi qu'après un mûr examen des évènements, dont la marche progressive conduit avec rapidité l'Occident de l'Europe à une crise et à une guerre inévitables, que j'ose proposer à Votre Majesté Impériale quelques mesures préparatoires, dont l'exécution, sans demander des frais considérables, nous procurerait le grand avantage de pouvoir au premier besoin porter avec rapidité nos troupes sur le théâtre même des évènements. Cette faculté serait d'autant plus utile et nécessaire que l'emploi des troupes Prussiennes au-delà du Rhin dégarnissant une grande partie de l'Allemagne de toute force armée, livrerait par là l'intérieur du pays aux menées des agitateurs, si la présence ou la marche de nos troupes n'y mettait un frein.

Conformément à la désignation qu'a daigné faire déjà précédement Votre Majesté, les troupes destinées à agir pour la part de la Russie, en cas

d'intervention armée en Europe, seraient: Le Corps de la Garde avec le 1-e Corps de Cavalerie.

Le Corps des grenadiers.

Le 1-r Corps d'infanterie.

Les 3-me et 5-me Corps de Cavalerie.

Le Corps de Lithuanie.

L'armée Polonaise et son Corps de Réserve. Ces troupes auraient à se porter d'abord jusqu'à l'Oder, d'où, si les circonstances l'exigeaient, elles continueraient leur marche vers le Rhin et au-delà.

Pour effectuer ce premier mouvement jusqu'à l'Oder j'oserais proposer à Votre Majesté les directions suivantes, que j'ai déjà soumis à l'assentiment préalable des autorités militaires de Prusse, pour ce qui concerne notre marche dans ce pays, et auxquelles je joins ici une énumération des journées de marches, calculée avec la latitude indispensable pour ne pas désorganiser les Corps par un excès de fatigues, mais cependant sans aucun compte du temps nécessaire pour mobiliser et rassembler les troupes, lequel temps par conséquent reste à calculer à part. Je proposerais donc de faire marcher:

Le Corps de la Garde avec la 1-re division de Cuirassiers, de St. Pétersbourg où il se rassemblerait:

Jours de marche avec repos.

à Narva		10
„ Mitau		30
„ Tilsitt		15
„ Marienburg	par la grande chaussée	15
„ Cüstrin		20
		90

La 1-re division de Lanciers, de Twer où se trouve le centre de la division, qui comparativement aux autres troupes est beaucoup plus éloignée des frontières occidentales:

à Smolensk	25
„ Ticoczin	45
„ Plotsk	15
„ Crossen	24
	109

NB. de Smolensk il n'y aurait que 84 jours.

Le *Corps des Grenadiers*, du centre de rassemblement dans les Colonies de Nowgorod.

à Kowno	48
„ Plotsk	30
„ Crossen	24
	102

Le *1-e Corps d'Infanterie*, à compter de Dorpat, centre de la 4-me division d'Infanterie, de toutes la plus reculée vers l'Est:

à Tilsit	34
„ Thorn	21
„ Francfort sur l'Oder	18
	73

NB. Ce corps serait dirigé sur Thorn afin de laisser la chaussée de Custrin à la Garde.

Le *3-me Corps de Cavalerie*, de Novomirgorod centre de rassemblement:

à Ustilug	48
„ Pulava	15
„ Breslau	30
	93

Le *5-me Corps de Cavalerie*, de Kursk, centre du Corps, dont les cantonnements comparativement aux autres troupes, sont beaucoup trop éloignés des frontières occidentales:

à Gitomir	42
„ Ustilug	27
„ Pulava	15
„ Breslau	30
	114

NB. De Gitomir il n'y aurait que 72 jours.

Le *Corps de Lithuanie*, de Slonim centre de rassemblement:

à Warsovie	30
„ Glogau	30
	60

L'armée Polonaise et son Corps de Réserve, de Warsovie centre de rassemblement:

à Breslau	24
	24

Pour continuer le mouvement au delà de l'Oder, si nécessaire devenait, je me suis aussi concerté préalablement avec le gouvernement Prussien, auquel j'ai proposé et qui a approuvé les directions suivantes; savoir:

Le Corps de la Garde avec la 1-re division de Cuirassiers:

de Cüstrin	90
à Cassel, par la grande chaussée de Halle . .	24
	114

La 1-re division de Lanciers.

de Crossen (en comptant de Twer)	108
à Eisenach par Leipzig	24
	132

NB. En ne comptant que de Smolensk cela ne ferait que 108.

Le Corps des Grenadiers:

de Crossen	102
à Eisenach par Leipzig	24
	126

Le 1-r Corps d'Infanterie:

de Francfort s. O.	73
à Cassel par Magdebourg	24
	97

NB. La grande chaussée de Halle ayant été réservée pour la Garde, le 1-r Corps serait dans la nécessité de sa croiser avec celle-ci pour repasser de la gauche sur la droite, mais ce croisement dont le nœud serait à Potsdam ne saurait présenter aucun inconvénient.

Le 3-me Corps de Cavalerie:

de Breslau	93
à Cobourg par Dresde	27
	120

Le 5-me Corps de Cavalerie:

de Breslau (à compter de Koursk)	114
à Eisenach par Dresde	30
	144

NB. Mais en ne comptant que de Gitomir cela ne ferait que 102 p.

Le Corps de Lithuanie.

de Glogau	60
à Meiningen, par Leipzig	30
	90

L'armée Polonaise avec son Corps de Réserve,

de Breslau	24
à Cobourg par Dresde	27
	51

Le mouvement ultérieur des troupes audelà du Rhin dépendrait des événements et circonstances de l'époque. L'idée première que nous venons de concerter ici serait: que la majorité des forces Prussiennes aidée d'un ou deux de nos Corps d'armée opére dans la Belgique et la Flandre, tandis que la grande masse de nos troupes renforcée de trois Corps Prussiens se porterait par la Champagne sur la Capitale de la France. Au midi sur le Haut-Rhin les Autrichiens avec trois Corps de la Confédération Germanique agiraient d'abord sur une faible offensive en Alsace et puis avanceraient vers le centre de la France à la hauteur de notre marche. Je m'abstiens d'entrer ici dans de plus amples détails sur ce point, au sujet duquel je préférerais développer mes idées à Votre Majesté personellement.

D'après le calcul des marches qui viennent d'être enumerées, Votre Majesté daignera remarquer que les cantonnements de quelques troupes relativement beaucoup plus éloignés des frontières occidentales que ceux des autres Corps, mettraient un grave obstacle au mouvement simultané de toutes les forces, si l'on ne tachait de remédier à cet incouvénient soit en rapprochant vers les Provinces de l'Ouest la dislocation de quelques Corps, soit en combinant les apprêts de mobilisation et de rassemblement de façon à les faire exécuter quelque temps à l'avance dans les Corps les plus éloignés. C'est dans ce double but que j'ose proposer à Votre Majesté les mesures préparatoires qui suivent.

1) Mettre de suite en pleine mobilité et sur pied de guerre les troupes destinées à l'intervention armée et mentionnées ci-dessus, en exceptant ce-

*

pendant, pour le moment, la Garde de St.-Pétersbourg et l'Armée Polonaise avec son Corps de Réserve de Warsovie. Cette exception d'autant plus admissible que les troupes de Pétersbourg et de Warsovie sont de presque toutes les plus rapprochées vers l'Ouest, procurerait l'avantage de faire éviter les bruits et les conjectures que de semblables mesures ne manqueraient pas de susciter dans ces Capitales. Seraient donc à mettre sur pied de guerre:

La 1-re division de Lanciers.

Le Corps des Grenadiers.

Le 1-r Corps d'Infanterie.

Le 3-me et 5-me Corps de Cavalerie.

Et le Corps de Lithuanie.

2) Mettre de même en état de mobilité et sur pied de guerre toute l'artillerie les parcs et les trains de ces Corps, ainsi qu'une quotité d'hôpitaux ambulants suffisant en premier lieu au moins pour deux milles malades. Pour les attelages des Parcs et hôpitaux on pourrait utiliser les chevaux qui doivent être resté en quantité suffisante des parcs et ambulances des troupes revenues de Turquie.

3) Rapprocher des frontières occidentales les divisions du 1-r Corps d'Infanterie qui en sont les plus éloignées, savoir: la 3-me d'Infanterie qu'on pourrait transférer dans les environs de Vilna, la 4-me aussi d'Infanterie qui pourrait passer en Courlande, et la 1-re d'Artillerie qu'on cantonnerait dans les districts limitrophes des Gouvernements de Vilna et de Minsk.

4) Rapprocher de même la 1-re division de Lanciers, en la transférant soit dans les quartiers actuels de la 1-r division d'Artillerie, soit entre la Dvina et le Dnièpre, soit au moins à Smolensk.

5) Vu l'extrême éloignement dans l'intérieur du pays du 5-me Corps de Cavalerie, la transférer de suite dans les districts limitrophes et non occupés de la Volhynie avec la Podolie, où il trouverait d'excellents cantonnements.

6) Enfin considérer s'il ne serait point aussi utile de faire passer la 3-me division de Grenadiers en Livonie, afin de pouvoir la faire marcher en tête des autres divisions de cette même arme qui sont colonisées et qui jusqu'a leur départ resteraient comme de raison paisiblement dans leurs établissements.

Diebitsch Zabalkansky.

25.

Всеподданнѣйшее донесенiе графа Дибича Забалканскаго — императору Николаю I.

Berlin, 23 Septembre (5 Octobre) 1830.

Sire.

Les premières nouvelles de la Belgique qui nous avaient tous bercé de meilleures espérances ont malheureusement bien changé depuis. Votre Majesté en aura vu les détails dans les dépêches de M-r Gourjeff que M-r d'Alopéus a envoyées avant-hier par la poste.

Grâce au disposement incroyable des forces peu suffisantes en elles même, et qu'on à fait employer en même temps à Liège, Namur, Mons, Louvain, St.-Tron et Tirlemont pendant que le principal but était la soumission de Bruxelles: le prince Frédéric a été forcé d'abandonner tous les avantages déjà obtenus et de se retirer sur Dighem près de... d'où il veut se porter, à ce qu'on dit, sur Mastricht, chose assez difficile, car St.-Tron, Louvain et Tirlemont sont en pleine révolte.

Malines, Brugges, Octende se sont revoltés aussi et on craint pour les faibles garnisons d'Anvers, de Gand, de Mons et de toutes les places de la Flandre et de Hainaut, surtout à cause de leur approvisionnement peu suffisant. Enfin, si on ne prend pas bientôt des mesures énergiques, la Belgique entière sera perdue pour les alliés, et il paraît probable que le parti révolutionnaire en France qui, d'après les rapports de Gourjeff paraît mêner les affaires belgiques, profitera bien du temps qu'on lui laisse et s'il est vrai que le Général Valazé s'est trouvé à Bruxelles, pendant les combats qui s'y sont livrés, ce fait donnerait des forts soupçons contre le Gouvernement Français sous le rapport des sentiments pacifiques dont il fait parade.

Comme Sa Majesté le Roi se trouva à ... quand ces malheureuses nouvelles nous sont arrivées, j'ai de suite écrit à Witzleben pour savoir quelles résolutions elles pourraient faire naître; j'ai cherché d'exposer dans mes lettres les grandes conséquences de la perte des forteresses belgiques et, connaissant d'avance la ferme résolution prise ici de ne rien faire si on n'est par assuré de la coopération de l'Angleterre, j'ai cru devoir proposer qu'on envoya une personne de confiance en Angleterre pour obtenir son consentement à occuper les forteresses de la Meuse d'après les traités existants. Witzleben ne m'a répondu qu'hier soir, et il m'a redit aujourd'hui la même chose verbalement: que le Roi, tout en me remerciant pour ma lettre

et étant d'accord avec mes raisonnements, croyait malheureusement que les forteresses n'étaient plus à sauver, mais qu'il comptait proposer aux puissances alliées une déclaration commune à faire à la cour de France pour soutenir les droits que les alliés ont par les traités de repousser chaque mouvement qui troublerait l'état des choses garantie par l'alliance et de demander en même temps l'accélération des déclarations de l'Angleterre et de l'Autriche sur les moyens à employer en faveur du Roi de Pays Bas, car on est sûr de l'opinion de Votre Majesté sous ce rapport, mais je crains de nouvelles et d'angereuses hésitations, si la réponse de l'Angleterre n'était pas bien claire.

En Allemagne, les affaires ne vont pas mieux non plus. En Hesse et en Saxe, les prétentions auxquelles on a cédé avec autant de célérité que de lâcheté vont en augmentant et les désordres se répandent déjà des villes dans le plat pays. On ne se croit nullement rassuré sur l'esprit qui règne en Bavière, et on dit qu'on ne peut pas même s'y fier à l'armée. On veut à présent prendre des mesures à la diète à Francfort, mais ce cera certainement avec toute la lenteur qui distingue toujours la marche de la Confédera-tion Germanique, qui repond fort peu à la rapidité décisive des révolutionnaires. Je ne vois pas facilement en noir, mais si on continue en Allemagne à croire éviter le mal en s'y opposant par la défensive la plus décidée, alors je crains qu'on ne perde tout par un pareil système et on n'évitera certainement pas la guerre qu'on craint tant! C'est dans cette persuasion que j'ose proposer à Votre Majesté Impériale les mesures contenues dans le petit mémoire ci-joint. Leur exécution remontera, j'espère, aussi les idées d'ici, car c'est surtout la crainte de devoir commencer seul le combat avec toutes les forces imaginaires de la France qui soutient le système de remettre autant que possible chaque mesure énergique d'un jour à l'autre.

Je sais bien que les mesures proposées occasionneraient quelque frais, même assez considérables, mais si la guerre a lieu, ils seraient toujours inévitables, et si au contraire on pouvait encore l'éviter justement en se montrant prêt à la faire énergiquement, alors le sacrifice d'une si petite partie de tous les frais d'une guerre aurait été bien avantageusement employé. Sa Majesté le Roi est tout à fait d'accord sur la grande utilité de ses mesures et on paraît y mettre un grand prix ici.

Demain il y aura ici un grand exercise-manœuvre du corps prussien de la Garde. Les ensemençailles aux environs de Zehlendorf n'ont pas permis d'y faire des manœuvres.

Je compte après ces manœuvres demander les ordres du Roi pour mon

départ, mais des indications du général Witzleben me laissent craindre encore quelques retards.

Daignez, Sire, mettre aux pieds de Sa Majesté l'Impératrice mes profonds hommages et veuillez agréer le fidèle attachement et le profond respect avec lequels j'ai le bonheur d'être,

Sire,
de Votre Majesté Impériale
le très soumis et très fidele serviteur
Diebitsch Zabalkansky.

26.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

St-Pétersbourg, le 29 Septembre 1830.

Tous les rapports reçus dans la journée d'aujourd'hui sont très satisfaisants; pour plus de précaution, il a été ordonné de retenir à Ladoga, pour subir une quarantaine de 14 jours, quatre bâteaux venant de Rybinsk, que le P-ce Menchikoff a signalé comme devant avoir quitté cette ville vers le 19 de ce mois, époque où le cholera-morbus s'était déclaré dans Rybinsk et celà malgré que l'officier supérieur qui les a visité à Tichvine a trouvé les équipages parfaitement bien portants. En suite des mesures qui ont été prescrites hier matin, un feldjäger expédié par le C-te Suchtelen, a été mis cette nuit en quarantaine à Ladoga, parce que, pour y arriver, il a passé par Iaroslaw et Kostroma; les dépêches dont il était porteur m'ont été envoyées; Votre Majesté Impériale les trouvera dans mes rapports officiels.

Ici, toutes les dispositions ordonnées, s'exécutent avec la plus grande activité; les effets d'hôpitaux pour mille hommes seront achevés le 3 Octobre et les 250 lits, tables et autres ustensils que le général Essen m'avait demandés sont déjà prêts à lui être livrés.

Les nouvelles reçues de La Haye affligeront vivement Votre Majesté. Quel affreux dénoûment et combien tout celà change la face des affaires! Il paraît que les révolutionnaires de France sont décidés à porter hors de chez eux leurs exécrables maximes et ce qui vient de se passer à Bruxelles, ne fera qu'enfler leur présomption et augmenter leur audace. Il est urgent plus que jamais que les quatre grandes puissances agissent de concert et avec la plus grande fermeté; la tranquillité de l'Europe en dépend. Pour tous les cas, je fais presser le développement du travail préparatoire que j'ai eu le bonheur de soumettre à Votre Majesté Impériale et qui a été

approuvé par Elle. Nos vœux les plus ardents Vous accompagnent, Sire, et nous attendons des nouvelles de Moscou avec une impatience difficile à exprimer!..

Je suis avec le plus profond respect,

Sire,

de Votre Majesté Impériale

le sujet le plus dévoué

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Merci, mon cher ami, pour vos bonnes nouvelles. Dieu merci, depuis hier et surtout aujourd'hui, nous éprouvons ici un changement notable en mieux; depuis avant-hier chaque jour nous avons 20 personnes tombées malades de moins que la veille et aujourd'hui 20 morts de moins. Dans la troupe nous n'avons eu que trois malades, dont deux morts.

Les nouvelles de Bruxelles m'ont réellement consternée. C'est pire qu'une défaite c'est un malheur incalculable et, je vous l'avoue, inexplicable pour moi; comment une brave troupe de ligne, ayant l'avantage de la position, peut-elle être chassée par un tas de misérables!

Mes hommages à Madame.

27.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Чернышева—императору Николаю I.

St-Pétersbourg, 30 Septembre 1830.

Sire.

Le lieutenant des feldjägers Lange vient d'arriver de Berlin, il y a de cela deux heures. Je m'empresse de faire partir un exprès pour porter à Votre Majesté Impériale la lettre particulière du Maréchal C-te Diebitsch, ainsi que les dépêches que le C-te Nesselrode a reçues par la même occasion; elles n'ont été retenues ici que le temps nécessaire pour faire quelques traductions. Votre Majesté trouvera aussi sous ce pli la lettre que le C-te Diebitsch m'a écrite en date du 23 de ce mois. Les nouvelles qui viennent de nous parvenir sont graves et exigent de la part des Puissances alliées des mesures promptes et vigoureuses,—j'espère que l'Angleterre ouvrira enfin les yeux sur toutes les conséquences que les funestes événements de la Belgique peuvent

amener et se décidera à soutenir l'existence d'un Etat dont la création lui a tenu tant à cœur. Il me semble que de la détermination du cabinet Britannique dépendra la question de la guerre et la franche coopération de la Prusse et de l'Autriche contre les révolutionnaires.

Tout ici est parfaitement tranquille et les rapports du matin sont satisfaisants à tous égards.

Ce soir partira le courrier ordinaire qui Vous portera, Sire, les dépêches et rapports de la journée.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Impériale,

le sujet le plus dévoué

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Vous verrez par la lettre du Comte Diebitsch et par la nôtre le véritable état des choses; j'ai cru indispensable d'ordonner directement au Maréchal de faire passer en Volhynie le 5 Corps Cav. de réserve; et à Witt d'être prêt à faire marcher le 3 Corps de réserve au premier ordre; pour le reste j'attendrai que les choses soyent plus précisées.

Communiquez la lettre à Nesselrode.

28.

Всеподданнѣйшее письмо графа Чернышева — императору Николаю I.

St-Pétersbourg, le 6 Octobre 1830.

Sire.

Ce matin nous avons eu une nouvelle séance chez le gouverneur militaire; elle a été consacrée à entendre la lecture de toutes les dispositions qui ont été faites, en vertu de nos premières décisions; il a été jugé convenable d'y faire quelques additions indispensables, concernant principalement: un état pour l'entretien des individus retenus dans les quarantaines et qui n'auraient pas de quoi subsister; des instructions spéciales pour les médecins de sections et pour les inspecteurs en chef des quartiers et autres fonctionnaires, auxquelles on n'avait point encore songé. Pour le premier moment, on a préparé des hôpitaux temporaires pour 730 malades dans les différents quartiers de la ville et nous avons pris l'engagement de voir s'il ne serait pas possible d'en avoir encore en vue chacun pour sa partie, Monseigneur le

Grand-Duc a été d'avis, à cette occasion, de n'admettre dans aucun cas aux hôpitaux militaires même des soldats qui seraient atteints par le choléra morbus, mais de les diriger dans les hôpitaux temporaires.

Tous les rapports de la journée sont fort tranquillisants; la maladie subite d'un docteur Richter qui se trouvait dans le district de Novaïa-Ladoga et dont le P-ce Menchikoff nous a instruit hier, semble ne pas tirer à conséquence, d'après ce que vient de faire savoir le malade lui-même; nous attendons la-dessus le rapport de deux médecins qui ont été envoyés sur les lieux, le premier appartenant au régiment de cuirassiers de Votre Majesté et l'autre de la part du Ministère de l'intérieur; il paraît presque certain, que celà n'a pu être qu'une fausse allerte.

Les nouvelles de l'Allemangne reçues aujourd'hui sont, grâce au Ciel, bien plus rassurantes; le besoin de repos et de l'ordre semble y prendre le dessus sur les artisants de troubles; les courriers attendus de Londres et de la Haye seront du plus haut intérêt.

J'espère demain ou après demain soumettre à Votre Majesté Impériale un travail sur différents objets dont la décision me paraît urgente dans les circonstances actuelles. Dès que nous aurons le bonheur de Vous voir de retour, Sire, j'aurai à prendre les ordres de Votre Majesté sur l'ensemble des dispositions militaires, qu'il y à mettre à éxécution et qui, à mon avis, ne souffrent pas de délai.

Je suis avec le plus profond respect,

Sire,

de Votre Majesté Impériale,

le sujet le plus dévoué

C-te A. Tschernicheff.

На письмѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Je suis charmé, mon cher ami, que l'alerte n'a été que fausse; fasse le Ciel qu'il n'y en aie pas de réelles. Il faut que vous préveniez le général Essen de faire venir le голова de la ville et de savoir au juste par lui s'il y a des pelleteries d'arrivées ou d'attendues de la foire de Nijny? S'il n'y en a pas, tant mieux; si l'on en attend, il faut prendre une росписка des propriétaires, d'informer de l'époque de leur arrivée et de ne pas y toucher avant que les médecins n'en aient fait la purification par les principes et moyens connus. Il en doit être de même pour les peaux de moutons.

Nous nous portons bien, excepté Кокошкинъ qui a la fièvre et souffre de la poitrine à force d'avoir respiré le chlore.

C'est une terrible atmosphère.

Nous nous ennuyons terriblement dans notre prison.

Mes hommages à Madame.

29.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Le 9 Octobre 1830.

Je m'empresse de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale une lettre du C-te Diebitsch que l'on vient de m'apporter de la part du vice-chancelier, indépendamment des motifs qui prolongent le séjour du Maréchal à Berlin et de quelques nouvelles politiques et entre autres la mort du génèral Chasu frappé d'un coup d'apoplexie, Votre Majesté y verra que nous prévenons le désir du Comte Diebitsch en lui expédiant tous les renseignements nécessaires sur la marche de nos armements.

Le maréchal me charge de faire parvenir à sa haute destination la lettre ci-jointe.

C-te A. Tschernicheff.

30.

Письмо графа Дибича—графу Чернышеву.

Berlin, 1 (13) Novembre 1830.

Mon cher ami.

La maladie du général Witzleben qui infère un avis, tant sur les affaires militaires que diplomatiques, a mis encore un nouvel empêchement à l'espoir que j'avais de finir enfin ma mission d'ici, en rapportant à notre Auguste Maître quelque réponse un peu plus décisive, et d'après les antécédents, je dois bien craindre que cela ne dure encore quelque temps; je vous prie donc, cher ami, de bien vouloir soumettre ces craintes à notre Auguste Maître; je n'écris pas à Sa Majesté, car les nouvelles que je pourras donner ne sont pas assez importantes pour mériter son attention particulière et comme elles ne pourraient toucher que la question belgique, les dépêches de Matousewitsch

doivent en contenir des détails bien plus intéressants. Comme pourtant mon séjour prolongé doit me faire désirer de ne pas rester dans une ignorance complète de ce qui se passe en Russie, je vous prie bien, cher comte, de m'envoyer de vos nouvelles, surtout sur les événements qui se font chez nous, sur les entraves que le choléra a pu mettre au complètement de l'armée pour moi critique, que vous me pardonnerez comme ancien chef sur l'état et le retour de la ci-devant seconde armée. Dans le cas bien heureux où ce courrier ne me trouverait pas ici, il me rattrapera apparemment à Varsovie et je vous aurai une grande obligation si vous hâtez son expédition.

Si en attendant j'aurais la moindre certitude sur mon départ, ou s'il arrivait quelque chose d'important, je vous enverrai l'officier feldjäger Safoneff que je garde ici pour ce cas.

Vous aurez passé aussi de bien tristes moments, cher ami, ainsi que moi, au milieu de ces événements déplorables. Je vous avoue que la conduite du brave Chasu et les défaites des jacobins espagnols ont été depuis bien longtemps les seules nouvelles qui m'ont réjoui. Encore faut-il qu'un coup d'apoplexie frappe ce brave, peut-être à temps pour ne pas avoir l'horrible chagrin de rendre sa place par ordre suprême. Que nous sommes heureux, cher ami, de ne jamais avoir à craindre pareil sort.

Les premiers pas du congrès de Londres ne promettent pas grandes choses; un armistice proposé aux rebelles était certainement une bonne oeuvre dans le triste état où se trouve le gouvernement..., mais il est honteux de faire cet armistice avec des conditions avantageuses aux rebelles. Cela doit monter encore leur coupable audace. Je ne me promets, en général, rien de bon du cabinet anglais, il est tout aussi autrichien que craintif, et la situation intérieure paraît aussi très peu rassurante. Enfin, je ne puis pas perdre ma conviction que la crise qui nous apportera la guerre est assez prochaine malgré toutes les hésitations. Le seul moyen, par lequel peut-être on aurait pu l'éviter, c'était de siuvre le système proposé par notre Auguste Maître, en parlant avec force et menaçant d'armements forts, sans leur donner suite, si tout restait dans la voie légale. Je ne puis pas appeler des gens craintifs—pacifiques, car ce sont toujours ceux qui amènent la guerre. Tâchons au moins, cher ami, à être tout à fait fort de notre côté, ce n'est que notre armée qui rassure encore les esprits bons, mais faibles de beaucoup de monde: conduite par la volonté forte et juste de notre souverain chéri, elle sauvera, avec l'aide de Dieu, une seconde fois l'Europe.

La comtesse Brandenbourg, épouse du général que vous connaissez, m'a demandé d'expédier la lettre ci-jointe à Sa Majesté l'Impératrice, je vous prie, cher ami, de bien vouloir vous en charger. Ayez l'amitié de me

mettre au pied de notre Auguste et cheri Maître, je suis bien malheureux de ne pas pouvoir le faire moi-même.

Adieu, cher ami. Tout à vous

J. Diebitsch Zabalkansky.

31.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Ce 2 Décembre [1]).

Je m'empresse de soumettre à l'approbation de Votre Majesté Impériale le projet d'article pour les journeaux qu'Elle m'a ordonné de préparer.

J'ai vu le général Schkourin et lui ai parlé de l'intention de Votre Majesté de lui confier la 3-me division d'infanterie; il m'a répondu que malgré qu'il relève de maladie, dans les circonstances actuelles il se met à la disposition de Votre Majesté, mais que dénué de moyens pour un aussi prompt départ, il a absolument besoin d'un secours. Je lui ai dit qu'il fallait absolument qu'il parte après demain.

Le P-ce Lopoukhyne se met des sangsues demain par précaution et dart après demain; il est heureux au delà de toute expression de sa nomination.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Vous lui donnerez ce dont il a besoin.

Il faudrait ajouter dans un simple article de gazette que le Président du Sénat comte Zamoyssky a dû se réfugier à Brest.

32.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Le 5 d Décembre [2]).

Je viens de recevoir par estafette, dans ce moment, l'office ci-jointe de la part du Maréchal C-te Sacken: il paraît qu'elle a été expédiée d'abord

---

[1]) 1830.
[2]) 1830.

après la réception des premières nouvelles reçues par le Maréchal sur les événements de Varsovie et avant que mon premier courrier soit arrivé à Kieff. L'importance de son papier est que le 5-me corps de cavalerie passait déjà le Dnièpre et forcait son mouvement, tout le reste est déjà connu de Votre Majesté Impériale. J'envoye à la poste pour savoir comment il se fait qu'une estafette expédiée de Kieff ne soit parvenue ici que le huitième jour.

C-te A. Tschernicheff.

33.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Le 5 de Décembre [1]).

Je m'empresse de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale le rapport du C-te Pierre Palhen, que je viens de recevoir par estafette, ainsi que le tableau des marche-routes qu'il vient de désigner à son corps en vertu du second ordre qu'il a reçu d'ici. Son rapport est d'une date assez fraîche, il est du 2 de ce mois; il paraît donc qu'il ne s'est rien passé d'important ni chez le général Rosen, ni dans le Gouvernement de Vilna, puisqu'il n'en fait pas mention. Dès que Votre Majesté daignera me restituer les papiers ci-joints, je m'empresserai de les porter à la connaissance du Maréchal.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

J'ai envoyé le rapport au Maréchal.

34.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

6-го Декабря [2]).

Сейчасъ полученныя мною бумаги отъ командира 6-го пѣхотнаго корпуса, поспѣшаю представить вашему величеству. Эстафета отпра-

---

[1]) 1830.

[2]) 1830.

влена генераломъ Б. Розеномъ, отправлена 1-го Декабря, и тогда уже получено имъ было письмо отъ цесаревича изъ Любартова, по которому генералъ Розенъ полагалъ, что его высочество долженъ былъ прибыть 1-го или 5-го Декабря въ предѣлы Имперіи. Отвѣтъ генерала Розена на первое предписаніе отсюда отъ 25-го Ноября.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

J'ai relu une lettre de Rosen qui donne quelques détails; il paraît que la marche était bien pénible, mon frère disant Богъ насъ спасетъ и ведетъ; sitôt que Michel me la renverra je vous l'enverrai; il faut de suite préparer un article pour les journaux.

35.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Le 6 Décembre [1]).

Conformément à Vos ordres, Sire, je m'empresse de soumettre à Votre Majesté le projet d'article pour les journaux, concernant la marche de Monseigneur le Grand-Duc; j'ai pensé qu'on ne pouvait rien dire de plus que ce qui y est inséré, n'ayant pas de nouvelles directes de Son Altesse Impériale.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Je crois que l'article fera mieux avec ces changements et la note à la fin, pour tranquilliser les tremblleurs. Je suis fort content des mesures et des nouvelles de Sacken; vous l'en remercierez.

---

[1]) 1830.

36.

Письмо Вицлебена—графу Чернышеву.

Confidentielle.

Berlin, le 9 (21) Décembre 1830.

Mon Général.

J'ai reçu la lettre que Votre Excellence a bien voulu m'écrire en date du 27 Novembre (9 Décembre), et que je n'ai pas tardé de mettre sous les yeux de Sa Majesté le roi.

Sa Majesté me charge de Vous remercier infiniment des communications importantes que Vous venez de faire et qui font preuve de l'énergie avec laquelle Sa Majesté l'Empereur s'est proposé d'agir dans cette déplorable affaire. Ce qui a surtout satisfait le Roi, comme une marque de sagesse et de prévoyance de son auguste allié, c'est que l'Empereur veut pousser les opérations militaires avec la plus grande vigueur aussitôt que les moyens que Vous indiquez et qui doivent être plus que suffisants pour réduire les rebelles, seront réunis. Conformément au désir que Vous me témoignez, j'ai l'honneur de Vous faire part d'un extrait des rapports qui nous sont parvenus de Varsovie jusqu'à ce jour.

Je puis y ajouter la nouvelle, que la levée polonaise dans les communes qui avoisinent la frontière de la Prusse proprement-dite, ne se fait qu'avec de la force et que beaucoup d'individus qui devaient s'y soumettre, ont passé sur le territoire Prussien.

Supposant que Votre Excellence n'a point reçu les journaux de Varsovie depuis la révolution, j'ai l'honneur de les joindre à cet envoi.

Quant aux dispositions qui ont pour but de contenir le Grand-Duché de Posen et d'assurer l'inviolabilité des frontières Prussiennes, le Roi a ordonné les mesures suivantes:

Le 5-me Corps d'armée, y compris l'artillerie et le 1-er ban de la Landwehr sont mis sur pied de guerre.

Les régiments et bataillons composés d'habitans du Grand-Duché de Posen en sont retirés et vont tenir garnison dans l'intérieur.

Vers la fin du mois tout ce 5-me corps sera réuni sur deux points, savoir à Posen et à Lissa.

Les 1-er, 2-me et 6-me corps d'armée ont porté sur le pied de guerre leurs troupes de ligne et les bataillons de landwehr des districts limitrophes de la Pologne.

La Landwehr du second ban des mêmes districts a été armée, pour préserver les frontières prussiennes de toute incursion.

Je dois encore prévenir Votre Excellence qu'un grand nombre de cosaques stationnés dans le royaume de Pologne se sont refugiés sur le territoire Prussien. Ils ont d'abord été désarmés par les autorités, mais le Roi a ordonné que leurs armes leur fussent rendues et qu'ils fussent réunis en détachements dans l'intérieur. Par ordre du Roi ces cosaques sont logés et obtiennent les rations et portions à l'instar des troupes prussiennes. Je suis chargé de prier Votre Excellence de vouloir bien prendre les ordres de Sa Majesté l'Empereur relativement à la destination à leur donner. Du reste je ne manquerai pas de mettre Votre Excellence au courant de toutes les nouvelles qui arriveront de la Pologne et de tout ce qui pourrait avoir quelque intérêt pour Vous dans les circonstances actuelles.

Recevez, mon Général, l'assurance réitérée de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

mon Général, de Votre Excellence,
le très humble et très obéissant serviteur
Witzleben.

37.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

15 Décembre [1]).

L'enseigne Iéffimoff qui arrive de Berlin vient de m'apporter une lettre du général Witzleben en date du 9 (21) de ce mois, que je m'empresse de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale; il y a joint un extrait des nouvelles de Varsovie jusqu'au 14 de ce mois n. s., dans ce dernier se trouvent quelques particularités qui nous étaient inconnus. Le Gén. Witzleben m'a envoyé aussi une collection des journaux Polonais; comme j'ignore jusqu'a quelle date vont ceux que Votre Majesté a reçus, je prends la liberté de Lui adresser le paquet tel que je l'ai reçu.

Votre Majesté trouvera aussi dans ce pli une seconde lettre du général Witzleben qui nous recommande le Major de la Gendarmerie Polonaise Cziwinsky qui s'est réfugié sur le territoire Prussien et qu'il dit être porteur de cette lettre tandis que je l'ai trouvée dans le paquet que m'a apporté Iéffimoff.

---

[1]) 1830.

Je joins ici la réponse que m'a faite le C-te Nesselrode sur l'usage qu'il a fait des proclamations imprimées que je lui ai transmises. Votre Majesté daignera ce rappeler, que j'en ai expédié deux mille exemplaires au général Rosen.

Comte A. Tschernicheff.

Въ концѣ бумагъ князя Чернышева 1830 года находятся двѣ записки безъ подписи и безъ даты, которыя мы и помѣщаемъ ниже.

38.

Сформированіе дѣйствующей арміи по случаю возстанія въ Варшавѣ въ 1830 году.

Безъ года и числа.

Les premières mesures que Sa Majesté l'Empereur a jugé à propos de prendre pour étouffer la révolte de Varsovie et secourir Son Bien-aimé Frère le Césarewitsch, ont été comuniquées à Son Excellence Monsieur le général Witzleben le 27 Novembre (9 Décembre), pour être portées à la connaissance de Sa Majesté le Roi son Auguste Maître.

Depuis cette date Sa Majesté Impériale a donné les ordres suivants.

Par un ordre du jour du 1-er Décembre Sa Majesté a ordonné la formation d'une Armée active dont le commandement a été conféré au feld-maréchal Comte Diebitsch Zabalkansky. Cette armée sera composée du Corps de la Garde, du Corps de grenadiers, du 1-er et 2-d Corps d'infanterie, du 3-ème et 5-ème Corps de Cavalerie de réserve et du Corps de Lithuanie, qui portera désormais la dénomination du 6-ième Corps d'infanterie.

Les Corps qui composent cette Armée destinée a agir contre les rebelles, se rassembleront sur nos frontières de l'Ouest de la manière suivante:

Le Corps de la Garde à l'ordre de se porter en deux colonnes vers Wilna. La colonne de droite composée de l'infanterie et de l'artillerie à pied de la Garde, passera par Narva et Riga et la colonne de gauche composée de la cavalerie et de l'artillerie volante de la Garde et des sapeurs et pionniers par Pleskow et Jakobstadt. Les têtes des deux colonnes se mettront en mouvement le 26 Décembre et arriveront à Wilna le 14 Février.

Le Corps de grenadiers est en pleine marche: la 1-ère division vers Kowno, la 2-de division vers Grodno et la 3-ème division vers Wilna.

Ces trois divisions atteindront les points ci-mentionnés, la 1-ère le 26 Janvier, la 2-de le 20 Janvier et la 3-ème le 15 Janvier.

Le 1-er Corps d'infanterie a reçu la destination suivante: la 1-ère division de hussards et la 1-ère division d'infanterie ont pris position près de la frontière de la Pologne aux environs de Kovno. La 2-de division d'infanterie marche vers Bialostok pour s'y concentrer. La 3-ème division d'infanterie occupera Wilna et ses environs jusqu'à l'arrivée de la 2-de division de grenadiers et puis marchera vers Bialostok pour se réunir aux autres divisions du 1-er Corps d'infanterie.

Le 2-d Corps d'infanterie comme devant agir en seconde ligne occupera la Russie Blanche de la manière suivante: la 2-de division de hussards la ville de Neswij et ses environs; la 5-ème division d'infanterie Wilna et ses environs pour y relever la 3-ème division de grenadiers qui alors pourra être disponible; la 7-ème division occupera Minsk et la 6-ème division d'infanterie occupera Borissow, Witebsk, Mohilev, Orscha et même Minsk, en cas que la 7-ème division serait obligée de quitter cette ville et d'avancer vers Grodno.

Le 3-ème Corps de cavalerie de réserve se rend à Brest-Litowsky où tout le Corps sera concentré vers le 25 du mois de Décembre.

Le 5-ème Corps de cavalerie de réserve arrêté dans sa marche par le Dnièper, qui charriait des glaces, a reçu l'orrdre de ne pas prendre de quartiers en Wolhynie mais de marcher sur Loutsk et de s'y concentrer jusqu'à nouvel ordre.

Le 6-ème Corps d'infanterie (ci-devant Corps de Lithuanie) a l'ordre de ne se porter à aucun mouvement offensif mais de se réunir par divisions à Brest-Litowsky, Bialostok et Oustiloug. La division de lanciers de ce Corps est arrivée à Brest-Litowsky le 15 Décembre, la 24-ème division d'infanterie occupe Bialostok et la 25-ème division d'infanterie occupe Oustiloug depuis le 3 Décembre.

Treize régiments de cosaques sont en marche des bords du Dniester vers Loutsk pour s'y réunir à l'armée active, ce qui fera avec 5 régiments restés dans le royaume de Pologne et 6 regiments nouvellement formés dans le pays des Cosaques un total de 24 régiments de Cavalerie irrégulière. Le régiment des Cosaques de la Garde et le régiment de l'Attaman sont en marche pour Wilna où ils arriveront le 23 Janvier.

La 11-ème division d'infanterie a reçu l'ordre de marcher des bords du Dniester à Gitomir et d'occuper les quartiers d'hiver en Wolhynie.

*

39.

Донесеніе о возмущеніи въ г. Варшавѣ.

Безъ даты года и числа [1]).

Le 29 Novembre à 7 heures du soir le palais du Belvédère fut attaqué par vingt individus de l'école des sous-officiers. Des personnes qui se trouvaient dans l'antichambre du Grand-Duc, le lieutenant général Russe Gendre, fut assassiné et le Président de police Lubowicky grièvement blessé. Le Grand-Duc n'eut que le temps de se rendre par les escaliers intérieurs auprés de la Princesse de Lowicz et de rejoindre avec son épouse la cavalerie Russe.

Au même instant que les sous-officiers attaquèrent le palais, le reste des élèves de cette école militaire se répandit dans la ville et ameuta le peuple; les régiments polonais se rassemblerent sur leurs places d'armes, animés encore du meilleur esprit.

Mais bientôt l'hésitation de leurs chefs, le manque de cartouches, et surtout la résolution du Grand-Duc de ne point faire agir les troupes Russes, donnérent tant d'audace aux rebelles qui s'étaient emparés des armes trouvés à l'arsenal, que les troupes furent ébranlées et se réunirent à l'insurrection. Dans le désordre qui s'en suivit, les soldats et le peuple tuèrent les généraux isolés qui cherchaient à rejoindre leurs régiments: c'est ainsi que le Général Hauke, ministre de la guerre, les Généraux: Szicmentowski, Blumer, Stanislas Potocki, Trzebicki et Nowicki trouvèrent la mort. Le Général Blumer avait été chargé de faire occuper et défendre l'arsenal par un régiment Russe: il se fit suivre par un cosaque, ce qui le fit reconnaître par les rebelles. Les Lieutenants-Généraux de Richter, Kriffsoff, les Généraux-Majors d'Essakoff, d'Engelmann, Comte de Nesselrode furent faits prisonniers dans les rues. Le Lieutenant-Général Diacoff fit une chute de cheval; on ignore ce qu'il est devenu, ainsi que du Baron de Mohrenheim.

Le 30 à cinq heures du matin, les princes Lubecki et Czartoryski vinrent proposer au Grand-Duc d'adjoindre au Gouvernement quelques hommes populaires, tels que le Prince Czartoryski lui-même et le Prince Michel Radziwill. Le Grand-Duc ayant décliné toute transaction, le Gouvernement provisoire se forma de sa propre autorité.

---

[1]) По содержанію донесенія оно относится къ 1830 г.

Dans le courant de la journée on vit plusieurs cocardes tricolores, mais elles firent bientôt place aux cocardes blanches. Un capitaine français nommé Girard, qui se trouve à Varsovie depuis quelque temps, se montra revêtu de l'uniforme complet et pris la part la plus active à tous les excès.

Le 1-er Décembre le Gouvernement s'occupa de la formation d'une garde nationale, à l'aide de laquelle la tranquillité fut parfaitement rétablie. Le commandement de l'armée fut donné au lieutenant général en retraite Chlopicki qui ne s'en chargea que sur des instances réitérées et sous la condition d'exercer son autorité au nom de l'Empereur. Il rétablit aussitôt la discipline militaire relâchée au point que le bataillon des sapeurs avait déjà donné la mort à deux de ses officiers.

Le 3 Décembre à onze heures du matin le Grand-Duc à la tête des troupes Russes continua sa retraite sur Brest-Litowsky par Gorà. D'après des nouvelles arrivées plus tard Son Altesse Impériale à passé la Vistule le 8 Décembre n. st. à Pulawy. Au moment du départ le Grand-Duc adressa une proclamation aux troupes polonaises restées avec lui jusqu'à ce dernier moment, par laquelle il leur permettait de rejoindre les leurs en manifestant l'espoir que les troupes Russes ne seraient point inquiétées dans leur retraite et en recommandant les propriétés et les individus à la protection de la nation polonaise.

Les Généraux Comte Krasinski et de Kurnatowski restés jusqu'à ce moment auprès du Grand-Duc, furent à leur retour accueillis défavorablement par le peuple, mais aussitôt pris sous la protection des généraux Chlopicki et Szembck. Ils donnérent aussitôt leur démission.

Les Généraux Russes faits prisonniers ainsi que deux Aides de Camp de l'Empereur et du Grand-Duc et plusieurs autres officiers sont renfermés au château où ils sont traités avec égard.

Dans les journées du 4 et du 5 Décembre plusieurs régiments polonais firent leur entrée à Varsovie. Leur chefs reconnurent, presque sans exception, le Gouvernement provisoire. Ce dernier ordonna l'armement général et l'on se flattait d'avoir sous peu une armée de cent mille hommes.

La diète a été convoquée pour le 18 Décembre. On ne saurait nier que la révolution se trouvant ainsi organisée, ne soit devenue entièrement nationale et que tout le monde, se trouvant compromis, n'agisse d'accord et ne soit prêt à tous les sacrifices.

Le 5 le Gouvernement provisoire notifia aux Consuls de Prusse et d'Autriche, résidant à Varsovie, qu'il était dans la ferme intention de respecter religieusement les frontières de tous les états de leur souverains.

Le même jour le Gouvernement provisoire envoya au Général Chlopicki le diplôme de Dictateur de l'armée. Le Général se rendit aussitôt à l'assemblée du Gouvernement provisoire et lui déclara que cette nomination ne signifiait rien, qu'il se déclarait lui même Dictateur du Royaume jusqu'à l'assemblée de la diète et qu'il exigeait l'obéissance absolue du Gouvernement provisoire. Sans attendre de réponse il monta à cheval et se rendit au champ de Mars où il trouva réunies toute la garnison, la garde nationale et les académiciens armés, le tout au nombre d'environ trente mille hommes.

Il leur fit former un quarré et se présenta à eux en qualité de Dictateur, leur expliqua la nécessité d'un Gouvernement fort et reçut le serment de toute la masse.

Dès lors il opéra la dissolution du club patriotique l'opposition qu'il y rencontra dans cette occasion lui attira un coup de sang qui manqua lui coûter la vie.

Les places de Modlin et de Zamosc se trouvent au pouvoir des Polonais. La première de ces places était occupée par 300 hommes de troupes Russes et par 700 Polonais. Ces derniers profitèrent de la permission donnée par le Grand-Duc aux troupes polonaises, de rejoindre les leurs, et se déclarèrent pour la révolution.

Le Dictateur a fait défendre sous peine de mort la violation des frontières des états voisins. Il a fait dire à un redacteur de journal qui demandait à insérer un article irrévérent contre l'Empereur, que la liberté de la presse était illimitée, mais qu'une heure après la publication l'auteur et l'éditeur d'un tel article seraient pendus.

Le 6 Décembre, 150 Russes faits prisonniers à Modlin, arrivèrent à Varsovie. Le même jour le Dictateur a fait paraître une proclamation qui porte en substance:

„que les événements survenus dans la capitale de la Pologne avaient rendu nécessaires des mesures extraordinaires;

„que ni le conseil d'administration, la section exécutive, ni le gouvernement provisoire n'ayant répondu à l'attente générale, faute d'accord entre leurs membres, qui s'étaient laissé influencer par les clubistes, il était devenu urgent de sauver la patrie en prevenant sa dissolution;

„que cet état des choses lui avait imposé l'obligation d'employer le pouvoir dont le gouvernement l'avait investi en le nommant Chef de l'armée, pour assumer momentanément dans sa personne le pouvoir suprême, la dictature, jusqu'au moment de la réunion de la diète;

„qu'il avait donné sa parole de n'employer ce pouvoir que pour le

bien de la nation et qu'il espérait pouvoir prouver à la diète que ses efforts pour le bien-être de la patrie n'auront pas été entièrement perdus;

„que bien loin de troubler le repos des états voisins, il espérait que le principe de la non-intervention serait reconnu aussi en faveur de la Pologne, que l'Europe ne lui ferait pas un crime de vouloir conserver les libertés qui lui avaient été promises à la face du monde;

„que la mesure des malheurs de la nation avait été comblée, qu'il lui avait été impossible de faire parvenir la vérité jusqu'au trône, que cette situation justifiant l'insurrection, il espérait que le coeur du Roi en serait touché aussitôt que Sa Majesté aurait appris que la vérité lui avait été dérobée;

„qu'enfin la nation devait se résigner à assurer les libertés constitutionnelles par toute espèce de sacrifices, pour prouver qu'elle était digne d'en jouir".

Du 9 Décembre: L'organisation de l'armée avance rapidement. Les regiments d'infanterie auront un troisième bataillon.

L'armement général ne s'organise que dans les villes; jusqu'à ce moment les campagnes en sont exemptes.

Le Gouvernement a donnè des ordres et pris des mesures pour favoriser par tous les moyens la retraite du Grand-Duc et de ses troupes.

Le 11 Décembre la députation envoyée à l'Empereur est enfin partie de Varsovie. Elle va rejoindre d'abord le Grand-Duc Constantin dont elle espère obtenir une lettre pour l'Empereur. On dit qu'elle n'est porteur d'aucune demande ou proposition positive et qu'elle n'est chargée que d'obtenir la permission d'envoyer au pied du trône une mission qui sera nommée par la diète. On pense que tout rentrerait aussitôt dans l'ordre, si l'Empereur accordait la mise à exécution de la constitution et l'oubli du passé.

Le Gouvernement installé par le Général Chlopicki se compose: du Général d'infanterie Isidore de Krasinski, pour le ministère de la guerre; sous ses ordres se trouve le Général de division de Rautenstrauch;

du Comte A. Zamoyski, fils du président du sénat, pour le ministère de l'intérieur; de M. Bonaventure de Niemojewski, de Kalisch, pour celui de la justice;

du député Lelevel, pour celui du culte et de l'instruction publique;

du Prince Lubecki, qui est resté à la tête des finances; pendant son absence il est remplacé par le conseiller d'état Comte Plater.

Le Prince Czartoryski est resté président de ce gouvernement provisoire, sous le Général Chlopicki.

Du 13 Décembre. Depuis trois jours la justice a repris son cours; les arrêts des tribunaux sont rendus au nom de l'Empereur et Roi.

Le Général Chlopicki a pour lui toute l'armée. Il ne pourrait rencontrer de rival dangereux que dans le Général Szembesk.

Des troupes se rendent vers la frontière Russe. Le régiment de grenadiers, le bataillon de sapeurs, quelques pièces d'artillerie et le 4-me régiment sont partis de Varsovie vers cette destination.

M-r de Wolicki, nommé Intendant général de l'armée, ayant été chargé de faciliter la marche des troupes Russes, a publié à son retour une relation sur la manière dont il a rempli cette commission.

La banque a reçu de Hambourg un envoi d'environ six millions de florins polonais en barres d'argent et en monnaie.

Les généraux Russes faits prisonniers ont la liberté de sortir et de recevoir des visites.

De toutes les villes polonaises voisines de la frontière prussienne Kalisch a été jusqu'ici la seule où se soient formés des rassemblements de gentils-hommes pour seconder le mouvement révolutionnaire. Il y a été même question d'envahir la frontière du Grand-Duché de Posen pour y faire éclater l'insurrection. Mais les ordres du Dictateur ont donné une autre direction à ces exaltés, dont la plus grande partie s'est rendue à Varsovie.

Du 14 Décembre. D'après une dépêche du Prince Lubecki et du Comte Iezierski expediée de Miedzyrzecz, ces députés n'y avaient plus trouvé le Grand-Duc, le 12 Décembre; Son Altesse Impériale était déjà partie pour Wlodawa. Sur l'annonce de leur mission qu'ils Lui adressèrent, ils eurent une réponse très-gracieuse et bienveillante avec une invitation pour le lendemain. Cette condescendance a fait d'autant plus de plaisir que l'on suppose que le Grand-Duc devait déjà être informé des intentions de l'Empereur.

Mais l'exaltation et l'exagération des prétentions qui se manifestent de nouveau à Varsovie, surtout depuis hier 13, sont peu propres à entretenir l'espoir de la paix.

Déjà l'on accuse le Général Chlopicki de tiédeur et de faiblesse relativement à ses dispositions militaires. On croit être attendu en Lithuanie avec impatience; on pense que l'armée pourrait déjà avoir pénétré jusqu'à Wilna et que par ce moyen on forcerait la Russie à la réunion de toutes ses provinces polonaises sous l'empire de constitution du royaume; réunion sans laquelle on pense qu'il n'y aurait aucune garantie pour les concessions que la Russie pourrait faire.

Le général Chlopicki doit demander à la diète la continuation du pouvoir absolu dont il est investi; tandis que les exaltés, et probablement aussi la plus grande partie des députés, voudraient lui concéder tout au plus le

pouvoir que la constitution réserve au Roi. Ce sont là des éléments d'orages qui rendront bien difficile un rapprochement avec la cour.

Le Général Chlopicki a adressé aux habitants par la voie des journaux, l'invitation d'aider aux travaux de fortification pour la défense de Varsovie. Ces travaux ont déjà commencés.

40.

Собственноручная записка императора Николая I [1]).

Faites partir Ouroussoff droit à Gitomir en passant par Kief; il devra s'assurer par ses propres yeux de l'état des affaires, des mesures prises avec Léwachoff et après avoir vu tous, venir ici, pour rapporter verbalement ce qui se passe; un témoin est mieux que dix rapports. Faites le partir cette nuit ou demain de grand matin.

41.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 3 Janvier [2]).

Je m'empresse de porter à la connaissance de Votre Majesté Impériale, que le Major des gendarmes Polonais Cziwynsky, qui de Kalisch a cherché un refuge en Prusse, vient chargé de dépêches pour le C-te Nesselrode. J'ai ordonné au général de service de le loger en attendant à l'Etat Major jusqu'à ce qu'il plaise à Votre Majesté d'en ordonner autrement.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Ordonnez-lui d'être chez moi demain après la ....

Sait-il quelque chose de Krassinsky? Si je ne puis finir ma lettre à mon frère ce soir, je prie de retenir le courrier jusqu'à demain matin.

---

[1]) Относится къ 1831 г.

[2]) 1831 г.

42.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 8 de Janvier [1]).

Je reçois a l'instant même une estafette de la part du Maréchal C-te Diebitsch de Grodno en date du 3 Janvier; je m'empresse de mettre la lettre particulière et le peu de papiers que j'en ai reçus, sous les yeux de Votre Majesté Impériale.

En général l'expédition est très peu signifiante et ne nous annonce aucune nouvelle importante.

Comte A. Tschernicheff.

43.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 17 Janvier [2]).

Je reçois à l'instant une estafette du C-te Diebitsch, dans le paquet général s'est trouvé une lettre de Monseigneur le Grand-Duc à l'adresse de Votre Majesté en mains propres, que je m'empresse de mettre sous Ses yeux; il n'y a pas de lettres du Maréchal ni pour Votre Majesté, ni pour moi, je me hôte de Lui soumettre les papiers que j'ai ouverts; il y en a qui annoncent une nouvelle bien importante, c'est que le général Klopitzky a refusé de continuer les fonctions de Dictateur; un rapport du général Kreutz porte même qu'il a été tué à la suite d'une émeute, mais ce n'est pas officiel et cette nouvelle n'est pas garantie. Votre Majesté lira avec plaisir la lettre particulière que m'adresse le général Rosen elle contient de bien bonnes choses sur l'état moral et physique du 6-me corps. Je n'ai gardé que quelques papiers à numeros que je n'ai pas eu le temps d'ouvrir; s'ils contiennent quelque chose d'intéressant je m'empresserai de les porter à la connaissance de Votre Majesté. Je joins aussi à mon paquet toutes les gazettes Polonaises qui m'ont été envoyées.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Tout cela est excellent.

---

1) 1831.

2) 1831.

44.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 30 Janvier[1]).

Dans ce moment même je reçois une estafette du maréchal Comte Diebitsch de Bialostock en date du 24 de ce mois; je m'empresse de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale les paquets à Son adresse, ainsi les offices et journaux Polonais que le Maréchal m'envoye; cette expédition ne m'a apporté que très peu de paquets dont j'aurai le bonheur de rendre compte à Votre Majesté demain au travail.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Tachez de trouver par ces caractères si la proclamation n'est de fabrique d'ici? Il se peut aussi que l'on se soit servi des caractères de l'imprimerie de mon frère, car il me parait qu'ils lui ressemblent assez.

45.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 28 Février[2]).

Je m'empresse de soumettre à Votre Majesté le projet d'instruction au P-ce Ouroussoff; si Elle confirme cette pièce, mes offices sur le même sujet au maréchal C-te Sacken et au général Levacheff seront prêts dans une demi-heure, et le P-ce Ouroussoff pourra partir cette nuit même. Je l'ai d'ailleurs fait venir chez moi, lui ai expliqué le tout verbalement et l'ai engagé de se rendre incontinent au Palais, afin de prendre les ordres qu'il plaira à Votre Majesté de lui donner de vive-voix.

Comte A. Tschernicheff.

---

[1]) 1831.
[2]) 1831.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

C'est très bien; il serait bon peut-être d'ordonner au maréchal Sacken de faire concentrer la 10 division au moins comme réserve. Je suppose qu'une partie des régiments de cosaques en marche peuvent ne pas être loin de la Volhynie; dans ce cas ils pourraient être fort utiles.

46.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Le 6 Avril[1]).

Je m'empresse de mettre sous les yeux de Vorte Majesté les paquets à Son adresse, que je viens de recevoir par une estafette de Grodno: indépendamment des rapports du quartier général, cette même estafette a apporté les trois rapports du général Hrapovitsky ci-joints. Cette expédition ne m'a apporté que deux papiers, le 1-er .... office du maréchal sur la non-réussite des brulôts lancés contre le Dôme de Prague, le 2-me est une lettre particulière du C-te Toll. Le contenu de cette dernière est si singulier, que je n'ose presque pas me laisser-aller aux réflexions qu'une pareille manière de s'exprimer peut faire naître!!

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

La résolution prise par le maréchal est la seule sage, car elle ne compromit rien et permait de préparer tous nos moyens pour porter un seul et dernier grand coup.

47.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 12 Mai[2]).

Je n'ai rien eu de plus pressé, Sire, que de relire le dernier office de Monseigneur le Grand-Duc Michel, sur la disloeation de son corps: je

---

[1]) 1831.
[2]) 1831.

le joins ci près. Votre Majesté y verra que Son Altesse Impériale a eu son avant-garde à *Vonсevo* un détachement avancé sous les ordres du général Polechko à Prjetitzé et la 3-me brigade d'infanterie à *Tchérvine,* comme soutient de l'avant-garde; près de ce dernier endroit se trouve à droite, en inspectant la carte le village *Sokolovo,* que nous avons cherché en vain ce matin.

Dans cet état de choses, Monseigneur a pu réunir toutes ses forces vers Sniadoff et dans aucun cas, l'ennemi qui l'attaque, ne peut lui être supérieur. L'essentiel est que Son Altesse Impériale ne permette pas aux rebelles de se jetter spontanément par Sambroff ou Vysoko-Masovitsky dans la direction de Bialostock, d'après cette considération, j'aurais mieux aimé que Son Altesse eût concentré Son corps à Sambroff, pour tomber sur l'ennemi quelque direction qu'il eut pu prendre. J'ai marqué sur la feuille ci-jointe, Sokolovo ainsi que les autres endroits précités.

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Après être monté chez moi j'ai trouvé Sokolovo sur la carte; dans la lettre de mon frère il est parti de Пржетице, où Michel d'après son rapport n'avait du avoir que les cosaques; il parait donc que le premier engagement n'aura pu être qu'avec eux. Si Ostrolenka est abandonnée il faut supposer que Sacken aura joint mon frère, s'il n'aura pas été envoyé couvrir Lanzo. Michel réuni en force à Sniadovo peut sans aucun doute non seulement résister, mais attaquer ce qui marche contre lui.

48.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 17 Mai [1]).

J'ai le bonheur de Vous soumettre, Sire, le projet du bulletin qui doit être publié demain; j'ai cru devoir y ajouter ce que dit le C-te Diebitsch sur la jolie affaire des cuirassiers. Si on savait bien conduire des pareilles troupes, il n'y aurait rien d'impossible; malheureusement par la direction qu'a prise le général en chef, il se prise volontairement d'une occasion unique

---

[1]) 1831.

de terminer la guerre. Il faut avoir l'esprit bien frappé pour ne pas l'avoir senti... La retraite de Lubinsky sur Tchizin lui a si clairement indiqué la véritable direction à prendre! Comment aussi l'avoir lâché et ne pas chercher a détruire ce corps avant sa réunion avec Skzynitsky! Ce sont de véritables bonnes fortunes à la guerre et ne pas en profiter serait tout à fait inexplicable, si nous n'avions pas vu durant toute la campagne une série de faits semblables à celui-là!!.. Le porter actuellement sur Vysoko-Mazovitsky, est le digne pendant, mais bien renforcé et encore plus coupable du mouvement de l'Armée de Ruky sur Loukow!

Comte A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Le bulletin est fort bien. Vos réflexions sont justes, mais quand dans un moment aussi décisif le chef d'état major de l'armée et le quartier Maitre général pensent à leur comodité l'on peut se figurer ce qui doit se passer.

49.

Записка графа Чернышева.

Le 17 Mai [1]).

L'Empereur me charge, Monsieur le Maréchal, de vous communiquer les nouvelles que nous venons de recevoir du C-te Diebitsch en date du 11 de ce mois. Sa Majesté a parfaitement raison d'être mécontent de la direction qu'a prise l'armée; celà lui fera perdre la plus belle occasion de détruire l'armée Polonaise, qui pourra se retirer impunément et se couvrir au besoin par le Narew. Veuillez-bien avoir la bonté de me renvoyer ces papiers ce soir, car l'Empereur me les redemandera à mon travail demain matin.

Agréez, mon cher Comte, l'expression de mes sentiments les plus dévoués.

C-te A. Tschernicheff.

---

[1]) 1831.

50.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

29-го мая [1]).

Сейчасъ прибылъ изъ Боровичъ офицеръ Невскаго полка, отправленный оттуда, за неимѣніемъ фельдъегеря, съ письмомъ отъ цесаревича на имя вашего величества и многими бумагами, привезенными въ Боровичъ курьеромъ строительнаго департамента и слѣдующими въ разныя части управленія его высочества; въ числѣ сихъ бумагъ оказались и представляемыя отношенія ко мнѣ графовъ Дибича и Толя. Курьеръ сей былъ отправленъ изъ м. Макова 23-го мая и слѣдовалъ на Бѣлостокъ и Гродно. Достойно замѣчанія, въ препровожденной ко мнѣ графомъ Толемъ копіи съ рапорта генералъ-маіора Петерсона, описаніе нападенія мятежниками на Гоніондзъ, которое онъ предписалъ охранять ген.-м. Бердяеву *изъ остатковъ его отряда;* 2-я бригада 3-й уланской дивизіи находилась подъ начальствомъ Бердяева въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Сакена; изъ сихъ бумагъ не видать, что̀ послѣдовало съ симъ послѣднимъ генераломъ!

Такъ какъ въ числѣ привезенныхъ бумагъ весьма много частныхъ писемъ, то я предписалъ дежурному генералу тотчасъ отправить ихъ къ тайному совѣтнику Булгакову.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

На эти просьбы я согласенъ.

Остатки Бердяева по моему не значитъ разбитые, но остатокъ отъ употребленія.

Вотъ записка г. Куряты, которую прошу мнѣ возвратить.

---

[1]) 1831.

51.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Чернышева—императору Николаю I

St-Pétersbourg, le 16 Séptembre 1834.

Собственною его императорскаго величества рукою написано:

Merci pour cet interessant envoi, que je garderais.

Cette note m'a fait grand plaisir; pareils sentiments font honneur aux deux côtés; puisse cette intimité durer toujours et faire la garantie de la tranquillité et du bonheur des deux nations.

Conformément aux ordres de Votre Majesté Impériale, j'ai fait tirer sous mes yeux, une copie du mémoire du Maréchal Marmont sur les événements de Juillet et m'empresse de le Lui adresser. Je vais incessamment inviter M-r de Laru de passer chez moi, pour lui remettre l'original selon le désir du Duc de Raguse.

Je prends la liberté de mettre sous Vos yeux, Sire, une note, sur le diner que les généraux de la garde ont donné aux officiers Prussiens la veille de leur départ et auquel j'ai été invité d'assister. Il me serait impossible de décrire, à quel point ces braves officiers ont été émus et reconnaissants de l'accueil cordial qui leur a été fait. Les sentiments de profonde gratitude et d'enthousiasme dont ils sont animés pour la Personne de Votre Majesté Impériale ainsi que pour l'armée Prusse et qu'ils ont cherché à m'exprimer à l'envie, sont dignes de tout éloge.

C-te A. Tschernicheff.

52.

Описаніе обѣда, даннаго гг. генералами отдѣльнаго гвардейскаго корпуса гг. офицерамъ прусскаго отряда.

15-го сентября 1834 г.

Сего мѣсяца 14-го числа, гг. генералами отдѣльнаго гвардейскаго корпуса данъ былъ обѣденный столъ, на 140 персонъ, для гг. офицеровъ прусскаго отряда, въ домѣ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Къ обѣду приглашены были: военный министръ, всѣ генералы гвардейскаго корпуса и по одному штабъ- и оберъ-офицеру съ каждаго полка и артиллерійской бригады.

Столъ былъ накрытъ съ великолѣпнымъ убранствомъ, въ столовой залѣ школы, въ видѣ буквы Н,—изъ пяти отдѣльныхъ столовъ,—средній изъ нихъ занимали офицеры прусской арміи, а съ ними военный министръ и старшіе изъ генераловъ гвардейскаго корпуса.

Столовая зала украшена была военною арматурою. Противу портрета царствующаго государя императора поставленъ былъ на возвышенномъ пьедесталѣ бюстъ его величества короля прусскаго; а противъ портрета покойнаго государя императора бюстъ Петра Великаго. Оба портрета и оба бюста осѣнялись миртами и лаврами, подножія усыпаны были цвѣтами; а по сторонамъ стояли пирамиды, убранныя оружіемъ; вся зала была освѣщена восковыми свѣчами, въ люстрахъ, жирандоляхъ и въ стволахъ оружія. Въ трехъ прилегающихъ къ залѣ комнатахъ играла попеременно музыка гвардейскихъ полковъ.

Во время обѣда провозглашаемы были тосты:

Первый,—за здравіе его величества короля прусскаго и всей королевской фамиліи.

Второй,—за здравіе государя императора и всей императорской фамиліи.

Третій,—за здравіе его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича.

Четвертый,—за здравіе прусской арміи.

Пятый,—офицерами прусской арміи за здравіе россійскаго воинства.

Шестой,—за здравіе посѣтителей, а

Седьмымъ,—прусскіе офицеры благодарили за угощеніе.

При тостахъ за здравіе его величества короля прусскаго, королевской фамиліи и прусской арміи, хоромъ пѣвчихъ пропѣто было «God save the King»; при тостахъ за здравіе государя императора, императорской фамиліи и россійскаго воинства гимнъ «Боже, царя храни», а при тостѣ за здравіе его высочества великаго князя Михаила Павловича музыка играла Браиловскій маршъ.

По окончаніи стола, всѣ участвовавшіе въ ономъ перешли въ особыя, нарочно убранныя комнаты (классы); въ первой изъ нихъ находился бюстъ Петра Великаго, а въ гостиной—портретъ короля прусскаго и по сторонамъ онаго бюсты: государя императора и государыни императрицы. Гости встрѣчены были въ сей комнатѣ хоромъ пѣвчихъ, которые пѣли «God save the King»; а потомъ народный гимнъ, что повторено было и тогда, когда начали разъѣзжаться.

Праздникъ сей въ полной мѣрѣ достигъ своей цѣли, радушіемъ

и удовольствіемъ, начертаннымъ на лицѣ каждаго изъ присутствовавшихъ.

Устройство сего празднества поручено было генералъ-лейтенанту Берхману и генералъ-адъютанту графу Апраксину, полковникамъ: дежурному штабъ-офицеру гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса Васильчикову и л.-гв. Гренадерскаго полка Плаутину, капитану л.-гв. Семеновскаго полка Бабкину и штабсъ-капитану гвардейской артиллеріи Самборскому.

53.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Чернышева—императору Николаю I.

16-го сентября 1834 г.

По повелѣнію вашего императорскаго величества, статскій совѣтникъ Позенъ сообщилъ мнѣ для предварительнаго свѣдѣнія предположенія вашего величества:

1) О смѣнѣ командира 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи ген.-маіора Кромина другимъ генераломъ или старшимъ полковникомъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

2) О томъ, что по прибытіи генерала-отъ-инфантеріи Вельяминова въ С.-Петербургъ, вамъ угодно назначить его, согласно прежнему предположенію, членомъ военнаго совѣта, а генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и командиромъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса генералъ-лейтенанта Сулиму; на мѣсто же сего послѣдняго генералъ-маіора Броневскаго; наконецъ, въ начальники штаба въ сибирскій корпусъ избрать другого генерала или полковника.

По симъ предметамъ, осмѣливаюсь представить слѣдующія мысли:

На 1-ое: по неимѣнію въ виду свободныхъ генераловъ, я просматривалъ полковничій списокъ и не нашелъ пѣхотныхъ полковниковъ, которые бы по старшинству своему были близки къ производству, а потому не благоугодно ли будетъ назначить командиромъ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, состоящаго при начальникѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Дебанъ-Скоротецкаго; онъ въ арміи будетъ болѣе полезенъ, нежели въ гвардейскихъ войскахъ.

На 2-ое: генералъ-лейтенанту Сулимѣ нуженъ надежный начальникъ штаба, что впрочемъ и по обширности и важности края совершенно необходимо. Нынѣшній оберъ-квартирмейстеръ сибирскаго корпуса генералъ-маіоръ Дьяконовъ весьма полезенъ по части генеральнаго штаба;

ему обязаны мы за прекрасныя съемки, въ Сибири произведенныя, и за образованіе отличныхъ топографовъ; но онъ не имѣетъ необходимыхъ качествъ для занятія должности начальника штаба; нужно избрать для сего другого генерала и тогда можно будетъ опредѣлить оберъ-квартирмейстеромъ сего корпуса полковника Бутовскаго, отличнаго штабъ-офицера, а генералъ-маіора Дьяконова оставить тамъ въ качествѣ начальника съемки, чѣмъ оберъ-квартирмейстеръ не будетъ, какъ нынѣ, отвлекаться отъ настоящихъ своихъ обязанностей. По тщательномъ же разборѣ генераловъ, могущихъ съ пользою занять мѣсто начальника штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса, мнѣ представились только: генералъ-маіоръ Мирковичъ (бывшій вице-президентъ въ княжествахъ), ген.-маіоръ Статковскій и генералъ-маіоръ Роговской (находящійся при отд. корпусѣ внут. стражи). Все сіе повергаю на высочайшее ваше усмотрѣніе.

Настоящаго фельдъегеря отправляю изъ Царскаго Села, куда я прибылъ сего утра, дабы имѣть счастіе видѣть ихъ императорскихъ высочествъ, которыя слава Богу совершенно здоровы и сами пишутъ къ вашему величеству.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Прошу меня простить, что отвѣчать буду карандашомъ. На мѣсто г.-м. Кромина сегодня въ приказѣ уже назначенъ г.-м. Скородецкій. Г.-л. Берхманъ будетъ хорошій начальникъ 1-й гренадерской дивизіи; надо только, чтобъ Набоковъ *умѣлъ* съ нимъ обходиться, о чемъ при случаѣ хорошо бы ему намекнуть.

Г. Вельяминову объявите мое желаніе, чтобъ далѣе продолжалъ службу въ воен. совѣтѣ, и буде онъ не возразитъ, велите внесть въ проектъ приказа всѣ тѣ перемѣны, которыя затѣмъ послѣдовать должны. Начальникомъ штаба изъ трехъ кандидатовъ считаю надежнѣйшимъ будетъ г.-м. Статковскій; призовите его, и ежели онъ согласится, то и его назначить можно, буде же нѣтъ, то г.-м. Роговскаго. Мирковичъ человѣкъ раненый и семейный. Онъ за дѣтьми долженъ ухаживать и врядъ ли будетъ тамъ по этому хорошъ.

Благодарю за посѣщеніе моихъ дѣтей. Здѣсь покуда я весьма доволенъ; корпусъ примѣтно созрѣваетъ и подаетъ мнѣ нынѣ полное *убѣжденіе* въ несомнѣнной пользѣ и преимуществѣ, которое доставитъ

намъ при первой войнѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ имъ умѣли водить, не тратить и беречь до времени, гдѣ имъ жертвовать должно для рѣшенія участи войны. Подробно описывать всего не стану, но прибавлю только, что въ пѣшемъ строѣ сдѣланы отличные успѣхи, что всѣ горятъ усердіемъ, что люди и всѣ начальники убѣждены, что они отличное оружіе, которое не должно знать и *уже* не знаетъ препятствій, словомъ, *мои драгуны*. Конно-артиллеристы превосходны. Резервные очень хороши. Гербель и Граббе прекрасны, бригадные на половину хороши, другіе посредственны и можетъ быть потребуютъ перемѣны. Начальникъ штаба *очень* посредственъ и только что не храпитъ, а Потаповъ тотъ, котораго здѣсь надо въ мирное время. Прочее скажу въ другой разъ.

Въ Калугѣ видѣлъ по паркамъ необычайный вздоръ, тамъ не начальникъ, а *дуракъ*, г. К..... Все сказалъ К. Долгорукому, который туда прямо ѣдетъ и приведетъ въ порядокъ.

Философовъ здѣсь и съ нимъ слава Богу въ часъ времени *все* привели въ порядокъ; чуть было и тамъ не надѣлали глупостей, *непостижимыхъ честнымъ людямъ.*

Графинѣ цѣлую ручки, а васъ отъ всего сердца обнимаю.

54.

Всеподданнѣйшее письмо графа Чернышева — императору Николаю I.

26-го сентября 1834 г.

Милостивыя строки вашего императорскаго величества отъ 23-го сентября, вчера поздно вечеромъ полученныя, чрезмѣрно меня осчастливили! Послѣ курьера отъ 15-го сентября, до вчерашняго вечера, мы не имѣли извѣстій о путешествіи вашемъ, ибо эстафета отъ 20-го числа прибыла только сего утра. Высочайшія повелѣнія вашего величества я поспѣшилъ исполнить:

Собственною его императорскаго величества рукою написано:

Приказъ утвержденъ.

1) Генералъ-отъ-инфантеріи Вельяминовъ, вчера вечеромъ только прибывшій въ С.-Петербургъ, былъ приглашенъ сего утра ко мнѣ и съ всеподданнѣйшею покорностію и безъ всякаго возраженія принимаетъ званіе члена Военнаго Совѣта; только проситъ объ отпускѣ по домашнимъ дѣламъ на 4 мѣсяца, послѣ новаго года и о сохраненіи получаемаго содержанія, что, впрочемъ, довольно справедливо. Сообразно съ симъ съ нынѣшнимъ

фельдъегеремъ представляются проекты приказа и указовъ, какъ о его назначеніи, такъ и ген.-маіора Сулимы и ген.-маіора Броневскаго.

2) Я нынѣ же по утру видѣлся съ ген.-маіоромъ Статковскимъ, который, выслушавъ меня, отвѣчалъ мнѣ, что вчерашній день его высочество призывалъ его и предлагалъ ему мѣсто директора Московскаго кадетскаго корпуса; но поелику оба сіи мѣста для него равно новы, то онъ совершенно готовъ принять то или другое, сообразно священной воли вашей, ибо его единственное желаніе есть заслужить милостивое для него вниманіе вашего императорскаго величества. Я тотъ же часъ отправился къ его высочеству, дабы лично объясниться о семъ предметѣ, но не засталъ дома, ибо его высочество изволилъ уѣхать въ Павловскъ, и такъ какъ фельдъегерь отправится до возвращенія его, то я сіе обстоятельство счелъ нужнымъ ныньче же довести до свѣдѣнія вашего, осмѣливаясь присовокупить, что служеніе генерала Статковскаго, какъ надежнѣйшаго изъ всѣхъ кандидатовъ, по мнѣнію моему, будетъ важнѣе и полезнѣе на будущее время въ Сибири, гдѣ онъ можетъ приготовиться къ занятію высшихъ государственныхъ должностей; вслѣдствіе сего, до полученія разрѣшенія вашего величества, въ проектѣ приказа о замѣщеніи вакансіи начальника штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса, вовсе не упомянуто.

Буду ожидать вашего увѣдомленія.

3) Съ нынѣшнимъ фельдъегеремъ я представляю два донесенія ген.-адъютанта барона Розена, первое полученное по экстра-почтѣ, а второе съ нарочнымъ фельдъегеремъ; они оба относятся до дѣйствій генералъ-лейтенанта Вельяминова; кажется, что баронъ Розенъ не совсѣмъ имъ доволенъ, и сколько отсюда судить можно, отчасти справедливо. Съ моей стороны, я подтвердилъ генералу Вельяминову, что ваше величество изволите обращать особенное вниманіе на сіи дѣйствія и чтобы онъ согласно данному прежде сего предписанію обо всемъ доносилъ въ одно время, какъ барону Розену, такъ и мнѣ для доклада вашему величеству, чего онъ до сихъ поръ не исполнилъ.

Замѣчаніе барона Розена совершенно справедливо; хоть чтобъ время не ушло и чтобъ предсказанія К. Паскевича на счетъ Вельяминова не сбылись, отсюда велѣлъ ему строго подтвердить не умничать и дѣлать что велѣно.

Проказы англичанъ не худо сообщить г. Нессельроде.

4) Вслѣдствіе повелѣнія вашего императорскаго величества отъ сего числа, фельдъегеря будутъ отправляемы въ мѣстопребываніе ваше черезъ день, о чемъ я увѣдомилъ уже кого слѣдуетъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я что ваше императорское величество были довольны 3-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и что онъ соотвѣтствуетъ важному своему назначенію; я удостовѣренъ, что при первомъ случаѣ, слѣдуя вашимъ указаніямъ, сей корпусъ принесетъ наивеличайшую пользу, если будутъ умѣть употребить его съ разборчивостію и въ свое время.

Нѣтъ сомнѣнія, ежели поймутъ, какъ его употребить.

Жена моя повергаетъ себя къ стопамъ вашимъ и чувствительно благодаритъ за милостивое къ ней воспоминаніе.

Цѣлую ручки графинѣ, а васъ душевно обнимаю.

Москва, 29-го сентября 1834 г.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

О смотрѣ въ Орлѣ въ подробности писать не буду, ибо въ одномъ словѣ все могу заключить; я доволенъ свыше своихъ ожиданій и даже желаній; этотъ корпусъ на ряду съ гренадерами 1-й послѣ гвардіи. Пріѣхалъ вчера, и усталъ, а отдыхалъ за бумагой до ночи.

55.

Всеподданнѣйшій рапортъ графа Чернышева—императору Николаю I.

Tsarskoé-Sélo le 30 Septembre 1834.

Le rapport que j'ai l'honneur d'adresser ci-joint à Votre Majesté Impériale, m'a été très pénible à écrire. D'après le sens des explications que j'ai eues avec le général Souhozanett, avant et après l'examen des officiers de l'Académie militaire, j'avais toujours espéré, que le désaccord, qui s'était mis entre les deux autorités de cet intéressant établissement, serait aplani et que durant l'absence du Directeur, la marche des études et l'ordre établi, pourraient y être conservés sur le pied existant.

J'avais bien entendu dire, que le général Souhozanett, depuis quelque temps, traitait le Vice-Directeur assez durement, aussi lorsqu'il était venu me dire que le général Séddeler, n'agissait pas toujours dans son sens et n'avait pas toutes les qualités réquises pour ce poste, ajoutant en même temps, que ne voyant personne qui puisse le remqlacer et d'après l'expérience qu'il avait déjà de la marche des affaires à l'Académie, il trouvait cependant utile de le conserver jusqu'à son retour; je me suis permis de lui observer, que puisqu'il se décidait à le garder, il était indispensable pour le bien du service, de le traiter, en présence de ses subordonnés surtout, avec quelque ménagement et d'éviter ce qui pourrait l'humilier.

Les choses en étaient là, Sire, lorsque dans la journée d'hier le général Souhozanett est venu me présenter son rapport sur la démarche que s'est permis le général Séddeler vis-à-vis de lui, que pour mon compte, je trouve dérogatoire à toute loi de discipline, qu'aucun antécédent ne peut excuser et qui d'après mon avis, exige son éloignement immédiat de l'Académie.

En soumettant cette affaire à la décision de Votre Majesté Impériale, qu'il est urgent d'obtenir sans retard, vu le prompt départ du général Souhozanett, je me permettrai d'ajouter, que quelqu'inéxplicable que me paraisse la conduite du général Séddeler, qui est un vieux serviteur, qui a une femme et six enfants et aucun autre moyen d'éxistence que le service, je n'ais pas cru, à la suite de cet incident, devoir l'appeler chez moi, pour ne pas donner lieu de supposer un seul instant, que je puisse m'établir juge entre lui et son chef direct. Quant au colonel Sivers, que le général Souhozanett avait eu en vue pour les fonctions de Vice-Directeur, il ne m'a pas été possible d'approuver ce choix, d'abord, par la raison que cet officier supérieur n'a pas assez de connaissances pour suivre et bien surveiller le cours des études des officiers et qu'ensuite j'ai quelque lieu de soupçonner, qu'il n'a pas été tout à fait étranger à la mésintelligence qui est survenue entre ses deux chefs; ce dont le général Souhozanett ne voudra jamais convenir.

J'ai eu le bonheur de voir aujourd'hui Leurs Altesses Impériales et d'assister à un grand diner dont Monseigneur le Grand-Duc Héritier a fait parfaitement bien les honneurs. C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Il m'était certainement bien pénible d'apprendre, ce qui vient d'arriver; mais je ne saurais non plus ne pas vous rappeler que j'ai toujours été

convaincu, que le général Séddeler ne vaudrait rien pour ce poste, que c'était un vilain drôle, et éminement faux; mais je ne l'ai jamais cru *bête* et c'est ce qu'il vient de prouver par l'inexplicable sottise qu'il a faite et pour laquelle sans délai *je le renvois du service.*

Vous avez parfaitement bien fait de refuser Sivers; je doute beaucoup que lui aussi se soutienne; car je crois que c'est un sournois; je crois le choix de Rennenkampf pour le moment le meilleur à faire; mais il nous faut en concilier avec Michel. Merci pour les nouvelles de mon fils. Mes hommages à la comtesse. Je vous embrasse de tout mon cœur.

N.

Moscou, le 2 Oct. 1834.

56.

Письмо барона Зедделера—графу Чернышеву.

Le 2 Octobre 1834.

Monseigneur.

Ne pouvant plus remplir avec honneur le poste, auquel Sa Majesté l'Empereur a daigné me nommer, puis qu'il plaît depuis quelque temps à Son Excellence Monsieur le Directeur de l'Académie de me dégrader journellement par le plus indigne traitement aux yeux de mes subordonnés, j'ose m'adresser à Votre Excellence, pour me destiner à quelque autre place. Depuis longtemps j'étais exposé, malgré mon entier dévouement et mes peines pour faire prospérer l'Académie à des insultes de la part du général Souhozanett, qui auraient poussé à bout tout homme d'honneur. Les mots: „глупость, вздоръ, сумасшествіе, незнаніе службы“ étaient les expressions les plus douces. Aujourd'hui, enfin cette inconcevable et injuste animosité contre moi à éclaté avec tant de fureur en présence de toute l'académie, que pour le bien du service je viens d'annoncer par un rapport à Monsieur le Directeur, ce qui est un fait, depuis deux semaines, que l'état dangereux de ma blessure réouverte, m'empêche de continuer les fonctions de Vice-Directeur de l'Académie.

J'ai toujours servi avec zèle, franchise et dévouement Sa Majesté.

Je suis sûr, que personne ne saurait me priver de cette heureuse conviction. J'ai aussi toujours obéi strictement aux ordres de mes chefs, car mon cœur, ma conviction, ma religion même me disaient, que l'obéissance est l'âme des armées et des états. Mais l'homme, mais le guerrier possède un sentiment, qui quelquefois lui permet de protester contre un traitement,

comme celui que j'endure; ce sentiment, c'est l'honneur. C'est lui qui me force d'appeler à Votre Excellence et à mon Souverain si adoré pour sa magnanimité et sa justice.

Je demande comme seule grâce de Votre Excellence de vouloir bien prendre en considération, que je suis criblé de blessures, mari et père de six enfants en bas âge, sans avoir d'autres moyens d'existance que mes appointements. Mon formulaire prouvera du reste mon service.

C'est avec un respect et un dévouement sans bornes que j'ai l'honneur d'être

Monseigneur
de Votre Excelence
le très humble et obéissant
serviteur
le Baron de Séddeler,
Général-Major.

57.

Письмо графа Чернышева.

St-Pétersbourg, le 4 Octobre 1834.

Vous avez dû certainement avoir connaissance, mon bien cher ami, de mon rapport à l'Empereur sur la malheureuse affaire du général Séddeler. Je suis le premier à trouver qu'il est tout à fait coupable dans la démarche qu'il s'est permis envers son chef, que c'est un acte de véritable démence et qu'il ne peut plus rester à l'Académie militaire. D'un autre côté, sachant combien le général Souhozanett est terrible lorsqu'il prend en grippe un de ses subordonnés et n'ayant pu arrêter un papier officiel, je me suis permis d'ajouter une note française à mon rapport dans laquelle j'ai cherché à attirer la clémence de l'Empereur sur Séddeler, qui est criblé de blessures, qui a une femme et six enfants et aucun autre moyen d'éxistence que le service. Avant hier soir, après le départ du courrier, Séddeler, ignorant l'usage officiel que le général Souhozanett a fait de son funeste et inconvenable papier, m'a adressé une lettre, par laquelle on voit que poussé décidément à bout, il demande lui même à quitter l'Académie. D'après ce qui s'est passé, je me suis abstenu d'y faire aucune réponse, mais je vous l'envoie sous ce pli dans l'espoir que vous pourrez peut-être la soumettre à Sa Majesté et mitiger par là le sort de ce pauvre diable, qui a visiblement perdu la tête dans cette malheureuse circonstance.

Je vous envoie aussi une lettre d'un ancien ami à moi dans l'armée Autrichienne le général Bianchi, qui a été nommé Duc de Casaluzk pour sa fameuse campagne de Naples; le Comte Nesselrode à qui j'ai communiqué l'objet du désir de Bianchi trouve que ce serait très convenable de lui accorder cette faveur; veuillez bien, cher ami, la soumettre à l'Empereur et me faire connaître la décision suprême sur cet objet.

Indépendamment de tous les déboires que me donnent les budjets; le Département des vivres a présenté son calcul sur les prix auquels il a dû acheter les vivres pour l'armée courante et qui comparativement aux prix du budjet qui avaient été les mêmes comme vous vous en souvenez que pour l'armée 1833 offrent un excédent de dépense très considérable provenu uniquement par la hausse des céreales; malgré que nous ayons prévu cette circonstance dans notre exposé dans le budjet lui même et que depuis j'ai soumis cet objet à Sa Majesté et l'ai communiqué au ministre des finances, il est fort triste de devoir débourser encore près de quatre millions sur son budjet; que faire, ce sont de ces faits, qui sont indépendants de nous et qu'il n'a pas été en notre pouvoir de détourner.

Adieu, cher ami, je n'ai aucune nouvelle à vous annoncer d'ici, je vous embrasse de tout mon cœur et suis tout à vous

C-te A. Tschernicheff.

P. S. Dans le cas que l'Empereur soit parti de Moscou; vous voudrez bien diriger le courrier sur la route qu'a suivie l'Empereur et envoyer les papiers de service à...

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Je ne puis changer mon opinion sur ce qui est arrivé; le même moyen dont le général Séddeler se sert tardivement dans ce moment, s'offrait à lui tout naturellement, au lieu de ce qu'il a fait contre tout ordre et toute discipline. Mais le naturel l'a emporté c. à d. l'indiscipline. Je n'excuse nullement le général Souhosanett et c'est votre devoir de tirer l'affaire au clair, maintenant que l'ordre de la subordination est à l'abris, c'est un devoir de punir aussi le Chef qui s'oublie, d'une manière ainsi intolérable, et c'est votre devoir à vous de l'y rappeler, ce donc je vous charge personellement et très empressément.

58.

Всеподданнѣйшее доносеніе графа Чернышева—императору Николаю I.

St-Pétersbourg, le 8 Octobre 1834.

La dernière extra-poste de Kieff, m'a apporté une lettre du C-te Lévachoff à l'adresse de Votre Majesté Impériale, que je m'empresse de Lui soumettre; son contenu ne m'est pas inconnu, ainsi que Votre Majesté le verra par la lettre que le C-te Lévachoff et que je me fais un devoir de joindre ci-près.

Si la dissolution du quartier-général de la 1-ère armée et de ses dépendances, entre dans les hautes conceptions de Votre Majesté, cette opération éxigera différentes mesures préliminaires, principalement sous le rapport des subsistances des troupes, de la répartition des affaires et de la comptabilité de l'Armée, de la désignation de nouveaux rayons pour la fourniture des vivres etc. Pour faire ce travail, il serait indispensable de connaître préalablement la volonté de Votre Majesté Impériale sur la composition future de l'armée active.

Sous ce rapport j'oserai Vous soumettre, Sire, quelques idées, basées sur la dislocation des troupes et sur la possibilité physique pour le général en Chef de les inspecter souvent et de les bien commander:

L'armée pourrait-être composée des 1, 2, 3 et 5-ème Corps d'armée; elle serait alors compacte, aurait un rayon particulier de subsistance et présenterait encore l'avantage, que le 5-me corps étant destiné à occuper le Royaume de Pologne en cas de grande guerre, c'est encore le général en Chef, qui en dirigerait le mouvement en la combinant avec celui des corps destinés à composer l'armée active. Cet arrangement conviendrait assez au prince de Varsovie, avec qui nous en avons causé éventuellement lors de son dernier séjour à St-Pétersbourg.

Le 6-me corps doit par son essence être un corps détaché, les commissions de vivres de Herson et de Krementschoug peuvent être chargées de sa subsistance.

Le 4-ème corps est tellement éloigné du cercle de l'Armée, qu'il parait indispensable pour la prompte expédition des affaires, qu'il relève directement du ministère de la guerre, la commission des vivres de Moscou pourrait lui fournir les moyens de subsistance; il en est de même du 3-ème corps de cavalerie de réserve, destiné à se rendre au printemps prochain

dans les gouvernements de Voronège et de Saratoff ou nous avons aussi des commissions de vivres.

Si Votre Majesté Impériale daigne me faire connaître Ses ordres sur tous ces objets, ils me serviront de base pour le travail préparatoire que je tâcherai de terminer pour Son retour.

Ma femme se met à Vos pieds, Sire, et est bien sensible à ce que Votre Majesté daigne toujours se rappeler d'elle. Malheureusement sa santè continue à être très chancellante et à me donner de l'inquiétude.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Nous en causerons à mon retour, car la chose ne presse pas et demande à être discutée.

59.

Письмо графа Левашева—императору Николаю I.

Kieff, le 29 Septembre 1834.

Sire.

Bientôt après mon arrivée à Kieff, le maréchal prince Sacken m'a demandé confidentiellement, s'il était vrai que Votre Majesté aviez l'intention de supprimer la première armée et que Vous aviez l'extrême bonté d'en arrêter l'exécution dans la crainte de le peiner. Il a ajouté, que si telle était Votre volonté, loin d'y mettre obstacle, il serait le premier à y souscrire: qu'il lui eût été pénible de voir son poste occupé par un autre, ayant fait vœu de Vous servir jusqu'à son dernier moment; mais ce poste ne devant plus exister, il serait faché de reculer un arrangement que Vous trouvez favorable. Il a fini par me prier d'en faire part à Votre Majesté et je n'ai pas cru pouvoir Vous le faire ignorer.

Agréez, Sire, l'expression des sentiments les plus dévoués avec lesquels je ne cesserai d'être

de Votre Majesté Impériale
le fidèle sujet
Comte Lévachoff.

60.

Письмо барона Зедделера—графу Чернышеву.

St-Pétersbourg, le 17 Octobre 1834.

Monsieur le Comte.

Un étranger qui a servi vingt ans fidèlement la Russie et a versé son sang pour elle; un général, décoré de plusieurs marques de l'Auguste contentement de ses Souverains; un pauvre père de six enfants en bas âge vient d'être terrassé par l'ordre du jour du 3 de ce mois.

Il a bien certainement mèrité ce sort par une faute grave contre l'ordre du service; il ne veut point se disculper; mais il ose alléguer, qu'il a été poussé à bout par un traitement si cruel, si injuste, que les loix de la subordination et l'aspect de sa nombreuse famille étaient seuls en état de le retenir dans les bornes d'un calme respectueux; calme qu'il n'a jamais dementi; il ose alléguer également, que le rapport, qui précipita sa perte fut conseillé et redigé par le capitaine Bolotoff, directeur de la chancellerie de l'Académie, que ce fut le même officier, qui lui apporta la nuit du 26 Septembre l'outrageante réprimande du général Souhosanett, écrite en bas du rapport et lui insinua l'ordre de renvoyer ce papier immédiatement à Son Excellence, en ajoutant; s'il était nécessaire, quelques remarques ou excuses. Ce qui étant fait, le rapport repassa la même nuit à Monsieur le Directeur sous une enveloppe, signée du mot en secret. Un peu de gomme aurait donc suffi au général Souhozanett, pour effacer la preuve de la faute de son subalterne; il aurait pu le punir ensuite sévèrement, il aurait pu l'éloigner de l'Académie; mais fallait-il le rendre malheureux?

Veuillez, Monsieur le Comte, Vous faire informer de la vérité de tout ce, que je viens de soumettre à Votre Excellence; veuillez Vous instruire, à combien d'humiliations je fus exposé, combien de réprimandes me furent faites, avec l'ordre de les communiquer à mes subordonnés; veuillez Vous persuader que les seules raisons d'une si injuste persécution, étaient mon obéissance au code de l'Académie, signée par la main de Sa Majesté et si souvent enfreinte par Monsieur le Directeur, et puis ma maxime, d'user envers les officiers, élèves de l'Académie, de sévérité et d'honneur, tandis que Son Excellence ne voulait admettre que la première. Oserai-je ajouter encore daignés prendre en considération mes peines et travaux maintenant oubliés pour faire prospérer l'Académie, et son état florissant.

Oh que je serais heureux, si par la gracieuse et puissante protection

de Votre Excellence, mon Magnanime Souverain me permettrait de rentrer au service pour Lui prouver par ma conduite et mon zèle, que je suis pénétré de ma faute, que définitivement elle sera la dernière, et que dorénavant Sa Majesté sera contente de moi. Malgré mes blessures, je me sens assez de forces pour servir; je crois posséder assez d'expérience et de connaissances militaires, pour être employé utilement.

Mais si ce désir est trop audacieux, si à l'âge de 43 ans je dois déjà quitter les rangs des braves, avec lesquels j'ai si souvent combattu, que Votre Excellence daigne intercéder pour moi, afin que je puisse obtenir les moyens d'exister avec ma femme et mes six enfants. Je dois déménager par un temps automnal; avec une blessure réouverte, je perds sept mille roubles d'appointements, je n'ai aucune fortune, il me restera bien peu pour vivre! Une faute, une seule faute, doit-elle donc être punie si sévèrement: doit-elle entraîner dans l'abîme toute une famille innocente?

C'est avec une entière confiance, que je place mon sort entre les mains de Votre Excellence. Veuillez devenir mon bienfaiteur! Ma reconnaissance sera sans bornes, comme le respect et le dévoument, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

Monseigneur
de Votre Excellence
le très humble et obéissant serviteur
Baron de Séddeler.

61.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Чернышева—императору Николаю I.

15-го іюня 1836 г.

Руководствуясь лично даннымъ мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ повелѣніемъ, на счетъ отправленія фельдъегерей во время отсутствія вашего величества, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Собственною его императорскаго величества рукою написано:

Точно такъ.

1) Къ вашему величеству будутъ посылаемы фельдъегеря изъ С.-Петербурга по средамъ и воскресеньямъ, вечеромъ.

2) Тѣ фельдъегеря, кои, по разсчету времени, могутъ прибыть до 2-го іюля въ Фюр-

штенштейнъ, будутъ отправляемы туда чрезъ Варшаву; а послѣ того чрезъ Варшаву и Дрезденъ въ Теплицъ.

Точно такъ.

3) Къ государынѣ императрицѣ особые фельдъегеря посылаемы не будутъ, но все слѣдующее къ доставленію въ мѣстопребываніе ея величества будетъ передаваемо фельдъегерямъ, отправляемымъ къ вашему величеству, такъ какъ вамъ благоугодно было мнѣ объявить, что они будутъ направляемы къ государынѣ императрицѣ прямо уже отъ вашего императорскаго величества.

Совершенно такъ.

Я осмѣливаюсь о таковыхъ распоряженіяхъ моихъ довести до высочайшаго вашего свѣдѣнія; для большей увѣренности, что они согласны съ вашею волею, я вмѣстѣ съ тѣмъ испрашиваю благовременнаго повелѣнія, до какого срока посылать фельдъегерей въ Теплицъ и съ какого и по какое время отправлять ихъ потомъ въ Мюнхенъ.

По разсчету можно будетъ ихъ посылать въ Теплицъ отъ 5-го (17-го) іюля до 21-го іюля (2-го августа).

Изъ бумагъ нынѣшняго отправленія, одна только заслуживаетъ вниманія,—это донесеніе полковника Бодиско о безпокойствахъ, происшедшихъ въ Стокгольмѣ 8-го сего іюня, по случаю арестованія ассесора Крузенстольпе; въ это же самое утро, государь наслѣдникъ изволилъ прогуливаться пѣшкомъ по городу въ партикулярномъ платьѣ, что произвело сильное впечатлѣніе надъ жителями Стокгольма.

Я получилъ прямо курьера съ симъ изъ Стокгольма; весь шумъ былъ ничтожный и достаточно было разъѣзда, чтобы все разогнать, но король пожелалъ похрабриться и показать сыну моему, что онъ на все готовъ и поручилъ ему мнѣ сказать, que si mon fils n'avait pas été piétant, il eut fait mitrailler la populace. Вопросъ стоило ли заводить подобный шумъ? Сынъ дѣйствительно гулялъ съ кн. Ливеномъ во фракѣ, что очень понравилось публикѣ и *мнѣ*, но не знаю, королю пріятно ли было, ибо немного служило de démenti всѣмъ этимъ пустымъ мѣрамъ.

Новогеоргіевскъ сдѣланъ прелестнымъ гигантомъ, нельзя не любоваться. Цитадель содержана comme un bijou; войсками я *довольно доволенъ*.

Посмотримъ, что будетъ далѣе. Артилерія славная; 3 полка кавалеріи очень хороши, въ особенности Наслѣдника гусар.

Согласно повелѣнію вашего величества, я призывалъ американца Суммера; онъ былъ въ восторгѣ отъ того, что я ему передалъ; человѣкъ этотъ кажется очень благонамѣрен-

и Ольвіопольскій улан., хуже другихъ Вознесенск.; въ пѣхотѣ Екатеринбург. полкъ очень слабъ; егерскіе полки всѣ и Азовскій очень хороши, прочіе слабы, и въ слѣдующемъ порядкѣ: 12, 11, 10 дивизіи.

Что далѣе будетъ, напишу.

Въ Динабургѣ я былъ посредственно доволенъ, идетъ скоро, но кирпичная кладка весьма небрежна и требуетъ непремѣннаго улучшенія и надзора генералъ-инспектора.

нымъ; онъ желаетъ, осмотрѣвъ все въ Петербургѣ, отправиться въ Москву и Одессу, дабы писать противу всѣхъ нелѣпостей, которыя читаютъ у нихъ насчетъ Россіи; онъ просилъ меня дать ему рекомендательныя письма въ Москву и Одессу, что я и исполню.

Вчера я видѣлся съ графомъ И. В. Васильчиковымъ; онъ сего числа отправился въ свои помѣстья.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Сегодня дѣлалъ я ученье всей кавалеріи и нашелъ ее въ отличномъ порядкѣ; лучшій полкъ въ ученьи Наслѣдничій, но и прочіе учились очень хорошо и все дѣлалось умно, быстро, въ порядкѣ и ловко. Конная артиллерія прекрасна; сбор. Донской очень хорошъ, Горскій и линейный хороши; казачья батарея очень хороша, а Мусульмане славны. Потомъ дѣлалъ я 12-ти-рядное ученье 10-й дивизіи съ артиллеріей и все шло очень хорошо, хотя въ деталяхъ нужно болѣе сноровки, что однако непремѣнно придетъ скоро; я надѣюсь, что скоро корпусъ будетъ очень хорошъ.

Обдумавъ все я рѣшилъ оставить еще 4-й корпусъ здѣсь на годъ для довершенія его образованія; ...... рекрутскій наборъ по этому уже какъ прежде предполагалось; но такъ какъ для флота нужно удѣлить 10 т., то нужно рекрутскій наборъ на сей разъ усилить, взявъ съ 1.000 по 6; приготовьте о томъ указъ и пришлите ко мнѣ съ первымъ фельдъегеремъ. Объяснять причины въ указѣ не нужно, сказавъ только, что, признавъ нужнымъ для укомплектованія арміи и флота сдѣлать рекрутскій наборъ, повелѣваю и проч.

Графинѣ цѣлую ручки, а васъ отъ души обнимаю.

Н.

62.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

4-го августа 1836 г.

Имѣю счастіе донести вашему императорскому величеству, что сего числа, вечеромъ, вступила въ Петергофъ команда 2-й Уланской дивизіи на укомплектованіе гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, въ числѣ 75 рядовыхъ; начальникъ штаба гвардейскаго корпуса также пріѣхалъ сюда по случаю прибытія сихъ людей.

Осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго повелѣнія вашего: когда и гдѣ угодно будетъ вашему величеству видѣть сію команду завтрашняю числа.

Генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Завтра къ 9 часамъ въ большой аллеѣ у Монплезира; съ вами будемъ работать на пароходѣ; мнѣ нужно быть въ Кронштадтѣ.

63.

Сформированіе 7-го, 8-го, 9-го и 10-го корпусовъ армій государствъ германскаго союза.

Copie.

Précis raisonné

des résultats obtenus par les conférences militaires entre les Plénipotentiaires de la Prusse, de l'Autriche et des Etats de la Confédération Germanique formant le 7-e, 8-e, 9-e et 10-e corps de l'armée fédérale.

Le but, la marche et les premiers résultats des Conférences préparatoires qui ont été ouvertes à Berlin par les plénipotentiaires de la Prusse, de l'Autriche et des Etats de la Confédération Germanique formant le 7-e et le 8-e Corps, se trouvent consignés dans un aperçu sommaire annexé au resumé de l'entretien confidentiel qui a eu lieu le 19 Août passé entre

M-r le général de Neidhardt d'un coté et le généraux de Knesebeck et C-te Clam Martinitz de l'autre.

A cette même époque les conférences venaient d'être completées par les plénipotentiaires des Etats de la Confédération formant le 9-e et le 10-e Corps, leurs travaux ont été continués depuis et on vient de les clore en signant un protocole qui contient les conclusions définitives arretées d'un commun accord.

Ces conclusions se trouvent divisées en IV chapitres, ainsi qu'il suit.

Chapitre I-er.

Forces numeriques et états de situation.

1) Les forces numériques, tant celles déterminées par les stipulations du pacte fédéral que celles que la Prusse et l'Autriche ont déclaré vouloir fournir outre les contingens respectifs se trouvent mises en évidence par le tableau suivant:

A.

Armées actives.	Bataillons.	Escadrons.	Hommes.	Canons.	Notes.
Autriche.	98	163	171.515	480	Dans ce calcul on n'a compris que les *combattans*.
Prusse 5 Corps	122	140	164.580	480	
Pour une époque postérieure 2 Corps	49	56	65.922	192	Ces 2 Corps doivent au commencement de la guerre être défalqués pour la garde des forteresses rhénanes.
7 Corps fédéral	30	37	35.790	72	Dans ce calcul on n'a compris que les combattans; conformément à la teneur de l'organisation militaire de la Confédération.
8 " "	29	26	30.150	64	
9 " "	$23^1/_2$	16	21.692	44	
10 " "	27	26	28.067	57	
Total . . .	379	464	517.716	1.389	

B.

Pour les forteresses.	Bataillons.	Escadrons.	Hommes.	Notes.
Autriche	5	1	7.000	Ces troupes se trouvent reparties ainsi qu'il suit, dans les forteresses de la Confédération.
Prusse	16	4	16.600	
Bavière	4	—	4.000	Mayence . . . . 20.932 hommes.
Luxembourg	—	—	2.556	Luxembourg . 7.006 „
Division de réserve formée par les petits contingens	—	—	11·366	Landau . . . . 6.291 „
Total . . .	—	—	41 522	
Grand total . . .	—	—	559.238	

2) Les états de situation officiels et authentiques concernant les troupes susmentionnées ont été produits et examinés dans le plus grand détail.

Il en résulte:

a) Que l'Autriche, abstraction faite de ses armées en Italie, dispose encore de 77 bataillons, 46 escadrons (troupes de ligne) dont elle sera à même de former une armée de réserve à mesure que les troupes destinées au service intérieur (telles que les seconds bataillons de la Landwehr, les escadrons de réserve etc) se trouveront organisées.

b) Que la Prusse dispose également encore de deux corps d'armée qui serviront de réserve, sans compter les troupes destinées au service intérieur.

c) Que tous les Etats de la Confédération se trouvent en mesure de remplir les obligeances qui leur sont imposées par l'organisation militaire fédérale, tant relativement aux réserves qu'au complètement des contingens.

Chapitre II.[1]

Formation définitive des armées destinèes à entrer en campagne.

1) La totalité des forces énumérées dans le 1-er Chapitre sera distribuée en trois armées savoir:

a) L'armée du Bas-Rhin.

Prussiens	60—70.000 h.
10-e Corps	30.000 „
	90—100.000 h.

b) L'armée du Centre.

Prussiens	90.000 h.
7-e Corps	30.000 „
8-e „	30.000 „
9-e „	20.000 „
	170.000 h.

c) L'armée du Haut-Rhin.

Autrichiens	150.000 h.

2) Les cabinets règleront tout ce qui a trait au commandement de ces trois armées et aux rapport qu'il faudra établir entreelles pour obtenir l'unité et l'accord nécessaire des opérations sans vouloir toutefois retrecir le cercle d'action de chaque Commandant général dans l'éxécution du rôle que le plan de campagne lui assignera.

3) Cette distribution des forces numériques pourra être modifiée d'après les circonstances et la raison militaire du moment.

4) Propositions générales.

Armée du Bas-Rhin.

Les troupes Prussiennes destinées à agir en campagne, indépendamment de celles chargées de la garde des places-fortes, seront rassemblées sur tel point entre Mayence et Dusseldorff qu'il conviendra de choisir d'après les circonstances et vu l'appui que ces troupes trouveront sur la ligne des forteresses leur point de rassemblement pourra être sur le Rhin même. Les troupes Prussiennes destinées à renforcer cette armée, ainsi que le 10-e Corps, se concentreront à la hauteur de Cassel et de Paderborn. La réunion *définitive* de l'armée du Bas-Rhin éxige 9 à 10 semaines.

Armée du centre.

La destination de cette armée est de prendre position sur le Rhin entre Mayence et Strasbourg; elle peut y être reunie en 9 semaines; si les circonstances rendent la réunion sur une ligne avancée impossible elle s'effectuera sur le Neckar ou sur le Main.

Armée du Haut-Rhin.

L'armée Autrichienne a besoin de 9 semaines pour atteindre le Rhin avec la partie majeure de ses forces (120.000 h.); dans ce cas elle

prendra position dans la vallée du Rhin, ou bien s'il convenait de choisir plutôt une position d'attente et masquée on la prendrait derrière les défilés du Schwarzwald. Si les circonstances ne permettaient pas d'arriver sur cette ligne avancée, cette armée agira dans la vallée du Danube, soit à cheval du fleuve, soit sur l'une ou l'autre de ses rives, d'après les exigences du moment et en liant ses opérations à celles de l'armée du centre.

Chapitre III.

Formation provisoire.

1) Vu l'espace de temps considérable qui serait nécessaire pour la formation définitive des trois armées, le danger inévitable qui en résulterait pour les Etats les plus exposés de la Confédération Germanique et l'impossibilité d'abréger cet espace à l'égard de la totalité des forces que l'Autriche et la Prusse mettent en campagne, on est convenu, pour la première époque de la guerre, des dispositions provisoires suivantes:

A. En attendant la formation définitive des deux armées du centre et du Haut-Rhin, il sera formée une armée provisoire composée de:

Autrichiens.	70.000	h.
Prussiens	30.000	„
7-e Corps	30.000	„
8-e „	30.000	„
9-e „	20.000	„
	180.000	h.

Cette armée sera destinée à défendre la frontière du Rhin depuis Mayence jusqu'à la Suisse et le territoire de la Confédération situé entre le Main et le Tyrol. A cet effet le 7-e et le 8-e corps prendront la position la plus avancée qu'ils pourront atteindre et c'est dans une pareille position qu'on tâchera d'opérer la jonction de l'armée. On donnera aux colonnes des deux grandes puissances et du 9-e Corps la première direction de Wurzbourg, Rothenbourg, Nördlingen et Ulm et on règlera les mouvements ultérieurs d'après les circonstances.

Si les opérations de l'ennemi ou les circonstances ne rendent la jonction possible que sur une ligne plus reculée, les Corps avancés opéreront leur

retraite de manière à être soutenus et reçus par les colonnes autrichiennes et prussiennes.

B. Sur le Bas-Rhin les troupes prussiennes qui y forment le noyau de l'armée du Bas-Rhin, opposeront aux entreprises de l'ennemi une défensive active pour laqu'elle les forteresses leur serviront d'appui.

2) Pendant la formation des noyaux d'armée provisoires on fera tous les efforts pour mobiliser le reste des troupes et pour hâter le moment où elles pourront entrer en ligne.

3) La transition de la formation provisoire à celle définitive sera déterminée par l'arrivée des troupes destinées à l'exécution de cette dernière, sauf l'influence que devront exercer les circonstances du moment.

Chapitre IV.

Fixation des mesures nécessaires pour mettre en rapport et sur la même ligne le degré de disponibilité des armées et Corps d'armée.

1) Dispositions générales.

a) On a établi 3 degrés de disponibilité par lesquels on procèdera successivement de l'état de paix à celui du développement définitif des moyens de guerre.

b) La manière de laquelle chaque état de la Confédération aura à coopérer à l'exécution de cette mesure a été fixée.

c) Les cabinets s'entendront sur la question de savoir: *Quand* il faudra procéder à chacun des degrés de disponibilité.

d) Il est bien entendu que si dans l'intervalle qui sépare la mise à exécution de chacune des gradations ci-dessous indiquées, les circonstances exigeaient un plus prompt développement des forces, les dispositions progressives, dont on est convenu, feraient place à l'armement général et instantané.

2) Les détails de l'éxécution de ces mesures et la part que les différents Etats sont convenus d'y prendre, se trouvent consignés dans le tableau suivant:

	1-er degré.	2 degré.	3 degré.
Autriche.	Mobilisation de 70 m. hommes qui pourront être réunis en 15 jours après en avoir reçu l'ordre sur la hauteur de Budweis et Wels, et de là atteindre en 8 jours les points des débouchés. Mesures préparatoires pour la mobilisation du reste de l'armée.	Les 70 m. hommes mobilisés en première ligne seront échelonnés vers les points des débouchés, d'ou ils atteindront en 16 jours la hauteur d'Ulm et de Rothenbourg. Mobilisation du reste de l'armée.	Les 70 m. hommes passent les frontières. Les réserves se mettent en marche vers les points de concentration.
Prusse.	30 m. h. seront rendus mobiles et dirigés sur Erfurth. Les autres corps seront rapprochés de l'état de disponibilité.	Concentration de 30 m. h. à Erfurth et des troupes snr le Bas-Rhin.	30 m. h. passent la frontière et se dirigent sur Wurzbourg. Les autres corps se mettent en marche.
7 Corps.	Rentrée des semestriers. Achat des chevaux de train.	Concentration des divisions à Ansbach, Donau-Wörth et Wurzbourg.	Concentration du Corps entre Hall et Kunzlau.
8 Corps.	Comme pour le 7-ème.	Concentration des divisions à Rastadt, Bruchsal et Heppenheim.	Concentration du Corps à Rastadt.
9 Corps.	Idem.	Concentration des divisions à Plauen et Hanau.	Concentration du Corps sur un point de la ligne du Mein ou de celle de la Tauber.
10 Corps.	Idem.	Concentration des divisions à Hameln et Hildesheim.	Concentration du Corps à Paderborn.

3) En combinant les différents calculs du temps qu'il faut pour l'exécution des mesures progressives ci-dessus énumérées il en résulte:

a) que le 8-ème Corps de l'armée fédérale peutêtre concentré et enligné à Rastadt *en 34 jours*;

b) que le 7-ème peut atteindre *en 33 jours* la ligne du Neckar, d'où il a encore 4 jours pour rejoindre le 8-ème à Rastadt.

c) que les colonnes autrichiennes et prussiennes se trouveront le 38-ème jour à la hauteur de Ulm, Rothenbourg et Wurzbourg;

d) que le 9-ème Corps a besoin de 4 à 6 jours de plus pour être à la même hauteur;

e) que les troupes prussiennes destinées à l'armée du Bas-Rhin pourront atteindre la hauteur de Cassel en 3 semaines; si cette destination est remplie par les corps les plus rapprochés.

f) que le 10-ème Corps sera le 38-ème j. à Paderborn.

4) Afin d'accélerer l'exécution de ces mesures, on est convenu des moyens nécessaires pour faire parvenir avec la plus grande célérité aux autorités militaires centrales les nouvelles décisions qui d'après la détermination préalable réservée à l'entente des Cabinets, se trouveront devoir être considérées comme le signal d'un armement progressif.

5) Dès l'exécution du premier degré de disponibilité les contingents formant la division de réserve, seront appelés à compléter les garnisons de guerre des forteresses de la Confédération.

64.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

Le 24 Février, 6 h. du matin.

Je m'empresse de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale, les dépêches du C-te Paskéwitch reçues hier soir. Elle verra par leur contenu, que le maréchal est allarmé par les bruits d'une prochaine rupture entre la Russie et la Porte Ottomane, parvenus à Erseroum de Constantinople et d'Anatolie; ces bruits paraissent avoir obtenu plus de consistance, à la suite de plusieurs rassemblements de troupes Turques sur différents points. Malgré que ces derniers peuvent n'avoir pour but, que le maintien de l'autorité du Sultan en Asie et protèger l'introduction des nouvelles formations; il me semble qu'il ne serait pas inutile que le vice-chancelier s'en explique avec les Envoyés Turcs et leur fasse principalement sentir, combien l'emploi des agents provocateurs de leur part sur le Couban et en général parmi les montagnards, peut encourir le juste ressentiment de Votre Majesté; à cet effet j'ose, Sire, Vous demander la permission de communiquer toutes ces dépêches au C-te Nesselrode aussitôt que Votre Majesté me les aura renvoyées.

C-te A. Tschernicheff.

65.

Собственноручная записка наслѣдника цесаревича—князю Чернышеву.

Je vous envoie une pièce intéressante que j'ai fait copier pour la garder; c'est le complément de ce que Neidhardt nous a porté; lisez, demain nous en causerons. En totalité il y a plus de bon que de mauvais, en ce que du moins chacun connait Son rôle.

66.

Перепечатка изъ „La Gazette de France" отъ 5 Mars 1834.

Mélanges de politique.—L'Europe.

Et j'ai toujours connu qu'en chaque événement,
Le destin des états dépendait d'un moment.

Cette vérité, que Voltaire fait exprimer à César, ne se vérifie pas seulement lorsque le sort des armes doit décider du destin des empires, mais encore quand les circonstances le font dépendre d'une décision des cabinets: les ministres comme les généraux peuvent en un instant perdre ou sauver les états, faire résulter le malheur ou la félicité des peuples d'une seule détermination.

L'Europe en fait maintenant la funeste expérience, elle est dans le plus piteux des états, elle serait dans un état prospère et glorieux si, a l'époque où éclata cette révolte de Paris qu'on est convenu d'appeler la seconde révolution française, les ministres d'Autriche, de Prusse et de Russie eussent pris une résolution contraire à celle qu'ils ont prise: s'ils ne l'avaient pas alors légitimée en la reconnaissant, l'Europe en serait préservée, mais ils lui ont donné des lettres de naturalisation et maintenant elle en jouit. Que les cabinets se plaignent donc d'eux-mêmes, et non des peuples que par une seule décision ils ont condamnés au malheur.

Un autre parti était à prendre dans l'embarras instantané où la révolte de Paris mettait les gouvernemens de l'Europe: il fallait faire entourer la France par les nombreuses armées qui se sont si inutilement tenues sous les armes depuis et dire aux Français: „Nous ne prétendons nullement nous mêler de vos affaires intérieures, faites des républiques, des rois et des révolutions tant que vous voudrez, ce n'est pas notre affaire; mais avant

de reconnaître un gouvernement que quelques-uns d'entre vous ont fabriqué, souffrez que nous attendions que tous les Français l'aient eux-mêmes reconnu". Les effets d'une pareille détermination, si les ministres des grandes puissances l'eussent prise, auraient été: 1) d'anéantir cette prétendue révolution française, laquelle n'exista que pour un quartier de Paris jusqu'au moment où les puissances étrangères, en la reconnaissant, sont venues arracher en sa faveur l'approbation tacite du reste de la France; 2) Un cordon de politique sanitaire, s'il eût cerné la France, eût empêché la Belgique de se révolter; 3) la Pologne ne se fût point perde; 4) la Suisse, l'Italie, l'Allemagne, l'Espagne, le Portugal, enfin tous les pays où les révolutionnaires ont pu se dire „suscitons une émeute afin que les puissances étrangères la convertissent en une révolution", seraient restés en repos. Ce ne sont donc point les peuples, ce sont les cabinets qu'il faut accuser d'être les auteurs des maux que nous souffrons: les révolutions qui se sont succédées sont le produit de leur faiblesse, et non celui de la force des révolutionnaires, le désordre qui les épouvante a été provoqué par eux-mêmes.

C'est aux perfidies de l'Angleterre et à la faiblesse des gouvernemens continentaux que les maux que l'Europe souffre maintenant doivent être attribués! Il ne fallait pour étouffer l'esprit de vertige dont les peuples sont de nouveau dominés, qu'entourer momentauément la monarchie française des nombreuses armées que depuis on a fait parader en Allemagne, en Autriche, en Prusse et en Russie. L'idée de cerner un pays ravagé par la contagion n'est pas nouvelie, elle a nécessairement dû se présenter à l'esprit de tous les hommes d'état. D'ailleurs elle a été suscitée à l'un d'eux, un particulier a indiqué ce moyen en développant les avantages qui devaient en résulter... Mais les ministres, dans leur superbe, dédaignent tout ce qui ne sort pas d'un cabinet, ils ont fait à leur guise et l'Europe qui serait paisible et prospère si on l'eût momentanément séparée de la France, est à présent convulsionnaire et misérable! Voltaire a donc eu raison quand il a dit qu'en chaque événement le destin des états dépendait d'un moment?

La Hollande, première victime du parti que les gouvernemens continentaux se sont déterminés à prendre, était, avant la révolte de Paris, une monarchie assez forte pour aider les puissances de l'Orient et du Midi dans tous leurs projets ambitieux, pour contribuer à les défendre contre les entreprises maritimes de l'Angleterre et contre les entreprises territoriales de la France: sa situation, sa marine, ses forteresses et ses richesses composaient un ensemble de moyens que l'Allemagne, l'Autriche, la Prusse et

la Russie pouvaient fort profitablement employer contre l'Angleterre et la France. Tout cela est anéanti, et si jamais la France attaque la Hollande elle devra s'envelopper dans ses eaux ou succomber.

La Russie avait, avant la seconde révolution française, ses coudées parfaitement franches. Alors la crainte d'aucune diversion n'entravait ses projets ambitieux; elle pouvait impunément attaquer à son gré ou la Perse ou la Porte; mais il n'en est plus de même, cette puissance est à présent dominée par la nécessité de contenir un royaume qui précédemment la fortifiait. La Russie serait plus imposante pour les puissances de l'Orient, si elle avait perdu la Pologne, qu'elle ne l'est après l'avoir soumise; car, quoi qu'on en puisse faire paraître, il n'en est pas moins vrai que c'est grande chose que l'obligation de maintenir dans l'esclavage un peuple enthousiaste de la liberté, et de faire rester en paix des hommes belliqueux... Or, par rapport à l'Allemagne, à l'Autriche et à la Prusse, les conséquences du changement de situation de la Russie seront que cet empire, qui jadis n'envoyait à leur secours, quand la France les attaquait, qu'un nombre de régiments infiniment inférieur à celui qu'elle promettait, n'en enverra plus du tout. Mais alors il est donc indispensable de convenir que c'est une politique bien funeste à l'Europe que celle qui, en affaiblissant la Hollande et la Russie, diminue les moyens de défense des puissances légitimes, pendant qu'en légalisant les révoltes française et belge, elle accroît les forces qui peuvent les attaquer... Les puissances non-révolutionnaires du continent se sont autant affaiblies en agissant comme elles l'ont fait, qu'elles se seraient fortifiées si elles eussent parqué la révolte de Paris au lieu de la convertir en une seconde révolution française.

Il faut bien encore reconnaitre que, si les cabinets eussent, à cette époque, pris le parti qu'une bonne politique conseillait, la péninsule, préservée par con cordon sanitaire, eût achevé de rendre imposante l'attitude de l'Europe contre la révolution, que, dès lors l'Allemagne ne se fût point agitée, l'Italie point révoltée; que les peuples, qui de tout temps ont vu la raison du côté où se trouve la force, eussent conçu de l'horreur pour l'esprit de désordre qui les a charmés, et que le Français, promptement fatigué de l'isolement dans lequel on l'aurait tenu, eût brisé le joug que l'Angleterre et la doctrine sont parvenues à imposer. Alors, le cordon de politique sanitaire se fût levé, et, depuis plus de trois ans, l'Europe jouirait en paix de toute la félicité dont elle est privée. Mais la pusillanimité des cabinets a fait adopter une marche contraire, l'imagination des ministres étrangers a prêté à la révolte de Paris autant de force qu'en avait la première révolution française, on a braqué sur la France le télescope de la peur, et, au

lieu de voire cette monarchie telle qu'elle était, on l'a vue comme il convenait aux révolutionnaires de la faire paraître. Ce fut alors que, désespérant de la vaincre, on entreprit de la tromper.

Une circonstance heureuse en ayant fourni les moyens, la révolution en France n'ayant fait que paraître et disparaître, la meilleure des républiques s'étant, comme par enchantement, transformée en une monarchie despotique, on a vu qu'il n'était plus besoin que de s'emparer du chef pour contenir la bande: on l'a fait; on s'est jeté dans ses bras, on l'a sur-le-champ fortifié d'une universelle reconnaissance et croyant faire prendre le change aux révolutionnaires, on s'est soi-même abusé; on voulait escamoter la révolution, on l'a généralisée.

Le jour où l'on prit le parti de reconnaître un roi de fabrique, toutes les puissances légitimes perdirent leur force. Aussi vit-on peu après la Prusse effarouchée faire avancer des armées qu'une simple déclaration du gouvernement révolutionnaire de la France suffisait pour clouer sur la frontière de la Belgique; aussi vit-on la France, poussée par l'Angleterre, intervenir partout en empêchant partout d'intervenir, guerroyant en Flandre à la grande honte du gouvernement prussien, s'emparant d'Ancône à celle du gouvernement autrichien, et prenant pied dans cette Italie que l'Autriche doit ou perdre, ou complètement dominer; aussi vit-ou le czar dans la nécessité de soutenir en Pologne une guerre exterminatrice; le Portugal attaqué par une expédition préparée dans les ports français, et l'Espagne poussée au désordre par les conseils de la France... Voilà ce qu'ont gagné les souverains du continent en prenant le parti d'affaiblir le principe qui fait leur force pour fortifier celui dont l'anéantissement de leur trône doit sortir. Ils ont préparé des maux qui sont, dans le présent, fort pénibles à supporter et dont le terme est impossible à prévoir dans l'avenir.

Car, en supposant qu'il convienne à la politique révolutionnaire des cabinets de Londres et de Paris de laisser les autres puissances se traîner encore long-temps dans le bourbier où elles se sont mises, d'où surgira la force de principe ou d'armée qui fixera dans la Péninsule le sort de ces rois et de ces reines qu'on voit sur le tapis se disputant la levée; qui choisira entre des premiers rôles et des doublures, aspirant toutes au premier emploi, quelle main puissante fera baisser la toile de spectacle tout à la fois ridicule et sanglant qu'on se complaît à nous donner? Sera-ce l'or de l'Angleterre, les promesses de la France, ou seront-ce les conseils furtifs que quelques autres s'enhardissent de temps en temps à donner qui l'emporteront. Combien d'années encore durera cette guerre que les rois ont allumée, que les peuples subissent et que l'humanité condamne? Elle durera jusqu'au jour où,

fatigués dans un camp comme dans l'autre, Espagnols et Portugais se diront: „Mettons les rois hors de cause: pour eux, nous nous sommes armés, deux d'entre eux nous excitent au combat, les autres nous regardent faire, ce sont plaisirs qui coûtent trop cher à leur donner, mettons les rois hors de cause“.

L'Italie eût fini par s'abandonner entièrement à l'Autriche, comme précédemment elle s'était soumise à la France, si les espérances qu'a fait naître la reconnaissance de la révolution française dans l'esprit des hommes du mouvement, ne fussent pas venues l'en empêcher. L'Italien croyait la saison des révoltes passée, on lui prouve le contraire, il doit naturellement se révolter, et quoi qu'on fasse à présent il se révoltera.

L'Allemagne, moins fougueuse et plus sage que l'Italie, se contentera des institutions qu'elle a reçues et de celles qu'elle a le droit d'exiger, pourvu que, sous prétexte de les bonifier, on n'entreprenne pas de les lui reprendre. L'Allemand est le seul peuple de l'Europe qui puisse enrayer à propos dans la course révolutionnaire, mais défiant par nature et avare de ce qu'il possède, on l'exaspèrera si on entreprend de le tromper.

Tout ce qui avoisine l'Allemagne tend visiblement à se monter à son diapason. Déjà le duché du Rhin dit au monarque prussien: „Il nous faut des institutions“. Déjà le prudent roi de Danemark en simule; le Hanôvre en arrache au roi d'Angleterre, et si la Prusse garde le silence c'est parce qu'elle compte sur le ministére du doctrinaire Ancillon. La Pologne, deshéritée de ses institutions, ne recouvrera point un repos parfait tant qu'elles ne lui auront pas été rendues; la Hongrie parle plus haut qu'elle ne l'a jamais fait, la Bohème et l'Autriche entrevoient qu'on pourrait être encore plus libres qu'elles ne le sont. Ces faits font assez connaître que le besoin des institutions s'universalise en Europe depuis qu'en reconnaissant la révolution française les cabinets ont appris aux peuples que les conquérir est loyal, que les posséder est utile et bon. On a semé des fruits amers, il faut maintenant les recueillir. Pendant quinze années, la restauration avait fait une semence contraire, elle avait remis les peuples dans les voies de l'ordre et de la soumission; sans la fatale reconnaissance de la révolution française ils eussent continué à y marcher; mais par cet acte d'une coupable imprévoyance les ministres ont sacrifié le principe qui fait régner les rois à celui qui propage les révolutions; ils ont fait rentrer les peuples dans les voies de l'anarchie; ceux-ci y cheminent maintenant, et les cabinets ont mauvaise grâce de leur reprocher de passer par une porte qu'eux-mêmes leur ont ouverte. S'en plaindre est injuste, s'en lamenter est inutile. Ce qu'il faut

c'est agir de faire dévier les peuples de la funeste route dans laquelle on les a lancés.

L'entreprise n'est pas facile, et l'on pourrait bien y échouer, car, où prendre son point d'appui alors que force de soldats est équivoque, force de préjugés détruite, et force de religion très affaiblie? Il ne faut pas se le dissimuler, une seconde fois la boîte de Pandore a été ouverte, et l'on n'est pas plus que la première, capable d'y faire rentrer les maux qui s'en sont échappés. Les cabinets ont déversés sur nous ces maux, alors qu'au lieu de prendre le parti de bloquer la révolution en France ils lui ont ouvert l'issue par laquelle elle a pénétré dans tous les pays. Qu'ils conviennent donc que Voltaire a eu raison quand il a dit:

Et j'ai toujours connu qu'en chaque événement,
Le destin des états dépendait d'un moment!

На газетѣ карандашомъ написано:

Cet article a l'air d'avoir été écrit sous ma dictée.

67.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

Le 6 Novembre 1837.

Je m'empresse de porter à la connaissance de Votre Majesté Impériale que le général-major comte de Suchtelen, a été désigné pour surveiller le recrutement dans le gouvernement de Kiew, où il doit se trouver pour le moment. J'attendrai ses ordres ultérieurs à cet égard.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Le plus voisin des aides de camps pourra le remplacer, p. e. Rjévoutsky; et lui peut se rendre directement à Pétersbourg pour se charger des lettres. Faites lui donner l'ordre et informez c. Nesselrode.

68.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Чернышева—императору Николаю I.

С.-Петербургъ. 31-го іюля (12-го августа) 1838.

Удостоясь получить въ письмѣ вашего императорскаго величества, отъ 20-го іюля (2-го августа), высочайшія разрѣшенія ваши на представленныя мною соображенія, о снаряженіи къ походу 5-го пѣхотнаго корпуса, я приступилъ тотчасъ къ надлежащимъ, въ исполненіе оныхъ, распоряженіямъ. Подробности сихъ распоряженій ваше величество изволите усмотрѣть изъ представляемыхъ при семъ записокъ [1]). Приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе, немедленное выступленіе корпуса, по полученіи о томъ повелѣнія, будетъ обезпечено совершенно готовностію всѣхъ необходимыхъ къ тому пособій. Одно лишь сформированіе подвижнаго провіантскаго магазина, по всей вѣроятности, подвергнется нѣкоторому замедленію, потому что на производство предположеннаго вашимъ величествомъ набора погонщиковъ съ малороссійскихъ казаковъ и на прибытіе ихъ въ Херсонское военное поселеніе, гдѣ магазинъ долженъ быть устроенъ, потребуется не мало времени. Впрочемъ, ближайшее соображеніе о способахъ къ исполненію этой мѣры, составленіемъ котораго займусь неотложно, покажетъ, въ какой степени она удобна и возможна, о чемъ въ непродолжительномъ времени буду имѣть счастіе донести.

Согласно съ высочайшимъ повелѣніемъ вашего величества, генералъ-лейтенантъ Лидерсъ будетъ нынѣ же поставленъ въ извѣстность о могущемъ предстоять ввѣренному ему корпусу походѣ. Для сообщенія ему этого извѣстія изустно, со всѣми нужными къ соображенію его подробностями, я избралъ адъютанта моего барона Вревскаго, на осторожность и скромность котораго полагаюсь совершенно; отличный офицеръ сей извѣстенъ уже вашему величеству, по благоразумію своему и способностямъ, оказанными имъ при исполненіи различныхъ важныхъ порученій, въ особенности на правомъ флангѣ кавказской линіи. Главныя статьи, на которыя будетъ обращено вниманіе генерала Лидерса, состоятъ: въ составленіи предварительнаго соображенія объ укомплектованіи полковъ и артиллерійскихъ батарей людьми изъ 4-хъ баталіоновъ и 4-хъ батарей, на основаніяхъ, вашимъ величествомъ указанныхъ, на немедленную перемѣну неисправнаго въ войскахъ оружія, если бы таковое оказалось; на исправленіе аммуниціи и всѣхъ къ

[1]) Записокъ при рукописи не оказалось.

походу потребностей, пріобрѣтеніе коихъ собственно отъ самихъ войскъ зависитъ. Соображенія эти должны быть составлены генераломъ Лидерсомъ безъ малѣйшей огласки истинной цѣли; сюда же сообщитъ онъ ихъ чрезъ барона Вревскаго и чрезъ него же доставитъ свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ особенныхъ пособіяхъ, которыя съ своей стороны сочтетъ онъ нужнымъ къ лучшему и совершеннѣйшему сношенію войскъ.

Записку князя Ивана Федоровича о дѣйствіяхъ, предлежащихъ, по его соображеніямъ, войскамъ нашимъ въ предѣлахъ Турціи, въ различныхъ предположенныхъ имъ обстоятельствахъ, прочиталъ я съ особеннымъ вниманіемъ. Я раздѣляю его мнѣніе о невозможности занять Княжества, безъ возбужденія подозрѣній австрійскаго кабинета и самого султана; при томъ же мѣра эта, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, не представляетъ намъ никакихъ особенныхъ выгодъ, ибо для снаряженій нашихъ къ походу не можемъ воспользоваться способами Княжествъ, лежащихъ далеко впереди расположенія войскъ. Напротивъ того, занятіе укрѣпленныхъ пунктовъ въ устьѣ Босфора, на обоихъ его берегахъ, должно составить, по мнѣнію моему, главнѣйшее и непремѣнное условіе, всякой съ нашей стороны помощи, и если бы Порта отвергла оное, бывъ угрожаема соединенными флотами Франціи и Англіи, то ничего бы не оставалось болѣе, какъ занять Босфоръ силою оружія, дабы обезпечить плаваніе наше по Черному морю и безопасность собственныхъ нашихъ береговъ. Кромѣ Босфора, полагалъ бы я необходимымъ занять впослѣдствіи, особенно если обстоятельства потребуютъ ввести въ предѣлы Турціи и 3-й пѣхотный корпусъ—*Варну* и *Силистрію,* имѣя въ нихъ совмѣстные съ турецкими войсками гарнизоны, дабы отвратить всякія со стороны Порты затрудненія и обезпечить сообщенія нашихъ дѣйствующихъ войскъ; Бургасъ и другіе пункты берегового пути, какъ мѣста открытыя, неимѣющія укрѣпленій, безпрекословно могутъ быть занимаемы нашими войсками и безъ предварительнаго соглашенія съ турецкимъ правительствомъ.

Изъ всѣхъ генераловъ, предлагаемыхъ княземъ Варшавскимъ, для главнаго начальствованія войсками въ Турціи, съ особенною, по мнѣнію моему, пользою, могло бы быть оно ввѣрено генералъ-адъютанту Ридигеру, по извѣстной его опытности и отличнымъ военнымъ дарованіямъ, но какъ и 3-й корпусъ можетъ быть двинутъ и ген. Ридигеръ долженъ будетъ заняться его устройствомъ и снаряженіемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемое вашимъ величествомъ назначеніе графа Воронцова несравненно удобнѣе, по тѣмъ обширнымъ способамъ, которые онъ, въ качествѣ мѣстнаго начальника Новороссійскаго края, будетъ

имѣть въ непосредственномъ своемъ распоряженіи. Между тѣмъ, доколѣ въ предѣлахъ Турціи будетъ дѣйствовать одинъ 5-й корпусъ, я полагалъ бы наименовать графа Воронцова главнымъ начальникомъ войскъ нашихъ, въ Турціи дѣйствующихъ, не облекая его званіемъ главнокомандующаго; если же впослѣдствіи введенъ будетъ туда и 3-й корпусъ, то званіе это послужитъ ему лестною наградою за оказанныя до того времени заслуги и поощреніемъ къ заслугамъ новымъ.

Еще осмѣливаюсь доложить вашему императорскому величеству, что по непріязненному расположенію къ намъ англійскаго и французскаго кабинетовъ, обнаруживающемуся во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, и пріемля въ соображеніе общее состояніе Европы, я считалъ бы необходимымъ ограничиться, во всякомъ случаѣ, введеніемъ въ предѣлы Турціи 5-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ, дабы не ослабить средства наши на западной границѣ. Въ сихъ двухъ корпусахъ будетъ состоять подъ ружьемъ до 80.000 человѣкъ, и этого числа, при содержаніи его въ постоянномъ комплектѣ, посредствомъ тѣхъ мѣръ укомплектованія, которыя нынѣ вами предначертаны, должно быть достаточно къ успѣшному совершенію предлежащихъ въ томъ краѣ предпріятій, въ особенности, если главное начальствующее лицо будетъ строго держаться правила не раздроблять своихъ силъ, а дѣйствовать сосредоточенно для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ.

По второму предмету повелѣній вашего величества, относительно возвышенія всѣхъ окладовъ по арміямъ и всему военному вѣдомству, кромѣ классныхъ чиновниковъ, имѣю счастіе донести, что требуемые разсчеты составляются, но по огромности исчисленій, необходимыхъ при таковыхъ дробныхъ назначеніяхъ, трудъ сей не могъ поспѣть къ отправленію съ нынѣшнимъ фельдъегеремъ; я приложу всевозможное стараніе, чтобы его представить въ самомъ непродолжительномъ времени. Разсчеты эти будутъ составлены въ двухъ видахъ: первый, сообразно полученному мною повелѣнію, будетъ относиться до всѣхъ чиновъ военнаго вѣдомства, исключая классныхъ, а въ другомъ, прибавка будетъ расчислена только, въ той же мѣрѣ, на штабъ и оберъ-офицеровъ, начиная съ полковника. Войско наше, въ благополучное царствованіе вашего величества, стяжало новую военную славу, сдѣлало неимовѣрные успѣхи по строевому образованію и внутреннему устройству, а вмѣстѣ съ тѣмъ постояннымъ отеческимъ попеченіемъ вашимъ, взыскано весьма много въ улучшеніи содержанія всѣхъ чиновъ, къ арміи принадлежащихъ: прибавка столовыхъ денегъ, увеличеніе окладовъ жалованья, мясныя и винныя порціи нижнимъ чинамъ и порціонныя деньги

офицерамъ, суть такія благотворныя мѣры, которыя въ нѣкоторой степени обезпечили уже домашній бытъ военно-служащихъ. И теперь, при первомъ извѣстіи о приращеніи государственныхъ доходовъ, милость и благоволеніе ваше къ войскамъ снова выразились готовностію отдѣлить въ ихъ пользу значительной части сего приращенія! Кто болѣе меня чувствуетъ цѣну этой отеческой заботливости, бывъ 12-й годъ исполнителемъ благихъ предначертаній вашихъ по всему военному вѣдомству, но въ настоящемъ случаѣ рѣшаюсь объяснить свои мысли, съ тою откровенностію, которую внушаютъ мнѣ и долгъ вѣрноподданнаго и безпредѣльная преданность лично къ вашему величеству.

Опасаюсь, чтобы назначеніе вновь столь важнаго постояннаго, высочайшимъ словомъ утвержденнаго расхода, не обратилось въ тягость государственному казначейству; а опредѣленіе сей суммы, исключительно на прибавку жалованья военнымъ чинамъ, не стѣснило другихъ предметовъ управленія, требующихъ частію временнаго, а частію постояннаго усиленія способовъ.

Огромное возвышеніе откупныхъ доходовъ, какъ всѣ полагаютъ, произошло вслѣдствіе запальчиваго торговаго соперничества, усиленнаго нынѣ съѣздомъ весьма большого числа людей и накопленіемъ свободныхъ залоговъ. Сдѣланныя наддачи основаны не на вѣрныхъ данныхъ, но на гадательныхъ разсчетахъ и на видахъ торговли питьями, можетъ быть, не совсѣмъ честныхъ. Все сіе заставляетъ многихъ сомнѣваться въ вѣрномъ поступленіи въ казну всей сдѣланной прибавки и, по отзыву самого министра финансовъ, должно полагать въ ней значительныхъ недоимокъ! Вообще доходъ откупной зависитъ отъ многихъ случайностей, въ числѣ которыхъ занимаетъ важное мѣсто мирное или военное состояніе государства и порядокъ управленія казенными крестьянами, какъ значительнѣйшей части потребителей; если предполагаемыя мѣры надзора за ихъ нравственностію будутъ строго исполняемы, то многіе разсчеты откупщиковъ вовсе не сбудутся. По всѣмъ симъ уваженіямъ, я не могу скрыть отъ вашего величества опасенія моего, основать на шаткомъ четырехлѣтнемъ откупномъ доходѣ постоянную прибавку жалованья, которую, допустивъ единожды, должно будетъ оставлять навсегда съ немалымъ отягощеніемъ для казны. Отягощенія сего тѣмъ болѣе должно опасаться, что доселѣ министерство финансовъ, по затруднительному положенію казначейства, безпрестанно настаивало о сокращеніи смѣтъ, и военное вѣдомство, уменьшивъ свои смѣты противу нормальнаго назначенія на 18.820.000, нашлось въ необходимости въ послѣдніе два года уступить казначейству свыше 6.000.000 руб. та-

кихъ остатковъ, которые слѣдовали къ обращенію въ экономическій капиталъ.

Съ другой стороны, сіи усиленныя сокращенія смѣтъ на личныя уступки и открывшіяся вновь потребности ведутъ къ необходимости, независимо отъ прибавки жалованья, значительно увеличить смѣту будущаго года, по слѣдующимъ главнѣйшимъ статьямъ:

На вспомоществованіе инвалидному комитету—716.000 р.

По случаю усиленія числа офицеровъ въ резервной пѣхотѣ до—90.000 р.

На платежъ процентовъ по займамъ для новыхъ построекъ по крѣпостямъ болѣе—40.000 р.

Для крѣпостей западнаго округа князь Варшавскій требуетъ—4.333.000 р. (о сей потребности съ симъ фельдъегеремъ представляется особый докладъ; сверхъ того, я нынче только получилъ докладную записку князя Ивана Федоровича, о новомъ требованіи 7.518.000 злотыхъ, или 3.859.000 р. на ассигнаціи, на производство въ 1839 году по Ново-Георгіевску, построекъ 1840 года, и вслѣдствіе высочайшей резолюціи, я сего же числа отнесся къ министру финансовъ и жду его отзыва).

По случаю возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе засухи и неблагопріятной погоды, потребуется также значительная прибавка, которую нынѣ опредѣлить еще невозможно.

Коммисаріатскія вещи годъ отъ году возвышаются въ цѣнѣ и удержаніе долѣе цѣнъ, существовавшихъ за 15-ть лѣтъ предъ симъ, представляется невозможнымъ и даже вреднымъ для промышленности; эта статья можетъ потребовать довольно важнаго пожертвованія. Для покрытія расходовъ по перевозкѣ полковыхъ тяжестей исчислено болѣе 3.000.000 р. и наконецъ, улучшеніе содержанія военныхъ врачей и аудиторовъ, о чемъ я предварительно докладывалъ вашему величеству, представляется столь необходимымъ, что безъ явнаго вреда и разстройства частей военно-медицинской и военно-судной не можетъ быть отлагаемо; содержаніе всѣхъ военныхъ офицеровъ и классныхъ чиновъ улучшено, одни врачи и аудиторы остались при прежнихъ крайне скудныхъ окладахъ и участь ихъ вполнѣ заслуживаетъ благотворнаго воззрѣнія вашего величества. Въ сихъ видахъ, я осмѣлюсь представить, чтобы въ случаѣ рѣшительнаго опредѣленія 5.000.000 на прибавку жалованья, вмѣсто генераловъ, удостоиваемыхъ особенными милостями, были осчастливлены прибавкою врачи и аудиторы, въ военномъ составѣ столь необходимые.

*

Испрашиваю милостиваго снисхожденія къ этому прямому изъясненію моихъ мыслей; я всегда имѣлъ и буду имѣть правиломъ говорить откровенно, что чувствую, но исполнять и дѣлать усердно только то, что угодно вашему величеству.

Подробныя соображенія относительно новаго раздѣленія Имперіи, для будущихъ рекрутскихъ наборовъ, на полосы восточную и западную, я имѣлъ счастіе представить еще съ фельдъегеремъ, отправленнымъ отсюда 24-го сего мѣсяца.

Въ заключеніе позвольте изъяснить чувства живѣйшей признательности за милостивое извѣщеніе о важнѣйшемъ и драгоцѣннѣйшемъ для насъ всѣхъ предметѣ—благопріятномъ ходѣ леченія вашего и здоровья государыни императрицы и государя наслѣдника. Молю Бога, чтобы всѣ сердечныя желанія наши въ семъ отношеніи вполнѣ совершились. Жена моя очень осчастливлена благосклоннымъ о ней воспоминаніемъ: она, а равно и я повергаемся къ стопамъ государыни императрицы и вашего величества.

Графъ А. Чернышевъ.

На донесеніи собственною его императорскаго величества рукою написано.

Крейцнахъ (?), 13-го (25-го) августа 1838.

Благодарю за скорое исполненіе нужныхъ мѣръ по пріуготовленію 5-го корпуса. Теперь мы готовы. Что касается до команды, я остаюсь при мнѣніи, что всего лучше будетъ поручить все г. Воронцову, на котораго въ семъ случаѣ можно будетъ положиться. Занять Силистрію и Варну временными гарнизонами будетъ необходимо, но о семъ будетъ время распорядиться тогда, когда турокъ необходимость къ тому принудитъ.

Винные откупа намъ дали 25.000.000 прибыли, отдавъ министру финансовъ на распоряженіе 17.000.000, есть ему изъ чего отложить на счетъ недорода, а намъ можно 5.000.000 распредѣлить какъ я предполагаю. Прибавка по воен. смѣтѣ можетъ быть, но не въ той огромной мѣрѣ, какъ вы мнѣ угрожаете, и я увѣренъ, что ваша обычная бережливость умѣритъ все до необходимой мѣры. Для постройки крѣпости лучше дѣлать заемъ чѣмъ обременять, и я отдалъ свой милліонъ въ ваше распоряженіе, на уплату ли долга, или на составленіе процентнаго капитала, какъ вы предпочтете.

Новаго ничего не знаю. Что я видѣлъ здѣсь войскъ, по возможности очень порядочны, и даже не въ примѣръ лучше, чѣмъ думать можно было; артилерія очень хороша, быстра и поворотлива . . . . Въ Аугсбургѣ буду я видѣть войска при вступленіи въ лагерь. Погода у насъ холодная; на горахъ снѣгъ, и воздухъ какъ въ октябрѣ. Женѣ моей гораздо лучше; сыну тоже. Надѣюсь съ ними видѣться въ Веймарѣ.

Цѣлую ручки графинѣ, а васъ душевно обнимаю.

Н.

69.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Чернышева—императору Николаю I.

С.-Петербургъ, 7-го августа 1838.

Въ исполненіе высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества, имѣю счастіе представить при семъ двѣ вѣдомости съ объяснительною запискою [1]) о прибавкѣ жалованія генераламъ и штабъ и оберъ-офицерамъ всей арміи, изъ всемилостивѣйше предполагаемыхъ вашимъ величествомъ на предметъ сей пяти милліоновъ рублей.

Вѣдомости сіи составлены въ двухъ видахъ: въ первой изъ нихъ принято число оберъ-офицеровъ по штатамъ, нынѣ существующимъ, съ удержаніемъ въ составѣ войскъ и чина прапорщика; въ послѣдней чинъ этотъ замѣненъ чиномъ подпоручика.

Ваше величество усмотрѣть изволите, что на послѣдней вѣдомости сумма требуемаго содержанія нѣсколько менѣе суммы, исчисленной по первой; это произошло отъ того, что при уничтоженіи прапорщичьяго чина представилась необходимость уменьшить, въ частности, прибавку жалованья, каждому чину присвояемую, дабы въ общемъ итогѣ не выдти изъ назначаемыхъ 5.000.000 рублей.

Соображеніе это осмѣлился я представить на усмотрѣніе вашего величества въ двухъ видахъ собственно потому, что удержаніе и на будущее время въ войскахъ нашихъ прапорщичьяго чина, по мнѣнію моему, было бы не безполезно. Чинъ этотъ, конечно, не существуетъ въ другихъ европейскихъ арміяхъ, но у насъ къ нему пріобыкли и онъ составляетъ первый шагъ на поприщѣ служебномъ и пріемлется съ тою же живою радостію, какъ впослѣдствіи будетъ принятъ чинъ подпоручика,

---

[1]) Вѣдомости и записка въ рукописи не оказалсь.

который въ порядкѣ производства также составитъ не болѣе перваго чина. Такимъ образомъ отъ этого измѣненія служба мало можетъ выиграть въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, а правительство, въ порядкѣ наградъ и поощреній, лишится одной степени производства. Но другая причина еще уважительнѣе: въ кавалеріи не существуетъ у насъ чина подпоручичьяго, и это преимущество, издревле ей предоставленное для привлеченія офицеровъ къ службѣ болѣе трудной и требующей нѣкоторыхъ собственныхъ способовъ къ содержанію, будетъ окончательно потеряно. Даже и теперь постоянно встрѣчается затрудненіе къ замѣщенію открывающихся вакансій по огромной нашей кавалеріи, и съ уничтоженіемъ преимущества въ чинѣ противу пѣхоты должно опасаться, что затрудненіе это еще болѣе увеличится.

Вмѣстѣ съ симъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки моей, съ предпослѣднимъ фельдегеремъ отправленной, имѣю счастіе представить соображеніе мое о прибавкѣ содержанія медицинскимъ чинамъ и аудиторамъ. Изъ него ваше императорское величество усмотрѣть изволите, что на предметъ этотъ нужно бы отпускать изъ государственнаго казначейства до 1.000.000 рублей. Я предполагалъ обратить эту сумму на остатокъ отъ предполагаемыхъ въ прибавокъ жалованья арміи 5.000.000 рублей, въ такомъ случаѣ, если бы вашему величеству благоугодно было распространить эту прибавку только на штабъ и оберъ-офицеровъ; но, по сдѣланному нынѣ расчисленію, въ прибавку генераламъ можетъ быть отдѣлено не болѣе 350.000, и эта сумма, ни въ какомъ случаѣ, на усиленіе содержанія медикамъ и аудиторамъ достаточна быть не можетъ.

Впрочемъ, къ исчисленію всѣхъ этихъ соображеній, по окончательнымъ видамъ и намѣреніямъ вашего величества, будетъ достаточно времени по возвращеніи вашемъ, ибо таковые новые опыты всемилостивѣйшихъ попеченій вашихъ о благосостояніи военно-служащихъ, по моему мнѣнію, не иначе могутъ быть объявлены, какъ во всерадостный день 6-го декабря.

Графъ А. Чернышевъ.

70.

Письмо графа Адлерберга—графу Чернышеву.

Munich, le 17 (29) Août 1838.

L'Empereur, au moment de partir, m'a remis ce matin la lettre de Votre Excellence du 7 (19) (?) avec les deux notes y annexées,

relatives à l'augmentation projetée des appointemens de l'armée et celle sollicité par vous, pour les officiers de santé et auditeurs ainsi que les tableaux concernant le premier de ces deux objets. Sa Majesté ne m'a donné à leur sujet que ce seul mot d'explication, à savoir: qu'il fallait revoir les changements qu'Elle avait fait aux tableaux, et les modifier pour un peu dépasser la somme fixée de 5 m. r. et Lui renvoyer ce travail. Comme je n'avais pas vu ces papiers avant, je n'ai pu faire aucune observation, et je me vois obligé de vous les renvoyer tels quels, sans décision complette. Les changements à faire n'ayant été marqués que sur le tableau où le grade d'enseigne est conservé, j'en augure que Sa Majesté renonce à l'abolition de ce grade; quant à ce qui regarde les médecins et auditeurs, Elle ne m'en a rien dit. Je suis très heureux de voir, que sans être convenu avec Votre Excellence j'ai énoncé à l'Empéreur les mêmes opinions, lorsqu'il m'a parlé il y a un mois environ du projet d'augmentation, de traitement et de l'abolition du grade d'enseigne; je me suis permis de dire, comme vous l'avez écrit dans une de vos lettres précédentes, à Sa Majesté, qu'il n'était pas prudent d'asseoir sans dépense fixe et déterminée (sur laquelle on ne pouvait plus revenir) sur un revenu fort incertain dans les quatre ans pour lesquels il est promis, et tout-à-fait problématique pour les années qui suivront; revenu d'ailleurs dont l'augmentation doit avoir des limites puisqu'il est en quelque sorte immoral et que tout en étant un impôt indirecte, il pèse pourtant immédiatement sur la masse de la population productive et pauvre, qu'il empêche de payer exactement ses redevances directes. Ces limites, je crois, sont déjà dépassées. De même j'ai fait observer que l'abolition du grade d'enseigne privait le gouvernement d'un stimulant pour le service, d'une promotion, sans offrir aucun avantage, sous aucun rapport. Dans ce même pli, j'ai l'honneur de vous envoyer aussi la pétition de Rayevsky au sujet de son beau-frère Wolkonsky, dont l'Empéreur remet la décision à son retour en Russie. Par un office en date d'aujourd'hui, je vous annonce l'ordre suprême, le versement entre vos mains d'un million de roubles que M-r Tanejeff doit effectuer, ainsi que la détermination de l'emploi de cet argent. L'idée primitive de Sa Majesté à l'égard de l'argent était, qu'il fallait mettre cette somme à l'une de nos banques pour affecter les intérêts au payement de ceux que l'emprunt de l'argent, destiné aux bâtisses des forteresses, réclame. Il m'a fallu quelque peine pour expliquer qu'un tel arrangement était fort désavantageux. L'Empéreur a passé ici la journée d'hier et ce matin Il est parti pour Friedrichshafen, sur le lac de Constance afin d'y avoir une entrevue avec le Roi de Würtemberg, Sa Majesté n'y restera que 24 heures, après quoi Elle se rendra à Augsbourg pour 24 h.

aussi. Elle y assistera à l'entrée, au camp, des troupes Bavariennes, puis Elle partira pour Weymar comme je crois vous l'avoir déjà mandé. L'Impératrice quitte ..... samedi le 20 Août (1 Septembre) et va à Bregentz pour voir Wildruntt, et de là Elle se rendra à Weymar. Je suis resté ici pour attendre la lettre de l'Impératrice pour Pétersbourg, et demain je vais droit à Augsbourg. Nous avons distribué des decorations à la garde; j'ai de la Bavière; j'aurai l'honneur de vous en rendre compte en détails. Veullez agréer l'assurence de ma respectueuse considération.

Adlerberg.

71.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

31 Août[1]).

Voici l'extrait d'une lettre de l'aide de camp général Grabbe au colonel Traskine, que vient de recevoir mon aide de camp Wrewsky. Votre Majesté le lira peut être avec intérêt. Les derniers rapports du général Grabbe étaient du 4 Août.

C-te A. Tschernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

C'est parfait, et il est permis d'espérer une heureuse fin grâce à la miséricorde Divine.

Le 31 Août.

72.

Извлеченіе изъ письма генерала Граббе.

Extrait d'une lettre du général Grabbe au colonel Traskine datée du Camp d'Ochoulgo le 10 Août 1839.

Le blocus s'achève et ne laisse presque plus rien à ajouter. Il ne s'agit que d'attendre ce qu'un ennemi poussé à l'extrémité, d'après son propre, aveu, se décidera à faire dans son désespoir. Il est tout entier sous nos balles par les deux rives. Son pont n'existe plus. C'est nous qui en

[1]) 1839.

avons un portant de l'artillerie. Les négociations me viennent de toutes parts et presque journellement. Je m'en moque. Il faut que cette dangereuse association de Murides soit anéantie par la mort ou par l'avilissement. Je les veux tous morts ou prisonniers de guerre. Les montagnards ont cessé de compter sur le salut de Schamil et ne le craignent plus. Tous les rassemblements se sont dispersés. Les députations commencent à venir. Les choses en sont au point, que cela peut finir peut être demain; .que sais je? mais je prends mes arrangements toute fois, comme si cela devait durer encore deux mois. Vivres, munitions, tout marche sans interruption. Point de malades.

En fait de travaux, nous sommes occupés à détourner le cours de deux torrents Aschilta et Akent qui tombent dans le Koysou entre deux Achoulgas, où les montagnards ont encore un accès, pour chercher de l'eau, puisque celle du Koysou leur coûte du sang. Demain ce travail s'achève et l'on m'assure que le succès sera complet. Dans cet état des choses un assaut ne doit plus avoir lieu que dans la derniére extrèmité. Ne consultant dans mes actions que la pensée présumée du noble Empereur, je sens qu'il exige de moi la persèverance la plus obstinée et certe j'en aurai et de reste.

73.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева—императору Николаю I.

14-го января 1840.

На одномъ изъ дворовъ главнаго штаба въ сѣноваль, надъ конюшнею, затлѣлась деревянная перегородка и показался дымъ. По вытребованіи одной части полиціи, перегородка снята, полъ разломанъ и все въ присутствіи моемъ прекращено.

Приписывая случай сей единственно занесенію въ сѣновалъ огня, я приказалъ произвесть о семъ строжайшее изслѣдованіе, и о томъ, что окажется, буду имѣть счастіе доложить вашему императорскому величеству.

Генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Стоитъ того, чтобъ строго изслѣдовать; давно я боюсь подобной бѣды.

74.

Всеподданнѣйшая записка графа Чернышева — императору Николаю I.

13-го апрѣля [1]).

Ротмистръ князь Барятинскій объявилъ мнѣ, что государь наслѣдникъ изволитъ поручить мнѣ ходатайствовать у вашего императорскаго величества о всемилостивѣйшемъ производствѣ въ слѣдующій чинъ фельдъегерскаго корпуса прапорщика Шица, отправленнаго сюда вмѣстѣ съ княземъ Барятинскимъ, со всерадостнымъ извѣстіемъ объ обрученіи его высочества.

Шицъ отлично исправный офицеръ и всегда сопровождаетъ его высочество въ путешествіяхъ, а потому, не благоугодно ли будетъ повелѣть внесть о семъ въ изготовляемый приказъ на завтрашнее число?

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Согласенъ.

75.

Черновая докладная записка князя Чернышева — цесаревичу Александру Николаевичу.

15-го мая 1840 г.

Ваше императорское высочество.

Письмо, коимъ ваше императорскому высочеству угодно было почтить меня отъ   сего мѣсяца, я имѣлъ счастіе получить. Принося вашему высочеству душевную признательность мою за благосклонную обо мнѣ память, поспѣшаю представить при семъ, во исполненіе изъявленнаго вами желанія, краткій очеркъ положенія дѣлъ нашихъ на Кавказѣ. Хотя оно, въ настоящее время, по стеченію обстоятельствъ, представляется весьма неблагопріятнымъ, не менѣе того я твердо увѣренъ, что при назначенныхъ государемъ императоромъ въ распоряженіе кавказскаго начальства значительныхъ способахъ, поколебленное въ

[1]) 1840.

этомъ краѣ могущество Россіи, съ Божіею помощію, будетъ вновь утверждено на основаніяхъ прочныхъ и непоколебимыхъ, къ пользѣ и славѣ отечества нашего и къ собственному благополучію полудикихъ обитателей Кавказа.

По мѣрѣ полученія дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ тамошнихъ дѣлъ, я поставлю долгомъ сообщать оныя вашему императорскому высочеству.

Что принадлежитъ до предполагаемаго движенія Египетской арміи изъ Сиріи въ Малую Азію, въ непріязненныхъ противу насъ намѣреніяхъ, то событіе это, если оно дѣйствительно случится по чрезвычайной для нихъ важности своими послѣдствіями, безъ сомнѣнія, потребуетъ самаго обширнаго и дѣятельнаго развитія на Востокѣ военныхъ нашихъ способовъ; между тѣмъ принятыми мѣрами безопасность Закавказской границы нашей со стороны Турціи, по возможности, обезпечена.

При искреннѣйшихъ пожеланіяхъ вашему императорскому высочеству всѣхъ благъ по сердцу вашему, имѣю счастіе быть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію

Вашего императорскаго высочества.

P. S. Осмѣливаюсь представить при семъ приличный экземпляръ плана С.-Петербурга, нарочно для ея высочества принцессы Маріи приготовленный, а первоначально отправляемый оставить собственно для употребленія вашего императорскаго высочества.

На запискѣ собственною наслѣдника цесаревича рукою написано:

Теперь важнѣе всего дождаться прибытія назначенныхъ подкрѣпленій, которыя начинаютъ прибывать на линію съ 22-го іюня.

76.

Записка князя Чернышева министру финансовъ Ф. П. Вронченко.

Петергофъ 24-го іюня 1840 г.

Копія.

Секретно.

Нужное.

Вчера въ Секретномъ комитетѣ были доложены два представленія губернаторовъ: Тульскаго и Калужскаго, вслѣдствіе заключенія гу-

бернскихъ и уѣздныхъ предводителей и коммиссій народнаго продовольствія о необходимыхъ пособіяхъ для помѣщичьихъ крестьянъ сихъ двухъ губерній. Прочтя со вниманіемъ сіи бумаги, я хотя и доложилъ его величеству, что комитетъ, по случаю отправленія графа Строганова въ сіи губерніи, съ полною властію высочайше ему предоставленною, не могъ сдѣлать другого заключенія, какъ ожидать увѣдомленія графа Строганова о настоящемъ положеніи сихъ губерній по степени пособій для нихъ необходимыхъ; но не менѣе того, по важности представленій губернаторовъ, я не могъ умолчать о содержаніи ихъ предъ его величествомъ. Государь императоръ изъявилъ желаніе самъ прочесть эти бумаги и сейчасъ возвратилъ мнѣ ихъ съ собственноручною запискою, при семъ прилагаемою. Я считаю нужнымъ какъ эту записку, такъ и самыя бумаги сообщить вамъ, почтеннѣйшій Федоръ Павловичъ, для предварительныхъ вашихъ соображеній, которыя впрочемъ могутъ относиться только до того, чтобы заблаговременно имѣть въ готовности значительные капиталы на случай востребованія, которое неминуемо послѣдуетъ; но это нисколько не измѣняетъ заключенія Секретнаго комитета: оно должно оставаться въ своей силѣ до полученія ожидаемыхъ свѣдѣній о томъ, что графъ Строгановъ найдетъ и предприметъ на мѣстѣ. Прошу васъ, по прочтеніи сихъ бумагъ, мнѣ оныя возвратить, если можно, въ продолженіе завтрашняго дня.

Подписалъ графъ А Чернышевъ.

Собственною его императорскаго величества рукою написанная записка:

24-го іюня 1840 г.

Больно читать, но нельзя не дать вѣры, ибо писано людьми, которые лгать не станутъ.

Надо будетъ г. Вронченкѣ сообразить предварительно какъ покрыть сей огромный расходъ; я полагаю, что лучше всего билетами государственнаго казначейства.

77.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Чернышева — императору Николаю I.

18-го января 1841 г.

Не имѣя возможности, ни времени изучить финансовую науку, во всѣхъ ея подробностяхъ, я ограничусь самымъ краткимъ изложеніемъ,

простымъ языкомъ, того, что внушаютъ мнѣ совѣсть и практическое понятіе, о важномъ вопросѣ, относящемся до предложенной перемѣны выпущенныхъ билетовъ государственнаго казначейства на *новые*, коимъ присвоиваютъ иныя основанія!

Достоинства новыхъ билетовъ государственнаго казначейства неоспоримы:—они соединяютъ въ себѣ всѣ качества нынѣшнихъ билетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ассигнацій; *свободное*, а не *принужденное* ихъ кругообращеніе, въ видѣ законныхъ представителей монеты, съ *обязательствомъ* правительственныхъ мѣстъ принимать и размѣнивать ихъ безпрепятственно, можетъ облегчить коммерческія сношенія въ Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить и развить, въ обширномъ нашемъ отечествѣ, промышленность и торговлю, до крайности нынѣ стѣсненныхъ, именно отъ недостатка легкоподвижныхъ денежныхъ средствъ въ кругообращеніи.

Возраженіе, что новые билеты понижаютъ проценты, противу нынѣшнихъ билетовъ государственнаго казначейства, а именно вмѣсто $4^{32}/_{100}$ на $3^{65}/_{100}$, по моему мнѣнію, можетъ служить не въ укоризну, а въ похвалу ихъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) размѣръ сихъ процентовъ весьма простъ и доступенъ понятію даже простолюдиновъ, ибо билетъ 100 р. достоинства приноситъ 1 коп., а 50 р. одну денежку въ день, и 2) онъ ниже банковыхъ процентовъ, что весьма важно, чтобы не подорвать у насъ сихъ кредитныхъ установленій. Очень естественно, что капиталисты, которые довольствуются до времени одними процентами съ своихъ суммъ, предпочтутъ имѣть ихъ въ билетахъ казначейства, получая болѣе процентовъ, нежели въ банкахъ, съ самаго дня поступленія къ нимъ и имѣя возможность употребить ихъ когда заблагоразсудятъ; тогда какъ въ банкахъ, не говоря о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ иногда въ скоромъ полученіи своего капитала обратно, проценты на оный выдаются не прежде, какъ по истеченіи шести мѣсяцевъ послѣ вклада! Все это ведетъ къ заключенію, что новые билеты гораздо скорѣе достигнутъ цѣли правительства, чтобы у частныхъ людей не оставались капиталы мертвыми, а преимущественно обращались на общеполезныя предпріятія и расширеніе промышленности и торговли.

Другое возраженіе, слышанное въ происходившихъ сужденіяхъ 9-го сего мѣсяца, относилось до того, что, при всемъ преимуществѣ новыхъ билетовъ, они не будутъ имѣть никакого вещественнаго обезпеченія. Нельзя отрицать существенной пользы такого рода обезпеченія и того, что оно надежнымъ образомъ упрочило бы успѣхъ всей опе-

раціи; но поелику правительство, въ настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ, не имѣетъ нынѣ къ тому ни способовъ, ни возможности, то необходимость заставляетъ искать въ замѣнъ сего иное средство. Въ Россіи, благодареніе Богу, слово царское доселѣ составляетъ обезпеченіе самое вѣрное, самое надежное и непреложное; на немъ, а не на вещественномъ какомъ-либо залогѣ, основано довѣріе и къ нынѣшнимъ билетамъ казначейства и къ ассигнаціямъ вообще. Почему же народъ имѣлъ бы менѣе вѣры къ новымъ бумагамъ, особенно когда бумаги эти представляютъ противу нынѣшнихъ многія удобства въ обращеніи и въ размѣнѣ! Съ своей стороны я не вижу на то никакихъ основательныхъ причинъ. Собою разумѣется, что правительство не должно въ выпускѣ новыхъ билетовъ превзойти извѣстной мѣры и соразмѣрять оный истинною потребностію денегъ въ государствѣ. Я полагаю, что безъ опасенія можно бы, если надобности государственныя того востребуютъ, для покрытія дефицита, выкупа прежнихъ билетовъ казначейства и ассигнацій и въ особенности дабы выиграть необходимое время для кореннаго преобразованія нашего финансоваго управленія, постепенно допустить сей выпускъ до $^2/_3$ противу общей массы чеканной монеты, въ Имперіи обращающейся. Это мнѣніе основано на фактѣ, о коемъ упомянулъ уже выше, именно на общемъ недостаткѣ легкоподвижныхъ денегъ, для оборотовъ промышленности и внутренней торговли и происходящей, сколько отъ упадка частнаго кредита, столько же отъ неимѣнія способовъ къ передвиженію капиталовъ. Слѣдствіе обѣихъ этихъ причинъ состоитъ въ крайней нерѣдко необходимости пересылать звонкую монету съ одного мѣста на другое, а при обширности имперіи и медленности сообщеній, таковое положеніе сего дѣла подавляетъ всякое нѣсколько значительное предпріятіе, если оно удалено отъ столицъ или портовыхъ городовъ.

Все вышеприведенное служитъ доказательствомъ, что выпускъ новыхъ билетовъ казначейства, въ надлежащей соразмѣрности можетъ быть полезенъ, если будутъ приняты неукоснительныя мѣры для поддержанія ихъ кредита при первоначальномъ ихъ обращеніи и безпрепятственнаго ихъ размѣна. Эти мѣры могли бы состоять, между прочимъ, въ позаимствованіи изъ депозитной кассы нѣсколькихъ милліоновъ рублей чеканной монеты, собственно для учрежденія какъ въ столицахъ, такъ и въ главныхъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ Имперіи, немедленнаго размѣна билетовъ сихъ на наличныя деньги, по востребованію предъявителей. Позаимствованная же изъ депозитной кассы монета могла бы быть замѣнена, въ то же самое время, соот-

вѣтственнымъ вѣсомъ слитковъ золота и серебра со здѣшняго монетнаго двора. Подобныя замѣны монетъ слитками, допускаемыя и въ чужихъ государствахъ, особенно въ англійскомъ банкѣ, были бы у насъ совершенно безвредны, но для отвращенія въ публикѣ всякихъ недоразумѣній и толковъ необходимо будетъ дать этой мѣрѣ надлежащую гласность.

Заключая симъ сужденіе мое объ этомъ важномъ предметѣ, я со всею откровенностію долженъ присовокупить, что, одобряя предложенный выпускъ билетовъ государственнаго казначейства въ новомъ ихъ видѣ, какъ мѣру, въ настоящихъ обстоятельствахъ неизбѣжную, я не могу признать ее исключительнымъ способомъ къ коренному исправленію нашихъ финансовъ, но разсматриваю ее собственно какъ *средство*, дающее *возможность* къ переходу въ лучшее положеніе и *время*, къ прочному устройству жизненной части государства. Къ сей спасительной мѣрѣ необходимо приступить безъ малѣйшаго отлагательства. Улучшеніе же нашихъ финансовъ искать слѣдуетъ. сколько въ сокращеніи расходовъ, въ той степени, въ коей достоинство и могущество правительства то позволятъ; но главнѣйше въ умноженіи источниковъ доходовъ, по хозяйственнымъ частямъ финансоваго управленія, всемѣрно стараясь, чтобы они непремѣнно превосходили ежегодную потребность! Этимъ только способомъ мы навсегда можемъ избѣжать того крайняго и опаснаго состоянія, въ которомъ съ нѣкотораго времени, при заключеніи каждой государственной росписи, мы вынуждаемся обращаться къ мѣрамъ чрезвычайнымъ и въ той же степени разорительнымъ на долгое время. Симъ единственно мы отвратимъ неисчислимыя бѣдствія, кроющіяся въ настоящемъ нашемъ финансовомъ положеніи, изъ котораго намъ непремѣнно надобно выйти, не щадя для сего ни времени ни всевозможныхъ усилій.

Графъ А. Чернышевъ.

На запискѣ написано: *Государь императоръ изволилъ читать 18-го января 1841 г.*

78.

Всеподданнѣйшая записка князя Чернышева—императору Николаю I.

12-го августа 1841 г.

Его королевское высочество гросъ-герцогъ Веймарскій сейчасъ изволилъ мнѣ лично вручить знаки своего ордена Бѣлаго Сокола. Все-

подданнѣйше испрашиваю высочайшаго соизволенія на принятіе и ношеніе сего ордена.

Князь А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Честь имѣю поздравить; но настоящій употреблять гораздо пріятнѣе, чѣмъ *фальшивый*.

79.

Всеподданнѣйшая записка князя Чернышева — императору Николаю I.

29-го октября 1842 г.

По случаю отсутствія двухъ членовъ комитета по устройству Закавказскаго края: графа Блудова и министра внутреннихъ дѣлъ, вызванныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ Царское село, и приключившейся болѣзни министра финансовъ, комитетъ, ограничился сего числа выслушаніемъ нѣсколькихъ текущихъ дѣлъ, а разсмотрѣніе наказа главному управленію и болѣе важныхъ предметовъ, отложилъ до будущей субботы 31-го октября. Вслѣдствіе чего, испрашиваю соизволенія вашего величества остаться въ городѣ на этотъ день.

Не благоугодно ли будетъ повелѣть для полноты соображеній о всѣхъ видахъ и предположеніяхъ вашихъ, относительно вообще управленія Закавказскимъ краемъ прочесть комитету, собственно для свѣдѣнія, одобренный, на имя главноуправляющаго, рескриптъ, который будетъ представленъ мною къ подписанію вашего величества завтрашняго числа.

Князь А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Согласенъ.

80.

Докладная записка князя Чернышева—цесаревичу Александру Николаевичу.

С.-Петербургъ, 17-го сентября 1843 г.

Военный министръ поставляетъ долгомъ представить его императорскому высочеству государю наслѣднику цесаревичу списокъ съ полученныхъ по вчерашней тифлисской экстра-почтѣ письма генералъ-адъютанта Нейдгарта и донесенія генералъ-маіора Клюки фонъ-Клугенау, по важности заключающагося въ сихъ бумагахъ прискорбнаго извѣстія о совершенномъ пораженіи отряда подполковника Веселицкаго въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

Генералъ-адъютантъ князь Чернышевъ имѣетъ честь приложить у сего копію съ записки, при коей онъ посылаетъ означенныя бумаги государю императору съ фельдъегеремъ, отходящимъ сего числа въ мѣстопребываніе его величества.

На запискѣ собственною наслѣдника цесаревича рукою написано:

Весьма непріятное дѣло! Дай Богъ, чтобы оно не имѣло дурныхъ послѣдствій!

Копія съ письма генералъ-адъютанта Нейдгардта къ военному министру отъ 4-го сентября № 4.

Изъ прилагаемаго у сего въ копіи рапорта генерала Клюки фонъ-Клюгенау, мною здѣсь во Владикавказѣ полученнаго, ваше сіятельство усмотрѣть изволите пораженіе частью ввѣренныхъ ему войскъ понесенное. Я тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи его по возможности изъ отрядовъ генералъ-маіора Фрейтага и князя Аргутинскаго-Долгорукова и надѣясь на распорядительность и храбрость генерала Клюки, я уповаю, что помощію Божіею отклонены будутъ дальнѣйшія гибельныя послѣдствія.

Я располагалъ было осмотрѣть Нарзановское, Кабардинское и Нестеровское укрѣпленія, но теперь поспѣшаю обратно въ Тифлисъ, дабы дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Секретно.

Копія съ рапорта господину корпусному командиру командующаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ генералъ-маіора Клюки фонъ-Клугенау отъ 30-го августа за № 14.

Съ разсвѣтомъ 29-го числа, я съ ста конными шамхальскими милиціонерами выступилъ изъ Шуры; на дорогѣ безпрерывно чрезъ нарочныхъ получалъ извѣстія отъ разныхъ частныхъ начальниковъ о быстромъ движеніи войскъ къ Цатаныху, но объ укрѣпленіи Унцукульскомъ и самомъ селеніи не было никакого положительнаго свѣдѣнія.

Въ половинѣ перваго пополудни, вблизи с. Ирганай, прискакалъ ко мнѣ переводчикъ койсубулинскаго пристава съ запискою отъ подполковника Евдокимова, въ которой сказано: «Отрядъ подполковника Веселицкаго истребленъ совершенно».

Подполковникъ Веселицкій, взявъ изъ Цатаныха одну линейную роту и 3-ю карабинерную Мингрельскаго полка съ двумя горными единорогами, безъ всякаго отъ меня разрѣшенія, присоединилъ къ себѣ 3-ю и 4-ю гренадерскія роты Апшеронскаго полка, находившіяся для вырубки дровъ въ Хорочинскомъ лѣсу, ночью на 29-е спустился къ Унцукульскимъ садамъ, а на разсвѣтѣ двинулся въ самые сады, отъ которыхъ былъ отбитъ, при отступленіи отрѣзанъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ, орудія взяты, роты опрокинуты къ Аварскому Койсу, частію истреблены, частію взяты въ плѣнъ. О подробностяхъ таковаго неслыханнаго несчастія, я буду имѣть честь донести вашему высокопревосходительству, когда откроются всѣ обстоятельства дѣла. Почти единовременно съ Веселицкимъ потерпѣлъ сильное пораженіе Араканскій старшина подпоручикъ Гассанъ-Хафки, имѣвшій намѣреніе проникнуть къ Унцукулю съ Араканскою милиціею, чрезъ Чертовъ мостъ (Шайтанъ-Керпи); потеря его состояла въ 24-хъ убитыхъ и въ 54-хъ раненыхъ.

Шамиль, истребивъ отрядъ Веселицкаго, обратилъ всѣ усилія противъ Унцукульскаго укрѣпленія и самаго селенія, два горныхъ единорога онъ поставилъ противъ башни, прикрывавшей воду; къ 10-ти часамъ вечера башня была разрушена и взята, нижняя часть селенія сдалась по переговорамъ; впрочемъ, большая половина жителей держала сторону Шамиля; преданные намъ, съ старшиною, перешли въ верхнюю часть селенія, окружающую укрѣпленіе, куда и снесли все свое иму-

щество. Сегодня я получилъ извѣстіе, что изъ Унцукульскаго укрѣпленія вовсе нѣтъ выстрѣловъ, но неизвѣстно отъ недостатка ли снарядовъ, или отъ того, что непріятель, не имѣя успѣха въ атакахъ, думаетъ заставить гарнизонъ, по недостатку воды и снарядовъ, сдаться.

Шамиль все болѣе и болѣе увеличиваетъ свои скопища, и ободренный важнымъ успѣхомъ, какъ слышно, имѣетъ намѣреніе прервать наши сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою, занявъ Балаканское и Ирганайское ущелья.

Предпріятія Шамиля важны, скопища его простираются уже теперь до двѣнадцати тысячъ, я сосредоточиваю все къ Цатаныху, но не смотря на всевозможное ослабленіе войскъ на всѣхъ пунктахъ, какъ на плоскости, такъ и въ Аваріи, я не могу собрать болѣе 12-ти ротъ съ двумя полевыми орудіями и пятью горными единорогами: невозможно оставить безъ прикрытія Балаканскаго и Ирганайскаго ущелій. Это заставило меня просить князя Аргутинскаго прислать на помощь ко мнѣ два баталіона; но если гарнизонъ въ Унцукулѣ, до прибытія послѣдняго моего эшелона, перваго баталіона Кабардинскаго полка, то-есть до 1-го сентября, еще удержится, то мнѣ предстоитъ для спасенія его и двухъ полевыхъ орудій, находящихся въ укрѣпленіи, рѣшиться на отважное дѣло.

Непріятель многочисленъ и дерзокъ, силы наши слабы, но я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, для защиты и спасенія края, и великъ Богъ русскій!

Копія.

17-го сентября 1843 г.

По тифлисской экстра-почтѣ, прибывшей вчерашняго числа, получилъ я между прочими бумагами представляемое у сего письмо командира Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и копію съ рапорта генералъ-маіора Клюки фонъ-Клугенау, отъ 29-го августа, о совершенномъ пораженіи, претерпѣнномъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ отрядомъ подполковника Веселицкаго, изъ 4-хъ ротъ пѣхоты при 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

Изъ прилагаемаго при семъ отношенія генералъ-адъютанта Нейдгарта за № 1506, ваше императорское величество усмотрѣть изволите, что генералъ-маіоръ фонъ-Клугенау доноситъ, отъ 16-го августа, что по свѣдѣніямъ лазутчиковъ враждебное скопище, угрожавшее Аваріи въ началѣ этого мѣсяца, разошлось и что онъ не ожидаетъ важныхъ предпріятій со стороны Шамиля. Между тѣмъ доставленное въ то же

время извѣстіе командующимъ Лезгинскою кордонною линіею генералъ-маіоромъ Шварцомъ обнаруживаетъ, что, напротивъ того, Шамиль продолжалъ собирать значительныя силы съ намѣреніемъ обратиться преимущественно на Сѣверный Дагестанъ. Очевидно, что лазутчики генералъ-маіора фонъ-Клугенау сообщили ему свѣдѣнія самыя неосновательныя о приготовленіяхъ непріятеля въ ближайшемъ его сосѣдствѣ. Отдавая должную справедливость достоинствамъ сего храбраго генерала, коего отважность въ весьма критическихъ обстоятельствахъ неоднократно увѣнчана была успѣхомъ, нельзя не замѣтить, что и въ предшествовавшіе годы ложныя донесенія его лазутчиковъ вовлекали его въ ошибочныя соображенія и мѣропріятія.

О связи происшествій въ Сѣверномъ Дагестанѣ между 16 и 29 августа нѣтъ ясныхъ и положительныхъ свѣдѣній. Но заключить должно по имѣющимся въ виду даннымъ, что внезапное появленіе мятежниковъ въ окрестностяхъ Унцукуля и неизвѣстность о настоящихъ ихъ силахъ, побудили подполковника Веселицкаго неосторожно двинуться къ этому пункту и, не ожидая ни подкрѣпленій, ни даже приказаній генералъ-маіора фонъ-Клугенау, атаковать превосходнаго непріятеля, занимающаго выгодную позицію.

Генералъ-адъютантъ Нейдгартъ распорядился усиленіемъ войскъ для дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ расположенныхъ изъ отрядовъ генералъ-маіоровъ Фрейтага и князя Аргутинскаго-Долгорукова. По мнѣнію моему, осторожнѣе бы было отдѣлить на сей предметъ войска отъ Кумыкскаго отряда, нежели Самурскаго, какъ по близости Кумыкскихъ владѣній отъ Темиръ-Ханъ-Шуры и Аваріи, такъ и потому, что ослабленіе Самурскаго отряда можетъ ободрить Шамиля броситься вновь на ханство Казы-Кумыкское, не смотря на неудачу вторженія его въ этотъ край весною прошедшаго года. Но всякія указанія отсюда достигли бы Тифлиса слишкомъ поздно.

Судьба Унцукульскаго форта, обложеннаго скопищемъ мятежниковъ, еще неизвѣстна. Пунктъ сей временно занятъ 7-ю ротою Мингрельскаго егерскаго полка.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ свѣдѣній о послѣдующемъ ходѣ обстоятельствъ, нынѣ столь неблагопріятныхъ, возвращеніе генералъ-адъютанта Нейдгарта въ центръ его управленія подаетъ надежду, что всѣ распоряженія, которыхъ потребуетъ оборотъ дѣлъ, приняты будутъ сколь можно благовременно къ уничтоженію дерзкихъ покушеній Шамиля. Тѣмъ желательнѣе достигнуть этой цѣли безъ всякой потери

времени, что приближающаяся зима положитъ непреодолимыя препятствія къ движенію войскъ въ горахъ.

81.

Всеподданнѣйшая записка князя Чернышева—императору Николаю I.

Le 25 Juin 1844.

J'ose Vous supplier, Sire, de ne pas m'en vouloir pour ce peu de lignes. Habitué depuis tant d'années, à offrir à Votre Majesté Impériale mes très respectueuses félicitations à l'occasion de Son jour de Fête, je tiens, aujourd'hui, plus que jamais, à Lui faire parvenir les voeux ardents, qu'adresse au Tout Puissant, un coeur dévoué et reconnaissant, afin, que dans Sa bonté Divine il daigne au plustôt, mettre un terme à Votre douloureuse épreuve, Sire, et Vous accorder, ainsi qu'à Votre Auguste Famille, tous les biens possibles sur terre!

Pr. A. Tschernicheff.

На письмѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Je vous remercie sincérement pour vos bons voeux; que Dieu ait pitié de nous; c'est tout ce que nous lui demandons!

82.

Всеподданнѣйшая записка князя Чернышева — императору Николаю I.

22-го октября 1845 г.

Хотя у меня и есть нѣсколько бумагъ для личнаго доклада, но онѣ такого рода, что могутъ быть отложены до воскресенья; между тѣмъ ваше императорское величество изволили назначить на завтрашній день работу по кавказскимъ дѣламъ съ статсъ-секретаремъ Позеномъ, то благоугодно ли будетъ вашему величеству и этотъ докладъ отложить до другого дня?

Князь А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Можно отложить работу съ Позеномъ до понедѣльника или вторника.

Слышу, что жена Г. Кноринга умираетъ, чего я вовсе не зналъ; дайте ему знать чрезъ Г. Веймарна, сколько я объ немъ жалѣю, и что я не зналъ этого, давъ повелѣніе о смотрѣ, на которомъ за него можетъ командовать старшій.

83.

Всеподданнѣйшее донесеніе князя Чернышева—императору Николаю I.

С.-Петербургъ 9-го мая 1849 года.

Сего числа, генералъ-лейтенантъ Дубельтъ представилъ мнѣ первоначальные допросы, доставленныхъ вчера двухъ дворянъ Ковенской губерніи: Игнатія *Волловича* и Осипа *Нарейковича*, задержанныхъ, по благоразумному распоряженію ямбургскаго городничаго маіора Вестмана, при обратномъ слѣдованіи ихъ изъ С.-Петербурга въ Литву.

Усмотрѣвъ изъ перваго допроса Волловича, что онъ участвовалъ въ польскомъ мятежѣ и состоялъ подъ надзоромъ полиціи; что, не смотря на это, онъ на короткое время прибылъ въ Петербургъ, безпрепятственно отправился въ Москву и находился тамъ во время пребыванія вашего величества въ сей столицѣ, что въ его бумагахъ найдены паспорты на разныя имена и нѣсколько бланковъ подороженъ; что онъ имѣлъ банковые билеты, по коимъ въ Москвѣ получилъ значительныя суммы; что все это онъ получилъ отъ *неизвѣстнаго* будто бы агента преступной пропаганды въ Ковнѣ, для исполненія его порученій!

Все имъ показанное, которое далеко еще отъ истины, доказываетъ, что онъ изъ злѣйшихъ преступниковъ и что задержаніе его можетъ повести къ важнымъ открытіямъ! Вслѣдствіе сего, и за отсутствіемъ государя наслѣдника цесаревича, я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: объявилъ нынѣ же коменданту Спб. крѣпости высочайшее повелѣніе, Волловича посадить въ казематъ секретныхъ арестантовъ; предложилъ ген. Дубельту подлинные допросы съ обоихъ лицъ отправить графу А. Ф. Орлову, для всеподданнѣйшаго доклада; отнестись, безъ малѣйшей потери времени, къ кому слѣдуетъ, чтобы у всѣхъ поименованныхъ лицъ Волловичемъ захватить и запечатать бумаги и доставить

ихъ сюда и строжайше изслѣдовать каждый шагъ Волловича. До дальнѣйшихъ же открытій Нарейковича содержать подъ арестомъ при III отдѣленіи.

Обо всемъ вышенаписанномъ считаю долгомъ донести вашему императорскому величеству.

Князь А. Чернышевъ.

На донесеніи собственною его императорскаго величества рукою написано:

Важное открытіе; надо слѣдствіе вести весьма строго и осторожно; всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу арестовать сейчасъ, а не довольствоваться однимъ отобраніемъ бумагъ; въ особенности обратить вниманіе на тѣхъ, у кого они проживали въ столицахъ и съ кѣмъ были въ сношеніяхъ. Не были-ль можетъ быть причастны къ дѣлу Петрашевскаго?

84.

Докладная записка князя Чернышева — императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Le 11 Juillet 1849.

Voici, Madame, la copie de la dépêche, de l'aide de camp général Berg au maréchal prince de Varsovie en date du 1 (13) Juillet. Votre Majesté Impériale m'a permis de la mettre sous ses yeux. Une troupe animée de pareils sentiments envers son Dieu et ses Souverains, est digne de la bénédiction Divine et de l'estime générale.

P-ce A. Czernicheff.

На запискѣ собственною ея императорскаго величества рукою написано:

Je vous suis très reconnaissante, mon Prince. Que Dieu bénisse nos braves et excellentes trouppes de plus en plus. A.

85.

Всеподданнѣйшая записка князя Чернышева — императору Николаю Павловичу.

Le 27 Avril 1850.

J'oserai, Sire, Vous demander la grâce, de m'accorder dix minutes d'audience sans témoin.

J'éprouve un besoin de coeur d'entretenir Votre Majesté Impériale avec la franchise et l'inaltérable dévouement qu'Elle me connaît pour son Auguste Personne.

P-ce A. Czernicheff.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Demain après notre travail je serais prêt à vous entendre, à moins que cela ne presse, et dans ce cas vous pouvez venir à $10^1/_2$ ce soir, quand je serai rentré.

86.

Всеподданнѣйшая записка князя Чернышева — императору Николаю I.

С.-Петербургъ, 11-го сентября 1852 г.

Прусскій посланникъ генералъ Роховъ вручилъ мнѣ вчерашняго числа чрезвычайно лестный собственноручный рескриптъ его величества короля прусскаго.

Повергая рескриптъ этотъ на Высочайшее ваше усмотрѣніе, осмѣливаюсь испрашивать разрѣшенія вашего императорскаго величества отвѣчать на оный и на принятіе пожалованной мнѣ сабли, когда оная доставлена будетъ.

Князь А. Чернышевъ.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Очень мило, любезно и *справедливо*; душевно раздѣляю ваше удовольствіе и радъ буду видѣть васъ въ саблѣ, возбуждающей столь славныя воспоминанія.

87.

Черновое письмо князя Чернышева по поводу полученія рескрипта отъ прусскаго короля.

Le 20 Sept. (2 Oct.) 1852.

Sire!

Le rescrit si gracieux et si flatteur, dont V. M. m'a honoré en date du 7 (19) de ce mois, m'a pénétré de la plus profonde gratitude. Si j'ai pu le mériter, c'est parce que durant toute ma carrière, dont s'accomplit aujourd'hui le cinquantième anniversaire, je me suis constamment attaché à être le fidèle interprète des sentiments de mes Augustes Maîtres envers la Prusse et sa belle armée.

Chargé, en premier lieu, par feu l'Empereur Alexandre de rendre compte au Roi, Votre Auguste Père, des missions toutes confidentielles, que je remplissais à Paris, j'eus ensuite le bonheur, après la libération du territoire Russe, d'être le premier parmi mes Frères d'armes, que les circonstances appelèrent à tendre la main aux vaillantes troupes Prussiennes et à poursuivre avec elles l'oeuvre commune de la délivrance de l'Europe.

Témoin alors, de la fermeté et du dévouement de ces troupes à la bonne cause, dont nos Augustes Souverains et V. M. nous donnèrent l'exemple, je suis fier du titre de Camarade, par lequel Vous daignez consacrer ces mémorables souvenirs.

Dans la seconde période de mon service au ministère de la guerre, l'ancienne bienveillance de Votre Auguste Père pour moi et celle dont V. M. vient de m'accorder une preuve si éclatante, ont rendu ma tâche très douce, dans les occasions que j'ai eu d'exprimer la profonde sympatie de l'Empereur mon Maître pour le glorieux drapeau Prussien.

Le sabre qu'il a plu à V. M. de me décerner, m'est doublement précieux: comme témoignage de Votre extrême bonté à mon égard et comme gage de la confraternité de deux armées, qui ont appris à s'estimer en défendant les principes invariables sur lesquels repose le salut du monde civilisé.

En m'autorisant à l'accepter, mon Auguste Maître a sanctionné la haute signification que j'attache à ce don chevaleresque. Le porter, Sire, en Vous approchant sera un bonheur que j'ambitionne pour mettre à Vos pieds l'hommage de mon profond respect et de mon inaltérable dévouement.

Je suis

88.

Отвѣтъ на первую записку государя императора.

27-го октября 1852 г.

На собственноручную записку, коею вашему императорскому величеству угодно было почтить меня, отъ сего числа, поспѣшаю донести, что мысль *благовременнаго* разсмотрѣнія смѣтъ на 1853 годъ въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта, въ усиленномъ его составѣ, можетъ принести пользу; въ немъ средства каждаго министерства большею частію извѣстны и предсѣдатель онаго есть членъ комитета финансовъ.

Теперь рождается вопросъ: слѣдуетъ ли разсмотрѣнную смѣту какого-либо вѣдомства, въ присутствіи главнаго начальника, изъ департамента вносить въ комитетъ финансовъ, или представлять непосредственно вашему величеству на предварительное разсмотрѣніе, какъ это дѣлается нынѣ?

Все зависитъ отъ благовременнаго внесенія смѣтъ въ департаментъ и отъ времени, которое онъ будетъ имѣть на подробное разсмотрѣніе оныхъ. Одна военная смѣта не можетъ быть представлена въ скоромъ времени за неполученіемъ интендантскихъ смѣтъ.

Впрочемъ ихъ можно внести отдѣльно.

Вѣрно: князь А. Чернышевъ.

Записка собственною его императорскаго величества рукою написанная:

28-го октября 1852 г.

Разсматривая постепенно смѣты на 1853 годъ, я нахожу почти по всѣмъ вѣдомствамъ *прибавки.*

Думаю, что полезно бы было *всѣ смѣты* пересмотрѣть въ экономическомъ департаментѣ совѣта, *до общаго представленія государственной смѣты*, дабы этимъ способомъ ближе вникнуть, *одна ли* необходимость заставляетъ возвысить смѣты, или *излишество*, котораго можно бы избѣгнуть.

Напишите мнѣ, дѣлите ли мое мнѣніе; въ такомъ случаѣ дамъ объ этомъ повелѣнія; теперь самое удобное къ тому время.

Н.

Записка собственною его императорскаго величества рукою написанная:

28-го октября 1852 г.

Мнѣ кажется, что разсмотрѣнныя или *повѣренныя* смѣты въ департаментѣ должны быть представлены прежде мнѣ, дабы потомъ поступить къ министру финансовъ. Затѣмъ, по собраніи всѣхъ такимъ образомъ провѣренныхъ смѣтъ, министръ финансовъ долженъ внесть въ комитетъ финансовъ уже *проектъ государственной смѣты*, а комитетъ финансовъ, по разсмотрѣніи онаго, долженъ журналомъ представить мнѣ свои заключенія, прежнимъ порядкомъ; отъ меня же пойдетъ въ государственный совѣтъ, какъ до сего было. При этомъ будетъ та выгода, что передача смѣты въ совѣтъ не будетъ, какъ прежде, одна *проформа*, но департаментъ экономіи, бывъ въ подробности извѣстенъ, какимъ образомъ вся смѣта составлялась, служить будетъ ручательствомъ, что смѣта повѣрена тщательно.

Время достаточно, ибо на это предварительное разсмотрѣніе употребленъ быть можетъ весь ноябрь.

Графу Гурьеву надо приказать подробно разсматривать, и замѣчанія сообщать сколько можно министрамъ *главнымъ*, причастнымъ въ засѣданіи, и *не входить въ письменныя пересылки*; это будетъ просто и дѣло сократитъ.

Прошу васъ теперь сообщить всѣмъ министрамъ о послѣдовавшей моей волѣ къ *немедленному* исполненію.

Н.

89.

Черновое письмо князя Чернышева—прусскому королю.

Envoyé le 14 (26) Mai 1853.

Sire.

C'est avec une vive émotion et la plus profonde reconnaissance, que j'ai reçu le magnifique sabre, dont il a plu à V. M. de m'honorer.

En admirant la richesse et le fini de son travail, j'ai été vivement touché d'y voir retracer les plus beaux souvenirs de ma vie militaire.

Ce don chevaleresque et les Rescrits si gracieux que V. M. a daignés m'adresser à cette occasion, seront conservés dans ma famille, comme des gages précieux de Votre Auguste bienveillance pour un soldat, qui sera toujours fier d'avoir combattu pour la bonne cause avec la glorieuse armée Prussienne.

En mettant à vos pieds, Sire, l'hommage renouvelé de toute ma gratitude, je suis avec le plus profond respect, de V. M.

90.

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Чернышева—императору Николаю I.

Безъ числа и года.

Въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для окончательнаго устройства частей военно-медицинской и военно-судной, первое мѣсто занимаетъ улучшеніе содержанія врачей и аудиторовъ. По прежнимъ штатамъ, чинамъ симъ назначено содержаніе наравнѣ съ офицерами армейской пѣхоты, по табели 1816 года. Такое же содержаніе было присвоено и классным чиновникамъ хозяйственныхъ установленій военнаго вѣдомства. Въ 1834 году, по случаю значительнаго возвышенія откупнаго дохода, ваше императорское величество всемилостивѣйше соизволили даровать военнымъ офицерамъ значительныя прибавки жалованья. Содержаніе классныхъ чиновниковъ хозяйственныхъ частей военнаго министерства также достаточно улучшено на счетъ собственныхъ остатковъ министерства, пріобрѣтаемыхъ вслѣдствіе новой системы заготовленія всѣхъ потребностей. На счетъ сихъ же остатковъ оказано новое важное пособіе войскамъ, всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ, нижнимъ чинамъ мясной и винной порцій, а офицерамъ порціонныхъ денегъ. Военные врачи и аудиторы остаются доселѣ при прежнихъ окладахъ жалованья, до того скудныхъ, что рѣшительно не могутъ обезпечивать ихъ даже въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Сіи недостаточные оклады причиною значительнаго некомплекта военныхъ врачей и невозможности пріобрѣтать въ званія аудиторовъ опытныхъ и надежныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

По важности вліянія сихъ двухъ частей на общее благоустройство войскъ я имѣлъ уже счастіе всеподданнѣйше докладывать вашему императорскому величеству предположеніе мое объ улучшеніи содержанія военныхъ врачей и аудиторовъ. Мѣра эта представляется нынѣ совершенно необходимою и потому, что на счетъ новаго приращенія откупнаго дохода положено уже улучшить содержаніе всѣхъ вообще гражданскихъ чиновниковъ. Если военные врачи и аудиторы и затѣмъ останутся при прежнихъ окладахъ, то затрудненія въ пріобрѣтеніи сихъ чиновъ, для всѣхъ мѣстъ военнаго вѣдомства, еще болѣе возра-

стутъ и могутъ имѣть послѣдствіемъ ощутительное разстройство частей военно-медицинской и военно-судной.

Обращаясь затѣмъ къ самымъ основаніямъ, по которымъ прибавка сія должна быть произведена, я полагалъ бы полезнымъ, для достиженія главной цѣли: удержанія въ военномъ вѣдомствѣ хорошихъ врачей и аудиторовъ, принять въ семъ случаѣ слѣдующія правила:

1) Вообще жалованье врачамъ и аудиторамъ производить не по чинамъ, но по должностямъ. Правило это принято по всѣмъ штатамъ гражданскаго вѣдомства, гдѣ нерѣдко бываетъ, что младшій чиномъ занимаетъ высшую должность; и въ такомъ случаѣ несправедливо было бы, чтобы занимающій низшую должность, сопряженную съ меньшимъ трудомъ и отвѣтственностію, получалъ болѣе жалованья, чѣмъ занимающій высшую, труднѣйшую и болѣе отвѣтственную должность. Въ этомъ положеніи находятся нынѣ многіе военные врачи и аудиторы, получая жалованье не по должностямъ, а по чинамъ.

2) Для каждой должности присвоить окладъ первоначально довольно умѣренный, примѣняясь въ нѣкоторой степени къ окладамъ нынѣ ими получаемымъ; по прошествіи же каждыхъ пяти лѣтъ службы въ медицинскомъ и аудиторскомъ званіи, обращать четвертую часть оклада въ прибавокъ, дабы такимъ образомъ выслужившій усердно и безпорочно двадцать лѣтъ получалъ двойной окладъ, должности его присвоенный. Это, по мнѣнію моему, можетъ служить надежнѣйшимъ способомъ къ отвращенію частыхъ переходовъ отъ одной должности къ другой и удержанію въ военномъ вѣдомствѣ опытныхъ врачей и аудиторовъ.

Если основанія сіи удостоятся высочайшаго вашего императорскаго величества одобренія, то я не премину составить подробные разсчеты о суммѣ, какая по сей статьѣ потребуется, въ прибавокъ къ отпускаемой нынѣ изъ государственнаго казначейства. По предварительномъ соображеніи, я полагалъ бы возможнымъ ограничиться назначеніемъ изъ государственнаго казначейства до одного милліона рублей, съ тѣмъ, чтобы остальную затѣмъ прибавку, если таковая потребуется, принять на счетъ военнаго министерства.

91.

Письмо графа Нессельроде—императору Николаю I.

(Переданное его величеству гр. Чернышевымъ).

10 Juillet.

Au moment de faire partir l'expédition du général Mansouroff j'apprends qu'il n'est plus à Berlin, mais que, profitant d'un congé que Votre Majesté

lui a accordé pour faire une cure dans le midi de l'Allemagne et se trouve dans ce moment à Tegernsée. Cette circonstance, que j'ai complettement ignorée, n'engagerait-elle pas Votre Majesté à remplacer M-r de Mansouroff par un autre de ses Aides de Camps généraux qui, s'embarquant Samedi sur le pyroscaphe de Lubeck, arriverait très promptement à Hanovre? Si Elle s'y décidait j'oserai seulement La prier de me faire savoir le nom du général qu'Elle aura choisi afin de faire récrire la lettre de Cabinet, où celui du général Mansouroff est mentionné.

Nesselrode.

На запискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

Donnez ordre à Chipoff d'étre prêt à partir samedi et informez en Nesselrode.

92.

Предположенія по Кавказскому краю на 1840 г.

Секретно.

Сообразно съ положеніемъ Кавказскаго края, послѣ благополучно оконченныхъ въ 1839 году экспедицій въ Дагестанѣ и на Черноморскомъ берегу, на 1840 годъ предположены были слѣдующія дѣйствія:

1) На лѣвомъ флангѣ линіи возведеніе укрѣпленія въ Чиркеѣ и наблюденіе, посредствомъ особаго отряда, за мятежными лезгинами.

2) На правомъ флангѣ перенесеніе Кубанской линіи на Лабу и устройство на этой рѣкѣ трехъ укрѣпленій.

3) На восточномъ берегу Чернаго моря, исправленіе фортовъ, требовавшихъ улучшенія оборонительныхъ верковъ, и проложеніе военной дороги, чрезъ земли натухайцевъ, отъ Анапы и Новороссійска къ Варениковой пристани, на Кубани.

Но событія, совершившіяся неожиданно на восточномъ берегу Чернаго моря, измѣнили положеніе дѣлъ на Кавказѣ и потребовали новыхъ мѣропріятій.

Занятіе восточнаго берега Чернаго моря, довершенное въ минувшемъ году возведеніемъ двухъ фортовъ, Головинскаго и Лазарева, до-

стигло цѣли своего назначенія въ полномъ развитіи. Прибрежные горцы, лишенные всякихъ способовъ къ сношенію съ турецкими берегами и пособій, получаемыхъ ими оттуда, подверглись всякаго рода недостаткамъ, особенно чувствительнымъ для нихъ по прошлогоднему всеобщему въ горахъ неурожаю. Въ этомъ положеніи имъ оставалась одна надежда въ помощи правительства. По доходившимъ слухамъ, нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, преимущественно же натухайское, сильно склонялись къ изъявленію намъ покорности и неоднократно собирались для общихъ по сему предмету совѣщаній.

Между тѣмъ Черноморская береговая линія, доставившая собою столь важныя послѣдствія въ видахъ покоренія самыхъ воинственныхъ племенъ Кавказа, находилась въ положеніи весьма неудовлетворительномъ. Большая часть береговыхъ фортовъ, построенные наскоро, безъ надлежащаго соображенія съ правилами искусства и изъ матеріаловъ, которые можно было найти подъ рукою, не представляли почти никакой обороны. Дѣйствіемъ времени и непогодъ многіе оборонительные въ нихъ верки были отчасти испорчены, отчасти разрушены вовсе. Форты, построенные въ послѣднее время, находились въ этомъ отношеніи не въ лучшемъ, а еще въ худшемъ положеніи, особенно фортъ Лазаревъ, построенный въ прошедшемъ году и бывшій уже въ началѣ нынѣшняго почти безъ вала и рва. Слабые гарнизоны этихъ фортовъ не имѣли никакой возможности исправлять столь значительныя поврежденія; истощаясь въ тщетныхъ на то усиліяхъ, они не находили даже успокоенія въ своихъ казармахъ, которыя по дурной постройкѣ своей, не предохраняя ихъ отъ сырости и стужи, способствовали къ развитію жестокихъ болѣзней, слѣдствіемъ коихъ была необыкновенная смертность.

Такое положеніе укрѣпленій береговой линіи сдѣлалось извѣстно здѣсь не прежде января сего года, изъ донесеній мѣстнаго начальства и въ то же время приняты были возможныя мѣры исправленія. Для усиленія гарнизоновъ дано повелѣніе сформировать новый линейный баталіонъ; на укомплектованіе прочихъ назначено, вмѣсто рекрутъ, 1.270 человѣкъ старослужащихъ нижнихъ чиновъ изъ полковъ 5-го пѣхотнаго корпуса и херсонскій исправительный баталіонъ въ числѣ 500 нижнихъ чиновъ; сверхъ того для усиленія артиллерійской прислуги въ фортахъ назначены были одна гарнизонная артиллерійская рота изъ Севастополя и 200 человѣкъ нижнихъ чиновъ изъ резервныхъ батарей 5-го пѣхотнаго корпуса.

Собственно на исправленіе крѣпостныхъ верковъ и жилыхъ зданій ассигнована въ распоряженіе начальника линіи достаточная сумма.

Но слабость береговыхъ укрѣпленій и совершенный недостатокъ во многихъ изъ нихъ способовъ къ оборонѣ не могли остаться тайною для горцевъ, получавшихъ о томъ частыя и, какъ полагать должно, весьма подробныя и вѣрныя свѣдѣнія отъ дезертировъ (преимущественно изъ поляковъ), число коихъ усиливалось по мѣрѣ увеличенія трудностей службы въ укрѣпленіяхъ.

Рѣшившись вслѣдствіе того соединить всѣ свои силы для уничтоженія преградъ, стѣснившихъ ихъ въ такой степени и въ общественномъ и въ частномъ ихъ быту, горцы начали тревожить форты наши по всему протяженію берега и тремя изъ нихъ: фортомъ Лазарева, укрѣпленіями Вельяминовскимъ и Михайловскимъ овладѣли штурмомъ.

Слабѣйшее изъ этихъ укрѣпленій, фортъ Лазаревъ, первый подвергся нападенію горцевъ. Въ гарнизонѣ его, состоявшемъ изъ одной роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, осталось здоровыхъ людей, способныхъ носить оружіе,—не болѣе 90 человѣкъ. 7-го февраля, на разсвѣтѣ, значительная толпа горцевъ, пользуясь густымъ туманомъ, внезапно ворвалась въ укрѣпленіе, вырѣзала гарнизонъ и предала строенія пламени.

Послѣ этого несчастнаго событія, начальникъ Черноморской береговой линіи со всевозможною дѣятельностію приступилъ къ усиленію укрѣпленій, коимъ угрожала наибольшая опасность. Расположенный въ Анапѣ 2-й баталіонъ Навагинскаго пѣхотнаго полка былъ немедленно перевезенъ имъ въ эти укрѣпленія, а вслѣдъ за тѣмъ, вытребовавъ изъ-за Кубани три баталіона Тенгинскаго полка, онъ распредѣлилъ ихъ по линіи вообще.

Фортъ Вельяминовскій, подкрѣпленный, вслѣдствіе этихъ распоряженій, 2-ю гренадерскою ротою Тенгинскаго полка и усиленный въ своей оборонѣ рогатками, поставленными вокругъ разрушеннаго вала, подвергся нападенію горцевъ 29-го февраля. Въ сборищѣ свыше 7.000 человѣкъ они незамѣтно подошли къ укрѣпленію въ продолженіе ночи, скрываясь въ оврагахъ, и въ 8-мъ часу утра стремительно на оное бросились. Разрубивъ топорами и разметавъ рогатки, горцы вбѣжали въ укрѣпленіе. Не взирая на отчаянное сопротивленіе гарнизона, они подавили оный несоразмѣрнымъ превосходствомъ числа, изрубивъ до 300 чел. и взявъ въ плѣнъ до 100 чел., большею частію больныхъ. Укрѣпленіе разграблено и строенія въ немъ сожжены.

Утромъ 22-го марта взято укрѣпленіе Михайловское, защищаемое четырьмя ротами, имѣвшими подъ ружьемъ 480 нижнихъ чиновъ. На

разсвѣтѣ сборище горцевъ до 11.000 челов., явленіе въ горахъ небывалое—облегло укрѣпленіе и бросилось на валъ съ дикою рѣшимостію.

Занятіе форта Михайловскаго, замѣчательное по многочисленности горцевъ, соединившихся для нападенія на оный, достойно замѣчанія и по устройству нѣкотораго рода, замѣченному въ первый разъ между горцами, но въ особенности по мужественной оборонѣ гарнизона.

Участвовавшіе въ скопищѣ горцевъ различныя племена отличались особенными значками; передовыя линіи ихъ вооружены были длинными шестами съ прикрѣпленными къ одному концу косами и къ другому крючьями, чтобы колоть, рубить и удобнѣе влѣзать на крѣпостные верки; въ нападеніи видно было направленіе частныхъ усилій къ общей цѣли.

Подвигъ гарнизона въ оборонѣ укрѣпленія можно назвать достойнымъ безсмертной славы. Храбрый начальникъ онаго, Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона штабсъ-капитанъ Лико, извѣщенный о намѣреніи горцевъ, предварительно уже приготовился къ мужественной ихъ встрѣчѣ. Имѣя въ виду невозможность получить во-время какую-либо помощь, но рѣшившись защищать укрѣпленіе до послѣдней крайности, онъ заранѣе приготовилъ гвозди для заклепанія орудій, въ случаѣ занятія вала, а для продолженія боя до крайней возможности, устроилъ внутри укрѣпленія завалъ изъ досокъ, бочекъ и другихъ матеріаловъ, которые къ тому употреблены быть могли. Собравъ затѣмъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ гарнизона, онъ объявилъ имъ о намѣреніи своемъ защищаться до послѣдней крайности и взорвать пороховой погребъ, если не отразитъ нападенія.

Объявленіе это было принято съ единодушнымъ восторгомъ, оправданнымъ на самомъ дѣлѣ поведеніемъ гарнизона. Горцы были встрѣчены самымъ убійственнымъ огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій и только послѣ перестрѣлки, продолжавшейся полтора часа и причинившей имъ значительную потерю, они овладѣли валомъ. Геройскимъ усиліемъ гарнизона они были опрокинуты въ ровъ и обратились въ бѣгство; но конные горцы, наблюдавшіе въ нѣкоторомъ разстояніи за ходомъ дѣла, начали рубить шашками отступающихъ, которые, видя неизбѣжную такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ погибель, возобновили штурмъ, сбили гарнизонъ съ бруствера и стѣснили его въ завалъ. Между тѣмъ, прежде отступленія, всѣ продовольственные и другаго рода запасы, сложенные въ укрѣпленіи, были сожжены самимъ гарнизономъ. Еще съ полчаса продолжалась перестрѣлка, наконецъ она умолкла и горцы торжествовали уже побѣду, когда послѣдовалъ взрывъ пороховаго погреба.

Гарнизонъ погибъ, исполнивъ подвигъ. безпримѣрный въ лѣтописяхъ военныхъ и съ нимъ погибли всѣ горцы, находившіеся въ укрѣпленіи.

Сіи подробности извѣстны изъ показаній лазутчиковъ и двухъ азовскихъ казаковъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями дѣла. Они находились въ принадлежавшемъ къ укрѣпленію блокгаузѣ, устроенномъ на берегу моря, въ нѣкоторомъ отъ форта разстояніи, были взяты горцами въ плѣнъ по занятію ими этого блокгауза послѣ взрыва укрѣпленія и изъ плѣна успѣли спастись бѣгствомъ.

Государь императоръ, во всемилостивѣйшемъ попеченіи о семействахъ храбрыхъ защитниковъ форта Вельяминовскаго, высочайше повелѣть соизволилъ: вдовамъ, матерямъ, или дѣтямъ ихъ обратить въ пенсіонъ полное содержаніе погибшихъ мужей, сыновей или отцовъ; дѣтей же сверхъ того принять въ учебныя заведенія на казенное содержаніе.

Второе отдѣленіе Черноморской береговой линіи также было подвержено неоднократнымъ нападеніямъ горцевъ. Всѣ они были отражены съ успѣхомъ. Въ силахъ, болѣе значительныхъ, горцы собирались противъ фортовъ Головинскаго и Навагинскаго, но благовременное появленіе эскадры Черноморскаго флота у этихъ фортовъ устрашило враждебныя скопища, которыя, не предпринявъ ничего рѣшительнаго, разошлись по домамъ.

Столь неожиданные и необыкновенные успѣхи горцевъ на береговой линіи возбудили во всемъ горскомъ населеніи исчезавшую уже надежду сохранить свою независимость. Волненія, начавшіяся вслѣдствіе того между болѣе враждебными намъ племенами на правомъ флангѣ линіи, быстро распространились по всему ея протяженію и нынѣ, на обѣихъ оконечностяхъ линіи, горцы приступили уже къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

На лѣвомъ флангѣ извѣстный Шамиль, уничтоженный въ прошедшемъ году въ общемъ мнѣніи своихъ единоземцевъ нанесенными ему пораженіями, возникъ вновь съ значительною шайкою приверженцевъ, ежедневно усиливающеюся. Возмущая покорныя и мирныя селенія, изъ коихъ небольшое только число остается вѣрнымъ своему долгу, онъ досель не отваживался однако ни на какое нападеніе на линію, удерживаемый наблюдающимъ за его движеніями отрядомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева.

На правомъ флангѣ племена натухайцевъ, шапсуговъ и абадзеховъ соединились для овладѣнія закубанскими нашими укрѣпленіями. Одно изъ нихъ: укрѣпленіе Николаевское, находящееся на военной до-

рогѣ изъ Ольгинскаго редута въ Геленджикъ, взято ими 31-го марта, не смотря на совершенную исправность оборонительныхъ верковъ и мужественную защиту гарнизона, умершаго съ оружіемъ въ рукахъ. Находясь въ значительныхъ сборахъ, они угрожаютъ непрерывно укрѣпленіямъ: Афинскому, Абинскому и Ольгинскому, какъ равно и форту Раевскому, находящемуся на сухопутномъ сообщеніи между Анапою и Новороссійскомъ.

Всѣмъ этимъ укрѣпленіямъ доставлено въ свое время отъ войскъ, въ Черноморіи расположенныхъ, нужное подкрѣпленіе, и оборонительные ихъ верки приведены въ исправное состояніе.

По мѣрѣ полученія донесеній о сихъ различныхъ событіяхъ, его императорскимъ величествомъ указаны были дѣйствія, каждому случаю приличествующія и назначены нужные къ тому способы. Обозрѣвая между тѣмъ въ совокупности настоящее положеніе дѣлъ на Кавказѣ, его величество находить изволитъ, что общее возстаніе горцевъ, ослабленныхъ многолѣтнею борьбою съ Россіею и стѣсненныхъ притомъ во всѣхъ способахъ къ своему существованію, очевидно должно истощить послѣднія ихъ силы и привести ихъ окончательно къ безусловной покорности волѣ правительства. Для достиженія этой цѣли въ возможной полнотѣ и совершенствѣ, государемъ императоромъ признано необходимымъ усилить способы отдѣльнаго кавказскаго корпуса до такой степени, чтобы не только нападенія горцевъ были отражаемы успѣшно на всѣхъ пунктахъ, но чтобы война могла быть перенесена въ собственныя ихъ земли и продолжаема тамъ со всею настойчивостію, дабы, съ одной стороны, убѣдить горцевъ на самомъ дѣлѣ въ ничтожествѣ и безнадежности ихъ сопротивленія, а съ другой, истребленіемъ ихъ жилищъ, жатвъ, посѣвовъ и запасовъ всякаго рода, поставить ихъ въ совершенную необходимость искать своего спасенія въ покорности правительству.

Дѣйствія эти, производясь безъ различія въ земляхъ всѣхъ непокорныхъ племенъ, преимущественно должны быть направлены противъ виновныхъ въ дерзкихъ покушеніяхъ на наши укрѣпленія. Селеніямъ ихъ и имуществу не должна быть дана ни малѣйшая пощада, а въ угрожающій примѣръ другимъ государь императоръ указать соизволилъ ставить на развалинахъ подобныхъ селеній столбы съ надписью на языкѣ въ горахъ болѣе употребительномъ, о содѣянномъ ими преступленіи и о постигшей ихъ карѣ.

Напротивъ того, селенія, намъ преданныя и оставшіяся покорными, должны воспользоваться полнымъ покровительствомъ и защитою нашихъ

войскъ; причемъ начальствующимъ въ отрядахъ поставлено въ обязанность стараться склонять жителей различными мѣрами поощренія къ поднятію за насъ оружія.

Эти главные виды государя императора въ предлежащихъ въ семъ году противъ горцевъ дѣйствіяхъ, предписаны въ руководство начальствующимъ въ Кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ; назначенное же сему корпусу подкрѣпленіе заключается въ слѣдующемъ.

1) *Для дѣйствій на восточномъ берегу Чернаго моря* составленъ отрядъ изъ полковъ 15-й пѣхотной дивизіи и Виленскаго егерскаго полка, въ трехбаталіонномъ составѣ съ одною артиллерійскою батареею 5-го пѣхотнаго корпуса.

Къ отряду сему присоединяются отъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса:

Одна рота саперъ.

10-ть орудій горной артиллеріи.

Два черноморскихъ пѣшихъ полка.

Сіи послѣдніе назначены собственно для строительныхъ работъ.

Отрядъ этотъ ввѣренъ главному начальству генералъ-лейтенанта Раевскаго. Ему вмѣнено въ обязанность овладѣть однимъ или двумя изъ прибрежныхъ укрѣпленій, взятыхъ горцами, приступить къ возведенію на этихъ мѣстностяхъ укрѣпленій новыхъ, построивъ оныя по чертежамъ, составленнымъ здѣсь по указаніямъ его величества и наконецъ предпринять, въ видахъ вышеизложенныхъ, поиски въ горы, давъ онымъ елико возможное по обстоятельствамъ развитіе. Порядокъ исполненія всѣхъ сихъ предназначеній предоставленъ ближайшему его усмотрѣнію.

Изъ числа войскъ, отрядъ составляющихъ, Виленскій егерскій полкъ, по распоряженію генералъ-лейтенанта Раевскаго, доставленъ уже на восточный берегъ Чернаго моря. Первые два баталіона его расположены въ Анапѣ, третій въ Геленджикѣ для охраненія этихъ пунктовъ, въ настоящее время горцами наиболѣе угрожаемыхъ.

Для остальныхъ войскъ отряда назначенъ сборнымъ мѣстомъ г. Ѳеодосія. Отсюда, на судахъ Черноморскаго флота, они въ началѣ мая должны были выступить по назначенію.

По послѣднему донесенію генералъ-лейтенанта Раевскаго, онъ предположилъ занять первоначально со всѣмъ отрядомъ укрѣпленіе Вельяминовское и, оставивъ при немъ одинъ пѣхотный и одинъ Черноморскій пѣшій полкъ для постройки укрѣпленія, посадить обратно на суда осталь-

ную часть отряда и слѣдовать съ нею къ рѣчкѣ Псесуапе для овладѣнія фортомъ Лазарева.

Для наблюденія за дѣйствіями отряда, который по роду предлежащихъ ему занятій, раздѣленъ на двѣ части, и въ особенности за постройкой укрѣпленій, командированы государемъ императоромъ флигель-адъютанты полковники: Крузенштернъ и Баратынскій.

2) *Для дѣйствій на кавказской линіи* назначены:

1) Четыре батаьона 1-й и вся 2-я бригада 20-й пѣхотной дивизіи.

2) Восемь баталіоновъ 19-й пѣхотной дивизіи, переводимыхъ на линію изъ Закавказья.

3) Резервная дивизія 3-го пѣхотнаго корпуса съ прикомандированными къ ней для образованія рекрутами. Дивизія сія изъ квартирнаго своего расположенія, Екатеринославской губерніи въ Бахмутскомъ уѣздѣ, должна выступить на линію чрезъ 8-мъ дней по полученіи даннаго ей о томъ 19-го апрѣля предписанія и поэтому можетъ прибыть туда въ первыхъ числахъ наступающаго іюня.

Въ дивизіи состоитъ на лицо 4.646 чел. нижнихъ чиновъ и 4.345 рекрутъ.

4) Шесть донскихъ казачьихъ полковъ съ конно-артиллерійскою батареею. Полки эти 20-го мая соединяются на пограничномъ сборномъ пунктѣ и равномѣрно, по приблизительному разсчету, въ первыхъ числахъ іюня могутъ достигнуть линіи.

Независимо отъ сего, полки 20-й дивизіи вмѣсто укомплектованія рекрутами получаютъ оное старослужащими солдатами изъ 6-го пѣхотнаго корпуса. На сей конецъ отъ этого корпуса отдѣлены 24-ре комплектныя роты, которыя въ составѣ шести маршевыхъ баталіоновъ направлены въ Ставрополь, куда прибываютъ съ 26-го іюня по 1-е іюля. Въ ротахъ сихъ состоитъ на лицо 6.144 нижнихъ чиновъ. Для наблюденія за исполненіемъ распоряженій генералъ-адъютанта Граббе по распредѣленію вновь посланныхъ на Кавказъ войскъ, командированъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій.

Всѣ эти войска, за исключеніемъ слѣдующихъ при резервной дивизіи 3-го пѣхотнаго корпуса рекрутъ, назначенныхъ на укомплектованіе войскъ, собственно за Кавказомъ расположенныхъ, предоставлены въ полное распоряженіе генералъ-адъютанта Граббе. Отъ него будетъ зависѣть ихъ распредѣленіе въ видахъ обезпеченія обороны линіи и для производства наступательныхъ движеній въ земли горцевъ, особенно противъ непріязненныхъ абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ.

Въ связи съ сими послѣдними дѣйствіями, должны быть испол-

нены первоначально предположенныя на сей годъ предпріятія по линіи, заключающіяся въ постройкѣ укрѣпленія въ Чиркеѣ и въ перенесеніи Кубанской линіи на Лабу. Затѣмъ проложеніе сухопутнаго сообщенія отъ Кубани къ Анапѣ и Новороссійску отложено впредь до времени.

Посреди этихъ распоряженій, дошли до государя императора частныя свѣдѣнія о поголовномъ будто бы вооруженіи, производимомъ въ сопредѣльныхъ намъ турецкихъ пашалыкахъ для соединеннаго съ египетскою арміею нападенія на наши границы. Сколь невѣроятными представляются эти свѣдѣнія во всемъ, что относится до согласія Порты на непріязненныя дѣйствія противъ Россіи, тѣмъ не менѣе производимое въ пограничныхъ пашалыкахъ вооруженіе кажется достовѣрнымъ и оно нѣкоторымъ образомъ можетъ служить поводомъ къ заключенію о намѣреніи египетскаго паши предпринять наступательное движеніе изъ Сиріи въ Малую Азію. При слабости турецкаго правительства и шаткомъ расположеніи умовъ въ Малой Азіи, ожидать должно, что въ такомъ случаѣ сопредѣльное намъ населеніе взволнуется повсемѣстно, пристанетъ къ египетской арміи и можетъ угрожать неприкосновенности границъ нашихъ.

Посему государь императоръ за благо признать изволилъ принять нынѣ же надлежащія мѣры къ приведенію отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, посредствомъ своевременнаго укомплектованія и усиленія посторонними способами, въ такое состояніе, чтобы надежно могли быть встрѣчены будущія обстоятельства, въ какой бы мѣрѣ ни оправдались настоящія опасенія.

На сей конецъ его величествомъ назначенъ резервомъ отдѣльному Кавказскому корпусу 5-й пѣхотный корпусъ, въ полномъ его составѣ трехъ пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріею, исключая 5-й легкой кавалерійской дивизіи, остающейся, впредь до повелѣнія, въ настоящемъ своемъ расположеніи.

Между тѣмъ войска 5-го корпуса располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

13-я пѣхотная дивизія въ Крыму, откуда она, въ случаѣ надобности, должна слѣдовать чрезъ Тамань, по Кавказской линіи до мѣста назначенія. Въ Крыму дивизію эту предположено замѣнить 10-ю пѣхотною дивизіею.

14-я пѣхотная дивизія, имѣя при себѣ и 14-ую артиллерійскую бригаду, перемѣщается въ Кавказскую область изъ Бессарабской, замѣняясь въ сей послѣдней 12-ою пѣхотною дивизіею.

15-я дивизія по окончаніи военныхъ дѣйствій на восточномъ бе-

регу Чернаго моря, слѣдуетъ чрезъ Крымъ на новыя квартиры въ южной части Екатеринославской губерніи.

По полученіи перваго извѣстія о движеніи египетской арміи изъ Сиріи въ Малую Азію, расположенныя такимъ образомъ войска 5-го пѣхотнаго корпуса будутъ двинуты къ турецкой границѣ. Но какъ до прибытія сихъ войскъ, охраненіе внутренней и внѣшней бозопасности Закавказскаго края будетъ лежать исключительно на войскахъ за Кавказомъ расположенныхъ, чрезвычайно слабыхъ по значительному въ нихъ некомплекту, то его величество за благо признать изволилъ дать имъ нынѣ же прочное и совершенно полное укомплектованіе, назначивъ на сей предметъ шесть баталіоновъ 6-го пѣхотнаго корпуса, которые въ составѣ двухъ сводныхъ полковъ, имѣющихъ въ строю свыше 6.300 челов., направлены чрезъ Ставрополь за Кавказъ.

Баталіоны эти назначались первоначально на усиленіе Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, для возобновленія въ семъ году экспедиціи въ Хиву и сообразно съ тѣмъ были направлены на Саратовъ. Но по найденной генералъ-адъютантомъ Перовскимъ невозможности возобновить сію экспедицію ранѣе осени будущаго года, государю императору благоугодно было дать этимъ войскамъ настоящее ихъ назначеніе. По данному имъ маршруту, они прибываютъ въ Ставрополь 12-го и 13-го іюля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералу отъ инфантеріи Головину вмѣнено въ обязанность заняться неукоснительно изысканіемъ средствъ къ приведенію мѣстными способами важнѣйшихъ пограничныхъ крѣпостей, какъ то: Александрополя, Ахалцыха и Эривани въ оборонительное положеніе, достаточное для предохраненія ихъ отъ нечаяннаго нападенія. Для содѣйствія генералу Головину въ исполненіи этого дѣла командированъ въ его распоряженіе генералъ-маіоръ Бакунинъ.

Письма князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго — графу (впослѣдствіи князю) Чернышеву.

1.

Dei Kourgane le 17 Novembre 1827.

Je m'empresse de Vous féliciter, mon cher Comte, sur Votre avancement, ainsi que sur votre nomination au ministère, que je trouve bien plus profitable a l'état qu'à Vous même. Il me tardait depuis longtemps de Vous faire quelques deux mots pour renouveler un ancien commerce d'amitié basé sur une véritable estime de ma part.

Quant à mes occupations actuelles, elles me sont si neuves, si étrangéres à ma carrière de soldat qu'elles m'absorbent toute mon attention. La diplomatie orientale me donne bien des soucis, ce ne sont que faux fuyants, duplicité grossière, chaque jour j'attends l'inverse de ce qui m'a été dit la veille; et j'avoue que si je parviens cette fois à me tirer d'affaire avec honneur, je ne me ferai aucun scrupule de m'approprier la vanité et la réputation d'un négociateur consommé.

Mais avant que je prenne mon essor si témérairement je Vous prie, cher comte, de m'encourager par quel ques lignes de Votre façon, bien sincères et bien aimables. Souvenez-vous que dans le pays d'exile et d'abandon je me trouve très au dépourvu pour les nouvelles de Pétersbourg intéressantes sous tant de rapports.

Adieu, cher Comte, soyez persuadé de la franche amitié que je Vous porte.

Votre très dévoué

Jean Paskévitch.

2.

Pultusk le 16 Juin 1831.

Mon cher Comte, je Vous envoie ci-joint des papiers qui contiennent les demandes que j'ai faites au Comte Toll à mon arrivée à l'armée et les réponses que j'en ai reçues. Je Vous prie de vouloir bien porter ces documents à la connaissance de Sa Majesté; ils seront suffisants pour mettre l'Empereur au fait de l'état dans lequel se trouve l'armée et lui prouver qu'il est assez satisfaisant.

Pour le moment je n'ai rien de bien intéressant à Vous mander, si non que je me propose d'entamer ma grande opération le 21 ou le 22 de ce mois en priant le Ciel de m'aider dans mon entreprise. Adieu, mon cher Comte, je Vous prie de recevoir l'assurance de mes sentiments distingués et de l'amitié la plus sincère.

Comte Jean Paskévitch d'Erivan.

3.

Varsovie le 14 (26) Juin 1833.

Votre bonne lettre du 2 Juin m'a été extrêmement agréable, mon cher Comte, et je m'empresse de Vous offrir particulièrement mes remerciments pour les excellentes nouvelles que Vous me donnez sur le voyage de Leurs Majestés et leur heureux retour dans la capitale.

La question d'Orient se trouve donc tranchée, et le trône du Sultan sauvé par la puissante intervention de notre Maître adoré. C'est une glorieuse page à ajouter aux annales du règne illustre de Sa Majesté. La prépondérance de Sa politique se trouve ainsi encore une fois constatée, et personne ne niera que les plus chers intérêts des grandes Puissances de l'Europe n'aient èté en jeu sur le théâtre où l'aigle russe a reparu pour arrêter les triomphes d'un sujet rebelle, et maintenir par là l'équilibre de l'Europe.

La convention provisoire signée avec la Hollande me semble un premier pas vers une pacification durable, et il faut espérer que la manière dont se sont terminées les affaires d'Orient, exercera une salutaire influence sur cette question, et que les intérêts véritables du Roi Guillaume seront menagés autant que possible. Quant au Roi Léopold, on dit qu'il a toutes les peines du monde à contenir les passions démagogiques qui débordent dans la malheureuse Belgique; et il a l'imprudence d'accueillir des Polonais,

comme si les révolutionnaires manquaient dans le pays. D'un autre côté, le parti orangiste repousse ce Roi, et cependant on dit qu'il compte dans son sein la majorité des propriétaires. Dans des circonstances semblables la France et l'Angleterre se montreront probablement plus faciles à transiger sur les prétentions de Léopold, car un traité définitif, dont les Grandes Puissances deviendraient les garants, peut seul consolider un gouvernement auquel les principes les plus désorganisateurs ont donné naissance et qu'il voudrait en vain répudier.

Ici l'ordre et la sécurité renaissent partout; on n'entend plus que de loin en loin mentionner l'apparition de quelqu'individu suspect, et des recherches exactes établissent presque toujours que la nouvelle qui en avait été donnée, est controuvée. Je suis ainsi peu éloigné de penser que la peur seule propage encore ces bruits. Tous ceux qui ont fait partie des bandes et qui ne sont pas tombés entre nos mains, ont déjà probablement trouvé moyen de repasser la frontière; peut-être y a-t-il encore quelques-uns de ces misérables qui se cachent sous de faux noms dans le pays, ayant trouvé asyle chez des hommes aussi pervers qu'eux. Dans tous les cas on peut envisager comme absolument manqué le coup que la propagande avait médité en Pologne. Je stimule du reste la surveillance la plus sévère pour qu'aucun de ses agents ne puisse s'introduire dans le pays et surtout y séjourner ou passer en Russie.

Le jugement des révolutionnaires arrêtés se poursuit avec activité, et j'aurai dans quelques jours à confirmer les sentences déjà prononcées contre quelques uns d'entre eux.

Recevez, mon cher Comte, les voeux que je forme pour Vous et Votre charmante famille et auxquels ma femme se joint sincèrement.

Croyez également à tous mes sentiments d'amitié pour Vous.

Prince de Varsovie.

15 (27) Juin 1833.

P.S. Je dois encore Vous observer, mon cher Comte, que la plupart des insurgés arrêtés dans le Royaume, l'ont été par nos troupes; les paysans n'en ont pris que huit, et encore s'il ne s'étaient su appuyés par nos hommes de guerre, ils n'eussent probablement pas osé faire ces arrestations; car ils se sont montrés souvent tièdes ou pusillanimes. Aussi j'ai éte obligé de continuer à employer nos soldats pour faire des battues et purger entièrement le pays. C'était un résultat trop important à obtenir, pour que j'aie balancé à user de tous les moyens que j'avais entre les mains, d'autant plus que j'étais convaincu que les paysans abandonnés à eux-mêmes ne feraient pas grande chose. Adieu, encore une fois.

4.

Varsovie, le 10 (22) Septembre 1833.

Sa Majesté est arrivée hier très heureusement à Kalisz, et malgré un temps affreux son voyage jusqu'à Modlin n'a pas été moins heureux. Elle l'a fait avec une rapidité étonnante et Elle a daigné cependant voir les troupes qui se trouvaient sur la route.

Notre Maître adoré a visité ce matin les travaux des fortifications et s'est rendu dans l'après-diner au camp, y a inspecté l'infanterie et l'artillerie. S. M. s'est montrée très satisfaite des troupes et des fortifications déjà élevées. J'espère ainsi que notre Gracieux Souverain ne partira point mécontent de son armée. Je suis heureux de plus de pouvoir Vous assurer que la santé de Sa Majesté est parfaitement bonne et qu'il n'existe plus de vestiges de l'indisposition qu'Elle a ressentie en Allemagne. Elle supporte d'une manière vraiment surprenante toutes les fatigues de Son immense activité. C'est mercredi le 14 que Sa Majesté se met de nouveau en route pour retourner en Russie.

Adieu, mon cher Comte, croyez à la sincerité de tous mes sentiments d'attachement et de haute estime.

Prince de Varsovie.

5.

Brest-Litowsky, le 20 Septembre 1833.

Je Vous remercie beaucoup pour Votre dernière lettre, moncher Comte, et pour tout ce qu'elle contient d'aimable. Ayant reçu la nouvelle que l'Empereur a heureusement atteint Mittau, j'ai tout lieu de penser qu'il est déjà de retour à Pétersbourg, à l'heure qu'il est.

La présence de Sa Majesté en Pologne et la satisfaction qu'Elle a bien voulu me témoigner de l'état des troupes et du pays, ont été la source d'une jouissance bien vive pour moi, car il n'est pas de soin plus doux pour mon coeur, que de reconnaître les bontés infinies de l'Empereur, en remplissant ses intentions de manière à mériter ses bonnes grâces.

Il est fâcheux que l'Empereur ait été détourné du voyage de Brest. Je ne doute pas qu'il n'eut été content de tout ce que je viens d'y voir. En fait d'infanterie, la 7-me division quoique moins forte que la 9-me, ne

le cède néanmoins en rien, aux troupes qui ont eu le bonheur d'obtenir des marques de l'auguste approbation sous Modlin. On peut en dire autant des huit compagnies d'artillerie concentrées ici.

L'état des fortifications de Brest est on ne peut plus satisfaisant. Les ouvrages en terre sont a moitié terminés et vont être considérablement avancés pendant les trois ou quatre semaines de travail sur lesquelles on peut encore compter.

Adieu, mon cher Comte; recevez l'assurance de ma sincère amitié et croyez moi à jamais Votre tout dévoué.

Prince Jean de Varsovie.

6.

Lomza, le 4 Avril 1834.

Mon cher Comte.

Un courrier de Varsovie que je viens de rencontrer, m'a apporté des dépêches contenant des nouvelles reçues de Gallicie. La nature de ces nouvelles m'a engagé à Vous en faire part sur le champ, pour être soumises à Sa Majesté.

Mon voyage jusqu'a Kowno a été fort pénible. Les chemins sont affreux, particulièrement de Mittau à Kowno. Depuis huit jours que je cours, je ne me suis arrêté que pour quelques heures de la nuit, à Dorpat et Mittau et malgré celà, je me trouve à peine avoir gagné Lomza. Cette nuit j'espère enfin atteindre Varsovie.

Adieu, mon cher Comte. Je n'ai plus qu'à Vous prier de recevoir l'assurance de mon inaltérable amitié.

Prince Jean de Varsovie.

7.

Varsovie, le 18 (30) Juin 1834.

Je Vous remercie sincèrement, mon cher Comte, pour Vos deux dernières lettres que j'ai lues avec tout l'intérêt que j'apporte constamment à Vos communications. Il est très aimable de Votre part de m'instruire comme Vous le faites de Vos occupations militaires. Je conçois combien doivent être fatiguants pour Vous les travaux auxquels Vous associe la prodigieuse activité de l'Empereur. Ce que je regrette sincèrement, c'est que Votre santé ne soit pas aussi bonne que je Vous l'eusse souhaité, et que celle de M-me la

Comtesse Tschernicheff Vous donne des inquiètudes, qui, j'aime à le croire, n'ont rien de sérieux.

J'ai déjà reçu Votre communication officielle sur le licenciement des 6-mes bataillons et l'incorporation des sous-officiers et soldats, qui n'auraient point 20 ans de service, dans les bataillons actifs. C'est une excellente mesure d'économie et le 3-me corps qui forme aujourd'hui seul l'armée d'occupation de la Pologne, reçoit ainsi un renfort qui lui sera utile; nous aurons cependant pendant quelque temps du moins de la difficulté à trouver de bons remplaçants des sergents (feldfebels) et sous-officiers qui quittent le drapeau.

Je Vous suis très reconnaissant, mon cher Comte, pour l'empressement que Vous avez mis à communiquer les ordres de L'Empereur sur la continuation des travaux de fortification. Je cherche à les avancer autant que possible, et pour me servir d'une image familière, je dirai que les ouvrages poussent comme des champignons.

Ici tout est tranquille et l'administration suit une marche régulière; Vous aurez seulement reçu par le dernier courrier hebdomadaire, mon rapport à L'Empereur relativement à l'Evêque de Podlachie. Voilà à peu prés trois ans que je lutte contre son obstination, et déjà dans mon dernier voyage, j'en avais entretenu Sa Majesté. Je sais combien il faut de circonspection dans nos rapports avec le clergé catholique et surtout avec les dignitaires de cette église; l'exemple de l'abbé Skorkowski me l'a assez prouvé. Jusqu'à présent je suis à concevoir comment après avoir pris connaissance des mandements que ce prélat avait publiés à Cracovie, le St. Siège ne l'a point interdit de son propre mouvement; et ce n'est qu'après de longs efforts et des négociations defficiles que nous sommes parvenus à assurer son éloignement, et ne bouge-t-il pas encore de Cracovie, malgré les invitations réitérées qui lui ont été adressées au nom du Pape. Quant à l'Evêque de Podlachie Vous aurez vu qu'à tous les griefs qu'ils nous avait donné antérieurement, il vient d'ajouter la publication d'un mandement dans lequel il établit qu'il ne reconnaît audessus de lui aucun pouvoir sur la terre. Il voudrait ainsi faire revivre les maximes du 14-me et 15-me siècles, et le clergé ne demanderait pas mieux que de nous les opposer pour se soustraire à notre influence, à nous qu'il traite déjà de schismatiques. Veuillez, mon cher Comte, me faire connaître les ordres de Sa Majesté sur ce rapport.

De graves évènements se sont accomplis dans la péninsule ibérique depuis que je ne Vous ai écrit. D. Miguel, trahi et découragé a dû fléchir et a été expulsé du Portugal. D. Carlos se trouve devant Portsmouth. La quadruple alliance a ainsi atteint son but, si en effet elle n'en avait point

d'autre que l'éloignement de ces deux Princes; mais la tranquillité est loin d'être rétablie en Espagne, et D. Pedro a déjà été insulté dans sa propre capitale. Et voilà la nature des gouvernements que, dans leur amitié, les Anglais font adopter à leur plus cher allié.

Il est impossible d'admettre raisonnablement que l'Angleterre et la France veuillent amener une guerre avec les membres de la grande alliance; que signifierait donc l'envoi de plusieurs vaisseaux de ligne dans les eaux de la Grèce; méditerait-on encore de faire soulever le Pacha d'Egypte, et de lui prêter cette fois des secours plus effectifs?

Agréez, mon cher Comte, l'assurance réitérée de tous mes sentiments d'amitiè.

Prince Jean de Varsovie.

8.

Varsovie, le 28 Décembre 1834 (9 Janvier 1835).

Votre longue lettre du 18 Décembre m'eut causé, mon cher Comte, un bien sensible plaisir, si elle ne m'eût apporté la triste nouvelle de la cruelle épreuve que Vous a imposé la maladie de Votre enfant. J'espère du reste que son rétablissement est à cette heure complet; que Madame la Comtesse est aussi remise de ses fatigues et de ses inquiètudes, et que Votre quarantaine domestique est levée. J'ai pris la part la plus vive à cet accident. Pour Vous surtout, chargé des plus graves intérêts de l'Etat, le calme du cœur et de l'esprit est indispensable.

J'ai lu avec le plus vif intérêt l'esquisse que Vous m'avez tracée de Votre discussion avec le Comte Cancrine sur le budjet de l'armée. Vous avez brillamment soutenu une bonne cause; car quelle que justesse qu'il y ait à poser en principe que les dépenses ne doivent pas surpasser les ressources ordinaires, il n'est pas moins vrai que dans la position dans laquelle se trouve encore l'Europe, il y aurait inconséquence à réduire les forces militaires de l'Empire ou à suspendre les travaux de fortification entrepris avec tant de sagesse et qui doivent assurer la sécurité du pays. Ce fait admis, il est impossible de ne pas reconnaître que l'administration de la guerre a fait tout ce que l'on pouvait attendre de ses efforts, en se renfermant dans les allocations de 1834, lorsque le renchérissement des vivres et toutes les conséquences des calamités qui ont assailli l'Empire dans les dernières années, lui imposent de si notables surcroits de dépenses. J'ai le bonheur de soumettre aujourd'hui à Sa Majesté Impériale un projet tendant à résoudre la question posée, sur la proposition du Ministre des finances, d'imputer sur

les ressources extraordinaires les frais des travaux du génie et de reporter à l'entretien des troupes les sommes qui y sont affectées. Aussi, mon cher Comte, je n'entrerai pas dans de nouveaux développements à cet égard.

Dans le courant d'Octobre, je vous avais fait parvenir les plans des deux portes à établir aux deux fronts à coponière de la nouvelle enceinte de la forteresse de Novo-Georgiewsk. En vous demandant de soumettre ces plans à la haute approbation de Sa Majesté je vous avais également prié de prendre ses ordres sur le nom qu'il faudrait donner aux deux partes, et comme elles sont toutes deux doubles, une issue étant destinée à entrer dans la forteresse, l'autre pour en sortir, si chacune de ces issues porterait un nom spécial ou s'il y en aurait un par paire. Lors de son séjour à Novo-Georgiewsk, L'Empereur avait daigné me donner verbalement Ses ordres; n'ayant pas pris immédiatement note de ces noms, il m'a été impossible de m'en ressouvenir, et je sollicite à genoux Sa Majesté de me pardonner cette distraction et de daigner me faire connaître Sa volonté à cet égard.

Il est encore une affaire que je dois, mon cher Comte, recommander à Votre sollicitude amicale. Je Vous écris aujourd'hui officiellement pour demander que le général Read soit attaché à ma personne pour être employé aux revues de détail de la cavalerie. J'attache beaucoup de prix à cette nomination, pour donner à cette arme l'impulsion de perfectionnement auquel notre Maître adoré veut hu'elle parvienne. Au quartier général de la 1-ère armée, il y a eu toujours un général chargé de remplir les fonctions de sous-inspecteur de cavalerie, et je suis certain qu'il y aurait beaucoup d'avantage à confier des fonctions analogues à Read, que je connais pour un officier zélé et très entendu dans les détails du service de son armée. Ces considérations peuvent, il me semble, motiver suffisamment l'insistance que je mets à ma demande.

Ayant terminé ainsi tout ce qui est relatif à nos affaires, je vais Vous remercier pour l'extrait que Vous m'avez fait parvenir sur l'expédition de Gellendjik, que j'ai lu avec un intérêt particulier. Les nouvelles sur les affaires de la Perse ne sont pas encore satisfaisantes; mais au moins permettent-elles l'espoir que l'appui de la Russie et de l'Angleterre donneront à Mehemet-Schoh les moyens de consolider son pouvoir. Sa conduite envers ses frères m'a révolté, et j'avoue que je n'ai pu m'empêcher d'accuser Simonitsch de faiblesse. Une énergique protestation de sa part eût mis le Ministre Britannique dans la nécessité de prêter sa coopération, et elle aurait prevenu cet acte d'atroce barbarie, soit qu'il ait été commandé par le Schah ou son Caimacam. Je connais du reste trop les Perses pour n'être pas persuadé que la guerre civile qui a éclaté entre les membres de la famille régnante ne

soit souillée par bien d'autres cruautés; mais en faisant valoir la considération du discrédit que cette horrible détermination devait jeter à St. Pétersbourg sur la cause du nouvean Souverain eût été suffisante pour y faire renoncer.

En Europe, nous assistons avec inquiètude à la crise qu'a fait naître en Angleterre l'avènement du Ministère tory, sans pouvoir encore au milieu du cri d'alarme poussé par les factions, prévoir s'il se consolidera. Nous recevons aujourd'hui la nouvelle que la dissolution du Parlement est définitivement prononcée; amènera-t-elle une majorité pour les conservateurs: telle est la question et comment la résoudre affirmativement, sans crainte de se voir démenti par l'événement; au moins je désire bien vivement que cette majorité lui soit acquise. Les excés même des radicaux peuvent cependant, comme l'indique le „Times“ rallier tous les propriétaires et tous les hommes raisonnables au pouvoir existant, et alors la vieille Angleterre sera sauvée et le découragement se mettra parmi les révolutionnaires de tous les pays.

Avant de terminer je veux encore, mon cher Comte, à l'occasion de la nouvelle année, Vous dire tous mes voeux pour Votre bonheur et la prospérité de Votre famille. Nos voeux généraux nous sont du reste communs: gloire et santé à notre Maître adorè; paix et bénédiction du Très-Haut pour son vaste Empire.

Prince Jean de Varsovie.

9.

Varsovie, le 15 (27) Janvier 1835.

De retour depuis deux jours d'une excursion que j'ai faite à Kalisz, je m'empresse, mon cher Comte, de Vous annoncer que j'ai arrêtè en projet les principales dispositions pour rendre possible dans cette ville le séjour des Augustes Pérsonnages qui doivent s'y réunir à la fin de l'été. J'espère que ces arrangements répondront à leur but, autant du moins qu'il est possible, en égard au lieu et au temps qui nous reste. D'un autre côté, je me suis convaincu que les dépenses ne laisseront pas que d'être asez fortes; mais elles me paraissent indispensables.

Que Vous dirai-je aujourd'hui, mon cher Comte, sur la Pologne, rien ou plutôt qu'heureusement je n'ai pas de nouvelles à Vous donner; tout marche dans un ordre régulier, et il ne s'est passé dans les derniers temps aucun événement digne d'être rapporté. Il y a bien par-ci par là des manifestations de haine et de voeux de changements qui s'echappent dans l'intimité,

mais j'y suis habitué. A l'extérieur même, si la propagande révolutionnaire n'a point renoncé à ses réves de subversion, au moins elle parait découragée par l'avortement de tous ses plans. Les anarchistes attendent une époque plus favorable, et il est de notre devoir à tous de profiter de ce temps d'arrêt pour mettre à dècouvert toutes les trâmes qui se sont pratiquées, afin d'en prévenir le renouvellement. Il parait que nos voisins de Gallicie et de Posnanie ont compris également, combien une molle condescendance est dangereuse, et ils poursuivent sérieusement les enquêtes commencées l'année dernière.

Les élections Britanniques occupent presque exclusivement les journaux; torys ont eu quelques avantages dans les Comtés. Le ministère cependant ne peut, ce me semble, compter sur une majorité dévouée et compacte, si toutefois même il l'a; la crainte des radicaux lui ralliera peut-être les wighs moderés qui ne lui refuseront pas leur appui, lorsqu'il s'agira de résister aux envahissements de la démagogie. J'ignore si d'un autre côté, cette alliance permettra au Gouvernement une marche franche et indépendante; je crains au contraire qu'elle ne l'oblige à des concessions pénibles. Du reste tout n'est point terminé et avant que la Chambre des communes ne soit réellement constituée, se serait s'avanturer que de s'établir prophète de l'issue qu'aura la crise actuelle.

En Espagne l'on guerroye toujours, et je serai tenté de croire que Mina n'a pas su profiter des chances favorables que lui présentait l'hiver: cette saison s'écoule sans avoir amené de notables changements dans la situation respective des belligerans; c'est presqu'un succès pour Don Carlos, mais son triomphe n'en est pas malheureusement plus certain.

Adieu, mon cher Comte, chargez vous de mes hommages respectueux pour Madame la Comtesse, et agréez l'assurance sincère de tous mes sentiments d'amitié.

Prince Jean de Varsovie.

10.

Varsovie, le 9 (21) Mars 1835.

Je Vous suis très obligé, mon cher Comte, de la promptitude que Vous avez mise à me faire parvenir les décisions de Sa Majesté, relatvement à l'emprunt. J'envoie aujourd'hui la minute du contrat que j'ai signé avec les banquiers, préalablement à la demande que j'aurai le bonheur de faire de la sanction Suprême de notre Auguste Maître, par la voie officielle du Conseil.

J'ai été bien aise d'apprendre que cet emprunt ait paru satisfaisant. Comparé à tout ce qui s'est fait antérieurement, il n'y a pas de doute que jamais meilleures conditions n'ont été faites au trésor Polonais. Cette opération attestera; aux yeux de l'Europe, le crédit dont le Gouvernement Impérial jouit tant dans l'intérieur qu'à l'étranger.

La compagnie des contractants va envoyer un de ses membres à Pétersbourg, pour s'entendre avec le Ministère des finances, sur le mode le plus commode pour lui du remboursement de la dette Polonaise.

La maladie et la mort de l'Empereur d'Autriche qui avaient produit une panique à la bourse de Vienne, où les fonds étaient tombés dans quelques jours, de 8%, pour ne se relever que de 4%, nous ont occasionné un peu d'embarras; c'est dans la prévision d'un semblable événement que les contractants avaient inséré dans leur soumission une clause restrictive. L'appréhension de quelque nouvelle catastrophe inattendue les a portés de même à se réserver un dédit pour le cas où une baisse de 5%, sur le moyen des cours de la fin de Février, deviendrait permanente. Ils avaient même insisté pour qu'une baisse de 3% les déliât déjà de l'obligation de remplir l'emprunt, et ce n'est qu'avec beaucoup de peine que nous les avons décidés, à la limite de 5%. Il est vrai de dire que le cas échéant, ils perdraient tout le bénéfice de l'opération et qu'il y aurait même un découvert.

La langueur dans les affaires, étant de plus un obstacle à prévoir, dans l'état d'incertitude qui dure encore, les banquiers au moment de signer, m'ont remis une déclaration, par laquelle ils invoquent d'avance l'indulgence du Gouvernement, pour le cas où ils ne réussiraient pas à placer l'emprunt pour le terme convenu.

L'état politique de l'Europe ne nous est point, il est vrai, entièrement propice, quoique pour ma part je ne croye pas à une perturbation prochaine. Le nouveau Souverain de l'Autriche ayant maintenu sagement le Gouvernement, dans son ancienne composition, la confiance reviendra, et cette antique Monarchie a assez de ressources en elle-même, pour assurer la tranquilité intérieure.

Le Cabinet Anglais éprouve sans doute d'immenses embarras; mais en définitive il a encore beaucoup de chances de se maintenir, lors même qu'il n'aurait pour lui la crainte que les radicaux inspirent aux Whigs modérés.

D'après la gazette de Berlin le télégraphe aurait annoncé, le 8 Mars, la composition d'un Ministère français pris en grande partie dans les rangs des impérialistes; cette combinaison, si même elle a été tentée, n'a point réussi et j'ai reçu de Francfort la nouvelle que le Maréchal Maison avait été nommé au Ministère de la guerre, Broglie à celui des affaires étrangères,

et que les anciens Ministres gardaient les portefeuilles dont il n'a point été ainsi disposé. Il paraîtrait qu'il n'y a pas de Président du conseil, et que l'on attend l'acceptation de Maison pour arrêter une décision à cet égard. Si le projet de loi relatif à la dette américaine passait, ce ministère pourra se consolider, et je pense qu'il aura pour lui une majorité incontestable à la Chambre des députés.

Le Comte Orloff est arrivé ce matin, il ne s'est arrêté ici que quelques heures et il a continué sa route pour Vienne.

Je Vous envoye, mon cher Comte, la traduction revue et corrigée de l'ouvrage d'Okouneff sur la seconde partie de la campagne de Pologne. Je pense qu'elle pourra ainsi être imprimée, et je Vous serai obligé de donner les ordres nécessaires pour que sa publication ne tarde pas davantage.

Adieu, mon cher Comte, bonne santé et prospérité; tels sont les voeux de mon invariable amitié pour Vous. Mes hommages respectueux à Madame la Comtesse; j'espère qu'il n'est plus question de maladie dans Votre maison.

Prince Jean de Varsovie.

11.

Varsovie, le 15 (27) Mars 1835.

C'est sur la demande de M-r Tatistcheff que j'expédie aujourd'hui, mon cher Comte, un feldjaeger, qui est porteur d'une expedition pour le Comte de Nesselrode. Mon courrier a l'ordre de se presser autant que possible pour devancer le Prince de Liechtenstein, qui est chargé d'une mission de l'Empereur d'Autriche auprès de Sa Majeste l'Empereur. Du reste cet envoyé est arrivé ce matin à 8 heures et s'est mis déjà en route; moi-même sur sa demande, je lui ai accordé toute facilité pour son voyage. Un feldjaeger l'accompagne.

Une dépêche de M-r Tatistcheff me prouve qu'il n'y a eu jusqu'à présent à Vienne aucun changement dans le Gouvernement et que le nouveau Souverain est franchement décidé à suivre la politique de son Auguste père. Il paraît de plus sincèrement pénétré des avantages qui doivent résulter de l'étroite alliance entre la Russie et l'Autriche.

Je n'ai rien d'intéressant à Vous dire aujourd'hui, mon cher Comte; d'ailleurs tout va bien, et il ne me reste qu'à Vous assurer de la sincérité de tous mes sentiments d'amitié.

Prince Jean de Varsovie.

P. S. Le Prince Charles Liechtenstein, colonel à l'époque de

*

la guerre de Pologne, a commandé sur la frontière de Gallicie le régiment des Hussards de Sa Majesté le Roi de Prusse et s'est toujours montré dévoué à notre cause. Chargé de la surveillance des refugiés polonais, et de leur renvoi dans le Royaume, il a obtenu de Sa Majesté l'Empereur l'ordre de St. Stanislas 2-de classe, comme témoignage de Sa haute satisfaction.

12.

Varsovie, le 13 (25) Avril 1835.

J'ai attendu tous ces jours-ci en vain de Vos nouvelles, mon cher Comte, et j'ai même un peu retardé, à cause de cette attente, l'expédition de mon courrier. Du reste je n'ai rien d'important à Vous mander sur les affaires de ce pays; tout suit sa marche ordinaire: mes occupations sont les mêmes, et je partage mes soins entre l'armée et l'administration du Royaume.

Mardi soir ou plutôt mercredi de bon matin je me mettrai en route pour St. Pétersbourg. Partant ainsi le 17 je serai probablement arrivé le 24 ou 25 Avril. Ma femme m'accompagne.

Ainsi, mon cher Comte, je serai sous peu avec Vous. Je me réserve de Vous entretenir de maints objets intéressants, qui ont fait l'objet de notre correspondance et que l'on traite cependant avec beaucoup plus de facilité et de lucidité verbalement. Du reste je puis Vous dire par avance que l'aspect général de nos propres affaires est aussi satisfaisant que le comportent les circonstances.

Au dehors Vous savez la débacle de l'administration thory. La marche qu'elle avait été contrainte de suivre nous la fera peu regretter; son passage aux affaires n'a eu aucune des conséquences avantageuses que l'on était en droit d'attendre des principes professés autrefois par les hommes qui avaient été appelés au pouvoir. On assure que L[d] Melbourne a été chargé de la récomposition du cabinet, sous le patronage de L[d] Grey, qui n'en fera cependant pas partie. Les difficultés paraissent immenses et l'on croit généralement qu'il sera impossible à la nouvelle administration de se soutenir, si O'Connel n'accepte une place, ou si du moins, il ne s'engage point à appuyer le ministère du vote de ses adhérents. Il ne reste donc plus qu'un pas à faire au radicalisme. Où s'arrêtera-t-on; quelle influence cet état de choses aura-t-il sur le reste de l'Europe? Il est impossible de le dire, mais l'avenir me paraît gros d'événements.

Vous trouverez ci-joint, mon cher Comte, une notice sur mon projet

d'envoyer à St. Petersbourg le général Read, prendre connaissance de tous les changements introduits dans les manoeuvres de la cavalerie. Veuillez Vous employer à obtenir de Sa Majesté l'autorisation nécessaire à cet effet.

Au revoir, mon cher Comte, chargez Vous, en attendant que je puisse le faire moi-même, de porter mes hommages à Madame la Comtesse Tschernicheff et agréez tous deux mes félicitations et celles de ma femme au sujet des fêtes de Pâques, que Vous aurez, j'aime à le croire, passées heureusement. En terminant je Vous prie de recevoir l'assurance réitérée de tous mes sentiments d'amitié.

Prince J. de Varsovie C. Paskevitch d'Erivan.

13.

Varsovie, le 6 (18) Juin 1835.

Le feldjäger que je viens de recevoir, mon cher Comte, à l'instant où j'en expédiai un à St Pétersbourg, m'a apporté la nouvelle de Votre retour dans cette capitale, et je ne veux pas retarder le plaisir que j'éprouve de me rappeler à Votre aimable souvenir. Il me tarde d'apprendre de vous même que Vous Vous êtes bien trouvé de ce voyage maritime et que Vous avez quitté Madame avec l'espoir du rétablissement complet de sa santé.

Depuis mon arrivée ici j'ai déjà fait une tournée à Kalisz, afin de voir par moi-même les préparatifs qu'on y fait. Avec les directions que j'ai pu ainsi donner aux travaux tout marchera à l'avenant. Le camp surtout sera magnifique et nous fera honneur auprès de nos voisins. Déjà ses préparatifs excitent au plus haut la curiosité et j'apprends que les officiers des troupes prussiennes, stationnées non loin de la frontière demanderont l'autorisation de pouvoir, après leurs manoeuvres, venir asister aux nôtres. En un mot tout semble présager que la réunion de Kalisz sera aussi brillante que nombreuse.

Revenant Vous même de l'étranger Vous avez pu juger des inquiètudes qu'avait rèpandues l'appréhension d'une intervention française en Espagne qui semblait imminente. Sans parler des embarras politiques que cet événement eut suscité, la baisse subite de presque tous les fonds publics aux grandes bourses de Londres et de Paris, avait fait craindre, que, malgré le crédit stable dont jouit notre gouvernement, les nôtres ne viennent aussi à subir la même impulsion et ne compromettent ainsi les opérations financières que nous avons entamées. Mais d'après les nouvelles les plus récentes, il paraît que Lous Philippe a su encore cette fois dominer de son opinion

personnelle, toute opposée à l'intervention, les éxigences du parti doctrinaire; et que le gouvernement français s'en tenant à la lettre du fameux traité de la quadruple alliance refusera d'intervenir les armes à la main.

Dans une guerre comme celle de l'Espagne, et sans données positives sur les forces des deux parties belligérantes, il est presque impossible de préjuger des évenements qui suivront cette déclaration de la France. Une chose semble presque sûre cependant, c'est que l'entrée même de Don Carlos à Madrid, si elle avait lieu, ne serait malheureusement pas encore le terme de la guerre civile qui afflige ce pays.

Croyez, mon cher Comte, à l'expression sincère de mon inviolable attachement.

Prince Jean de Varsovie C. Paskevitch d'Erivan.

14.

Varsovie, le 5 (17) Août 1836.

Vous êtes déjà sans aucun doute à St. Pétersbourg, et je profite, mon cher Comte, du départ du premier courrier pour reprendre avec Vous une correspondance qui a été si constamment intéressante pour moi, et à laquelle j'attache un double prix, comme témoignage de Votre amitié.

J'ignore les impressions que Vous avez emportées de Varsovie, mais Votre séjour ici m'a été infiniment agréable. J'ai pu jouir de Votre conversation, recueillir vos opinions et vous prendre pour juge du fruit de mes efforts dans les différentes branches qui me sont confiées. Sans doute tout est loin d'être parfait, mais aussi il faut faire la part des difficultés dont je suis entouré.

Je continue le train de vie que vous avez vu; c'est la saison des éxercices militaires. Et ils ont lieu avec les intervales nécessaires au repos des troupes.

Vous aurez appris, mon cher Comte, avec non moins de satisfaction que moi les avantages marquants que les troupes de D. Carlos ont remportés sur les troupes de la Régente. On peut aujourd'hui raisonnablement attendre de plus grands succès encore, et Dieu veuille qu'ils amènent définitivement le triomphe de la bonne cause.

Il paraît que la France prend sérieusement inquiétude des menées des réfugiés politiques, et que les complots ourdis dans l'intérieur ont décidé les instructions données à son Ambassadeur en Suisse pour exiger leur expul-

sion. C'est un pas fait en avant pour le rétablissement de l'ordre moral à l'occident de l'Europe.

Adieu, cher Comte; croyez à la sincérité de mon amitié comme à ma haute estime.

Prince J. de Varsovie C. Paskevitch d'Erivan.

15.

Varsovie, 2 (14) Juin 1837.

De retour à Varsovie, un de mes premiers plaisirs, est de reprendre avec Vous, mon cher Comte une correspondance qui a constamment offert tant d'intérêt pour moi.

Je suis arrivé ici le 28 Mai au soir; je m'étais arrêté à Bobrouisk et à Brest-Litowski pour inspecter les deux forteresses et deux divisions du 2-d corps qui s'y trouvaient réunies. Dans l'une et l'autre forteresse, j'ai trouvé beaucoup d'ordre dans les travaux, et les ouvrages exécutés, dans le meilleur état. J'ai été également satisfait des troupes et pour leur tenue et pour la manière dont elles ont exécuté les évolutions.

A Varsovie, mon cher Comte, tout est comme le disait maître Panglos, pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles. Mais laissant de côté Voltaire et sa misérable école, qui sont heureusement passé de mode, je vous dirai sans plaisanterie que j'ai été satisfait de l'état où j'ai trouvé les affaires. Sans entrer dans tous les détails, et en jugeant de l'ensemble de l'administration on peut dire qu'elle a fait ce que raisonnablement on devait en attendre. Pour les troupes qui sont ici, je ne les ai encore vues que par détachement; demain nous commencerons des exercices réguliers et suivis auxquels j'assisterai, et je saurai ainsi bientôt jusqu'à quel point est avancée l'instruction du 4-me corps.

Pour le 8 (20) Juin, je me rendrai à Novo-Georgiewsk, afin d'assister à la consecration du temple de cette importante forteresse. Je reviendrai en ville pour mettre la dernière main aux affaires, et du 11 (23) au 12 (24) je partirai pour Teplitz.

Je ne terminerai pas, mon cher Comte, ma lettre sans Vous remercier de l'accueil amical que Vous m'avez fait à St. Pétersbourg et qui me donne davantage encore le désir de Vous revoir au plutôt. Recevez tous mes voeux et l'assurance réitérée de ma sincère amitié.

Prince de Varsovie C. Paskevitch d'Erivan.

16.

Varsovie, le 11 (23) Juin 1837.

Je Vous suis très reconnaissant, mon cher Comte, pour Votre bonne lettre du 31 Mai. Il est très aimable à Vous de reprendre l'habitude de me donner des nouvelles sur ce que Vous faites dans la capitale.

J'ai appris avec beauconp de plaisir que l'affaire du Vixen qui était en si bon train à l'époque de mon départ, soit absolument terminée à la satisfaction de l'Empereur.

Il était impossible d'allier à une juste fermeté pour le maintien de droits réels et importants, plus d'esprit de conciliation qu'il n'en a été fait de notre part. La paix s'en trouve raffermie. Du reste l'Angleterre, avec sa crise financière en a plus besoin que nous. De plus à en croire les papiers publiés la mort du Roi est imminente et elle peut amener une perturbation dans le gouvernement; au moins les partis chercheront à exploiter cet événement pour essayer leurs moyens de saisir et de garder le pouvoir.

Je conçois que L. Durham sort tout ravi d'avoir obtenu le cordon bleu; les libéraux malgré leur affectation de dédain pour les distinctions en ont toujours été fort avides. L'Empereur a d'ailleurs changé cette nature d'homme; je ne sais pas ce que L. Durham fera dans son pays; mais à Pétersbourg on n'aurait jamais reconnu en lui un radical. C'est une véritable conquête que Sa Majesté a faite.

L'issue des affaires d'Espagne est encore couverte d'un voile impénétrable. Il paraît cependant que D. Carlos a obtenu des succès assez marquants; au moins les christinos avouent-ils des pertes, et il est certain qu'ils ont échoué jusqu'à présent dans le projet d'arrêter la marche de l'armée Royale. Pourra-t-elle finalement frapper un coup décisif; c'est ce qu'il est impossible encore de dire. Une défaite, ou même un non-succès quelque prolongé, peut, d'un autre côté, perdre la cause qu'elle soutient.

Le choléra a fait une nouvelle apparition dans le Royaume à Varsovie. Toutes les mesures de précautions que nous avions preparées, la dernière fois, vont nous profiter. J'ose espérer cependant que cette maladie ne se propagera pas avec violence; le cinquième jour depuis qu'elle a été constatée, il y avait eu 60 malades, dont un tiers est mort. Le Prince Gortchakoff Vous adressera tous les jeudis, avec l'extra-poste, un rapport sur la marche que prendra le choléra.

Une estafette qui vient de me parvenir de Danzig annonce également

la présence de cette maladie dans cette ville; au 9 (21) Juin il y avait eu une douzaine de malades, dont trois morts. Elle a éclaté sur des hommes venus de Nieman et de la Vistule sur des barques. Il paraît donc que le choléra n'a pas changé de nature, et qu'il suit dans sa marche progressive le cours des fleuves. Cet évènement a causé une grande frayeur en Prusse.

Je pars cette nuit pour Teplitz; depuis mon retour ici, j'ai eu plusieurs accès de fièvre; je desire bien que les bains que je vais prendre raffermissent ma santé qui en général est dans un assez mauvais état.

Je Vous suis très obligé de vos bonnes dispositions dans l'affaire de Homel. Ayant été sur les lieux j'ai trouvé qu'on pouvait augmenter le payement, et j'ai écrit dans ce sens au général Kisselew.

Adieu, mon cher Comte, je Vous souhaite toutes sortes de prospérités, et je Vous prie de croire à l'inviolabilité de tous mes sentiments pour Vous.

Prince de Varsovie C. Paskevitch d'Erivan.

17.

Les déplacements m'ont empêché de suivre régulièrement la marche des affaires d'Orient. Quelques gazettes ont affirmé que le Sultan avait déposé, par un hatti-schérif, Mehemet-Ali. Ce serait une déclaration de guerre bien précise. Entre deux armées depuis longtemps en présense, les hostilités doivent s'en être suivies. J'espère encore, que puisque les grands cabinets ont prévu, depuis plusieurs mois, la possibilité d'un semblable évènement et se sont concertés entre eux, on saura éviter, même au milieu d'intérêts divers et rivaux, ces brusques changements qui peuvent donner ouverture à une conflagration générale.

J'ai passé deux jours à Teplitz avec le Comte de Witt; il arrivait de Carlsbad et se rendait à Dresde. La vue présente un spectacle bien triste pour l'humanité. Lors de notre dernière rencontre, c'était encore un brillant cavalier: aujourd'hui il traine à peine ses jambes; son corps se courbe en avant; il est à demi-sourd, ses yeux sont éteints. Il nous a fait lire la consultation de ses médecins. On attribue son état à une paralysie partielle de l'épine dorsale; on indique qu'elle peut facilement s'étendre; on en attribue la cause à une chute faite, il y a nombre d'années; mais principalement à la vie de plaisirs qu'il a menée. Le Comte de Witt m'a demandé lui-même de Vous faire connaître son véritable état, sur lequel il se fait

cependant même illusion. Il pourra vivre encore; mais il est arrivé d'un seul bond à la décrépitude de la vieillesse, et il faudrait, dit-on, un miracle pour lui faire retrouver les forces dont il jouissait il y a encore un an. Le pauvre malade Vous prie, cher Comte, de déposer aux pieds de Sa Majesté l'expression de ses regrets de ne pouvoir se rendre à Borodino. Vous en savez à présent le motif.

Mon traitement à l'étranger n'a pas été heureux. Les eaux ou les bains m'ont rendu une très forte toux; j'ai été obligé de cesser l'usage des unes et des autres. L'application réitérée des sang-sues et une diète extrêmement sévère ont diminué le mal. Je me suis décidé ainsi à quitter Teplitz le 24 Juin. La toux m'a presque abandonné; mais j'ai depuis deux jours des accès fiévreux.

Je regrette sincèrement de ne pouvoir assister aux solemnités qui se préparent à St. Pétersbourg. Mes voeux, avec ceux de la Russie entière, appellent le bonheur sur l'auguste Union que Vous allez célébrer et la prospérité sur la famille entière de notre Grand et bien aimé Souverain.

Adieu, cher Comte, recevez l'assurance bien sincère de ma constante amitié.

Prince de Varsovie.

Секретно.

Выписка изъ письма на имя генералъ-лейтенанта Квитницкаго безъ подписи изъ Вильны въ Маріенбадъ 27 Іюня 1839 года.

Я удивляюсь какъ васъ никто подробно не увѣдомилъ, это ни жан: никто не донесъ, но дѣйствительно были большія безпорядки въ содержаніи карауловъ и тѣ офицеры, которые содержали караулы тамъ же теперь гдѣ и тотъ офицеръ котораго знаете коро... Былъ присланъ отъ Государя Императора для слѣдствія безпорядковъ по комендантской части флигель-адъютантъ Назимовъ и подалъ рапортъ кн. Дол. что все нашелъ отлично и въ большомъ порядкѣ; нѣтъ несчастія котораго нельзя исправить со временемъ все будетъ, мѣры были сейчасъ взяты и хлопочутъ очень, вы меня поймете... Могу откровенно сказать, что всѣ и всѣ искренно сожалѣютъ, но отъ души помѣщики и до жид: даже простирается и многіе многіе плакали.

Вѣрно: Губернскій Почтмейстеръ

Александръ Трефуртъ.

18.

Varsovie, le 29 Juin (11 Jeullet) 1839.

C'est à Teplitz que j'ai reçu, mon cher Comte, Votre bonne lettre du 16 (28) Juin, mais comme j'étais décidé à partir le lendemain de l'arrivée de votre courrier, j'ai pris le parti de l'envoyer m'attendre à Varsovie, et arrivé moi-même, avant-hier soir, je m'empresse de Vous remercier pour les détails que Vous m'avez donnés.

Les manoeuvres du corps de la Garde Impériale doivent avoir réellement été quelque chose de merveilleux. Vous me dites que Sa Majesté en a été satifaite et particulièrement de l'ordre de la troupe et de la rapidité des mouvements. Le Prince Gortschakoff qui également a eu le bonheur d'en être témoin oculaire, m'écrit, et je vais copier textuellement les mots dont il s'est servi: „Гвардейскій корпусъ достигъ, по моему мнѣнію, величайшей степени совершенства; не взирая на нѣкоторыя ошибки, замѣченныя Государемъ Императоромъ, ничего подобнаго подъ солнцемъ найти нельзя".

Il y a huit ans que je n'ai vu cette belle armée réunie toute entière, exécuter ses savantes manoeuvres; aussi Vous ne trouverez pas étonnant le vif désir que j'éprouve d'aller, l'année prochaine, à St. Pétersbourg, pour l'époque où elle entre au camp. Je tiens beaucoup à la réalisation de ce voeu, et sans doute il ne dépendra que de moi qu'il ne s'accomplisse.

Les dernières nouvelles que j'ai réçues de Wilno ne permettent plus de croire que tous les officiers compromis dans l'affaire des détenus révolutionnaires, soient restés étrangers aux affiliations avec les sociétés secrètes. Malheureusement, il semble prouvé que trois d'entr'eux ont été reçus effectivement membres de l'association. J'en éprouve une peine bien profonde; il est difficile que quelque chose puisse m'affecter plus que cette triste nouvelle. Voilà le résultat de la coupable faiblesse et de l'impéritie des autorités locales. Un officier est compromis; on l'apprend; ses avoeux sans être complets, sont d'une haute gravité, et on le laisse communiquer avec des condamnés pour crime politique, et avec les jeunes officiers, ses camarades; on l'impose même comme société aux officiers montant la garde, et de là sont résultés les plus graves oublis du plus saint des devoirs. Dieu veuille au moins que le mal n'ait pas fait d'autre progrès et que ce soient les seuls militaires que nous ayons à punir pour des crimes du même genre.

J'ai lu avec beaucoup d'intérêt les nouvelles que Vous m'avez données

cher Comte, sur les affaires du Caucase. J'approuve beaucoup le persévérance apportée à suivre le plan d'attaque par les rives de la mer Noire. C'est préparer la soumission d'une grande partie du pays; l'occupation de points permanents dans la partie orientale fera le reste, bien entendu au bout de quelques années d'efforts constants et habiles. Vous m'avez adressé des compliments à l'occasion des troupes du Caucase; je vous en remercie, mais je vais en rabattre: ces troupes étaient extrêmement braves, avant même que je les eusse commandées; je n'ai eu que le bonheur de les habituer à l'ensemble et aux manoeuvres en assez grandes masses; c'est ainsi qu'elles ont appris à mettre leur confiance dans les dispositions de leur Général en chef.

19.

Varsovie, le 19 (31) Octobre 1839.

Le courrier que je Vous expédie aujourd'hui, mon cher Comte, est spécialement destiné à Vous porter nos budjets. Vous examinerez celui de l'armée, Vous verrez sans doute que j'ai mis tous mes soins à le réduire autant que faire se pouvait, dans les circonstances actuelles. Le prix élevé des vivres et des fourrages, malgré mes réductions, ne m'a pas cependant permis de limiter les demandes d'argent à celle de l'année dernière. L'excédent n'est pas très-considérable, et je ne crois pas que l'on puisse davantage restreindre les dépenses sans nuire aux différentes branches du service; car j'ai déjà indiqué toutes les économies qui semblent pratiquables.

J'ai apporté le même soin à diminuer les dépenses destinées à la construction des forteresses. Pour réduire ce budjet il faudrait renoncer à effectuer une partie des travaux indispensables que nous nous proposons d'élever dans le courant de l'année prochaine, et amener ainsi une perte de temps qui nous éloignera du but que nous désirons atteindre par ces ouvrages. Je ne vois pas d'autre moyen de demander moins d'argent pour le génie.

Veuillez, en soumettant à L'Empereur les deux budjets, faire valoir les considérations que j'ai développées pour justifier mes demandes et solliciter la haute sanction de Sa Majesté.

Après Vous avoir, cher Comte, recommandé ces graves intérêts, je vais recourir à Votre complaisance pour m'obtenir la gracieuse autorisation de notre Maître adoré, d'employer mon fils dans les régiments d'infanterie et de cavalerie qui viennent successivement tenir garnison à Varsovie dans le but de lui enseigner les détails du service militaire par leur pratique.

Nous n'avons pas reçu de nouvelles importantes de l'étranger, au moins de celles qui présentent un caractère d'authenticité. Ici tout est tranquille et pour ma part j'attends avec une vive impatience des détails satisfaisants sur le rètablissement de santés qui nous sont si précieuses.

Croyez, cher Comte, à ma sincére et constante amitié.

Prince de Varsovie.

20.

Varsovie, le 5 (17) Février 1840.

Votre bonne lettre du 23 Janvier m'a fait grand plaisir, et je Vous en suis, cher Comte, d'autant plus obligé que Vos occupations doivent Vous laisser bien peu de temps pour écrire.

Les premières nouvelles reçues de Khiva sont satisfaisantes, et c'est déjà beaucoup que la troupe ait supporté, sans trop souffrir les grands froids de la plaine. Il serait très heureux pour le général Pérowsky, que le Khan essayât en effet de le combattre en campagne. De simples murailles sont un moyen de défense fort bien entendu par les Asiatiques, et qui aident puissamment à la résistance qu'ils peuvent faire; il n'est pas toujours facile de les en débusquer.

Je Vous suis très-obligé de ce que Vous me dites sur la mission du Baron de Brunow. Nous sommes ici sans nouvelles sur le progrés que peuvent avoir fait les négociations de Londres, car je ne crois pas un mot de tout ce que publient à cet égard les feulles françaises et autres. On a remarqué avec raison la partie du discours de Sir R. Peel, quî se rapportait à l'alliance française; cependant il faut considérer que nos anciens amis, les Torys, doivent nous en vouloir de nous rapprocher du Ministère actuel et de l'aider à résoudre honorablement la question d'Orient qui intéresse si vivement la nation entière.

Je regrette bien sincèrement d'apprendre que Madame la Comtesse Tschernicheff soit toujours souffrante; je lui souhaite du fond de mon coeur un prompt rétablissement. Chargez Vous de mes hommages les plus empressés pour elle et joignez y ceux de ma femme qui est de retour depuis vendredi dernier.

Adieu, cher Comte, et agréez l'assurance réitérée de ma constante et sincère amitié.

Prince de Varsovie.

21.

Varsovie, le 21 Avril (3 Mai) 1840.

Le courrier que j'expédie aujourd'hui, mon cher Comte, est destiné à annoncer que les ordres de L'Empereur, relativement à Gutkowski Evéque de Podlachie, sont exécutés. La Commission que j'ai envoyée à Janow, a trouvé ce Prélat sain d'esprit. Ayant donc constaté que c'est avec une parfaite connaissance de cause qu'il fait une opposition scandaleuse au Gouvernement Impérial, elle a pris les mesures nécessaires pour son éloignement. Un officier de la gendarmerie le mène au couvent d'Ozéransk, dans le gouvernement de Mohilew. Mes rapports à Sa Majesté et ma dépèche au Vice-Chancelier contiennent les détails de cette expédition. Je me hâte d'ajouter que l'ordre n'a pas été troublé un seul instant; qu'il n'y a pas eu même la moindre opposition et que l'Evèque a obéi sans opposer de résistance.

Du reste, mon cher Comte, nous n'avons ici rien d'intéressant. Les feuilles étrangères nous ont apporté la nouvelle d'une déclaration d'hostilités faite à la Chine au nom de la Reine d'Angleterre, et de préparatifs pour opérer la saisie des navires napolitains. La France a offert cependant sa médiation pour l'arrangement de ce dernier différend, et le Cab-t Britanique l'a accepté. La question des Etats-Unis se complique et peut mener également à une rupture, quoiqu'aujourd'hui quelques journaux prétendent que l'on est prêt de s'entendre. Voilà toujours bien des embarras sans parler déjà de l'Orient.

Adieu, cher Comte, et recevez l'assurance de ma constante amitié et de mon véritable dévouement.

Prince de Varsovie.

22.

Varsovie, le 26 Mai (7 Juin) 1840.

Le courrier que Vous avez expédié, mon cher Comte, le 15 (27) Mai, a trouvé encore L'Empereur à Varsovie.

Sa Majesté était arrivée le 16 (28) à Nowo-Georgiewsk, accompagnée de Sa Majesté L'Impératrice et de Madame la Grande-Duchesse Olga. Leurs Majéstés jouissaient d'une bonne santé, et notre Auguste Maître a daigné

nous témoigner toute sa satisfaction pour l'état dans lequel Il a trouvé la forteresse.

C'est vraiment un monument national qui restera comme témoignage d'un grand règne. Vers 6 heures au milieu du concours d'un peuple immense, Leurs Majestès ont fait Leur entrée à Varsovie, se sont arrêtés à la cathédrale, où un Te Deum a été chanté, et se sont rendues au palais de Lazenky.

Une nuit de repos a fait du bien à L'Impératrice et Elle a daigné consentir à ce que l'on profitât de la belle journée du lendemain pour Lui offrire une fête qui a été réellement belle par la situation du lieu, et à laquelle Elle a daigné assister sur le balcon. Sa Majesté est restée ici jusqu'au dimanche matin, et nous avons eu le bonheur de voir une amélioration dans la santé de cette Auguste Princesse. Elle a visité deux fois l'Institut des demoiselles avec L'Empereur qui ne l'a pas quitté pendant ces deux journées. Leurs Majestés ont été d'une grâce si parfaîte pour les élèves qu'elles en ont versé des larmes d'attendrissement. Le 19 (31) Mai à $8^1/_2$ heures du matin, a eu lieu le départ. L'Empereur a été jusqu'à Lowicz et est revenu le soir. L'Impératrice a atteint heureusement la frontière et est arrivée en bonne santé à Berlin.

Lundi, le mauvais temps a empêché la parade. Le lendemain elle a eu lieu, et a été suivie mercredi, d'un exercice du corps d'armée. Sa Majesté a été satisfaite de la cavalerie; l'artillerie, surtout celle à pied, a mérité également son contentement.

L'infanterie est moins bonne et j'avais été obligé de prévenir L'Empepeur, qu'Il la trouverait arriérée comparativement aux autres armes. En effet elle avait été un peu négligée par l'ancien Chef du corps, et puis pendant quelques années le 1-r corps n'avait pas été réuni et Vous savez combien un rassemblement général est utile aux troupes. Cependant notre Auguste Maître a été moins mécontent de l'état où se trouvait notre infanterie que je ne l'avais pensé. Le désir de bien faire a en partie réussi à nos régiments et j'éspère que si Sa Majesté Imperiale nous honore de Sa visite, dans le mois d'Août, comme Elle nous l'a fait espérer, Elle aura lieu d'être plus satisfaite des troupes. Il faut dire aussi qu'elles revenaient à peine de leur cantonnement d'hiver, et qu'elles n'étaient que depuis bien peu réunies dans un camp. Jeudi, L'Empereur est allé inspecter les constructions de la forteresse d'Iwangorod, et a vu avec plaisir les deux ouvrages que l'on a élevés et ceux que l'on commençait. Notre Maître adoré a daigné me donner ce jour là une nouvelle preuve de Sa bonté et de Sa munificence. Sa Majesté m'a fait donation de toutes les terres et biens qui avaient

été achetés pour cette forteresse, et dans des termes si flatteurs, que je ne saurai, cher Comte, Vous peindre toute la gratitude dont je suis pénétré. Vous connaissez d'ailleurs la grâce parfaite que L'Empereur met aux bienfaits qu'Il répand, et s'il eut été possible d'ajouter au dévouement, sans bornes que je porte déjà à Sa Majesté, certes Sa haute bienveillance aurait développé ce sentiment.

Vendredi L'Empereur a daigné voir les porte-enseignes, les tirailleurs, et admettre à sa table les principaux fonctionnares civils. Après le dîner un courier a apporté de Berlin des nouvelles si alarmantes sur l'état du Roi et une lettre si pressante de L'Impératrice, que Notre Auguste Maître s'est décidé à partir sur le champ, et une demi-heure après, Il était déjà en route.

Le courier qui a traversé ce matin Varsovie pour se rendre à Pétersbourg, m'a dit qu'il y avait une petite amélioration dans l'état de l'Auguste malade, mais Vous avez à cet égard des détails plus précis.

L'Empereur a daigné me promettre de ses nouvelles deux jours après son arrivée à Berlin, je prépare en conséquence cette lettre que je remetterai au feldjaeger s'il devait continuer sa route; autrement elle partira par la poste. Je me réserve d'ailleurs de Vous instruire par le télégraphe de chaque événement important.

L'Archiduc Ferdinad d'Este, Gouverneur de la Gallicie, et le fils cadet du Duc de Modène avaient sollicité et obtenu de L'Empereur l'autorisation de venir présenter à Sa Majesté leurs hommages à Varsovie. L. L. A. A. R. R. sont arrivées ici le 21 Mai et nous ont quitté le lendemain du départ de L'Empereur.

Je ne Vous parle pas aujourd'hui de politique. Vous saurez déjà que la Chambre des députés a refusé le second million demandé pour honorer les cendres de Napoleon; on prête à l'assemblée l'intention de prouver qu'elle n'entendait pas remettre en honneur le systême de guerre. Si tel est le sens de son vote, la majorité a montré qu'elle ne se laissait pas absolument séduire à toute cette jonglerie impérialiste. M-r Thiers s'en fâche et ses journaux menacent la chambre et ouvrent des souscriptions.

Nous avons cependant bien d'autres soucis, et que Dieu nous protège dans les choses qui nous tiennent justement à coeur.

Adieu, mon cher Comte, conservez-moi Votre amitié et croyez à la sincérité de tous mes sentiments pour Vous.

Prince de Varsovie.

23.

Varsovie, le 29 Mai (10 Juin) 1840.

Je Vous ai annoncé ce matin, mon cher Comte, par le télégraphe, la triste nouvelle de la mort du Roi de Prusse. L'Empereur avait daigné m'en informer Lui-même par un courier, et m'instruire en même temps, que Sa Majesté L'Impératrice avait soutenu avec une religieuse résignation le malheur qui L'a frappé, et il paraît que sa santé n'en était pas plus altérée. Notre Maître adoré se portait Lui-même bien.

Vous ayant ainsi rassuré sur le principal objet de notre sollicitude, je vais passer à quelques details.

L'Empereur est arrivé à Berlin le 26 Mai (7 Juin) à 9 heures du matin; il avait ainsi, avec une incroyable vitesse, fait ce voyage en 38 heures. Le Roi vivait encore, et quoique déjà faible, il a reconnu Sa Majesté Impériale et a pu même Lui témoigner la satisfaction que Lui causait Sa présence. Cela a été un moment de consolation pour les deux Souverains.

A quatre heures après-midi, le Roi s'est éteint doucement, sans souffrance. L'Empereur ne l'a pas quitté jusqu'à ses derniers instants. Vous pouvez juger de la douleur dans laquelle cette mort a plongé Leurs Majestés. Dieu a soutenu leur courage et l'Impératrice a puisé en outre des forces dans les soins de notre Maître adoré.

A Berlin on regrette sincèrement le Roi; tout y était morne, mais calme. J'espère que les Prussiens qui aimaient leur Souverain respecteront son cerceuil et qu'il n'y aura pas de désordre; mais j'attends avec impatience de connaître la marche que prendra le nouveau règne. Nous savons déjà que les troupes qui se trouvaient dans la capitale, ont prété serment au successeur du trône avec beaucoup d'ordre.

L'Empereur m'écrit qu'il désire quitter Berlin aussitôt que possible; il attendra cependant le départ de l'Impératrice pour Ems, fixé provisoirement au 1 (13) Juin.

Sa Majesté a décidé que l'armée Impériale entière prendrait, pendant six semaines, le deuil à l'occasion de la mort du Roi. Il s'agit maintenant pour nous de résoudre dans quelle forme ce deuil doit être porté, c. à. d. prendrons-nous le deuil, dit profond, et doit-il être uniformément porté toutes les six semaines ou avec des divisions? Je Vous demande par un office de résoudre cette question et je Vous annonce les dispositions provisoires que j'ai prises.

Le général Berg est parti aujourd'hui pour Léopol. Il est porteur

d'une lettre, par la quelle L'Empereur daigne, avec sa bonté ordinaire exprimer à l'Archiduc Ferdinand et à son neveu, le regret d'avoir été obligé de les quitter si inopinément, et sans avoir même pu prendre congé de Leurs Altesses Royales.

Je Vous ai expédié ce matin par la poste, une longue lettre, préparée depuis quelques jours; elle Vous parviendra presque simultanément avec celle-ci; je Vous y ai entretenu de la présence de l'Empereur à Varsovie. Il ne me reste qu'à Vous renouveler, mon cher Comte, l'assurence de ma sincère amitié.

Prince de Varsovie.

24.

Varsovie, le 9 (21) Juin 1840.

L'exactitude que Vous voulez bien apporter, mon cher Comte, à Votre correspondance particulière avec moi, me cause la plus vive satisfaction, et je ne saurai assez Vous remercier pour la bonne et aimable lettre que Vous m'avez adressée le 4 (16) Juin.

Je suis enchanté de voir tant de concordance dans notre manière de juger les événements et d'apprécier les choses, et c'est réellement une jouissance pour moi que cet échange amical d'idées.

Lorsque ma lettre Vous parviendra l'Empereur sera déjà à St. Pétersbourg; et Vous serez ainsi parfaitement informé de tout ce qui regarde notre Maître adoré et Son auguste Epouse. Que Dieu conserve Leur précieuse santé pour le bonheur de Leurs vastes Etats et de Leurs fidèles serviteurs.

La gazette de Berlin contient aujourd'hui une publication bien intéressante du testament politique du feu Roi. La phrase que Vous avez citée s'y trouve textuellement, et supposant que mon courrier devancera la poste, je Vous envoye cette feuille. Les conseils du Roi sont bien sages, et sa belle âme se reflète dans les sentiments qu'il exprime pour sa famille et son peuple.

Un attentat horrible a eu lieu contre la Reine d'Angleterre; heureusement que les deux coups de pistolet qui lui ont été tirés, ont porté à faux. Les journaux ne s'accordent pas sur les motifs qui ont armé la main de l'assassin. Les uns attribuent son action à l'influence des sociétés secrètes, les autres prétendent qu'elle n'est que la suite d'une aliénation mentale. Je ne puis cependant m'empêcher d'observer, que les idées de changement social

sont tellement répandues en Angleterre, qu'elles préoccupent tout le monde et qu'elles ont pu inspirer un meurtrier obscur, même à son insu.

On prétend que la Reine est enceinte; elle laisserait ainsi une descendance directe, et n'a-t-on pas voulu s'en debarasser pour avoir meilleur marché ensuite du Roi de Hanovre qui est peu aimé de la nation et renverser avec lui le trône et la constitution anglaise.

Ici, mon cher Comte, tout est tranquille et le séjour de Sa Majesté dans le Royaume a fait une salutaire impression sur les esprits.

Adieu, bonne santé et contententement, et croyez cher Comte, à mon inviolable amitié.

Prince de Varsovie.

25.

Varsovie, le 24 Juin (5 Juillet) 1840.

Recevez mes bien sincères remerciments, mon cher Comte, de la lettre que Vous m'avez écrite de Péterhoff en date du 18 Juin.

Les nouvelles que Vous m'y donnez sur l'heureuse traversée de Notre Auguste Maître et sur la bonne santé dont jouit Sa Majesté ont rempli mon coeur de joie. M'étant de mon côté fait un devoir de transmettre par télégraphe toutes les nouvelles que nous recevons d'Ems, Vous aurez appris, mon cher Comte, qu'après le départ de l'Empereur la santé de Sa Majesté l'Impèratrice a continué à être bonne. Les journaux de la dernière poste n'en ont pas mention et c'est par cette raison que le télégraphe ne Vous a rien annoncé hier.

Dès la réception de Votre courrier, je me suis occupé activement à remplir les ordres qu'il m'apportait. La famine dont quelques provinces de l'Empire sont menacées cette année est un grand fléau et l'adoption de mesures promptes et efficaces pour en prévenir les funestes effets, est d'une haute importance.

Par ma dépèche télégraphique d'hier j'ai eu l'honneur de répondre à la question que d'ordre de l'Empereur Vous m'avez adressée à ce sujet. L'office que Vous recevez par mon courrier d'aujourd'hui, Vous fera connaître plus en détail la manière dont, en égard aux circonstances locales, j'envisage cette importante affaire et le degré d'extension qui poura lui être donnée. Du reste, Vous verrez par cet office que j'émets plusieurs projets sur la manière de conduire cette opération. Votre réponse me fera savoir si l'un d'eux aura eu le bonheur de rencontrer l'approbation de l'Empereur.

*

Je l'attends avec une vive impatience afin de me mettre à l'œuvre sans perte de temps pour l'exécution des ordres ultérieurs qu'il plaira à Notre Auguste Maître de me donner.

Sa grande difficulté proviendra toujours du droit de transit exorbitant que nous sommes obligés de payer à la Prusse. Il est aujourd'hui à peu près quatre fois plus grand qu'avant l'expiration de la convention commerciale et porte nécessairement à un taux très-élevé le prix des grains qui pourraient être exportés de la Pologne, par Danzig, dans nos ports de la Baltique.

Ma femme Vous remercie, mon cher Comte, de Votre bon souvenir, et moi je ne terminerai point cette lettre sans Vous réitérer l'assurance de mon sincère et inaltérable attachement.

Prince de Varsovie.

26.

Varsovie, le 7 (19) Juillet 1840.

Dès la réception de Votre dernière expédition, mon cher Comte, j'ai pris immédiatement les mesures les plus promptes pour exécuter les ordres de l'Empereur. Vous verrez par mes offices du jour que de mon côté je ne gênerai ni l'approvisionnement de la capitale ni celui de la droite de la ligne du Caucase. Mon Intendant général n'achètera presque rien ou au moins fort peu de chose. C'est lui que j'ai chargé de l'acquisition des 20 m. tchetwerts destinés à être transportés par le Narew et le canal d'Augustow à Libau. Il pourvoira également à leur embarquement pour Pétersbourg par la navigation printanière.

Au milieu des calamités dont sont frappés plusieurs de nos gouvernements c'est un spectacle bien consolant que celui de l'Auguste solicitude de notre Empereur pour le bien-être de ses sujets. Souvent la famine a désolé nos provinces, mais jamais des mesures d'une prévoyance aussi paternelle ne sont venues au secours des populations souffrantes. Ce sont là des actes d'humanité autant que de haute portée politique. Sans eux les populations se ressentiraient encore longtemps des atteintes du fléau.

En présences de ces disettes qui se renouvellent pèriodiquement on doit s'étonner qu'on n'ait pas généralement senti le besoin de donner plus d'intention à la culture de la pomme de terre. Elle est à mon avis pour la famine ce que, selon mon expérience, l'eau est pour la peste, le plus simple mais aussi le véritable préservatif.

C'est un fait dont la preuve historique nous est fournie par l'Allemagne qui, depuis qu'elle s'est si grandement approprié le fruit du nouveau monde, n'a jamais plus eu à souffrir de la disette.

Je ne puis pas Vous cacher, mon cher Comte, le plaisir que me font éprouvér les embarras que les Français rencontrent dans l'Algérie. Sans avoir à vaincre les difficultés que les montagnes du Caucase nous opposent et disposant de moyens de transport si puissants, ils ne parviennent pas jusqu'ici à garantir la plaine des incursions des arabes.

Cela leur prouvera que cette guerre contre des ennemis indisciplinés a ses difficultés et aussi ses mérites. Leur nouveau projet de circonvallation va leur donner du fil à retordre et coûtera beaucoup d'argent. Voyons les à l'oeuvre.

Je me mets en route d'ici le 16 (28) Juillet. Je verrai Brest, la division de Slonim, la garnison de Bobrouïsk d'où je me dirigerai sur Hommel.

Adieu, mon cher Comte, croyez à tous les sentiments bien sentis de mon invariable amitié.

Prince de Varsovie.

27.

Varsovie, le 16 (28) Juillet 1840.

C'est, mon cher Comte, au moment de me mettre en voiture pour Hommel que je Vous écris. Je n'ai néanmoins rien de bien important à Vous communiquer si ce n'est les nouvelles assez graves qui nous parviennent de Galicie.

D'après une lettre très confidentielle que m'a adressée le Baron Krieg, président de la Régence de Galicie, il paraîtrait que la propagande a réussi à gangrener de ses doctrines pernicieuses quelques officiers et sous-officiers du 2-d bataillon du régiment de Mazzuchelli.

Trois de ces officiers, les nommés Dmitrasmowitch, Hubel et Stadiot, profitant de la proximité dans laquelle ils se trouvaient des frontiéres du Royaume, doivent y avoir pénétré à différentes reprises et l'on présume que leurs voyages se rattachent à la conspiration autrichienne.

Sans l'espérer entièrement, je désirerais bien néanmoins que ces indications fussent erronées. Il serait en effet caractéristique que les menées qui viennent agiter la Galicie, le Duché de Posen, et les autres provinces

circonvoisines, s'arrêtassent à nos frontières et ne puissent pas franchir le cordon de surveillance que nous avons tracé.

J'ai néanmoins ordoneé les investigations les plus minutieuses. On va suivre à la piste la trace des courses que les propagandistes ont faites et s'enquérir dans les endroits qu'ils ont visités des menées qu'ils ont pu tramer; et il est à espérer que si des germes de conspirations ont été jetés chez nous, nous parviendrons bientôt à en saisir le fil.

Adieu, cher Comte, mes préparatifs de voyage m'empêchent de causer plus longtemps avec Vous. Je Vous écrirai prochainement de Hommel. En attendant recevez l'assurance des sentiments invariables de ma sincère amitié.

Prince de Varsovie.

28.

Hommel, le 8 (20) Aout 1840.

C'est du milieu du tourbillon de Hommel que je Vous écris, mon cher Comte, ces quelques lignes fort à la hâte. J'ai appris à connaître l'existence que Vous menez habituellement par les cinq jours si remplis qui viennent de s'écouler.

Les exercices de cavalerie et les manoeuvres pour tout le corps ont déjà eu lieu et Sa Majesté l'Empereur a été fort content de la cavalerie et de l'artillerie et assez content de l'infanterie. Demain nous aurons des manoeuvres qui simuleront la prise de la ville de Hommel, après laquelle S. M. dînera et partira pour Kiew.

Quant à moi je me dirigerai directement sur Brest ou j'attendrai S. M. Je ne me porte pas trop bien; une forte courbature au dos me fait beaucoup souffrir, sans m'empêcher cependant de monter à cheval.

Le champ de la politique est dans ce moment plus intéressant que d'ordinaire; cependant je suis d'avis que malgré les fanfaronades des Français et la raideur des Anglais les affaires d'Orient finiront par avoir une solution pacifique. La position de la famille des Napoléonides et l'arrestation de Louis Napoléon à Boulogne doit tenir le Gouvernement français sur ses gardes. D'ailleurs le secret connu de tout le monde, c'est que personne au fond ne désire la guerre et que l'on craint d'ebranler les forces de la Russie, de ce colosse qu'on s'amuse à dénigrer par moment, mais dont on a essentiellement peur.

Avant de clore aujourd'hui ma lettre je dois mettre encore, mon cher

Comte, Votre complaisance à l'épreuve: Comme Vous ne l'ignorez pas Sa Majesté l'Imperatrice fera son entrée à Varsovie le 24 de ce mois avec la Princesse Marie de Darmstadt. L'Empereur a daigné ordonner à cette occasion que les dames et les demoiselles d'honneureussent à y assister, ainsi que les autres dames de la ville qui le désireraient, mais cela dans le costume russe de la Cour Impériale. Ma femme ayant laissé ses habits de cour chez sa fille Balacheff à Pétersbourg, je Vous serais sincèrement obligé, mon cher Comte, si Vous vouliez bien ordonner que la caisse qui sera remise à Votre-aide-de-camp Balacheff me soit expédiée par le courrier de Mercredi qui sera envoyé à l'Empereur. Pardon, mon cher Comte, pour cette importunité, mais c'est à titre de réciprocité, et Vous savez si Vous pouvez disposer de moi en toute occasion.

Adieu, mon cher Comte, recevez l'assurance de mon entier dévouement et de mon inaltérable amitié.

Prince de Varsovie.

29.

Varsovie, le 25 Août (6 Séptembre) 1840.

C'est hier le 24 du courant, mon cher Comte, qu'a eu lieu l'entrée solennelle de Sa Majesté l'Impératrice avec l'Auguste fiancée du Césarewitch. Cette journée que le plus beau temps a favorisé a été une véritable fête pour tout le monde. A toutes les causes de joie que nous inspirait l'aspect du bonheur de la famille Impériale venait se joindre celle que faisait naître la satisfaction de l'Empereur pour l'excellente tenue des troupes, l'ordre vraiment exemplaire qui n'a cessé de régner un senl instant et les sentiments mis au jour à cette occasion par toute la population Varsovienne. Plus de deux tiers de la population se pressaient sur le passage de notre Auguste Souveraine et il faut l'avouer, mon cher Comte, pour cette fois les Polonais se sont fort bien conduits. Espérons que cette explosion spontanée aura des résultats durables. Ce ne serait pas à dédaigner si l'horison.politique venait à se rembrunir.

Et puisque nous voilà entrés dans le domaine de la politique je dois Vous accuser réception de Votre office secret touchant les deux divisions de troupes de descentes. J'ai ordonné aussitot les dispositions nécessaires et elles seront prêtes à entrer en campagne. Il est cependant impossible de rien prévoir encore avec certitude sur les conséquences des complications politiques actuelles. D'après les nouvelles parvenues à l'Empereur d'Angleterre il pa-

raîtrait que l'entêtement de Meh. Ali qui aurait pu amener une collision est paralysé par l'insurrection de Syrie que les Anglais sont loin de considérer comme étouffée la prétendant au contraire menaçante pour l'existence de l'armée d'Ibrahim.

Quant aux chances de guerre générale avec la France elles ont dans les derniers jours beaucoup diminués. L'ambition effrenée de Thiers a trouvé un contre-poids dans la raison pacifique du Roi et d'une partie de la nation plus grande qu'on n'aurait pu le présumer. A ce qu'il semble on tache actuellement de trouver un biais qui sans faire dévier l'Angleterre de sa ligne politique permettrait à la France de s'y joindre. C'est à cela que travaille Guizot. Tel a été aussi le but du voyage du Roi des Belges à Londres.

Du rèste le tableau qu'une personne bien informée trace des forces de la France la met réellement hors d'Etat d'engager dans les conditions actuelles une lutte avec les quatres puissances. 320 mille hommes de troupes de terre, infanterie, cavalerie et artillerie ligne réserve de 61 m. hommes, 21 vaisseaux de ligne et 30 m. marins, voilà tout ce qu'elle peut opposer aux armées coalisées, le moyen de lutter quand notre armée senle contrebalancerait ses forces.

Permettez moi, mon cher Comte, avant de terminer, de Vous remercier encore bien cordialement de la manière gracieuse dont Vous avez bien voulu Vous acquitter de la commission, par laquelle j'avais pris la liberté de Vous importuner. J'espère que c'est à titre de réciprocité et que Vous disposerez de moi sans façon dans toute occasion. Ne me faites pas attendre et recevez, mon cher Comte, l'assurance de mon invariable et sincère amitié.

Prince de Varsovie.

30.

Varsovie, le 8 (20) Septembre 1840.

C'est peu d'heures avant mon départ pour Berlin que j'expédie mon courrier, et je ne veux cependant pas manquer, mon cher Comte, de Vous adresser quelques lignes.

Les nouvelles politiques se pressent et se contredisent si souvent que je ne sais que Vous en dire, ou plutôt il y aurait de quoi remplir des pages entières, sans résultat aucun. Il y a peu de jours que l'on annonçait comme positive la soumission de Mehemet-Ali aux bases de pacification arrêtées par les Cabinets alliés. Aujourd'hui l'on met en doute ce fait important qui,

s'il se réalisait, eut fait cesser d'un seul coup toutes les agitations auxquelles l'Europe est en proie.

Les renseignements particuliers qui me sont parvenus de la France, représentent la nation comme appelant la guerre de ses voeux. Je ne crois cependant pas que le Roi et son Gouv-t se décident à tenter le sort des armes; ils ont trop à faire chez eux; l'on a été déjà obligé de recourir à la force matérielle pour reprimer l'émeute, et le ton belliqueux des journaux a considerablement baissé. Le conseil des Ministres a décidé que Paris serait fortifié, mais on n'était pas fixé sur l'époque où l'on commencerait les travaux. En attendant l'agiotage de la bourse est devenue réellement chose infâme.

En Espagne les affaires se compliquent; le pouvoir de la Régente est plus sérieusement attaqué que jamais; en un mot tout y est confusion et désordre. Cela ne peut que créer des embarras à la France et tel est le résultat de l'expulslon de Don Carlos.

Vous apprendrez sans doute avec autant de regret que moi, mon cher Comte, le langage que le Cabinet de Rome s'est permis de tenir envers la Légation Impériale dans l'affaire de Gutkowski. J'en écris aujourd'hui au Comte de Nesselrode; je m'abstiens ici de toute réflexion sur la menace qui a été osée, mais je ne puis m'empêcher d'ajouter, que je crains bien qu'en dehors déjà do tant d'influences hostiles, le Pape ne soit soutenu par l'Autriche dans ses tentatives de faire renaître les prétentions exorbitantes d'un autre siècle.

Recevez, mon cher Comte, l'assurance réitérée et bien sincère de ma constante amitié.

Prince de Varsovie.

31.

Varsovie, le 19 (31) Octobre 1840.

J'ai reçu, mon cher Comte, Votre dernière lettre, et je m'empresse de Vous en offrir tous mes remerciments. Je partage tout-à-fait vos vues.

Dans les circonstances graves où nous nous trouvons, ma première pensée est l'armée que Sa Majesté Impériale a daigné me confier; aussi je veux fixer Votre attention sur l'état incomplet où elle se trouve. Je ne doute pas que Vous ne trouviez urgent de faire cesser cet état de choses, et de lui rendre tous les hommes qui lui manquent.

Pour arriver à ce but, au moins partiellement, ne pourrait-on pas

envoyer directement dans les régiments les recrues qu'on va lever dans les provinces de leur cantonnement. Cet expédient serait une économie de temps et d'argent.

Pour ce qui est de la mobilisation des troupes, je m'abstiens de présenter à Notre Auguste Maître de nouvelles considérations à cet égard, parcé que sous peu de jours, nous pourrons probablement mieux juger de l'attitude qu'aura prise le Gouvernement français.

La dernière note additionnelle au memorandum de M. Thiers, ne paraît pas très belliqueuse; mais la nouvelle donnée par la gazette de Berlin domine toutes ces considérations: elle annonce la résolution du ministère Thiers de se retirer des affaires. D'après un article du Constitutionnel ce serait la rédaction du discours du trône, désapprouvée par Louis Philippe, qui aurait amené cette débacle. Le Président du conseil aurait voulu mettre dans la bouche du Roi une phrase qui déclarerait que toute attaque directe contre l'Egypte deviendrait un cas de guerre. Après une discussion fort vive, Mr. Thiers aurait offert sa démission. Deux réunions des ministres auraient eu lieu depuis et une retraite en masse aurait été décidée irrévocablement.

Ce fait, s'il est vrai, aura une portée immense. Il dépendra des chambres d'en faire sortir le salut de la France à l'intérieur et la paix au dehors. Si au contraire une majorité certaine et compacte n'était pas acquise à un ministère conservateur, des troubles sanglants pourraient bien n'être que le prélude d'une guerre européenne. Les factions soulevées abreuveront de dégoût le Roi et tous les honnêtes gens. Puisse au moins le nouvel attentat à la vie du Roi lui rallier les députés qui rêvent l'ideal d'un gouv-t constitutionnel, mais qui avant tout ne veulent pas d'une révolution qui mettrait de nouveau en question la propriété territoriale. Vous voyez donc que j'espère le maintien de la paix.

L'Espagne accomplit en attendant le cercle révolutionnaire; la régente a dû abdiquer et se trouve en France. Espartéro triomphe; mais lui qui n'a pas voulu obéir à la royauté, va probablement passer sous le jong des juntes; car il ne parait pas de force à imposer une dictature militaire. Voilà, mon cher Comte, Vos prévisions accomplies; l'Espagne pour avoir rejeté son roi légitime, verra longtemps encore, toutes les horreurs de l'anarchie désoler ses provinces. Pour l'usurpatrice, elle porte déjà par l'exil une juste peine de son crime politique, et sa conduite privée est stigmatisée dans les journaux, par l'infamie.

Adieu, mon cher Comte, conservez moi un bon souvenir et croyez à ma sincère et inviolable amitié.

Prince de Varsovie.

P. S. Je Vous écris officiellement, mon cher Comte, sur le transfert des parcs d'artillerie qui se trouvent à Grodno. Il y a des difficultés à les placer à Brzesc-Litewski; elles ne pourraient être levées qu'avec le temps; mais on pourrait dés-aujourd'hui les envoyer à Nowo-Georgiewsk.

Au moment de fermer ma lettre, je viens d'être informé qu'une lettre de commerce datée du 11 (23) Octobre d'Odessa porte, que les nouvelles de Constantinople, reçues par le bateau à vapeur arrivé la veille, annoncent la déroute totale de l'armée d'Ibrahim-Pacha, qui s'est enfui, avec quelques débris de ses troupes, vers le désert. Toute la Syrie, à l'exception de St. Jean d'Acre, s'est soumise au Sultan et le commandant de cette dernière place avait, dit-on, fait des propositions de capituler.

Les Consuls des quatre Puissances à Alexandrie étaient arrivés à Constantinople.

Ces nouvelles Vous seront déjà peut-être parvenues; mais pour tous les cas, j'ai voulu les reproduire.

Prince de Varsovie.

32.

Varsovie, le 28 Novembre (10 Décembre) 1840.
à 11 h. du soir.

Après quelques jours d'attente, Madame la Grande Duchesse Hélène nous est arrivée hier sur les 4 heures. Son Altesse Impériale est descendue de voiture devant la cathédrale Greco-Russe et a été reçue par l'Archevêque à la tête de son clergé; nous y étions aussi tous réunis. Madame la Grande Duchesse s'est logée au Belvédère et quoique fatiguée de son voyage précédent, Elle se met en route demain matin, pour arriver le 6 Décembre à St. Pétersbourg.

Après avoir conduit Son Altesse Impériale et réglé quelques affaires, je partirai le 30 au soir. Je prendrai la route de Riga, et j'espère pouvoir de bon matin dans ce jour si cher à la Russie, déposer mes plus respectueux hommages aux pieds de Sa Majesté Impériale.

Vous avez déjà connaissance, mon cher Comte, des débats de la Chambre des députés; il semble qu'une majorité est assurée au ministère et au parti conservateur; ainsi nous pouvons compter sur le maintien de la paix. Les rodomontades des Mr. Thiers et de son parti ont fait rire même les Français. Il faut bien accepter les faits accomplis: la forteresse de St. Jean d'Acre est tombée devant le canon des Anglais, et on assure qu'Ibrahim Pacha a

reçu de son père l'ordre d'évacuer la Syrie, et que Mehemet-Ali a déclaré vouloir se soumetre et se contenter de l'Egypte héréditaire, que l'on est disposé à lui laisser.

Voilà donc cette grande question à peu prés dénouée et d'après les vues de l'alliance. Le nouveau Gouvernement français cherche à calmer les passions intérieures; il y réussira probablement pour le moment, car la réaction est déjà fort sensible; mais il est impossible de prévoir combien de temps les hommes raisonnables garderont le pouvoir sur ce sol si mobile, et nous avons vu les hommes de la gauche à l'oeuvre.

Nous parlerons de tout cela, cher Comte, et bientôt. Au revoir donc, mais en attendaut agréez l'assurance de ma sincère et constante amitié.

Prince de Varsovie.

Le courrier n'est expédié que le 29 Novembre (11 Décembre).

33.

Varsovie, le 9 (21) Février 1841.

Mon cher Comte, l'état de mes yeux ne me permettant pas d'écrire beaucoup moi-même, je me resserre aux rapports que j'adresse par le présent courrier à Sa Majesté l'Empereur, pour Vous mettre au fait de l'état où j'ai trouvé les choses à mon retour ici. Vous verrez par ces dépêches, qu'il n'y rien de nouveau, si non ce qui concerne le régiment de Réval, circonstance qui d'ailleurs demande confirmation. En Gallicie on continue à faire de nouvelles découvertes de sociétés secrètes et à Posen, les choses ne vont guère mieux. Voilà tout ce qu'il y a, en fait de nouvelles courantes.

Adieu, mon cher Comte, recevez l'assurance de ma plus haute estime et de mon invariable amitié.

Prince de Varsovie.

34.

Varsovie, le 12 (24) Mars 1841.

J'ai apporté quelque retard, mon cher Comte, à l'expédition de mon courrier, désirant fournir un rapport circonstancié sur la malheureuse affaire dans laquelle se trouve compromis un officier du régiment de Réval. Vous recevrez aujourd'hui cetté pièce, et je ne veux pas autrement vous en parler.

Comme Vous, j'ai parcouru avec un vif intérêt les mémoires de Gisquet. Dans la position où je me trouve depuis plusieurs années, j'ai dû vivement ressentir l'impression du tableau qu'il trace de l'agitation que laisse le firman révolutionnaire et des effets désespérés des factions comprimées. Il est vrai de dire qu'ici ce n'est plus qu'un écho affaibli de ces déchirements internes, de cette effervescence des passions politiques dont la France est encore le théâtre. J'ai pu cependant ici suivre distinctement les phases diverses du progrès des révolutionnaires et de leur défaite; le contre coup en a été constamment sensible.

J'ai appris avec plaisir par Votre lettre la nomination définitive du Général Anrepp à la place du général Rayewski. Je le connais pour un loyal militaire, et Vous saurez au moins la vérité sur ce qu'il aura fait.

Je vous remercie en général, mon cher Comte, des nouvelles que Vous me donnez. Notre Maître adoré ayant daigné s'occuper Lui-même de l'état de nos finances et débattre les moyens de porter remède à l'étât actuel des choses, je ne doute pas qu'il n'en ressorte une meilleure organisation de la fortune publique. Notre beau pays a d'immenses ressources; habilement ménagées, elles doivent suffire à tous ses besoins.

Une lettre du Baron de Meyendorff m'a informé de l'arrivée à Kalisz de Mgr. le Grand Duc héréditaire de Saxe-Weimar pour le 13 (25) ou le 14 (26). Le général Budberg, envoyé à sa rencontre, s'y est déjà rendu pour le 11 Mars.

Mr. de Tatistscheff est à Varsovie depuis hier soir. Il regarde la solution des affaires d'Orient comme assurée, et croit que la Porte modifiera son firman d'investiture. Du reste tout est à la paix, et il n'est pas même probable que la querelle des Américains avec l'Angleterre dégénère en hostilités ouvertes.

Nous n'avons donc rien de bien nouveau ni à l'extérieur, ni à l'intérieur.

Je suis encore très souffrant des yeux: il ne m'est pas possible de supporter la lumière du salon. Le jour je sors et je puis exercer la troupe. Les médecins ne me promettent une guérison qu'au retour du printemps.

Adieu, cher Comte, recevez tous mes voeux et l'assurance de ma constante et sincère amitié.

Prince de Varsovie.

35.

Varsovie, le 29 Mars (10) Avril 1841.

Je Vous suis bien reconnaissant, mon cher Comte, pour Votre bonne lettre du 19 Mars et les renseignements qu'elle contient. C'est avec une véritable satisfaction que j'y ai vu, que notre Maître adoré continue à vouer ses soins assidus à la réorganisation des finances, cette branche si importante, je dirai si vitale de l'administration de l'Empire. Je suis sûr du plus heureux résultat de cette intervention personnelle de Sa Majesté dans ce service. Avec la fermeté qu'Elle apporte dans ses desseins et Sa clareté de jugement, nous devons attendre une nouvelle ère pour la Russie. Aucun Etât ne l'égale déjà sous le rapport des forces militaires, et lorsque notre beau pays obtiendra une bonne organisation financière, il n'aura rien à envier à aucune Puissance.

Je Vous restitue aujourd'hui, mon cher Comte, les renseignements que Vous m'aviez communiqués sur les conférences qui ont eu lieu à Berlin, relativement à l'organisation de l'armée fédérale. Il est à regretter que les discussions traînent en longueur, car on ne voit pas jusqu'à présent qu'elles aient amené un résultat quelconque.

Ce n'est pas que je craigne que la guerre éclate prochainement; mais si cette question, une fois sérieusement soulevée, n'obtenait pas une solution précise, il serait bien à redouter que tout ne restât dans l'ancien état. Au jour du besoin il serait trop tard de réorganiser l'armée fédérale, comme il eut déjà été trop tard, si les velléités guerrières de la France ne ce fussent dissipées en fumée.

D'après Vos nouvelles, la question d'Orient se trouve résolue par la signature d'une Convention à cinq. Il n'y a donc plus à en parler, et la Porte ne pourra se refuser aux modifications du firman d'investiture, qui lui sont demandées par. les Puissances auxquelles elle doit son existence.

J'ai été bien aise de voir que Vous jugez de la même manière que moi l'expérience politique tentée en Prusse. Je présente aujourd'hui à Sa Majesté Impériale deux notices sur les affaires de Posnanie, et comme je sais que Vous les lisez, je prends la liberté de vous y renvoyer tout simplement. Remarquez, je Vous prie, ce que pense Rauschenblatt des concessions faites aux Etâts provinciaux. L'intérêt direct trompe rarement, et si le parti révolutionnaire a vraiment lieu de s'en réjouir, nous devons déplorer une politique qui peut préparer de grands malheurs.

Puisque Vous me demandez des nouvelles de ma santé, il faut bien que je Vous dise, que je souffre encore beaucoup des yeux. La lumière me blesse et je ne sors pas sans lunettes de couleur.

Adieu, cher Comte; nous sommes à la veille de Pâques, et c'est bien sincèrement que je Vous souhaite de bonnes fêtes et toutes sortes prospérités. Recevez avec mes voeux pour Vous et pour les Vôtres l'assurance de ma véritable amitié.

Prince de Varsovie.

36.

Varsovie, le 7 (19) Avril 1841.

C'est quelques heures avant de quitter Varsovie que je Vous adresse, mon cher Comte, ce peu de lignes pour Vous informer de la détermination que j'ai prise de braver mon mal d'yeux pour avoir le bonheur de déposer personnellement aux pieds de notre Maître adoré mes félicitations au sujet de l'heureux événement qui va s'accomplir dans son Auguste Famille.

Comme je vais avoir le plaisir de Vous entretenir moi-même, je bornerai là mes communications, d'autant plus qu'il n'y a rien de bien remarquable parmi les nouvelles que j'aurais pu Vous transmettre. Vous serez même déjà probablement informé d'Odessa du changement qui vient de s'accomplir dans le Ministère Turc, et qui n'est pas sans importance politique.

Ayez la bonté, cher Comte, de faire instruire mon feldjaeger du logement qui m'est destiné, afin que je puisse m'y rendre directement.

Vous ne douterez pas de la satisfaction que je me promets de Vous revoir bientôt et de Vous réitérer de vive-voix l'assurance de ma constante et sincère amitié.

Prince de Varsovie.

37.

Varsovie, le 29 Avril (10 Mai) 1841.

J'ai reçu, mon cher Prince, par le courrier que Mr. Turkul m'a expédié, Votre bonne lettre. Elle m'a instruit la première des bienfaits et des grâces que Sa Majesté L'Empereur a répandus à l'occasion de l'heureux événement qui venait de s'accomplir dans son Auguste Famille. C'est une noble pensée

que celle qui a porté notré Maître odoré à associer aux joies de son coeur paternel toutes les classes de ses fidèles sujets. Son nom en sera de longues années béni dans quantité de familles, comme sous la chaumière du pauvre, et on joindra à ces bénédictions le nom de Celui que Sa Majesté a si dignement préparé à continuer un jour ses vertus sur le trône.

Les bienfaits que l'Empereur a daignés accorder à la Pologne, ont été reçus avec non moins de gratitude, et ont excités parmi ses habitants un vif enthousiasme.

C'est avec un plaisir tout particulier, que j'ai vu que Sa Majesté rendant justice à vos longs et loyaux services, vous avait accordé, mon cher Prince, une distinction d'autant plus flatteuse qu'elle se perpétuera dans vos descendants. Je vous en félicite bien sincérement, car une faveur semblable ne pouvait trouver quelqu'un qui en fut plus digne.

Je Vous ai déjà écris, il y a dix jours, au sujet de l'accident arrivé dans les environs de Lazenki. J'ai d'abord été très alarmé de cet évenement, et ce n'est que 36 heures après que j'ai pu me convaincre que quelque regrettable qu'il fût, il n'y avait rien de politique dans la perpétration du crime; que même aucum polonais n'y était mêlé. Le dégat est estimé tout au plus à une trentaine de mille florins; ainsi la perte n'est pas non plus très importante.

L'enquête qui a été continuée a confirmé les premiers soupçons sur le véritable coupable. Sauf quelque nouvelle révélation, il paraît que c'est décidément le malheureux sous-officier qui s'est suicidé, auquel il faut attribuer cet événement. Il a espéré couvrir son crime, en préparant une explosion qui a tardé par quelque cas fortuit, ou bien, décidé à mourir, il a voulu, dans sa perversité, exercer une vengeance. Comment d'ailleurs expliquer autrement la presque simultanéité de deux actes aussi extraordinaires, que l'assassinat tranquille d'un sous-officier par son camarade, et l'incendie de caissons d'artillerie. Ce sont choses qui n'arrivent guère que tous les 50 ans, et ici elles se sont produites à une heure de distance. Il faut donc qu'elles aient eu un commun auteur. Vous serez déjà informé de la mort du Président des Etats-Unis d'Amérique et de l'échec parlementaire essuyé par le Ministère anglais. Ces deux évènements n'auront cependant pas, à ce qu'il parait, la portée immédiate qu'on leur avait d'abord attribuée. Lord J. Russel a annoncé la présentation d'un bill qui amenderait la législation existante relativement aux céréales. Ce bill sera soutenu par tout le parti libéral, et il semble que l'on en fera une question de cabinet. Sa décision sera aussi importante pour la Grande Bretagne que pour l'étranger. Voilà donc l'intérêt politique, qui dormait

depuis que les affaires d'Orient sont envisagées comme résolues, bien dûment réveillé.

Mes hommages et mes félicitations les plus empressés à Madame la Princesse Tschernischeff, et agréez, je Vous prie, mon cher Prince, l'assurance réitérée de ma sincère et invariable amitié.

Prince de Varsovie.

38.

Le 29 Avril (11 Mai) 1841.

J'avais déjà, mon cher Prince, terminé ma lettre lorsque la Vôtre du 24 Avril, m'est parvenue. Les détails qne Vous m'y donnez sur l'heureux et Auguste Couple, m'ont comblé de joie. Puissent leurs jours couler constamment aussi fortunés.

C'est très aimable à Vous de me tenir ainsi au courant de ce qui se passe si loin de moi, et que j'ai tant de plaisir à connaître. J'attendrai aussi avec impatience des nouvelles de l'armée de Géorgie, à laquelle je souhaite bien ardemment des succès.

Le retour du printemps a amélioré ma santé; je puis au moins prendre de l'exercice au dehors et me délasser ainsi des travaux du cabinet. Je Vous suis bien reconnaissant, mon cher Prince, de l'intérêt que Vous me témoignez; croyez à un retour sincère de ma part.

Prince de Varsovie.

39.

Varsovie, le 24 Mai (5 Juin) 1841.

Je vous suis très obligé, mon cher Prince, pour tous les détails que contient Votre bonne lettre du 7 Mai; ceux que Vous m'avez donnés sur l'intérêt que Sa Majesté L'Empereur daigne prendre à ma santé, m'ont touché bien vivement. Je ne sais comment reconnaître cette bonté de notre Maître adoré: une vie entière de dévouement n'y suffit pas. Du reste Vous comprendrez qu'il est des sentiments, et tel est celui que j'éprouve, que leur profondeur même rend inexprimable.

L'Empereur sera déjà de retour de son voyage, aussi cher Prince, chargez—Vous d'être autant que possible, auprès de Sa Majesté l'interprète de ma vive gratitude.

Puisque notre Auguste Maître l'ordonne et que Vous le désirez, je dois ajouter que je me rétablis difficilement; la fièvre m'a quitté; mais mes yeux sont encore souffrants, et restent surtout d'une grande sensibilité. Je fais les remèdes que l'on me prescrit et j'attends leur résultat.

Je Vous remercie beaucoup, mon cher Prince, pour l'envoi des 421 mille roubles argent qui revenaient à l'Intendance pour l'approvisionnement de l'armée. Connaissant les embarras financiers du moment, je m'attendais bien à mon départ de St. Pétersbourg à un retard; mais j'avoue que je n'ai jamais pu supposer qu'il serait aussi long; j'étais arrivé au point de ne plus savoir comment faire face aux besoins les plus urgens. Les délais que le ministre des finances apporte dans la consiguation des sommes qui doivent être mises à Votre disposition sont une chose bien cruelle et j'en ressens vivement le contre-coup. S'ils doivent se renouveler, je serai dans le plus grand embarras.

Vos nouvelles observations sur la marche politique suivie par le cabinet prussien dans son administration intérieure, sont d'une grande vérité. Je ne Vous ai pas caché mon opinion à cet égard, qui d'ailleurs est conforme à la Vôtre. Pourquoi provoquer gratuitement des perturbations, qui peuvent avoir l'influence la plus funeste sur l'Europe entière?

Le faisceau que forment la Russie, l'Autriche et la Prusse est exposé ainsi à être brisé d'un moment à l'autre, et leur alliance seule a été assez puissante pour opposer une digue à léxtension des principes démagogiques. On objectera en vain que l'on ne franchira pas les limites qui séparent une liberté publique raisonnable de l'anarchie. On ne joue pas avec les passions populaires, et la puissance des idées est immense dans notre siècle. Il semble que les enseignements de l'histoire doivent toujours rester vains, et cependant ce n'est pas dans les livres seuls qu'ils nous ont été donnés; pour la plupart de nous, ils sont le résultat de l'expérience. Remarquez, cher Prince, et je répète exprès cette observation, que les anarchistes de tous les pays se réjouissent des nouvelles tendances de la Prusse et en jugent trés bien la portée.

Puissent leurs manifestations ouvrir les yeux du Gouv-t de ce pays, et le porter à s'arrêter courageusement dans la voie qu'il s'était ouverte, ainsi qu'il semble en sentir le besoin.

Puis qu'il est convenu entre nous que je Vous parlerai de mes affaires privées, j'ajouterai avant de clore ma lettre, que la nôce de ma seconde fille avec le prince Wolkonski a eu lieu le 21 Mai.

J'espère que ce mariage sera heureux, car plus je connais mon gendre,

plus j'en suis satisfait. Je le recommande, mon cher Prince, à Votre bienveillance.

Présentez mes hommages les plus empressés à Madame la Princesse Tzernischeff, que je suppose déjà de retour, et croyez à ma constante et sincère amitié.

Prince de Varsovie.

40.

Varsovie, le 8 (20) Juin 1841.

Je ne veux pas laisser partir, mon cher Prince, ce courrier, sans Vous adresser au moins quelques lignes.

Mercredi je dois me mettre en route pour Kalisz, dans le but d'sssister à l'ouvertvre du monument érigé, d'ordre de Sa Majesté Impériale, en souvenir de la brillante revue qui a eu lieu dans cette ville et dans laquelle les troupes Russes et Prussiennes réunies ont paru en présence de Notre Maître adoré et de Son Auguste Beau-Père.

Les dernières nouvelles de l'étranger ne présentent rien de décisif. La dissolution du Parlement anglais n'a pas encore été prononcée et depuis que Sir R. Peel a fait adopter sa fameuse motion, le ministère a éprouvé deux nouveaux échecs.

Il est impossible de ne pas se préoccuper de la crise par laquelle l'Angleterre va passer.

On assure que les Whigs eux-mêmes ne sont plus aussi sûrs d'obtenir une majorité dans le nouveau. Parlement et alors ne peut-on pas craindre un changement dans la politique extérieure de ce vaste et puissant empire.

Les Torys d'ailleurs ne serônt-ils pas obligés pour acquérir un peu de popularité à plus de concessions libérales que le Cabinet actuel, et d'un autre côté les réformateurs de toute couleur vont agiter les passions pour chercher à renverser ou éloigner une administration qu'ils détestent. Tout cela est bien triste, car les éternels ennemis de tout pouvoir légitime ne manqueront pas de profiter des embarras suscités par le conflit de deux seuls partis gouvernementaux de l'Angleterre.

Du reste, il n'y a rien d'important; on parle vaguement d'une insurrection en Thessalie qui présenterait un caractère de gravité et ajouterait aux sérieux embarras de la Porte ottomane.

Adieu, mon cher Prince, recevez l'assurance réitérée de tous mes sentiments d'amitié.

Prince de Varsovie.

*

41.

Varsovie, le 28 Juin (10 Juillet) 1841.

C'est en me rendant à Kalisz que j'ai reçu, mon cher Prince, Votre courrier du 8 Juin.

L'Empereur m'adressait très-gracieusement l'ordre de me soigner et de profiter de la belle saison pour entreprendre un traitement sérieux.

Pénétré d'une profonde gratitude pour cette preuve de la haute bienveillance de Sa Majesté, je devais adopter une résolution finale sur ce qu'il me restait à faire: constater pour cela l'état véritable dans lequel se trouvait ma santé et décider si un voyage à l'étranger était une nécessité pour moi.

De retour à Varsovie, j'ai réuni mes médecins en consultation; ils ont délibéré entre eux plusieurs jours; j'ai pris moi-même le temps de refléchir et je viens d'adopter le parti de ne pas entreprendre de voyage.

En effet des bains d'eau thermale que j'ai employé pendant six semaines, ont fait disparaître mes douleurs otritiques; de plus l'eau de Marienbad que j'ai bue, m'a fait également du bien; depuis j'ai essayé avec succès des immersions dans l'eau froide. En un mot je suis guéri, et il faut seulement consolider ma guérison. D'après l'avis des médecins je n'ai besoin pour cela que de grand air et d'un peu de repos. Dans le but de me procurer l'un et l'autre, je vais passer de 4 à 6 semaines à Skernewice, et j'espère que ma santé se remettra entièrement. Pour ne pas interrompre les affaires je viendrai tous les 8 jours en ville et je consacrerai une journée au travail. Cela ne pourra me fatiguer beaucoup, et je concilierai de cette maniére mes devoirs avec la nécessité de chercher un rétablissement entier.

Il faut que je compte beaucoup, mon cher Prince, sur Votre amitié pour Vous donner tous ces détails quoique Vous les aviez demandés, ils n'en sont pas moins ennuyeux.

Je Vous remercie bien sincèrement pour Votre lettre du 22 Juin, qui vient de me parvenir. Vous êtes toujours si occupé et particulièrement dans cette saison, que je sent tout le prix des moments que Vous me consacrez.

Monseigneur le Grand Duc-héritier a reçu une éducation tellement distinguée et complete que je n'ai pas été étonné d'apprendre que Son Altesse Impériale ait pu dans la perfection, faire maneuvrer deux divisions.

Il n'en est pas moins vrai qu'il y a une difficulté immense de savoir

suppléer à ce qui ne s'acquiert ordinairement que par une longue expérience, et je ne crois pas qu'il y ait en Europe un Prince de son âge, qui soit capable d'en faire autant.

J'ai lu avec bien de la satisfaction les bonnes nouvelles que Vous m'avez données sur les affaires du Caucase. Dieu veuille que cela aille toujours en s'améliorant. Il faut autant de prudence que de fermeté dans ce pays et l'on arrivera au but.

Nous voilà donc au dénouement de cette interminable question d'Egypte, quoique je craigne encore que les négociations pour le tribut, ne deviennent le prétexte de nouvelles mésintellingences. L'étât de la Turquie en général doit appeler la sollicitude des Cabinets. Il faut prévoir toutes les éventualités et avoir sur elles une décision bien arrêtée. Les révoltes dans presque toutes les parties de la Monarchie ottomane, sont des faits d'autant plus graves, que les démagogues chercheront sans doute à en profiter dans l'intérêt de leurs criminels projets. Cependant ce sont des chrétiens qui veulent secouer le joug jadis intolérable de l'islamisme, et qui est bien lourd encore par toutes les véxations que se permettent les agents d'un gouvernement tombé dans la plus déplorable faiblesse, et qui ne sait ni se faire obéir à l'intérieur, ni respecter au dehors. Il faut donc se bien rendre compte de ce qu'il y a à faire, et ne pas laisser aller les choses à l'aventure, pour n'être pas surpris et entraîné par les événements.

Nos dernières nouvelles de Londres promettent une majorité assez considérable aux torys; en effet les candidats ministériels ont eu le dessous dans plusieurs localités, et les élections des Comtés qui restent à faire ne peuvent leur être plus favorables. Sir R. Peel et son parti seront donc portés au pouvoir; mais comment gouverneront-ils l'Irlande qui les hait et ne seront-ils pas forcés à des concessions qui avanceront l'oeuvre des radicaux? Tout mon espoir est dans cet admirable bon sens des anglais, qui ont su déjà si souvent s'arrêter à temps, et déjouer les prévisions de ceux qui les voyaient au bord d'un abîme.

La Princesse Troubetzkoi, à son passage par Varsovie, m'a laissé une lettre Sa Majesté L'Impératrice, que je vous prie de faire parvenir à sa haute destination.

Adieu, cher Prince, je Vous souhaite une bonne santé et Vous renouvelle l'assurance de ma sincère et constante amitié.

Prince de Varsovie.

42.

Varsovie, le 22 Juillet (3 Août) 1841.

Je Vous remercie bien sincèrement, mon cher Prince, pour Votre bonne lettre. Je suis très sensible à l'attention qui Vous a porté à me donner, au milieu de vos nombreuses occupations, des détails satisfaisants sur la santé de Sa Majesté L'Impératrice. Dieu veuille que nos voeux ardents pour Son parfait rétablissement se réalisent très prochainement.

Tout est calme à l'extérieur, comme dans le pays. Aussi je n'ai rien d'important à Vous mander. La soumission complète de Mehemet-Ali et les mesures sages que la Porte prend à l'égard de ses sujets chrétiens, font espérer que toutes les complications que l'on pouvait redouter en Orient, sont ajournées. Les révoltes s'appaïsent, et l'île de Candie va, dit-on, être également pacifiée. Nous aurons donc, pour quelque temps du moins, de la tranquillité de ce côté. Cela ne nous dispensera cependant pas d'une surveillance très constante, à l'endroit de l'influence que le parti libéral prétend s'y créer, et que Vous avez si justement signalée.

La lutte électorale est terminée en Angleterre; mais ce n'est que dans quelque temps que nous connaîtrons quel sera le résultat final du triomphe complet des torys. Il leur faut beaucoup de sagesse pour ne pas compromettre leur victoire, et c'est tout ce que j'en dirai, pour ne pas me lancer dans le champ si vaste des conjectures.

Nos troupes sont dans les camps et se préparent par des exercices répétés à paraître en présence de notre Maître adoré.

Je joins à mon expédition de ce jour une notice sur le tir au cible, que je Vous recommande, mon cher Prince. Vous y trouverez la demande d'obtenir pour le soldat trois cartouches de plus que celles que les règlements lui accordent. Cette partie si importante du service est loin de la perfection; mais aussi il faut avouer que les moyens d'exercice manquent encore.

Ma cure de Skernewice me réussit assez bien, quoique j'éprouve toujours une faiblesse dans les yeux.

Recevez, cher Prince, tous mes voeux et l'assurance réitérée de ma sincère amitié.

Prince de Varsovie.

43.

Kowno, le 25 Août 1841.

Je Vous remercie, mon cher Prince, de Votre bonne et excellente lettre du 8 Août et je ne Vous ai pas répondu plutôt, parceque j'ai désiré Vous parler de la revue du 2-d. corps d'armée.

Sa Majesté Impériale a trouvé la seconde Division de cavalerie bonne et Elle a daigné être contente de l'infanterie. Nous ne pouvons dissimuler que L'Empereur notre Auguste Maître a traité le 2-d. corps d'armée avec une indulqence qu'on ne saurait assez reconnaître et qui doit pénétrer tous et chacun du vif désir de ne rien négliger pour le perfectionnement de la troupe.

Sa Majesté a l'agréable surprise de voir arriver à Varsovie le Roi de Prusse. La visite du Roi nous remplit tous de joie parcequ'elle prouvera à l'Europe que l'étroite amitié et union des deux maisons régnantes de Russie et de Prusse restent les mêmes. Puisse le Ciel les cimenter de plus en plus pour le bonheur des peuples.

Votre lettre, mon cher Prince, me laisse le vif regret de ne pas Vous recevoir à Varsovie en même temps que la Princesse de Tschernicheff. Veuillez je vous prie lui écrire qu'elle me fasse prévenir du jour de son arrivée pour que je puisse lui offrir l'appartement de ma femme au château, si elle le trouvait à sa convenance. Ma femme sera bien fâchée d'être absente et de ne pouvoir se joindre à moi pour exprimer à la Princesse le plaisir qu'elle aurait de la recevoir chez elle.

Nous manoeuvrons demain joyeusement sur le terrain qui jadis a été foulé par un demi million d'hommes destinés à tenter la conquête de notre patrie.

Recevez, mon cher Prince, l'expression de tous mes sentiments d'amitié.

Prince de Varsovie.

44.

Varsovie, le 15 (27) Septembre 1841.

Un accident qui m'èst arrivé à la fin des manoeuvres, m'a empêché, mon cher Prince, de Vous écrire depuis le départ de L'Empereur. Me sentant quelque peu rétabli, je m'empresse de Vous parler du séjour de Sa Majesté

à Varsovie. Je n'entrerai pas dans le détail des exercices qui ont eu lieu; Vous en avez été instruit par les ordres du jour. Je me bornerai donc à constater que notre Maître adoré a daigné se montrer satisfait des troupes du 1-er corps. En effet elles ont beaucoup gagné depuis l'année dernière. J'espère qu'elles feront encore des progrès et que le nouveau commandant du 1-er corps les replacera bientôt dans l'état d'où les a fait décheoir son prédécesseur. Sa Majesté a d'ailleurs tellement encouragé de Sa parole chefs et subalternes, qu'aucun effort ne va leur coûter pour répondre à Son auguste attente.

La populatation de la ville s'est montrée, pendant tout ce temps, calme et reconnaissante. Aussi il faut dire que L'Empereur était comme un père au milieu d'enfants dévoués.

Je ne Vous cacherai pas que pour ma part, j'ai frémi bien des fois de cet abandon, de cette confiance. Dans notre siècle de passions politiques, L'Empereur seul, la nuit, s'est promené au milieu des flots pressés du peuple, et d'autres fois, s'est montré dans des endroits tout à fait isolés. Sa Majesté, il est vrai, n'a recueilli que des hommages; la Providence et la grandeur de son caractère le protégeaient; mais quelle garantie avions-nous contre un audace sacrilège. Enfin, rendons grâce au Tout-Puissant qui a veillé sur des jours aussi précieux!

Au milieu de ces justes préocupations, si nous jettons un coup d'oeil au dehors, dans quel état horrible nous trouvons la France. Cette terre veut être le séjour de la civilisation la plus avancée, et l'assassinat se montre au grand jour. Ses provinces sont désolées par le meurtre, le pillage, l'incendie. La capitale, pendant dix jours consécutifs, est effrayée par des attroupements hostiles à la propriété et à toute hiérarchie sociale. Les communistes, après avoir prêché leurs funestes doctrines, essayent déjà de les mettre en pratique par la force brutale. Ils se sont donné une organisation pour l'attaque, inconnue encore. *Voilà de sérieux dangers non seulement pour la France, mais pour l'Europe.* Cette vieille guerre du pauvre contre le riche arrive à une nouvelle phase; l'industrialisme, cette nouvelle force de notre siècle est elle-même menacée. Le peuple français traite déjà la bourgeoisie d'aristocratisme, et c'est elle que les nouveaux niveleurs prétendent abattre.

En Angleterre, le ministère paraît vouloir laisser consolider la réaction qui s'est manifestée dans le pays contre les wighs, et ne faire ensuite de concessions que celles qui seront indispensables. C'est au moins la seule manière d'expliquer la réserve dans laquelle Sir R. Peel s'enveloppe, et que tous les efforts de ses antagonistes n'ont pu rompre.

Vous trouverez ci-joint, mon cher Prince, deux petits volumes que L'Empereur a daigné me prêter. Je Vous prie de les remettre à Sa Majesté Impériale et de Lui porter mes plus respectueux remerciments. Souffrant et malade, grâce à cette opuscule, j'ai ri des médecins dont il me fallait bongré malgré subir les prescriptions.

Adieu, mon cher Prince, et recevez l'assurance reitérée de ma sincère et constante amitié.

Prince de Varsovie.

45.

Varsovie, le 26 Septembre (8 Octobre) 1841.

J'allais Vous remercier, mon cher Prince, pour votre bonne et aimable lettre du 13 Septembre, lorsqu'un courrier m'a apporté celle que Vous m'adressiez déjà en réponse à l'expédition que j'avais faite pour St. Pétersbourg, après le départ de L'Empereur.

J'ai lu avec infiniment de plaisir tout ce que Vous m'avez dit de Vos conversations avec notre Maître adoré sur l'état de l'armée. J'ai été heureux de recueillir ce nouveau témoignage, que nos différentes troupes ont obteuu le suffrage de Sa Majesté. Il est très aimable à Vous, mon cher Prince, de Vous réjouir de nos succès.

L'opinion, que je Vous avais exprimée sur l'état de la France, s'est trouvée conforme à celle qne Vous énonciez de Votre côté. Vous ajoutez de plus que l'Empereur daigne la partager. Cette haute sanction ne fait qu'augmenter les préocupations que m'inspire l'étât actuel des choses.

Malheureusement, il n'est que trop vrai, la France restera longtemps encore un danger pour la paix générale. Je ne crois pas pour cela que l'on en vienne bientôt à des hostilités ouvertes, mais il n'existe aucune sécurité, et c'est là où est le mal. En effet quel fondement faire sur un peuple, qui d'un jour à l'autre, est prêt à bouleverser de fond en comble son Gouvernement, et dans l'effervescence de ses passions politiques, à se répandre sur les états voisins.

Ma santé s'améliore; je puis déjà marcher, quoiqu'en éprouvant encore quelques douleurs assez aiguës.

Nous n'avons rien de nouveau ici. Je ne Vous parle pas de mes rapports à L'Empereur, puisque Vous les verrez. Il ne me reste ainsi, cher Prince, qu'à Vous réitérer l'assurance de ma sincère et invariable amitié.

Prince de Varsovie.

46.

Varsovie, le 14 (26) Octobre 1841.

Vous avez appris, mon cher Prince, la mort de l'Aide-de-camp général Comte Michaud. Son frère vient de m'écrire de Turin pour demander que j'atteste auprès de L'Empereur les services rendus par le dèfunt dans les campagnes de Turquie et celle si glorieuse contre la France. C'est un soin qui me paraît assez inutile: notre Maître adoré connaît trop bien les détails même de notre histoire militaire pour que j'aille l'entretenir d'un homme qui sans y jouer un premier rôle, y a laissé les souvenirs les plus honorables.

Il paraît que le Comte Michaud, en mourant, a appelé, par une lettre expédiée à St. Pétersbourg, les bontés de Sa Majesté sur les membres de sa nombreuse famille qui lui a tenu lieu d'enfants.

Sans doute que la Russie a payé généreusement sa dette envers le Général Michaud. Ses dernières années se sont écoulées dans le repos, l'aisance et il a pu jouir des honneurs qu'il avait acquis sur les champs de bataille. Cependant comme un appel à la munificence de L'Empereur a été fait, je crois devoir à l'amitié que j'ai portée au défunt, de Vous demander, mon cher Prince, de vouloir bien Vous intéresser à ce que la lettre qui contient les derniers voeux d'un officier général aussi distingué, soit mise sous les yeux de Sa Majesté Imperiale.

Vous ne verrez, j'espère, mon cher Prince, dans cette démarche qu'une preuve de ma confiance et de l'amitié sincère que je Vous porte et dont je Vous prie d'agréer l'expression.

Prince de Varsovie.

47.

Varsovie, le 15 (28) Octobre 1841.

J'ai reçu, mon cher Prince, vos deux lettres: l'une par laquelle Vous me préveniez de l'arrivée de Madame la Princesse Tschernicheff à Varsovie; l'autre où Vous m'instrusiez qu'elle avait changé d'itinérairé. Autant la première m'avait été agréable, autant j'ai ensuite regretté de devoir renoncer au plaisir de recevoir chez moi M-me la Princesse et de lui faire les honneurs de la ville. Dans mon amitié pour Vous, je me ferais une véritable

fête de ce passage; jugez du désappointement qui a suivi. Chargez-vous, je Vous prie, de l'expression de tous mes regrets auprès de Votre femme, et faites lui agréer mes plus respectueux hommages.

J'ai lu avec infiniment d'intérêt tous les détails que Vous m'avez donnés par le courrier du 2 Octobre, et je Vous en suis très obligé.

Il y a long temps que je n'ai été à Cronstadt; je n'ai pas vu le magnifique bâtiment que Sa Majesté fait élever en granit au milieu des eaux; mais déjà toutes les autres constructions faites dans ce port, les établissements de la mer Noire, les forteresses de Nowo-Georgiewsk, Kiew, Brzesc et tant d'autrès constructions importantes répondent dignement à l'idée de la puisance que l'on se fait de L'Empereur. Ce sera donc un monument de plus à ajouter à tous ceux qui immortalisent son règne.

Je suis parfaitement de votre avis, mon cher Prince, sur la prudence qu'il faut apporter dans les améliorations reconnues nècessaires à l'état de nos paysans. C'est peut-être la plus importante et la plus délicate des questions politiques qui nous restent à résoudre. Elle est digne de la plus sérieuse méditation. La moindre erreur pourrait avoir les conséquences les plus funestes pour l'Empire entier. Il ne faut donc avancer que bien sûrement.

Les mauvaises récoltes et la chèreté des vivres qui en est la suite, ne permettront guère de vous proposer des diminutions dans les charges de l'armée, malgré tout mon désir d'arriver à des économies. Vous recevrez le bpdjet pour l'époque fixée, et je hâterai autant que possible sa conclusion.

Toutes les feuilles étrangères sont remplies des événements en Espagne. Il paraît que la tentative insurrectionnelle des Christinos va échouer; d'un autre côté, les exaltés à Barcelone et même à Cadix, ont dépassé le mouvement que l'on voulait leur imprimer en faveur d'Espartero, et son Gouvernement aura bien de la peine à les réprimer, une fois même qu'il sera débarąssé d'O'Donnel.

Nous avons la plus merveilleuse température; il fait chaud comme en été. Lundi j'ai fait une manoeuvre avec les troupes de la Garnison, qui a très bien réussi.

Adieu, cher Prince, recevez l'assuranse réitérée de tous mes sentiments d'amitié et de dévouement.

Prince de Varsovie.

48.

Varsovie, le 18 (30) Octobre 1841.

Après avoir pris connaissance des rapports périodiques de l'hôpital militaire de Varsoviè, Sa Majesté L'Empereur, m'avait fait instruire, plusieurs fois cette année, qu'Elle avait observé avec peine la mortalité qui s'y était manifestée.

Mon devoir était donc de m'assurer de l'état des choses, et de remonter aux causes qui pouvaient influer défavorablement sur le traitement des malades.

Un relevé exacte des décès qui ont eu lieu dans les troupes du 1-er corps, a prouvé cependant que, nonobstant les fatigues des exercices devenues nécessaires pour améliorer son instruction, les pertes en hommes, cette année-ci, n'ont pas été plus fortes que les années précédentes. Vous en puiserez la preuve dans l'office que je Vous adresse aujourd'hui, et que je Vous prie de mettre sous les yeux de notre Maître adoré.

Le rapport des employés que j'avais chargés d'une enquête à cet égard, m'a de plus suggéré deux observations, sur lesquelles je crois devoir appeler Votre bienveillante attention.

Dans la fourniture des hôpitaux, on n'a pas fait entrer jusqu'à présent les ceintures chaudes, et les réglements n'imposent pas aux administrateurs l'obligation de vêtir de robes de chambre en drap et de donner des couvertures de lit aux malades dont l'estomac est affecté, ou qui sont atteints de dyssenterie, d'hydropisie ou de la fièvre. Cette omission me paraît devoir exercer une funeste influence sur le traitement de ces maladies, et les hommes de l'art se sont rangés à mon avis. J'ai déjà sérieusement invité les chefs de régiments à ne pas perdre de vue la recommandation qui leur avait été faite, de se procurer, sur les économies qu'ils sont à même de faire, des ceintures en drap, ainsi que de munir les malades, dans leurs hôpitaux, de vêtements chauds. Vous déciderez, mon cher Prince, s'il est possible d'étendre cette mesure aux hôpitaux centraux.

Il est un autre point, non moins important, sur lequel j'appelle vos réflexions.

Dans l'hôpital de Varsovie, et je le suppose dans tous les autres, se trouve un nombre assez considérable de soldats, qui, d'après le règlement de 1810, ne peuvent être libérés du service militaire pour incapacité sanitaire, tandis que les affections corporelles dont ils sont frappés, les rendent

réellement tout à fait incapables de servir. Lors même que, d'après ce même règlement, ces soldats sont inscrits dans les bataillons des invalides, comme ils sont hors d'état de porter leur équipement, ou ils restent dans l'hôpital jusqu'à leur mort, ou s'ils en sortent, c'est pou y rentrer presqu'aussitôt et y finir leur existence. Il est évident ainsi que ces hommes encombrent inutilement pour eux les hôpitaux, puisqu'ils sont incurables, et forment une charge onéreuse.

Ne trouverez—Vous pas ainsi opportun de presser l'achèvement du travail qui doit compléter la loi sur les incapacités de service. Elle est discutée depuis plusieurs années, et l'on n'arrive pas à une conclusion, parceque les médecins ne peuvent tomber d'accord sur la forme qu'il faut donner à ce règlement.

Comme je Vous ai écrit il y a peu de jours, je n'ajouterai rien à ma lettre, mais je m'empresse de Vous renouveler, cher Prince, l'assurance de ma sincère et constante amitié.

Prince de Varsovie.

49.

Varsovie, le 18 (30) Novembre 1841.

Il y a quelque temps que je ne Vous ai écrit, mon cher Prince, mais c'est qu'aussi je n'avais heureusement rien de nouveau à transmettre à St. Pétersbourg. Aujourd'hui cependant j'expédie un courier pour faire parvenir mes rapports habituels à Sa Majesté.

Nous avons accompli hier l'inauguration du monument que notre Maître adoré a fait élever à la mémoire des officiers polonais tombés victimes, le 17 (29) Novembre 1830, de leur fidélité à leur Souverain. Cette solemnité s'est accomplie avec toute la pompe religielse et militaire qu'il a été possible d'y mettre.

Le clergé catholique-romain de la ville entière s'était réuni à l'Eglise de S-te Croix, ainsi que les employés civils et les militaires qui ne commandaient pas les troupes de la garnison. Celles-ci faisaient haie depuis cette église jusqu'à la place de Saxe, sur laquelle se trouvait réunie toute l'infanterie. Un concours immense de peuple remplissait les espaces, restés libres; les fenêtres et même les toits étaient occupés par des spectateurs.

Une messe de requiem a été dite en plein air; un discours très-convenable a suivi la bénédiction du monument et les salves des différentes armes. Le Chanoine Katowski a solennellement appelé les miséricordes du

Très-Haut sur les hommes morts pour leur Roi de la main de *révoltés*, et a expliqué la pensée qui a décidé Sa Majesté Impériale à leur élever un somptueux monument. Notre hymne national, chanté par la jeunesse des écoles et le défilé des troupes a terminé le cérémonie·

Il n'est pas de doute que plus d'un polonais ait vu avec peine cette glorification de la fidélité. Mais au moins tout s'est passé avec décence, et à voir cet immense concours d'hommes de toutes les classes, un etranger qui n'aurait jugé que par les yeux, ne pourrait que conclure que la ville entière s'est associée avec sincèrité et empressement à cet acte de réparation nationale.

Il n'est rien de nouveau et d'intéressant au dehors; mais que dites-Vous, cher Prince, de l'Espagne et des exécutions faites par les éxaltés et approuvées par les libéraux français? N'est-ce pas un nouvel exemple de ce que l'on doit attendre des Gouvernements représentatifs et des chartes improvisées?

Il ne me reste, mon cher Prince, qu'à Vous offrir l'assurance de ma vielle amitié et mes hommages respectueux à Madame la Princesse.

Prince de Varsovie.

50.

Varsovie, le 27 Décembre (8 Janvier) 1841/2.

Je Vous remercie bien, mon cher Prince, pour tous les détails que contient Votre lettre du 17 Décembre. L'exécution des ordres de l'Empereur pour les réductions à opérer dans l'armée dans un but d'économie a occupé tous mes instants. Vous verrez par mes papiers officiels celles qui me paraissent admissibles sans ôter rien de sa force à l'armée. Celles qui concernent l'infanterie et la cavalerie rentrent complétement dans vos idées. Elles procureront une économie annuelle dènviron 300 m. roubles d'argent.

L'abolition des Commandants de brigade que je propose peut paraître une mesure un peu trop tranchée; je crois néanmoins qu'elle est exécutable sans entraîner de grands inconvénients. Quant à ce qui concerne la reserve de l'artillerie à cheval, vous connaissez mes idées sur la nécessité d'une nombreusse artillerie. Bien plus encore que les batailles passées, celles que nous aurons à livrer se décideront par l'emploi de grandes masses d'artillerie. J'ai donc longuement médité sur les moyens de créer une réserve pour cette arme en opérant les économies devenues nécessaires. Partant

donc de l'idée que Vous m'avez émise d'y suppléer par l'emploi de l'artillerie des Cosaques du Don, voici la combinaison que je propose.

En renonçant au régiment cosaque d'instruction qui se forme pour l'automne, et en retirant les Cosaques des frontières (ce que demande l'administration des Finances) il deviendra possible de se passer de l'un des six rég-ts cosaques; il pourra donc être renvoyé dans ses pays. A sa place on tirerait du Don un nombre de Cosaques suffisant pour le service de quatre batteries d'artillerie, qui feraient partie de l'armée active et seraient cantonnées à Kiew. Je ferais instruire les Cosaques au service de l'artillerie à cheval, instruction qui manque généralement à ceux qui viennent du Don. Tous les quatre ans ils pourront rentrer dans leurs foyers et être remplacés par de nouveaux venus.

Par l'adoption de cette mesure nos éviterons les inconvénients de la longue marche du Don qui serait toujours fatigante; nous aurons sous la main une réserve d'artillerie bien exercée en mesure toujours de marcher avec le corps de cavallerie de réserve; enfin sous le rapport financier nous réaliserons une nouvelle économie, puisque le régiment de Cosaques à supprimer conte 80 m. rbls tandisque les quatre batteries ne coûteront à Kiew qu'environ 64 m. roubles.

Telle est en somme la modification à Votre idée primitive que je présente à Votre appréciation. Je termine cette lettre sérieuse en Vous remerciant, mon cher Prince, pour l'envoi de Cervai; il a joué chez moi et j'ai eu d'autant plus de plaisir d'entendre ce talent hors ligne que je savais Vous être agréable.

Agréez, mon cher, Prince, pour Vous et pour Madame la Princesse mes voeux les plus sincères au sujet de la nouvelle année et croyez à tous les sentiments d'amitié inviolable que je Vous ai voués.

Prince de Varsovie.

51.

Varsovie, le 19 (31) Janvir 1842.

Votre lettre du 5 Janvier, en me faisant connaître, mon cher Prince, l'auguste suffrage que l'Empereur a daigné donner à ma proposition concernant l'artillerie à cheval de réserve m'a imposé le devoir de revenir encore sur cet objet. Je Vous ai déjà dit ma prédilection pour l'artillerie et le rôle important qu'elle était appelée à jouer. En fin de compte ce seront les masses d'artillerie qui porteront les coups décisifs. C'est dans cette préoccu-

pation que j'ai voué une attention particulière à la contre proposition que Vous m'avez communiquée et je n'ai pas pu me dissimuler qu'elle réduisait sensiblement le nombre de pièces disponibles en cas de guerre.

D'après mes papiers officiels Vous voyez donc, mon cher Prince, que j'ai cru devoir reprendre mon projet primitif portant la création de quatre batteries à cheval cosaques de réserve, avec un effectif complet en hommes, mais avec deux pièces seulement d'attelées. Je l'ai modifié seulement aujourd'hui en proposant de cantonner ces batteries sur les confins du Gouvernement de Poltava à côté de la 9-me brigade d'artillerie, ce qui d'un côté facilitera leur instruction au moyen des officiers de cette brigade, de l'autre rendra leur entretien moins dispensieux par le meilleur marché des fourrages.

En second lieu, conformément aux ordonances introduites dans le code de nos instructions militaires je demande la conservation dans le Royaume de la batterie à cheval cosaque № 2 ce qui implique la faculté de former en cas de guerre deux autres batteries au moy en de l'entretien et de l'exercice d'un effectif complet de Cosaques pour leur service, et du matériel qui serait tiré des arsenaux de Nowo-Ghéorghiewsk.

De cette double combinaison résulte pour l'armée l'avantage de pouvoir mobiliser au moment de se mettre en marche, d'une part dans les environs de Kiew 32 pièces, de l'autre dans le Royaume 24 piéces; au total donc une masse imposante de 56 piéces que je crois indispensable pour réaliser le but de l'institution. Je Vous supplie donc, mon cher Prince, de vouloir bien soumettre à l'Empereur les considérations qui motivent ma réponse.

Pour ce qui est du renvoi d'un second régiment cosaque je recherche avec attention les moyens de parvenir à exécuter les intentions de Sa Majesté. Jusqu'à présent cependant ce n'est pos autant par des raisons de douanes, que bien par des motifs politiques que les régiments cosaques restent chargés de la garde des frontières. Leur service a principalement en vue une surveillance de police et la revision des passeports, afin d'empêcher l'entrée dans le Royaume de gens suspects, tache que l'on pourrait difficilement confier à des gardes polonais seuls.

Au reste cet objet et d'antres encore plus importants formeront le sujet de nos entretiens de vive voix. C'est ce soir que je me mets en route pour St. Pétersbourg. Toute fois mes intérêts domestiques m'obligent de prendre la route de Hommel que je n'ai pas visité depuis un an et demi et où je ne resterais que le temps strictement nécessaire pour régler l'administration de mes terres. Ce ne sera donc que dans une quinzaine de jours à peu près que j'aurai le bonheur de me présenter à l'Empereur, et que je pourrai, mon cher

Prince, avoir le plaisir de Vous serrer la main avec cette cordiale amitié que Vous me connaissez.

Prince de Varsovie.

52.

St. Pétersbourg. Le 27 Mars 1842.

Je suis vraiment au désespoir, cher Prince, de n'avoir pas eu le plaisir de Vous embrasser encore aujourd'hui; mais je pars tout en Vous souhaitant bonheur, prospérité et bonne santé surtout, dans un pays où on ne saurait prendre assez de précautions; revenez nous plus vite après avoir rempli, comme je Vous le souhaite, une tâche difficile, mais digne de Vous.

Prince de Varsovie.

53.

Varsovie, le 30 Séptembre (12 Octobre) 1842.

Il y a bien longtemps, mon cher Prince, que je n'ai reçu de lettre de Votre part, et je le regrette d'autant plus que Vous m'avez habitué à de régulières communications, toujours si intéressantes.

Moi-même j'ai tardé à Vous écrire dans l'attente de l'arrivée de l'Empereur. C'est le 26 Septembre vers 6 heures du soir que Sa Majesté après un voyage d'une promptitude merveilleuse, a atteint Iwangorod. Le lendemain Elle a visité les travaux de fortification et a passé en revue deux bataillons de sapeurs; Elle en a été très-satisfaite et a daigné également exprimer son approbation pour la manière dont les ouvrages du génie sont exécutés. Le soir Elle s'est rendue à Varsovie. Le 28 l'Empereur a été à la cathédrale et de là à la citadelle pour la parade du régiment des chasseurs Nisowski.

Malheureusement notre Auguste Maître n'en a pu être aussi content. Cela tient à la nouvelle réunion des troupes du 2-d corps, qui du reste depuis deux ans ne sont plus ce qu'elles avaient été. Le temps s'est couvert dès le soir: le lendemain mardi il devait y avoir grande revue; mais une pluie battante l'a empêché autant qu'une indisposition de Sa Majesté. L'Empereur a pris froid et il est malheureusement encore souffrant aujourd'hui. Vous devinez bien le vif regret que nous en éprouvous tous. Cette indisposition n'a rien cependant de dangereux; ce soir l'Empereur est déjà mieux,

et j'espère qu'un peu de ménagement et de repos remettra cette santé si précieuse.

L'esprit public semble s'être amélioré ici, au moins à en juger par l'empressement des habitants à se porter sur le passage de l'Empereur et l'expression des physionomies. Le voisinage du Grand Duché de Posen est cependant encore pour nous d'un effet déplorable. Le libéralisme, excité par des manifestations imprudentes du Gouvernement, a pris un développement considérable. Dieu veuille qu'il n'en ait pas à s'en repentir sérieusement.

Je ne Vous transmets, mon cher Prince, aucune nouvelle, par la bonne raison qu'll n'y en a pas.

Vous savez les événements de la Serbie; ils ont de la gravité parce qu'ils peuvent donner naissance à de nouvelles complications avec la Turquie.

J'attends de Votre amitié une communication confidentielle des résultats de Votre grand et périlleux voyage. Vous savez combien je porte de l'intérêt au pays que Vous venez de parcourir, et je Vous serai très-obligé de faire rediger pour moi une courte notice sur les principales questions que Vous avez été appelé à résoudre. Il est même quelques affaires commencées sous mon administration, sur lesquelles je Vous demanderai des informations plus précises, telle que la distribution des terres à Achaltzik.

Présentez, je Vous prie, mes hommages respectueux à Madame la Princesse, et croyez, mon cher Prince, à la sincérité et à la constance de mes sentiments d'amitié pour Vous.

Prince de Varsovie.

54.

Varsovie, le 14 (26) Octobre 1842.

Trop occupé, mon cher Prince, pour Vous adresser une longue lettre, je ne veux pas cependant laisser partir mon courrier sans Vous dire quelques mots.

Monseigneur le Grand Duc Michel est arrivé ici, comme Vous l'aurez appris, le 3 (15) Octobre de très grand matin. Malgré toutes les fatigues de la laborieuse course sa santé était très-bonne et s'est maintenue ici dans un état satisfaisant.

Son Altesse Impériale a visité presque tous les établissements publics de quelqu'importance. Elle a paru au théatre, a daigné venir à un bal chez moi, et a permis que je donnasse une fête au palais de Lazenki, à laquelle ont été invitées les notabilités de toutes les classes.

Monseigneur nous a comblé de bienveillance et s'est montré satisfait de son séjour ici.

Son Altesse Impériale s'est rendu le 12 (24) à Nowo-Géorgiewsk; Elle a visité dans le plus grand détail la forteresse et a pris le lendemain la route de St. Pétersbourg.

Adieu, mon cher Prince, recevez l'assurence réitérée de mes sentiments d'amitié et de dévouement; ils sont inébranlables.

Prince de Varsovie.

55.

Varsovie, le 10 (22 Décembre) 1842.

Je ne veux pas, mon cher Prince, laisser partir ce courrier sans Vous dire au moins quelques mots comme preuve de bon souvenir.

Cependant je suis pressé par quelques affaires importantes dont Vous aurez probablement connaissance par mon rapport à Sa Majesté L'Empereur.

Nous avons celébré ici la fête de Notre Maître adoré par un service divin dans les églises de toutes les confessions chrétiennes, et le soir il y a eu un bal chez moi, qui a été fort nombreux et très-animé.

Ma santé s'est améliorée, quoique je ressente encore des douleurs à mon bras. Les feuilles étrangères sont remplies des événements de Barcelone.

Cette ville a peut-être été traitée sévèrement, mais Espartera a du vouloir d'autant plus établir d'une manière ferme son autorité, et la forcer d'obéir aux lois générales du Royaume, qu'elle se souvenait de lui avoir procuré le pouvoir.

Nous n'avons pas d'hiver ici; ce temps doux est assez agréable, pourvu qu'il ne fasse pas perdre les semailles déjà confiées à la terre.

Adieu, mon cher Prince, donnez-moi de Vos nouvelles, et croyez à mon constant attachement.

Prince de Varsovie.

56.

Varsovie, le 3 (15) Janvier 1843.

Une nouvelle année vient de commencer et Vous adressant ma première lettre, je veux avant tout Vous transmettre, mon cher Prince, mes voeux bien sincères pour Votre bonheur et la félicité de toute Votre famille.

*

Nous avons été, selon le bon et antique usage le premier jour de l'an, porter nos prières au temple du Seigneur pour la prospérité de l'Empereur et de l'Empire. Le matin, il m'était tombé entre les mains quelques feuilles publiques, où l'on rendait compte, d'après des correspondances particulières, de l'état d'anarchie dans lequel se trouve la Grèce emancipée, et ce triste tableau n'a pas été étranger à la disposition d'esprit qui m'a fait vivement sentir combien la Russie doit de reconnaissance à son Souverain. Aussi lorsque ses peuples bénissent son nom et demandent pour Lui au Ciel de longues années, ils sollicitent mieux qu'ils ne le pensent, pour eux mêmes le bonheur de chacun et le développement de la prosperité publique.

Nos voisins d'Occident paraissent faire quelques progrès dans la bonne voie. La publication du dernier récit des Etats de Prusse fait plaisir à lire. Le Roi y parle un langage ferme et clair. Il écarte nettement les demandes indiscrètes qui lui ont été adressées et déclare résolument qu'il se maintiendra dans la voie que lui a tracé son auguste Père. J'en félicite sincèrement S. M. Prussienne, et puisse-t-Elle dans son intérêt comme dans celui de la nation qu'Elle gouverne persévérer dans cette sage direction.

D'après les nouvelles qui me sont parvenues indirectement du Caucase, les cosaques de la ligne ont dégagé le général Gurko de la troupe des montagnards qui l'assiégeaient. J'ignore si le fait est exacte, mais il m'a donné l'idée de Vous parler, mon cher Prince, d'un ancien projet que j'avais eu en Georgie, celui d'étendre l'organisation des cosaques de la ligne, en y associant les paysans de la contrée. Je pense encore qu'il y aurait beaucoup d'avantage à rendre plus nombreuse cette excellente troupe, qui fait une bonne garde et qu'on peut employer avec le plus de succès dans la guerre des montagnes.

Les pertes pour le trésor en impôts seraient très peu considérables et sans doute bientôt compensées et au delà par la diminution dans le nombre des troupes régulières, nécessaires dans ces provinces.

Adieu, mon cher Prince, et croyez à la sincérité de tous mes sentiments d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

57.

Varsovie, le 3 (15) Janvier 1843.

Je Vous remercie, mon cher Prince, pour Votre bonne lettre, et cela d'autant plus que Vous ne pouviez disposer que de bien peu de moments

pour m'écrire. Je sais combien la préparation du budjet de la guerre Vous donne de travail, puisqu'il s'agit d'assurer le service de tant de parties distinctes et de coordonner les dépenses avec la possibilité pour le trèsor de les couvrir.

Je m'acquitte aujourd'hui de la promesse que je Vous avais faite de Vous communiquer mes observations sur le mémoire que Vous avez eu la bonté de m'envoyer, relativement aux affaires du Caucase. Je suis entré dans quelques développements que je Vous abandonne d'apprécier. Dans ma conviction les lois pour ce pays doivent être assimilées autant que possible à celles de l'Empire, en conservant dans les provinces entièrement musulmanes, les formes de justice auxquelles le bas peuple est habitué.

Vous aurez lu, mon cher Prince, la lettre au Roi de Prusse que Herwegh a fait imprimer dans la gazette de Leipzic, et qui à motivé la prohibition de ce journal dans les Etats Prussiens. Cette lettre est le comble de l'mprudence, et il est bien malheureux que Sa Majesté se l'ait presque attiré par la condescendance qu'Elle a eu d'accueillir avec coquetterie un homme qui osait se poser non seulement son ennemi, mais l'adversaire de tout principe monarchique.

La Porte vient de nous communiquer une dépèche télégraphique reçue à Berlin et qui annonce l'ouverture par le Roi des Chambres françaises, et que le discours ne contenait rien d'important. Paris était tranquille.

Il n'y a du reste rien de nouveau ni ici, ni à l'extérieur.

Je Vous offre bien sincèrement, mon cher Prince, mes voeux de bonne année et de complète réussite dans Vos projets, et je Vous prie de croire à mon constant attachement.

Prince de Varsovie.

58.

Varsovie, le 31 Janvier (12) Fevrier 1843.

J'ai lu comme toujours, avec un vif intérêt, mon cher Prince, Votre dernière lettre, dans laquelle Vous me répondiez sur les observations que je Vous avais adressées relativement à nos provinces du Caucase. Je n'ai pu me défendre d'un regret: c'est qu'il y a doute qu'un projt d'organisation a été élaboré avec soin et qu'il n'ait pu être mis à exécution. Je m'en étais occupé sérieusement; le sénateur Metschnikoff, un homme d'esprit avec de vastes connaissances administratives, le sénateur Koutaizoff, homme loyal, droit et laborieux, m'avaient prêté leur concours, nous avions consacré pendant

deux hivers des séances de 7 et 8 heures à revoir toute l'ancienne législation du pays, à discuter les propositions de mesures pour la résoudre et établir les bases d'un gouvernement en rapport avec l'ordre de choses qui existe dans l'Empire et avec les besoins locaux.

Tout notre travail a été à peu près perdu, parceque malheureusement le Général Rosen n'a pas été à même de le juger et que je ne sais quel sentiment de jalousie contre moi, lui faisait trouver mauvais tout ce que j'avais présenté. Ensuite quelques unes de mes idées ont été adoptées mais modifiées et amalgamées à des principes tout différents. Le choix des employés subalternes, la perturbation apportée dans la propriété, ont du faire manquer complètement cet essai. Mais c'est assez sur ce sujet; il est trop important pour être traité au courant de la plume.

Vous aurez déjà reçu les feuilles étrangères qui nous sont parvenues hier, aussi je ne Vous entretiendrai pas ni des discussions sur le droit de visite, dont la Chambre des députés ne veut décidément pas, ni du discours prononcé au nom de la Reine d'Angleterre à l'ouverture du Parlement.

Adieu, cher Prince, agréez l'assurance de tous mes sentiments d'attachement.

Prince de Varsovie.

59.

Varsovie, le [1]) Fevrier [1]) Mars 1843.

Je Vous remercie, mon cher Prince, pour Votre lettre du 8 Février. Pressé comme Vous l'étiez, c'est encore une preuve de Vos bonnes dispositions que d'avoir trouvé le temps de m'adresser quelques lignes.

Je partage entièrement Votre manière de voir à l'égard des discussions qui s'agitent en ce moment entre la France et l'Angleterre. Je suis convaincu comme Vous qu'il n'en résultera pas de rupture immédiate. On ne peut cependant se dissimuler que l'irritation ne soit grande chez les Français, blessés dans leur vanité par le traité du 15 Juillet; les partis exploitent fort bien ce sentiment pour amener du moins une crise ministérielle. Nous allons donc assister à un tournoi dont des porte-feuilles seront les prix.

J'attends avec impatience la nouvelle d'un arrangement convenable de la question de Serbie. J'ai toujours en la conviction que le Gouvernement Turc n'avait aucune mesure dans sa politique, et les complications qu'il a provoquées dans ce pays en sont une nouvelle preuve. Je Vous serai obligé de m'instruire du résultat que nos justes représentations auront obtenu à

---

[1]) Числа нѣтъ.

Constantinople, car c'est dans ces affaires surtout que les publications des journaux ne méritent aucune confiance.

Nous avous eu ici un commencement de printemps bien décidé; le thermomètre est monté jusqu'à 11 degrés pendant le jour, et la nuit même marquait 4 à 5 degrès. Sous cette influence de la chaleur la végetation se développait rapidement, lorsque depuis quelques jours les froids ont repris et nous avous actuellement entre 3 et 4 degrés audessus de zéro.

Le carnaval a été très animé cette année-ci; on a beaucoup dansé à Varsovie; à une des mascardes du théatre, il y a en jusqu'à 2.200 personnes, et en général les autres ont été très suivies. Tout est tranquille dans le pays, et cette disposition à s'amuser n'est pas un signe défavorable.

Je Vous suis très-obligé, mon cher Prince, de m'avoir donné des nouvelles des miens. Veuillez Vous charger de mes hommahes respectueux pour Madame de Tschernichew et agréez l'assurance réitérée de tous mes sentiments pour Vous.

Prince de Varsovie.

P. S. Je n'ai plus la fiévre, cependant je ne suis pas encore assez sûr de ma santé pour entreprendre un voyage; j'attends d'ailleurs que la saison soit un peu plus avancée, et cela profite aux affaires qui réclament encore impérieusement ma présence ici. Je désire me trouver absolument à Pétersbourg pour la 5-mé ou sixième semaine du carême.

Prince de Varsovie.

60.

Varsovie, le 24 Mars (5) Avril 1843.

C'est samedi prochain, le 27 Mars, de grand matin que je compte me mettre en route pour St. Pétersbourg. J'espère ainsi, mon cher Prince, avoir dans huit jours le plaisir de Vous voir et celui de Vous entretenir sur beaucoup d'objets qui ont de l'intérêt pour moi.

Je suis particulièrement curieux de connaître le dénoument que prendront les affaires de Serbie. Il me semble que la fatalité pousse ces Turcs à élever tous les vingt ans de ces questions qui deviennent la source des plus grands embarras. Chaque fois ils ont chèrement payé leurs prétentions exorbitantes et cependant ils n'apprennent pas à respecter nos droits et même les traités. Dans la position où nous nous trouvons à l'égard de l'Europe toute autre difficulté eut été d'une solution facile; mais en Orient tout le monde nous jalouse, et je crains bien que les passions n'aggravent cette affaire de Serbie.

Je n'entrerai aujourd'hui, mon cher Prince, dans aucun détail, parcequ'au fait il n'y a rien de bien nouveau et d'important en même temps, et que nous pourrons bientôt causer, ce qui vaut mieux qu'écrire.

En attendant, cher Prince, recevez l'assurance de tous mes sentiments d'attachement, qui sont invariables.

Prince de Varsovie.

61.

Varsovie, le 6 (18) Mai 1843.

L'Empereur est arrivé le 5 Mai à 8 heures du soir. Sa Majesté a très bien supporté son voyage et l'état de sa santé est très satisfaisant. Je suis d'autant plus heureux de son auguste présence ici que dans les graves conjonctures du moment, elle fait cesser bien des incertitudes.

Vous serez tenu fort régulièrement, mon cher Prince, de tout ce qui sera decidé ici. Vous me permettrez seulement, pour tout ce qui a rapport aux dispositions militaires, de m'en retirer à mes communications officielles.

Je Vous envoie le rapport que le général Berg Vous adresse, et je joins ici copie de ses dernierès dépêches. Je ne veux pas ici faire la critique des dispositions que prennent les généraux Autrichiens ni celles de leur plan d'opération. Vous êtes trop bon juge epour celà. J'espère qu'une fois que nous aurons arrêté nos determinations, ils sentiront la nécessité de s'y conformer. Je prévois bien des difficultés dans cette guerre par la nature du terrain, le caractère des habitants, les passions et les intérêts qui sont en jeu, et même par notre qualité d'auxiliaires. Cependant j'ai toute confiance en Dieu et la sainteté de la cause que l'Empereur nous charge de défendre.

Vous aurez déjà appris les tristes événements dont l'Allemagne est le théâtre. Je déplore surtout la défection à leurs Souverains des garnisons de Landau et de Rastadt. Dans cette dernière forteresse la republique a même été proclamée par les soldats. Ce soir on nous annonce la fuite du Grand Duc de Bade et la proclamation de la république à Carlsruhe. Voilà le fruit de toutes les sottises qu'on a laissé faire à l'Assemblée de Francfort. Si finalement on chasse tous ces démagogues et que l'armée Prussienne reste fidèle, il y a encore de l'espoir, pourvu que la France de son côté s'abstienne d'un rôle de propagande révolutionnaire.

Agréez, mon cher Prince, l'assurance réitérée de mon sincerè et constant attachement.

Prince de Varsovie.

62.

Varsovie, 16 (28) Juin 1843.

Je suis arrivé ici, mon cher Prince, le 12 (24) dans la matinée, après avoir inspecté, dans ma tournée, vingt bataillons de l'infanterie du 4-me corps et 13 de celle du 1-er. Mes rapports officiels Vous instruiront de l'état dans lequel j'ai trouvé ces troupes. Avec cette expédition Vous recevrez également les papiers relatifs à l'enquête qui a été sur le général Lehman et ceux qui se rapportent aux désertions en Prusse. Ces deux affaires me désolent, et principalement la dernière, j'en ai le coeur serré; je dirai même qu'il est peu de choses dans ma vie qui m'aient autant affligé.

Le jour même où je suis descendu ici de voiture, Mgr. le Prince Frédéric de Hesse est également arrivé à Varsovie. Son Altesse Sérénissime a été reçue avec tous les honneurs dûs à Sa haute naissance, et j'ai fait tout ce qu'il a dépendu de moi pour rendre son séjour agréable. Elle a visité la citadelle et la ville, et comme Elle avait été en Algérie, elle a désiré voir notre régiment musulman. Je l'ai fait exercer devant Elle, et c'est avec un intérêt visible qu'Elle en a suivi toutes les évolutions.

Monseigneur le Grand Duc Michel est heureusement arrivé dans la nuit du 13 au 14 Juin, et comme le Prince Frédéric était encore ici, Il s'est empressé de lui faire une visite. J'ai eu l'honneur de leur donner, lundi, à Lazenki une fête, qui, favorisée par la localité ét le temps, a très bien réussi.

Le Prince de Hesse nous a quitté hier matin; il est allé visiter d'abord la forteresse de Nowo-Georgiewsk et de là a continué sa route pour la capitale.

M-gr le Grand Duc Michel est parti ce matin de bonne-heure, dans un état de santé aussi satisfaisant que possible. Hier il a assisté à la parade de troupes qui se trouvent réunies à Varsovie.

Les affaires que j'ai trouvées en suspend, le désir de veiller à l'exécution des ordres que j'ai reçus de L'Empereur à St. Pétersbourg, la nécessité de faire exercer sous mes yeux les régiments du 2^{d} corps, toutes ces nombreuses et pressantes occupations absorbent mon temps et je ne puis encore préciser le jour de mon départ pour Carlsbad. Cependant pour ne pas perdre entièrement la saison des eaux, je le presserai autant que faire se pourra.

Les nouvelles de l'extérieur sont fort tristes. Que pensez-vous des

convulsions qui agitent la malheureuse Espagne et la replongent dans la plus affreuse anarchie, et des agitations tous les jours plus menaçantes de l'Irlande? Ces embarras intérieurs ne doivent-ils pas exercer de l'influence même sur la politique générale?

Les renseignements qui me sont fournis de Prusse, représentent le Roi comme se rapprochant graduellement, par ses mesures et son langage, des anciens principes conservateurs. Je ne puis Vous en cacher ma satisfaction.

Adieu, mon cher Prince, recevez l'expression renouvelée de mon sincère attachement.

Prince de Varsovie.

P. S. Je place sous Vos auspices, mon cher Prince, une lettre pour S. A. S. le Prince de Hesse. Cette lettre est parvenue au Consul de Prusse quelques heures seulement après le départ de l'illustre voyageur.

63.

Varsovie, le 27 Juin (9 Juillet) 1843.
a 3 heures du matin.

C'est au moment de me mettre en voiture pour mon voyage de Carlsbad que je Vous adresse ces lignes, mon cher Prince; au milieu des embarras et des affaires qui s'accumulent toujours en pareille circonstance, je dois me priver du plaisir de Vous entretenir aujord'hui plus longuement et me borner à ne Vous faire part que de mon départ.

Je ne terminerai cependant pas ces lignes hâtives sans me recommander, mon cher Prince, à Votre bon souvenir et Vous réitérer l'assurance de mon inviolable attachement.

Prince de Varsovie.

64.

Varsovie, le 5 (17) Août 1843.

Arrivé hier à Varsovie, je m'empresse, mon cher Prince, d'expédier mes rapports à Sa Majesté L'Empereur, et je ne veux pas laisser partir mon courrier, sans Vous adresser mes remerciements pour avoir trouvé le temps de m'écrire au milieu des occupations dont Vous êtes surchargé pendant les manoeuvres. Je Vous en suis réellement très reconnaissant.

Revenant de Franzensbad où j'étais allé faire ma cour à Madame la

Grande Duchesse Marie et à l'instant de monter dans le vagon du chemin de fer entre Altenbourg et Leipzig, j'ai été informé de l'heurex événement qui à donné à notre Maître adoré, un petit-fils. Vous devinez bien le plaisir que m'a causé cette nouvelle, d'autant plus que l'aide-de-camp qui la portait a Munich, m'a assuré que le jeune Prince était doué d'une excellente constitution et que l'état de Madame la Grande Duchesse était aussi satisfaisant que possible. Déjà quelques jours avant j'avais appris les fiançailles de Madame la Grande Duchesse Alexandra, et du fond de mon coeur je me suis associé aux voeux et aux félicitations qu'à St. Pétersbourg Vous avez eu le bonheur de porter directement à Sa Majesté et à Son Auguste Famille au sujet d'une union, que tout annonce devoir étre fortunée.

Que Vous dirai-je, cher Prince, sur les pays que je viens de visiter? La Bohême m'a présenté le spectacle de l'ordre, d'un peuple tranquille s'occupant à développer lentement, mais avec sûreté sa prospérité intérieure. La police y est bien faite; l'administration respectée; le clergé influent et se montre cependant tolérant. Dans les Etats Prussiens, il y a peut-être plus d'aisance encore; on travaille davantage, mais on sent qu'il y a plus d'impatience à devenir riche même en risquant le bien acquis. Dans l'ordre politique, il en est de même; on veut aller vite en avant, quoiqu'il en coûte, et tout le monde semble déjà dans l'attente d'un grand événement. Cette anxiété que l'on devine à tout instant, est pénible à observer. Cette disposition des esprits prépare sans aucun doute la voie aux innovations; on espère encore obtenir les larges concessions de la volonté libre du Roi; peut-être plus tard voudra-t-on les imposer.

Dès mon retour ici, j'ai envoyé mon Chef d'Etat Major, le Prince Gortschakoff, inspecter les troupes du 1-r corps. Il est déjà parti ce soir pour Kiew et Koselitz. Je vais suivre moi-même les exercices des régiments réunis sous Varsovie.

Pour le cas où Vous fussiez, mon cher Prince, tenté de m'adresser la question que l'on fait à tous ceux qui viennent de prendre les eaux: „quel effet ont-elles eu?“ je répondrai d'avance: que pour le moment je ne puis me vanter d'une grande amélioration de ma santé. Il est vrai de dire, que les maux de dents, suite de la chaleur des eaux de Carlsbad, ont été un grand empêchement à la régularité de ma cure. Je ne veux cependant pas préjuger l'avenir; pour le présent du reste, je puis monter à cheval et assister aux exercices du camp. Vous voyez donc que je ne suis pas malade.

Adieu, mon cher Prince, agréez tous mes voeux et l'expression de tous mes sentiments pour Vous.

Prince de Varsovie.

P. S. Je ne Vous écris rien sur les découvertes nouvellement faites d'une société secrète, puisque j'adresse une notice à Sa Majesté L'Empereur.

65.

Varsovie, le 5 (17) Octobre 1843.

Je ne veux pas laisser partir ce courrier, mon cher Prince, sans vous adresser au moins quelques mots, quoique je n'ai rien d'intéressant à Vous mander.

L'évenement de Posen, si déplorable à tant d'égards, me laisse uue impression d'autant plus pénible, que l'on cherche à accréditer à son égard les bruits les plus absurdes, que la presse de l'Allemagne s'en rend l'écho et que les publications faites même à Berlin, tendent presque à les accréditer. Vous devinez le sentiment d'indignation que j'éprouve.

La révolution dont la Grèce a été le théâtre, commence à s'expliquer même par les versions des feuilles publiques. Ce mouvement insurrectionnel était si peu prévu dans le public, que j'ai envoyé à Sa Majesté, sans m'en douter, la feuille du Journal des debats qui en a donné la première nouvelle à l'Occident de l'Europe. La poste arrivait au moment de l'expédition de mon courrier.

Je me suis empressé d'inclure les gazettes, dans un paquet à l'adresse du Comte Orloff, auquel j'avais écrit que nous n'avions rien de nouveau. Quelques minutes après, j'apprenais que la question de l'Orient allait devenir l'objet de nouvelles et sérieuses complications.

Je Vous félicite, cher Prince, du retour de Madame la Princesse et de Vos enfants. J'ai appris avec beaucoup de plaisir que le voyage leur avait fait beaucoup de bien. Veuillez Vous charger de mes hommages les plus empressés pour Madame de Tschernicheff, et croyez aux sentiments d'attachement inalterable que je Vous ai voués.

Prince de Varsovie.

66.

Varsovie, le 25 Octobre (7 Novembre) 1843.

C'est avec peine, mon cher Prince, que j'ai appris par Votre dernière lettre les échecs que nos troupes ont essuyés au Caucase. Je ne veux pas

en exagérer l'importance, cependant il n'en est pas moins triste de voir que l'expérience ne profite guère à nos généraux, et que, les mêmes fautes se reproduisant, entraînent les mêmes pertes de nos soldats. Leurs chefs ne se déshabitueront donc pas de ce malheureux éparpillement, qui annulle presqu' entièrement les forces dont ils disposent.

L'événement de Posen, les résultats aussi ridicules qu'odieux de l'enquête, appellent d'une maniére particulière l'attention sur l'état de la Prusse. Malheureusement il est impossible de se dissimuler que la démagogie et toutes les mauvaises passions politiques y gagnent tous les jours du terrain; les sociétés secrètes s'y propagent; partout on en sent instinctivement la présence; d'un autre côté les gens de lettres se partagent méthodiquement le travail de battre en brèche la monarchie D'abord, ce sont les philosophes qui, tout en ayant l'air de ne rester que dans les spéculations les plus abstraites de l'esprit humain, préparent le renversement de l'autel et du trône; viennent ensuite les théologiens, et sans vergogne ils déclarent le Christ un mythe, et nient le christianisme comme une divine révélation. Après celà la chance est faite bonne aux publicistes; aussi l'exploitent-ils; mais comme tout le monde ne peut lire des traités politiques, et qu'il y a même des hommes que les pamphlets ennuyent, il s'est trouvé des chansonniers politiques, des faiseurs de romans sociaux, utilitaires et autres semblables; tous ont le même but: prêcher le renversement de ce qui existe pour y substituer un ordre de choses, où tout pouvoir ne serait qu'une négation.

A observer ce travail systématique, qui ne restera convaincu, qu'une direction commune est tracée à tous ces hommes d'un esprit si différent et qui cependant poursuivent le même but. Ce mouvement passe cependant inaperçu, ou du moins rien n'est presque fait pour le paralyser; souvent même il est favorisé particulièrement et de très-haut. Que deviendra tout celà? Le Roi de Prusse, quand il ouvrira les yeux, aura-t-il enfin de l'énergie; saura-t-il ensuite faire un usage convenable de son pouvoir. Tout l'avenir de la Prusse est là, et son exemple aura une influence immense sur le reste de l'Allemagne.

Faut-il encore que la révolution en Grèce soit venue compliquer la situation des grandes Puissances de l'Europe. L'Empereur l'a frappée d'une désapprobation éclatante par la dastitution de son Ministre; mais le Ministre d'Angleterre, avant même d'avoir reçu les instructions de sa cour, a promis au nouvel ordre de choses la sanction de la Reine. Aussi pourquoi le cabinet tori s'est-il obstiné à conserver en Grèce un agent contre lequel de justes plaintes avaient été portées même devant Ld Palmerston. A présent

qu'il s'agit de constitution, de libéralisme, le Cabinet anglais osera-t-il, malgré son alliance intime avec la Russie, désapprouver la révolte d'un soldat contre son Souverain? Le voulut-il, ses résolutions de 1830 ne le forceront-elles pas de sanctionner une révolte accomplie. Celà est assurément triste. Si dans beaucoup de conjonctures, nous pouvons rester spectateurs indifférents des commotions politiques, notre position dans l'Orient, nos rapports avec la Turquie et nos corréligionnaires de ces contrées, nous le permettront-ils?

Je m'apperçois, mon cher Prince, que ma lettre est sombre et ne contient que des doléances. C'est la faute des temps et l'on ne peut qu'éprouver une pénible sensation, lorsqu'on pense à l'état politique de l'Europe. Je termine, mais pour Vous dire que je m'associe du fond de mon coeur aux joies de la famille Impériale, et que nos voeux les plus ardents entourent le berceau du Prince nouveau né. Puisse-t-il de longues années faire la consolation de l'Empereur, et se former à ses exemples.

Mes hommages les plus empressée à Madame la Princesse de Tschernicheff. Ma femme qui est de retour de son voyage à l'extérieur me charge aussi de mille choses, qu'elle lui répètera de vive-voix dans quelques semaines. Croyez, cher Prince, à tous mes sentiments d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

67.

Varsovie, le 28 Novembre (10 Décembre) 1843.

Six accès d'une fièvre tierce et un rhumatisme aigu au bras gauche ont retardé, moncher Prince, l'expédition de mon courrier pour St. Pétersbourg.

Aujourd'hui que je vais décidément mieux, je veux, à mon rapport à Sa Majesté L'Empereur ajouter quelques lignes pour Vous remercier des deux notices que Vous m'avez envoyées sur votre séjour en Géorgie. Je les ai lues et je me réserve de Vous faire connaître les réflexions qu'elles m'ont inspirées.

Les Anglais triomphent en Asie. La paix qu'ils viennent de conclure avec la Chine est un événement de la plus haute importance, si elle doit en effet ouvrir le marché de cet immense Empire à leur commerce et à leur industrie. Déjà depuis cette nouvelle les manufactures de la Grande Bretagne ont repris une activité qu'elles n'avaient plus depuis assez longtemps.

En procurant du travail à ses trop nombreux ouvriers, cette paix va assurer la tranquillité intérieure, et relever ses finances un instant compromises.

D'u autre côté la prise de Caboul et la délivrance des prisonniers anglais rétablissent l'honneur des armes de la Grande Bretagne dans l'Inde et consolident d'autant plus sa domination dans ses vastes possessions, qu'il est décidé que l'Afganistan sera évacué. Je crois que nous devons d'autant plus nous féliciter de cette résolution qu'elle atteste, que s'est dissipée la ridicule défiance qui avait porté L. Auckland à entreprendre la guerre d'invasion.

Voilà bien des éléments de paix et d'ordre pour l'Europe, et il est d'autant plus regrettable de les voir compromis par l'attitude que prend la presse chez notre plus proche voisin. Ce ne sont plus seulement des articles hostiles aux puissances alliées et surtout à la Russie; mais la presse attaque sans vergogne le Gouvernement prussien lui-même, et cependant la censure existe pour les journaux.

Les gazettes provinciales, entre autres celles de Koenigsberg, viennent de publier une série d'articles au sujet de la réunion à Berlin des Comités des Etats. Ces articles contiennent un blâme si peu couvert des déterminations du Roi, que l'on se demande involontairement: quel est donc le mystifié?

Adieu, mon cher Prince, chargez-Vous de mes hommages à Madame la Princesse de Tschernicheff, et agréez l'assurance de mes sentiments invariables de sincère attachement.

Prince de Varsovie.

68.

Varsovie, le 5 (17) Décembre 1843.

Vous allez célébrer demain, mon cher Prince, la fête de notre Maître adoré, la Russie entière s'y associera. Mais vous pourrez offrir à Sa Majesté Elle-même Vos félicitations et vos voeux, et comme je ne jouirai pas de ce bonheur, j'ai voulu au moins les confier au papier.

Vous m'annoncez, cher Prince, l'envoi de la 15-me et 16-me Division au Caucase, et j'ai reçu en même temps l'ordre de L'Empéreur de les remplacer dans leurs cantonnements actuels, par les troupes de mon armée. J'ai déjà pris les dispositions nécessaires. C'est tout ce que je Vous en dirai aujourd'hui, me réservant de causer sur les plans de la guerre en Géorgie, lorsque j'aurais le plaisir de Vôus voir. C'est une matière qui comporte trop de développements pour faire le sujet d'une lettre.

Que dites-Vous des derniers événements d'Espagne? Ne semble-t-il pas qu'on y prend à tâche de démontrer combien sont misérables les suites de ces tentatives reiterées de consolider un Gouvernement constitutionnel. Voilà un ministre, appelé au pouvoir uniquement parce qu'il possède la confiance de la Chambre des députés, qui veut la faire dissoudre, et qui, pour celà, ne trouve rien de mieux que d'imposer, par la violence, son opinion à la Reine. La jeune Souveraine ose s'en plaindre, et il se trouve un parti qui met en doute la véracité d'une déclaration qu'elle a signée de sa main. C'est là le respect qu'on accorde à une Reine constitutionnelle. Tout célà est dégoûtant.

J'avoue que malgré toutes les belles phrases des journalistes, je n'attends pas beaucoup mieux de la Grèce; et comme le Gouvernement constitutionnel est réconnu le seul Gouvernement à bon marché, je ne serai pas du tout surpris d'apprendre qu'il est en banqueroute.

Présentez mes hommages à Madame la Princesse; donnez-moi de Vos nouvelles et croyez à tous mes sentiments d'attachement.

Prince de Varsovie.

69.

Varsovie, le 30 Janvier (11 Février) 1844.

Nous célébrons aujourd'hui par un Te-Deum dans toutes les Eglises et par des réjouissances publiques les mariages de Mesdames les Grandes Duchesses Alexandra et Elisabeth. Dieu répande toutes ses bénédictions sur l'union que viennent de contracter Leurs Altesses Impériales.

J'ai été agréablement surpris avant-hier soir par l'arrivée du Comte Orloff que les neiges ont un peu rétardé dans sa course. Ce matin de très bonne-heure il a continué son voyage.

Ici tout va assez bien. Chez nos voisins, les Prussiens, il a été découvert une association secrète qui avait pour but de répandre parmi le peuple, les doctrines du communisme. Ils prétendent que les chefs de cette association leur sont venus du Royaume, que tous les membres sont également des déserteurs de Pologne. Comme en Prusse on accorde un asile inviolable à tous les hommes poursuivis par la loi, il est très vraisemblable que ceux qui se sentaient compromis chez nous par la découverte faite au mois de Juillet d-r, de menées révolutionnaires, et sur lesquels on n'a pas eu le temps de mettre aussitôt la main, se soient enfuis en Posnanie. Mais je crains bien que si le Gouvernement Prussien dirige les

poursuites uniquement sur ces hommes là, il ne garde le germe du mal. Il est impossible de douter à présent que les doctrines du communisme ne nous aient été importées de Posen avec les publications des émigrés polonais et celles de la propagande française.

Je ne Vous parle pas de la politique extérieure. Vous avez déjà lu les déplorables discussions de l'adresse dans la Chambre des Députés, et Vous les avez jugées. Nous avons aussi reçu hier le discours par lequel la Reine a ouvert le Parlement britaniqne. Ce discours n'est remarquable que par la phrase consacrée specialement à l'alliance avec le Gouvernement français et la place ainsi au dessus des autres.

Parmi mes dépêches Vous en trouverez une qui se rapporte à une délation qui m'a été envoyée de Sibérie. Je ne sais jusqu'à quel point elle mérite créance, mais je n'ai pas voulu prendre sur moi de ne pas Vous la faire connaître.

Veuillez en rendre compte à Sa Majesté.

Vous recevez également aujourd'hui, mon cher Prince, un office par lequel je réponds à celui que Vous m'avez adressé relativement au Général Abramowicz. J'appelle Votre attention bienveillante sur les motifs qui me font désirer non seulement de le garder auprès de moi, mais de lui voir continuer, au moins pendant quelque temps, le commandement des deux escadrons de la gendarmerie de Varsovie.

Vous savez qu'Abramowicz a en outre l'inspection des palais de Lazenki et du Belvédère; qu'il a la direction des théâtres et que c'est lui qui est chargé de la section de la police secrète. Ces fonctions sont loin d'être incompatibles; elles lui donnent sans doute beaucoup de besogne; mais la gendarmerie dont il dispose immédiatement, lui procure d'immenses facilités, pour la surveillance dans les châteaux Impériaux et au théâtre, spécialement aux époques où Sa Majesté L'Empereur honore de Sa présence Varsovie, ainsi que dans les fêtes publiques. D'un autre côté ayant entre ses mains la haute police, il peut mieux qu'un autre suivre les variations de l'esprit public, prévenir les allusions sinistres et éviter ainsi de donner prétexte à des manifestations, toujours inconvenantes, si elles ne sont coupables.

Je Vous avouerai même franchement que pour le moment je ne connais personne que je pusse charger de ces trois directions, avec quelque chance de les voir remplies aussi bien qu'elles le sont.

Je Vous prie, mon cher Prince, de soumettre ces considérations à notre Auguste Maître, et solliciter, en mon nom, que Sa Majesté Impériale daigne les accueillir avec indulgence et permettre que le Général Abramowicz reste chargé du commandement de la Gendarmerie de Varsovie, comme de ses autres fonctions, au moins pendant quelque temps encore.

Recevez, mon cher Prince, l'assurance réitérée de tous mes sentiments d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

70.

Varsovie, le 15 (27) Fevrier 1844.

Le Comte Orloff vient de m'envoyer de Vienne ses dépêches; je lui avais promis, à son passage par Varsovie, de me charger de leur expédition ultérieure et de ne pas les retenir le moins du monde. Aussi le courrier ne porte pas de rapport direct de ma part à Sa Majesté Impériale. Je n'étais pas préparé à répondre aux communications que notre Maître adoré a eu la grâce de m'adresser.

Dailleurs, mon cher Prince, il n'y a eu ici rien qui vaille la peine d'être rapporté. De l'extérieur même il ne nous est arrivé en ces derniers jours aucune nouvelle importante. Je saisis donc seulement cette occasion pour Vous renouveler, mon cher Prince, l'assurance de tous mes sentiments d'attachement.

Prince de Varsovie.

71.

Varsovie, ce 21 Février 1844.

J'aurais bien voulu, selon mon habitude, profiter du courrier que j'expédie aujourd'hui pour causer un peu avec Vous, mon cher Prince. Mais la volumineuse expédition que je prépare pour Notre Auguste Maître, a tellement rempli mon temps, qu'il reste à peine celui de Vous remercier de Votre bonne lettre du 8 Février.

Pour ce qui concerne les affaires qui nous occupent dans ce moment, Vous en aurez connaissance par les diverses pièces que je place aujourd'hui sous les yeux de Sa Majesté l'Empereur. Vous verrez que ce sont toujours les menées des réfugiés polonais qui réclament une bonne part de notre attention. Sous ce rapport, je ne saurais assez applaudir à la détermination du Cabinet de Berlin de procéder enfin à des mesures énergiques à Posen. Il en était grand temps, car il paraît qu'en effet, les menées dont cette province était le foyer; avaient atteint un degré assez alarmant. Ici, nous redoublons d'activité pour nous assurer si toutes ces intrigues n'ont pas de ratification en Pologne.

Ma santé n'et pas des meilleures; je suis même obligé de garder la chambre depuis plusieurs jours par suite d'un gros rhume. Du reste, les froids nous ont quitté et j'espère avec les belles journées qui commencent à revenir, je serai bientôt quitte de mes indispositions.

J'aime à croire que Vous, cher prince, Vous Vous portez toujours bien; du moins ne doutez pas des voeux que je fais pour cela, ni du sincère attachement que je Vous porte.

Prince de Varsovie.

72.

Varsovie, le 6 (18) Mars 1844.

Vous verrez, mon cher Prince, par un de mes offices que j'ai fait examiner en détail, par une commission, les dénonciations du nommé Pétrachko contre l'Intendance de l'armée. Cette affaire a été très cruelle pour Pagodine et a même contribué à altérer considérablemet l'état de sa santé. Je suis bien aise d'être parvenu à le retenir à sa place, du moins pour un certain temps; car c'est un homme capable, tout préparé par un service de plus de douze ans et par l'expérience qu'il a acquise durant la campagne de 1831, à remplir, même en temps de guerre, les fonctions difficiles d'Intendant général.

Vous savez, mon cher Prince, combien ces fonctions deviennent importantes, la guerre une fois venue, et qu'il est impossible de les confier alors à un novice, sans se créer, comme l'a prouvé l'expérience, d'extrèmes embarras. Il résulte de l'examen de toutes les dénonciations de Petrachko que l'enquête que l'on a faite, à l'occasion de ses premières délations, n'a rien amené; que dans ses dénonciations ultérieures, il a placé plusieurs faits qui étaient connus, et auxquels on avanit faits suivre la marche légale bien avant qu'il en parlât, et que pour le reste il se re ferme dans des indications vagues sans présenter rien de positif à l'appui de ce qu'il avance.

Bien que je ne vois jusqu'à présent, dans tout cela, que des écrivailleries d'un homme de chicane qui fait métier de délations, j'ai pensé pourtant qu'avant de finir entièrement l'affaire, il fallait mettre Pétrachko au pied du mur et lui demander les preuves de ce qu'il avance. C'est dans ce sens que je Vous ai écrit l'office mentionné plus haut, et je Vous prie, mon cher Prince, de Vous intéresser à ce que cet individu donne sans délai, des

*

explications définitives et qu'elles me soient envoyées le plus tôt possible, pour que cette histoire puisse avoir une fin.

Recevez, mon cher Prince, l'assurance réitérée de mes sentiments d'un attachement invariable.

Prince de Varsovie.

73.

Varsovie, le 22 Mars (3 Avril) 1844.

Nous sommes à la veille des solemnités de Pâques, et je commence, mon cher Prince, par Vous souhaiter de bonnes fêtes, et Vous prier d'agréer à cette occassion, les voeux sincères que je forme pour Vous et Votre famille.

Je conçois les nombreuses occupations qui tombent à Votre charge, et je suis très sensible à l'attention qui Vous porte à me consacrer un peu de Votre temps, presqu'à chaque expédition de courrier.

Je reçois toujours avec un nouveau plaisir Vos lettres qui contiennent des renseignements précieux sur les objets auxquels je prends le plus d'intérêt. Je désire de tout mon coeur que les affaires du Caucase se rétablissent cette année, ou plutôt que les moyens formidables que Sa Majesté a mis à la disposition du Commandant en Chef, soient utilisés de manière, à asseoir d'une manière ferme notre préponderance dans ce pays.

Ici nous n'avons rien de bien nouveau; je vais faire traduire devant une Cour martiale les prévenus de complot contre la sûreté publique. On ne peut guère, du reste, attendre de nouvelles lumières de cette procedure. L'enquête préalable que Vous connaissez par mes extraits, a déjà dévoilé le but de l'entreprise et les moyens dont on s'est servi pour décider de jeunes gens pervers à préparer de nouvelles tentatives de désordres.

Je ne Vous donne pas de nouvelles extérieures; elles Vous parviennent à présent presqu'aussi promptement qu'à Varsovie. D'ailleurs les questions qui occupent les deux grandes Puissances constitutionnelles suivent leur marche naturelle et prévue d'avance. N'est-il pas étrange qu'un diner ait été le grand événement du mois dernier? En effet la manifestation de Sir R. Pul au banquet donné par la Compagnie russe, est venue prouver, que si l'Angleterre recherchait l'alliance française, ce n'était pas dans un but d'exclusion ni en vue d'hostrilités contre d'anciens alliés, ainsi que bien des bavards politiques l'avaient fermement crus.

Adieu, mon cher Prince, et recevez l'assurance renouvelée de tout mon attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

P. S. Comme Vous pourriez, mon cher Prince, être étonné que je ne Vous parle pas de mon voyage annuel à St. Pétersbourg, je crois devoir ajouter que plusieurs affaires importantes qui toutes demandent impérieusement ma présence ici, m'obligent à le remettre de deux à trois semaines.

74.

Varsovie, le 13 Avril (25) 1844.

Monseigneur le Grand Duc Césarewitsch vient d'arriver avec Madame la Grande Duchesse Césarewna. Leurs Altesses Impériales jouissent d'une parfaite santé. Elles ont voyagé avec une promptitude qui a dépassé toutes les prévisions de la marche-route. Elles ont l'intention de continuer, dès 2 heures midi, leur voyage.

De mon côté j'espère partir pour St. Pétersbourg demain dans la soirée et y arriver du 19 au 20 Avril. Je Vous prie, mon cher Prince, lorsque Vous en trouverez l'occasion de dire à Sa Majesté que j'aurai ainsi incessament le bonheur de déposer moi-même à Ses pieds mes hommages de fidélité et de respect.

En attendant le plaisir de Vous voir et de causer avec Vous sur tant d'objets d'un intérêt majeur pour moi, je Vous prie, mon cher Prince, d'agréer mes sincères felicitations au sujet de la distinction si flatteuse dont Vous avez été récemment l'objet, et de croire à mon constant attachement.

Prince de Varsovie.

75.

Varsovie, le 11 Mai (12 Juin) 1844.

Sa Majesté l'Empereur m'ayant ordonné de tenir, en son absence, Monseigneur le Grand Duc Césarewitich au courant des affaires du Royaume, j'envoie à Son Altesse Impériale un courrier et je ne veux pas le laisser partir, mon cher Prince, sans Vous adresser au moins quelques lignes. Ce ne sera pas pour Vous parler d'affaires; il n'y en a pas sur lesquelles je sois dans le cas d'appeler spécialement Votre attention, et je sais que Vous prenez connaissance de tous mes rapports.

Nous avons eu par les feuilles publiques les premières nouvelles sur l'arrivée et le séjour à Londres de notre Auguste Maître. Il parait que Sa Majesté a été reçue par les grands comme par le peuple avec le respect qu'inspirent et sa puissance et surtout son grand caractère. J'attends avec impatience, mon cher Prince, une lettre de Votre part. Je voudrais tant au milieu des bruits contradictoires qui sont répandus sur la santé de Madame la Grande Duchesse, Alexandra Nicolaevna, distinguer la vérité. J'avoue cependant que j'éprouve de grandes alarmes d'abord pour cette charmante Princesse et ensuite par l'impression que sa maladie peut faire sur l'Empereur qui aurait tant besoin de tranquillité d'âme au moment d'entreprendre une cure.

Recevez, mon cher Prince, l'assurance renouvelée de tous mes sentiments d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

76.

Varsovie, le 27 Juin (9 Juillet) 1844.

Je Vous remercie bien sincèrement, mon cher Prince, pour Votre lettre si amicale du 6 Juin. Vos prévisions se sont réalisées: notre Maître adoré est en effet revenu dans sa capitale, dès que Sa Majesté eût appris le danger qui menaçait Madame la Grande Duchesse Alexandra. Vous ne sauriez imaginer la part que presque tout le monde prend ici à la santé de cette adorable Princesse. On est avide de ses nouvelles, et tous ceux qui ont quelques relations avec St. Pétersbourg sont interrogés avec anxiété; on commente chaque mot des lettres qui en parlent. Moi-même je suis malheureusement depuis assez long temps sans informations directes. Je me berce toujours de l'espoir d'une amélioration dans l'état de l'Auguste malade, et puisse cet espoir se réaliser bientôt! D'un autre côté, connaissant l'amour si tendre, que Leurs Majestés L'Empereur et l'Impératrice portent à toute Leur Famille, je crains que leur précieuse santé ne soit altérée par les inquiétudes et par les soins qu'Elles donnent à une Fille si justement chérie.

Cette triste préocupation a influé hier sur la célébration de l'anniversaire de la naissance de L'Empereur; le temps même était loin d'être favorable. Aussi j'ai contremandé la fête qui avait été préparée pour le soir à Lasenki. J'attends avec la plus vive impatience des nouvelles; donnez m'en, mon cher Prince, le plus promptement possible; je Vous en serai très reconnaissant.

Je viens de recevoir de la Convention de cartel, échangée contre celle de Sa Majesté Impériale. Je l'expédie, par le courrier d'aujourd'hui au ministère des affaires étrangères. Enfin voilà cette affaire réglée, et j'espère que nos relations avec la Prusse y gagneront, et seront bientôt rétablies sur le pied où elles étaient du temps du feu Roi.

Je Vous suis très obligé des quelques mots que Vous m'avez dits, mon cher Prince, sur les affaires du Caucase. Ils m'ont donné au moins une idée de l'état des choses. Vous savez que je porte toujours le plus grand intérêt à ce qui se passe dans ce pays.

En terminant je veux encore Vous remercier pour la communication que Vous m'avez adressée au sujet de la faveur que Sa Majesté a daigné accorder à mon gendre Balascheff. Hélas il en recevra la nouvelle déjà après la mort de ma pauvre fille. Dieu m'a infligé cette perte douloureuse; cette jeune femme a succombé à Rome à de longues souffrances.

Adieu, mon cher Prince, et croyez à la sincérité de mon attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

77.

Varsovie, le 27 Juillet (8 Aout) 1844.

Votre lettre, mon cher Prince, n'a fait que me confirmer dans mes tristes pressentiments sur la douleur qu'éprouvent L'Empereur et l'Impératrice de voir les souffrances de Madame la Grande Duchesse Alexandra se prolonger. Que le Tout-Puissant soutienne Leurs Majestés dans cette cruelle épreuve, et Leur donne la consolation d'assister bientot aux joies d'une convalescence. Puisse cet heureux moment être rapproché!

Les pluies continuelles, une fonte considérable de neige dans les Carpathes, ont porté les eaux de la Vistule à une hauteur prodigieuse; ses deux rives sont inondées au loin. Les dégats ont été très considérables; nous avons été obligés à de nombreux sacrifices pour donner provisoirement une assistance aux malheureux, restés sans domicile. Il leur faudra ensuite des secours efficaces. Les dévastations ont été non moins importantes dans les ouvrages publics. Vous recevez aujourd'hui, mon cher Prince, un office sur celles qui ont eu lieu dans la forteresse de Nowo-Georgiewsk. Quoique je parte, le 30 Juillet, pour faire une inspection à Brzesc, Kiew, Hommel, Dünabourg et Kowno, je Vous serai très obligé *de me faire parvenir, le plus promptement possible à Varsovie* les ordres de Sa Majesté sur

les réparations à faire, car il est indispensable que l'on prenne sans perte de temps les arrangements nécessaires pour commencer les travaux.

Vous avez eu la nouvelle de l'attentat contre le Roi et la Reine de Prusse. Je n'ai pu rien apprendre encore sur les véritables résultats de l'enquête commencée contre l'assassin. Je soupçonne cependant que les sociétés secrètes l'ont poussé au crime en exaltant ses mauvaises passions. Puisse cet acte odieux ouvrir les yeux au Roi et à ses alentours sur la voie dangereuse dans laquelle ils sont engagés.

J'ai été fort sensible au témoignage d'intérêt personnel que Vous et Madame la Princesse Tschernischeff m'avez donné à loccasion du malheur qui m'a frappé. Veuillez en agréer mes sincères remerciments et croire à tous mes sentiments d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

78.

Kowno, le 26 Août 1844.

C'est à Homel, mon cher Prince, que j'ai reçu Votre lettre du 31 Juillet et l'affrense nouvelle de la mort de Madame la Grande Duchesse Alexandra. J'en ai éprouvé une profonde douleur et elle a été généralement partagée. Cette perte est en effet à jamais déplorable: quiconque a eu seulement le bonheur de connaître cette charmante Princesse sentira vivement le vide que laisse sur la terre la disparition de cet Ange de douceur, de grâce, d'esprit et de beauté.

Que le Tout Puissant soutienne dans cette rude épreuve Leurs Majestés et ne permette pas que leur santé en soit atteinte. Déjà L'Empereur s'est montré dans cette occasion comme dans les autres, grand de courage et de résignation chrétienne. Sa douleur de père tendre ne l'empèche pas de veiller aux soins de l'Empire que Dieu lui a confiée. Notre Maître adoré, comme Vous me le faisiez pressentir: a daigné Lui-même, de Tsarskoe-Selo, me faire parvenir ses ordres sur les affaires pendantes.

D'après ce que j'apprends de Varsovie, là même les Polonnais s'associent avec empressement au deuil général. Un service divin a été célébré, en mémoire de la défunte Grande Duchesse à la cathédrale catholique; une foule considérable y assistait, et dans les rues on ne voit jusqu'à présent que robes noires.

Je viens d'achever par une grande manoeuvre mes inspections de l'armée. Je suis généralement très satisfait de l'état dans lequel j'ai trouvé les trou-

pes. Leur tenue est partout excellente; les hommes ont bonne mine, sont bien équipés et bien exercés. Vous verrez du reste par mes observations de détail, le degré comparatif de perfectionnement auquel ces qualités ont été portées dans chaque régiment.

L'horison politique se rembrunit en Europe, la guerre du Maroc et la question de Taïti compliquent la position de la France envers l'Angleterre, en excitant les passions populaires. Je suis très impatient de connaître comment tout cela ce dénouera.

Je pars dans quelques heures pour Varsovie et j'espère que Vous aurez la complaisance de ne pas tarder à me donner de Vos nouvelles.

Adieu, mon cher Prince, chargez Vous de mes hommages empressés pour Madame la Princesse Tschernischeff, et croyez à mon sincère et constant attachement.

Prince de Varsovie.

79.

Varsovie, le 25 Septembre (7 Octobre) 1844.

J'ai été très sensible, mon cher Prince, aux deux bonnes lettres que Vous m'avez adressées, l'une par le retour de mon feldjaeger, l'autre pour m'imformer que Sa Majesté L'Empereur avait daigné confirmer la destination de mon fils pour les bureaux de la guerre. Je Vous en remercie bien sincèrement. Les détails dans lesquels Vous êtes entré dans la première de ces lettres sur la santé de Leurs Majestés, ont eu un intérêt de coeur pour moi; la seconde m'a été une preuve de vos dispositions amicales, par la facilité que Vous avez obtenue pour mon fils d'attendre, d'une manière utile à son avenir, le développement de ses forces physiques.

Je viens d'achever les manoeuvres que j'ai fait exécuter aux troupes réunies dans le camp près de Varsovie; elles se sont terminées par le passage, sur des pontons de la Vistule, et par un simulacre du siège et de la défense de Nowo-Géorgiewsk. Vous verrez mon rapport préliminaire à cet égard et je ne veux y ajouter ici: qu'en général j'ai été très satisfait des troupes et de ceux qui les commandaient. Le tir de la forteresse à boulets et à bombes s'est exécuté avec un succès d'autant plus louable, que c'était la première fois qu'il était essayé.

Ce que Vous m'avez dit sur le Caucase et où je n'ai trouvé que la confirmation des bruíts qui m'étaient parvenus, m'a causé un véritable chagrin. Des forces si considérables avaient été mises à la disposition du Comman-

dant en chef, que longtemps j'avais espéré au contraire des succès brillants. Quelque part que l'on fasse aux obstacles que présente le sol et le climat, aux difficultés inhérentes à ce pays, il est impossible de ne pas accuser dans son coeur, celui qui laisse périr dans ses mains, des moyens d'action aussi puissants. Puisse au moins le découragement ne pas gagner cette armée du Caucase, qui toujours s'est battu avec tante de valeur, lors même que de mauvaises dispositions l'empêchaient de vaincre.

Les Français ont été plus heureux que nous; leurs succès assurent non seulement la pacification de l'Algérie, mais les débarassent d'une guerre qui à la longue les l'ut compromis avec l'Angleterre.

J'ai appris avec une peine bien véritable la mort du Comte de Benckendorff. C'était un serviteur fidèle et dévoué réellement à l'Empereur; pour moi son souvenir se rattache aux premiers débuts de ma carrière.

Veuillez Vous chargér de mes hommages les plus empressés pour Madame de Tsernischeff, et croyez, mon cher Prince, à tout mes sentiments d'attachement.

Prince de Varsovie.

80.

Varsovie, le 24 Obtobre (5 Novembre) 1844.

Je Vous remercie, mon cher Prince, de Votre bonne lettre. C'est avec la plus vive satisfaction que j'ai appris que la santé de Sa Majesté L'Empereur avait éprouvé, dans ces derniers temps, une amélioration sensible. Vous savez mon dévouement personnel à notre Maîre adoré et combien par conséquence j'attache de prix à être exactement informé de son retour à une tranquillité d'âme, qui doit réagir favorablement sur sa constitution physique.

Vous aurez eu sans doute connaissance de la découverte que nous avons faite ici d'un nouveau complot communiste. J'en rends commpe aujourd'hui en détails à Sa Majesté, et j'en écris au Comte Orloff. Cette découverte Vous prouvera que je suis loin de mener une vie paisible. En effet presque tous les jours, j'ai à m'occuper des symptômes, plus ou moins évidents, des tentatives que l'on fait pour réveiller dans le Royaume des idées revolutionnaires. En me rapportant à 5 ou 6 années en arrière, je dois avouer que nous avons joui à cette époque, d'une tranquillité comparativement bien plus grande. Il est impossible de ne pas attribuer ce mauvais changement à l'effet produit par l'influence du

Grand Duché de Posen, où le Gouvernement Prussien a eu l'imprudence de provoquer des manifestations de nationalité polonaise. Les remontrances que le Cabinet a adressées alors aux Etats, n'ont eu d'autre conséquence que de faire naître le désir de lui arracher, par la force ou la ruse, des concessions. C'est dans un semblable moment que l'administration locale, liée par une soi-disante légalité, est à peu près privée de tout moyen d'une repression efficace, et que l'on laisse de plus aux journaux et à la librairie la faculté de propager, presque librement, les doctrines anarchiques. Où tout calà mènera-t-il? Certainement à une crise, dont l'issue sera toujours déplorable.

Nous n'avons pas de l'extérieur de nouvelles qui méritent la peine de Vous être rapportées: aussi il ne me reste, mon cher Prince, qu'à Vous prier de présenter mes hommages les plus empressés à Madame de Tschernicheff, et recevoir l'assurance réitérée de tous mes sentiments d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

Mon fils se loue beaucoup de l'accueil bienveillant que Vous avez eu la bonté de lui faire, et je ne veux pas, mon cher Prince, manquer l'occasion de Vous en témoigner toute ma reconnaissance.

81.

Varsovie, le Novembre 1844.

Je n'ai pas de nouvelles à Vous donner, mon cher Prince, et cependant je ne veux pas laisser partir le courrier sans Vous adresser au moins qulques lignes. Je craindrais une interruption dans notre correspondance amicale; Vos lettres m'offrent trop d'intérêt pour que je Vous donne l'exemple de les supprimer.

Vous ne pouvez attendre de moi, par le temps qui court, la communication d'événements importants au dehors. Depuis plusieurs mois la politique est en vacance et se repose. Les gazettiers eux-mêmes se battent les flancs pour remplir les vastes colonnes de leurs feuilles, et ne parviennent pas à exciter un peu d'intérêt.

Quant à l'intérieur, je ne puis que Vous répéter ce que je Vous ai tant de fois écrit à ce sujet: la tranquillité régne à la surface du pays; mais l'esprit public est bien mauvais. Cette triste tendance à l'anarchie politique est autant le résultat du caractère des polonais eux-mêmes, que des

leçons et des exemples de nos voisins. Il faut donc se résigner à rèprimer, et à réprimer, toujours.

J'envoie aujourd'hui à Sa Majesté L'Empereur un rapport sur la clôture du jugement militaire, auquel ont été soumis les individus compromis dans la découverte faite en 1843 d'une associtiou révolutionnaire, ainsi que sur la sentence qui a été portée dans cette affaire. Eh bien, il nous reste encore à châtier incessamment d'autres criminels politiques, et je crains bien que nous ne soyons longtemps dans la même position.

Tout cela n'est pas nouveau pour Vous, mon cher Prince; aussi je ne veux pas abuser de Votre temps, et je me borne à Vous renouveler l'assurance de mon sincère attachement, et à Vous demander d'offrir mes hommages empressés à Madame la Princesse Tschernischeff. Ma femme me charge également de mille choses pour elle et pour Vous, mon cher Prince. Elle s'associe également aux remerciements que je Vous ai déjà adressés pour l'accueil que Vous avez bien voulu faire à mon fils et le recommande à Votre bienveillance.

Prince de Varsovie.

82.

Varsovie, le 13 (25) Décembre 1844.

Je Vous remercie, mon cher Prince, de m'avoir consacré quelques instants d'un temps aussi bien employé que le Vôtre, pour me donner des nouvelles qui ont pour moi un grand intérêt. Je sais fort apprécier ce sacrifice.

Immédiatement après la réception des ordres de L'Empereur que Vous m'avez transmis, je me suis occupé à prendre les dispositions nécessaires pour que les troupes que Sa Majesté daignera inspecter au printemps prochain, puissent se trouver sur les lieux qui ont été désignés. Ce travail est déjà achevé.

Les enquêtes motivées par la découverte du dernier complot se poursuivent avec activité. Les individus qui sont prévenus, déposent qu'ils comptaient sur un soulèvement simultané dans le Grand Duché de Posen et en Galicie, et je ne doute pas qu'en effet la population de ces provinces ne soit également travaillée par les émissaires de la propagande révolutionnaire. Sous ce rapport le discours prononcé à Paris par Adam Czartoryski, le jour de l'anniversaire de la révolte de Varsovie, est remarquable. Sous sa réthorique, on découvre que la faction qu'il dirige, aussi bien que le parti dé-

mocratique, avait fait recommander la petite guerre, celle des bandes armées qui devaient signaler leur apparition par le meurtre des employés, des propriétaires et le massacre des soldats dans leurs cantonnements, et de plus qu'il comptait sur une prochaine prise d'armes. Je sais que depuis longtemps des instructions avaient été rédigées dans ce sens. On en a depuis imprimé un grand nombre d'exemplaires, et nous en avons saisi beaucoup qui nous venaient de la Posnanie. J'ai averti, comme d'habitude, le Gouvernement Prussien et celui de Galicie, des découvertes que nous avons faites à cet égard, leur abandonnant du reste de prendre les mesures qu'ils jugeraient les plus convenables dans leur propre intérêt.

Nous n'avons pas du dehors de nouvelles importantes. Les Cortès Espagnoles ont déféré au Ministère le droit de réprimer l'administration par ordonnances. Saura-t-il en profiter pour rendre la paix à ce malheureux pays; c'est ce que je souhaite plus que je ne l'espère.

Je Vous suis très obligé, mon cher Prince, de vouloir bien Vous occuper de mon fils. Je Vous prie également d'exprimer à Madame la Princesse ma reconnaissance et celle de ma femme, pour les bontés qu'elle a pour lui, et croire à tous mes sentiments d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

83.

Varsovie, le 16 (28) Janvier 1845.

Au milieu de nombreuses et graves occupations dont je suis surchargé, je ne puis, mon cher Prince, que Vous adresser quelques lignes, et celà uniquement pour Vous informer que je suis décidé à partir, dès les premiers jours de Fevrier, pour aller porter moi-même aux pieds de Sa Majesté L'Empereur mes rapports et recevoir de notre Maître adoré les ordres qu'Il daignerait me donner.

Je me réserve, mon cher Prince, le plaisir de causer avec Vous sur tant d'affaires qui nous intéressent également. Je veux seulement ajouter, que c'est avec une vive satisfaction que j'ai appris la nomination définitive du Comte Worontzoff. Je suis sûr qu'il retablira nos affaires du Caucase. Il a tout ce qu'il faut pour réussir.

Recevez, cher Prince, l'assurance renouvelée de mon sincère atachement, et veuillez Vous charger de mes hommages respectueux pour Madame Tschernischeff, en attendant que je puisse les lui porter.

Prince de Varsovie.

84.

Varsovie, ce 19 Avril (1 Mai) 1845.

Veuillez, mon cher Prince, recevoir mes remerciements bien sincères pour Votre lettre du 6 Avril. Je l'ai lue avec le même plasir que j'ai toujours à recevoir de Vos nouvelles.

Ce que Vous me dites sur les dispositions ordonnées par Sa Majesté l'Emperenr, concernant le 4-me Corps, m'était déjà connu.

Je suis heureux de Vous dire, mon cher Prince, que la généreuse sollicitude que notre Maître adoré daigne vouer au bien-être de la troupe, l'a pénétrée d'une profonde gratitude et entretient chez le soldat un élan qui dénote mieux que toute chose l'excellent esprit dont il est animé.

Jusqu'à présent l'état sanitaire des régiments qui se trouvent ici est satisfaisant.

Je partage pleinement, mon cher Ppince, l'impression pénible qu'ont produit sur Vous les événements qui se passent en Prusse cependant, il faut le dire que depuis les arrestations qui ont eu lieu à Posen, on s'y est un peu calmé, ou du moins y est-on moins bruyant. Je souhaite que cela dure.

Vous êtes bien aimable, mon cher Prince, d'avoir offert à mon fils de faciliter sa correspondance. Vous voyez que je profite de Votre obligeance en plaçant sous Vos auspices la lettre ci-jointe que je lui écris. Veuillez, je Vous prie, la lui faire expédier par Votre prochain courrier et recevez en d'avance mes remerciements. J'y joins l'assurance réitérée de mon sincère et inviolable attachement.

Prince de Varsovie.

85.

Varsovie, le 25 Mai (6 Juin) 1845.

Vous avez successivement reçu, mon cher Prince, des nouvelles de l'arrivée et du séjour de Sa Majesté L'Empereur à Varsovie. Je ne Vous rapporterai donc pas en détails, la manière dont notre Auguste Maître a utilisé le peu de jours qu'Il a pu donner à l'inspection des troupes réunies ici, et à son Royaume de Pologne. Sa Majesté a été, comme toujours, d'une activité prodigieuse. Elle s'est montrée très bienveillante, et j'oserai dire, d'une grande indulgence.

L'Empereur a passé en revue les régiments de toutes les armes, et a daigné, à plusieurs reprises, leur exprimer Sa haute satisfaction. La grande parade, ainsi que les revues partielles, ont été favorisées par un temps superbe, auquel on ne pouvait guère s'attendre par celui qui avait immédiatement précédé l'arrivée de Sa Majesté.

Elle a inspecté également en détail et avec son coup d'oeil de connaisseur, les forteresses de Novo-Georgiewsk, d'Ivangorod, de Brzesc-Litowski et la citadelle de Varsovie. Toutes les nouvelles constructions ont mérité Son Auguste suffrage. L'Empereur a trouvé même que la plupart des bâtiments pouvaient servir de modèles aux travaux qu'effectuent les architectes civils.

Toutes les fois que Sa Majesté a paru en public, il y a eu un grand concours de population; les environs du palais de Lazenki ne désemplissaient pas, et dimanche une représentation théâtrale ayant été donnée à l'amphithéâtre ouvert, pour le Prince de Hesse, quelques disaines de mille hommes s'étaent assemblés dans les jardins. L'Empereur les a parcourus longtemps, seul dans une petite voiture ouverte, comme du reste Il l'avait déjà fait les jours précédents. Sa Majesté a été accueillie par les respects de la foule. Je ne dirai pas que nous ayons été parfaitement tranquilles pendant ce temps; mais Vous connaissez l'Empereur, Il ne veut pas de gardes, ni aucun empêchement de l'approcher.

D'Iwangorod Sa Majesté a fait une excursion a Pulavvy pour y voir l'Institut des demoiselles, placé sous la haute protection de Sa Majesté L'Impératrice. La tenue de cette maison d'éducation, la manière d'être de ces jeunes filles, a rencontré les suffrages de l'Empereur. Sa Majesté a daigné permettre qu'elles l'entourassent et lui servissent de guides dans les jardins. L'Empereur a été d'une bonté indicible pour elles, et Sa visite à l'Institut y laissera de longs et d'heureux souvenirs. De Brzesc L'Empereur est parti pour Kiew. Le 22 Mai, j'ai reçu un courrier qui m'annonçait que Sa Majesté renonçait à continuer sa route; qu'Elle retournerait par le Royaume et du faubourg de Prague prendrait la grande chaussée de Kowno. Je suis allé de suite au devant de Sa Majesté à Milosna; mais dès le lendemain j'étais persuadé que, dédaigneuse des obstacles, Elle avait persisté dans sa résolution d'aller à Kiew. En effet j'ai reçu aujourd'hui un courrier de cette ville, et il m'apprend, que notre Auguste Maître a été très satisfait des troupes du 4-me corps, et qu'Il a daigné accorder au général Tchéodaew le cordon de St. Alexandre.

L'état de la santé de L'Empereur etait très satisfaisant au moment où Il quittait Brzesc, et le Comte Orloff m'a écrit explicitement la même

chose de Nowgorod-Wolynski. Les ravages faits sur les routes par les inondations du printemps, avaient fait hésiter sur la continuation du voyage. L'Empereur n'ira pas à Bobrouisk et de Kiew se dirigera directement sur la capitale, où Vous aurez, dans quelques jours le bonheur de revoir Sa Majesté.

En terminant, je veux Vous adresser, mon cher Prince, une demande. Ma femme est très inquiète sur notre fils: aussi ayez la complaisance d'ordonner que les lettres de sa part qui pourraient parvenir à Pétersbourg, par les courriers du Comte Worontzow, me fussent expédiées sur le champ. Je Vous serai de plus très obligé de me communiquer les nouvelles indirectes que l'on recevrait sur mon jeune homme.

Veuillez Vous charger de mes respectueux hommages pour Madame la Princesse, et croire à mon sincère et constant attachement.

Prince de Varsovie.

86.

Varsovie, le 14 Juin 1845.

Votre lettre du 6 Juin m'a causé, mon cher Prince, un sensible plaisir en m'apportant la confirmation, que Sa Majesté L'Empereur avait été satisfait des troupes qu'Elle avait daigné inspecter, pendant Son dernier voyage, tant à Varsovie qu'à Kiew, ainsi que de nos travaux de fortification.

Notre Auguste Maître a été tellement gracieux pour moi, que je conserve le souvenir le plus reconnaissant de son séjour ici, et Vous concevez combien je suis heureux de voir que Sa Majesté a emporté une impression agréable du temps qu'Elle a passé ici.

Vous allez à Votre tour être très occupé par les manoeuvres des corps de la Garde Impériale et des grenadiers, d'autant plus que cette année-ci elles seront exécutées sur une très grande échelle. La perfection à la quelle ces troupes d'élite ont atteint pour la tenue et l'éxercice, ne laisse certainement plus rien à désirer, et ne peut même être approchée par les régiments des autres corps. Les opérations militaires que l'on va entreprendre, seront une excellente école de mouvements stratégiques pour les officiers supérieurs et auront ainsi une incontestable utilité.

Je Vous suis très obligé des nouvelles que vous me donnez sur les dispositions préliminaires si sages et si prévoyantes qu'a prises le Comte Worontzow. J'espère qu'elles lui vaudront de véritables succès.

Il est très aimable à Vous, mon cher Prince, de Vous être prêté de si bonne grâce à favoriser la correspondance de mon fils avec sa mère et moi. Je Vous en suis très-reconnaissant.

Nous n'avons rien appris, dans ces derniers jours d'intéressant de l'extérieur, ni je n'ai rien à Vous mander de l'intérieur. Ainsi d'après le proverbe „pas de nouvelles, bonne nouvelle“.

Je souhaite de tout mon coeur un heureux voyage à Madame de Tschernischeff et à Mesdemoiselles vos filles, et tout succès dans leur cure aux eaux. Pour Vous, mon cher Prince, je Vous prie d'agréer l'assurance de mon constant et invariable attachement.

Prince de Varsovie.

87.

Varsovie, le 17 (29) Juillet 1845.

J'ai reçu, mon cher Prince, votre lettre du 24 Juin, et vous avez eu parfaitement raison de dire qu'à cette veille de l'anniversaire de la naissance de Sa Majesté l'Empereur nos voeux étaient communs pour la prospérité, la gloire et le bonheur de l'Auguste Maître que nous servons, et qui nous a tous deux comblé de ses bienfaits. Puissent ces voeux partagés par tant de millions d'hommes, être exaucés par le Tout-Puissant.

C'est avec un vrai plaisir que j'ai appris les premiers succès du Comte Woronzoff et les sages mesures qu'il a prises pour se les assurer. J'attends avec impatience le résultat de sa campagne. Qu'il ait ou non le bonheur de forcer Schamil à se mesurer avec ses troupes, toujours il aura atteint un grand but celui de détruire le prestige de ses anciens succès. Le temps et la persévérance feront le reste.

Je Vous suis sincèrement obligé, mon cher Prince, de l'attention qui Vous a porté à m'instruire que mon fils a assisté au brillant combat d'Andy. Puisque Sa Majesté Impériale a daigné l'honorer du titre de Son aide-de-camp, je suis bien aise qu'il s'initie un peu à l'art de la guerre, et qu'avec le temps il puisse justifier cette faveur.

Il est très aimable à Vous de vouloir bien permettre que notre correspondance passe sous Votre couvert, et je me permets de placer sous Vos auspices obligeans mes lettres pour le Comte Woronzoff et mon jeune homme.

Adieu, mon cher Prince, recevez l'assurance de mon sincère et inaltérable attachement.

Prince de Varsovie.

Выписка изъ письма гр. Воронцова.

.... Je n'ai ni recompensé, ni nommé aucun des miens excepté ceux de mes Aides de Camp, qui ont été avec le général Hourko, et employés par lui dans un moment assez critique sous les balles et les pierres, que l'ennemi faisait rouler du haut de la montagne pour arrêter notre poursuite et protéger la retraite de ceux des leurs, qui n'étaient pas encore parvenus au sommet. En revenant de notre expéditon du 20, nous avons vu cette partie de la montagne et les amas de grosses pierres, qui avaient été préparées sur une distance de plus d'un quart de werste, et qui nous auraient tué beaucoup de monde, s'ils avaient pu continuer à se servir de ce moyen; heureusement que le général Hourko étant sur les lieux mêmes et voyânt le mal qu'on commençait à nous faire, ordonna aux Géorgiens et aux Chasseurs les plus avancés malgré leur fatigue et leur essouflement, de gravir tout droit ce nouvel escarpement, pour en chasser l'ennemi; le général Fock et le colonel Albrandt furent chargés de mener nos vaillans soldats dans cette nouvelle tâche difficile et dangereuse, et s'en acquittèrent parfaitement;—nos gens grimpèrent pour ainsi dire à 4 pattes et les Lesguines s'enfuirent honteusement dès qu'ils virent s'approcher de la crête les plus avancés, parmi lesquels se trouvaient les deux chefs que je viens de nommer. Le jeune Paskiewitch dans cette affaire et dans les petites attaques de cavalerie, qui ont eu lieu le 20, s'est bien montré le veritable fils de son père, et digne du glorieux nom qu'il porte.

88.

Varsovie, le 3 (15 Août) 1845.

Profitant de Votre obligeante autorisation, je prends la liberté, mon cher Prince, de placer sous Vos auspices une lettre pour mon fils.

Je suis très inquiet à son sujet; il avoue souffrir de la poitrine depuis qu'il respire l'air froid des montagnes. Cet aveu atténué dans la lettre qu'il m'a écrite, est plus explicite dans celle adressée à ses soeurs, et connaissant combien peu il aime à se plaindre, je dois envisager son état comme assez grave.

Cette considération me porte, mon cher Prince, à Vous prier de solliciter auprès de Sa Majesté l'Empereur pour mon fils l'autorisation, une fois la campagne finie, de venir se reposer et soigner sa santé directement à Varsovie et d'y rester trois mois.

Je suis persuadé que votre amitié pour moi Vous décidera à Vous rendre l'organe de ce voeu auprés de notre Auguste Maître.

Agréez, cher Prince, l'assurance renouvelée de tous mes sentimens dèvoués.

Prince de Varsovie.

89.

Homel, le 19 Septembre 1845.

Veuillez bien me pardonner, cher Prince, de ce que je ne vous ai pas écrit de **Елисаветградъ**. Après le départ de l'Empereur je me suis empressé de venir ici à Homel, où je suis plus près de Pètersbourg; et c'est d'ici que Vous recevrez cette lettre.

La revue fut magnifique. L'Empereur était content. Les troupes qui étaient rassemblées à **Елисаветградъ**, sont superbes et se prétaient bien aux manoeuvres. La cavalerie est bien entretenue et bien exercée. L'infanterie du 1-r corps m'a étonné. Elle est non seulement superieure à ce qu'elle était il y a deux ans, mais elle a même surpassé toutes les attentes. De toutes les armes l'artillerie à cheval n'était pas toujours heureuse. Une des manoeuvres de toutes les troupes ensembles a réussi à merveille. C'était une manoeuvre vraiment imposante, allait avec un ordre admirable et S. M. était plus que contente.

Nous avons ici des nouvelles que l'Empereur a fini la revue de la flotte et est à present à Чугуевъ, et que S. M. part de là le 23 ou le 24.

Adieu, cher Prince, recevez le témoignage de mon amitié.

Prince de Varsovie.

90.

Varsovie, le 5 (17) Octobre 1845.

Je Vous ai écrit, mon cher Prince, quelques lignes de Homel, et je puis aujourd'hui ouvrir ma correspondance en Vous informant que l'état de la santé de notre Maître adoré était parfaitement satisfaisant, il y a quelques jours, lorsque j'eus le bonheur de rencontrer Sa Majesté Impériale à son passage par le Royaume pour se rendre en Italie.

Elle a traversé dans la nuit du 28 Septembre Cracovie, spontané-

ment illuminée; mais le secret de son voyage avait été assez bien gardé pour qu'on n'ait pas eu le temps d'envoyer de Vienne un personnage pour la saluer à son arrivée sur le sol autrichien.

J'ai du entretenir l'Empereur de la difficulté dans laquelle nous nous trouvo: s relativement aux approvisionnemens de l'armée, à cause de la hausse extraordinaire dans le prix des grains, et j'ai porté à la connaissance de Sa Majesté que les vivres et les fourrages seuls couteraient en 1846, au moin un million de roubles argt. plus que l'année présente.

L'Empereur a daigné consentir à cette augmentation du budjet de l'armée et je Vous en ai officiellement écrit. Je Vous ai prévenu de même qu'une quantité d'articles secondaires ne sont pas entrés dans cette supputation préalable de nos besoins. J'ai du également solliciter et j'ai obtenu de Sa Majesté, qu'il serait immédiatement mis à ma disposition les 285 mille roubles argt. qui avaient été éventuellement désignés pour l'exercice de 1845, et les 200 mille roubles que le Département des approvisionnemens nous reste devoir aprés l'épuration de nos comptes. Je Vous ai donc fait la demande de cet argent: Telle est cependant, mon cher Prince, la pénurie dans laquelle se trouve l'Intendance, que je regarderai comme une faveur personnelle le soin que Vous voudriez bien prendre de ne pas retarder d'un instant l'expédition de ces 485 mille roubles. Autrement l'administration militaire comme les troupes elles mêmes éprouveraient de grands embarras.

Ne croyez pas, mon cher Prince, que je puisse fournir à l'armée une avance sur le trésor de Pologne comme je l'ai fait quelques fois. Cette année-ci comme la précédente, a été tellement désastreuse pour le pays par les inondations et la disette que les impôts n'ont pu rentrer aussi régulièrement que par le passé, et que nous avons de plus été obligés de fournir de larges secours pour empêcher que l'on ne meure de faim et pour que l'on puisse ensemencer la terre.

Vous voyez donc que je n'ai pas d'autre ressource que celles que j'attends du Ministère de la guerre; que je suis obligé d'insister vivement auprès de Vous sur l'envoi immédiat de ces 485 mille roubles, et de faire même un appel à Votre amitié pour nous tirer d'embarras.

Vous savez que j'ai fait des économies toutes les fois que cela a été possible, même dans les années de disette partielle; mais celle-ci sera rude à traverser: assistez nous donc de toute manière.

Je compte sur Vous, mon cher Prince, et je Vous prie d'agréer l'assurance réitorée de tous mes sentimens d'attachement.

Prince de Varsovie.

91.

Varsovie, le 27 Novembre (9 Décembre) 1845.

Un feldjaeger passe aujourd'hui de Palerme pour se rendre à Pétersbourg, et je veux profiter au moins de cette occasion, mon cher Prince, pour Vous demander de rendre compte à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Césarewitsch-Héritier, qu'il ne s'est passé rien, ici qui soit digne d'être porté à Sa connaissance. Tout est tranquille et les enquêtes que l'on poursuit n'ont encore amené la découverte d'aucun fait qui n'ait été connu ou clairement prévu.

Agréez, mon cher Prince, l'assurance réiterée de mes sentimens d'attachement invariable.

Prince de Varsovie.

92.

Varsovie, le [1]) Novembre 1845.

Je Vous suis très reconnaissant, mon cher Prince, de l'empressement que Vous avez mis à expédier à l'Intendance de l'armeé, l'argent que je Vous avais demandé avec l'autorisation de Sa Majesté l'Empereur. Cet argent nous est parvenu à temps et nous a considérablement aidé dans les dispositions nécessaires pour l'approvisionnement de l'armée. Hélas, ce sera une année bien dure à passer. La disette est bien réelle, le renchérissement des vivres est très considérable et les prix augmenteront encore. Nous comptions dans le pays sur la récolte des pommes de terre qui a été généralement bonne; mais voilà qu'ils se gâtent dans beaucoup d'endroits; nos ressources s'en trouvent d'autant diminuées.

Je conçois tous les embarras que Vous donne, dans pareille circonstance, le réglement du budjet de la guerre, dans un momemt encore où les affaires du Caucase demandent de nouveaux sacrifices. Il est ainsi des cas où l'habileté ne suffit pas; que Dieu Vous vienne donc en aide.

Ma lettre que je tiens prête Vous sera portée par le feldjaeger que j'attends de Palerme. Vous aurez donc les nouvelles les plus fraîches de leurs Majestés Impériales. Les dernières que jai reçues étaient aussi satisfaisantes qu'on pouvait l'espérer, et je désire bien ardemment que l'amé-

---

[1]) Числа нѣтъ.

lioration qui s'est fait sentir dans la santé de l'Impératrice aille toujours en augmentant.

Ce que Vous m'avez dit, cher Prince, sur Monseigneur le Grand Duc Héritier ne m'a pas étonné. Toutes les fois que j'ai eu le bonheur d'approcher Son Altesse Impériale je lui ai reconnu une grande lucidité de pensées et un vif désir du bien. Avec cela, et des qualités de coeur, on réussit infailliblement.

Que voulez-Vous que je Vous dise sur la Pologne; rien de bon, rien de nouveau. Les mêmes aberrations de l'esprit politique existent toujours, et nous obligent à des arrestations lorsqu'elles se manifestent au dehors; à cela vient se joindre la misère causée par les mauvaises saisons qui se sont succédées, et Vous voyez que notre état ici n'a rien de satisfaisant.

Adieu, cher Prince, croyez à mes sentimens d'invariable attachement.

Prince de Varsovie.

P. S. Je Vous ai informé, mon cher Prince, par la dernière poste que pour obtenir une économie assez notable, je m'étais résolu à transferer du Royaume, dans les Gouvernemens de Pultava et Czernigow, la 2-me division de la cavalerie légère. Comme Vous pourriez recevoir cet avis plutôt par le courrier, j'ai cru devoir le répéter ici.

Prince de Varsovie.

93.

Varsovie, le 4 (16) Janvier 1846.

Vous receviez si exactement, mon cher Prince, des courriers pendant le séjour que Sa Majesté l'Empereur a daigné faire à Varsovie, que je n'ai eu aucune nouvelle à Vous communiquer. J'espère que notre Auguste Maître aura heureusement achevé son immense voyage, et que dêjà Dimanche dernier Vous L'aurez vu arriver en bonne santé.

Ici je suis aux prises avec la chereté des vivres. Dans le rayon des cantonnemens du 2-me et du 4-me Corps, je suis obligé de payer 2 roubles et jusqu'à $2^1/_2$ r. de plus par tschetwert de blé, que le prix normal. Aussi avec les diminutions obtenues dans les autres endroits, je pourrai *avec bien de la peine* et cela peut-être encore suffir avec les sommes additionnelles que l'Empereur a daigné accorder pour les vivres de l'armée.

Vous allez recevoir, mon cher Prince, communication des rapports que j'ai eu le bonheur de soumettre ici à Sa Majesté Impériale sur diverses

branches du service militaire, et des ordres qu'Elle m'a donnés. Je sais que je n'ai pas besoin de Vous recommander les dispositions qui sont encore nécessaires.

Il n'y a rien d'intéressant à Vous mander de ce pays; nos voisins de Posen, de la province de Prusse et de la Gallicie sont aux prises avec les projets des révolutionnaires qu'ils ont laissé murir. Ils n'ont pas voulu jusqu'à présent ajouter foi aux menées de la propagande. Il a fallu pour les reveiller la conviction qu'une prise d'armes était flagrante.

Je comprends facilement toutes les difficultés que, cette année surtout, Vous avez à vaincre pour alinier votre budjet. Que Dieu protège l'Empire, et Vous accorde, cher Prince, dans l'année qui commence, santé et prospérité.

Agréez avec mes voeux sincères pour Vous et Madame la Princesse, l'assurance de mon constant attachement.

Prince de Varsovie.

94.

Varsovie, le 29 Janvier (10 Fevrier) 1846.

Nous nous sommes ici bien franchement associés à la joie générale qu'a excité à Pétersbourg l'heureuse nouvelle des fiançailles de madame la Grande Duchesse Olga avec Mgr. le Prince héréditaîre de Wurtemberg. Dieu veuille bénir cette union et la rendre invariablement fortunée. Certainement jamais Princesse plus accomplie, plus angélique, ne montera les degrés d'un trône, et je suis heureux d'apprendre que son Auguste Fiancé donne par ses qualités les plus belles espérances, et qu'il est digne du bonheur qui lui tombe en partage. Il va être bien envié, et Vous avez raison, cher Prince, que ceux qui pouvaient prétendre à cette haute fortune s'en mordent les doigts.

A part cet heureux événement, je conçois combien Vous avez de soucis, de travail pour parer à tous les besoins de nos nombreuses armées. Il faut du reste espérer que l'année qui commence sera moins dure à passer et que les nouvelles récoltes feront cesser les besoins des populations et les charges qu'ils imposent au trésor de l'Etat. A l'ouverture de la navigatiou le commerce reprendra son essor et comme il profitera déjà de plusieurs réductions dans le tarif anglais et surtout sur le suif et les cuirs, peut-être le pays s'en ressentira-t-il avantageusement.

Il n'y a rien de bien nouveau ici, ni ailleurs; les enquêtes continuent

chez nos voisins. Les tentatives subversives, heureusement avortés, les rendront plus prudens à l'avenir.

Je Vous remercie, mon cher Prince, de l'accueil bienveillant que Vous avez bien voulu faire à mon fils, et je Vous prie de croire à mon sincère et constant attachement.

Prince de Varsovie.

95.

Varsovie, le 10 (22) Fevrier 1846.

Vous recevez aujourd'hui, mon cher Prince, une communication qui Vous informera que j'ai été obligé de concentrer un bataillon du régiment des chasseurs de Krementschoug sur la frontière de Cracovie. Notre Président m'avait rendu compte que l'agitation révolutionnaire était telle dans la ville libre que, réuni en conférence avec ses Collègues d'Autriche et de Prusse, ils avaient décidé qu'il fallait demander à leurs Gouvernements de faire occuper militairement la ville libre pour raissurer les habitans paisibles et prévenir les scènes de désordre qui paraissaient imminentes. Depuis des appels directs ayant été faits aux jeunes gens de se tenir prêts à prendre les armes, on a fait entrer le détachement Autrichien qui se trouvait à Podgorze, séparé de l'Etat neutre par la Vistule. Dés lors il y aura un moyen suffisant de maintenir la tranquillité publique. Cependant je laisse notre bataillon sur la frontiére et j'ai réservé au Baron d'Ungern-Sternberg le droit de l'appeler, en cas d'urgence, dans la ville libre ou son territoire, et de diriger l'action du commandant de ce bataillon, le Colonel Mengden, sous les ordres duquel j'ai fait placer aussi un petit détachement de Cosaques.

Vous aurez vu par une publication de la gazette de Berlin, que l'on a découvert à Posen un nouveau complot révolutionnaire et que l'on a fait des arrestations dans la classe la plus élevée de la société. Notre Chargé d'affaires m'écrit que l'on a saisi neuf individus au milieu de leur conciliabule, et que l'on a trouvé des papiers importans et des sommes assez considérables d'argent sur les conjurés.

Du reste je n'ai pas grande chose à vous dire, et je vous prie, mon cher Prince, de croire à mon sincère et constant attachement.

Prince de Varsovie.

96.

Varsovie, le [1]) Fevrier 1846.

Je n'ai pas eu le temps de Vous écrire hier, mon cher Prince, en expédiant mon courrier à l'Empereur. Mais je sais que Vous lisez tous mes rapports, ainsi Vous êtes parfaitement au fait des événemens qui ont eu lieu à Cracovie et dans le Royaume.

Quoique d'après les bruits qui courent l'insurrection se soit étendue à plusieurs endroits de la Galicie, il semble que les Autrichiens se sont retirés de la ville libre devant les bandes armées qui rendaient leur position assez difficile. On prétend que ces rassemblemens montent à 8 mille hommes, accourus non seulement de la campagne, mais de la Galicie, de la Hongrie et des Carpathes.

Vous verrez que j'ai pris des mesures pour réunir dans quelques jours une force assez considérable à Kielce, sous le commandement du général Panioutine qui agira d'aprés les circonstances.

Je Vous remercie de votre bonne lettre et des nouvelles qu'elle contient.

N'ayant pas de feldjaeger, j'expédie un simple gendarme; mais il est habitué aux voyages, et il ira mieux qu'un officier.

Recevez, mon cher Prince, l'assurance de mon sincère attachement.

Prince de Varsovie.

97.

Varsovie, le 15 (27) Avril 1846.

Je ne veux pas laisser partir le courrier sans vous adresser, mon cher Prince, au moins quelques mots.

Le Général Berg est arrivé hier. Il a déjà rendu un compte détaillé de sa mission, aussi je ne Vous en entretiendrai pas. Il se plaint d'une courbature, et d'être très fatigué de son séjour à Berlin. Il a été obligé de se mettre au lit. Les Prussiens exécutent leur promesse d'extradition relativement aux refugiés qui ont quitté Cracovie en armes.

Excepté quelques individus qui ont trouvé moyen de fuir de la Silini, (?) ces révolutionnaires subiront donc la peine qu'ils ont encourue.

---

[1]) Числа нѣтъ.

En Posnanie les enquêtes continuent et dureront longtemps. En Gallicie l'ordre se rétablit peu à peu, quoique diverses versions nous parviennent à cet égard. Une proclamation Imperiale vient d'accorder quelques concessions aux paysans dans leurs rapports avec les propriétaires, et menace de faire exécuter sévérement les lois contre ceux qui se refuseraient à remplir leurs devoirs.

Chez nous, l'ordre n'a pas été troublé, mais il nous reste beaucoup à faire.

Je Vous remercie, mon cher Prince, de l'envoi régulier de fonds. Dieu merci, le prix des vivres commence à baisser, et nous avons l'espoir d'une bonne récolte pour cette année-ci.

Recevez, cher Prince, l'assurance des sentimens de mon invariable attachement.

Prince de Varsovie.

98.

Varsovie, le 26 Août (7 Septembre) 1846.

Je suis depuis quelques jours à Varsovie; le voyage de Homel a été fatiguant par les grandes chaleurs, qui ont influé quelque peu sur ma santé. Ayant cependant pris une connaissance détaillée des affaires de l'administration, je m'empresse d'adresser un rapport à Sa Majesté l'Empereur sur l'état dans lequel j'ai trouvé le Royaume de Pologne. Sachant que Vous lisez, mon cher Prince, toutes mes notices je ne Vous en donnerai pas ici le résumé.

La garnison de Varsovie ayant été renouvelée pendant mon absence, j'ai voulu également l'inspecter, et aujourd'hui je l'ai fait défiler en parade devant moi. J'ai été généralement satisfait de l'état dans lequel j'ai trouvé ces troupes.

Les enquêtes politiques se poursuivent dans le Grand Duché de Posen, en Gallicie, et à Cracovie. Il parait qu'elles ne seront de longtemps encore terminées. La tranquillité n'a pas été troublée dans ces provinces pendant ces derniers mois; mais je ne saurai dire si l'esprit public s'y est amélioré.

Je ne Vous parle pas de politique générale. Vous êtes mieux instruit que moi à cet égard, et aucun événement ne s'est passé récemment, qui méritât de Vous être signalé.

Adieu, mon cher Prince, et agréez l'expression renouvelée de tous mes sentimens d'attachement.

Prince de Varsovie.

99.

Varsovie, le 15 (27) Octobre 1846.

Je viens de recevoir de Madame la Grande Duchesse Hélène une lettre qui m'invite à faire parvenir par estaffette, celle que Son Altesse Impériale adresse à l'Empereur. Je m'empresse d'obéir à cet ordre, et je Vous prie, mon cher Prince, de remettre cette lettre à Sa Majesté Impériale, et de faire envoyer à Madame Apraxine celle qui lui est destinée. Toute cette expédition avait été apportée de Vienne à Cracovie par le lieutenant des feldjaegers Otto, et de là acheminée par estafette.

Je profite avec empressement de cette occasion pour Vous renouveler, mon cher Prince, l'assurance de tous mes sentimens d'attachement.

Prince de Varsovie.

100.

Varsovie, le 10 (22) Novembre 1846.

Enfin la république de Cracovie a été supprimée du nombre des Etats Européens. C'est le 4 (16) Novembre qu'a eu lieu la prise de possession au nom de l'Empereur d'Autrîche.

Sans l'énergie qu'a montrée notre Auguste Maître nous aurions, mon cher Prince, attendu longtemps encore une mesure dont l'urgence a été depuis longtemps reconnue. On sentait cependant généralement qu'il était impossible de souffrir à nos portes un centre constant d'intrigues révolutionnaires que l'administration de ce petit Etat n'avait aucun moyen efficace de reprimer, lors même qu'il en aurait eu la meilleure volonté, et nous savons que tel n'a pas toujours été le cas.

La crainte des deux Puissances constitutionnelles a fait bien assez longtemps reculer l'Autriche et la Prusse et sans la ferme décission de Sa Majesté Imperiale de ne pas permettre de plus longs delais, on eût encore laissé échapper le moment opportun.

Je m'attends à des criailleries lors de l'ouverture des Parlemens, et à de magnifiques tirades prononcées par les bavards des deux côtés de la Manche. Mais après tout on en restera là et nous savons déjà ce que vallent les protestations.

C'est l'émigration qui est véritablement atteinte, et on dirait que dans

la prévision de ce coup, elle a déployé une nouvelle activité par l'envoi de nombreux émissaires.

J'avais dicté ces considérations, lorsqu'un courrier de Vienne a apporté la triste nouvelle de la mort de Madame la Grande Duchesse Marie Michailowna.

Cette perte cruelle, quoique déjà prévue nous a tous d'autant plus vivement affecté, que nous savons la profonde douleur qu'éprouvent Monseigneur le Grand Duc Michel et Madame la Grande Duchesse Hélène. La santé même de leurs Altesses Impériales en est malheureusement affectée. Que le Tout-Puissant vienne à leur aide et leur inspire ses consolations.

Adieu, mon cher Prince, agréez l'assurance renouvelée de tous mes sentimens de sincère attachement.

Prince de Varsovie.

101.

Varsovie, le 30 Avril (12 Mai) 1847.

Votre bonne lettre du 16 Avril m'a causé, mon cher Prince, un véritable plaisir, en me confirmant que la santé de notre Auguste Maître était rétablie et que celle de Sa Majesté l'Impératrice s'ameliorait. Que Dieu daigne veiller sur des jours aussi précieux.

Vous n'attendez pas de moi un résumé complet de la situation des choses à Berlin. L'agitation politique est aggravée par la disette, et les partis occultes en profitent pour porter le peuple aux désordres. Il n'y a pas eu de nouveaux excés dans la capitale; mais dans plusieurs localités, et surtout dans le Grand Duché de Posen, l'incendie est venu se joindre au pillage. Tout cela est d'un voisinage fort incommode. Une tribune politique à nos portes eut été, dans tous les cas, un inconvénient, et il vient de s'y produire de plus des questions de nationalité polonaise qui ne peuvent manquer d'avoir du retentissement chez nous. Cependant tout est tranquille.

Je me suis acquitté, mon cher Prince, avec empressement de la commission que Vous avez bien voulu me donner, et Madame la Grande Duchesse Hélène m'a chargé, avec beaucoup de bienveillance de ses salutations pour Vous.

Son Altesse Impériale part demain pour Vienne. Monseigneur le Grand Duc Michel l'accompagne jusqu'à la frontière, et ira ensuite voir les forteresses de Zamosc et d'Ivangorod. Sa santé est très bonne, et celle de Madame la Grande Duchesse a éprouvé une véritable amélioration.

Je viens de recevoir, et fort à propos, la nouvelle que le calme s'établit à Cracovie et dans ses environs. Depuis quelque temps déjà on n'a plus eu de désordre à déplorer.

Je n'ai plus ici, mon cher Prince, de feldjaegers et je Vous serai très-obligé de m'en envoyer, dans l'occasion qui pussent rester en disponibilité.

Chargez-Vous de mes hommages empressés pour Madame la Princesse Tschernischeff, et croyez, mon cher Prince, à mon ancien et sincère attachement.

Prince de Varsovie.

102.

Varsovie, le 27 Mai (8 Juin) 1847.

J'ai reçu, mon cher Prince, Votre bonne lettre du 23 Mai, et comme mon courrier Vous trouvera encore à St. Pétersbourg, je m'empresse de Vous remercier de tous les détails que Vous voulez bien m'y donner, et de Vous exprimer, combien je désire sincérement que le voyage que Vous allez entreprendre, profite à Votre santé. Vos incessans et importans travaux Vous feront, je l'espère, même jouir du peu de jours de repos que Sa Majesté l'Empereur daigne Vous accorder.

Je n'entrerai pas ici dans des détails sur les derniers événemens; ils sont trop fastidieux. Dans ce Royaume tout est tranquille.

Conservez moi, mon cher Prince, un bon souvenir, et croyez à la constance de mon sincère attachement et à mes sentimens dévoués.

Prince de Varsovie.

103.

Varsovie, le 18 (30) Mars 1849.

J'envoie aujourd'hui, au lieu d'un feldjaiger, un courrier du Ministére des affaires étrangères qui était venu à Varsovie. Prévoyant que l'Empereur pourrait déjà être parti pour Moscou, je Vous adresse, mon cher Prince, un office qui résume mon rapport à Sa Majesté Impériale, et je Vous prie d'avoir la bonté de le faire expédier à Sa haute destination.

Le télégraphe Vous aura, je l'espère, informé des deux victoires remportées consécutivement par le Maréchal Radetzki. Cette courte campagne

le couvre de gloire et promet les plus heureux résultats. J'en ai éprouvé le plus vif plaisir. Puissent les affaires de Hongrie prendre une tournure semblable. Jusqu'à présent, il n'y a malheureusement pas à se féliciter de la manière dont cette guerre est conduite.

Dans le Royaume tout est tranquille; mais l'état de nos voisins inspire naturellement des soucis.

Adieu, mon cher Prince, et recevez l'assurance réitérée de mon invariable attachement.

Prince de Varsovie.

104.

Varsovie, le 28 Avril (10 Mai) 1849.

Доложено Его Величеству 1 Мая 1849 г.

Je n'ai que le temps de Vous remercier, mon cher Prince, de Votre bonne lettre du 23 Avril. Les rapports que le Général Berg Vous adresse Vous instruiront de l'état des choses en Autriche. Il est encore plein de danger. Si Welden a le talent de défendre sa position pendant quelques jours, l'arrivée de nos troupes, la concentration des renforts que l'on fait venir de tous cotés, empêcheront probablement la chûte de Vienne. Le jeune Empereur a fait un acte de courage, en venant dans la capitale à penie calmée. C'est d'un heureux augure pour l'avenir.

Je ne Vous parlerai pas de toutes les mesures militares que j'ai prises. Elles sont toutes consignées dans ma correspondance officielle.

Je suis heureux de savoir l'arrivée de Sa Majesté prochaine. Sa présence ici levera bien des scrupules, rendra toutes les décisions faciles.

Je Vous prie de croire, mon cher Prince, à tous mes sentimens d'attachement pour Vous.

Prince de Varsovie.

105.

Varsovie, 20 Mai (1 Juin) 1849.

J'ai lu, mon cher Prince, avec un bien vif intérêt l'apprécation si lucide que Vous m'avez communiquée sur les évènemens qui ébranlent aujourd'hui la majeure partie des Etats de l'Europe jusque dans leurs fondements. La lèpre de la démagogie s'étend et détériore tout. A peine

quelques symptômes consolants se produisent-ils quelque part, qu'il y a sur un autre point aggravation du mal. Vous savez qu'en France les élections n'ont pas répondu à l'attente générale, et on nous écrit de Paris que le M-l Bugeaud avoue que l'esprit des soldats va en se détériorant, et qu'il pousserait à provoquer, par la présentation des lois repressives, un nouveau conflit avec les républicains purs, pour profiter du temps où l'on peut encore compter sur la troupe.

Vous êtes déjà instruit de tout ce que se rapporte au séjour à Varsovie de l'Empereur d'Autriche. J'ajouterai que ce jeune Souverain a laissé ici une impression généralement favorable par son tact, sa dignité et une précoce maturité d'esprit. Le moment, où il a pris congé de notre Auguste Maître, a été réellement attendrissant, par la manière cordiale avec làquelle il a exprimé sa reconnaissance et son admiration pour Sa Majesté Impériale.

Le Prince Schwarzenberg m'a paru comprendre la position difficile dans laquelle se trouve l'Autriche, et ses manières comme son langage annoncent de la fermeté de caractère, si nécessaire dans le temps présent.

Nous avons discuté le plan de campagne que nous entreprenons en Hongrie, et que vous connaissez déjà. L'Empereur met une belle et nombreuse armée à ma disposition, mais je ne me fais aucune illusion sur les difficultés de tout genre que présente cette guerre. Déjà j'en ai à combattre une bien grave. Nous étions convenus avec le Gouv-t Autrichien que de grands magasins d'approvisionnement seraient formés à Jardanow, Dukla, Krósno, Jasto. Aujourd'hui il se trouve qu'ils sont à peu près vides et ne contiennent pas même la 10-me partie de ce qui nous avait été promis.

J'avais prévu cette impuissance. J'ai amoncelé des provisions; mais nos moyens de transport pour des quantitées et des distances semblables, sont insuffisants. J'en demande à cor et à cri; si je n'en obtiens pas, nous serons forcément obligés de retarder notre entrée en campagne. Vous savez que je ne consentirai jamais à faire manquer des opérations militaires par le défaut des subsistances.

La citadelle d'Ofen a été prise par les insurgés le jour même où l'Empereur d'Autriche arrivait ici. La trahison de deux bataillons italiens et de quelques polonais semble avoir amené cette catastrophe; mais aussi comment laisser dans une place forte qu'on savait ne pouvoir secourir de si tôt des troupes dont la fidélité pouvoit seulement être douteuse. L'armée de Weldan a obtenu des renforts considérables; elle se compose aujourd'hui de 70 mille hommes et il peut parfaitement rester sur la défensive jusqu'à votre arrivée.

Adieu, mon cher Prince, et recevez l'assurance réitérée de mon sincère et constant attachement.

Prince de Varsovie.

106.

Varsovie, le 3 (15) Octobre 1851.

En envoyant à Varsovie le feldjäger qui a attendu ici Madame la Princesse Tschernischeff, vous avez bien voulu, mon cher Prince, me demander des nouvelles de ma santé. Le retard qu'a éprouvé l'arrivée de la Princesse, et par·là le retour du feldjäger qui l'accompagne, m'a fait remettre jusqu' aujourd'hui les remerciments que je Vous dois pour l'intérêt amical que Vous avez bien voulu me témoigner. Quant à l'état de mon pied, il s'améliore progressivement; mais la plaie ne s'est pas encore fermée et continue ainsi à me priver de l'usage de ma jambe et à me tenir cloué a mon fauteuil.

Je fais des voeux, mon cher Prince, que Madame la Princesse Tschernischeff achéve heureusement son voyage à Pétersbourg et qu'elle Vous y trouve en bonne santé, et je profite avec plaisir de cette même occasion pour Vous réitérer l'assurance de ma haute considération et de mon sincère dévouement.

Prince de Vasrovie.

107.

Homel, le 7 Septembre 1852.

En éprouvant le besoin de Vous exprimer toute ma reconnaissance pour Votre lettre du 1-r Septembre, il m'est pénible de voir, mon cher Prince, que nos relations journaliéres qui durent un quart de siècle, ne seront plus aussi fréquentes que par le passé; mais elles n'en resteront pas moins amicales.

Vous avez quitté le Ministère, mon cher Prince, avec la douce persuasion de l'avoir laissé dans un état prospère, Vous emportez, avec vous les regrets de toute l'armée et l'histoire ne laissera pas passer sous silence toutes les améliorations qui ont été faites pendant ces 25 années dans l'administration militaire.

En Vous félicitant, mon cher Prince, de la nomination de Votre fils comme Aide-de-Camp de Notre Maître adoré, je Vous prie de me rappeler

au souvenir bienveillant de Madame la Princesse et agréez, mon cher Prince, l'assurance réitérée de mes sentiments dévoués.

Prince de Varsovie.

108.

Varsovie, le 8 (20) Octobre [1]).

Mon cher Prince.

Le départ de mon fils me donne l'occasion, de Vous remercier, encore une fois, pour l'obligence amicale que Vous avez mise a lui permettre de rester avec moi trois semaines de plus que son congé ne le comportait. Je Vous demande pardon, mon cher Prince, d'avoir pris sur moi, de le garder quelques jours de plus, l'état vraiment affligent, où se trouve ma femme, à la suite de la perte cruelle qu'elle a faite, est mon excuse.

Ma santé n'est pas très bonne, je souffre souvent des yeux, et je m'en vais maintenant me reposer pour quelques jours à la campagne.

Je profite, encore de cette occasion, pour me rappeler, au souvenir de la Princesse.

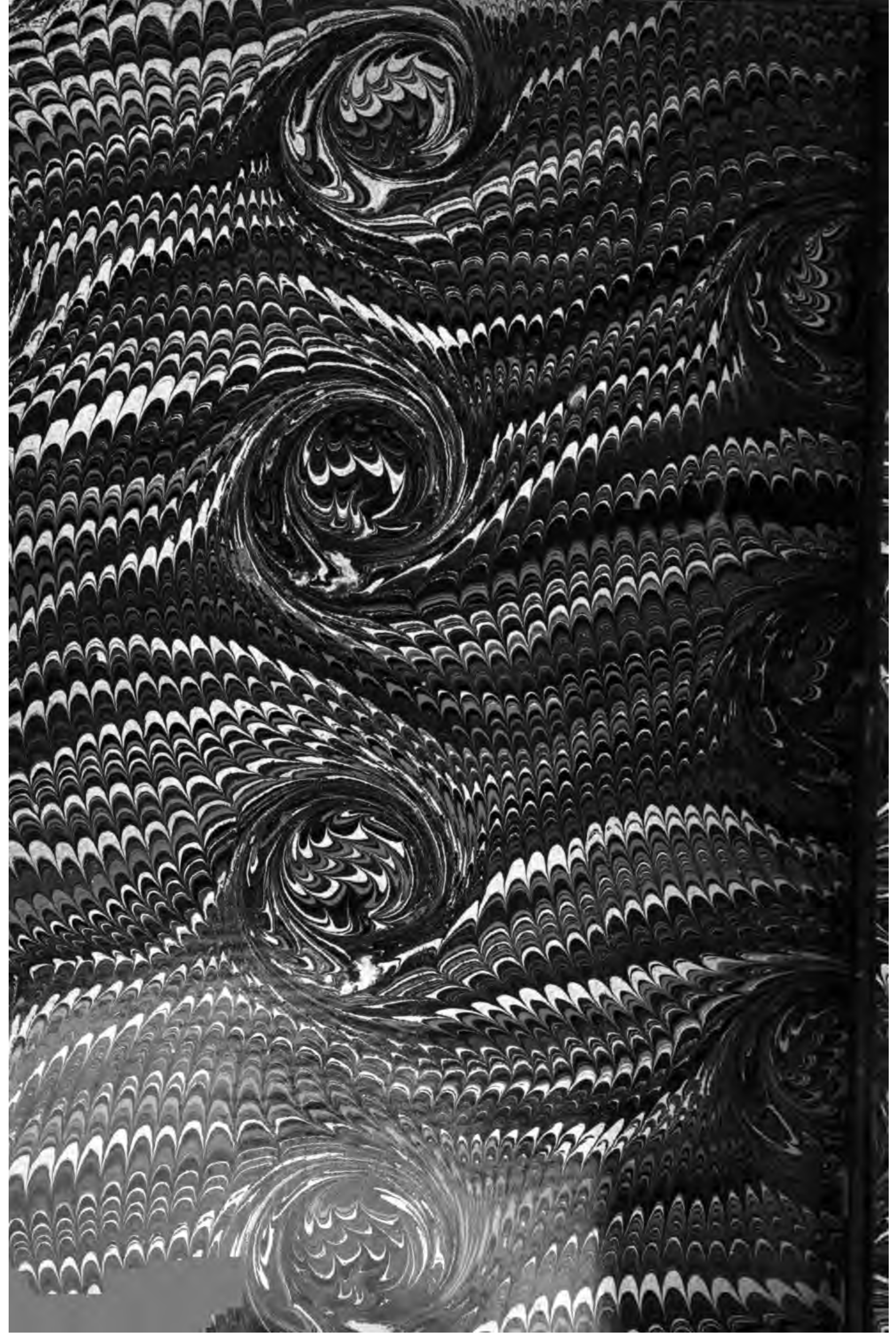
Agréez, cher Prince, l'assurance de ma parfaite amitié.

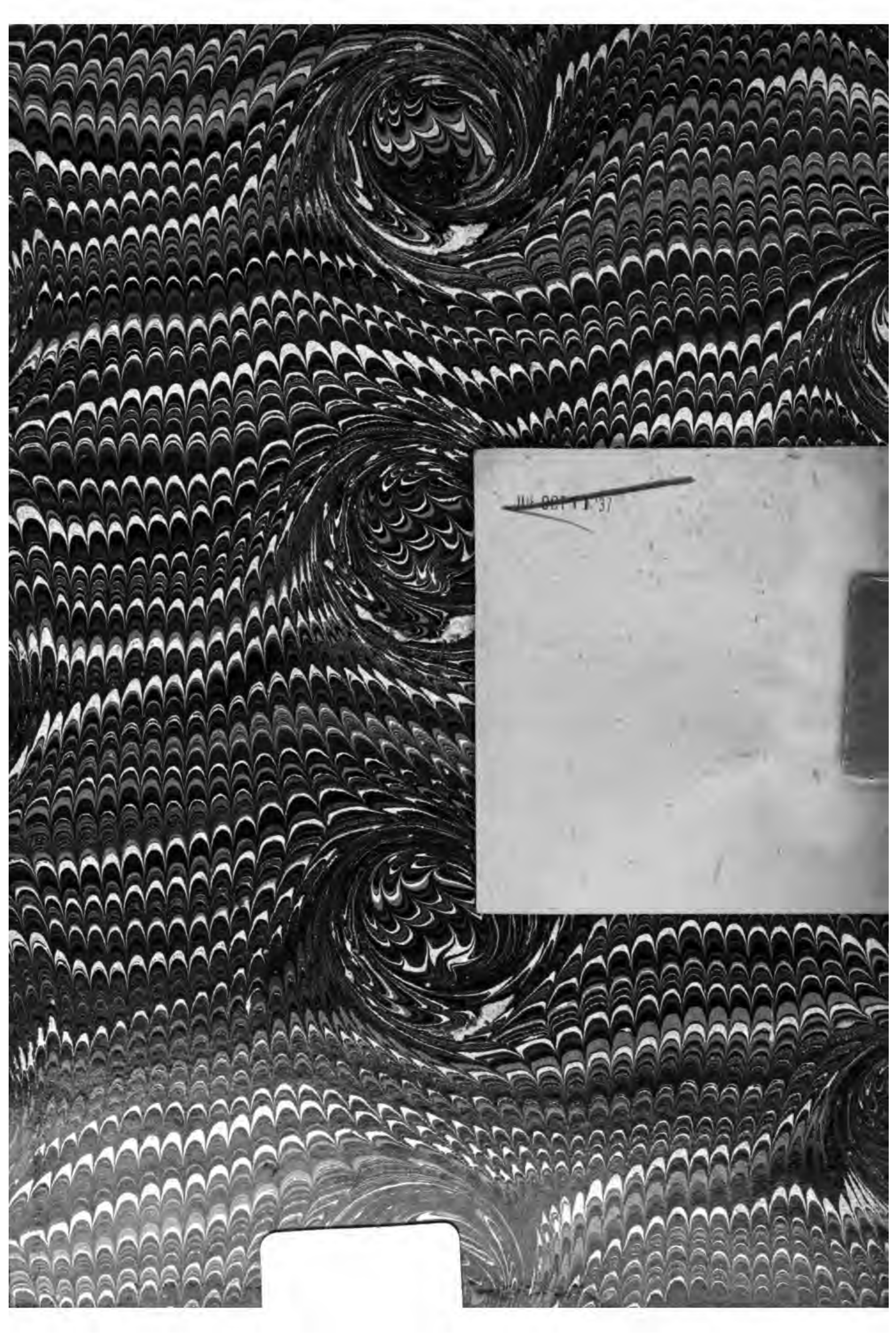
Prince de Varsovie.

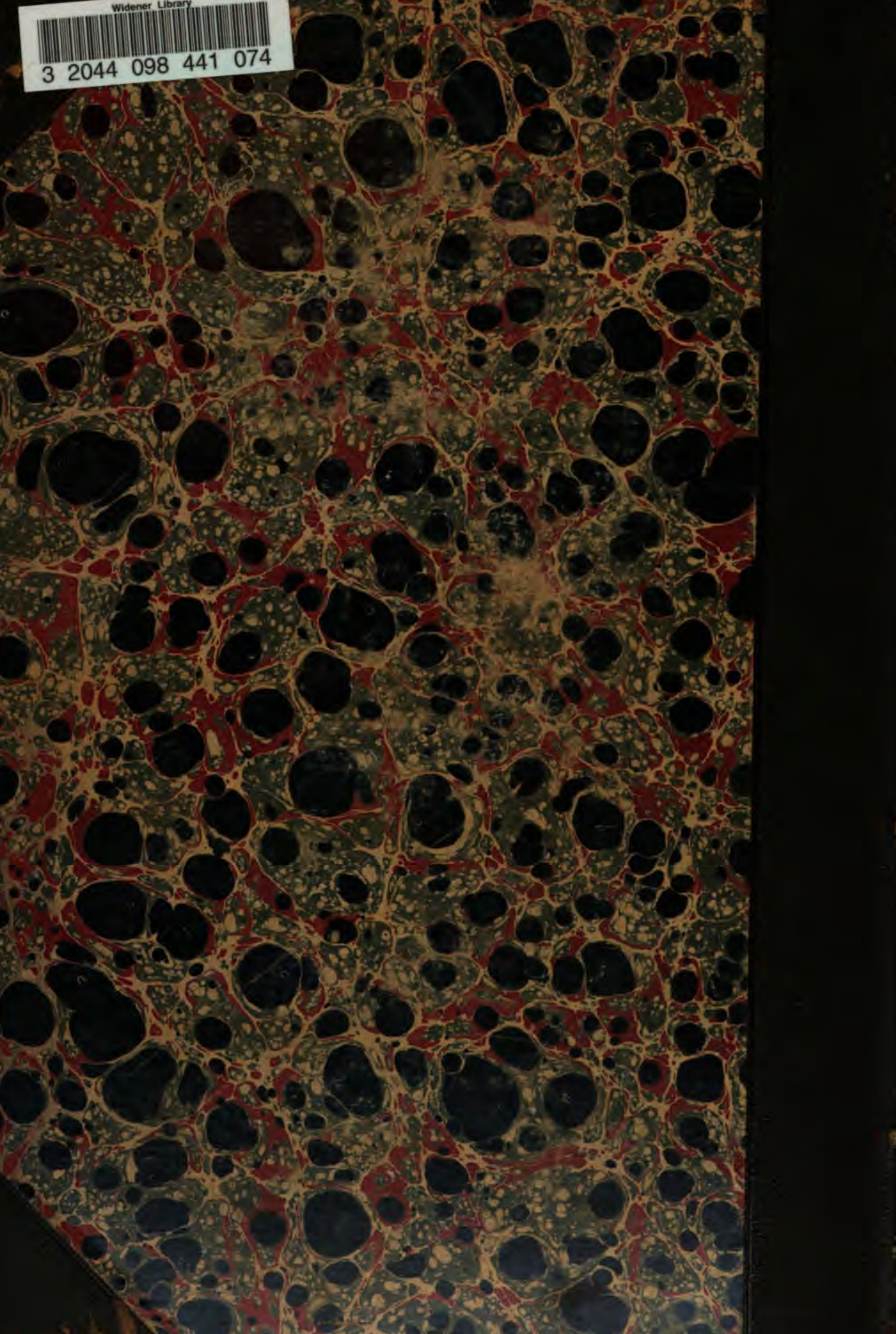
---

[1]) Года нѣтъ.

Указатель его двадцать перваго тома.

Widener Library
3 2044 098 441 074